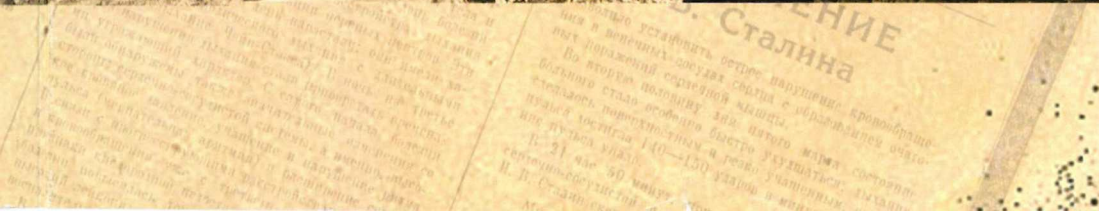

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МАССОВЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР
1953–2013: 60 лет без Сталина.

Осмысление прошлого
советского государства

Материалы VIII Международной
научной конференции

II часть

КРАСНОДАРСКОЕ КРАЕВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«РОССИЙСКОЕ ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ,
ПРАВООЗАЩИТНОЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО
«МЕМОРИАЛ» (РОССИЙСКИЙ «МЕМОРИАЛ»)
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФОНД РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ
ВАГИТА АЛЕКПЕРОВА «НАШЕ БУДУЩЕЕ»

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР

1953–2013: 60 лет без Сталина.

Осмысление прошлого советского государства

Материалы VIII Международной
научной конференции

Часть II

Экоинвест
Краснодар
2013

УДК 63.3(2)615-4
ББК 94(470)«1930-1950»
II 78

Главный редактор:
доктор исторических наук *С. А. Кропачев*

Редакционная коллегия:
*А. В. Баранов, П. Е. Бойко, Н. Ф. Бугай, А. А. Вартумян,
А. В. Ващенко, А. Н. Еремеева, В. Н. Земсков, Е. Ф. Кринко,
С. А. Кропачев, К. Н. Максимов, В. П. Мотревич, С. Г. Осъмачко,
А. Ю. Рожков, Т. П. Хлынина, Н. Н. Шитюк*

II 78 Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Материалы VIII Международной научной конференции – Краснодар: Экоинвест, 2013. – 416 с.

Издание осуществлено за счет гранта Фонда региональных социальных программ Вагита Алекперова «Наше будущее»

ISBN 978-5-94215-190-4

VIII Международная научная конференция «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР» состоялась в г. Краснодаре в ноябре 2013 года по инициативе Краснодарского краевого отделения Российского общества «Мемориал» и Кубанского государственного университета при финансовой поддержке Фонда региональных социальных программ Вагита Алекперова «Наше будущее».

В настоящий 2-х томник вошло около 100 статей исследователей из России, Германии, Польши, Украины, Казахстана. В них поднимаются противоречивые проблемы советского прошлого и его осмысление за последние шестьдесят лет. Материалы конференции адресованы преподавателям, научным работникам, краеведам, аспирантам, студентам, всем, кто интересуется историей России XX века.

**УДК 63.3(2)615-4
ББК 94(470)«1930-1950»**

ISBN 978-5-94215-190-4 © Краснодарское краевое отделение общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал» (Российский «Мемориал»), 2013
© Кубанский государственный университет, 2013
© Экоинвест, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

VI. СИЛУЭТЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ	7
<i>Кринко Е. Ф.</i> Повседневность эпохи сталинизма: проблемы исследований	7
<i>Хлынина Т. П.</i> По ту сторону тоталитаризма: коммунальное жилье	18
<i>Фёдоров А. Н.</i> «Жизнь в эпоху перемен»: Гражданская война в России через призму повседневной жизни	29
<i>Романец Н. Р.</i> Насилие как повседневность: социальные и морально- психологические последствия массовых политических репрессий в украинском селе 1928–1936 гг.	37
<i>Язовник М., Язовник Л.</i> «Rem parvulam cognoscere» как методология истории террора (на примере села Гниловоды в восточных территориях Второй Речи Посполитой).....	48
<i>Зинич М. С.</i> Участие Центрального хранилища музейных фондов в розыске пропавших ценностей культуры	66
<i>Чуракова О. В.</i> Заложницы «большой политики». Браки, «осложненные иностраным элементом», в СССР в 40–50-е годы XX века	76
<i>Войнаровская Ю. В., Войнаровский О. В.</i> Население малых городов Поволжья в условиях авторитарного режима.....	82
VII. СУДЬБА И РЕШЕТКА	90
<i>Кропачев С. А.</i> Судьба профессора Рамзина	90
<i>Власов А. И.</i> Контакты ученых в условиях тоталитаризма: за гранью возможного (на примере В. И. Вернадского, А. Е. Ферсмана, П. Н. Чирвинского)	100
<i>Жанбосинова А. С.</i> Человеческие судьбы в молотилке репрессий	105
<i>Колтачихина О. Ю., Колтачихина Л. Л.</i> Политические репрессии в Институте физики АН УССР (на материалах следственных дел Л. Я. Штрума, В. К. Бернадского, А. Г. Гольдмана)	113

<i>Левченко В. В.</i> Судьбы ученых-историков Одессы в интерьере эпохи (1920–1953 гг.).....	124
<i>Лебедев А. В.</i> «Таких, как Генрих, на железных дорогах СССР всего три»: один эпизод из истории массовых политических репрессий на Ярославской железной дороге	132
<i>Трипутина Н. П.</i> Несломленный казачий дух: профессор Александр Прокофьевич Марков	140
<i>Михайлова Н. А.</i> История сквозь призму воспоминаний.....	148
<i>Москалев Б. Г., Москалева Н. П.</i> Незабытые имена: И. Проскуров и М. Волосюк (из фондов музея Харьковского национального технического университета сельского хозяйства им. П. Василенко)	153
<i>Крапивянский С. Н.</i> Н. Г. Крапивянский – русский офицер и красный командир	158
VIII. ВЕРА И ВЛАСТЬ	166
<i>Максимов К. Н.</i> Антирелигиозная политика советской власти в Калмыкии (1918–1928 гг.).....	167
<i>Михайлуца Н. И.</i> Прелюдия «решительного удара»: борьба с православием на юге Украины в 20–30-е гг. XX в. (Кампания, масштабы и последствия).....	178
<i>Табунщикова Л. В.</i> Антицерковная репрессивная политика органов НКВД на Дону в 30-е гг. XX в. (по материалам следственных дел).....	190
<i>Степанов А. Ф.</i> Политические репрессии 20–30-х годов в СССР: этноконфессиональные и социальные аспекты. (на примере Татарской АССР)	198
<i>Белоусов С. С.</i> Борьба властей с адептами религиозных организаций «Истинно православные христиане» и «Истинно православная церковь» в Калмыцкой АССР 1970–1980-е гг.	207
<i>Урядова А. В., Вьюшина Н. С.</i> Евангельские христиане-баптисты в борьбе за свои права в 1960–1970-е гг.	215

IX. ВОЙНА И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ.....	222
<i>Мотревич В. П.</i>	
Инакомыслие в уральской провинции в условиях военного времени (антисоветские листовки в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны).....	222
<i>Тумаков Д. В.</i>	
Рабочий протест на ярославских промышленных предприятиях начала 1940-х гг.: методы и причины	228
<i>Кодинцев А. Я.</i>	
Политическая преступность в годы Великой Отечественной войны	235
<i>Кузьминых А. Л.</i>	
Судебное преследование иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.).....	246
<i>Ленская В. В.</i>	
Нацистская парадигма школьного образования и ее практическое воплощение в рейхскомиссариате «Украина»	258
<i>Реброва И. В.</i>	
Поколенческий анализ (само)презентации «детей войны» в молодежной аудитории.....	268
<i>Романько О. В.</i>	
Против нацистов и коммунистов. Националистические партизанские движения в годы Второй мировой войны	277
<i>Бадмаева Е. Н.</i>	
Районы КАССР, не подвергавшиеся немецкой оккупации (лето и зима 1942 г.)	290
<i>Заблотский А. Н., Ларинцев Р. И.</i>	
17 апреля 1943 г. – «черный» день 3-го истребительного авиационного корпуса	298
<i>Бондарев В. А.</i>	
О противоборстве советского крестьянства и сталинского режима в 1945–1953 гг.	302
<i>Мудров С. Н.</i>	
Роль слухов в советской зоне оккупации Германии в 1945 г.	310
<i>Савенко Е. Н.</i>	
Молодежное инакомыслие в послевоенной Сибири (1945–1953 гг.)	317
<i>Гончарук О.</i>	
Интеллектуальные элиты и аппарат репрессий в Польше в 1948–1956 гг.	323

Х. БЕЗ СТАЛИНА	331
<i>Земсков В. Н.</i>	
Ситуация с заключенными в первые послесталинские годы	331
<i>Шитюк Н. П.</i>	
Первые шаги десталинизации в законодательстве СССР	341
<i>Попов А. Д.</i>	
«Шпионофобия» и развитие международных туристских связей СССР во второй половине 1950-х–1980-х гг.	353
<i>Смыкалин А. С.</i>	
Из истории диссидентского движения в СССР в 1950–1970-е гг.	359
<i>Еремеева А. Н.</i>	
Советская научная интеллигенция и диссидентское движение	363
<i>Суслов А. Ю.</i>	
Советская культура 1960-х и образ социалистов: проблема эволюции исторической памяти	372
<i>Аронова О. В.</i>	
К вопросу о причинах возникновения Берлинской стены.....	377
<i>Бажан О. Г.</i>	
Протестные акции населения Украинской ССР во времена хрущевской «оттепели»: формы, участники, масштабы	384
<i>Маслова Т. Ф.</i>	
Миграция на юге России в социальной памяти вынужденных переселенцев постсоветского периода	391
<i>Герасимова Е. А.</i>	
Чистопольская тюрьма и ее заключенные в системе пенитенциарных учреждений СССР в 1978–1991 гг. (по документальным источникам Чистопольской тюрьмы и воспоминаниям)	396
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	403
РЕЗОЛЮЦИЯ ВОСЬМОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР»	411
РЕЗЮМЕ	412
SUMMARY	414

VI. СИЛУЭТЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Кринко Е. Ф.

Повседневность эпохи сталинизма: проблемы исследований

Долгое время историки стремились обнаружить в прошлом проявления высоких чувств: гражданственности, патриотизма, мужества, верности долгу и других добродетелей, служивших делу воспитания подрастающих поколений. Особое значение придавалось выдающимся личностям, демонстрировавшим примеры выполнения человеком своего предназначения. Напротив, судьбы «незамечательных» людей чаще всего оставались в тени, хотя именно они и составляли то самое огромное большинство, определявшее, как считалось, ход мировой истории и голосов которого, как правило, не было слышно на страницах исторических работ. «Реабилитация» жизни и чувств обычных людей в последнее время сопровождается обращением исследователей к проблемам их повседневного существования. Это позволяет «увидеть» длинные промежутки истории, разобраться в мелочах жизни, в негероическом повседневном выживании», осмыслить не только правила и запреты, регулировавшие поведение людей, но и способы увиливания от них, на которых и держится повседневная жизнь [1].

Понятие «повседневность» в русском языке имеет значение будничности, привычности, обыденности, того, что происходит регулярно, изо дня в день, и поэтому само по себе ничем не примечательно. Вследствие этого повседневность выступает как совокупность общедоступных, хорошо знакомых явлений действительности, при этом совершенно неуловимых, с большим трудом репрезентируемых, верифицируемых и переводимых на язык научных понятий, что существенно осложняет ее изучение. Актуализация проблем повседневности обусловлена признанием ее фундаментальности, необходимости и неизбежности для существования человека как индивида, реализующего жизненные потребности. Каждому человеку необходимо уделять внимание своим повседневным заботам, что порождает неизбежность совершения тех или иных поступков и действий, вызывает соответствующие мысли и чувства. Постоянство воспроизводства повседневности как системы отношений и ценностей неизбежно заставляет все социальные институты, включая государство, «вписываться» в нее или, наоборот, подавлять ее.

Не менее важным признаком обыденного существования считается повторяемость, доходящая до цикличности и ритмичности времени и событий. В жизни большинства людей чередуются более или менее общие моменты (пробуждение, гигиенические процедуры,

прогулки или занятия спортом, приготовление и прием пищи, пребывание на работе, учебе или службе, возвращение домой, досуг и отдых, уборка и другие хозяйственные дела, отход ко сну). Существуют недельные, сезонные, годовичные ритмы жизнедеятельности, позволяющие человеку не задумываясь совершать разнообразные, но необходимые действия, облегчая удовлетворение существующих потребностей в привычных формах. Исследователи обращают внимание на замкнутость типичных пространств повседневности: домашнего – спальни, кухни, гостиной; учебного – аудиторий, лекционных и спортивных залов, рекреаций; производственного – офисных, производственных, складских, подсобных помещений [2]. Подобная локализация порождает соразмерность «рядовому» человеку повседневных задач и способов их решения. Устойчивость, выражающаяся в постоянстве окружающих вещей, а также социальных статусов и ролей, создающих привычную социальную структуру, сопровождается взаимозаменяемостью субъектов как их носителей и обеспечивает стабильное воспроизводство социальных отношений.

В отличие от других живых существ, поведение которых жестко запрограммировано инстинктами, человек сам создает собственный мир. Социологи отмечают, что в процессе формирования социального порядка, освоения определенной среды и привыкания к ней выработанные навыки человека «преобразуются в знания и умения, которые многократно воспроизводятся и воплощаются в материальных предметах. Это касается питания, одежды, продолжения рода, расположения жилища, распределения времени и т. п. – всего того, что принадлежит миру, близкому и знакомому для человека, миру, в котором он может свободно ориентироваться» [3]. Повседневность выступает результатом социального конструирования, вбирающего достаточно длительный исторический опыт, что придает обыденной жизни определенный консерватизм. Специфика повседневных форм жизнедеятельности выступает отличительным признаком социальной группы, основой для признания самобытности той или иной культуры. Резкая смена окружающих предметов и лиц, сложившихся прав и обязанностей, норм и правил, привычных способов их выполнения может приобрести значение настоящей катастрофы. В то же время именно в повседневной сфере возникают новации, определяющие направления социальных трансформаций.

Всеохватность повседневности, проникающей во все без исключения сферы человеческого существования, обуславливает целесобразность использования при ее анализе подходов, сложившихся в других науках. Феномен повседневности находится в центре внимания представителей различных областей гуманитарного и социального знания: философов и социологов, антропологов и культурологов. Современное понимание повседневности во многом опирается на принципы и основные положения феноменологической социологии

Э. Гуссерля и А. Шюца, этнометодологии Г. Гарфинкеля, теории прагматизма У. Джеймса, теории социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана, другие концепции и подходы.

В историографии обращение к проблемам повседневности было тесно связано с появлением работ представителей школы «Анналов» М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри и других историков. Свой путь в понимании повседневности предлагает микроистория как направление, обращающее внимание на судьбы отдельных людей, не попадающих в разряд «замечательных», или небольших социальных групп, локализованных в рамках определенного исторического времени и пространства. Возникнув в качестве реакции на упрощенные представления об общественных процессах, характерные для макроисторических и макросоциальных концепций, не оставляющих человеку свободы выбора, рассматриваемое направление использует микроанализ в качестве своеобразного «увеличительного стекла» или «микроскопа», позволяющего разглядеть существенные стороны явлений и событий, ранее оставшихся за пределами исторических исследований.

В советской историографии проблемы истории повседневности относились к малоизученным и, как правило, маргинальным сюжетам. Тем не менее отечественные медиевисты, прежде всего А. Я. Гуревич, разрабатывали проблемы средневековой истории и культуры с позиций, достаточно близких школе «Анналов». Немало внимания советские историки и обществоведы уделяли развитию образования и здравоохранения, формированию «социалистического образа жизни», складыванию новых форм досуга и быта граждан СССР. Однако приводимые ими сведения, как правило, выступали лишь второстепенными дополнениями, иллюстрировавшими процессы социалистического строительства, их изложение находилось под значительным влиянием идеологии. В частности, все проблемы в бытовой сфере объяснялись сохранением «пережитков» прошлого или «нарушением принципов социализма», так как концепция коммунистического строительства предполагала непрерывность роста общественного благосостояния и улучшения условий жизни трудящихся.

Современные тенденции в развитии гуманитарных и социальных наук в России и других постсоветских государствах позволяют осмыслить повседневность как полноценную научную дефиницию. Разработкой проблем истории повседневности на материалах разных исторических эпох занимается широкий круг различных исследователей. При этом сохраняются существенные различия в понимании природы и сущности повседневности как предмета исторического исследования. По словам Ш. Фицпатрик, некоторые «подразумевают под «повседневностью» главным образом сферу частной жизни, охватывающую вопросы семьи, домашнего быта, воспитания детей,

досуга, дружеских связей и круга общения. Другие в первую очередь рассматривают жизнь трудовую, те модели поведения и отношения, которые возникают на рабочем месте. Исследователи повседневности в условиях тоталитарных режимов часто сосредотачиваются на активном или пассивном сопротивлении режиму, и целый ряд работ о жизни крестьян ставит во главу угла «повседневное сопротивление», имея в виду те житейские способы, с помощью которых люди, находящиеся в зависимом положении, оказывают неповиновение хозяевам» [4]. Все указанные подходы имеют право на существование, поскольку рассматриваемые сюжеты вполне могут быть отнесены к вопросам повседневной жизни советского общества. В то же время сторонники разных подходов порой с большим трудом могут договориться между собой, а механическое соединение их взглядов грозит не только эклектикой, но и полной утратой смысла в использовании данного понятия.

Б. Вальденфельс отмечал, что в этой ситуации следует соблюдать особую осторожность, «так как понятия, часто привлекающие к себе внимание ученых, могут приобретать неконтролируемую многозначность и потерять собственное содержание», в результате «обыденная жизнь» может стать названием для разнородных явлений. Он указывал, что обыденная жизнь не существует сама по себе, а возникает в результате процессов «оповседневнивания», которым противостоят процессы «преодолевания повседневности». Границы и значения выделенных сфер изменяются в зависимости от места, времени, среды и культуры. При этом речь о повседневности не совпадает с самой повседневной жизнью и с речью в повседневной жизни. Б. Вальденфельс предлагал «генеалогию повседневной жизни, которая не допускает преувеличения значения этой сферы, не возводит категорию повседневности в ранг универсального понятия и не абсолютизирует теорию обыденной жизни» [5].

Поэтому серьезное значение имеет определение четких границ повседневности как предмета исторического исследования и его соотношения с другими близкими ему понятиями. В первую очередь это касается понятия быта как части физической и социальной жизни человека, включающей удовлетворение им духовных и материальных потребностей, обживания социального и природного пространства. В широком смысле быт рассматривается как уклад повседневной жизни. Еще в XIX в. вышли основательные труды И. Е. Забелина, посвященные истории быта русского народа. Существенное значение данной теме уделяли Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский и другие известные российские историки. Но, как отмечает Н. Л. Пушкарева, историки быта часто фиксировали внимание не на самом распространенном и обыденном, а на «экзотике»: «Так, обращаясь к жизни древнерусских женщин, бытописатели любили посетовать о скуке и однообразии жизни «женских половин» в теремах, как бы не за-

мечая, что теремными затворницами была ничтожно малая часть населения – боярские «дщери» – то есть дочери родовитых московских землевладельцев» [6].

В конце XIX в. быт стал рассматриваться в передовой общественной мысли как «темное царство» застоя и рутины, и русская интеллигенция повела решительную борьбу с этим миром пошлости и мещанства. Волны борьбы с бытом периодически возникали и в советской России. Революция и Гражданская война завершились нэпом, на смену комиссару в кожаной куртке, жертвовавшему личным счастьем во имя «светлого будущего», пришли бюрократы с партийными привилегиями. Но в 1928–1929 гг. была объявлена очередная кампания борьбы с «домашним хламом». Она стихла только в 1930-е гг., когда многие борцы против старого быта сами оказались истреблены. В предвоенные и послевоенные годы революционный аскетизм вышел из моды, однако в конце 1940-х гг. борьба с «мещанством и пошлостью» вновь возобновилась.

В современной историографии подчеркиваются различия между этнографическим описанием быта и изучением истории повседневности: этнография, реконструируя быт той или иной социальной группы, уделяет главное внимание его материальной стороне, а историю повседневности интересуется смыслом, который вкладывали в свою повседневную жизнь люди определенной эпохи. Если этнограф воссоздает быт, то историк повседневности анализирует эмоциональные реакции, переживания отдельных людей в связи с тем, что их в быту окружало. К тому же быт и досуг нередко противопоставляются труду, а историки повседневности видят одну из своих задач в изучении каждодневных обстоятельств работы, мотивации труда, отношений работников между собой и их взаимодействий с представителями администрации и предпринимателями [7].

Нередко повседневность соотносят с частной и личной жизнью, означающей индивидуальное пространство человека. Само понятие личной жизни появилось сравнительно недавно, в Новое время, до этого человек воспринимался как представитель определенного сословия, социoproфессиональной, этнокультурной или кланово-корпоративной группы, а не как личность. В то же время частная сфера как совокупность эмоциональных отношений и связей, основанных на личных пристрастиях, существовала всегда. Сферы частной и повседневной жизни достаточно близки, во многом пересекаются, но полностью не совпадают. Н. Л. Пушкарева отмечает, что историк частной жизни изучает лишь одну из сфер повседневной жизни, а именно ту, которая зависит от индивидуальных, частных решений [8].

Существенное внимание в современной историографии уделяется изучению повседневного мира советского человека. Впервые интерес к нему проявился у представителей ревизионистского направ-

ления в западной исторической науке – М. Левина, С. Козна, но особенно Ш. Фицпатрик, уделяющей внимание «обиходной практике – т. е. тем формам поведения и стратегиям выживания и продвижения, которыми пользуются люди в специфических социально-политических условиях» [9]. Среди российских историков в первую очередь следует отметить С. В. Журавлева и А. К. Соколова [10], Е. А. Осокину [11] и Е. Ю. Зубкову [12], И. Б. Орлова [13] и Е. С. Сенявскую [14], других авторов [15]. Активно разрабатывается проблема и историками других постсоветских государств.

Обращение к указанной проблеме определяется не только тем, что мир советского повседневья представляет собой уникальное и пока еще недостаточно изученное историческое явление, но и тем, что он оказался достаточно устойчивым к переменам последних десятилетий, а его влияние продолжает сказываться до сих пор в сознании и поведении многих современных россиян. Анализ жизненных стратегий советских граждан в условиях сталинизма позволяет понять их умение приспосабливаться к существующим нормам, навыки обхода запретов, выживания, казалось бы, в самых суровых и жестоких обстоятельствах, оценив степень действительного контроля власти над обществом и выявив зоны, оставшиеся ей не подконтрольными.

Изучение истории советской повседневности в значительно большей степени способствует пониманию природы советского строя, чем возникшая в условиях «холодной войны» концепция тоталитаризма, акцентирующая внимание на его политических аспектах. Именно с переосмысления нацистского режима в контексте истории повседневности началось развитие данного направления и в Германии, продемонстрировав «истинные масштабы поддержки и преданности, которые оказывали нацистскому режиму самые «обыкновенные люди» в их стремлении «выжить»» [16].

Основы нового уклада повседневной жизни в Советской России были заложены в 1920–1940-х гг., что обуславливает особый интерес к социокультурным и социально-психологическим процессам, происходившим в указанный период. 1920-е гг. стали переломной эпохой, парадоксально соединявшей в себе черты старого и нового быта. Реформирование самих основ жизнедеятельности даже в условиях полной концентрации власти, достигнутой большевистской партией, наталкивалось на устойчивость форм и способов удовлетворения жизненных потребностей, стереотипы мышления и поведения огромных людских масс. В экстремальных условиях глубоких социальных трансформаций 1930-х гг. и военного времени окончательно сформировалась новая советская повседневность. Подвергаясь в послевоенное время дальнейшим трансформациям вслед за зигзагами правительственного курса и общей логикой мирового развития, она просуществовала еще несколько десятилетий в качестве системообразующего комплекса отношений.

Анализ опыта осмысления концепта повседневности позволяет рассматривать ее как целостную социокультурную реальность, совокупность жизненных укладов, привычных социальных взаимодействий. В качестве важнейших составляющих повседневного мира советского человека выступают структуры повседневности, воплощенные в фундаментальных социальных потребностях и призванных их удовлетворять социальных институтах, повседневные поведенческие и речевые практики, стратегии выживания и адаптации людей к менявшимся условиям социальной и природной среды. В центре внимания исследований повседневности оказывается также анализ рутинных форм сознания и социальной практики, схем типизации объектов социального мира.

Основными для человека на протяжении всей его истории являлись потребности в пище, одежде и жилье для защиты от неблагоприятного воздействия окружающей среды, в поддержании здоровья, сохранении и продолжении рода, обеспечении душевного комфорта, безопасности и в общении с другими людьми. Изменения в быту советского человека свидетельствуют о том, что в 1920-е гг. в прошлое действительно уходила целая эпоха: сахар вытеснял мед, резиновые и кирзовые сапоги – прежние лапти и валенки, фабричной вязки свитеры и пуловеры – домотканые понёвы и шали, парикмахерские стрижки – косы, автомобиль – лошадь, запряженную в телегу [18]. Однако быт и нравы советского социума нередко приукрашивались в науке, искусстве и литературе того времени.

В современной историографии ставятся под сомнение выводы советских историков о постоянном повышении уровня жизни населения СССР. Так, анализ материалов бюджетных обследований позволяет считать, что наиболее высокий уровень жизни рабочих в СССР пришелся на завершающий период нэпа, 1926–1928-е гг. Начало индустриализации привело к его быстрому падению в результате роста цен и снижения покупательной способности рубля, введению карточной системы, и только к концу 1930-х гг. он был восстановлен. Е. А. Осокина считает, что 1926 г. стал последним благополучным годом для городского населения, после которого в стране начал развиваться товарный кризис. Товарный дефицит обрекал население на низкий уровень жизни и порождал особую социальную психологию и культуру дефицита, ставшую важнейшей составляющей советской ментальности [19]. Неизбежными атрибутами советской жизни, видимым проявлением товарного дефицита в условиях плановой экономики и централизованного распределения стали очереди [20]. Постепенно исследователи обращаются и к другим аспектам и феноменам повседневной жизни советского человека, в частности, к коммунальной квартире и связанному с ней коммунальному быту [21]. Попытку представить историю советской России как совокупность окружающих человека житейских

мелочей предприняла Н. Б. Лебина. Повседневная жизнь советских людей предстает в ее изображении множеством вещей, понятий, знаков и символов, образующих единую систему со своей внутренней логикой [22]. Неожиданный взгляд на советское общество и его повседневность предложила О. Ю. Гурова. Она рассматривает советский социум сквозь призму его отношения к нижнему белую [23]. Внимание исследователей привлекают алкогольная политика и «пьяная культура» в Советской России [24], повседневная жизнь и быт различных, в том числе маргинальных групп.

Французский философ и историк М. де Серто ввел понятие «практик повседневной жизни», под которыми понимал разнообразные способы сопротивления, спонтанно изобретаемые и используемые простыми людьми, чтобы изменить, перевернуть, обратить в свою пользу те представления и ритуалы, которые насаждаются официальными институциями власти, идеологии или потребительской культуры. Он также обратил внимание на риторику повседневной жизни, на использование приемов дискурса, которые охарактеризовал как уловки, отклонения, «браконьерство», мелкое ниспровержение официальных кодов поведения [25].

В свою очередь, Н. Н. Козлова указывала, что повседневные практики никогда не выступают в форме проектов, программ или доктрин социального изменения: «Повседневные практики не воплощаются ни в каком официальном институте, они образуют своеобразные «свободные зоны», защищенные или защищающиеся от институциональных давлений» [26]. Она рассматривала повседневность как поле создания и функционирования различных систем символов, в первую очередь особого идеологического языка. С его помощью, считала Н. Н. Козлова, реальный мир переписывается так, чтобы его структуры выглядели естественными. Обосновывая свою точку зрения, исследовательница проанализировала немало автобиографических и иных документов «человеческой истории советской эпохи» – писем, дневников, устных рассказов – как «документов наивного письма» [27].

В последнее время российские и зарубежные исследователи обратились к различным неофициальным и неформальным практикам, сложившимся в СССР в предвоенный и военный периоды. В частности, в современной историографии раскрываются механизмы выживания советских граждан в голодные годы: «отход» на заработки и массовое «мешочничество», использование в пище различных суррогатов и разгром мельниц, бандитизм и воровство. И. Б. Орлов полагает, что голод ослабил жизнеспособность выживших, резко изменил психику и поведение русских граждан, особенно молодого поколения: произошла нравственная и социальная деградация, проявившаяся в росте преступности, вымогательства и взяточничества [28].

В данном контексте особое значение приобретают и вопросы взаимодействия советских граждан с властью. В условиях жесткого советского политического режима всеохватывающее влияние государства сказывалось особенно сильно, и советский гражданин был вынужден выстраивать свою жизненную траекторию, вписываясь в господствующие нормы и правила, стремясь соответствовать идеальным канонам: «История повседневности направлена в первую очередь на описание и анализ явлений обыденных: жилища, одежды, семьи, досуга, питания, рождения, смерти. Но эта история маленьких житейских мирков прочно связана и с политикой, и с экономикой. Даже в мелочах быта человек любого общества в меньшей или большей степени подчиняется суждениям власти» [29]. Историки показывают, «каким образом при тотальном контроле государства и его стремлении к повсеместной регламентации люди находили в себе возможность самостоятельно думать и действовать, поступать сообразно собственным представлениям о хорошем и дурном, дозволенном и постыдном». В данной связи Т. П. Хлынина отмечает, что исследователи «вплотную подошли и к разрешению самого, пожалуй, болезненного вопроса того времени, связанного с ценой и нравственными издержками, которые общество согласилось заплатить за построение нового и неведомого для себя будущего» [30].

Предметом специального изучения становится военная повседневность, характеризующаяся усилением чрезвычайности во всех сферах жизни общества. Впрочем, советская повседневность вообще с трудом воспринимается как норма. Ш. Фипатрик утверждает: «Эта жизнь, как в их собственном понимании, так и в нашем, не была нормальной: для живущих в чрезвычайное время нормальное существование становится роскошью» [31]. Война вызвала новую волну коренных сдвигов в жизни людей, массовую социальную мобильность, миллионы советских граждан меняли место и образ жизни, свои занятия и основные предпочтения. В военное время трансформировалась социальная структура, изменилась система ценностей.

Начало разработки проблем военного повседневья в современной российской историографии связано с работами Е. С. Сенявской. В ее исследованиях рассматривается формирование в годы Великой Отечественной войны особого типа личности, который она определила как комбатанта – «человека воюющего». Отмечая индивидуальный характер восприятия мира каждым человеком, Е. С. Сенявская подчеркивает, что война порождала новые общие стереотипы поведения. При этом свое влияние на сознание людей оказывали как социально-демографические факторы, так и внешние условия: конкретная боевая обстановка, характер физических и нервных нагрузок, наиболее вероятный вид опасности, специфика контактов с противником, взаимодействие с техникой, особенности военного быта, формирование образа врага. В качестве самостоятельной про-

блемы она выделила роль религии и атеизма на войне, проанализировав солдатские суеверия как форму бытовой религиозности, солдатский фатализм и отношение к смерти на войне. Е. С. Сенявская впервые в историографии поставила вопросы о сложностях «выхода» из войны поколения фронтовиков [32].

В последнее время и другие исследователи обратились к повседневным практикам выживания советских военнослужащих в годы Великой Отечественной войны. Решению этих исследовательских задач во многом способствуют публикации источников личного происхождения, выход работ, свидетельствующих о том, что жизнь советских солдат и командиров на войне была заполнена решением самых различных бытовых и далеко не всегда «героических» вопросов. Жизнь продолжалась и на войне, а монотонную череду фронтовых будней сменяли редкие праздники. Постепенно находит свое отражение в историографии и повседневная жизнь в советском тылу, партизанских отрядах и на оккупированной территории [33].

Таким образом, повседневный мир советского человека постепенно приоткрывается перед исследователями. Подобный взгляд позволяет значительно лучше представить себе не только то, каким образом складывались обстоятельства жизни и смерти отдельных людей, но и каковы характерные особенности существования советского социума в целом. Уже сделанные шаги способствуют постепенному преодолению нашего отчуждения от все более отдаляющегося советского прошлого, однако на этом пути остается еще много недосказанного.

Примечания

1. Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М., 2002. С. 11.
2. Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М., 2004. С. 15–16.
3. Худенко А. В. Повседневность в лабиринте рациональности // Социологические исследования. 1993. № 4. С. 69.
4. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Пер. с англ. М., 2001. С. 7.
5. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос / Пер. с англ., нем., фр. М., 1991. С. 39–50.
6. Пушкарева Н. Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 94.
7. Там же. С. 96–97.
8. Там же. С. 100.
9. Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 7.

10. Журавлев С. В., Соколов А. К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник 1997. М., 1998. С. 287–232; Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электростанового завода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000.

11. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1997.

12. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999.

13. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. – М., 2009.

14. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999.

15. Кринко Е. Ф., Тажиудинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011.

16. Нариси повсякденного життя радянської України в добу непу (1921–1928 рр.). В 2 ч. К., 2009–2010; Повоєнна Україна: нариси соціальної історії (друга половина 1940-х – середина 1950-х рр.). К., 2010 и др.

17. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. 1998. М., 1999. С. 78–79.

18. Касагин И. Т., Щавелев С. П. Указ. соч. С. 201.

19. Осокина Е. А. Указ. соч.

20. Николаев В. Г. Очередь как социальное наследие и элемент образа жизни // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2005. № 1. С. 96–112.

21. Герасимова Е. Ю. Советская коммунальная квартира: историко-социологический анализ (на материалах Петрограда. Ленинграда, 1917–1991). Дис... канд. ист. наук. СПб, 2000.

22. Лебина Н. В. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. – СПб, 2006.

23. Гурова О. Ю. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М., 2008.

24. Багдасарян В. Э., Орлов И. Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX. М., 2005.

25. Серто де М. Хозяйство письма // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 29–46.

26. Козлова Н. Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 48.

27. Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингвосociологического чтения. М., 1996.

28. Орлов И. Б. Между «Царь-голодом» и «Товарищем Урожаем» (1921–1922 гг.) // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2004.

29. Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб, 2003. С. 6.

30. Хлынина Т. П. Социальная история советской Адыгеи: очерки политической антропологии. 1930-е годы. Майкоп, 2004.

31. Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 7.

32. Сенявская Е. С. 1941–1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. М., 1995.

33. Кринко Е. Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1943–1943 гг.). Майкоп, 2000 и др.

Хлынина Т. П.

По ту сторону тоталитаризма: коммунальное жилье

Ставшее символом советской эпохи и сюжетом не одного анекдота о бытовой неустроенности простого человека того времени коммунальное жилье за редким своим исключением [1], воспринимается профессиональной литературой наглядным воплощением массовой несвободы. Несвободы от бдительного ока государства, определявшего направления проектно-строительной мысли с неизбежно присущими ей «местами общего пользования»; вездесущего взора соседа, силой архитектурного гения втиснутого «третьим» в квартиру общежитского типа, с трудом вмещающую двоих. Между тем в этой несвободе для очень многих, прошедших через нее, остается что-то, идущее наперекор логике здравого смысла и заставляющее не только смириться, но и находить в ней «много полезного, а то и хорошего». Об обстоятельствах появления коммуналки, ее разновидностях и роли в жизни поколения «строителей нового быта», собственно, и пойдет речь в этой статье, по завершении которой мне хотелось бы ответить на вопрос о том, насколько коммунальный быт изобретался и поддерживался исключительно силой власти и был непереносим советским человеком.

Начавшаяся в 1917 г. революция и последовавшая за нею национализация жилищного фонда поставили перед молодым советским государством практически невыполнимую задачу по обеспечению жильем всего трудящегося населения города. Единственным выходом из сложившейся ситуации, когда для строительства нового жилья не хватало не только средств, но и элементарных сил, виделся его передел. «Война дворцам», получившая свое официальное одобрение в подготовленном В. И. Лениным наброске постановления

«О реквизиции квартир богатых для облегчения нужд бедных», призвана была не только решить эту проблему, но и определить дальнейшие перспективы советской жилищной политики. Такой перспективой оказалась принципиальная невозможность для каждого человека иметь отдельную комнату как напоминание о несправедливо нажитом богатстве. Согласно тому же ленинскому определению, богатой признавалась квартира, где количество комнат равнялось либо превышало «число душ населения, постоянно проживающих в этой квартире» [2]. Именно эти богатые квартиры и подлежали уплотнению, а также заселению новыми жильцами «из простых».

Перераспределение жилищного фонда, узаконенное декретами СНК РСФСР «О воспрещении сделок с недвижимостью» от 14 декабря 1917 г. и «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах», принятым 20 августа 1918 г., должно было, по мысли его инициаторов, существенно улучшить положение нуждающегося в жилье населения. Согласно данным статистики, это улучшение сказалось прежде всего на условиях проживания семейных рабочих, большинство из которых только в одном Петербурге уже к 1923 г. оказались собственниками отдельных комнат, а изредка и целых квартир. Однако с существенным увеличением жилого пространства, исчезновением таких специфических форм его освоения, как «угловые жильцы» и «коечники», возникла не менее острая проблема, связанная с эффективностью его использования. А. И. Черных приводит показательные факты, когда, получив, казалось бы, долгожданные дополнительные метры в бывших «барских хором», пролетарии не знали, как ими распорядиться: «Многие принудительно изъятые квартиры с огромными проходными комнатами требовали больших расходов на отопление и, естественно, остались незаселенными, а наличие в квартирах холодных необитаемых комнат снижало санитарное состояние домов в целом. К тому же места общего пользования – ванны, уборные, кухни, подсобные помещения, не приспособленные для коллективной эксплуатации, оказывались источником постоянной напряженности между жильцами». К тому же переселение в новые и благоустроенные квартиры, находившиеся по преимуществу в центральной части города, увеличивало расстояние от основных мест работы и, соответственно, расходную часть семейного бюджета. Именно по этой причине многие рабочие не спешили воспользоваться предоставленным правом улучшения жилья [3]. И, наконец, даже смирившись с неудобствами непривычно просторной и функционально мало пригодной планировки, они все равно оказывались в стесненных обстоятельствах: занимаемая площадь бывших особняков в разы превышала официально положенные метры жилья, что требовало его уплотнения.

Уплотнение представляло собой «увеличение населения данной жилой площади или лишение жильцов части жилой площади» и подразделялось на принудительное и добровольное. Принудительное

уплотнение производилось без согласия уплотняемых, в то время как самоуплотнение предоставляло жильцам право в течение двух недель подыскать себе соседей. В случае его нереализации вопрос о судьбе излишней жилплощади решался домовыми управлениями [4]. Механизм процедуры уплотнения хорошо описан М. А. Булгаковым в «Собачем сердце»: «Мы – управление дома, – с ненавистью заговорил Швондер, – пришли к вам после общего собрания жильцов нашего дома, на котором стоял вопрос об уплотнении квартир дома. – Кто на ком стоял? – крикнул Филипп Филиппович. – Потрудитесь излагать ваши мысли яснее. – Вопрос стоял об уплотнении... – Довольно! Я понял! Вам известно, что постановлением от двенадцатого сего августа моя квартира освобождена от каких бы то ни было уплотнений и переселений? – Известно, – ответил Швондер, – но общее собрание, рассмотрев ваш вопрос, пришло к заключению, что в общем и целом вы занимаете чрезмерную площадь. Совершенно чрезмерную. Вы один живете в семи комнатах. – Я один живу и работаю в семи комнатах, – ответил Филипп Филиппович, – и желал бы иметь восьмую. Она мне необходима под библиотеку. Четверо онемели. – Восьмую? Э-хе-хе, – проговорил блондин, лишенный головного убора, – однако это здо-о-рово! – Это неопишимо! – воскликнул юноша, оказавшийся женщиной. – У меня приемная, заметьте, она же библиотека, столовая, мой кабинет – три! Смотровая – четыре. Операционная – пять. Моя спальня – шесть, и комната прислуги – семь. В общем, не хватает... Да, впрочем, это не важно. Моя квартира свободна, и разговору конец. Могу я идти обедать? – Извиняюсь, – сказал четвертый, похожий на крепкого жука. – Извиняюсь, – перебил его Швондер, – вот именно по поводу столовой и смотровой мы и пришли говорить. Общее собрание просит вас добровольно, в порядке трудовой дисциплины, отказаться от столовой. Столовых ни у кого нет в Москве» [5].

Еще от одного булгаковского персонажа современный читатель узнает и о санитарно-гигиенической норме, приходившейся на одного человека той поры, о заветных 16 аршинах, на которых «сидел и будет сидеть» Шариков. Следует отметить, что 8,09 кв. м, о которых идет речь, не были постоянной величиной и менялись в зависимости от остроты жилищного кризиса. В 1919 г. усилиями Наркомата здравоохранения была научно определена официальная норма заселения. Она определялась минимальной величиной кубатуры воздуха в 30 куб. м, необходимой человеку для нормального самочувствия после ночного сна, и составляла 8,25 кв. м. По данным, приводимым М. Г. Мееровичем, с 1920 по 1926 г. только в одной Москве, где жилищная теснота проявлялась особенно остро, эта норма варьировалась от 9,3 до 5,3 кв. м. Для провинциальных городов она была несколько выше и в 1926 г. составляла 6,3 кв. м. [6]. Обретение собственного «заветного угла», который и стал реальным итогом проводимых преобразований,

не только не улучшил жилищных условий тех, ради которых все это зачиналось, но и породил феномен советской коммуналки – «квартиры, находящейся в государственной собственности, заселяемой государственными органами в соответствии с нормативами жилой площади, положенной на одного человека, независимо от семейного статуса жильцов и конфигурации квартиры» [7].

Именно в такую типичную коммуналку попадает героиня романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» Евгения Григорьевна Шапошникова: «Жила Женни Генриховна в полутемной комнатке, когда-то отведенной для прислуги в большой купеческой квартире. Теперь в каждой комнате жила семья, и каждая комната делилась с помощью ширмочек, занавесок, ковров, диванных спинок на уголки и закуты, где спали, обедали, принимали гостей, где медицинская сестра делала уколы парализованному старику» [8]. Образованию новых коммуналок и уплотнению уже существующих способствовало уменьшение нормы санитарной площади на человека. Годы первой пятилетки ознаменовались резким ростом миграции в города, население которых только с 1925 г. по 1930 г. увеличилось на 35%. С 1931 г. значительно увеличивается процент населения, живущего на «голодной норме», – до 4 кв. м.

В свою очередь, вселение в «роскошные барские апартаменты» привело к завышенным ожиданиям у населения, которые не могли реализоваться в условиях массовой советской застройки, и породило мечты об отдельном и относительно комфортном жилье с удобствами. Оценивая довоенный уровень жизни, респонденты вспоминали: «Наши смежные вдвоем, а их отдельные. Кухня отдельная, кухня, правда... да ну, не меньше, чем теперь в хрущевках. Вот так это строилось для рабочих, а напротив был корпус, там были изолированные квартиры. И вообще они были оборудованы лучше, по-моему, там были ванны. У нас ничего. Горячей воды ни у кого не было, холодная, но у нас не было ни душа, ничего» [9].

Несколько иначе происходило благоустройство советской деревни, изначально не испытывавшей столь острой жилищной нужды. Традиционно практически каждая крестьянская семья владела отдельным домом, где совместно проживали представители нескольких поколений и где у каждого из них существовала реальная перспектива отселения, а следовательно, обретения собственного жилья. В условиях постреволюционной России крестьянство в целом сумело сохранить это положение. Однако реального его улучшения не происходило. Дж. Пэллот, исследовавшая процесс развертывания сельского жилищного строительства в 1930-е – 1980-е гг., пришла к выводу о его зависимости от степени успешности развития сельскохозяйственного сектора и веса в контексте общезкономического планирования. По ее наблюдениям, за шестьдесят лет, последовавших за коллективизацией, советское руководство нередко предавало забвению

сельскохозяйственный сектор, что привело к плачевному состоянию деревни, низкому уровню благоустройства и внушительному разрыву в уровне жизни между городом и деревней. Оказавшись причинами резкого оттока населения (только в 1927–1938 гг. он составил 24,5 млн. чел.), они обозначили главную проблему на селе рассматриваемого и последующего времени: удержание рабочих рук. Одним из возможных путей ее решения стало строительство многоквартирных домов, рассматривавшихся важнейшим показателем социалистической реконструкции деревни и подчеркивавших ее близость к городу [10].

С уплотнением, да и то временным, деревня столкнется лишь дважды. В 1930-е гг., когда на помощь коллективизировавшемуся сельскому хозяйству будут брошены рабочие крупных промышленных предприятий, получивших название двадцатипятипятисотников. В период Великой Отечественной войны, когда в нее устремится поток эвакуированного населения и она станет основным местом расквартирования воинских соединений Красной армии и вермахта. О жилищных условиях (типах жилья, особенностях строения и планирования жилого пространства) советского крестьянства того времени много писалось этнографами, изучавшими сохранность и трансформацию народной культуры. К сожалению, работ, рассматривавших эволюцию жилья коллективизированной и раскулаченной деревни в контексте социальной истории, пока еще не создано. Тем не менее из исследований повседневной жизни крестьянства известно, что к концу 1920-х гг. «некоторые основные приметы быта <...> претерпели разительную трансформацию от традиции к современности». Наряду с сохранявшимися лаптями и домотканой одеждой в сельский быт входили такие приметы городской жизни, как развод и использование губной помады, членство в комсомоле и атеизм [11]. Повышение трудовой, общественной и социальной активности крестьянства не могло не сказаться и на раскрепощении сельских нравов, неизбежно влекущих за собой изменение роли женщины как хранительницы домашнего очага. Не случайно в ряде воспоминаний красноармейцев отмечалась неприглядность постоянных квартир: «Сейчас как будто на месте. У хозяйки, имеющей детей 6, одна комната, грязь, вонь, есть нечего» (22 ноября 1941 г.) [12]. «Оказались в станице Николаевской. Втроем у хозяйки-казачки (я, Толик, Тимка). Одна маленькая комнатка, земляной пол, две семьи – теснота – всего вместе с нами 5 взрослых, 6 малышей, с гигиеной так же, как и на х. Калинин» (6 апреля 1942 г.) [13].

В гораздо более стесненных и болезненнее переживаемых условиях оказалось непролетарское население города. Особенно сильны были переживания по этому поводу у людей «интеллигентных занятий», которые требовали более свободной домашней обстановки и отдельной комнаты. О потребности к уединению и упорядочен-

ному образу жизни в лице профессора Преображенского, не понимавшего, отчего необходимо оперировать в столовой, а обедать в гостиной, когда на то есть соответствующие помещения, писал М. А. Булгаков. Созданные им колоритные образы стремящегося к стабильности и иерархии жилого пространства профессора от медицины Преображенского¹ и ратовавшего за коллективное общежитие председателя домового комитета Швондера отражали основные представления населения о жилье как о типе организации жизни человека в новой России. Реализации этих представлений как раз и были посвящены архитектурные поиски идеального типа жилья рассматриваемого времени.

«Дворцами из сливовых косточек» назвала Ш. Фицпатрик социальные утопии, ставшие для советского человека того времени привычной нормой жизни. Масштабность грандиозных проектов и безусловная вера в возможность их осуществления отодвигали на задний план решение насущных, в том числе и жилищных, вопросов. Вместе с тем их практическое разрешение несло на себе отпечаток времени с его бурными дискуссиями о том, каким быть советскому человеку и где ему следует жить. Национализация жилья с последовавшей за нею отменой квартирной платы и хронической нехваткой средств к его поддержанию привели к тому, что только за 1920 г. в Москве обветшало и пришло в полную негодность 11,5 тыс. зданий, в том числе 6,8 тыс. жилых домов с более чем 40 тыс. квартир [14]. В годы нэпа с «передачей домов коллективным жильцам» стали появляться жилищно-строительные кооперативы, выгодно отличавшиеся как по внешнему виду, так и по пространственной планировке от государственного жилья. Однако победа идеи коллективного быта в конце 1920-х гг. привела к тому, что «на смену социальному расслоению по районам и жилым домам пришло смешение» [22], а вместе с ним и осознание необходимости реорганизации самого типа жилья. Им стали дома-коммуны, которые, с одной стороны, отвечали представлениям власти о новых принципах устройства быта советского человека, с другой – высвобождали его от рутинной «обывательщины» посредством сведения «к минимуму домашнего хозяйства». Характерными чертами домов-коммун становятся «выделение из квартиры функций питания, воспитания детей и стирки и требование «Каждый должен жить на началах строжайшей регламентации и

¹ Нельзя сказать, что такого рода потребности советской властью игнорировались полностью. До середины 1920-х гг., времени начала индустриализации, повлекшей за собой перемещение в города огромного количества людей, среднедушевая норма обеспеченности жильем у служащих составляла 6,9 кв. м, у рабочих она была меньше и достигала 4,9 кв. м. Правда, уже к концу 1920-х гг. эти различия стерлись и к 1940 г. приблизились к своему дореволюционному уровню.

подчинения правилам внутреннего распорядка» [15]. Объявленные конкурсы архитектурских проектов на лучшие «жилые комплексы будущего» показали практическую невозможность реализации многих из них. Как отмечает М. Близнакова, «большинство победивших проектов были слишком фантастическими для имевшегося экономического уровня. И даже если такие проекты осуществлялись, то очень скоро общественный характер рекреационных зон сводился на нет тем, что жильцы не стремились обобществлять свою частную жизнь, и семейные ценности возобладали над общественными устройством – готовка еды, стирка белья и т. д. – переносились в пределы частных «отсеков» из общественных кухонь и прачечных» [16].

Весьма показательной в этом отношении оказалась судьба московского дома Гинзбурга, более известного как дом Наркомфина, расположенного на Новинском бульваре. Этот дом был назван опытным домом переходного типа. Под его строительство в апреле 1929 г. отводилась территория двух городских усадеб с обширными садами. Дом-коммуна воплотил собой идею комфортабельного жилья нового типа и должен был включать в себя 4 корпуса: жилой корпус, коммунальный центр, состоявший из столовой, физкультурного зала и читальни, детский корпус – ясли и детский сад, служебный корпус – прачечную и сушильню. Жилой корпус представлял собой шестиэтажное здание длиной 85 м и высотой 17 м. Корпус общественного обслуживания представлял собой замкнутый четырехэтажный, почти кубический объем. Он был поставлен под углом к жилому корпусу и связан с ним переходом на уровне второго этажа. На квадратной площадке перед общественным корпусом планировалось разместить небольшое здание детского сада. В июне 1929 г. М. Я. Гинзбургу было предложено сократить территорию застройки и отказано в возведении прачечной и клуба как самостоятельных зданий.

Дом был задуман как «коммунальный» на 50 семей – 200 человек и включал в себя три типа квартир: двухъярусные трехкомнатные квартиры площадью 57–60 кв. м для семей, двухъярусные малометражные квартиры 30 кв. м для одного-двух человек и сдвоенные двухъярусные малометражные квартиры. На втором и третьем этажах располагались восемь трехкомнатных квартир для больших семей, в которые можно было попасть из нижнего коридора. В них имелась маленькая кухня, позволявшая при желании индивидуально готовить пищу, а также две спальни. В нижнем ярусе размещались передняя, кухня и общая жилая комната двойной высоты. Высота общей комнаты составляла 5 м, площадь – 25 кв. м. Передняя вела в общую комнату, внутренняя лестница из передней – на второй ярус, на котором находились две спальни со встроенными шкафами, ванная и туалет. Высота второго яруса составляла 2,3 м. Вдоль верхнего коридора 4-го и 6-го этажей располагались 48 малометражных квартир, рассчитанных на одного-двух человек. Кухонь в них не предусматривалось.

С целью максимального удешевления проектировки и строительства квартир М. Я. Гинзбург заменил кухню нишей площадью 1,4 кв. м. Жильцы должны были осуществлять переход на уровне второго этажа в так называемый «коммунальный корпус», объединявший кухню со столовой, спортзал, детский сад и даже механическую прачечную с ремонтными мастерскими. Ваннх комнат не было, их заменили душевые кабинки. Для тех, кто не мог по каким-то причинам питаться в столовой, в жилом корпусе были оборудованы две резервные кухни для разогрева еды. Квартиры представляли собой двухъярусные сооружения. На одном ярусе были расположены жилые помещения, на другом – вспомогательные. Высота комнат различалась между собой. Одна комната имела высоту 3,6 м, другая – 2,3 м и представляла собой спальную нишу. За счет уменьшения высоты вспомогательных помещений увеличивалась высота жилых комнат. В результате квартиры выглядели следующим образом: с одной стороны – высокая жилая часть комнаты, с другой – пониженный потолок спальной ниши. Нижние квартиры имели общий уровень пола в спальной и жилых частях, в верхних квартирах пол спальной части был приподнят на шесть ступеней. Разница высот между двумя спальными нишами позволяла организовать коридор, идущий вдоль всего дома. По нему жильцы попадали в свои квартиры, спускаясь или поднимаясь по внутренней лестнице. В торцах дома по обе стороны лестничных клеток располагались квартиры из сдвоенных малометражных квартир. Они состояли из двух жилых комнат высотой 3 м. Передняя, ванная и кухня имели высоту 2,3 м. Среди жильцов этот тип квартиры пользовался наибольшим спросом.

В самой верхней части дома на уровне плоской крыши было сделано несколько комнат-общежитий. Часть из них – на одного человека, часть – на двух. Между каждой парой комнат располагались душевая и умывальная комнаты. Ориентация квартир на две стороны – восток и запад – обеспечивала солнечное освещение в остальной части утром, а в жилой части – во второй половине дня. В доме-коммуне нашлось место и для элитного жилья. Для заказчика дома архитектор спроектировал жилье повышенной комфортности. На крыше дома расположились 2 пентхауса, в которых поселились наркомы финансов и здравоохранения. В связи с нехваткой средств дом был построен из недорогих и недолговечных материалов, что привело к его быстрому разрушению. Не прижилась и идея питания до и после работы в столовой. М. Я. Гинзбург с нескрываемой горечью был вынужден констатировать, что подавляющее число жителей разбирает обеды себе по квартирам и столовая фактически не работает [17]. Вторую очередь коммунального корпуса так не удалось достроить. В послевоенное время жильцов дома уплотнили: «ячейки» превратились в коммуналки со всеми вытекающими обстоятельствами.

Аналогичная судьба сложилась и у Социалистического города в Нижнем Новгороде, планировавшегося как поселение-коммуна с обобществленным бытом, коллективными формами жилища – домами-коммунами на 1000 человек каждый. Проект предусматривал наряду с жилыми корпусами строительство двух яслей и одного детского сада, а также общественно-культурного центра. Дома-коммуны предполагали возрастной принцип их заселения: центральный корпус предназначался для школьников. По обе стороны от него располагались два корпуса молодежи. Вправо и влево к этим корпусам примыкали еще по два здания для взрослых, имевших детей. Наряду с жилыми комнатами в каждом корпусе размещался красный уголок для коллективного отдыха. Общие кухни, туалеты и ванны предусматривались поэтажно. Осенью 1930 г. началось заселение города с так и не построенными яслями и детским садом. Многие корпуса не были обеспечены водой и отоплением, находились в состоянии незавершенных отделочных работ. Само заселение происходило с нарушением принятых ранее норм: так, в квартиры, предусмотренные на одного человека и составлявшие 9 кв. м, вселялись семьи из 3–4 человек. Не произошло и реорганизации быта: места коллективного пользования по большей своей части становились полем столкновения различных жизненных практик и ценностных представлений жильцов [18].

Осенью 1933 г. в Москве состоялось Творческое совещание Союза советских архитекторов, где суровой критике были подвергнуты функционализм и утилитарность строящегося жилья. Провозглашенный отказ от конструктивизма и переход к статичной классике совпали с новыми строительными правилами для столичного жилья, в которых главный упор делался на повышение его качества. В квартирах предполагалось увеличить как жилую, так и подсобную площадь, потолки должны были достигать 3,2 м, а ванны становились обязательным «элементом социалистического быта». При этом новое жилье было негласно поделено на квартиры для номенклатуры и для рядовых граждан – с расчетом на коммунальное заселение. Квартиры для партийной элиты и государственных деятелей планировались с обязательными лифтами, высокими потолками, широкими подоконниками, отдельными санузлами, большими холлами, многочисленными подсобными помещениями, мусоропроводами на кухне, просторными лестничными клетками. Их планировка включала в себя не только гостиные, спальни, но и кабинеты, детские, библиотеки и даже помещения для прислуги. Площадь комнат составляла от 15 до 30 кв. м. «Рядовое» жилье, как правило, было представлено двумя разновидностями: трех- и четырехкомнатными квартирами с небольшими кухнями и квартирами коридорного типа – общежитиями [19].

Вместе с тем многие довоенные постройки несли в себе не уловимое для наших современников очарование многолюдности и «скупченности»

быта: «Ох уж эти довоенные нахичеванские дворы! Малонаселенные, с одноэтажными флигельками и квартирками, утопающими в зелени. У каждого соседа беседка или веранда, и обязательно с кроватью. На калитке висел один почтовый ящик для всех жильцов, и каждый сосед, проходя мимо, заглядывал в него, и спешил сообщить, кому пришла почта. Где-то в стороне сложная из кирпича печурка, на которой готовили обеды, распространяя вкусные запахи на весь двор; но многие пользовались примусами на общей кухне» [20]. Именно эта скученность, зачастую лишавшая человека возможности уединения и превращавшая его жизнь в «спектакль по Мейерхольду», спасла жизнь в годы войны многим людям. Так, коммунальные кухни, в одночасье превратившиеся в «места, где грелись все и видели, кто и чем питался», становились источниками взаимопомощи и моральной поддержки. Известны случаи, когда соседи оказывались единственными кормильцами для тех, кто потерял всех своих близких: в блокадном Ленинграде они отоваривали карточки, ухаживали за обитателями «выморочных» квартир, устраивали в приюты осиротевших детей [21].

«Квартирный вопрос», который, по остроумному замечанию классика, испортил не одно поколение москвичей, на протяжении всей советской эпохи оставался одной из наиболее острых и болезненно воспринимавшихся обществом социальных проблем. Его острота была результатом всеобщего дефицита жилого фонда, доставшегося молодому пролетарскому государству в наследство от предыдущего «антинародного режима», а болезненность обуславливалась стремительным превращением жилья в условное социальное благо и средство наказания. Вместе с тем определяемая не только экономическими возможностями власти, но и ее идеологическими предпочтениями жилищная политика становилась действенным механизмом формирования пространства повседневной жизни человека с ее причудливыми нормами коллективного общежития и границами «своего/чужого». Классическим воплощением этой причудливости на долгие годы оказалась советская коммунальная квартира, находящаяся в государственной собственности и заселяемая в соответствии с нормативами жилой площади, положенной на одного человека. Присущее ей сочетание отдельного и общего, родственного и соседского создавала особую атмосферу «скандала и локтя», которая не только лишала человека, казалось бы, естественного права на приватность и конституционно гарантированную неприкосновенность жилья, но и обеспечивала, правда, не всегда реализуемую, но, тем не менее, сохранявшуюся возможность взаимопомощи и поддержки: «И папа поехал через Ростов и заехал, а у нас Варвара Ивановна, как мы уехали, так ничего с места не сдвинулось. Варвара Ивановна живет, все сохраняет. Полтора соседа было, все сохранили» [22]. В воспоминаниях многих респондентов, в настоящее время уже живущих в собственных квартирах, вынужденное коммунальное соседничество не доставляло больших

неудобств, а в ряде случаев запоминалось особой деликатностью отношений: «Я хочу сказать, что у нас всегда хорошо складывалось, я же не случайно взялась писать за свою маму, которая сорок лет прожила в этой квартире. За это время сменились четверо или пятеро соседей. Причем люди совершенно разные, разный социальный слой, разный состав семьи, разные характеры, и никогда ни с кем не ссорились, не скандалили, ничего такого не было. Это все от людей зависит» [23].

Примечания

1. Утехин И. Очерки коммунального быта. М., 2004.
2. Ленин В. И. О реквизиции квартир богатых для облегчения нужд бедных // Полн. собр. соч. Т. 54. С. 380.
3. Черных А. И. Жилищный передел. Политика 20–30-х годов в сфере жилья // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 71.
4. Меерович М. Г. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми 1917–1937. М.: РОССПЭН, 2008. С. 19.
5. URL: http://www.m-a-bulgakov.ru/dog_heart_17.html
6. Меерович М. Г. Указ. соч. С. 17.
7. Коммунальная квартира. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
8. Коммунальная квартира. Визуальный музей советского быта. URL: <http://www.kommunalka.spb.ru>
9. Респондент: Семина Виктория Николаевна, 1930 гр. Интервьюеры: Е. Ф. Крючко, Т. Г. Курбат. Запись 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
10. Ульянова Г. Рецензия на книгу «Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история». URL: http://galinaulianova.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=61:2011-04-21-14-23-05&catid=36:historical-blog&Itemid=57
11. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 241.
12. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея». Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 52. Л. 3.
13. Там же. Л. 4, об. 5.
14. Этапы развития жилищных отношений в России и городе Москве в XX веке. URL: http://www.up.mos.ru/cdz/kerzonu/kniga08_4.htm
15. URL: http://www.rusdb.ru/dom/researches/town-planning_principle
16. Там же.
17. Ульянова Г. Рецензия на книгу «Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история». URL: http://galinaulianova.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=61:2011-04-21-14-23-05&catid=36:historical-blog&Itemid=57

18. URL: <http://www.openmoscow.ru/dostdomnarkomfina.php>
19. Сталинка. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
20. Галустян В. Мой Нахичеван. Таганрог, 2011. С. 5.
21. Яров С. В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М., 2012. С. 366–379.
22. Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна, 1926 гр. Интервьюеры: Т. Г. Курбат, Т. П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
23. Респондент: Калабухова Инна Николаевна, 1933 гр. Интервьюер: Е. Ф. Кринко. Запись 19 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Фёдоров А. Н.

«Жизнь в эпоху перемен»: Гражданская война в России через призму повседневной жизни

Эпоха Гражданской войны в России (1917–1920 гг.) продолжает привлекать внимание многочисленных исследователей, публицистов, политиков, что объясняется знаковостью произошедших в то время перемен: как в социально-экономической жизни всего общества, так и в условиях повседневной жизни. В дискуссиях о той эпохе все чаще возникает вопрос: «Как же жилось простому человеку в условиях постоянной войны?». Долгое время выстраивалась идеалистическая картина начальных лет советской истории, в основе которой лежали представления о «всеобщей справедливости», «совершенстве социалистического государства» и «высоком моральном духе строителя коммунизма». Напротив, на сегодняшний день наблюдается обратный перекоп, в сторону сознательного поиска недостатков: как в любых мероприятиях, которые проводила советская власть, так и в той социальной силе, именем которой совершилась революция. Поэтому в условиях полярности научных суждений и мнений необходимо найти некий баланс, и представляется, что базой для него может послужить прежде всего понимание тех забот, тревог и надежд, которыми жили люди рассматриваемой эпохи.

Наш соотечественник в годы революции и Гражданской войны ежедневно решал сложные задачи, направленные прежде всего на обеспечение своего элементарного материального благополучия. Для него актуальными вопросами становились: где жить? как жить? чем жить? Поэтому, вместо того чтобы идти на работу или учиться, субъект истории добывал продовольствие, укреплял безопасность

своего жилища, занимался поиском дров. И чем больше он пытался самостоятельно разобраться, что же случилось с окружавшей его жизнью, кто изменил привычный уклад, тем больше хотелось донести свои наблюдения потомкам.

Уникальным источником по социальной истории России периода 1917–1920 гг. являются ученические сочинения детей. Подобные материалы сохранились в «Собрании документов периода Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства. 1903–1982 гг.» (Ф. 454) Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). На уроках литературы наряду с изучением творчества выдающихся поэтов и писателей очень частым заданием было написание эссе по актуальнейшим проблемам текущего дня. В чем-то такие задания были вынужденными, в первую очередь из-за повсеместной нехватки учебных пособий, но вскоре они стали самыми любимыми в среде учеников, так как позволяли почувствовать сопричастность своей судьбы судьбам Родины, высказать свое мнение, которое узнали бы несколько десятков человек – одноклассники и учителя. Более того, школьники просили учителя сохранить свои работы и передавали ему тетради, записные книжки, где сочинениями было занято всего несколько листов, что в условиях дефицита бумаги является очень показательным. Возможно, им хотелось собраться вместе в том будущем, когда окончена школа, после того как все вокруг образуется, и вспомнить, обсудить свою прошлую жизнь.

Подросток, знающий основы грамоты и достигший 14-летнего возраста, в Советской России уже не только учился, но и работал там, где могла пригодиться грамотность. Как правило, речь шла о службе (секретарем, конторщиком, счетоводом) в государственном органе или учреждении. Точно выразить специфику труда мелкого чиновника, удалось М. Н. Соколовскому, возглавлявшему в декабре 1918 г. один из подотделов Хамовнического райсовета Москвы: «...отношение к возложенным обязанностям может быть двояким. Или казенное просиживание за просмотром дел 6–7 часов, своего рода создание фикции труда с целью удержать за собой место и содержание, или разумно-целевое, с долей интереса, с отчетливым, заметным для себя и общества ежедневным итогом. Это последнее отношение к работе в Совете я могу обнаружить лишь в том случае, если мне коротко и не колеблясь скажут: «Возьми и выполни». Иначе из всех этих суетливых хождений, совещаний, завтрашних «окончательных» решений вытекает лишь подозрение: не напрашиваешься ли ты своим частым напоминанием о себе на звание «советского карьериста»? А может быть и так, что советская деятельность успела уже сама покрыться бюрократической плесенью и грибок» [1]. Если уж взрослому человеку была не особо интересна такого рода деятельность, что говорить о подростке 14–16 лет? Вчерашняя московская

гимназистка Мария Бухарева, работавшая в 1918 г. в канцелярии Наркомата здравоохранения, в письме к подруге писала: «...Я в своем комиссариате прямо не знаю, что делать – работаю мало, в день проходит несколько несчастных бумажонок, сидишь, как дура, к тому же холодно, дует, ни души, отвратительно» [2].

Единственные надежды служащий-подросток возлагал на скорое окончание рабочего дня, когда прошли бы эти обязательные от 4 до 6 часов нахождения на службе и когда после них пойдешь на занятия в школу. Объективно социальная политика советской власти предоставляла широкие возможности получения базового образования всеми желающими. Этому способствовало создание в 1918 г. единой трудовой школы, а также широкой сети иных просветительских учреждений: рабочих клубов, вечерних курсов и другие заведений, работавших по учебным программам и планам средней школы.

Просветительские учреждения пользовались особой популярностью в среде подростков, потому что они наилучшим образом позволяли совмещать работу и учебу. В 1919 г. в Москве при Институте народного образования (бывший Институт Шанявского) начали функционировать учебные курсы. Группы учеников в них набирались, исходя из уже имевшегося образования. Как правило, речь шла о 4–6 классах гимназии или реального училища, что обеспечило довольно сильный состав слушателей. Средний возраст учеников в группах составлял 16 лет, что позволило им быстро найти общий язык и понимание. Сюда с радостью приходили на занятия, обменивались мнениями, спорили, и ценность человека определялась его знанием, жизненной позицией, а не социальным происхождением. Одна из слушательниц, Н. Федотова, написала о своем окружении следующее: «...Странно, что все люди как бы оделись в маски и играют какую-то роль одни перед другими. Каждый замкнулся в себе и боится высказаться, потому что правду сказать нельзя, а нужно играть всегда какую-нибудь роль, тем паче не подходящую к твоим взглядам и стремлениям. И только здесь (в институте. – А. Ф.) чувствуешь, что ты далек от этой жизни и что окружающее тебя совершенно не трогает, здесь жизнь делает тебя выше всего этого хаоса, который происходит кругом, и чувствуешь себя такой счастливой и довольной, здесь все такие хорошие и дух, атмосфера не та, что кругом. Во всех жизнь кипит, все к чему-то стремятся... стремятся себя обработать насколько возможно и хоть, может быть, маленького, но создать из себя человека» [3]. 27 ноября 1919 г. здесь, в институте, на уроке русской литературы слушатели получили домашнее задание – написать сочинение на тему «Москва в ноябре 1919 г.».

Учитель предложил сравнить Москву в ноябре 1914 г. и в ноябре 1919 г. Описание внешнего вида города, того, что происходило на городских улицах и о чем говорили их родные дома, что нового заметили ученики по сравнению с прежней, довоенной жизнью, со-

ставило примерный план каждого эссе. До нашего времени дошло около 30 сочинений на эту тему, и при всей неповторимости описываемых фактов и явлений, яркости суждений отдельных авторов эссе позволяют создать общую картину городской жизни такой, какой ее увидел подросток в конце 1919 г., в самый разгар Гражданской войны.

В конце ноября в Москву пришла зима со своими традиционными спутниками: снегом, гололедом, заносами. Из подростков никто не был рад наступлению этого времени года, потому что оно несло с собой ужасный холод, от которого нигде не было спасения: ни дома, ни на работе. Роза Капланская, когда-то очень любившая зиму, теперь была поражена и испугана, «увидев эту белоснежную пелену, я сейчас же подумала о несчастных обывателях, обреченных на голод, холод и, может быть, смерть. Зачем так рано пришла она, эта страшная нежеланная гостья? Кругом и так раздаются голодные вопли о хлебе насущном, а тут прибавилась еще одна страшная напасть: защита от холода. У всех вертится одна и та же мысль: «А как мы переживем эту зиму»? Эти мрачные мысли, везде один и тот же вопрос: «Запаслись ли вы дровами»? или «Есть ли у тебя теплые вещи?» [4].

Другой ученице Е. Макаровой казалось, что она постоянно слышала «плач от холода маленьких ребятишек, волею судьбы заброшенных в холодные, темные подвалы. И так больно становится за этих малюток, так хочется, чтобы поскорее проходило это время и наступило яркое лето, которое согреет всех, вдохнет в нас что-то новое, покажет малюткам, вступающим в жизнь, что на земле много хорошего, что хорошее только спало долгие месяцы и что это хорошее есть тепло и свет» [5].

Самой главной заботой горожанина становился поиск дров, поэтому на улице часто можно было встретить прохожего с топором на плече. Он направлялся рубить городские парки, телеграфные столбы, разбирать на дрова деревянные жилые здания, ломать у своих соседей заборы и изгороди. Он шел, «чтобы срубить или спилить первую попавшуюся под руку деревянную вещь: дерево так дерево, забор так забор. А то и дома кусок захватит» [6]. Люди сбивались в стаи, рыскали по Москве в поисках щепок, оставляя после себя только кирпичные печи с торчащими трубами. Разрушенные дома «делали похожей бедную Москву на город, перенесший большой пожар или сильную бомбардировку» [7]. Один из учеников по дороге в школу увидел, как женщины и ребятишки разбирали деревянный особняк. Они «старались утащить доску или какой-нибудь чурбан, но вот появляется грозная фигура милиционера, который кричит «Стой». Вслед за этим стреляет в воздух из винтовки, и выстрел гулко раздается по чистому морозному воздуху. Женщины и ребятишки, кто бросил, а кто таща доски, бегут в разные стороны по колону в снегу, не обращая внимания на грозный оклик «Стой». И так продолжается ежедневно» [8].

Снег шел непрерывно на протяжении нескольких недель, сделав из города один сплошной сугроб. По словам Тани Меньшовой, Москва «окончательно потеряла образ столичного города, походит скорее на какую-то деревню: мостовые и тротуары завалены снегом, все идет гуськом посередине улицы, скользят, спотыкаются, падают и опять покорно идут дальше» [9]. Иков Сергей пытался разобраться в причинах, почему на улице так много снега, и пришел к интересным выводам. Количество снега зависело от следующих обстоятельств: «По-моему, во-первых, так много снега никогда не выпадало. Во-вторых, но это уже не только по-моему, снег раньше вывозили за город» [10]. Если над первой «причиной» можно улыбнуться, то снег из столицы зимой действительно перестали вывозить, а стали «сгребать в огромные кучи», и даже существовали определенные нормативы, какое расстояние должно быть между ними.

Через снежные заносы с трудом пробивался не только человек, но и городской общественный транспорт. В некоторых районах Москвы трамвай вовсе перестал ходить, поэтому там все граждане ходили пешком. К этому постепенно привыкли, и уже «не кажется таким ужасным» идти пешком ходом на другой конец города». Но кое-где трамвай ходил, одна из учениц оставила довольно яркую зарисовку на эту тему: «На трамвай попасть надежды нет. Ждем по 3 часа. Как завидишь ненаглядного, так вся толпа лезет друг на друга с разъяренными лицами. У кого оборвали платье, у кого сбили шляпу с головы... И тут же ловко шныряют московские огольцы, принимая по ошибке карман соседа за свой собственный. Если попадешь в этот трамвайный рай задом наперед с избитыми боками и разорванным платьем и трамвай, весь завешанный народом, словно кистями винограда, двинется в путь, то вдогонку ему несутся проклятья оставшихся, которые провожают нас грустными глазами. А что эти счастливицы чуть не вывернуты наизнанку за это счастье попасть в трамвай, об этом никто не думает» [11]. Общественный транспорт становится притчей во языцех, и даже правила внутреннего распорядка многих советских учреждений гласили, что опоздание на работу со ссылкой на «неправильное движение трамвая уважительной причиной не является» [12].

Еще многие ученики заметили, что «редко встретишь пешехода с пустыми руками или без санок». Каждый куда-то что-то нес и при этом очень спешил. Сергей Михайлов увидел в этом характерную черту своего времени: «Один, самодовольно поглядывая, тащит в мешке на спине картошку, другой – перегибается под тяжестью мешка с капустой, а третий, озираясь, словно «тать в нощи», прячет под мышкой мешочек с мукой или же тщательно завернутую коврижку хлеба» [13]. Днем на саночках везли купленные продукты. Ночью «добытые» дрова, украденные для буржуйки куски железа. Утром и вечером – вещи на продажу.

Все лучшие домашние вещи обменивались, продавались горожанами на рынках. Капа Попова засвидетельствовала, что «предрассудки давно оставлены самыми модными барышнями. Впрочем, возить салазки — это и есть теперь самая мода, так что если говорить о моде, то она и здесь не дремлет. Искусство процветает, даже вы скажете, если понаблюдаете, как красят вышивки на шляпах у дам. Да и наблюдать не надо. Вам бросится это в глаза, куда бы вы ни пошли. Вы встретите всюду дико разодетых дам в русском духе. Впрочем, если говорить о костюме, то большинство так разодеты, что войско Наполеона при отступлении от Москвы может вполне соперничать. Больше всего бросается в глаза обувь. В прежние времена только обыватели Хитрова рынка так были одеты» [14].

На каждом углу процветала уличная торговля, которую вели дети 8–12 лет. Такой «ребенок» приобретал свой «опыт работы» на московском Сухаревском рынке: «сначала помаленьку, так что еле выручает свои деньги, но через некоторое время из него выходит маленький спекулянтчик. Он уже смело выходит на базар с мешком на спине, бойкий, немного нахальный, с вызывающим взглядом и кричит: «Мыло, спички, табак, махорку покупаю». Оглядываешься на такого ребенка, покачаешь головой и проходишь, будто это так и должно быть, и что учиться не время, когда надо кушать, ибо «кто не работает, тот не ест». Что может получиться из этого и подобных элементов для свободной России?» [15].

Другая ученица, А. Петлина добавляет, что на рынки стягивались люди со всех концов Москвы и ближайших к ней деревень. «Одни, чтобы купить, другие, чтобы продать, третьи, чтобы нажать». И подчас кажется, что «жизнь в местах, находящихся далеко от Сухаревки, совсем замирает» [16]. На Сухаревской площади, «говорят, только не купишь «отца с матерью», а то такой универсальный магазин» [17].

Цена, которую запрашивали торговцы, устраивала далеко не всех москвичей. Поэтому многие предпринимали самостоятельные поездки в деревню за продуктами. «Соберется какой-нибудь гражданин в деревню «за хлебом». Волочит на себе купленный товар чуть не 10 верст до вокзала, с трудом влезет в вагон, прогулявшись предварительно по головам своих компаньонов, простоит кое-как в холодном, с выбитыми стеклами вагоне до первой остановки. Да и уступит свой хлеб другому, кто посильнее его. Что же делать, не драться же?» [18].

По дороге на рынок одна из учениц обратила внимание на лица прохожих: они «сосредоточенные, изможденные, серьезные, порою даже озлобленные, суровые». Она же стала свидетельницей характерного разговора: «Молодая женщина жалуется какой-то старушке: «У меня уже нет сил. Муж больной. Дети голодные, а средств нет. Что делать? Как быть? Господи, помилуй!». Голос ее дрожит, глаза наполняются слезами. Старушка смотрит ласковым взглядом на нее.

А слов утешения... нет. Да и что сказать?» [19]. Или другой уличный разговор в очереди за хлебом: «Ох, матушка, почему хлебушек-то стал! Горе! Никаких денег не хватает. Служит у меня один сынок, получает гроши по теперешним временам, на хлеб не хватает. Что припасли мы с мужем, все теперь продаем. А как трудно продавать! Не дай, Господи, никому своего, нажитого трудом продавать!». — «Да уж, нечего сказать, трудно жить. Что это за жизнь, коли хлеба досыта не приходится есть. А хуже всего то, что дров нет. И зима, как на грех, ранняя да холодная. Ну дожили, нечего сказать. Москва на Москву не стала похожа: везде грязь, снег нигде не убран, на каждом углу устроили рынки, торговлю. Храмы совсем пустые, никто не ходит. Все та жизнь казалась нехороша, на земле хотели рай устроить, а вместо рая получился настоящий ад» [20].

В домашней жизни те же самые разговоры, перешедшие с улицы. «В большинстве квартир поставлена железная печурка. Около этой печурки сидела по вечерам вся семья. На ней же готовился скромный ужин. Разговоры самые прозаические. Все больше о продовольствии, о холоде, о продуктах, выдаваемых у нас на службе и у наших знакомых, о тепле в квартирах у нас, у соседей, у знакомых на службе, и все в таком виде» [21]. «Домашний очаг теряет свою прелесть, где часто вместо ласки, уюта, душевного отдыха попадают суровые, деловые родственники. Хочется чего-то уютного, близкого, милого, но его нет. Все начинают жить для тела, которое с жадностью чудовища пожирает скудные подачки времени, оно заставляет думать о нем больше, чем когда-либо» [22]. О властях говорили мало, под грузом житейских проблем отношение к ним самое безразличное. «Которым хорошо живется в настоящее время, те, безусловно, стоят за советскую власть, а те, которые голодают и переживают всякие невзгоды, те говорят: хоть бы черт царствовал, а нам дай хлебушка» [23].

При всем своеобразии, неповторимости текста разных авторов во всех эссе есть общий мотив. Самой главной проблемой своего существования на фоне голода и холода подростки считали то, что «люди превращаются в зверей» [24]. Основные проблемы ежедневного существования для них очевидны, подросткам самим пришлось решать бытовые проблемы, ведь окружающая жизнь — «...муравейник, который кто-то взял и пошевелил невидимой палочкой. Муравки-люди забегали, засуетились от неожиданности, каждый думает о том, как бы лучше устроить свою жизнь, как бы достать дрова, где бы найти себе пропитание, чтобы вновь жить так, как жили до невидимой палочки» [25]. Повседневные заботы москвича накладывали свой отпечаток на духовную атмосферу города и на его внешний вид. Столица, по мнению некоторых учеников, напоминала «провинциальный город, который и раньше не отличался особым блеском» [26] или «большую необузданную деревню» [27].

Такие эпитеты, как «Москва скучна, неприветлива, мрачна, угрюма, страшна, грустна или печальна», встречаются во всех сочинениях. Простому человеку хотелось, чтобы зима поскорее закончилась, чтобы больше не видеть окружающих лишений и страданий. Надежды молодое поколение связывало с будущим, в котором все было бы хорошо. Для многих из них это стало смыслом жизни и дало силы пережить будни Гражданской войны.

Примечания

1. Центральный архив г. Москвы (далее – ЦАГМ). Ф. 1514. Оп. 1. Д. 32. Л. 363.
2. Центральный музей-архив личных собраний (ЦМАЛС). Ф. 68. Оп. 2. Д. 68. Л. 6.
3. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 454. Оп. 3. Д. 51. Л. 75.
4. Там же. Л. 29.
5. Там же. Л. 41.
6. Там же. Л. 44 об.
7. Там же. Л. 48 об.
8. Там же. Л. 23.
9. Там же. Л. 44.
10. Там же. Л. 26.
11. Там же. Л. 54 об.
12. ЦАГМ. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 32. Л. 215.
13. ОПИ ГИМ. Ф. 454. Оп. 3. Д. 51. Л. 48 об.
14. Там же. Л. 60.
15. Там же. Л. 74.
16. Там же. Л. 5 об.
17. Там же. Л. 62.
18. Там же. Л. 44 об.
19. Там же. Л. 24 об.
20. Там же. Л. 66.
21. Там же. Л. 27.
22. Там же. Л. 32.
23. Там же. Л. 51.
24. Там же. Л. 32.
25. Там же. Л. 42.
26. Там же. Л. 50.
27. Там же. Л. 71 об.

**Насилие как повседневность: социальные
и морально-психологические последствия массовых
политических репрессий в украинском селе 1928–1936 гг.**

Роль репрессий в осуществлении сталинской модернизации аграрного сектора конца 20–30-х годов XX ст. на протяжении последних двух десятилетий активно исследуется украинскими и российскими учеными. Разным аспектам этой проблемы посвящены работы Н. Ивницкого [1], И. Зеленина [2], Ю. Шаповала [3], В. Васильева [4]. Однако, несмотря на значительные достижения отечественной и зарубежной историографии, остается целый спектр вопросов, которые требуют дополнительного изучения. Среди них так называемые эксцессы исполнителей, именуемые в официальных документах «нарушениями революционной законности», а также процесс трансформации крестьянского социума под влиянием террора. Поэтому целью данной статьи, подготовленной на основе рассекреченных архивных документов, большинство из которых впервые вводится в научный оборот, является анализ социальных и морально-психологических последствий массовых репрессий в украинском селе в 1928–1936 гг.

Интенсификация репрессивных акций во время сталинской модернизации аграрного сектора, придание террору массового, тотального характера привели к тому, что физическое, экономическое, психологическое насилие превращается в повседневное явление в жизни коллективизированного украинского села. С момента применения «чрезвычайных» методов во время хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. в официальных документах получает распространение термин «нарушения революционной законности». Подобным эвфемизмом называли незаконные штрафы, обыски, экспроприации имущества, аресты, избиения, пытки представителями власти крестьян. Используя термин «нарушения революционной законности», центральная власть стремилась отмежеваться от действий местного руководства и активистов, которые якобы неправильно выполняли кремлевские директивы, сознательно допускали извращения партийной линии, свести все к эксцессам исполнителей. Использование самого термина «нарушения революционной законности» свидетельствовало о том, что в советском государстве окончательно оформилось понятие абсолютной «презумпции невиновности» верховной власти, «генеральной линии» партии. Хотя, как справедливо отмечает историк А. Сахаров, «сама линия руководства как раз и толкала местные власти... на незаконные действия. Те, кто отвечал за претворение линии партии и правительства в жизнь, делали это в соответствии со своим культурным уровнем, опытом работы в партийных, советских, карательных органах» [5].

Начиная с 1927 г. количество случаев «преступного нарушения революционной законности» в республике постоянно увеличивалось. Если в 1927 г. суды УССР рассмотрели 816 уголовных дел о превышении власти, то в 1928 г. — уже 1663, в 1929 г. — 1902, в 1930 г. — 2712, в 1931 г. — 2500 (по неполным данным). Параллельно росло и количество случаев «квалифицированного преступного нарушения революционной законности (связанного с насилием, использованием оружия, приводящего к тяжелым последствиям)». В 1927 г. было рассмотрено 400 подобных дел, в 1928 г. — 829, в 1929 г. — 752, в 1930 — 1095, в 1931 — около 1200. Большинство фактов «нарушения революционной законности» были зафиксированы в селе, например, в 1931 г. — 87,5% обычных и 85% квалифицированных преступлений [6].

Наркомат юстиции и Генеральная прокуратура УССР объясняли увеличение количества таких уголовных дел в конце 1929 г. — первой половине 1930 г. осуществлением раскулачивания на основе сплошной коллективизации. Так, по информационным материалам ОГПУ, на 15 мая 1930 г. в 37 округах республики нарушения в процессе раскулачивания и коллективизации были зафиксированы в 3327 сельсоветах из 9908 [7]. До 29 марта 1930 г. «за искривление партийной линии при проведении текущих кампаний на селе» было привлечено к ответственности 4001 человек, из них 328 человек было отдано под суд и 478 арестовано [8].

В 1931 г. большинство дел о нарушениях центральных директив было связано с хлебозаготовительной кампанией 1931/32 г., которая сопровождалась «нечеловеческими пытками» недатчиков хлеба, которых били, «раздевали догола, заставляли стоять на коленях, наклеивали на грудь плакаты с разными надписями и везли по селу, раздевали женщины, выводили раздетых на мороз и в степь, держали по несколько дней в холодных ямах, не давали есть и спать, били револьверами, разрушали дома» [9].

Своего апогея «нарушения ревзаконности» достигли во время хлебозаготовок 1932/33 г. Тогда в буквальном смысле кулаком многочисленные заготовители выбивали хлеб из голодающего украинского села. Например, в селе Лозоватка Криворожского района уполномоченные горкома партии Пушкарев и Котов за невыполнение хлебозаготовок закрыли в погребе крестьянку Гайскую, продержали ее до вечера, потом побили. А перед тем, как ее освободить, строго предупредили, чтобы никому об этом не рассказывала [10]. По неполным данным ГПУ УССР, в декабре 1932 г. — январе 1933 г. «нарушения революционной законности» были зафиксированы в 183 селах 92 районов Украины, больше всего в Винницкой области — в 50 селах 25 районов [11].

Весной и летом 1933 г. истощенных от голода, полумертвых украинских колхозников тумаклами выгоняли на работу, а избиениями наказывали за невыполнение трудовых. Таким образом

председатели колхозов и бригады пытались искоренить «трудо-вой нигилизм» колхозников, не желавших бесплатно работать на государство. При этом физические методы воздействия практиковались по отношению не только к мужчинам, но и к женщинам, детям. Например, во время прополочных работ в колхозе «Красный Октябрь» Каменского-на-Днепре района Днепропетровской области было зафиксировано 7 случаев избиения колхозниц за неявку на работу и детей за кражу фруктов объездчиками полей. Председатель правления колхоза и секретарь партячейки знали о физических методах воспитания, но никаких мер по их прекращению не предпринимали [12].

Всего во время уборочной и хлебозаготовительных кампаний 1933 г. «факты нарушения революционной законности» «со стороны низовых работников» были зарегистрированы в 64 селах 39 районов республики. Среди нарушителей – 10 секретарей партячеек, 15 председателей сельсоветов и их заместителей, 28 председателей колхозов, 7 бригадиров, 6 счетоводов колхозов, 23 сельских активиста, 4 районных работника, которых обвиняли в незаконных арестах, штрафах, избиениях, издевательствах над крестьянами, самосудах. ЦК КП(б)У отмечал, что «нередко избиения и издевательства принимали исключительно жестокий характер», вследствие чего из 93 пострадавших умерло от побоев 24 человека [13].

Кремль прекрасно понимал, что на фоне масштабного социально-экономического кризиса, который переживал «модернизированный» по-сталински аграрный сектор, произвол местных руководителей является дополнительным раздражителем в отношении власти и крестьянства. Поэтому после завершения сельскохозяйственных кампаний союзное и республиканское руководство проводило ритуальные акции по наведению порядка: публично, но не очень сурово наказывало виновных, декларируя, что не допустит новых искривлений партийной линии по отношению к крестьянству. 25 июня 1932 г. ЦИК и СНК СССР даже приняли постановление с красноречивым названием «О революционной законности», обязавшее суды и прокуратуру «привлекать к строгой ответственности должностных лиц во всех случаях нарушения прав трудящихся, в особенности в случаях незаконных арестов, обысков, конфискации или изъятия имущества и пр.» [14].

Документы, свидетельствуют о том, что принятие указанного постановления фактически не повлияло на методы заготовительной кампании 1932/33 р., во время которой партийное руководство республики снова развернуло «решительную борьбу с фактами хулиганства и преступных действий (присвоение имущества несдатчиков хлеба)». Так, 29 декабря 1932 г. на заседании политбюро ЦК КП(б)У с участием Л. Кагановича приняли решение: «Все материалы об искривлениях со стороны районных, сельских работников и уполномоченных после проверки рассматривать в тройке ЦК по репрессиям».

Комиссии политбюро ЦК КП(б)У в составе М. Хатаевича, К. Карлсона, В. Киселёва поручалось выделить 4–5 самых значительных фактов хулиганства и воровства со стороны должностных лиц, сурово наказать виновных в судебном порядке с публикацией информации во всех районных газетах [15].

Заметим, что уголовные дела об использовании физических методов «воспитания» колхозников получали широкую огласку только в тех случаях, когда жертва насилия была членом ЛКСМУ, партии, активистом, ударником. Тогда органы ДПУ и прокуратуры рассматривали их как «террористические акты, осуществленные классовым врагом с целью классовой мести». Именно так квалифицировали избивание председателем колхоза им. Сталина Ворошиловского сельсовета Александрийского района Днепропетровской области Лемешем колхозницы М. Коваленко. Последняя от нанесенных ей травм скончалась [16].

Информационные сообщения органов ГПУ, прокуратуры, райпарткомов показывают, что многие местные начальники считали рукоприкладство неотъемлемым элементом любой хозяйственно-политической кампании. Именно этим объясняется негативная реакция отдельных районных и сельских руководителей на директиву-инструкцию ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г., декларирувавшую прекращение массовых репрессивных акций против крестьянства. Указанные представители власти утверждали, что без использования насильственных методов они не смогут обеспечить выполнение государственных посевных, уборочных, заготовительных планов. Например, председатель Слободского сельсовета Путивльского района Черниговской области Ярешко прямо заявил: «Теперь кампаний нам нельзя выполнять, пусть их выполняют те, кто это постановление подписал» [17].

Чтобы прекратить рукоприкладство должностных лиц, Наркомат юстиции УССР принял в октябре 1934 г. директиву, которая обязала органы прокуратуры обеспечить рассмотрение указанных дел в кратчайший срок, а сами дела взять на особый учет. Лиц, виновных в нанесении побоев колхозникам, независимо от занимаемой должности должны были привлекать к уголовной ответственности по ст. 98 УК УССР – «за превышение власти или служебных полномочий», которая предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок не менее шести месяцев. При отягчающих обстоятельствах («если превышение власти выразилось в насилии, применении оружия или мучительных или оскорбляющих личное достоинство потерпевшего действиях, либо сопровождалось таковыми, или повлекло за собою тяжкие последствия для потерпевшего») срок лишения свободы увеличивался до трех лет [18].

Между тем документы свидетельствуют о том, что местных руководителей было трудно заставить отказаться от физических

методов воздействия на крестьян. Распространению насилия в украинском селе способствовало то, что во время сталинской коллективизации местные руководители привыкли действовать по принципу революционной целесообразности, рассматривая очередные директивы о восстановлении социалистической законности как ритуальные, декоративные, а потому не обращали на них особого внимания. Тем более что Наркомат юстиции УССР в директивном письме, датированном 20 октября 1930 г., подчеркивал, что «революционную законность следует понимать как отражение в конкретных нормах политики нашей партии. Социальная опасность поступков оценивается в зависимости от того, как и в какой мере они мешают социалистическому строительству» [19]. Исходя из такой «политизированной логики», преступником считался крестьянин, не выполнивший нереальный заготовительный план, а не уполномоченный, который с помощью физических методов воздействия обеспечил его выполнение.

Поэтому, невзирая на провозглашенную властью борьбу с «нарушениями революционной законности», в отдельных селах республики в 1933–1936 гг. наблюдалось увеличение количества случаев «избиения колхозников и детей со стороны ряда председателей сельсоветов, колхозов и учителей». Если в 1935 г. в колхозах района деятельности Вахновской МТС Липовецкого района Винницкой области «было отмечено два случая избиения, то в 1936 г. – 19, причем подверглись избиению 32 человека, в том числе 14 детей» [20]. В целом борьба с физическим насилием должностных лиц в 1933–1936 гг. носила перманентный характер, что доказывают многочисленные директивы органов юстиции республики и сводки ДПУ-НКВД.

Неэффективность борьбы с рукоприкладством местных руководителей объясняется тем, что наказания нарушителей «революционной законности» носили формальный характер. Показательным в этом плане было резонансное дело уполномоченного по хлебозаготовкам в Казанковском районе Криворожского округа О. Бурдино. Методы работы его заготовительной бригады больше напоминали действия карателей на оккупированной территории. Так, в селе Новоскелеватка по приказу О. Бурдино «все население простояло целую ночь на морозе, у бедняков забирался даже посевной материал, производились повальные обыски, сопровождавшиеся руганью и избиениями». Скорее всего, казанковским заготовителям все бы сошло с рук, если бы доведенные до отчаяния крестьяне не начали бунтовать. 24–25 ноября 1929 г. в селах Новолазаревка и Новоскелеватка начались массовые выступления с требованиями прекратить репрессии, освободить арестованных, на которые власть была вынуждена отреагировать. Расследованием причин крестьянских волнений занималось ГПУ УССР, командировавшее в Криворожский округ ответственного сотрудника. Начальника Криворожского окротдела

ГПУ Патрушева «за несвоевременное информирование» отстранили от работы. Дело О. Бурдино даже рассматривали на заседании политбюро ЦК КП(б)У 3 января 1930 г., на котором было принято решение передать его в суд. Председатель ГПУ УССР В. Балицкий требовал сурового наказания казанковских заготовителей, «вплоть до применения высшей меры наказания» [21].

16 января 1930 г. Криворожский окрсуд осудил О. Бурдино и других заготовителей к 4 годам лишения свободы. На судебном заседании большинство фактов издевательств над крестьянами были подтверждено не только жертвами насилия, «но и самим осужденным О. Бурдино». Однако 13 мая 1930 г. Пленум Верховного суда УССР принял решение изменить приговор, установив О. Бурдино новое наказание в виде 6 месяцев принудительных работ. Одновременно смягчили наказание и другим соучастникам преступления [22]. Подобное наказание фигурантов резонансного дела продемонстрировало, что «нарушителям революционной законности» не следует бояться применения против них «твердой репрессии».

Это подтверждает и судебная статистика. По данным Наркомата юстиции УССР, в 1931 г. рассмотрение дел нарушителей ревзаконности судами в республике заканчивалось вынесением следующих приговоров: лишение свободы – 23,5% случаев, условное осуждение – 24%, принудительные работы – 45%, общественное порицание – 6,7% [23]. Подобная мягкость наказания резко контрастирует с практикой применения закона от 7 августа 1932 г.

Иногда колхозное и сельское начальство несколько раз привлекали к уголовной ответственности за злоупотребления, а они, несмотря на это, продолжали выполнять свои обязанности. Например, уже упомянутый председатель колхоза им. Сталина Лемеш в 1932 г. трижды попадал на скамью подсудимых за «искривления классовой линии» [24].

Важную роль в мягкости наказаний «перекруточиков ревзаконности» сыграла позиция областного и районного начальства, которое относилось к их деятельности снисходительно. Некоторые партийные руководители квалифицировали рукоприкладство как «ошибки», за которые «судить не нужно, а надо ограничиться крепкими указаниями» [25]. Первый секретарь Днепропетровского обкома КП(б)У М. Хатаевич неоднократно заявлял, что «не всегда выгодно и верно судить хороших председателей сельсоветов и колхозов, которые склонны к исправлению в будущем своих ошибок и безусловно принесут много пользы» [26].

В свою очередь, это влияло на позицию прокуратуры, которая закрывала дела о «нарушениях революционной законности», ссылаясь на то, «что преступление совершено в чрезвычайно сложных условиях работы», оно не привело «к каким-либо тяжелым последствиям» и т. д. [27]. Скорее всего, имелось в виду, что после из-

биений и пыток никто из крестьян не погиб. И, наконец, причиной закрытия дела могло быть изменение политической конъюнктуры: заканчивалась очередная кампания по борьбе с «нарушениями революционной законности», дело переставало быть актуальным, в результате чего, по мнению прокуратуры, дальнейшее проведение следствия становилось нецелесообразным. Вместо привлечения к уголовной ответственности к нарушителям применяли только дисциплинарные наказания. Уволив таких руководителей с занимаемых должностей в сельсовете или колхозе, их направляли на работу в другие села, где они продолжали издеваться над крестьянами. Красноречивый факт: председателя Красиловского сельсовета Бахмачского района Черниговской области Назаренко, совершавшего в 1933 г. массовые незаконные аресты крестьян, бюро райпарткома решило даже не исключать из партии, «ограничиться вынесением строгого выговора и использовать на работе председателя сельсовета в другом селе» [28].

Следует отметить, что районное партийное руководство нередко рассматривало привлечение к уголовной ответственности колхозных активистов, членов и кандидатов партии как «искривление нарсудами классовой линии». Судей и прокуроров, осмелившихся возбудить уголовные дела против «перекрутчиков» или сообщавших про нарушения вышестоящим инстанциям, райпарткомы показательно наказывали по партийной линии: исключали из партии, выносили выговоры и другие взыскания. Например, Старобельского участкового прокурора исключили из партии за то, что он сигнализировал местным органам об искривлениях партлинии во время хлебозаготовок 1931/32 р. А бюро Казанковского райкома КП(б)У решением от 11 сентября 1935 г. осудило «практику работы» нарсудьи Шабановой, обязав ее в дальнейшем «обеспечить самое внимательное рассмотрение всех дел колхозного руководящего актива, делом доказавшего свою преданность делу партии» [29].

В тех случаях, когда «нарушения революционной законности» носили массовый характер и приводили к летальным последствиям, фигурантам дел приписывали дополнительные «контрреволюционные преступления», в результате чего уголовное дело о наказании руководителей-«перекрутчиков» превращалось в привлечение к ответственности очередных контрреволюционеров. При этом факты физического насилия над крестьянами интерпретировались как вредительская деятельность, направленная на то, чтобы вызвать недовольство колхозников. Подобные формулировки очень напоминают определения в уголовных делах «вредителей» периода «Большого террора». Например, Днепропетровский облотдел ГПУ оформил дело руководства с. Гуровки Долинского района как дело «контрреволюционной кулацкой группы», члены которой – «кулаки и политбандиты» обвинялись не только в «терроре над колхозниками» (избиение

свыше 20 крестьян-бедняков, из которых двое умерли), но и во «вредительстве» и «массовом искривлении штрафной политики с целью создания недовольства среди колхозников» [30].

В целом истинные намерения власти, декларировавшей суровое наказание «нарушителей ревзаконности», иллюстрирует проведенная в конце 1930 г. «в ознаменование тридцатилетней годовщины Октябрьской революции» амнистия «трудящихся», осужденных «за должностные преступления, совершенные ими случайно в сложной обстановке острой классовой борьбы, по недостаточной опытности в работе». Амнистия распространялась на должностных лиц, «особо отличившихся» во время коллективизации, раскулачивания, хлебозаготовок, распространения госзайма и т. д. в период с 1 января 1928 г. по 7 ноября 1930 г. (включительно). Символично, что целью амнистии было предоставление возможности «нарушителям ревзаконности» «принять в дальнейшем активное участие в социалистическом строительстве» [31].

Многочисленные репрессивные акции, сопровождавшиеся физическим и психологическим насилием, безнаказанность местного начальства влияли на способность крестьян противостоять агрессивной социальной среде, сопротивляться действиям власти, порождали у них настроения отчаяния, бессилия, формировали своеобразную запуганность. Украинское село постепенно привыкало жить в атмосфере страха и тотального террора, при этом жертвы насилия считали: «Жаловаться бесполезно», «Суд, милиция, прокуратура, ГПУ – это только дымовая завеса» [32]. В результате даже в случаях длительных и жестоких издевательств колхозники не жаловались в вышестоящие инстанции, поскольку, как это ни парадоксально звучит, считали подобные действия законными. Так, колхозник Загорулько из Вершино-Каменского сельсовета Новопражского района Днепропетровской области заявил сотруднику ДПУ: «Я думал, раз это делают коммунисты, то имеется такая установка партии и правительства» [33]. Поэтому часто уголовные дела против местного начальства возбуждали только после обращения политотделов МТС, уполномоченных райкома или обкома, а не самих жертв насилия.

Заметим, что многие крестьяне осознавали декларативность, формальность кампаний по борьбе с «нарушениями революционной законности» в украинском селе. Неудивительно, что во время хлебозаготовительной кампании 1932/33 г. колхозники с горькой иронией интересовались: «А сколько в этот раз при выполнении плана будет допущено искривлений линии партии?» [34].

В то же время тотальный террор против крестьянства приводил и к нежелательным для власти последствиям. Результатом интенсификации карательных акций во время хлебозаготовок 1932/33 г. стала социальная апатия: крестьяне переставали бояться репрессий. Так, из Цюрупинского района сообщали, что «в последнее время у

большинства единоличников наблюдается притупленность в реагировании на репрессивные меры, на судебные процессы, хотя население достаточно оповещено» [35]. Как отмечает украинский историк С. Кульчицкий, в 1932–1933 гг. «крестьяне отдавали предпочтение депортации перед голодной смертью» [36]. Например, батрак Никита Поляков из села Сергеевка Павлоградского района на собрании заявил, «что страшно жалеет, что не кулак. Потому что кулаков выслали. Они теперь обеспечены едой и обувью и живут, как люди. А над нами издеваются, хлеба не дают» [37].

Массовые репрессии обусловили процессы маргинализации в крестьянском социуме. Раскулаченные, репрессированные за невыполнение хозяйственно-политических кампаний крестьяне пополняли ряды так называемого «деклассированного элемента». Даже проживая в селе легально, они превращались в настоящих изгоев: в коллективные объединения их не принимали, а сельхозинвентарь и землю, необходимые для индивидуального хозяйствования, у них уже изъяли коллективизаторы. Как правило, репрессированные крестьяне выживали за счет временных заработков. При этом местное начальство внимательно следило за каждым их шагом, обвиняя во всех неурядицах в колхозе или селе. Кроме того, даже отбыв наказание, репрессированные крестьяне оставались для власти потенциально опасными, а потому именно они становились первыми жертвами новых репрессивных кампаний. Неудивительно, что среди осужденных спецколлегиями Верховного и областных судов УССР в 1935 г. кулаки и так называемый «деклассированный элемент» составляли самую многочисленную группу: 1232 осужденных из общего количества 3539 человек. В 1936 г. их количество уменьшилось, но все-таки оставалось значительным: 568 осужденных из 4247 [38].

Заметим, что голод, отсутствие легального заработка толкали таких крестьян на преступления. В голодном 1933 г. уголовные группировки, состоявшие из спецпоселенцев-беглецов, крестьян, репрессированных за невыполнение гособязательств, «вычищенных» из колхозов, буквально терроризировали украинское село, совершая кражи колхозного и личного имущества, иногда не останавливаясь перед убийствами. Таким образом, маргинализация значительной части крестьянства привела к ухудшению криминогенной ситуации в республике: насилие породило насилие.

В целом созданная властью в годы сталинской модернизации аграрного сектора система тотального насилия в украинском селе привела к деморализации крестьянского общества, девальвации ценности человеческой жизни. При этом насилие начало восприниматься как норма в отношениях власти и крестьянства, порождая все большую вседозволенность руководителей разного ранга. Важным последствием террора стал отказ крестьян от активных форм

сопротивления: волынок, восстаний, переход к скрытому саботажу, основными проявлениями которого были невыходы на работу, кражи колхозного имущества, бесхозяйственность. В связи с этим следует согласиться с украинским историком Л. Гриневиц, которая считает, что «массовые репрессии формировали потенциальную оппозиционность» крестьянского общества сталинскому режиму, «в том числе готовность при удобных обстоятельствах (например, в случае войны) выступить против него» [39]. Слухи о начале войны или вооруженного восстания, постоянно циркулирующие в крестьянской среде в 1930-е гг. («Папа Римский выступил в защиту кулаков и организует войну», «Пограничные войска расположенные на границе с Афганистаном, узнав, что в СССР происходит грабеж крестьян и их семей, бросили границу и будут защищать их от грабительской власти» [40]) свидетельствуют том, что нередко именно с внешней агрессией украинское крестьянство связывало избавление от ненавистой власти большевиков.

Примечания

1. Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.) / М.: РАН. Институт российской истории, Университет г. Торонто, 2000. 350 с.

2. Зеленин И. Е. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 114–123.

3. Шаповал Ю. Україна 20–50-х років: сторінки ненаписаної історії / К.: Наукова думка, 1993. 352 с.

4. Васильев В. Ціна голодного хліба: Політика керівництва СРСР і УСРР у 1932–1933 рр. // Командири великого голоду: Поїздки В. Молотова і Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ. 1932–1933 рр. / За ред. В. Васильєва, Ю. Шаповала. К.: Генеза, 2001. С. 12–80.

5. Сахаров А. Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 48.

6. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 20. Д. 5488. Л. 90–91.

7. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 348.

8. Васильев В. Колективізація і селянський опір на Україні (листопад 1929–березень 1930 рр.) / В. Васильєв, Л. Віола. Вінниця: ЛОГОС, 1997. С. 240.

9. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5488. Л. 17.

10. Государственный архив Днепропетровской области (далее – ГАДО). Ф. Р-1520. Оп. 3. Д. 4. Л. 67.

11. Розсекречена пам'ять: Голодомор 1932–1933 років в Україні в документах ГПУ-НКВД. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. С. 506.

12. ГАДО. Ф. Р-1520. Оп. 3. Д. 86. Л. 44.

13. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6390. Л. 99, 100.

14. Хрестоматія з історії держави і права України: У 2-х т.: Навч. посіб. для студ. юрид. спец. вищ. закл. освіти/ За ред. В. Д. Гончаренка. Том 2: лютий 1917 р. 1996 р./ Уклад.: В. Д. Гончаренко, А. Й. Рогожин, О. Д. Святоцький. К.: Видавничий дім «Ін Юре», 2000. С. 284.

15. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 6. Д. 238. Л. 180.

16. ГАДО. Ф. Р-1520. Оп. 3. Д. 36. Л. 668, 670.

17. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6390. Л. 110.

18. Уголовное законодательство СССР и союзных республик. Сборник (Основные законодательные акты) / Под ред. Д. С. Карева. Сост.: Е. М. Ворожейкин, О. И. Гацико, Е. Д. Даманина, Ю. Г. Трещетенков, О. Ф. Шишов, А. М. Яковлев. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 105.

19. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины). Ф. 8. Оп. 14. Д. 294. Л. 110.

20. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 7065. Л. 18.

21. Васильев В. Коллективізація і селянський опір на Україні (листопад 1929–березень 1930 рр.). С. 136.

22. ЦГАВО України. Ф. 24. Оп. 13. Д. 65. Л. 45 об.

23. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5488. Л. 111.

24. ГАДО. Ф. Р-1520. Оп. 3. Д. 36. Л. 687.

25. Там же. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 1494. Л. 53.

26. Там же. Ф. Р-1520. Оп. 3. Д. 129. Л. 542.

27. Там же. Ф. П-19, Оп. 1. Д. 1494. Л. 57.

28. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6390. Л. 114.

29. ГАДО. Ф. Р-1520. Оп. 3. Д. 172., Л. 378.

30. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. – Ф. 16. Оп. 27. Д. 9. Л. 52.

31. ГАДО. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.

32. Там же. Ф. Р-1520. Оп. 3. Д. 90. Л. 42.

33. Там же. Д. 84. Л. 257.

34. Там же. Ф. П-19, Оп. 1. Д. 86. Л. 24.

35. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5394. Л. 14.

36. Кульчицкий С. Причины голода 1933 года в Украине (по страницам одной подзабытой книги)// Зеркало недели. 2003. 16 августа.

37. Там же. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 270. Л. 24.

38. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6996. Л. 22.

39. Гриневич Л. В. Морально-психологічний аспект державного терору// Політичний терор і тероризм в Укр аїні XIX–XX ст.:

Історичні нариси/ НАН України; Інститут історії України/ Відп. ред. В. А. Смолій. К.: Наукова думка, 2002. С. 541.

40. ГАДО. Ф. Р-1518. Оп. 1. Д. 4. Л. 41.

Язовник М., Язовник Л.

**«Rem parvulam cognoscere»
как методология истории террора
(на примере села Гниловоды
в восточных территориях Второй Речи Посполитой)**

Закономерно, что в глазах современного историка все большее значение получает микроисторический аспект, подразумевающий описание событий, которые происходили в узких временных промежутках и на необширных пространствах... Представляемая статья – часть довольно панорамного исследования. Она раскрывает некоторые исходные методологические позиции и интенции соавторов, созвучные наследию французской историографической школы («Annales») и общенаучному методу «Rem parvulam cognoscere». В статье рассматриваются различные аспекты применения в историческом и историко-краеведческом исследованиях некоторых, в том числе общих для многих авторов, положений микроисторического подхода, а также новой общенаучной методологии «Rem parvulam cognoscere», в основе которой лежит глубокий и многослойный, многоаспектный анализ мелочей, деталей изучаемого объекта. (Впрочем, соавторы статьи апеллируют также и к собственному опыту разработки польского историко-краеведческого и политико-исторического материала.) В микроисторических исследованиях делается упор на изучение повседневной жизни членов местных сообществ, а также на реконструкцию мировоззрений и обычаев, характерных для представителей отдельных социальных групп. А в методологии «Rem parvulam cognoscere» исследователю выдвигается принципиальное требование сосредоточиваться на деталях, даже мелочах повседневной жизни современников рассматриваемых событий. Таким образом, исследование микроисторическое дополняет традиционную историческую рефлексию, которая сосредоточивается на явлениях макроисторического масштаба, а следовательно, на великих исторических процессах и выдающихся личностях. Такая – прежде всего микроисторическая – реконструкция и предпринята авторами в данном исследовании на разноплановом материале, отражающем повседневность польского (в описываемое время) села Гниловоды.

Мы позволим себе начать эту короткую, тезисно написанную статью с того банального замечания, что проблема методологиче-

ского обеспечения исторической и краеведческой науки не теряет актуальности и в наше время. Конкретно наше исследование исторического социально-культурно-политического Целого (см., например, работы [1, strony 81–97]) обращено в большой мере на реконструкцию повседневной жизни определенной группы (в связи с этим можно указать, например, следующие публикации: [2, р. 80; 3, С. 17–23; 4, с. 313–318]) и основано у нас на том, что внимание сосредотачивается (концентрируется) на некоторых деталях этой повседневности... (см., например, [5, с. 429–432; 6, с. 103–106; 7, с. 55–56]). Сами интересующие нас детали могут быть многочисленны, но по их смыслу родов, видов их совсем немного. Эти детали «говорящие», по терминологии метода «*Rem parvulam cognoscere*» (см., например, публикацию [1, strona 165]). В соответствии с общим алгоритмом названного метода второй шаг в нем – как раз нахождение таких деталей [4, с. 313–318]. Они многообещающие, но то соблазнительное «обещание», которое они содержат, будет выполнено только в случае, если применим мощную, настойчивую, энергичную многоплановую герменевтику. Теперь, после этих вводных замечаний и отсылки к общей литературе по микроистории (самым известным «манифестом» микроистории стала статья Джованни Леви [9, р. 93–111], опубликованная впервые более 20 лет тому назад; см. также другие труды, отраженные в библиографическом списке к данной статье), мы хотели бы остановиться на отдельных моментах – важных для нашей работы, но неочевидных и тонких...

Мелочь. Метод Марка Блока и Люсьена Февра предлагал отвернуться от единичного и случайного и углубиться в повторяющееся, регулярное в истории, т. е. в те процессы, которые раскрывают закономерности исторического развития. Выбирались достаточно массовые совокупности и значительные временные отрезки для анализа глобальных социальных изменений [10] (в связи со сказанным см. также [11, pages 8–18]). На этом поприще были достигнуты немалые, широко известные успехи. В 1990 г. Дж. Леви заметил: «Микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях»; метод «*Rem parvulam cognoscere*» идет дальше: он радикально настаивает на важности мелочи и обосновывает внимание к мелочи своим методом, который «исходит из значимости детали, мелкого и даже буквально минимального» (см. в книге [12, strony 164–165]; выделение курсивом – сделано цитируемым автором; см. также [13, с. 333]). Не сразу можно понять, что подразумевается под «значимостью [. . .] буквально минимального», – в связи с этим см. словарную статью российского автора «Global as the Minimal» в международном междисциплинарном энциклопедическом словаре [14], созданном при участии международной организации «Concerned Philosophy for Peace», The «Paideia» Project at Boston University и других. Микроисторический анализ позволяет через малое прийти

к лучшему пониманию общих социальных связей и процессов, через рассказ о конкретных фактах показать реальное функционирование тех аспектов жизни общества, которые были бы искажены во время обобщения или количественной формализации... Вообще микро-историческое наблюдение может изменять традиционный взгляд на историческое целое. А исторические реконструкции и интерпретации, осуществленные благодаря концентрации на ограниченном поле наблюдения, дают качественное расширение возможностей исторического познания.

Единичный (отдельный) человек. По знаменитому замечанию Марка Блока, «Предметом истории является человек. Скажем точнее – люди. [. . .] Настоящий [. . .] историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиною, там, он знает, ждет его добыча» (это высказывание Марка Блока цитируем по очерку [15, с. 179]). Однако жанр исторической биографии не избежал кризиса в середине XX столетия, связанного с воздействием структуралистских теорий, которые испытывали интерес к социальным системам, но не к отдельным индивидам, даже если последние и образовывали этих систем! Так, Фернан Бродель из школы «Анналов» заявлял, что «событие – это пена на волне истории» (смотри об этом в следующей статье: [16]). Для его концепции «тотальной», всеобъемлющей истории, которая охватывала природно-географический, социальный и индивидуальный факторы исторического развития, время индивида и отдельного события оказывалось слишком коротким, поэтому «Долой событие, особенно тягостное! Мне нужно было верить, что история, что судьбы человечества свершаются на значительно более глубоком уровне...» (приводим эту цитату по публикации [17]). Авторитет Фернана Броделя вскоре сказались на жанре исторических биографий: они приобрели именно «тотальный» характер, ставя своей целью изучение эпохи, а не индивидуальных качеств действующих лиц (это наблюдение сделано в очерке [15. С. 179–180]). Вот пример расследованной нами индивидуальной судьбы – см. фрагмент, набранный мелким шрифтом, в параграфе «Wybuch Drugiej wojny światowej...».

Имя как символ предельно конкретного индивида, в своей работе мы особенно старались восстановить имена конкретных персон – так сказать, акторов истории... Собственное имя, т. е. наиболее индивидуальный, наименее повторяемый из возможных показателей, Карло Гинзбург и Карло Пони – авторы несколько провоцирующей статьи [18] (ее сокращенный перевод на французский язык см. в журнале [19]) – предложили сделать знаком, который позволил бы создать новую разновидность социальной истории, интересующейся индивидуумом и его связями с другими индивидуумами. Как пример такого предельного внимания к имени собственному приведем составленный нами список жертв лишь одвой бандеровской банды

в селе Гниловоды 5 января 1945 года – см. фрагмент, набранный мелким шрифтом, в параграфе «1945 год».

Значимые связи («говорящей» детали с другими деталями). «Говорящие» детали потому и являются многообещающими, что они особенно сильно связаны с другими элементами исследуемой системы, а значит, и с Целым. Анализ детали в значительной степени опирается (обосновывается) в методе «*Rem parvulam cognoscere*» на схему всеобщей (универсальной) монадной репрезентации (ср. учение Готфрида Вильгельма Лейбница о предустановленной Богом гармонии). Подробнее этот вопрос трактуется, и ближайшая литература дается в статье Ангела Касадо Маркоса де Леона и соавт. „«*Harmonia praestabilita*» у Г. Лейбница и К. Г. Юнга”, а также [20, strony 42–45]. Кстати сказать, связь между монадами такова, что бесконечно большое может быть представлено в монаде как бесконечно малое. Индивидуальное призвано сделать возможным новый подход к социальному через нить частной судьбы – человека ли, группы ли людей... А за этой судьбой проступают все единство пространства и времени, весь клубок связей, в которые она вписана. Таким образом, Карло Гинзбург и Карло Пони, по существу, возвращаются к старой мечте о целостной истории, но выстроенной «снизу». В их глазах эта история делает возможным воссоздание пережитого и неотделима от него (см. их статью [18]). Мы же в итоге многолетней работы и размышлений пришли к следующей «формуле» коллективной судьбы жителей военных/послевоенных Гниловод – см. коллективный труд [1, strony 91–93].

Контекст. «Если для того, чтобы понять личность, достаточно знать о ней все от рождения до смерти, а чтобы понять событие – все его аспекты, то современные журналисты оказываются вооруженными гораздо лучше, чем историки», – не без иронии замечает Жак Ревель (см. его работу [21. С. 110–127]). Разрешение этой проблемы, – которая во Франции, например, стоит сегодня на уровне национальной истории в масштабе макроисторическом (см. некоторые вехи в следующих работах: [22; 23]), метод «*Rem parvulam cognoscere*» видит в обращении к контексту (понятие, излюбленное в нем; при этом контекст понимается так же широко, как и текст, – в культурологическом, философском смысле).

В традиционной монографии по истории автор стремится верифицировать гипотезы и общие результаты на локальном материале. Но на самом нижнем уровне история социальной целостности рассыпается на мириады крошечных событий, в которых трудно найти организующую связь. На самом низшем уровне рассмотрения – среди мелких подробностей нелегко увидеть всю картину; великие исторические события могут выглядеть лишь как «беспорядок». Что важно в этом обилии деталей, а что не важно? Подобный вопрос задает также Джованни Леви в начале своей книги [24] (перевод на

французский язык этой же книги: [25]). Жизнь конкретного героя его исследования, известная только во фрагментах, обретает смысл, лишь вплетаясь в серию контекстов и отрывочных связей.

Принципиальным для микроисторического подхода является утверждение, что от выбора того или иного масштаба рассмотрения объекта зависят результаты в познании этого объекта. Таким образом, этот выбор сам по себе может служить стратегии познания. В фотографии менять фокус означает не только увеличивать (или уменьшать) размер изображаемого объекта, это означает также изменение его вида и фона. Далее, если прибегнуть к аналогии, в картографии при изменении масштаба изображения мы получаем не ту же самую реальность более крупным или более мелким планом, но другую по содержанию реальность, поскольку происходит выбор того, что изображается.

В качестве деталей (*res parvulae*) в нашем исследовании выступает, например, филологический, а именно фольклорный, материал: тексты песен, бытовавших среди жителей поселений Хнильча, Пановиц, Гниловоды, Подхаец, отдельных реплик, слоганов, лозунгов, которые сохранились для нас в воспоминаниях современников. (Если обратиться к «классике» микроистории, то можно указать, что сбор устных свидетельств был широко использован, например, в исследовании формирования рабочего класса в Турине в начале двадцатого века [26]; перевод на французский язык – издание [27].) Вполне максимально информативными эти песни были лишь для современников; но наше более или менее адекватное понимание полноты, Целого (Целостности) смысла тех песен и реплик возможно только одним-единственным путем – через реконструкцию контекста текста. Вообще понятие контекста «удобно и ни к чему не обязывает» [21]; его используют в смысле «общих условий, в которых находит свое место специфическая реальность, хотя при этом обычно не выходят за рамки беглого фиксирования двух уровней» (там же). Реже контекст используют для герменевтики (которая, конечно, основана на восстановлении контекста): в этом случае из контекста выводят общие причины, которые позволяют объяснить отдельные ситуации... И тогда чем успешнее наша герменевтика, чем полнее и адекватнее нам удается построить реконструкцию контекста, тем, следовательно, более верное и более точное понимание смысла текста (и Целостности) мы обретаем...

Человек, показываемый в экстремальных обстоятельствах его жизни. Одним из основных объектов микроистории становятся частная судьба человека, человеческие действия как таковые. Так, Люк Болтаньски и Лоран Тевено (см. монографию Л. Болтаньски [28]; см. также совместную монографию этих исследователей [29]) отвергают подход к человеку как абстрактному индивиду; они предлагают изучать людей прошлого в самые острые моменты их жизни:

моменты конфликтов, разоблачений, споров или разрывов. (Мы изучаем наших героев в обстоятельствах грубого, жестокого насилия над ними или причиняемого ими, бегства и жизни в качестве переселенцев.) Подход Л. Болтаньски и Л. Тевено позволяет изучить соотношение частного и общего, индивидуального и коллективного. Сообщество людей выступает как результат соглашения отдельных лиц, его стабильность зависит от их отношений: мобилизации или потери чувств справедливости, любви, агрессивности и т. д. Такой подход дает возможность создать минимальный объект анализа при максимально подробном его изучении, причем возможности обобщения, к которой так стремится макроистория, не ограничены.

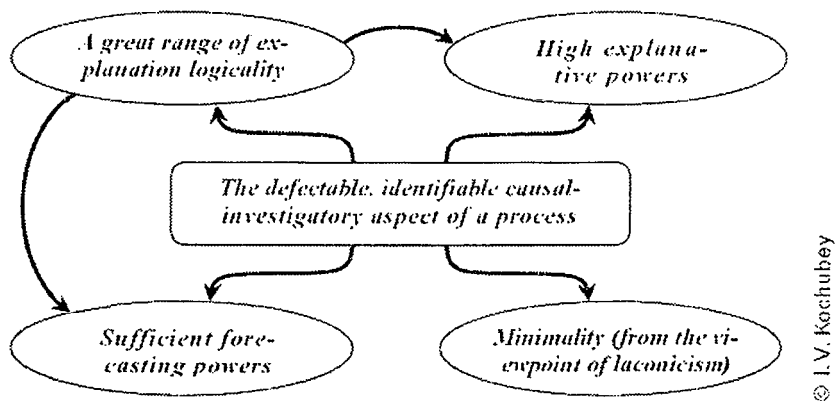
В заключение отметим, что разработка новой общенаучной методологии, в основе которой лежит глубокий и многослойный, многоаспектный анализ мелочей, деталей изучаемого объекта – «*Rem parvulam cognoscere*», – выглядит очень перспективной. Каков же статус названного метода? Автор метода заявляет его как **метод общенаучный, универсально применимый – «метод исследования объекта какой бы то ни было природы»** (цитируется по публикации в сборнике [13, с. 333]; см. также издание [1, strony 164–166]).

Реализация этого метода (осуществление алгоритма метода) принципиально требует осмысливать складывающиеся (образующие) объект мелочи, детали (*res parvulae*) «именно в качестве частей сложного и вполне системного изучаемого объекта» (цитируем по тому же очерку [13]; мы полагаем, что наречие «вполне» здесь у «историзирующего» философа нужно понимать в следующем смысле: в очень большой степени; см. также публикацию [4. С. 313, 316–317] и другие).

We współczesnej praktyce historiograficznej coraz większą wagę przywiązuje się do badań o charakterze mikrohistorycznym. Polegają one na opisie zdarzeń, które rozgrywały się w wąskich odcinkach czasowych i na niewielkich przestrzeniach terytorialnych... Kładzie się w nich nacisk na obrazowanie życia codziennego członków społeczności lokalnych, a także na rekonstrukcję poglądów i obyczajów typowych reprezentantów poszczególnych grup społecznych. Tak pojęte badania mikrohistoryczne dopełniają tradycyjną refleksję historyczną koncentrującą się na zjawiskach o wymiarze makrohistorycznym, a więc na wielkich procesach dziejowych oraz na wybitnych jednostkach. Niezmiernie interesującą propozycję synchronizacji badań mikro- i makrohistorycznych przedstawia oryginalna metodologia badań naukowych, której podstawę stanowi głęboka, wielowarstwowa i wieloaspektowa analiza szczegółów (wręcz detali) badanego obiektu – «*Rem parvulam cognoscere*».

Wstępne dylematy. Zgodnie ze wskazaną metodą nasze badanie historycznej społeczno-kulturalno-politycznej Całości ukierunkowane jest w znacznej mierze na rekonstrukcję życia codziennego określonej

grupy (w związku z tym można wymienić na przykład następujące publikacje: [2, p. 80; 3, c. 17–23; 4, c. 313–318]) i opiera się na tym, iż uwaga zostaje skupiona na niektórych detalach tego życia (zobacz na przykład następujące publikacje: [5, c. 429–432; 6, c. 103–106; 7, S. 55–56]). Same detale będące przedmiotem rozważań mogą być liczne, lecz pod względem rodzajów jest ich niewiele. Według terminologii metody «*Rem parvulam cognoscere*» są to detale «mówiące» (zobacz książkę [1, strona 165]). Zgodnie z ogólnym modelem metody «*Rem parvulam cognoscere*» drugi krok w badaniach stanowi ujawnienie takich detali [4, c. 313–318]. Są one «wiele obiecujące», lecz ta kusząca «obietnica», którą w sobie niosą, będzie zrealizowana tylko przy zastosowaniu intensywnej wielopłaszczyznowej hermeneutyki. Poczyniwszy pewne uwagi wstępne oraz odesławszy do ogólnej literatury z zakresu mikrohistorii (najbardziej znanym «manifestem» mikrohistorii jest artykuł Giovanniego Leviego, opublikowany po raz pierwszy ponad dwadzieścia lat temu: [9, p. 93–111]; wymienimy także niektóre inne ważniejsze publikacje z zakresu mikrohistorii w liście bibliograficznym), chcielibyśmy zatrzymać się na pewnych kwestiach – ważnych dla naszej pracy, lecz niezupełnie oczywistych.

Structure of effective (that is – efficient and economical at the same time) description of any process. Such the description structure corresponds to the utmost, in his opinion, to the present scientific paradigm... Arrows – mean following, conditionality of one aspect upon another aspect [8, page 63].

Szczegół. Metoda Marca Blocha i Luciena Febvre’a zakłada rezygnację z badania zjawisk jednostkowych i przypadkowych, by zagłębić się w to, co w historii powtarzające się i regularne, tzn. w te procesy, które ujawniają prawidłowości rozwoju historycznego. Wybierane są dość liczne zbiorowości i znaczące odcinki czasowe dla

analizy globalnych przemian społecznych [10] (zobacz także [11, pages 8–18]). Na tym polu osiągnięte zostały niemałe, powszechnie znane sukcesy. Wbrew wymienionym badaczom współcześni uczeni coraz częściej koncentrują się na mikrohistorii. W 1990 roku Giovanni Levi stwierdził: «Mikrohistoria oznacza nie rozpatrywanie drobniaków, lecz rozpatrzenie w szczegółach»; metoda «*Rem parvulam cognoscere*» posuwa się dalej: radykalnie obstaje on przy doniosłości szczegółu. Jego metoda «wspiera się na randze detali, *rzeczy drobnych, a nawet dosłownie minimalnych*» (zobacz jego szkic [12, strony 164–165]; wyróżnienia kursywą dokonane zostały przez cytowanego autora; zobacz też idem [13, s. 333]). Nie od razu oczywiste jest, co należy rozumieć pod «значимостью [...] буквально минимального» – w związku z tym zobacz artykuł słownikowy autora rosyjskiego «*Global as the Minimal*» [14], przy współprac. «Concerned Philosophy for Peace», The «Paideia» Project, Międzynarodowej Fundacji Społecznej Badań Społeczno-Ekonomicznych i Politycznych i in. Analiza mikrohistoryczna pozwala poprzez to, co szczegółowe, dojść do lepszego zrozumienia ogólnych związków i procesów społecznych, poprzez opowiadanie o konkretnych faktach – pokazać realne funkcjonowanie tych aspektów życia społeczeństwa, które byłyby zniekształcone podczas uogólnienia lub formalizacji ilościowej... Generalnie, obserwacja mikrohistoryczna może zmieniać tradycyjne spojrzenie na historię. A historyczne rekonstrukcje i interpretacje, dokonane dzięki koncentracji na ograniczonym polu obserwacji, wnoszą zmianę jakościową i poszerzenie możliwości poznania historycznego.

Indywidualium. Zgodnie ze słynną konkluzją Marca Blocha: «Przedmiotem historii jest człowiek. Ścisłej mówiąc – ludzie. [...] Prawdziwym [...] historyk podobny jest do baśniowego ludożercy. Wie, że tam, gdzie czuć ludzkim mięsem, czeka na niego zdobycz» (tę wypowiedź Marca Blocha cytujemy za [15, c. 179]). Jednakże gatunek biografii historycznej nie uniknął (w połowie XX wieku) kryzysu związanego z wpływem teorii strukturalistycznych, które przejawiały zainteresowanie systemami społecznymi, lecz nie odrębnymi jednostkami, nawet jeśli te ostatnie tworzyły owe systemy! Fernand Braudel ze szkoły «*Annales*» twierdził wręcz, iż «wydarzenie – to piana na fali historii» (szerzej na ten temat zobacz [16]). W świetle jego koncepcji «totalnej», wszechogarniającej historii, która obejmowała przyrodniczo-geograficzne, społeczne i indywidualne czynniki rozwoju historycznego, czas jednostki i pojedynczego wydarzenia okazywał się zbyt krótki, stąd nawoływał: «Precz z wydarzeniem, w szczególności przygnębiającym! Musiałem wierzyć, że historia, że losy ludzkości dokonują się na znacznie głębszym poziomie...» (cytujemy za [17]). Autorytet Fernanda Braudela wkrótce wpłynął na gatunek biografii historycznej: nabrał on właśnie «totalnego» charakteru, stawiając sobie za cel zgłębianie epoki, a nie indywidualnych cech jednostek! (to spostrzeżenie zawarte jest w szkicu [15. C. 179–180]).

Imię i nazwisko jako symbol konkretnej jednostki. W naszej pracy staraliśmy się przywołać nazwiska konkretnych osób – jak można by powiedzieć – aktorów historii... Imię własne, tj. najbardziej indywidualną, najrzadziej powtarzającą się z możliwych sygnatur, C. Ginzburg i C. Poni – autorzy nieco prowokacyjnego artykułu: [18] (skrótowy przekład w języku francuskim zobacz w czasopiśmie [19]) – zaproponowali uczynić znakiem, który pozwoliłby stworzyć nową odmianę historii społecznej, zainteresowanej jednostką i jej związkami z innymi jednostkami.

Znaczące związki («mówiącego» detalu z innymi detalami). «Mówiące» detale właśnie dlatego są «wiele obiecujące», gdyż są szczególnie silnie związane ze wszystkimi innymi elementami badanego systemu – a zatem także z Całością. Analiza detali w znacznym stopniu opiera się w «Rem parvulam cognoscere» na teorii monad (porywnyw. teorię G. W. Leibniza o ustanowionej przez Boga harmonii). Więcej na ten temat zobacz artykuł Igora W. Koczubeja i Angela Casado Marcosa de Leona „«Harmonia praestabilita»”; zobacz także [20, strony 42–45]. Nawiasem mówiąc, związek między monadami polega na tym, że *nieskończenie wielkie może być reprezentowane w monadzie jako nieskończenie małe!*

Powołaniem tego, co indywidualne, jest umożliwienie nowego podejścia do tego, co społeczne, poprzez nić losu osobistego – czy to człowieka, czy też grupy ludzi. W ten oto sposób C. Ginzburg i C. Poni w istocie powracają do starego marzenia o całościowej historii, lecz zbudowanej «od dołu». W ich oczach tego rodzaju historia umożliwia dokonywanie pogłębionej rekonstrukcji przeszłości (zobacz ich monografię [18]).

Kontekst. «Jeśli dla tego, aby zrozumieć jednostkę, wystarczy wiedzieć o niej wszystko od narodzin do śmierci, i aby zrozumieć wydarzenie – pojąć wszystkie jego aspekty, to współcześni dziennikarze okazują się uzbrojeni znacznie lepiej niż historycy» – nie bez ironii stwierdza Jacques Revel (zobacz jego książkę [21, c. 110–127]). Rozstrzygnięcie tego problemu – który na przykład we Francji rozpatrywany jest dziś na poziomie historii narodowej w skali makrohistorycznej (zobacz pewne ustalenia w następujących pracach: [22; 23]) – I. K. widzi w zwróceniu się ku kontekstowi (ulubiony termin rosyjskiego filozofa, przy czym pojmuje on kontekst tak samo szeroko, jak i tekst – w kulturologicznym, filozoficznym sensie).

W tradycyjnej monografii z zakresu historii autor dąży do zweryfikowania hipotez i ogólnych rezultatów na materiale lokalnym. Lecz na najniższym poziomie historia społecznej Całości rozsypuje się na miriady drobniotkich wydarzeń, w których trudno znaleźć organizujący je porządek. Na najniższym poziomie analizy wśród drobnych szczegółów niełatwo jest dostrzec cały obraz; wielkie wydarzenia historyczne mogą wyglądać niemalże jak «bałagan». Co jest istotne w tej mnogości

detali, a co nieważne? Podobne pytanie zadaje także Giovanni Levi na początku swojej książki [24] (przekład na język francuski tej książki – wydanie [25]). Życie konkretnego bohatera, znane tylko fragmentarycznie, nabiera sensu dopiero wtedy, gdy wplata się w serię kontekstów i urywkowych związków.

Dla podejścia mikrohistorycznego zasadnicze jest twierdzenie, iż od wyboru tej lub innej skali analizy obiektu zależą wyniki poznania tego obiektu. Dzięki temu ten wybór sam w sobie może służyć strategii poznania. Pozwolimy sobie uciec się do pewnych analogii. W fotografii zmiana ogniska oznacza nie tylko powiększenie (lub zmniejszenie) rozmiaru przedstawianego obiektu, oznacza także zmianę jego wyglądu ogólnego i tła. Z kolei w kartografii przy zmianie skali otrzymujemy nie tę samą realność w zbliżeniu lub oddaleniu, lecz inną pod względem treści i zawartości realność, ponieważ dokonany zostaje wybór tego, co jest przedstawione.

W charakterze takich detali (*res parvulae*) w naszych badaniach występuje niekiedy na przykład materiał filologiczny, a konkretnie folklorystyczny, na przykład teksty pieśni zachowanych wśród mieszkańców Hnilcza, Panowic, Gniłowód, Podhajec, a nawet pojedynczych wykrzyknień i haseł, które przetrwały we wspomnieniach świadków opisywanych wydarzeń. (Zwracając się do «klasyki» mikrohistorii, można wykazać, że zbiór ustnych świadectw był szeroko wykorzystywany na przykład podczas badań na kształtowaniem się klasy robotniczej w Turynie na początku XX wieku [26]; przekład na język francuski tej książki – wydanie [27].) Maksymalnie zrozumiąły charakter pieśni te miały jedynie dla współczesnych; lecz nasze bardziej lub mniej adekwatne pojmowanie pełnego sensu tych pieśni i replik możliwe jest tylko w jeden jedyny sposób – poprzez rekonstrukcję kontekstu, w którym powstawały. Ogólnie rzecz ujmując, pojęcie kontekstu «jest wygodne i do niczego nie zobowiązuje» (cytujemy za [21]); używa się go w sensie «ogólnych warunków, w których swoje miejsce znajduje specyficzna realność, chociaż zwykle nie wychodzi się przy tym poza ramy pobieżnego określania dwóch poziomów» (*ibidem*).

Człowiek pokazywany w ekstremalnych sytuacjach życiowych. Jednym z podstawowych obiektów mikrohistorii jest indywidualny los człowieka, ludzkie działania jako takie. Z tego względu Luc Boltanski i Laurent Thevenot (zobacz monografię Boltanskiego [28]; zobacz także monografię Boltanskiego i Thevenota [29]) odrzucają traktowanie człowieka jako abstrakcyjnego indywiduum; proponują oni badanie ludzi żyjących w przeszłości w najbardziej dramatycznych momentach ich życia: momentach konfliktów, sporów lub rozłamów. Stąd też ukazujemy naszych bohaterów w sytuacji, gdy stają się ofiarami okrutnej przemocy i gdy zmuszeni zostają do ucieczki oraz przesiedlenia.

Podejście proponowane przez Luca Boltanskiego i Laurenta Thevenota pozwala zbadać współzależność spraw osobistych i ogólnych,

indywidualnych i zbiorowych. Społeczność ludzka jawi się jako rezultat porozumienia pojedynczych osób, jej stabilność zależy od ich powiązań: wzrostu lub utraty poczucia sprawiedliwości, miłości, agresji itd. Takie stanowisko umożliwia wykreowanie minimalnego obiektu analizy przy maksymalnym szczegółowym jego przestudiowaniu, przy czym możliwości uogólnienia, do czego tak dąży makrohistoria, są tu wręcz nieograniczone.

Wybuch Drugiej wojny światowej... O wybuchu wojny mieszkańcy Gniłowód dowiedzieli w nocy. Wieść o napaści niemieckiej przerwała zorganizowaną we wsi niedzielną potańcówkę. Siedmiu mężczyzn bezwzględnie wyruszyło na wojnę i brało udział w kampanii wrześniowej. Część z nich (np. Michał Laska – żołnierz słynnego na całą Rzeczpospolitą 14 Pułku Ułanów Jazłowieckich) trafiła do obozów jenieckich, inni (np. ciężko ranny brat Michała – Władysław Laska, komendant Związku Strzeleckiego i kapral ułanów jazłowieckich) powrócili do wioski. Powrót nie był bezpieczny. Polscy żołnierze byli napadani przez bandy ukraińskie. Mordowano ich oraz zabierano im broń i mundury.

W drugiej połowie września do wsi wkroczyły oddziały rosyjskie. Żołnierze radzieccy, odziani w liche rubaszki i z karabinami na sznurkach, maszerowali skrajem wioski niekończącymi się kolumnami. Mieszkańcy Gniłowód sądzili początkowo, że wojska sowieckie podążają z odsieczą, niesioną polskim żołnierzom. Rychło jednak okazało się, jak dalece mylne było to domniemanie. Władze rosyjskie natychmiast zaczęły ustanawiać nowe porządki. Odsunięto Polaków od stanowisk we wszystkich urzędach i instytucjach. Ich miejsce zajęli Rusini. Nowo powołany naczelnik wsi (tzw. *hława*), Hryńko Patra, Ukrainiec o orientacji prorosyjskiej, szybko rozpoczął działania kolektywizacyjne. Niedługo jednak dane mu było sprawować władzę. Gdy w 1941 roku Hitler wydał wojnę Związkowi Radzieckiemu, a wojska rosyjskie uciekły w popłochu przed naporem oddziałów niemieckich, *hława* został złapany przez ukraińskich nacjonalistów. Torturowano go przez tydzień, a później ślad po nim zaginął. Niewielka dziura w ścianie komory, w której go więziono, miała być świadectwem tego, że udało mu się zbiec. Nikt w to nie wierzył, bo wiadano, że ten olbrzymi mężczyzna został tak zmaltretowany, że absolutnie nie był w stanie wymknąć się z rąk oprawców. Nawiasem mówiąc, okrutny los spotkał także jego rodzinę. Gdy w wyniku kontrofensywy radzieckiej wojska niemieckie zmuszone były bodaj pod koniec 1943 roku wycofać się z Podola, banderowcy zaczęli obawiać się, że rodzina zamordowanego wskaże sprawców zabójstwa. Zaczaili się więc na jego syna, który ukrywał się w sąsiednich zagrodach. Gdy ten nad ranem pojawił się w rodzinnym domostwie, natychmiast otoczyli chatę. Zmaltretowali w niej młodzieńca, jego siostry i matkę – krawcową, będącą Polką, o nazwisku panińskim Hanna Fiszer. Następnie wszystkich powiesili.

Zabójstwo *hławy* nie było pierwszym mordem dokonanym w Gniłowodach przez banderowców. Nieco wcześniej najprawdopodobniej za życzliwy stosunek wobec Polaków i Rosjan zabity został młynarz nazwiskiem Hewa oraz jego syn.

Pierwszy atak przez banderowców. Po raz pierwszy banderowcy zaatakowali 17 lutego 1944 roku.

W mroźny wieczór kilkusobowa grupa Ukraińców przebranych w rosyjskie mundury, zagrabione w czasie odwrotu armii sowieckiej, wkroczyła do wsi. Uzbrojeni mężczyźni przybyli pod dom Piotra i Paranii Lasków. Na ich widok mężczyzna uciekł na strych, zaciągając za sobą drabinę. Brzemienna kobieta została przy małym dziecku. Nie znalazłszy jej męża, upowcy przywieśli do sieni schwytanego wcześniej 30-letniego Władysława Laskę, ok. 40-letniego Mateusza Olszewskiego i 28-letniego Franciszka Laskę. Postanowiono mężczyzn zarębać siekierami. Pojmani nie mogli liczyć na litość ukraińskich siepaczy. Okrucieństwu banderowców towarzyszył niespotykany cynizm. Od schwytanych co rusz żądali, aby nieco inaczej układali głowy na drewnianym progu domostwa. Przykładali siekiere do ich szyi, przymierzając się do zadania śmiertelnego uderzenia. Mężczyźni, sparaliżowani strachem, czy też może przeświadczeni, że – wobec niemożliwości uwolnienia się – najlepszym dla nich rozwiązaniem będzie skrócenie czasu egzekucji, posłusznie wykonywali polecenia oprawców. Wreszcie siekiera grzęzła w karkach ofiar. Krew szerokimi strumieniami zalewała podłogę. Po jakimś czasie banderowcy odeszli, pozostawiając ciała pomordowanych. Wkrótce po tym zdarzeniu Parania powiła dziecko. Urodziło się ono karłowate...

W tragiczny wieczór banderowcy zabili siekierami jeszcze czterech innych mężczyzn. Około godziny 20.00 pojawili w zagrodzie Piotra i Stefanii Piątaków. Kobieta przędła wełnę przy nitym świetle lampki naftowej, gdy banderowcy zastukali do okien. Właściciel posesji, silny 40-letni mężczyzna, szybko podskoczył do drzwi i zaparł je z całych sił. Oboje małżonkowie głośno krzydzeli, prosząc o ratunek. Nikt nie przybył z pomocą. Tymczasem napastnicy, nie mogąc sforsować drzwi, wybili okno kolbami karabinów i wskoczyli do mieszkania. Strzelili do Piotra Piątaka. Gdy ten usunął się na ziemię, ugodzili go siekierą w głowę. Stało się na oczach jego żony Stefanii (będącej w siódmym miesiącu ciąży) oraz ich 9-letniej córki. Niedługo później przyszło na świat dziecko Stefanii. Przeżyło ono zaledwie 3 miesiące. Po dokonaniu mordu w domu Piotra i Stefanii Piątaków banderowcy zabili siekierą 24-letniego Jana Bokłę. W podobny sposób pozbawili życia 18-letniego Stanisława Kulczyckiego. Odrąbali mu głowę na oczach jego 6-letniego bratanka Henryka Kulczyckiego.

Serię okrutnych rzezi dokonanych 17 lutego zakończyło zabójstwo ok. 30-letniego Stanisława Iwaczewskiego. Okoliczności jego śmierci nie są bliżej znane. Wiadomo tylko, że zginął od uderzeń siekiery.

Jesień 1944 roku. Nie zawsze banderowcy mogli mordować bez oporu ze strony napadniętych. Nie dopisało im szczęście jesienią 1944 roku. Od dawna zastawiali zasadzkę na 33-letniego Jana Piąta, który w Podhajcach współpracował z oddziałami Armii Krajowej. Wreszcie udało się go zastać w domu. Gdy tylko przyjechał, aby zobaczyć się z rodziną, do jego chaty zawitała ukraińska sąsiadka. Wkrótce po jej wyjściu pojawili się banderowcy. Okrzykli posesję. Dwóch spośród nich wkroczyło do mieszkania. Zażądali, aby wyszedł na podwórze. Młody, bardzo wysportowany mężczyzna odłożył kołysane przez siebie dziecko. Przechodząc obok pieca kuchennego chwycił gar, w którym gotowały się knedle, i chlusnął wrzątkiem w twarz jednego napastników. Poparzony wyskoczył, wyjął z bólu. Drugi został śmiertelnie ugodzony garnkiem. Pozostali banderowcy zaczęli strzelać. Jan wbiegł po drabinie na strych. Prawdopodobnie miał tam ukryte granaty. Przez dziurę w strzesze usiłował rzucić jeden z nich w stronę upowców, ale czy to dlatego, że został ugodzony kulą, czy też dlatego, że w zdenerwowaniu zbyt pospiesznie wyciągnął zawleczkę, nie udało mu się tego zrobić. Granat wybuchł w jego dłoni. Wieść głosi, że napastnik pozbawiony oczu uprosił swych pobratymców, aby go zastrzelili.

Począwszy od jesieni banderowcy nocami systematycznie odwiedzali wieś, domagając się jedzenia, ubiorów i karmy dla koni. Gdy tylko zapadał zmierzch, Polacy szukali dla siebie kryjówek. Niektórzy znajdowali schronienie u życzliwych krewnych lub znajomych pochodzenia ukraińskiego, na przykład paroletni podówczas Henryk Kulczycki ukrywał się u Gienka Hewki, inni przygotowywali mniej lub bardziej wymyślne schowki. Kryjówkami były m.in. jama pod stertami obornika, podwójna ściana w oborze, prowizoryczne piwnice, stogi siana, sterty słomy, kopce ziemniaków, a nawet dziury wyżłobione w ścianach chałup, obłożonych słomą.

Długie godziny jesiennych, a następnie zimowych wieczorów i nocy wlokły się w nieskończoność. Często wypełniała je modlitwa, by przetrwać do rana lub choćby o to, że jeśli już banderowcy znajdą skrywającą się rodzinę, to niechaj jej członków rozstrzelają, byleby się nie pastwili. Modlitwie towarzyszyło ciągłe nasłuchiwanie oraz potworny, przerażający, zaciskający gardło strach. Wielu mieszkańców Gniłowód ten strach już nigdy nie opuścił. Nawet do dziś, choć od dramatycznych wypadków niebawem minie już siedem dekad.

Dzień 02.12.1944 r. 2 grudnia 1944 roku banderowcy po raz kolejny przybyli po upatrzone przez siebie ofiary. Późno w nocy pod domem Michała i Katarzyny Olszewskich (oboje w wieku 42 lat) zatrzymały się sanie. Sześciu przybyszów wtargnęło do domu. Po chwili mężczyźni wywekli do sań, kobietę zaś, która nie chciała im podać jego płaszcza, uderzyli kolbą po plecach. Niewiasta zmarła po trzech tygodniach, w samą Wigilię. Jej osierocone dzieci, Romana i Tadeusz, nigdy też już nie zobaczyły ojca. Już po wojnie dowiedziano się, że został wywieziony

za wieść. Tam zmuszony został do wykopania grobu. Z obciętym językiem oraz z połamanymi rękami i nogami został wrzucony do jamy i zakopany żywcem. Jedni twierdzą, że został zamordowany za to, że był świadkiem zbrodni na rodzinie *hlavy*, Hryńka Patry, inni natomiast przypuszczają, że przyszło mu zapłacić cenę za to, iż przez przypadek zauważył ukrywającego się na podwórzu jednej z sąsiadek długobrodęgo banderowca. W dniu, w którym zbrodniarze uprowadzili Michała Olszewskiego, przyszli także po jego brata – Kazimierza. Dzięki przytomności umysłu kilkunastoletnich córek, które zdołały przekonać banderowców, że ojca nie ma w domu, Kazimierz uniknął tragicznego losu. Zbrodniarzom udało się natomiast schwycić 34-letniego Antoniego Błahe. Wywieziony razem z Michałem Olszewskim zaginął bez wieści. Po tych uprowadzeniach mężczyźni w sile wieku przenieśli się do Podhajec. Część z nich, aby uniknąć śmierci z rąk banderowców, dobrowolnie zgodziła się wyjechać na roboty do Niemiec. W Gnińowodach spośród Polaków pozostali wyłącznie starcy, kobiety i dzieci.

1945 rok. Początek 1945 roku nie wróżył niczego dobrego. W pierwszych dniach stycznia, tuż przed Świętem Trzech Króli, pojawiły się złowróżbne plakaty z napisem: «Świeca na stole, siekiera na czole» («Свечка на столе – топор на башке»). W rzeczy samej, 5 stycznia w noc poprzedzającą wspomniane święto, banderowcy dokonali kolejnej rzezi.

Zabili z karabinów maszynowych 36 mieszkańców wsi... Zginęło pięcioro dzieci z rodziny Bokłów, ich ojcu – Jakubowi Bokle – udało skryć się w studni. Najstarsza z rodzeństwa, Helena, miała 20 lat. Zastrzelona została też Maria Maczuga (35 lat) i jej troje dzieci (10-letnie, 5-letnie oraz 6-miesięczne). Rozstrzelana została 6-osobowa rodzina Mazurków (rodzice i czworo małych dzieci). Śmierć poniosło starsze małżeństwo – Anna (60 lat) i Roman (65 lat) Michałowscy. W obecności swego ukraińskiego męża zabita została sprzyjająca Polakom 40-letnia Józefa Moroz. Od kul zginęła wraz z trójką małych dzieci 35-letnia Maria Niedźwiecka. Wśród pomordowanych znaleźli się dwaj bracia Olszewscy wraz ze swymi rodzinami. Zginęli mianowicie Tekla (53 lat) i Piotr (65 lat) Olszewscy oraz trójka ich dzieci: Anastazja (22 lat), Ludwik (14 lat) oraz Anna (4 lat). Śmierć ponieśli ponadto Maria (60 lat) i Antoni (68 lat) Olszewscy wraz z 21-letnią córką Magdaleną. Zabita została również ich druga córka – Anna Czarna (32 lat) wraz ze swym 13-letnim synem z pierwszego małżeństwa, Czesławem Laską, oraz 2,5-letnim synkiem z drugiego małżeństwa – Mieczysławem Czarnym, a także z 70-letnim teściem – Janem Czarnym. Listę pomordowanych zamykają 24-letnia Anastazja Zamkotowicz oraz jej ok. 60-letni ojciec – Kazimierz Zamkotowicz. Ciała pomordowanych złożono na rozpostartych prześcieradłach we wspólnym, dziś zupełnie zaniedbanym grobie na gnińowodzkim cmentarzu.

Kiedy Polacy obchodzą Święto Trzech Króli, grekokatolicy świętują Wigilię Bożego Narodzenia. Wigilia 1945 roku dla członków Ukraińskiej Powstańczej Armii musiała mieć wyjątkowy charakter. Trudno sobie wyobrazić, co banderowcy odczuwali, gdy tuż po zakończeniu serii mordów zasiedli do uroczystej kolacji i złożywszy ręce zbroczone krwią polskich dzieci, kobiet i starców zanosili modlitwy w radosnym oczekiwaniu na Narodziny Pana. Po okrutnej zbrodni stało się jasne, że choć wpięrow banderowcy mordowali w Gnińowodach tylko mężczyzn, to teraz nie oszczędzają nikogo i jest tylko kwestią czasu, kiedy przyjdą po kolejne ofiary. W tej sytuacji polskie rodziny w pośpiechu przenosiły się do Podhajec. Tam wprowadzały się do mieszkań pozostawionych przez wymordowaną ludność żydowską. Z kolei opustoszałe domy Polaków zasiedlali przybywający do wsi Łemkowie. Po prawie półrocznym pobycie w Podhajcach mieszkańcy Gnińowod ruszali transportem na Zachód. Nie wiedzieli, co ich czeka. To, czego byli pewni, znakomicie oddawała śpiewana przez nich pieśń:

Lepiej nam będzie w ziemiankach siedzieć,
jak banderowców na swe oczy widzieć.

Przeświadczenie wyrażone w pieśni nie było bezpodstawne. Na terenie Gnińowod mordy dokonywane przez nacjonalistów ukraińskich zdarzały się jeszcze po wojnie. Zabity został m.in. rosyjski dowódca komendy policji, Mikołaj Maślanka. Zgłodzony został Ukrainiec nazwiskiem Kameniuk wraz z żoną i dwójką dzieci za to, że odmawiając banderowcom dostarczenia mięsa, ośmielił się powiedzieć upowcom, że budują oni Ukrainę, ale zamiast ją zbudować, zabierają świnię. Nieco później złapanemu na drodze Iwanowi Patrze, jego żonie i 2-letniemu dziecku brzytwą poderżnięto gardła.

1947 rok. Jesienią 1947 r. Rosjanie przeprowadzili akcję pacyfikacyjną. Okazało się, że w obrębie wsi i tuż za nią pod ogrodami ciągnęły się wielokilometrowe bunkry, w których ukrywali się banderowcy. Część z tych banderowców wywieziona została w głąb Rosji, do Mikołajjaska. Ci, którzy pozostali w bunkrach, byli z nich usuwani zbrojnie. Żołnierze wrzucali granaty do ziemianek, a następnie, niszcząc sady, czołgami zasypywali podziemne tunele, biegnące aż do położonej o 3 kilometry dalej Hetmańskiej Woli. Michał Bokła, zmuszony do wywożenia ciał zabitych w ziemiankach, za tę pomoc udzieloną Rosjanom został zabity wraz ze swą żoną – Marią. Około 50-letni małżonkowie zostali wywleczeni z własnego domostwa na przylegające do wsi pole i zamordowani. Dzieci pasące krowy znalazły tam ich zwłoki lekko przesypane ziemią. Jak się okazało, kobieta została zastrzelona, zaś mężczyzna miał wydzgane oczy i odcięty język. Zabójca Michała i Marii Bokłów, pół-Polak Anton Michałowski, sam poniósł śmierć z rąk swych upowskich dowódców. Jego głowę banderowcy wyrzucili na pole. Psy przenosiły ją z miejsca na miejsce. Nikomu – pod groźbą kary śmierci – nie wolno było jej zakopać.

1948 rok. W roku 1948 wojska radzieckie podjęły ostrą akcję pacyfikacyjną. Pod Gniłowodami doszło w niewielkim odstępie czasowym do czterech ciężkich potyczek między banderowcami a żołnierzami rosyjskimi. Pola położone po obu stronach wsi zostały gęsto zasłane trupami upowców i Rosjan. Jedno z pól było tak pokryte krwią i mózgiami zabitych, że krowy, wyczuwając charakterystyczny fetor, bały się tamtędy przechodzić.

Powróćmy jednak do mieszkańców Gniłowód, którzy znaleźli się w transporcie zmierzającym na Zachód. Ich nostalgii za utraconym Podolem towarzyszyły olbrzymie nadzieje i oczekiwania. Znajdowały one wyraz w słowach pieśni:

Musimy zostawić swe rodzinne chatki,
jechać do Polski jako do swej matki.
Ach, witaj Polsko i ty ziemio święta,
my twoje dzieci, my twoje orłeta.
Musisz nas przyjąć pod swoją opiekę,
nie dasz nam zginąć i przepaść na wieki.

Nadzieje te tylko częściowo się ziściły. Polska powojenna przyjęła gniłowodzian, ale nie jak matka, lecz raczej jak macocha. Dała wprawdzie dach nad głową, ale matczynej troski nie okazała.

Mieszkańcy Gniłowód częstokroć posiłkują się typowym dla języka staropolskiego zabiegiem metonimicznym polegającym na zastępowaniu nazwy mieszkańców nazwą miejscowości. Zamiast więc stwierdzenia, iż «Zeszli się wszyscy gniłowodzianie», usłyszemy, iż «Zeszły się całe Gniłowody», a zamiast sformułowania, iż «Spotkała się połowa gniłowodzian», usłyszemy, że «Spotkała się połowa Gniłowód». Posiłkując się tą konwencją językową, można powiedzieć, iż Gniłowody mają żal. Spowodowany jest on wieloma okolicznościami.

Zakończenie. Jaki jest charakter metodologii «*Rem parvulam cognoscere*»? Uczony rosyjski określa ją jako sposób prowadzenia badań naukowych mający uniwersalne zastosowanie: «metodę badania obiektu wszelakiej natury» (cytujemy za [13, c. 333]; zobacz też idem: [1, strony 164–166]). Realizacja tej metody wymaga skoncentrowania uwagi na detalach (*res parvulae*), składających się na dany obiekt, «właśnie w charakterze części składowych złożonego i w pełni kompleksowego badanego obiektu» ([13]; uważamy, że przysłówki «całkowicie» należy rozumieć w następującym sensie: w znacznym stopniu; zobacz także artykuł [4]).

Примечания

1. Pamięć czasu Zagłady 1939–2009. – Zielona Góra: Wydawnictwo «Księgarnia Akademicka», 2011. 450 stron.

2. Kochubey I.V. In the Mist... Initial Articles Containing Yet Vague Outlines of My Doctrine about the Order of Everyday Things... / Premonitory notes on the text and unauthorized translation from

Russian by Elena E. Dizhechka // *ACA International Scientific Conferences Series: [Proceedings of the Conference]. Volume VI / American Con. Alliance, LLC, the Humanities Center of the K. S. U. C. A., and other. – New York; Paris, and other: Sine Publishers, 2010. P. 74–81.*

3. Семиотика культуры & искусства: Материалы Четвертой международной научно-практической конференции «Семиотика культуры и искусства» (Краснодар, 26 ноября 2006 г.) = *Semiotics of Culture & Art: Proceedings of the Fourth International Conference «Semiotics of Culture and Art» (Krasnodar, November 26, 2006) / Ред.-сост. И. В. Кочубей, П. С. Волкова; Мин-во культуры и массовых коммуникаций Рос. Фед., Краснодарский госуниверситет культуры и искусств и др. – Краснодар: КГУКИ, 2007. 178 с. + [4] с. илл.*

4. Социально-гуманитарные знания: [Центральный научно-образовательный журнал, включенный в перечень ВАК Рос. Фед.]. М., 2008. № 1. С. 313–318.

5. Твардовские чтения. IV: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (туризм, краеведение, рекреация, экология, образование): г. Краснодар, 25–26 февраля 2012 г. / Департ. комплекс. развития курортов и туризма администрации Краснодар. края, НЧОУ ВПО «Кубанский социально-эконом. ин-т», Краснодар. регионал. отд-ние Русского Географ. о-ва и др. Краснодар: изд-во КСЭИ, 2012. 447 с.

6. Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды IV Международной научно-теоретической конференции / Ответственный за выпуск О. Д. Шипунова. – Санкт-Петербург: издательство Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, 2011. С. 103–106.

7. Dizhechka E[lena] E. Translator's Report on a New Doctrine about the Order of Everyday Things That Soon Will Be Published // *Topical Problems of the Humanities Knowledge: [International Interdisciplinary Scientific-Theoretical and Methodical Journal]. 2010. No. 1–2. P. 55–56.*

8. Εἶως ἢ Λύρα Κλάζει. . . = While Lyre Sings. . . : Proceedings of the International Scientific Conference [. . .] / Scientific Editors I. V. Kochubey, &c. – Athena, &c.: Sine Publish., 2011. – 72 p.

9. Levi Giovanni. On Microhistory // *New Perspectives on Historical Writing/Edited by Peter Burke. University Park (Pennsylvania), 1992. P. 93–111.*

10. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.

11. Objectification of Consciousness in Developing of Human Civilization & Culture: International Scient/ Conference (Febr. 28 – March 11, 2011. [...]). N, Y., Sharm el-Sheikh & cet., 2011. P. 8–18.

12. Koczubej W. *Philosophia ob Gentis Humanae Provivendum: [XV.] Skwocz dymku wriemieni... ([. . .] mietod «Rem parvulam cognoscere» – i wozmożnosti izuczienija chudożiestwiennogo i istoriczieskiego, faktologiczieskiego materiała, risujuszcziego powsiedniewnost Wtoroj mirowoj wojny 1939–1945 gg.)* // *Pamięć czasu Zagłady 1939–2009. Zielona Góra: Wydawnictwo «Księgarnia Akademicka», 2011. Strony 157–188.*

13. *Topical Problems of the Humanities Knowledge: [International Interdisciplinary Scientific-Theoretical and Methodical Journal]. 2009. №. 1–3. S. 328–335.*

14. Koczubej I.V. *Global as the Minimal* // *Global Studies: International Encyclopedic Dictionary / Main Editors I. I. Mazour e. a.; Editorial Council: T. Daffern, I. Kuçuradi, W. McBride, e. a. New York, & cetera: Publishing House «Elima» & cet., 2006. (Międzynarodowy encyklopedyczny słownik interdyscyplinarny.)*

15. Польская С. А. *Микроистория в зеркале исследований современной французской медиевистики* // *Новая локальная история. Выпуск 1. Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография: Материалы первой Всероссийской научной Интернет-конференции. Ставрополь, 23 мая 2003 г. – Ставрополь: издательство СГУ, 2003. 262 с.*

16. Ginzburg C. *Signes, traces, pistes: racines d'un paradigme de l'indice* // *Le Débat. 1980. № 6.*

17. Levi G. *Le pouvoire au village: Histoire d'un exorcisme dans le Piémont du XVIIe siècle. Paris, 1989.*

18. Ginzburg C., Poni C. *Il nome et il come: Mercato storiografico e scambio disuguale* // *Quaderni Storici. 1979. № 40.*

19. Ginzburg C., Poni C. *Le nom et la manière* // *Le Débat. 1981. № 17.*

20. Koczubej [W]. *Swiat jako proekt: Gottfried Wilhelm Leibniz (1646–1716)* // *Studia i Rozprawy / Redakcja naukowa Klaudia Błaszczyk i Janusz Ropski. Warszawa: Przedsiębiorstwo Graficzne «Drukmasz», 2008. – Strony 42–45.*

21. Ревель Ж. *Микроисторический анализ и конструирование социального / Перевод с французского Е. И. Лебедевой* // *Одиссей: Человек в истории. 1996: Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996. С. 110–127.*

22. Burguiere A., Revel J. *Présentation* // *Histoire de la France. L'Espace français. Paris, 1989. Volume 1.*

23. Nora P. *Comment écrire l'histoire de France* // *Les lieux de mémoire. Les Francs. Paris, 1993. Volume 3.*

24. Levi G. *L'Erediti immateriale: Carriera di un esorcista nel Piemonte del Seicento. Torino, 1985.*

25. Levi G. *Le pouvoire au village / Introduction par J. Revel. Paris, 1989.*

26. Gribaudi M. Mondo operaio e mito operaio: Spazi e percorsi sociali a Torino nel primo novecento. Torino, 1987.

27. Gribaudi M. Itinéraires ouvriers: Espaces et groupes sociaux i Turin au début du XXe siècle. Paris, 1987.

28. Boltanski L. L'Amour et la Justice comme compétences: Trois essais de sociologie de l'action. Paris, 1990.

29. Boltanski L., Thevenot L. De la justification. Les écon. de la grandeur. – Paris, 1991.

Зинич М. С.

Участие Центрального хранилища музейных фондов в розыске пропавших ценностей культуры

В связи с огромными потерями России в результате фашистской агрессии работники культурно-просветительных учреждений видели свою задачу и в том, чтобы найти и вернуть законным владельцам утраченные ценности. И сотрудники Центрального хранилища музейных фондов (ЦХМФ), несмотря на малочисленность и большую загруженность по систематизации и инвентаризации поступавших предметов, участвовали в розыске произведений искусства, музейных книг, похищенных немцами. Они выезжали в командировки, вели обширную переписку с областными и городскими администрациями, музеями, библиотеками, различными ведомствами.

Центральное хранилище существовало с 1945 г. по 1956 г. Было создано на базе Отдела музеев и памятников управления культуры Ленгорисполкома, организованного в период эвакуации культурных ценностей из пригородных дворцов Ленинграда в Новосибирск. Директором был назначен известный искусствовед А. М. Кучумов [1]. С 1945 г. после реэвакуации Новосибирского фонда Центральное хранилище находилось в г. Пушкин (Царское Село). Позже было перемещено в г. Павловск [2]. Несмотря на то что ЦХМФ создавалось для сохранения культурных ценностей пригородных дворцов-музеев, туда поступали и фонды разных музеев и библиотек республик СССР. Потом они рассылались в их музеи и культурно-массовые учреждения, в том числе Украины, Белоруссии, Эстонии, пострадавшие в период нацистской оккупации.

В хранилище существовали секции живописи; мебели и тканей; фарфора; металла, графики; музейных книг. Кроме того особая кладовая для изделий из драгоценного металла и трофейный фонд.

Розыск велся в Прибалтике, Восточной Пруссии, Германии. Особую активность проявлял директор хранилища А. М. Кучумов.

В результате тщательной поисковой работы он обнаружил и собрал тысячи предметов.

Ценности поступали в хранилище по различным каналам, в том числе с фронта. В 1945 г. воинскими частями было доставлено в Центральное хранилище 7017 предметов, в том числе 444 картины, 1203 книги, 5282 графические работы, которые были отправлены в Эрмитаж [3]. В 1945 г. за время командировок сотрудники собрали похищенные экспонаты: в Латвии – 466 картин, 7986 различных камней, 2500 наименований негатива; в Эстонии – 80 предметов мебели и другие экспонаты. Всего 11 032 вещи [4].

В декабре 1946 г. из 587 ящиков, поступивших в хранилище из Государственного книжного фонда, ранее возвращенных из отдела реституции Управления репараций и поставок Советской военной администрации в Германии (СВАГ), было взято на учет 32 539 музейных книг, принадлежавших пригородным дворцам-музеям Ленинграда. Передано библиотекам Воронежа, Киева, Смоленска, Новгорода, Риги 327 ящиков с книгами их библиотек. Всего за 1946 г. в хранилище поступило 5 вагонов книг, вывезенных оккупантами за время войны [5]. В 1946 г. в Центральном хранилище находилось 200 000 предметов музейного значения, включая эвакуированные фонды Екатерининского, Павловского, Гатчинского и Петергофского дворцов-музеев.

В 1947 г. были командированы в Калининград, Ригу и Таллин три сотрудника хранилища – Е. Л. Миланович, А. М. Черно, П. С. Гунина, а в Берлин на 4 месяца – А. М. Кучумов. В результате в Центральное хранилище было доставлено 8000 музейных предметов (мебель, картины, фарфор, книги), главным образом из Берлина. Значительная часть вещей, доставленных из Берлина, принадлежала музеям Украины, Крыма, Новгорода [7]. В конце 1947 г. в Центральное хранилище поступило из СВАГ 607 ящиков советских культурных ценностей по акту № 692 от 9 декабря 1947 г., в том числе новгородские, псковские, ростовские, таганрогские, картины Русского музея.

В письме в Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совмине РСФСР от 10 февраля 1948 г. директор хранилища А. М. Кучумов сообщал о наличии в хранилище предметов, возвращенных из Германии, принадлежавших следующим музеям и учреждениям СССР:

- новгородскому – 10 ящиков (иконы, деревянная резная скульптура, металлические предметы);
- псковскому – 300 предметов (иконы, картины, гравюры);
- киевским музеям – 250 картин;
- академии наук Украины – 8 ящиков (книги, негативы, археологические находки);
- ростовскому музею – 40 картин;

- музеям Крыма, в т. ч. Керченскому археологическому музею, – 30 ящиков археологических находок;
- Белорусскому государственному музею – 30 картин;
- Карадагской научной станции – 2 ящика книг [7].

«СВОДКА

о количестве музейных предметов, поступивших
в Центральное хранилище музейных фондов
пригородных дворцов-музеев Ленинграда,
возвращенных из отдела реституции Управления
репарации и поставок СВАГ [8]. (Акт от 9/XII–1947 г. № 692)

№ п/п	Наименование предметов	Количество	Сумма	Примечания
1	2	3	4	5
1	Картины	100 шт.	682 300 руб.	
2	Фарфор и детали фарфора	202	152 110	
3	Мебель и детали от мебели	62	23 000	
4	Ткани, ковры и занавесы	14	4700	
5	Скульптура мраморная	11	49 500	
6	Скульптура монументальная:			
	Геркулес и Флора	2	400 000	
7	Скульптура бронзовая кабинетная	7	7400	
8	Разные изделия из металла	7	13 500	
9	Фонари бронзовые XVIII в.	3	15 000	
10	Часы и часовые механизмы	5	1600	
11	Изделия из кантонской эмали	32	5800	
12	Люстры и фонари хрустальные	15	63 000	
13	Барельефы гипсовые работы Ф. Толстого	4	2000	
14	Гипсовые головки детей Николая I работы Вихмана	5	Ценность утрачена	Все разбито на куски
15	Гравюры и литографии	6	1300	
16	Рамы от картин золоченые и простые разных размеров	51	102 000	

№ п/п	Наименование предметов	Количество	Сумма	Примечания
17	Паркет в упаковке Лионского Зеркального кабинета Екатерины II Екатерининского дворца-музея	29 ящ.	1 000 000	
18	Изразцы голландских печей Екатерининского дворца-музея	39 ящ.		
	целых изразцов	289 шт.		
	черепков	568		
	Итого		3 573 240 р.	

Директор Центрального хранилища
А. М. Кучумов (подпись)»

В течение 1948 г/ были возвращены художественные ценности целому ряду музеев, полученные в хранилище из отдела реституции Управления репараций и поставок СВАГ по акту № 692 от 9 декабря 1947 г. Среди них Новгородский, Псковский, Ростовский, Смоленский краеведческие музеи, Керченский археологический музей, Феодосийский музей, Государственный музей Киева, Исторический музей БССР [9].

Касаясь учета экспонатов, следует подчеркнуть, что в первые послевоенные годы поступившие в Центральное хранилище музейные предметы, книги учитывались по сопроводительным паспортам, а не по наличию. Такой учет являлся весьма приблизительным.

При распределении и отправке в разные регионы поступивших в Центральное хранилище экспонатов списки составлялись не всегда в связи с малочисленностью сотрудников и отсутствием ряда специалистов (например, археологов). Прибывшие из Берлина ящики вскрывались, выявлялись общий характер упакованных ценностей и их принадлежность прежним владельцам. Затем они закрывались и отправлялись адресатам. Но по ряду причин ценности не всегда попадали к своим законным владельцам. Например, среди грузов, прибывших в процессе реституции в Центральное хранилище и переданных Артиллерийскому историческому музею в Ленинграде, было обнаружено значительное количество акварелей и картин, принадлежавших пригородным дворцам-музеям, в том числе Гатчинскому, что было зафиксировано актом от 7 декабря 1946 г. (экспонаты Артиллерийского исторического музея до войны по договорам были переданы пригородным дворцам). В фондах

Артиллерийского исторического музея оказалось свыше 10 акварелей Ланга с формами русских войск, имеющих шифры Гатчинского дворца. Они были похищены нацистами и, вернувшись из Германии через СВАГ, попали не на место их первоначального нахождения.

Так случилось и с числящимися утраченными псковскими иконами, оказавшимися после возвращения на родину в других музеях. Не по назначению попала часть картин Русского музея, вывезенных штабом А. Розенберга в 1941 г. из Алупкинского дворца с передвижной выставки «Основные этапы развития русской живописи» и поступивших в Центральное хранилище в конце 1947 г. В настоящее время из 183 экспонатов, входивших в состав передвижной выставки 1940–1941 гг., вернулись лишь 54. Свыше 100 картин Русского музея значатся в списках утраченного во время Великой Отечественной войны [10].

К «скрытому» распределению фондов внутри страны относится передача экспонатов из бывшей усадьбы Аракчеева «Грузино» (филиал Ленинградского музея революции) в Екатерининский дворец Царского Села. В 1948 г. в связи с подготовительными работами для восстановления комнат Александра I в Екатерининском дворце, когда велся и подбор предметов убранства помещений, во дворец были переданы мебель, бронза, фарфор. По своим стилевым особенностям и исторической принадлежности эти вещи заменили утраченные в период нацистской оккупации [11].

Таким образом, дальнейшая судьба возвращенного культурного наследия народов бывшего СССР стала настоящей проблемой. Сложность заключается и в том, что списки возвращенных предметов различных учреждений культуры, которые, судя по документам, были составлены сотрудниками Центрального хранилища и отправлены в Комитет по делам искусств и в Комитет по делам культурно-просветительных учреждений, обнаружить пока не удалось, за исключением описи экспонатов Новгородского музея. Хотя автором велись поиски в разных федеральных и ведомственных архивах.

В материалах, направленных Центральным хранилищем в вышестоящие организации и на места, неоднократно отмечались перегрузка музейным имуществом, невозможность длительного хранения и сохранности ценностей, возвращенных из Германии и других мест. Но передача их музеям проходила непросто, о чем свидетельствуют письма дирекции хранилища с просьбой прислать представителей за получением найденных экспонатов и неоднократные напоминания. Приведем ряд документов.

«РОСТОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ. ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ [12].

Центральное хранилище музейных фондов сообщает, что в числе музейного имущества, принадлежащего Ленинградским дворцам, возвращенного из Берлина, обнаружены КАРТИНЫ и ПОРТРЕТЫ в количестве 40 штук, похищенные немцами из РОСТОВСКИХ музеев, поэтому просим срочно выслать представителя для приемки КАРТИН, снабженного необходимой документацией, подтверждающей принадлежность КАРТИН Вашему музею, и доверенностью на получение музейного имущества, по адресу: г. Ленинград – Пушкин, Екатерининский дворец.

Директор Центрального хранилища (КУЧУМОВ)

Верно: подпись

10.02.48 г.»

«РОСТОВСКИЙ Н/ДОНУ ГОРОДСКОЙ ОТДЕЛ
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ [13].

Дирекция Центрального хранилища музейных фондов пригородных дворцов вторично просит срочно выслать представителя за получением музейных ценностей, принадлежащих РОСТОВСКОМУ музею, возвращенных из Германии и находящихся в Центральном хранилище музейных фондов в г. Пушкин, Ленинградской области.

В случае неполучения Вами указанного имущества до 10/IV-48 г. Дирекция Центрального хранилища передаст музейное имущество в распоряжение Государственного музейного фонда.

Представителя снабдите доверенностью и деньгами для оплаты работ по упаковке, погрузке и перевозке грузов.

Директор Центрального хранилища (КУЧУМОВ)

Верно: подпись

01.04.48 г.»

«КИЕВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ОТДЕЛ
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ [14].

Дирекция Центрального хранилища музейных фондов пригородных дворцов вторично просит срочно выслать представителя за получением музейных ценностей, принадлежащих КИЕВСКИМ музеям, возвращенных из Германии и находящихся в Центральном хранилище музейных фондов в г. Пушкин, Ленинградской области.

В случае неполучения Вами указанного музейного имущества до 10/IV48 г. дирекция Центрального хранилища передаст музейное имущество в распоряжение Государственного музейного фонда.

Представителя снабдите доверенностью и деньгами для оплаты работ по упаковке, погрузке и перевозке грузов.

Директор Центрального хранилища (КУЧУМОВ)

Верно: подпись

01.04.48 г.»

«КРЫМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСПОЛКОМ
СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Отдел культурно-просветительной работы [15].

Дирекция Центрального хранилища музейных фондов сообщает ВАМ, что среди музейного имущества, принадлежащего Ленинградским пригородным дворцам, возвращенного из Берлина, находятся 30 ящиков с коллекциями археологического музея; 8 ящиков с археологическими коллекциями и книгами, принадлежащих Феодосийскому музею, несколько картин, принадлежащих АЛУПКИНСКОМУ музею, и 2 ящика с книгами, принадлежащими Центральному литературному музею ТАВРИИ. Поэтому срочно просим принять меры к высылке представителей для приемки указанного имущества, снабженных соответствующей документацией, дающей право приемки музейного имущества, по адресу: г. Ленинград – Пушкин, Екатерининский дворец.

Директор Центрального хранилища (КУЧУМОВ)

Верно: подпись

10.02.48 г.»

Как видно из приведенных документов, среди получателей имущества были и украинские учреждения культуры. В то время обремененные другими послевоенными проблемами, не имея денежных и транспортных средств, они не спешили получать указанные грузы. Поэтому современные упреки украинской стороны в том, что Россия оставляла у себя сокровища Украины, умышленно не отдавала произведения искусства, не совсем справедливы.

В первые послевоенные годы пополнение коллекций проводилось и путем сбора в Ленинградской и других областях вещей, утраченных в период оккупации или оказавшихся в различных

учреждениях. Например, в 1948 г. в Центральное хранилище поступили 2 сильно поврежденные скульптуры Бродского «Амур пробуждающийся» и «Амур спящий» из числа вывезенных немцами из Детскосельского музея и брошенных на территории Антропшино.

Часть экспонатов в 1948 г. была обнаружена в кабинетах различных начальников. Так, в помещении Приморского РК ВКП(б) находилась тумбочка из карельской березы, выполненная по рисункам архитектора В. П. Стасова, ранее находившаяся в Екатерининском дворце. В кабинете заведующего историческим отделом Артиллерийского исторического музея г. Ленинграда полковника Воробьева висела картина в золоченой раме работы художника Суходольского «Сражение под Варной» с шифрами Екатерининского дворца-музея [16].

Сотрудникам хранилища приходилось заниматься и поиском предметов, принадлежащих ленинградским музеям и похищенным из императорских дворцов, где они находились в экспозиции с 30-х годов. В частности, Центральный военно-морской музей обращался за помощью в поисках личных вещей Петра I и Екатерины II, гипсовой маски Петра I и других предметов, переданных в залы Петергофа на временное хранение. Часть имущества была эвакуирована, часть погибла или была увезена немцами. Разыскивались музейные экспонаты: образцы иностранного оружия, изъятые в первые дни войны органами НКВД с выставки.

В 1948 г. Центральное хранилище обращалось в Комитет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР за содействием в розыске икон церкви Екатерининского дворца Царского Села. По имеющимся в то время сведениям, иконы этой церкви были вывезены немцами в 1942 г. в Прибалтику для отправки в Третий рейх. Описи икон, к сожалению, не обнаружены. В том же году А. М. Кучумов неоднократно обращался к директору Государственного музея латышского и русского искусства А. Ф. Энглит с просьбой подготовить к передаче часть библиотеки Гатчинского дворца, вывезенной немцами во время оккупации Гатчины и предположительно находящейся в Риге [17].

В ответном письме 11 декабря 1948 г. А. Ф. Энглит сообщила, что в хранилище музея находились: 36 богослужебных книг; 1 металлическая пластинка с датами о пожертвовании Казанской иконы в Знаменскую церковь; 53 иконы больших размеров, выполненные маслом на холсте, на подрамниках стрельчатой формы; 1 люстра; 2 скульптуры, портрет Екатерины II, выполненный маслом на холсте (с повреждениями), и т. п. Констатировалось, что большая часть вышеупомянутых вещей находилась в плохом состоянии. По сведениям местных специалистов, они должны принадлежать одному из пригородных дворцов в Ленинграде. Дирекция Государственного музея латышского и русского искусства предлагала прислать представителя Центрального хранилища за по-

лучением экспонатов.

В целом за 1945–1949 гг. в результате работы по сбору утраченных ценностей в Центральное хранилище поступило свыше 40 000 единиц, включая музейные книги. Среди найденного художественная мебель из лучших гарнитуров Екатерининского дворца, портреты работы русских и иностранных мастеров, восточный фарфор, хрустальные люстры, паркет Екатерининского дворца, статуи Геркулеса и Флоры [18].

В 1956 г. Центральное хранилище было объединено с дворцом-музеем и парком г. Павловска. В результате этой акции инвентарная картотека на музейные экспонаты пригородных дворцов (Царского Села, Гатчины, Петергофа, Ораниенбаума), сохранившаяся в период Великой Отечественной войны, оказалась в Павловске. Здесь же находятся книги актов поступления музейных предметов в Центральное хранилище и книги актов выдачи музейных предметов. Фонд Центрального хранилища был законсервирован и передан в ведомственный архив Павловского дворца-музея. Эти неправомерные действия привели к конфликту музейщиков, затруднили учет и поиск перемещенных музейных и библиотечных фондов.

В приложении к акту приема-сдачи Центрального хранилища при смене директоров (30.01.1954 г.) приведен список инвентарных книг по дворцам (инвентаризация 1938 г.):

1. Гатчинский дворец – 50 книг.
2. Екатерининский дворец – 38 книг.
3. Александровский дворец – 35 книг.
4. Павловский дворец – 36 книг.
5. Петергофский дворец – 38 книг.

Всего 197 книг

Имелись также 64 инвентарные книги, учитывающие музейные библиотечные фонды [19].

А в феврале 1954 г. список новых инвентарных книг включал 125 единиц. Общее количество находящихся в фондах предметов составляло 51 532 единицы. Архив императорской фамилии – книги (1812 наименований) – был выдан на временное хранение в Павловский дворец-музей. В Павловске в момент приемки и сдачи дел все музейные предметы, находящиеся в хранилище, были систематизированы по роду материалов и записаны в новые инвентари [20].

До слияния с Павловским дворцом-музеем в Центральном хранилище проводилась большая работа по инвентаризации экспонатов. В 1948–1953 гг. проведено сличение эвакуационных документов с наличием музейных ценностей; сохранившиеся в результате эвакуации и реэвакуации музейные предметы были отмечены в инвентарях 1938 г. специальным штампом; произведена систематизация музейных предметов по роду материалов (живопись, фарфор, ткани

и т. п.); составлены новые инвентарные книги, о которых говорилось выше; составлены списки обменного фонда.

Списки музейных предметов, подлежащих списанию с музейного учета, утверждались на Межведомственной комиссии, которая создавалась по приказам городского отдела культурно-просветительной работы. Акты выдачи музейных предметов из Центрального хранилища на постоянное хранение сгруппированы по годам. В отделе учета Павловского дворца-музея находится документация на передачу и списание музейных предметов [21]. В материалах научно-вспомогательного кабинета Центрального хранилища содержатся рукописи работ научных сотрудников хранилища и пригородных дворцов-музеев, негативы, альбомы с фоторепродукциями по пригородам Санкт-Петербурга.

Более детальное исследование разносторонней деятельности коллектива Центрального хранилища музейных фондов, а также личного фонда директора хранилища – известного искусствоведа, искателя А. М. Кучумова будет способствовать поиску национального достояния России.

Примечания

1. Подробнее об Анатолии Михайловиче Кучумове см.: А. М. Кучумов. Статьи, воспоминания, письма. СПб: Арт-Палас, 2004.
2. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. 387. Оп. 1. Л. 1.
3. Там же. Д. 79. Л. 2.
4. Там же. Ф. 277. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.
5. Повернення культурного надбання України. Вип. 6. Київ, 1996. С. 244; ЦГАЛИ СПб. Ф. 387. Оп. 1. Д. 157. Л. 35 об.
6. Там же. Л. 33, 35 об., 36 об., 37.
7. Зинич М. С. Судьба возвращенных из Германии культурных ценностей на примере Центрального хранилища музейных фондов // Жесты доброй воли и законодательство. Берлин М. 2001. С. 330.
8. Государственный архив РФ. Ф. А-534. Оп. 2. Д. 13. Л. 92.
9. ЦГАЛИ СПб. Ф. 387. Оп. 1. Д. 91. Л. 9.
10. Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 3. М. СПб. 1999. С. 39–40; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 962. Оп. 3. Д. 2119. Л. 1.
11. ЦГАЛИ СПб. Ф. 387. Оп. 1. Д. 49. Л. 8.
12. Там же. Д. 51. Л. 7.
13. Там же. Л. 20.
14. Там же. Л. 19.
15. Там же. Л. 9.
16. Там же. Л. 76, 108, 113.
17. Там же. Л. 57, 60, 77, 107, 110.

18. Там же. Ф. 277. Оп. 1. Д. 962. Л. 1.
19. Там же. Ф. 387. Оп. 1. Д. 171. Л. 4.
20. Там же. Л. 20-23.
21. Там же. Д. 157. Л. 12.

Чуракова О. В.

Заложницы «большой политики». Браки, «осложненные иностранным элементом», в СССР в 40–50-е годы XX века

Судьба «брачного вопроса» в СССР всегда была неразрывно связана с общеполитическими и социальными процессами в стране и мире. В период господства государственной «этатистско-патерналистской» политики (в её крайних формах — авторитарной, тоталитарной) женщины, вступившие в связь с иностранцами, становились заложницами «большой политики». В юридической литературе такие союзы именуется «семейными отношениями, осложненными иностранным элементом» [1]. Особенно трагично сложилась судьба большинства из них в эпоху начавшейся после «горячей» Второй мировой «холодной войны». Ситуация второй половины 40-х годов в СССР была чрезвычайной по внутренним факторам: восстановление народного хозяйства требовало наличия рабочей силы, а кроме того, в стране было катастрофическое демографическое положение. В таких условиях государство не могло допустить свободного выезда из страны работоспособной и наиболее перспективной в плане повышения роста рождаемости части населения.

Правительство страны Советов в 30–50-е гг. XX в. пыталось законодательно регулировать семейную политику. С 1936 г. по 1955 г. в стране были запрещены аборты, ужесточились условия развода и в то же время была усилена помощь одиноким матерям. Например, 8 июля 1944 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства». Стране необходимо было восполнять потерянные трудовые резервы, так как в результате войн и сталинского террора сложился явный гендерный дисбаланс. После Великой Отечественной войны в СССР женщин оказалось на 20 миллионов больше, чем мужчин [2]. И потому государство поощряло любые способы «воспроизводства населения»: браки, внебрачные связи. Матери внебрачных детей вместо алиментов получали право на государственное пособие, государство оказывало им не только материальную помощь, но и моральную защиту.

Но эти меры поощрения рождаемости не касались тех женщин, которые пытались связать свою судьбу с иностранными гражданами. В период Второй мировой войны и, особенно, в послевоенный

период была принята жесткая установка на идеологическую самоизоляцию граждан СССР. Оберегая советских людей от контактов с иностранцами, власти пытались тем самым исключить любые каналы пропагандистского влияния Запада.

Отсчет начала «холодной войны» связывают, как правило, с речью английского премьера У. Черчилля, произнесенной в Фултоне в марте 1946 года. На самом же деле несомненные признаки «похолодания» международного климата даже в отношении с союзниками чувствовались уже в период войны. Поскольку большинству репрессированных в 30-е гг. инкриминировалась «шпионская деятельность», дружить с гражданами другой страны («другого мира») было крайне опасно. А уж тем более, если дело касалось личных отношений. За связь с иностранцами женщин исключали из комсомола, партии, института, выгоняли с работы и могли отправить в места не столь отдаленные. По словам английского капитана Питера Сквайра, с иностранцами у русских «может встречаться либо самоубийца, либо человек, тайно работающий в органах НКВД» [3].

Особенно бдительно следили власти за ситуацией в портовых городах, куда в годы войны прибывали тысячи иностранных моряков, доставлявших в СССР грузы по ленд-лизу. Например, в течение одного только 1944 г. Архангельский интерклуб «обслужил» разными культурно-массовыми мероприятиями 25 000 иностранцев, среди которых были в основном англичане и американцы, а также испанцы, французы, поляки и представители других национальностей, работавшие на английских и американских судах [4]. Культурно-массовая работа в интерклубе сочеталась с политической: это были лекции и доклады на общественно-политические, исторические темы, официальные вечера и встречи советских и союзных моряков. Подобные мероприятия устраивались по случаю новогодних и революционных праздников. Демонстрировались в интерклубах и лучшие советские кинофильмы (с переводом на английский язык), реже – иностранные фильмы, разрешенные к показу в СССР. Для иностранных моряков проводились уроки и консультации по русскому языку, организовывались экскурсии, спортивные соревнования, литературные вечера, концерты самодеятельности [5]. Но больше всего посетителей привлекали вечера танцев. На танцевальной площадке русские девушки знакомились с иностранцами. В условиях отсутствия мужчин в городе эти знакомства перерастали в романы. В силу нравственного воспитания девушки воспринимали эти отношения как настоящую любовь. «Объектом их страсти стали не просто иностранцы, а наши союзники в борьбе против гитлеровской Германии. Девушки любили героев, которые прошли сквозь ад огненных конвоев с нагруженными военной техникой для Советского Союза караванами судов» [6].

Дабы ограничить контакты местного населения с иностранцами, Архангельский и Мурманский интерклубы, бывшие с 1942 г. в ведении Северного бассейнового комитета профсоюза моряков ЦК союза работников морского транспорта, в 1944 г. передали Всесоюзному обществу культурной связи с заграницей, так как ВОКС «курировался» непосредственно НКВД. В интерклубах были введены членские билеты, и посещать их отныне могли лишь особые категории граждан. Но международные союзы продолжали складываться, в результате контактов русских девушек и иностранцев появлялись дети. Жены и подруги иностранных граждан мечтали уехать на родину своих мужчин и делали попытки получить визы и разрешение на выезд из страны Советов.

В феврале 1947 г. вышло Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О воспреещении браков между гражданами СССР и иностранцами». Постановление утверждало проект Указа Президиума Верховного Совета СССР и было опубликовано в «Ведомостях Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик» 18 марта 1947 года. Указ состоял всего из двух пунктов: 1. Воспретить браки между гражданами СССР и иностранцами. 2. Поручить Президиумам Верховных Советов союзных республик привести законодательство республик в соответствие с настоящим Указом.

Мотив закона был следующий: «В непривычных условиях за границей советские девушки чувствуют себя плохо и подвергаются дискриминации». То есть, следуя патерналистской логике советской политики, государство защищало своих гражданок, по незрелости идейных позиций решивших покинуть родину. Показательно то, что Указ от 15 февраля 1947 г. де-факто имел обратную силу и распространялся на тех гражданок, которые вышли замуж еще до его опубликования. За связь с иностранцами было предусмотрено наказание: срок по 58-й статье за «антисоветскую агитацию», под которой подразумевался сам факт заключения брака, сожительства или романа с иностранцем [7].

Закрывая железный занавес между Советской Россией и другими государствами, страна решала несколько проблем: внешнеполитическую, экономическую и демографическую. После Великой Отечественной войны государство нуждалось в рабочей силе, а еще больше – в женщинах детородного возраста.

Между тем множество молодых женщин с оккупированных территорий страны было угнано на принудительные работы в Германию (по оценкам экспертов, угнано было несколько миллионов человек). Часть выживших девушек не собиралась возвращаться на родину, обретя свое женское счастье за рубежом. По подсчетам историка из Файбурга доктора Павла Поляна, подобных «невозвращенок» насчитывалось около 16 тысяч (и примерно столько же было в этих семьях детей). Больше всего девушек осталось в Польше (5957 человек), меньше в других странах: в Чехословакии – 1878, во Франции –

1200–1800 и в Голландии 600–800 человек. Меньше всего россиянок было в восточной зоне Германии (46, по другим сведениям, 61 человек). В Восточной Австрии оставалось 35 советских гражданок, состоявших в браке с немцами или австрийцами [8].

Кроме того, в СССР в это время находилось несколько миллионов пленных немцев и их союзников (итальянцев и др.). Они принимали участие в восстановлении разрушенного хозяйства, изолировать их от местного населения было весьма трудно, а потому возможны были связи россиянок с военнопленными. Чаще всего это были обычные бытовые контакты. Одна из работниц комбината, на котором работали пленные немцы, вспоминает: «Пленные ремонтировали валенки, ботинки, а наши женщины давали им кусочки сульфатного мыла с содой и тем благодарили их за помощь» [9]. Но иногда взаимоотношения с военнопленными принимали характер личных отношений, женщины влюблялись и были готовы последовать в случае освобождения любимого мужчины за ним в его страну. Необходимо было не допустить отъезд женщин из СССР. Борьба против личных связей военнопленных и местного населения развернулась в лагерях ГУПВИ НКВД-МВД еще в годы Второй мировой войны. В июне 1944 г. вышла директива Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР № 28/00/4359, которая предписывала решительно пресекать контакты иностранных граждан и россиянок. 11 августа 1945 г. НКВД СССР выпустило директиву № 134, по которой «морально неустойчивых женщин» надлежало увольнять с работы из лагерей для военнопленных. Наконец, по указу 1947 г. браки между военнопленными и советскими женщинами преследовались по закону. Интересно, что, несмотря на подобные жесткие меры, в Архангельске и Череповце есть несколько семей бывших военнопленных [10]. Замечательные строки, посвященные русским женщинам, можно увидеть в воспоминаниях бывших военнопленных. «Я думаю, что вряд ли найдется немецкий солдат, побывавший в России, который не научился ценить и уважать русскую женщину», – писал один из узников ГУПВИ НКВД-МВД [11].

В северных портовых городах советской России после ухода отсюда союзных войск оставались русские жены иностранных моряков и их дети. Например, легендарного негритенка Максимку из одноименного фильма, поставленного режиссером Владимиром Брауном, сыграл сын архангелогородки и английского морского офицера Толя Бовыкин. Трудно сказать, видел ли этот фильм Толин папа. Не знали своих сыновей и дочерей и папы большинства детей, родившихся от подобных международных союзов. Многие долгие годы не знали о том, кто их отец и какую плату заплатили их матери за недолгое счастье любви. Женщинам, имевшим связь с иностранцами, предъявили обвинение по 58-й статье: пункт 1а – шпионаж, пункт 6 – террор и пункт 10 – антисоветские разговоры.

Не выпускали из страны и советских жен иностранных дипломатов. «Оберегая» гражданок СССР от «притеснений на чужбине», им не выдавали выездных виз. Так, в 1946 г. в британском посольстве в Москве собралось 15 молодых русских женщин, связавших свою судьбу с англичанами. Визы девушкам не давали, а английский посол предложил им развестись с мужьями. Под давлением органов НКВД девушки вынуждены были сделать это. От развода отказалась только Клара Хол. Она не покинула здания посольства и через 18 месяцев всё же получила визу на выезд.

Подобная ситуация сложилась с советской невесткой маршала Иосипа Броз Тито (в то время Тито – премьер-министр и министр иностранных дел ДФРЮ – Демократической Федеративной Республики Югославии) Тамарой Вегер. Тамара вышла за Жарко Броза в конце 1946 г. и жила на территории югославского посольства. Несколько месяцев молодожены ожидали визу, и только в августе 1947 г. молодой семье разрешили выехать из СССР. Но отец Т. Вегер стал жертвой разлада России с Югославией в 1949 году. Он понес наказание за то, что «способствовал браку дочери с сыном фашиста Тито, поддерживал с ней связь и скрывал это от советских и партийных органов». Поскольку Илья Маркович Вегер в период конфликта с Тито не хотел отказываться от поездки в Югославию (он собирался навестить дочь) и «не сообщил партийным органам и ЦК ВКП(б) об обстоятельствах, при которых его дочь оказалась изменником Родины, И. М. Вегер был исключен из рядов ВКП(б)» [12].

Сумела избежать ареста и уехать за мужем в Чили советская гражданка Лидия Лесина. В декабре 1946 г. Лидия и Альваро Крус Лопес де Эредия – сын посла Республики Чили в СССР доктора Луиса Давида Крус Окампо – расписались в одном из московских загсов, но последовавший в 1947 году закон о запрещении браков с иностранцами не позволил им выехать из страны. Кроме того, в это время разгорелся дипломатический конфликт между СССР и Чили, правительства отзывали своих представителей. Став заложницей дипломатического скандала между СССР и Чили, Лидия пять лет просидела в номере московской гостиницы «Националь». Семья Крус не бросила Лидию и в 1953 г., уже после смерти «великого кормчего» и отмены Указа о запрете браков с иностранцами семейная пара Крус – Лесина выехала в Чили.

Справедливости ради стоит отметить, что были и счастливые исходы из страны дипломатических брачных союзов. Но лишь у тех пар, которые успели выехать из России до запретительных мер. Так, в ноябре 1945 г. покинули страну Советов студентка Женя Думнова и ее муж, секретарь уругвайской дипломатической миссии Марио Хаунарена. Захватывающая история жизни Жени и Марио в Уругвае достойна книг и киносценариев [13].

Закон «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами» был отменен 26 ноября 1953 года. Документ, подписанный председателем Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошиловым, предписывал: «Восстановить ст. 5 Закона о гражданстве СССР от 19 августа 1938 года».

Тем не менее, бракам советских граждан с иностранцами по-прежнему препятствовали: они не одобрялись общественным мнением, на их пути ставились всевозможные препоны. Репрессии против вступающих в брак с иностранцами чинились, например, во времена «хрущевской оттепели» следующим образом. За роман с иностранцами женщин увольняли с работы и не давали возможности трудоустроиться, а через месяц высылали в отдаленные районы страны как тунеядцев. При Брежневе от желающих вступить в брак с иностранцами требовали предъявления разного рода документов, собрать которые было весьма непросто. Регистрировать брак можно было лишь в некоторых загсах больших городов. Длительное время в РСФСР фактически не допускалось и применение норм иностранного семейного права. Лишь в 1975 г. СССР присоединился к международному договору, обязывающему предоставлять супругам из разных государств место жительства в стране любого из них.

Таким образом, брачная политика СССР демонстрирует смену политических и культурных ориентиров в стране на протяжении второй половины XX в., а в отечественной истории массовых репрессий остается ещё немало лакун, ждущих своего наполнения.

Примечания

1. Богуславский М. М. Международное частное право: Учебник. М.: Международные отношения, 1997. С. 15–16

2. Курганов И. А. Женщины и коммунизм [Электронный ресурс]. <http://www.a-z.ru/women/texts/kurganr-14.htm>. Дата доступа: 13.03.2013.

3. Быстрова И. В. Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945) / М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 248

4. ГААО Ф. 1649. Оп. 2. Д. 6. Л. 11 об. 12.

5. ГААО Ф. 1649. Оп. 2. Д. 3. Л. 133; ГААО Ф. 1649. Оп. 2. Д. 3. Д. 6. Л. 13–23.

6. Голубцова О. Военная любовь по-английски: документальная повесть. Северодвинск. 2001. С. 55–57.

7. Голубцова О. Любовь по ленд-лизу / Архангельск.: ИПП «Правда Севера», 2007. 207 с.

8. Полян П. Родина или муж? // «Партнер» [Электронный ресурс]. 2013. № 2 (185). <http://www.partner-inform.de/partner/detail/2013/2/172/5830> Дата доступа: 12.03.2013.

9. Барашков Ю. Арктические конвои в настроении Глена Миллера. Опыт коллективной памяти / Архангельск: М'Арт, 2000. С. 143.

10. Ирха Е. Предателями на считать! // Архангельск. 1998. 17 сентября. С. 7.

11. Кузьминых А. Иностранцы военнопленные и советские женщины // Отечественная история. 2008. № 2; Немцы о русских / Сост. В. М. Дробышев. М.: Столица, С. 110.

12. Материалы по делам о браках между советскими и иностранными гражданами // Советская жизнь, 1945–1953 / Сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая; Мос. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Istituto italiano per studi filosofici (Италия); Ecole des hautes etudes en sciences sociales (Франция) etc. М.: РОССПЭН, 2003. С. 688–695.

13. Israel, Sergio. Un amor en la guerra fria/ Y. Dumnova. Montevideo: Ediciones Trilce, 2004. 126 p.

Войнаровская Ю. В., Войнаровский О. В.

Население малых городов Поволжья в условиях авторитарного режима

Укрепление авторитарного режима происходит в 1930-х гг., когда в СССР сложились командно-административная система и культ личности И. В. Сталина. Это время бурных и противоречивых общественно-политических процессов в нашей стране; активного внедрения в общественную жизнь страны идеологических установок сталинского руководства; борьбы в высших политических властных структурах; проведения широкомасштабной репрессивной политики. Данные явления оказывали серьезные воздействия на течение социально-экономических процессов. Народная жизнь (и жизнь каждого горожанина в отдельности) как бы раздваивалась. С одной стороны, ее составляли мирный быт и мирный труд, обычные человеческие радости и горести, трудности, стремительное наверстывание отсталости. С другой стороны, общественную жизнь народа наполняли беззакония, страх произвола, ненависть, насилие, жестокие методы воздействия на людей. Именно репрессии 1930-х гг. становились постоянными чертами политического руководства.

В работах, посвященных изучению феномена авторитаризма, уделяется внимание поиску истоков формирования сталинизма, административно-командных методов руководства. Например, «История КПСС» [1] концентрировала внимание общественности на том, что массовые чистки в стране были обусловлены исторической необходимостью. Их главной целью было «...оградить партию большевиков

от проникновения в ее ряды людей, не достойных высокого звания коммуниста». Выдвигалось утверждение о том, что карательные меры по стране были вынужденным, временным явлением, призванным сформировать социальную базу в деле воспитания нового советского общества. О. В. Хлевнюк в работе «1937-й: Сталин, НКВД и советское общество» говорит о необоснованности некоторых репрессий, «в ряде случаев страдали безвинные люди. Современники террора многое понимали и молчали не потому, что верили Сталину, а потому, что боялись» [2]. Выявляя причины установления командно-административной системы, можно предположить, что ей предшествовали как объективные, так и субъективные черты. Объективные черты: соответствующее общественное сознание, менталитет, социальные отношения между людьми, диктат властей, отсутствие демократических институтов и принципов руководства, незначительный политический опыт советских граждан, скудность информации. Субъективные черты: личные морально-психологические качества широких слоев населения страны, вера в «доброе, справедливое руководство», низкий уровень образованности, общественно-политическая закомплексованность. Все эти обстоятельства делали людей безоружными перед абсолютно господствующей официальной пропагандой.

В 1930-х гг. происходит формирование «нового сознания», «нового мышления» у людей, у которых выработывались иной стереотип поведения, аполитичность мышления, узкий круг интересов, ограниченный тяготами быта, профессиональной деятельностью, материальными проблемами [3]. Особенностью данных общественных явлений явились отсутствие коллективных форм принятия решений и боязнь открыто высказывать свое мнение. Неограниченный произвол и требование беспрекословного подчинения препятствовали развитию чувства ответственности, инициативы, творчества, самостоятельности, способствовали росту низких нравов, интриг, двуличия в сфере общественной деятельности. Подавляющее большинство хозяйственных и политических руководителей отчетливо осознавали свое положение распорядителей коллективной собственности, почти полновластных по отношению к нижестоящим, но полностью подчиненных более высоким уровням управленческой иерархии. Почитание дисциплины и единоначалия, убеждение в необходимости выполнять планы и директивы центра любой ценой, без представления порой четкой целесообразности их применения, — это и есть социально-психологические проявления внутреннего мира человека [4].

Установление монополии государства во всех сферах жизни и осуществление насильственной реорганизации единоличных хозяйств стали источником бюрократизации в общественной жизни и обострения социальной напряженности как в стране, так и в малых городах Поволжья. На местах создавались Советы рабочих и

крестьянских депутатов, которые сами определяли структуру и направления деятельности своих исполнительных органов – отделов, секций, комиссий, комиссариатов, наделяя их разными функциями и компетенциями. Они «должны были подчинить себе все учреждения как административного, так и хозяйственного, финансового и культурно-просветительского значения...» Такие функции местного управления создавали широкое поле для злоупотреблений и самоуправства в малых городах. Например, в г. Елабуге (1930 г.) местные власти ликвидировали товарную биржу, созданную в годы нэпа. Жесткое администрирование не дало возможности развитию рыночных отношений, что отражало контроль и зависимость от советского руководства [5]. В г. Хвалынске (Саратовская область) местное руководство использовало силовые приемы в борьбе с очередями. Милиция получила разрешение «изымать приезжих из очередей и выдворять их за черту города». Очередь могла стоять только внутри магазина. Горожане приспособились прятаться в подъездах близлежащих домов, использовать несовершеннолетних детей, которые помогали производить покупки [6]. В малых городах жители учились выживать в таких экономических условиях, что стало следствием распространения взяточничества, блата, снижения требовательности людей и смирения во всем. Это подтверждает тот факт, что выступлений, бунтов в малых городах Поволжья в результате недовольства административно-силовыми методами управления не известно. По нашему мнению, в этом проявлялись пассивность горожан, нежелание решать свои проблемы, незначимость человека, зависимость от политики государства.

Одним из проявлений авторитарного режима в 1930-е гг. стала политика подавления инакомыслия, оппозиционных групп и течений. В число «врагов народа» были зачислены церковные и сектантские организации. В росте влияния церкви, в частности на молодежь, в новых ее идеях и формах работы для верующих партия видела для себя огромную опасность. Священнослужители оказывались перед судом, как правило, по обвинению в нарушении декрета об отделении церкви от государства и антисоветской агитации «...как вредный элемент в окружающей среде населения, могущий как авторитетное лицо склонить всех своих прихожан к открытому контрреволюционному выступлению против Совета». Проблемы духовности, нравственности, культуры, традиций, свободы выбора человека не волновали государственных чиновников. Местные органы власти малых городов Поволжья также «развязывали террор против служителей церкви». Многие священнослужители Сызрани, Елабуги, Мелекесса были высланы с семьями в отдаленные районы страны. Другие – обвинены в контрреволюционной деятельности и решением НКВД расстреляны. В малых городах Средневолжского края начало 1930-х гг. характеризовалось активной антирелигиозной

пропагандой, высмеивалась вера в обычаи, повсеместно проводились коммунистические паски, парады и карнавалы во время религиозных праздников.

В городах с большой долей многонационального населения борьба с религией велась иначе. К примеру, 19–21 мая 1929 г. в ряде татарских деревень и г. Елабуге состоялось торжественное празднование Курбан-байрама. В этом мероприятии приняли участие священнослужители, крестьяне, молодежь [7]. Праздник был наполнен атмосферой недоверия, отчужденности, враждебности по отношению к советской власти, раздавалось немало угроз в адрес партийных и советских органов. 36 участников выступления были жестоко наказаны. Их расценили «врагами советской власти». Самое минимальное наказание было заключение в концлагерь сроком на 3 года. К высшей мере наказания – расстрелу – были приговорены 10 человек.

Суровые приговоры, расстрелы, классовая борьба в 1930-е гг. для горожан превратились в часть быта. В Сызрани также были гонения на священнослужителей и кулаков. Их игнорировали, часто не обслуживали в магазинах, их детей исключали из школ [8]. В малых городах Пензенской области (Мокшан, Наровчат, Троицк) служители церкви арестовывались, захватывались и частично разрушались храмы, соборы, монастыри. Расхищались или передавались в музеи накопленные за столетия церковные ценности [9].

Центральные власти не желали взаимной лояльности, к которой призывало послание митрополита Сергия и Временного патриаршего Синода от 29 июля 1927 г. В этой декларации говорилось о том, что православные верующие считают Советский Союз своей «гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи». Несмотря на это, лидеры правящей партии проповедовали, что все стороны жизни страны должны быть пропитаны непримиримым духом классовой борьбы. По нашему мнению, поиски классового врага были удобны и выгодны для центральных властей, этим вуалировались экономические ошибки руководства, просчеты, неудачи в работе, отсутствие экономических стимулов. Непосредственными исполнителями государственной политики и организаторами бесчинств и беззаконий в малых городах стали местные власти Поволжья. Примером служит «устная история» (oral history) живых свидетелей тех лет (средний возраст которых в настоящее время составляет 80 лет). По воспоминаниям жителей города Курмыша (Ульяновская область) И. Ф. Краснова и П. И. Красновой, в начале 1930-х гг. здесь было 5 церквей. Позднее одна из них была разрушена: снимали колокола, рубили топором иконы, разоряли церковное имущество. Народ плакал, все думали, что пришел конец света [10]. Были гонения и на тех, кто не хотел работать. Их сажали в тюрьму, большинство там и умирало.

Имущество этих людей местные партийные работники отбирали. Детей выгоняли на улицу.

В Барыше (Ульяновская область), вспоминает А. И. Ананьева, политикой 1920–1930-х гг. были недовольны. Открыто свое мнение не высказывали, боялись гонений со стороны советской власти [11]. Массовые бесчинства, господство исполнительной власти и деятельность бюрократического аппарата, реализация силовых методов руководства накладывали характерный для того времени отпечаток на облик советского человека.

В течение 1930-х гг. фактором силовых приемов внедрения в жизнь принципов административного регулирования становятся репрессии, которые затронули все стороны жизни и деятельности общества, отразившись на сознании и мировоззрении людей той поры. Бесконтрольный произвол властей лишал людей гражданского мужества, делая страх постоянным фоном человеческого самочувствия.

Усиление авторитарного режима оценивается современниками двояко. С одной стороны, существовал сильный репрессивный аппарат власти, который действовал через систему доноса, подстрекательства, лжесвидетельства. Жительница г. Сызрани вспоминает о 1930-х гг. [12]: человек, завернувший бутерброд в газету с портретом И. Сталина, спустя два дня был арестован, а позднее расстрелян. Женщины, работающие в поле на уборке урожая, обменявшись мнениями о «великом вожде» (по свидетельству доносчицы), были также репрессированы. Иной раз совершенно невинный человек подвергался «дурному доносу», противостоять которому было невозможно [13]. Такие случаи имели массовое распространение. Зачастую донос потворствовал карьеристам и приспособленцам, становился удобным средством продвижения по службе для многих завистливых выдвигенцев. 80% репрессированных в 1930-е гг. погибли по доносам соседей и коллег по службе. Доносом пользовались и те, кто мстил правящей элите из числа бывших собственников и недавних нэпманов, раскулаченных и тех, кто стал жертвой классовой борьбы. Постоянное присутствие страха в обществе, подчиненном господству личной власти, способствовало прямому росту политической подлости и безнравственности. Клевета и политические оскорбления вошли в обиход общественной жизни. В этой связи заслуживают интерес воспоминания о 1930-х гг. старой большевички Д. А. Лазуркиной: «Клеветали друг на друга, не верили, клеветали даже на себя. Создавали списки для ареста безвинных людей». Правда, часть оговоров была получена в тюрьмах с помощью избиваний, физических и моральных пыток, то есть в условиях, когда человек мог подписать заведомо ложные бумаги («Нас били, чтобы мы клеветали», — отмечает Д. А. Лазуркина) [14]. Но ведь были и миллионы людей, писавших доносы без физического принуждения, то есть добровольно.

Причем доносы зачастую писали вовсе не одни разложившиеся мерзавцы, но люди, каждый из которых нередко оказывался хорошим семьянином, храбрым воином, добросовестным работником. Сообщить властям настроения народа в массе — долг гражданина, где люди были искренне убеждены, что делают благое дело. Хотя существовало и осуждение доносительства, ведь некоторые понимали о его корыстных мотивах.

С другой стороны, репрессии были вынужденной мерой. В условиях строительства социализма, качественных перемен в социально-экономической, культурной, общественной сферах, в стремлении быстрыми темпами искоренить прежние общественные устои необходимы радикальные действия. По нашему мнению, без них советская власть не смогла бы выйти на путь коренной ломки отжившего себя общественно-политического уклада, образа действий народных масс.

Отсутствие же в массовом сознании советских людей демократических начал, низкий уровень грамотности населения были хорошей основой для распространения культа личности в СССР. Его особенность — искренняя вера народа в непогрешимость вождя, в правильность выбранного курса построения социализма. Все это сказывалось на ментальности людей, отражалось на внутреннем мире гражданина Советской страны и жителей малых городов Средневолжского края в частности в 1930-х гг. Нажим и запрет в малых городах Поволжья вызывали приспособленчество, доносительство, что отвечало государственным и классовым интересам, приводило к жалобам, письмам во власть. Поток обращений в центральные и местные властные структуры был велик. Круг вопросов, вызывающих интерес горожан, был весьма разнообразным: материально-бытовые условия, трудовые отношения, социальные проблемы, духовные ценности. Доверчивость населения малых городов, открытость, искренность многих горожан стали опорой существующей власти.

В целом советское общество представляло собой весьма противоречивое социальное явление. Проходили глубокие социальные катаклизмы, ломавшие традиционные устои. Аресты, репрессии, гонения на священнослужителей, массовый террор порождали страх, недоверие, осуждение существующей власти. И в то же самое время вера в светлое будущее, активность горожан, участие в общественной жизни своего города были неотъемлемыми чертами повседневности 1920–1930-х гг. У жителей малых городов существовал особый патриотизм. Здесь население не столь равнодушно по отношению к месту, где живет, как в крупных мегаполисах. Люди искренне гордятся своей малой родиной, щепетильно относятся к историческому наследию. Местная власть здесь максимально приближена к населению, каждый гражданин может принимать участие в местном самоуправлении, отстаивать свои интересы. Именно в малых городах

зарождались партнерские отношения между властью и обществом. Власть рассматривала население малого города как фундамент, опору государства, но материальное подкрепление нужд и потребностей горожан было слабым. Сильным механизмом, влияющим на сознание народа, стали идеология и пропаганда, поэтому горожане в силу патриархальности быта принимали любые преобразования повседневности как прорыв к новой жизни, становлению развитого общества, построению социализма.

Таким образом, политизация общественной жизни, идеологическое воспитание, механизмы власти, жестокость, подавление инакомыслия, насильственная реорганизация повседневности также стали источником кризисных явлений в обществе и обострения социальной напряженности. Разрушение привычного уклада жизни, изменение моральных устоев и авторитетов, трансформация норм поведения и отказ от церковных традиций коснулись общественных настроений в малых городах. Осознание зависимости от политики государства, незначимости человека, принуждения, с одной стороны, рождали пассивность, вырабатывалось нежелание решать свои проблемы, становилось причиной девиантных проявлений. С другой стороны, система запрета в малом городе вызывала приспособляемость, изворотливость и сопротивляемость, приобретался опыт выживания. Донос получил широкое распространение, на этом держалась власть – так было легче контролировать жизнь людей, следить за любыми отступлениями от установленного порядка. В рамках господствующей официальной пропаганды доносительство совершалось как гражданская обязанность, с одной стороны, так и корысть, клевета – с другой.

Примечания

1. История КПСС [Текст]. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. С. 15.
2. Хлевнюк О. В. 1937-й [Текст]: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. С. 207.
3. Павлова И. В. Власть и общество в СССР в 1930-е годы [Текст] // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 46–55.
4. Васильев Б. Сталинская диктатура уничтожила нравственность народа [Текст] // Общественные науки. 1989. № 4. С.154–162; Дорошенко, В. Сталинские репрессии и «новая историческая общность» – русский народ [Текст] // ЭКО. 1995. № 12.
5. Кабилов А. А. Алабуга [Текст] / Яр Чалмы, 2007. С. 16.
6. ГАРФ. Ф. 374. Оп.20. Д. 24. Л. 17.
7. Эхо веков. 1999. № 1/2. С. 126.
8. Красный Октябрь. 1929. 17 октября.
9. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 20. Д. 14. Л. 16.
10. Воспоминания Краснова И. Ф. 1921 г. рождения; Красновой П. И. 1922 г. рождения.

11. Ананьева А. И. 1907 г. рождения.
12. Худошина Н. Л. 1924 г. рождения, г. Сызрань.
13. Хлевнюк О. В. Политбюро и механизм власти в 30-е гг. [Текст]. М., 1996.
14. Гордон, Л.А. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы [Текст] / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. М.: Политиздат, 1989. 319 с.

VII. СУДЬБА И РЕШЕТКА

Кропачев С. А.

Судьба профессора Рамзина

Известный советский теплотехник Леонид Константинович Рамзин родился 14 (26) октября 1887 г. в селе Сосновка Тамбовской губернии (ныне – рабочий поселок Сосновка, райцентр Тамбовской области). Его родители, Прасковья Ивановна и Константин Филиппович, были учителями земской школы. В 1898 г. Леонид Константинович поступил в Тамбовскую мужскую гимназию. Здесь его учителем был замечательный математик И. Александров. Способности Л. К. Рамзина раскрылись в годы обучения в Императорском Московском техническом училище, которое он с отличием закончил в 1914 г., получив звание инженера-механика. В начале XX в. в училище работала плеяда выдающихся ученых. Большое влияние на Леонида Константиновича оказали профессор, ректор ИМТУ (1914–1918) Василий Игнатьевич Гриневецкий (1871–1919) [1], профессор, заведующий лабораторией паровых котлов Карл Васильевич Кириш (1877–1919) [2].

Через шесть лет после окончания вуза, в 1920 г., Рамзин избирается профессором Московского высшего технического училища и в течение десяти лет возглавляет кафедры «Тепловые станции» и «Топливо, топки и котельные установки». Нужно отметить, что в начале 1920-х гг. МВТУ был рассадником вольнодумства и свободы. Большинство преподавателей и профессоров не приняли октябрьского большевистского переворота в Петрограде. Они отстаивали право на академическую автономию вуза, боролись против назначения правления и ректора, в декабре 1921 г. объявили забастовку и приняли решение не проводить занятия в весеннем семестре в знак протеста против давления со стороны Наркомпроса РСФСР [3]. Конфликт между властью и МВТУ дошел до Политбюро ЦК РКП(б), лично до Ленина, который 21 февраля 1922 г. пишет известную записку Л. Б. Каменеву и И. В. Сталину:

«Р. С. Надо вызвать в «Правде» и «Известиях» дюжину статей на тему «Милюков только предполагает». Если подтвердится, уволить 20–40 профессоров обязательно.

Они нас дурачат.

Обдумать, подготовить и ударить сильно» [4].

У нас нет определенных фактов об участии профессора Рамзина в конфликте 1921–1922 годов. Ранее мы писали о том, что, скорее всего, он был на стороне своих коллег. Но обнаруженные документы говорят об обратном. 23 февраля 1922 г. В. И. Ленин по телефону продиктовал письмо В. М. Молотову с предложением в Политбюро

ЦК РКП(б). В нем говорилось: «Я прочел в последнем протоколе, что Политбюро отклонило ходатайство Госплана об отпуске средств на командировку за границу профессора Рамзина. Считаю абсолютно необходимым внести предложение о пересмотре этого решения и об удовлетворении ходатайства Госплана. Рамзин лучший топливник в России. Об его работе я подробно знаю, кроме литературы, из докладов Кржижановского и Смилги. Последний, между прочим, сообщил мне, по секрету, что во время их совместной поездки в Баку Рамзин передавал Смилге саботажное заявление ряда выдающихся спецов. Все эти факты по совокупности не оставляют для меня ни малейшего сомнения в том, что в лице Рамзина мы...имеем человека, безусловно добросовестно работающего для советской власти» [5]. Слова Ленина многое объясняют. Теперь вполне понятны мотивы, которые побудили Рамзина встать на путь предательства в 1930 г. на процессе по делу «Промпартии». Кстати, 23 февраля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) утвердило предложение В. И. Ленина, а 30 марта приняло постановление о дополнительном ассигновании на командировку Рамзина [6].

В начале 1920-х гг. Леонид Константинович не только преподавал в МВТУ. Он активно участвовал в разработке плана ГОЭЛРО, который был принят 22 декабря 1920 г. В июле 1921 г. решением Совета труда и обороны РСФСР был образован Теплотехнический институт «в целях планомерного научного изучения и разработки выдвигаемых жизнью практических вопросов теплотехники, связанных с ними технико-экономических задач, а также для подготовки высококвалифицированных специалистов» [7]. Задолго до этого, в 1918 г., при Политехническом обществе профессора В. И. Гриневецкий и К. В. Кирш создали Тепловой комитет и разработали программу его деятельности, включающую вопросы топливоснабжения и электрификации всей страны [8]. Они мечтали о создании полноценного Теплотехнического института. Его базой могла стать лаборатория паровых котлов МВТУ, которой заведовал К. В. Кирш. Он даже начал собирать пожертвования, выпустив для этого специальное воззвание. К 1921 г. было собрано 5 тысяч рублей [9].

Первым директором Всероссийского теплотехнического института стал Леонид Константинович Рамзин, руководивший им почти десять лет. Было ему тогда всего тридцать четыре года. Профессор Рамзин проявил себя не только крупным ученым, но и талантливым организатором. В 1922 г. государственная комиссия, которую возглавлял Л. К. Рамзин и в которой участвовали многие сотрудники института, осуществила приемку, пуск и освоение первой мощной по тому времени тепловой электростанции в Кашире, построенной в соответствии с планом ГОЭЛРО [10]. Теплотехнический институт в те годы не имел бюджетного финансирования. Все работы выполнялись по договорам с промышленными предприятиями. Л. К. Рамзин

был настоящим трудоголиком. От своих сотрудников он требовал выполнения фундаментальных исследований, не связанных напрямую с заказами промышленности. Регулярно выходили «Известия Теплотехнического института», где публиковались научные статьи и доклады сотрудников, в т. ч. и самого Рамзина. В его котельной лаборатории на испытаниях работали с утра до вечера, по 20 часов в сутки, без отгулов, на просьбы о них Рамзин отвечал: «Ничего, для науки могут и поработать!» [11].

В 1920-е гг. Л. К. Рамзин неоднократно выезжал за рубеж для изучения опыта и закупки теплотехнического оборудования. Он побывал в Бельгии, Германии, Чехословакии, США. По поручению Госплана СССР Л. К. Рамзин в 1924 г. выступил с докладом на I Мировой энергетической конференции в Лондоне. Доклад был посвящен перспективам мирового топливного баланса, топливной базе СССР и ее использованию [12].

Л. К. Рамзин успевал руководить институтом, заведовать кафедрой в МВТУ, исполнять обязанности члена Госплана СССР и ВСНХ СССР (с 1927 г.). В эти годы под руководством ученого была решена проблема эффективного использования подмосковного угля. До опытов Рамзина этот уголь считался неудобным для использования [13]. За многочисленными заботами Леонид Константинович не забывал о своих учителях – В. И. Гриновецком и К. В. Кирше, именами которых был назван Теплотехнический институт. По его инициативе в институте был создан Комитет по увековечиванию памяти профессора В. И. Гриновецкого [14]. 23 октября 1928 г. Л. К. Рамзин обращается с письмом к известному общественному деятелю Краснодара и специалисту в области городского хозяйства П. В. Миронову с просьбой спасти могилу профессора Гриновецкого, умершего в Екатеринодаре в марте 1919 г., от разрушения [15]. В январе 1929 г., в следующем письме Л. К. Рамзин просьбу свою повторяет и сообщает о намерении заказать за счет института памятник Гриновецкому в Москве [16].

Имена выдающихся ученых и организаторов высшей школы дореволюционной России В. И. Гриновецкого и К. В. Кирша жили не только в названии Теплотехнического института. Так, в Высшем механико-машиностроительном училище (бывший механический факультет МВТУ), где также читал лекции профессор Рамзин, существовал научно-технический кружок имени профессоров Н. П. Гавриленко, В. И. Гриновецкого и К. В. Кирша.

Интересный факт. В 1927 г. издательство Московского высшего технического училища довольно большим тиражом – 1500 экземпляров – выпустило объемный (249 страниц) конспект лекций по курсу «Теплосиловые станции», «читанных на механическом и электротехническом факультетах МВТУ проф. Л. К. Рамзиным в 1925–26 уч. году». Конспект был составлен не самим Рамзиным, а его слушателями А. И. Леонтенковым и П. Г. Черепниным. Вот как составители

сами писали о цели своего труда: «Настоящая работа произведена с согласия профессора Л. К. Рамзина. Составители стремились дать слушателям лектора конспект лекций по теплосиловым станциям более «полнее обработанный, чем индивидуальные студенческие записки» [17]. В конце предисловия они сетовали: «К сожалению, чрезвычайная занятость проф. Л. К. Рамзина лишила составителей его непосредственного руководства и указаний в процессе работы... Тем не менее составители надеются, что и в этом виде конспект окажет существенную помощь как при проработке соответствующего курса, так и при проектировании» [18]. Любопытно, есть ли сегодня студенты, которые издают конспекты лекций своих профессоров?

Но в середине августа 1930 г. грянул гром среди ясного неба. Л. К. Рамзин был арестован [19]. Арест поделил его жизнь на две части. В первой – успешная карьера, слава, серьезные научные достижения, во второй – предательство, унижение, сотрудничество с властями против вчерашних друзей. Достаточно быстро Леонид Константинович превратился в прокурора по отношению к своим коллегам, которых оговорил и отправил на смерть. Главным обвинителем на процессе в 1930 г. были не Н. В. Крыленко и В. И. Фридберг, а фактически Л. К. Рамзин.

Профессор Рамзин был осужден по делу контрреволюционной организации – «Союза инженерных организаций» («Промышленная партия»). Большинство современных исследователей оценивают курс ВКП(б) конца 1920-х – начала 1930-х годов как провальный, который завел страну в тупик. Коллективизация закончилась разорением деревни и массовым голодом, необдуманные темпы индустриализации привели к технологическим катастрофам, тотальному дефициту, введению карточной системы, скачку инфляции. Фактически планы первой и второй пятилеток выполнены не были. Ответственность за все это Сталин решил возложить на инженерно-техническую интеллигенцию, «вредителей» из числа бывших «буржуазных спецов», «засевших» в важнейших органах власти и хозяйственных структурах. В 1928 г. состоялся Шахтинский процесс, открывший серию сфабрикованных ОГПУ дел в отношении технической интеллигенции. После него в стране были произведены аресты работников Наркомата путей сообщения. Но главных фигурантов (Н. К. фон Мекка и А. Ф. Величко) не удалось «подготовить» к открытому процессу, аналогичному Шахтинскому, и они были расстреляны весной 1929 года. Были также произведены аресты в золоторудной и других отраслях промышленности.

Очередные «показательные» процессы готовились ОГПУ после арестов в 1930 г. трех крупных групп «вредителей». Первая включала известных инженеров и ученых, служивших в Госплане СССР и ВСНХ СССР и других советских учреждениях (Л. К. Рамзин, И. А. Калинин, В. А. Ларичев и др.), вторая – ведущих аграрников и

экономистов, работавших в Наркомфине СССР и Наркомземе СССР (Н. Д. Кондратьев, А. В. Чайнов, Л. Н. Юровский и др.), третья – плановиков, бывших членов партии меньшевиков, трудившихся в Госплане СССР, ЦСУ и других хозяйственных и научных структурах (В. Г. Громан, Н. Н. Суханов-Гиммер и др.). Соответственно ОГПУ сфабриковало три контрреволюционные подпольные партии: «Промпартию», «Трудовую крестьянскую партию» и «Союзное бюро меньшевиков» [20].

Сталин не только пристально следил за ходом следствия, но и указывал председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому, какие показания требуются от арестованных. 21 сентября 1930 г. главный фигурант по делу «Промпартии» Л. К. Рамзин написал признательные показания, которые затем были положены в основу обвинительного заключения [21]. В них он изложил историю создания «Инженерного центра» («Совета объединенных инженерных организаций»), назвал его руководящий состав (П. А. Пальчинский, Л. Г. Рабинович, Н. Ф. Чарновский, А. А. Федотов, С. В. Куприянов, В. А. Ларичев и др.), охарактеризовал организационную структуру, итоги вредительской, диверсионной деятельности, включая переговоры с империалистическими странами [22].

Сталин, получив 2 октября показания Рамзина, дает четкие указания Менжинскому о содержании новых (будущих) показаний верхушки ГКП, «Промпартии» и особенно Рамзина [23]. Он приказывает главе чекистского ведомства «Провести сквозь строй гг. Кондратьева, Юровского, Чайнова и т. д., хитро увиливающих от «тенденции к интервенции», но являющихся (бесспорно!) интервенционистами, и строжайше допросить их о сроках инт[ервен]ции (Кондратьев, Юровский и Чайнов должны знать об этом так же, как знает об этом Милуков, к которому они ездили на «беседу»). Если показания Рамзина получат подтверждение и конкретизацию в показаниях других обвиняемых (Громан, Ларичев, Кондратьев и К0 и т. д.), но это будет серьезным успехом ОГПУ [24]...

Но не всем планам Сталина и ОГПУ суждено было сбыться. Не все пошли по пути Рамзина. Так, один из главных обвиняемых по делу «Трудовой крестьянской партии» Н. Д. Кондратьев отвел обвинения в подготовке интервенции, хотя и признал «прочность совласта» и «правильность метода коллективизации». Громкого процесса по делу ТКП не получилось, в том числе из-за стойкости Н. Д. Кондратьева. Несмотря на издевательства следователей – его сутками, не давая заснуть, держали перед слепившей глаза яркой лампой, – до конца сломать Николая Дмитриевича не удалось [25].

Процесс по делу «Промпартии» прошел в Москве с 25 ноября по 7 декабря 1930 г., в Колонном зале Дома Союзов. Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР под председательством А. Я. Вышинского, в составе членов присутствия В. П. Антонова-

Саратовского, В. Л. Львова, П. А. Иванова, при участии государственных обвинителей Н. В. Крыленко, В. И. Фридберга и защиты И. Д. Брауде и М. А. Оцеп рассмотрело в открытом заседании дело «Союза инженерных организаций» («Промышленная партия») [26].

Суду было передано восемь человек: Рамзин Леонид Константинович, 1887 г. р., директор Теплотехнического института; Калинин Иван Андреевич, 1874 г. р., зам. председателя производственного сектора Госплана; Ларичев Виктор Алексеевич, 1887 г. р., председатель топливной секции Госплана; Чарновский Николай Францевич, 1868 г. р., председатель Научно-технического совета ВСНХ; Федотов Александр Александрович, 1864 г. р., председатель коллегии Научно-исследовательского текстильного института; Куприянов Сергей Викторович, 1871 г. р., технический директор Оргтекстиля ВСНХ; Очкин Владимир Иванович, 1891 г. р., заведующий отделом руководства научно-исследовательского сектора ВСНХ; Ситнин Ксенофонт Васильевич, 1878 г. р., инженер Всесоюзного текстильного синдиката [27].

Процесс продолжался почти две недели, в ходе которого «вина» всех подсудимых была доказана. Сделано это было с помощью Л. К. Рамзина. На суде он охотно отвечал на вопросы, давал пояснения, гневно обличал и осуждал «прослойку инженерства» («касту»), которая пошла по пути вредительства, измены и предательства [28]. В заключительном слове Л. К. Рамзин заявил: «Я думаю, что настоящий процесс, весь этот длинный, позорный путь, который проделала «Промпартия», и наглядные колоссальные успехи социалистического строительства ясно показали широким массам и, в частности, инженерству всю тщетность контрреволюционных устремлений и построений и глубочайших противоречий их с жизненными интересами страны. Поэтому я глубоко убежден, что теперь все инженерство решительно отбросит всякие колебания, что все инженерство с увлечением примется за работу на великой социалистической стройке и покажет невиданные еще до сих пор успехи и достижения. Я твердо уверен в том, что эта небольшая антисоветская прослойка, которая еще сохранилась в инженерных кругах, в инженерной среде, и эта прослойка станет на путь преданной и честной работы. Я верю, что процесс «Промпартии» будет моментом резкого поворота в отношениях между инженерством и советской властью и что инженеры выступают теперь последний раз здесь перед пролетарским судом в качестве членов контрреволюционной организации» [29].

Цель процесса, как ее понимали организаторы, была достигнута. Позором были заклеяны не только подсудимые, но и сотни инженеров-вредителей (по утверждению Рамзина, более двух тысяч человек) во всех отраслях народного хозяйства [30]. Процесс был использован властями для нагнетания массового психоза, с тем чтобы отвести удар от истинных виновников провала порочного проекта

«Великого перелома». В день открытия процесса мимо Дома Союзов прошел 1 миллион 200 тыс. москвичей, требовавших: «Расстрелять контрреволюционную сволочь!» [31].

7 декабря 1930 г. был оглашен приговор. С. В. Куприянов, В. И. Очкин и К. В. Ситнин приговаривались к десяти годам исправительных работ плюс пять лет поражения в правах. Остальные – к расстрелу. Обвинительное заключение по делу «Промпартии» было переведено на немецкий, французский, польский и другие языки и отпечатано для распространения за рубежом Центральным издательством народов СССР большими тиражами (6000–15 000 экземпляров). Все осужденные обратились с ходатайством о помиловании или смягчении приговора, и уже на следующий день Президиум ЦИК СССР заменил осужденным расстрел на десять лет заключения, а десять лет – на восемь [32]. Из мест лишения свободы практически никто не вернулся [33]. Вернулся только Л. К. Рамзин. За предательство ему не только сохранили жизнь, здоровье, но и создали хорошие условия для работы. Рамзин после суда не отбывал заключение в тюрьме или лагере. Он продолжил работу над созданием первого отечественного опытного прямоточного котла [34]. Он был изготовлен и смонтирован на экспериментальной ТЭЦ Всесоюзного теплотехнического института (ВТИ). Рамзину удалось продемонстрировать котел наркому тяжелой промышленности С. Орджоникидзе, который обеспечил финансирование работ по строительству первого промышленного прямоточного котла. Он был создан на Невском заводе в Ленинграде. В это время Л. К. Рамзин находился под домашним арестом, но при необходимости в сопровождении конвоира выезжал в командировки на завод [35]. Котел был сдан в промышленную эксплуатацию в декабре 1933 г. и установлен на нынешней ТЭЦ-9 Мосэнерго. В конструкции прямоточного котла было заложено решение многих сложных проблем: сжигания различных видов топлива (мазут, уголь, газ), устойчивости гидродинамики, крепления поверхностей нагрева, облегченной обмуровки, воднохимического режима и др. В 1934 г. Л. К. Рамзин возглавил ОКБ прямоточного котлостроения, организованное в составе 9-го управления ОГПУ. Это конструкторское бюро стало одной из первых «шарашек» в стране [36]. В 1936 г. он вышел на свободу по амнистии. В это время Наркомат тяжелой промышленности выпускает постановление о строительстве серии прямоточных котлов. Для этого было создано Бюро прямоточного котлостроения (БПК) с центром в Москве и филиалами в Ленинграде и Харькове. Директором и главным инженером БПК был назначен Рамзин. До войны были разработаны, изготовлены и введены в эксплуатацию котлы на Грозненской ТЭЦ (август 1939 г.), ТЭЦ Горьковского автозавода (апрель 1940 г.), Красногорской ТЭЦ (июль 1941 г.) [37].

Ориентированность на решение острых, злободневных проблем, имевших большое значение для жизни общества, всегда были характерна для научной деятельности профессора Рамзина. Так, еще в 1918 г. им была подготовлена брошюра «Топливный голод и борьба с ним в домовом обиходе» [38]. В 1920-е гг. он, как известно, много сил отдал изучению энергетических ресурсов СССР и свойств различных видов топлива. Одна за другой выходят работы, посвященные анализу использования угля, мазута для электростанций и получения электрической энергии [39], а также проблемам создания советской электроэнергетики и снабжения ее качественным отечественным топливом [40]. В 1930-е гг. был построен прямоточный котел, имевший революционное значение для мировой и отечественной энергетики. Помимо других задач он решал проблему экономии металла. Вот как Рамзин сам говорил об этом на публичной лекции в Ленинграде в год своего освобождения (1936) в областном Доме техники:

«В порядке развития стахановского движения декабрьский пленум партии поставил перед нашим строительством, как одну из основных задач, задачу экономии металла, задачу рационального использования металла в тех конструкциях, которые производит наша машиностроительная промышленность» [41].

После начала Великой Отечественной войны в связи с эвакуацией из Москвы и призывом в армию многих сотрудников ВПК практически прекратило свое существование. Однако в конце 1942 г. Л. К. Рамзин вернулся из эвакуации в Москву и сумел добиться постановления Государственного Комитета Обороны о восстановлении ВПК с правом отзыва бывших сотрудников из действующей армии [42].

1943 г. стал для Леонида Константиновича поистине урожайным. В этом году ему была присуждена Сталинская премия I степени за создание конструкции прямоточного котла. Он был награжден орденом Ленина. ВАК присудил ему степень доктора технических наук без защиты диссертации [43].

Но награды и звания не вернули ему уважения коллег. Рамзина не вернули на работу в МВТУ (тогда – Московский механико-машиностроительный институт им. Н. Э. Баумана), а определили в Московский энергетический институт. Здесь он был одним из инициаторов основания энергомашиностроительного факультета и кафедры котлостроения, которую возглавлял в 1944–1948 годах. Говорят, в МЭИ ему не подавали руки. В 1943 г. Рамзина пытались провести в члены-корреспонденты Академии наук СССР, но при тайном голосовании он получил двадцать четыре голоса против и только один – за» [44].

В последние годы жизни, как и в 1920-е, Л. К. Рамзин много работал. Он возглавлял ВПК, в котором активно шла работа по ре-

конструированию прямоточного котла, эксплуатационные качества которого были существенно улучшены, являлся научным руководителем ВТИ [45], заведовал лабораторией в Энергетическом институте Академии наук, преподавал в МЭИ.

Умер профессор Рамзин 28 июня 1948 г. и был похоронен на Армянском кладбище столицы. В 1991 г. он был полностью реабилитирован.

Прямоточные котлы системы Рамзина до сих пор работают на электростанциях. Его труды, посвященные вопросам котлостроения, расчету котельных установок, изучению топлива, вошли в историю отечественной теплотехники. В историю также вошли и грандиозный процесс над несуществовавшей «Промпартией» и провокационная роль, которую сыграл в нем Рамзин. Аморальный пример того, как ученый стал прокурором по отношению к своим коллегам. Многие на его месте сохранили достоинство и честь, поплатившись за это жизнью.

Примечания

1. Анцупова Г. Н., Павлихин Г. П. Ректоры МГТУ имени Н. Э. Баумана (1830–2001): изд. 2-е, перерб. и доп. М.: 2002. С. 75–83; Волкевич И. Л. Очерки истории Московского высшего технического училища. М., 2000. С. 86–92, 104–111, 112–123 и др.

2. Волкевич И. Л. Указ. соч. С. 88, 89, 92, 122; Федоров И. Б., Павлихин Г. П. Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана. 175 лет. М., 2005. С. 52, 76, 89, 93 и др.

3. Анцупова Г. Н., Павлихин Г. П. Указ. соч. С. 90–93; Волкевич И. Л. Указ. соч. С. 130–138.

4. Волкевич И. Л. Указ. соч. С. 135.

5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. М., 1964. С. 402

6. Там же. 589 С.

7. <http://www.vti.ru/history>

8. Анцупова Г. Н., Павлихин Г. П. Указ. соч. С. 82.

9. <http://www.vti.ru/history>

10. Там же.

11. Там же.

12. Рамзин Л. К. Энергетические ресурсы СССР. М., 1925.

13. <http://www.tstu.ru/win/tambov/imena/mih/ramzin.htm>

14. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р – 1547.

Он. 1. Д. 147. А. 1.

15. Там же.

16. Там же. ЛЛ. 2.

17. Тепловые станции. Конспект лекций, читанных на механическом и электротехническом факультетах МВТУ проф. Л. К. Рамзиным в 1925/26 уч. году. М., 1927. С. 3.

18. Там же.

19. Процесс «Промпартии» (25 ноября – 7 декабря 1930 г.). Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М., 1931. С. 163.

20. Об этом подробнее см.: Просим освободить из тюремного заключения. М., 1998; Ефимкин А. П. Дважды реабилитированные: Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский. М., 1991; Волкевич И. Л. Указ. соч. С. 154–167; Возвращенные имена: Сборник публицистических статей в 2-х книгах. Книга И. М., 1989. С. 271–301 и др.

21. Процесс «Промпартии». С. 7–44; Обвинительное заключение было опубликовано газетой «Известия» в ноябре 1930 г.

22. Процесс «Промпартии». С. 7–44.

23. Письма Сталина Молотову // Коммунист. 1990. № 11. С. 99.

24. Там же. С. 100.

25. Там же. С. 175.

26. Процесс «Промпартии». С. 5.

27. Там же. С. 43–44.

28. Там же. С. 502.

29. Там же. С. 504.

30. Волкевич И. Л. Указ. соч. С. 160.

31. Возвращенные имена. Книга II. С. 297.

32. Волкевич И. Л. Указ. соч. С. 166.

33. Известно, что последний избранный ректор МВТУ И. А. Калинин, проходивший по этому делу, был расстрелян в 1937г.// Анцупова Г. Н., Павлихин Г. П. Указ. соч. С. 95; Другой осужденный – В. А. Ларичев в 1943 г. был жив и работал в Бюро прямоточного котлостроения, которым руководил Рамзин. См.: Шмуклер Б. И. О становлении отечественного прямоточного котлостроения // <http://yu-b-shmukler.narod.ru/Friends/kotlostroenie.html>

34. Об этом подробнее см: Прямоточные котлы Рамзина. М., 1948; Советские прямоточные котлы. М., 1958; Директор Б. Я., Лунеев В. В., Шмуклер Б. И. Эксплуатация прямоточных котлов. М., 1959; Опыт освоения и исследования моноблока 200 МВт с прямоточным котлом. М., 1963 и др.

35. Шмуклер Б. И. О становлении отечественного прямоточного котлостроения.

36. <http://ru.wikipedia.org/wiki>

37. Шмуклер Б. И. О становлении отечественного прямоточного котлостроения.

38. Рамзин Л. К. Топливный голод и борьба с ним в домовом обиходе. М., 1918.

39. Рамзин Л. К. Обзор топлива Центрально-промышленного района. М., 1924; Он же. Сравнительные испытания по сжиганию мазутов. М., 1926 и др.

40. Рамзин Л. К., Круг К. А. Электрификация и промышленность. Ростов н/Д, 1921; Рамзин Л. К. Рациональное направление топливного хозяйства СССР. М., 1930 и др.

41. Рамзин Л. К. Развитие прямоточного котлостроения в СССР. Стенограмма лекции. Л., 1936.
42. Там же.
43. Волкевич И. Л. Указ. соч. С. 167.
44. Там же.
45. По другим источникам – главным инженером.

Власов А. И.

Контакты ученых в условиях тоталитаризма: за гранью возможного (на примере В. И. Вернадского, А. Е. Ферсмана, П. Н. Чирвинского)

„Акбар, названный Великим, очень бережно относился к врагам. Любимый советник вел список врагов. Акбар часто осведомлялся, не появилось ли в списке какое-либо достойное имя «Когда увижу достойного человека, пошлю привет переодетому другу»”. Эта восточная притча, записанная когда-то Рерихами совершенно по другому поводу, в контексте нашей статьи проявляет иное, глубинное понимание человеческих взаимоотношений: для общения между людьми расстояние не преграда, порой достаточно буквально «послать привет». В условиях тоталитарного режима такие посылки духа становятся порой единственным, но весьма действенным способом поддержки, незаменимым стимулом для борьбы и за жизнь, и за научные идеи.

15 мая 1927 г. в Донском политехническом институте проходило знаменательное событие: торжественно отмечали 25-летие научной деятельности Петра Николаевича Чирвинского, ученого с мировым именем, одного из основателей новочеркасской геологической школы. Юбиляра приветствуют светила науки: академики А. П. Карпинский, В. И. Вернадский, Н. С. Курнаков, чета Павловых, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, редактор старейшего в Германии журнала по геологии и минералогии Р. Браунс, австрийский минеролог и петрограф, иностранный член-корреспондент Петербургской АН Ф. Бекке, профессор-академик Дельтер – одних письменных поздравлений поступило «из пределов СССР немного более 100 и из-за границы 33» [1. С. 33–34].

Вообще этот период для новочеркасского вуза был весьма успешным и торжественным. Разруху Гражданской войны он перенес во многом благодаря беспредельному энтузиазму и организаторскому таланту первого выборного ректора П. П. Суцинского, также геолога, друга и соратника П. Н. Чирвинского. Донполитехникум, как в то время именуют институт не только в разговоре, но и в официальных

документах, стоит на хорошем счету. Немногим ранее Академическое совещание вузов выделяет ДПИ в качестве успешного [2], и в свое двадцатилетие он вполне заслуженно рапортует о достижениях [1. С. 85–95].

Но вернемся к юбилею Чирвинского. В торжественных речах почти незаметны некоторые нотки тревоги и волнения:

– Петр Николаевич... является одним из немногих устоев на Юге России, где процессы научной мысли и научной работы, не угасая, продолжают развиваться, готовые в благоприятный момент вспыхнуть ярким пламенем (Н. И. Криштафович, редактор «Ежегодника по геологии и минералогии России»);

– Природа неведомыми для нас путями хранит какое-то равновесие, какую-то гармонию, и мне хочется вопреки действительности видеть, что наша Родина не оскудеет научными силами (А. Г. Белявский, ученый-электромеханик, проф. ДПИ);

– Желая Вам энергичной работы, но Вы принадлежите как раз к тем людям, которые всегда и при всяких условиях будут научно работать (В. И. Вернадский).

Тревога вполне объяснима. Репрессивный сталинский аппарат развивался семимильными шагами, калеча судьбы тысяч людей, не только политических оппонентов, но и научных вольнодумцев, инженеров, производственников. «Экономическая контрреволюция» – обвинение, которое в самом скором времени будет уносить судьбы людей, скроет в эти годы и многие грани сотрудничества ученых, поскольку признание такого сотрудничества становилось само по себе опасным.

Контакты трех великих мужей, какими являлись в советской геологической науке Вернадский, Ферсман и Чирвинский, мало заметны, до сегодняшнего дня они не получили достойного исследователя. Однако связи эти имели крепкий фундамент, основанный на глубоком, заслуженном уважении научных достижений друг друга, а жизненные пути ученых часто проходили по одним и тем же местам.

В архиве Академии наук сохранилось около сорока писем, свидетельствующих о тесном общении В. И. Вернадского и П. Н. Чирвинского. 14 февраля 1903 г. Петр Николаевич обращается за советом к ученому с мировым именем: «Милостивый Государь Владимир Иванович! – пишет студент Киевского университета. Будьте столь добры указать мне, не было ли сделано Вами каких-либо работ касательно синтеза минералов, кроме опытов с получением силлиманита. Я теперь работаю над сочинением «Синтез минералов в XIX столетии»... и потому нуждаюсь в литературных справках» [3. – оп. 3, № 1808]. Уже тогда Чирвинский обратил на себя внимание Вернадского. Материалы, собранные Петром Николаевичем, легли в основу его дипломной работы, за которую он был удостоен золотой медали с надписью «Преуспевшему». А в 1906 г. этот труд вышел

отдельной книгой. «Труд этот обнаруживает огромную эрудицию, — писал Вернадский, — и является чрезвычайно полезной и лучшей в настоящее время сводкой данных по синтетической минералогии. Несомненно, этом труде есть пропуски, но в общем П. Н. Чирвинский захватил огромную область фактов и дал чрезвычайно полезную справочную книгу» [цит. по: 4. С. 109–110].

В 1906–1908 гг. Чирвинский упоминается наряду с К. А. Ненадкевичем, Г. И. Касперовичем, Е. Д. Ревуцкой, А. А. Твалчрелидзе, Д. В. Наливкиным, С. П. Поповым в качестве ученика Вернадского, работавшего в руководимом им Минералогическом музее [5].

К этому времени студент Московского университета А. Ферсман публикует свои работы под руководством В. Вернадского, тогда же, по-видимому, он знакомится с Чирвинским.

В 1907 г., в возрасте 27 лет, Петр Николаевич получает звание приват-доцента, в 1909 г. назначается на должность профессора Донского политехнического института. Здесь, в Новочеркасске, к ученому приходит мировая известность. Область его интересов простирается в разделы геологии и кристаллографии, минералогии и геохимии, астрономии и метеорологии, астрофизики и планетологии, снеговедения и археологии, вплоть до работ по выяснению причин необычной окраски крыльев тропических бабочек. Переписка с Вернадским и Ферсманом остается весьма живой и заинтересованной. Не случайно современные исследователи истории геологической науки отмечают именно эту триаду русских ученых: «В 1911 году... он (*Чирвинский*) публикует свою работу по определению химического, атомного и минерального состава сначала горных пород, а затем и всего земного шара. Этот фундаментальный труд, его эпохальное значение не сразу осознали тогдашние корифеи геохимии Кларк и Вернадский, и только А. Ферсман немедленно стал пользоваться этим открытием» [6].

Чирвинский ведет активную работу по изучению залежей полезных ископаемых, сотрудничает с Комиссией по изучению естественных производительных сил России. В архиве Вернадского, занимавшегося в то время организацией АН Украины, хранится письмо Чирвинского, датированное 28 сентября 1919 г., в котором он информирует академика о своей научной работе. «Может быть, заедете в Новочеркасс, — пишет Чирвинский, — тогда можно остановиться у меня» [7].

Направления научной деятельности Вернадского — Ферсмана — Чирвинского постоянно совпадают. Если Вернадский обращал внимание на проблему изучения внеземного вещества, создавал лекции метеоритов, то и Чирвинский тщательно изучал структуру десятков инопланетных образцов (в 1919 г. он успешно защищает докторскую диссертацию по палласитам, где детально рассматривает вопросы их химического состава, распространения, генезиса).

Вдохновленный Вернадским Ферсман организует работу экспедиции на Урале и в Сибири по изучению пегматитов – Чирвинский весьма тщательно, критично разрабатывает и эту тему. Как отмечает один из исследователей, «их научная и личная приязнь, взаимное уважение не подлежат сомнению. Они были во многом схожи: классическое гимназическое и университетское образование, происхождение из культурной среды, характеры» [8]. При этом взаимоотношения эти были весьма принципиальными с точки зрения чистоты научных выводов: «В частности, об этом может свидетельствовать стенограмма III Полярного совещания НИСа, где зафиксирована оживленная переписка между Чирвинским (докладчиком) и Ферсманом (председателем) о том, кто пропустил в химических анализах лопарита тантал и ниобий – «академики» или «неакадемики» [там же].

В ночь с 5 на 6 января 1931 г. был арестован и П. Н. Чирвинский, вместе с группой преподавателей ДПИ он был обвинен в «сокрытии запасов полезных ископаемых». Началась, как называл ее сам ученый, его «нордическая фаза», аресты сопровождалась ссылками, ссылки – переводами в «специальные» ОКБ.

Связи ученых, даже столь великих, свелись к минимуму. В письме Чирвинского Л. А. Кулику, отправленном из Кировска в 1937 г., читаем: «Рукопись свою о ходе анализа каменистых метеоритов дополнил из Мерилла и др. В. И. Вернадский обещал переговорить с Карповым и другими по вопросу о ее напечатании, ответить мне, но это было уже давно, писем нет, верно, забыл». И чуть далее: «Жаль что у Вас нет копии моего большого труда «Палласиты» (рукопись машинная в кабинете полезных ископаемых горного факультета в Новочеркасском индустриальном институте)» [З. оп. 3, № 2106].

Пессимизм Чирвинского («верно, забыл») имел печальное основание: слишком многих забыли в то время. Но Вернадский пристально следил за судьбой ученого. По его дневниковым записям видно, что он постоянно искал пути помощи не только Чирвинскому, но многим и многим невинно пострадавшим. Вот только одна запись 1938 г.: «Из разговора выяснилось, что оригинальный материал Кашинского метеорита, изучавшийся Самойловым, неизвестно где находится. Точно так же рукопись П. Н. Чирвинского о палласитах. Чирвинский опять арестован, и год тому назад приватно указывал мне на желательность сохранения его рукописи. Все собирался это сделать!» [цит. по 9]. Сколько боли, сколько сожаления в этой фразе ученого!

Ферсман также был небезучастен в судьбе Чирвинского. Благодаря ходатайству академиков А. П. Карпинского и А. Е. Ферсмана в сентябре 1932 г. переведен в Особое геологическое бюро Мурманского окружного отдела ОГПУ – «Мурманскую шарашку», где условия были легче, чем в предшествовавших ей Ухтпечлаге и Белбалтлаге. В 1934 г. во многом благодаря протекции Вернадского

и Ферсмана публикуется первая после ареста статья П. Н. Чирвинского в «Записках ВМО» об обсидиане, в 1935 г. – следующая о Кольских железорудных кварцитах. 16–18 сентября 1934 г. 20 делегатов юбилейного Менделеевского съезда, посвященного 100-летию со дня рождения великого химика, посетили Хибиногорск и Кольскую базу, обсудив здесь проблемы кольской геологии и геохимии. Среди них – ученые с мировым именем: В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман, Н. С. Курнаков, И. А. Каблуков, П. Н. Чирвинский и др. [8].

В 1945 г. судимость с П.Н. Чирвинского была снята, что позволило А. Е. Ферсману представить Чирвинского к избранию действительным членом АН СССР. Баллотировка эта была заведомо обречена на провал, но Александр Евгеньевич уже на исходе своих дней, сделал то, что не успел сделать Вернадский: великий ученый ушел из жизни 6 января, а его не менее великий ученик – 20 мая 1945 г.

До ареста Чирвинский вел подробные дневниковые записи, «исчезнувшие» вместе со многими документами из личного архива ученого. Видимо, имена из дневников всплывали на допросах в качестве «компромата». Во всяком случае, всю оставшуюся жизнь Чирвинский, ссылаясь в переписке на того или иного человека, употреблял фразы общего характера: «об этой личности я упоминал в таком-то письме» или «имя этого человека известно из переписки такого-то». Осторожность стала второй натурой этого человека, ведь шлейф «врага народа» тянулся за Петром Николаевичем всю жизнь, и полная реабилитация, «за отсутствием состава преступления», была объявлена лишь в 1989 г., через 45 лет после его смерти.

В 1943 г. Чирвинский пишет «Отрывки из моих воспоминаний» [10]. Материал этот был опубликован лишь в 1972 г., но даже тогда невозможно было сказать. Сейчас, по прошествии десятилетий, когда стали доступны ранее скрытые документы, все отчетливее становится связь великих ученых России, какими являлись В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман и П. Н. Чирвинский. Великолепная научная школа, безграничный энциклопедический кругозор, беззаветная преданность Истине и общая трагедия – вот те черты, которые невидимыми нитями навечно связали их судьбы, создав тем самым удивительную грань блистательного диаманта, имя которому – научное сообщество России.

Примечания

1. Известия Донского Политехнического института в Новочеркасске. Т. XI, 1. Официальный отдел. Новочеркасск, 1928. 123 с.
2. Протокол от 22/II-1925 Государственный архив Ростовской области. Ф. 65. Оп. 1. Ед. хр. 63, Л. 44–45.
3. Архив АН СССР, Фонд 518. Оп. 3. № 1808.

4. Чирвинская О. П. Основные вехи жизни и деятельности П. Н. Чирвинского (из воспоминаний о моем отце) // П. Н. Чирвинский и вопросы геологической науки. Киев: Наукова думка, 1971. С. 109–121.
5. Комментарии редакторов М. С. Бастракова и А. Н. Кольцова к кн.: В. И. Вернадский. Академия наук в 1906 году [электрон. версия]. – URL: <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/acad-1906.txt>.
6. Ржевский Б. Это имя Кировск не должен забыть // Полярная правда. 2009. Вып. № 89 от 25 июня.
7. Рукописные материалы из фондов Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского [IP НБУВ, ф. I, од. зб. 27033, арк. 1]. – URL: <http://histans.com/LiberUA/978-966-02-6600-1/50.pdf>.
8. Шпаченко А. К. Нордическая фаза П. Н. Чирвинского // Минералогия во всем пространстве сего слова: тр. II Ферсмановской науч. сессии Кольского отд. Рос. минералог. о-а, посвящ. 140-летию со дня рождения В. Рамзая, Апатиты, 18–19 апр. 2005 г. / Научн. ред. Ю. Л. Войтеховский, А. В. Волошин, О. Б. Дудкин. Апатиты: изд-во «К & М», 2005. С. 27–29.
9. Сайт «Каждый документ – это след!» . – URL: <http://smineev-archive.livejournal.com/5854.html>.
10. Чирвинский П. Н. Отрывки из моих воспоминаний // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 15. Геологи высших учебных заведений Южной России. М., 1972. С. 11–60.

Жанбосинова А. С.

Человеческие судьбы в молотилке репрессий

Первая половина XX в. знаменательна эпохальными событиями, ставшими своего рода предтечей настолько противоречивых явлений той исторической действительности, о которой можно сказать поэтической фразой Б. Окуджавы: «Когда-нибудь мы вспомним это, и не поверится самим»: великих до удивления и страшных по трагичности. Октябрьская революция взорвала ¼ часть евразийского материка, сметая старый и устанавливая новый мировой порядок, экономическая модернизация зажгла народный энтузиазм и жажду к лучшей доле, где «на Марсе будут яблони цвести», и породила стальной молот, придавивший «скрытых врагов» светлого будущего.

«Арест», «приговор», «тюрьма», «ссылка» – эти слова долгое время были в обиходе советских людей, их произносили не задумываясь. Как известно, народ, который не помнит своего прошлого, обречен на его повторение в будущем. Чтобы проложить путь к этому лучшему будущему, мы должны в первую очередь воскресить из небытия свое

прошлое, и, может быть, трагические его страницы станут для нас важнее наших достижений недавнего прошлого. Время нашего недавнего прошлого – с одной стороны, это период социалистического воодушевления народных масс, где процесс социально-культурных изменений был особенно заметен в социально-экономической истории народов Казахстана и Средней Азии. С другой стороны, тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения социализма привел в конечном итоге к борьбе с представителями автохтонной национальной интеллигенции, стремившейся помочь своему народу, своей Родине.

Экономическая модернизация СССР, начавшаяся в конце 1920-х и усилившаяся в 1930-х, не могла обойтись без насилия и репрессивных акций. Срывы плановых заданий, производственные аварии и многие другие следствия форсированного рывка послужили основой многочисленных кампаний по выявлению вредителей на производстве, поиску террористов, контрреволюционеров и антисоветчиков, препятствующих социалистическому строительству. Любые негативные явления в жизни советского общества стало принято приписывать врагам народа, морально оно было готово к новым широкомасштабным репрессивным акциям, т. к. карательная политика против кулаков и баев была лишь прелюдией к новому витку репрессий.

На востоке Казахстана есть небольшой провинциальный городок. Сегодня он относится к типу моногородов, а в бытность активного социалистического строительства, особенно индустриального, он стал играть значимую роль ввиду наличия богатейших запасов черных и цветных металлов.

Исторической точкой отсчета города Риддера, названного в честь первооткрывателя рудного прииска Филиппа Риддера является 31 мая 1786 г. На осень 1786 г. там проживало около 30 человек, во второй половине 30-х гг. в поселке проживало около 2000 человек. Риддерский рудник положил начало цветной металлургии на востоке Казахстана, а социалистическое индустриальное развитие дало толчок запуску цианистого завода, восстановлению золотодобывающих предприятий, работе свинцового завода, а в 1932 г. поселок Риддер получает статус города.

Индустриальное развитие Риддера, с одной стороны, решение социальных проблем и шаг вперед, с другой – борьба с диверсантами, шпионами, контрреволюционерами, врагами советской власти, пытающимися помешать развитию города.

1937-й – год пика репрессий по всей стране. Промахи в экономической политике, неудачи в индустриальном развитии объяснялись обострением классовой борьбы, активизацией троцкистско-зиновьевского блока, террористической деятельностью скрытых контрреволюционных националистических организаций, возглавляемых

представителями различных разведок мира. Крайкомы требовали от первичных парторганизаций информацию о фактах разоблачения вредительства на предприятиях, о принимаемых мерах по ликвидации последствий вредительства, о том, как идет разъяснение материалов судебного процесса антисоветского троцкистского центра, контрреволюционной роли троцкистских бандитов, речи тов. Вышинского и др.

По всей стране организовывались митинги с целью поддержки курса партии и правительства по уничтожению «врагов народа». Одна из резолюций митинга, прошедшего в Зайсанском районе, гласила: «Заслушав краткое сообщение Прокуратуры СССР о предании суду изменников Родины Тухачевского, Якира, Уборевича и др., каковые пытались предать социалистическую родину иностранной буржуазии... состоявшийся из 75 человек митинг колхозников колхоза «Красное знамя» единодушно требует от прокуратуры и Верховного суда СССР предать врагов народа высшей мере наказания, расстрелу... [1. Л. 16].

Массовая истерия по поиску врагов порой давала обратный результат. Например, в спецзаписке Риддерского отдела НКВД от 15 июня 1937 г. писалось: «В связи с разоблачением и вынесением приговора по делу контрреволюционной шпионской группы, вскрытой в РККА (Гамарник, Тухаческий и пр.), на Риддерском комбинате среди рабочих отмечен ряд нездоровых антисоветских настроений, которые в основном сводятся к тому, что «коммунистам, особенно большим людям, которые стоят близко у руководства страной и Красной армией, верить нельзя, что большинство из них замешаны в контрреволюционных делах – в предательстве».

Рабочий, «кому верить, честных людей в руководстве партии и правительстве нет, кого ни возьми – троцкист или просто шпион-предатель»

Рабочий, «если Советская власть расстреляет Тухачевского, Корка, других, то это будет роковая ошибка, буржуазия это дело так не оставит, они объявят войну за расстрел этих людей, и мы можем оказаться захваченными врасплох, т. к. все наши военные планы за границей известны» [2, л. 54].

В феврале–марте 1937 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) выступил И. Сталин с основным докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». В марте 1937 г. проходит заседание бюро Восточно-Казахстанского обкома ВКП(б), где с докладом выступает секретарь Риддерского горкома ВКП(б) «О состоянии Риддерской парторганизации». В постановляющей части пунктом 2 бюро выносит решение с учетом полученных директив центра: «Обязать Риддерский горком повысить революционную бдительность в рядах партийной организации против казахского национализма, заострив внимание парторганизации на

решиительное разоблачение контрреволюционного казахского национализма и фактов проявления примиреченства, либерального отношения к казахскому национализму» [З. Л. 3].

Высокий уровень травматизма, наблюдаемый на многих промышленных предприятиях в период индустриального бума, объяснялся диверсионной и вредительской работой, проводимой врагами народа. Порой руководители крупных индустриальных объектов говорили, что совершенно не случайно уровень промышленного травматизма особенно значителен на предприятиях, где орудовали контрреволюционные троцкистские, бухаринские и национал-фашистские группы. В письме секретарю ЦК КП(б)К Мирзояну указывалось, что «...на предприятиях Риддерского комбината в 1936 году было несчастных случаев 1883, в том числе со смертельным исходом 3. В первом полугодии 1937 года несчастных случаев 809, в том числе со смертельным исходом 9» [З. Л. 36–39.]

Конечно, как полагали руководители, эти данные следует считать совершенно приуменьшенными, если принять во внимание, что во всех указанных промышленных предприятиях в прошлом орудовали вредители, диверсанты и шпионы японо-германского фашизма и они, естественно, всячески скрывали действительное наличие случаев травматизма и полного учета не вели.

Риддерское НКВД, проведя «активную работу по поиску врагов народа», под руководством партии раскрыло несколько антисоветских националистических фашистских, троцкистско-вредительских организаций.

Главным образом подрывную работу в Лениногорске проводила «английская разведка», сообщала местная служба. Она имеет свое начало с первых дней Октябрьской революции. В 1918–1919 гг. под руководством управляющего концессией инженера Н. К. Лессига в Лениногорске была создана контрреволюционная организация, в которую входили основные руководители цехов, предприятий, местные купцы, кулаки, офицерство. Эта организация ставила задачу сохранения предприятий для концессионеров и подготовку тыла к вооруженному восстанию против советской власти. В 1921 г. в Лениногорске была вскрыта «контрреволюционная повстанческая организация», руководимая эсером Пичугиным и инженером Н. Лержавиным, в которую входили привилегированные рабочие, бывшие служащие концессии, торговцы и кулаки. Лессиг Николай Карлович, находившийся в Москве как член правления «Полиметалла» и «Главцветзолота», проводил «шпионско-вредительскую работу» в Лениногорске через группу «контрреволюционеров». Основным направлением в подрывной работе были срыв строительства энергобазы, постройка маломощного свинцового завода, консервация Сокольного рудника, срыв работы по электролизу цинка и т. д. 2 ноября 1929 г. Н. К. Лессиг был арестован,

а 23 августа 1929 г. коллегией ОГПУ был обвинен в принадлежности к контрреволюционной организации и в шпионаже, за что и был расстрелян 31 августа [4, л. 3].

В 1937 г. была вскрыта в управлении комбината «шпионско-диверсионная группа» Сеноколиса Давида Карловича, работавшего плановиком в тресте «Большой Риддер». За «шпионаж и диверсии» он постановлением комиссии НКВД и прокурора СССР приговорен к высшей мере наказания [5].

После выхода оперативного приказа НКВД СССР за № 00447 от 30 июля 1937 г. органы госбезопасности были озадачены проведением и применением самых жестких репрессивных мер по отношению к антисоветским элементам. Операция по их уничтожению должна была начаться повсеместно с 5 августа 1937 года. Август 1937 г. стал точкой отсчета арестованных в Риддере. Именно тогда была скрыта «контрреволюционная национал-фашистская организация», в которой «активное участие принимали многие жители провинциального городка» и организующей основой, которой были:

1. Тайчибаев Максут, бывший редактор местной газеты «Жумышшы».

2. Мадалиев Есен Али, бывший зам. директора Риддерского комбината «АПМ».

3. Турлубаев Шайхи, бывший начальник спецсектора Риддерского комбината «АПМ».

4. Насыров Сейльбек, бывший ответисполнитель отдела кадров комбината.

5. Оспанов Темирбай, бывший ответисполнитель Семипалатинского агентства Риддерского комбината «Алтайполиметалл».

6. Суюнчалин, бывший 2 секретарь Риддерского горкома, проходит по связям с Мадалиевым и Тайчибаевым.

7. Лауренов, бывший управляющий Семипалатинской конторой «Алтайполиметалл», проходит по связям с Тайчибаевым, арестован в г. Семипалатинске.

8. Нуртазин, бывший работник Казжелдорстроя в г. Акмолинске, проходит по связям с Турлубаевым, арестован в Акмолинске.

9. Алибаев Мукат, бывший инструктор горкома ВКП(б) г. Риддера.

Слово «бывший» упоминается в архивных материалах НКВД по отношению к арестованным и обвиняемым в «контрреволюционных преступлениях». Этим словом проводилась черта между жизнью до ареста и после ареста, и не было надежды на возвращение к прошлому.

По словам обвиняемых, «цель нашей антисоветской националистической организации состояла в том, чтобы любыми мерами добиваться компрометации русских руководящих работников, добиваться всеми мерами снятия их с работы и на место их в руководстве ставить своих казахских работников, что мы и делали» [2, л. 54].

Материалы следственного дела показывают, что организация существовала в Риддере почти с начала 30-х годов. Лишь путем «неустанного труда силового ведомства под непосредственным руководством партии она была обнаружена».

На вопрос «Какие цели ставила ваша антисоветская националистическая организация?» Турлубаев Шайхи отвечал следующее: «Прямо ответить на этот вопрос я не смогу, т. к. детально посвящен в это не был, но мне известно, что задача нашей организации на Риддере заключалась в том, чтобы сколотить вокруг себя антисоветский националистический элемент, разжигать среди них и других казахских работников недовольство политикой партии по национальному вопросу, разжигать межнациональную рознь между казахами и русскими, добиваться захвата руководящих должностей и расстановки своих людей на руководящих работах, вызвать недовольство и недоверие к руководству партийной организацией Риддера, где в большинстве находились русские работники, вызвать общее недовольство рабочих казахов условиями Риддера». На другой вопрос – «Какими путями и методами добивалась ваша организация достижений указанных целей?» ответ звучал еще нелепее – «...Это легально нелегально использовались случаи для антисоветской националистической пропаганды по вопросам национальной политики, отсутствие роста казахских кадров, зажим и притеснение казахских работников, распространение клеветы на руководство партийной организации Риддера и пр. С этой целью созывался казахский актив, делались замаскированные выступления членов организации на собраниях и выступления в печати» [2. Л. 31–34].

Действительно по инициативе Риддерского горкома партии проводилось совещание казахского актива с участием редактора газеты «Жумысшы» М. Тайчибаева, заместителя директора Риддерского комбината «Алтайполиметалл» Е. Мадалиева, инструктора горкома М. Алибаева и др. В протоколах было указано, что член антисоветской националистической организации М. Тайчибаев в своем выступлении в мрачных красках говорил о плохих условиях казахских рабочих, приводил цифры уменьшения количества казахских рабочих на Риддере, говорил, что ему в редакцию поступают письма, жалобы рабочих-казахов на плохие условия и что никто не принимает никаких мер. М. Тайчибаев дал реальную картину происходящего на комбинате. Великодержавный шовинизм по отношению к рабочим-казахам допускал факты издевательского отношения: например, просто так ради смеха намазать губы казаху свиным салом, просто так обозвать его оскорбительным словом и пр. Кто, как не он, должен был об этом говорить, кто, как не он, должен был об этом писать? Если на 20 октября 1949 г. казахи составляли 4,7%, то сколько их было в те годы? К сожалению, у автора нет этих данных [4. Л. 8].

Решением бюро горкома Риддера М. Тайчибаева исключают из партии, отбирают партийный билет и аннулируют партдокумент с № 1582355, поручают следственным органам провести подробное расследование националистической деятельности М. Тайчибаева на Риддере. С целью обезопасить себя члены бюро в постановляющей части решения записали: «Признать, что пребывание на посту редактора газеты «Жумысшы» в течение шести лет афериста и националиста Тайчибаева М. явилось результатом притупления бдительности руководства горкома» [6].

Рупор народа, глас народа газета «Жумысшы», ныне газета «Дидар», в лице М. Тайчибаева видела свою задачу в целенаправленном объективном освещении политических, экономических событий в Риддерском регионе. М. Тайчибаев родился в 1904 г. в Северо-Казахстанской области. До приезда в Риддер М. Тайчибаев во второй половине 20-х гг. работал в качестве заместителя председателя губернского союза Рабземлес, затем был народным судьей в Атбасаре и Акмолинске, работал помощником Акмолинского прокурора, председателем Атбасарского профбюро.

Столь поразительный разброс в профессиональной сфере объясняется нехваткой кадров в период активного социалистического строительства в Казахстане. Все вопросы, связанные с назначением и переброской кадров из одного места в другое, находились в ведомстве крайкома. Например, письмо крайкома от 9 июля 1931 г. гласит: «Тайчибаева немедленно откомандируйте, согласно решения крайкома он передается на газетную работу». Подпись – Цветков [6].

7 июля 1937 г. Риддерский ГО НКВД производит арест Тайчибаева Максута. Его семья: супруга Нагима, сын Беккет, дочери Роза и Рая, где старшему ребенку было 9 лет, а самому маленькому всего 2 года, осталась в полной изоляции как семья врага народа. Одновременно с ним и немного позже были арестованы Мадалиев Есен-Али – 7 сентября, Насыров Сеильбек – 20 сентября, Турлубаев Шайхи – 21 сентября, Алибаев Мукат – 14 октября. Аресты продолжались, начавшись с единичного следственного дела и расширившись до массового по велению приказа № 00447 [5].

В чем же их обвиняли и по какой статье приговорили? Статья 58-2 – вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд; статья 58-7 – вредительство; статья 58-8 – террористический акт; статья 58-11 – участие в контрреволюционной организации; организационная деятельность по подготовке контрреволюционных преступлений. В марте 1938 г. М. Тайчибаев и Е. Мадалиев как организаторы и руководители были приговорены к высшей мере наказания. Находясь в тюрьме, Тайчибаев Максут написал письмо секретарю обкома партии Г. К. Курицыну: «Дорогой Курицын. Я с 1 сентября 1931 года в Риддере. ...Если вы беспристрастный командир. Прошу не

доводить меня до смерти. Ибо туберкулез самая опасная болезнь. Я не подлец – поэтому жду. Я должен еще сказать, я воспитывался в котле партии. Должен умереть за дела партии. Должен нести любую тяжесть за дело Ленинско-Сталинской партии, буду бороться за ее генеральную линию до последней капли крови. Этого мужества у меня есть. Я самый скромный коммунист, подхалимства, семейственности у меня нет. Водку не пью. Гостях не бываю... Пусть буду жертвой – за тех кто являются действительными виновниками» [6]. Автор сохранил полностью стиль письма, не исправляя и не редактируя содержание. Как странно, многие из тех, кого обвиняли в страшных преступлениях, до самого последнего вздоха верили в высшую справедливость партии, что она разберется, что она накажет тех, кто на самом деле ее предал. Беззаветная любовь и вера в светлое будущее – это есть то, что мы называем идеологическим стержнем советского человека, благодаря которому мы выстояли в годы тяжелого лихолетья и смогли подняться с колен в послевоенную разруху. Это и есть повседневная история маленького человека. Это человеческая судьба попавшего в молотилку репрессивной машины. Это трагедия маленькой семьи. Подобных трагических драм было множество.

Дело было в Риддере в 1937 году. Вместо названия города Риддера можно поставить любое другое, а на месте упомянутых фамилий – любые другие, и это история безвинно ушедших людей. Наше прошлое уходит все дальше, и мало остается тех, кто выжил. Нужно сделать так, чтобы историческая память сохранила и не позволила предать забвению страшные страницы с целью неповторения их в будущем.

Примечания

1. ГАВКО Ф. 135. Оп. 1. Д. 418.
2. ГАВКО Ф. 130. Оп. 15. Д. 10.
3. ГАВКО Ф. 130. Оп. 15. Д. 9.
4. ГАВКО Ф. 462. Оп. 4. Д. 88.
5. Архив Департамента Комитета Национальной безопасности Республики Казахстан по Восточно-Казахской области.

Колтачихина О. Ю., Колтачихина Л. Л.

Политические репрессии в Институте физики АН УССР
(на материалах следственных дел Л. Я. Штрума,
В. К. Бернацкого, А. Г. Гольдмана)

Политические репрессии 1936–1938 гг. на Украине проходили на фоне раскручивания средствами массовой информации истерии о вредительстве, шпионаже и террористической деятельности «врагов народа». Уничтожались не просто отдельные люди, разрушались целые учреждения с их работниками. В машину террора попали Украинский физико-технический институт, Институт транспортной механики АН УССР, Институт физики АН УССР, Сельскохозяйственная академия, почти весь профессорский состав высших учебных заведений Украины и т. п. [1]. «Невосполнимые потери в лице многих уже тогда известных ученых получили во второй половине 30-х гг. все, тогда еще немногочисленные, научные институты и вузы Украины», – отмечают авторы монографии «Дело «УФТИ» [2. С. 3].

В статье раскрыты научные биографии профессоров Л. Я. Штрума и В. К. Бернацкого, академика АН УССР, директора Института физики АН УССР А. Г. Гольдмана. Сегодня стало возможным восстановить их судьбы и историю Института, используя материалы из архива Службы безопасности Украины (СБУ), Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины), Центрального государственного архива общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины), личного архива дочери академика А. Г. Гольдмана и др.

Первым из руководства института, кто стал жертвой политического террора, был один из первых физиков-теоретиков Украины, руководитель теоретического отдела Института физики АН УССР Лев Яковлевич Штрум. В своих научных исследованиях он касался новых теорий, подходов и результатов в физике: теории относительности, квантовой, атомной и ядерной физики. Работал в области термодинамики, методологии физики, философии. Л. Я. Штрум преподавал во многих вузах Украины, в частности, Киевском университете и Авиационном институте. В 2007 г. нами были найдены материалы следственного дела Льва Яковлевича в архиве СБУ. После выхода статьи [3] его фигура привлекла внимание историков науки [4–9].

Говоря о биографии Л. Я. Штрума, отметим, что он родился 29 октября 1890 г. в с. Мельники Чигиринского уезда Киевской губернии. В его анкете арестованного, которая хранится в архиве СБУ Украины, отмечается, что его отец является служащим [10]. В автобиографии, которая находится в ЦГАВО Украины, Л. Я. Штрум пишет более подробно: «*Отец был плотником, потом работал подвальным на винокуренном заводе и приемщиком спирта. Сейчас находится инвалидом труда на учете в Черкасском собесе*» [11].

Лев Яковлевич Штрум

До поступления в университет Лев Яковлевич жил в г. Черкассы, где в 1908 г. окончил гимназию с золотой медалью. В 1908 г. он поступил на математический факультет Петербургского университета. После его окончания приехал в г. Киев, где продолжил образование в Киевском политехническом институте. О начале научной работы Л. Я. Штрум говорил: *«После окончания университета я самостоятельно вел научно-исследовательскую работу, не занимая никакого официального положения»* [11]. В сентябре 1921 г. он доложил некоторые свои результаты на Всероссийском съезде физиков и с октября того же года был принят на должность научного практиканта комиссии по изучению атома Академии наук Украины. С 1922 г. – сотрудник кафедры химии Академии наук Украины и преподаватель научно-исследовательской кафедры физики Киевского политехнического института, где вел семинарские занятия по высшей математике. Из заявления от 30 августа 1922 г. в Киевское бюро Всеукраинского научного комитета узнаем, что в то время у него было опубликовано семь научных работ. Кроме того, он был членом Киевского физико-математического общества, Всероссийской ассоциации физиков, Киевской краевой ассоциации инженеров и техников [12].

Руководителем научно-исследовательской кафедры физики Киевского политехнического института в то время был профессор Александр Генрихович Гольдман – будущий академик АН УССР (1929). В материалах архива ЦГАВО Украины находится отзыв,

предоставленный А. Г. Гольдманом к заявлению Л. Я. Штрума: «Лев Яковлевич Штрум зарекомендовал себя докладами на съезде Всероссийской ассоциации физиков в сентябре 1921 г., обнаружившими умение свободно работать методами современной математической физики, и большую самостоятельность научной мысли. Лев Яковлевич Штрум сосредоточил затем свою работу на изучении принципа относительности, послужившего темой многочисленных его докладов в Киевской научной ассоциации, и этим значительно содействовал ознакомлению широких кругов киевских научных работников с теорией Эйнштейна. Я убежден, что Л. Я. Штрум, работающий в течение ряда лет самостоятельно по физике, будет крайне ценным сотрудником для исследовательской кафедры физики. Профессор А. Гольдман» [13]. В 1934 г. и 1935 г. Александр Генрихович также сыграл важную роль в научной жизни Л. Я. Штрума. В документах дела по обвинению А. Г. Гольдмана значится: «В 1934 и 1935 гг. Гольдман выдвинул кандидатуру Штрума в члены-корреспонденты АН УССР» [14]. Позже, в 1946 г., Александр Генрихович одобрительно отметил научный вклад Льва Яковлевича: «В институте в 1934 г. на основе теоретического изучения энергии связи атомных ядер была разработана система изотопов и было предсказано существование 17 не известных в то время устойчивых изотопов ядер элементов аргона, кальция, цинка, палладия, кадмия, теллура, бария, платины, свинца, иридия и золота со следующими значениями атомного веса: $Ar^{38}, Ca^{42}, Ca^{46}, Zn^{62}, Pd^{106}, Pd^{108}, Cd^{108}, Cd^{118}, Te^{122}, Ba^{134}, Pt^{194}, Pt^{196}, Pb^{202}, Ir^{191}, Ir^{193}, Au^{197}, Au^{199}$. Из этих предсказанных 17 изотопов исследователями в разных странах было установлено к 1939 г. 13 изотопов, а именно: $Ar^{38}, Ca^{42}, Ca^{46}, Pd^{106}, Pd^{108}, Cd^{108}, Te^{122}, Ba^{134}, Pt^{194}, Pt^{196}, Ir^{191}, Ir^{193}, Au^{197}$ » [15, с. 14]. В 1967 г. он также отмечал: «Л. Я. Штрум в 1934 г. в своей статье о проблемах новейшей физики предсказал существование 17 не известных в то время устойчивых изотопов. Из них в 1939 г. были уже 13 установлены» [16. С. 14]. Следует отметить, что другие четыре изотопа были также открыты позже.

В целом можно утверждать, что в 1921 г. Л. Я. Штрум хорошо зарекомендовал себя в научном сообществе Украины. После положительного отзыва А. Г. Гольдмана судьба Льва Яковлевича была связана с научно-исследовательской кафедрой, где он стал первым аспирантом по теоретической физике. Следует подчеркнуть, что только трех физиков из 29 аспирантов физико-математического цикла зачислили в аспирантуру Киевской научно-исследовательской кафедры физики в декабре 1924 г. Среди них только Л. Я. Штрума – как аспиранта-стипендиата [17, 18].

Лев Яковлевич был настойчивым ученым и талантливым педагогом. А. Г. Гольдман в своем заявлении отмечал: *«Штрума я знаю как серьезного, самостоятельного научного сотрудника»* [19]. В монографии Я. Голованова «Королев: Факты и мифы» Л. Я. Штрум упоминается как *«педантичный математик», «человек разносторонний, увлекательный и любознательный»* [20].

Период 1920–1930-х гг. был очень насыщенным в научной деятельности ученого. Вышло немало его научных статей. С 1926 г. по совместительству Лев Яковлевич был научным сотрудником научно-исследовательской кафедры марксизма-ленинизма, работал в Киевском политехническом институте. В 1927 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Теория квант и рентгеновское излучение» [4], а также принимал активное участие в конференциях. В начале 1936 г. он вошел в состав комиссии по защите диссертаций сотрудников Института физики АН УССР [21, с. 433–434]. Его приглашали к сотрудничеству в Институт философии Российской академии наук для написания материала по истории физики для Философской энциклопедии [22].

В 1932 г. умер профессор Л. И. Кордыш, в то время заведующий кафедрой теоретической физики Киевского университета, и на кафедру был приглашен Лев Яковлевич. На него была возложена задача – наладить преподавание теоретической физики в университете и разработать программу, включив в нее новейшие достижения науки. Л. Я. Штрум писал об этом периоде: *«Одной из самых больших трудностей в деле организации кафедры было почти полное отсутствие кадров преподавательского состава»* [23. С. 31]. К преподаванию в университете привлекались аспиранты теоретического отдела Института физики АН УССР. Сначала они посещали лекции и семинары, которые вел Л. Я. Штрум, впоследствии постепенно включались в работу как преподаватели, одновременно работая над повышением своей научной квалификации.

В 1934–1935 гг. на кафедре был организован кабинет теоретической физики с комплектом наглядных пособий и библиотекой. Л. Я. Штрум писал, что курс теоретической физики состоял из термодинамики, кинетической теории материи и статистической физики, электродинамики, теории относительности, теории квантов и строения атома. Общие лекции читал Л. Я. Штрум, семинарские занятия вели Л. Чередник, Ф. И. Клигман, А. М. Золквер, И. М. Центер.

Плодотворная работа ученого была прервана его арестом 23 марта 1936 г. Л. Я. Штрума арестовали после ареста академика С. Ю. Семковского 3 марта 1936 года. «Первые встречи мои с Семковским, после знакомства носили характер бесед на научные темы, о теории относительности, о строении атома, о строении материи вообще. При встречах в 1926 и 1927 гг. мы беседовали на философские темы, в которых он и я высказывали меньшевистско-механистические взгляды.

С 1928 г. разговоры перешли на политические темы... Акад. Гольдман сообщил мне, что моими работами по теории относительности интересуется Семковский Семен Юльевич», — давал показания Л. Я. Штрум на допросе 27 марта 1936 г. [24, с. 25, 32]. На допросе от 25 марта 1936 г. он признал выдвинутые против него обвинения и сообщил: «Да, я признаю себя виновным в том, что я входил в троцкистско-меньшевистскую организацию. Состою в организации, я принимал активное участие в ее деятельности и был связан с руководством организации. Привлек в организацию: академик Семковский Семен Юльевич в 1931 г.» [25. С. 26].

При обыске квартиры Л. Я. Штрума у него нашли две книги С. Ю. Семковского. В 1927 г. Лев Яковлевич написал рецензию на его книгу «Диалектический материализм и принцип относительности», где отмечал: «Работа эта, на наш взгляд, дает большой вклад в литературу о теории относительности и в то же время делает значительный шаг вперед в развитии диалектического материализма» [26, с. 246]. Однако на время ареста это была «идеологически вредная литература», которую приобщили к следственному делу как вещественное доказательство [27]. Л. Я. Штрум был приговорен к высшей мере наказания и 22 октября 1936 г. расстрелян в с. Быковня под Киевом. Реабилитирован ученый был только через двадцать лет, в 1956 г.

Лев Яковлевич Штрум был ярким представителем физиков — теоретиков новой неклассической физики, проходившей этап становления в первой трети XX в. Он быстро овладевал новыми идеями, анализировал их в своих работах и преподавал студентам. Если бы не его физическое уничтожение, развитие теоретической физики в Киеве не было бы заторможено на десятки лет.

По показаниям Л. Я. Штрума в 1938 г. был арестован академик АН УССР, основатель и директор Института физики АН УССР Александр Генрихович Гольдман [28. Л. 2, 10].

А. Г. Гольдман родился 3 февраля 1884 г. в Варшаве. В 1891 г. его родители переехали в Киев, где в 1901 г. он поступил на физико-математический факультет Императорского университета Св. Владимира (ныне Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко) [14, 29–31]. Из воспоминаний профессора В. К. Бернадского: «Я учился вместе с Гольдманом, из-за забастовки меня и его уволили из университета, я был в России, он уехал за границу» [32, л. 159]. Свое образование А. Г. Гольдман продолжил студентом Лейпцигского университета и там же защитил диссертацию «Фотоэлектрические исследования коморок с растворителями красок». В начале Первой мировой войны Александр Генрихович работал в Санкт-Петербурге в Палате мер и веса. В 1918 г. он вернулся в Киев, где вел активную научную и педагогическую деятельность. В 1921 г. А. Г. Гольдман возглавил кафедру физики в Киевском

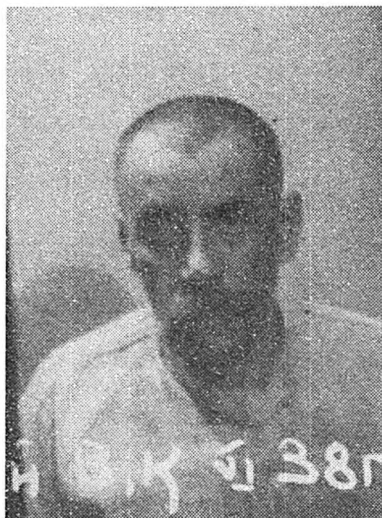
политехническом институте и основал Физическую исследовательскую лабораторию (в 1929 г. на ее базе был основан Институт физики АН УССР). Академик ВУАН Д. Граве в 1929 г. говорил, что молодые исследователи и преподавали в Киеве – это результат напряженной работы А. Г. Гольдмана.

Александр Генрихович Гольдман

Активная деятельность Александра Генриховича была прервана 22 января 1938 г. [33, 34]. Александр Генрихович категорически отрицал все обвинения и не сказал ничего, что дало бы повод сфабриковать дело против других лиц, как того требовали следователи. Решением Особого совещания при наркомвн ВС СССР он без рассмотрения его дела в судебном заседании был признан виновным и отправлен в ссылку в Казахстан [14]. В основанный им Институт физики А. Г. Гольдман смог вернуться только 27 декабря 1959 г., когда постановлением Президиума АН УССР его назначили руководителем лаборатории электрорлюминесценции.

После ареста академика А. Г. Гольдмана в 1938 г. его заместитель профессор Виктор Константинович Бернацкий «решил помочь молодежи, созвать конференцию, пригласить академиков из Ленинграда, Москвы, перестроить бюджет и др.» [32. Л. 160]. Его активная деятельность была прервана почти через полгода после ареста А. Г. Гольдмана: 11 июня 1938 г. ученого арестовали за «активное участие в украинской националистической организации и проведение вредительской работы» [32. Л. 1; 35. Л. 1].

Виктор Константинович Бернацкий

Виктор Константинович Бернацкий родился 19 декабря 1882 г. в г. Катти-Курган Самаркандской области (Узбекистан). Отец был почтальоном, затем чиновником [32. Л. 161]. Через три года семья переехала в Киев, где Виктор Константинович закончил гимназию, а в 1908 г. — физико-математический факультет Императорского университета Св. Владимира. С 1909 г. В. К. Бернацкий преподавал физику в учебных заведениях г. Каменец-Подольского.

Во время февральской революции был в царской армии прапорщиком, потом унтер-офицером [32. Л. 2]: *«Меня перевели в унтер-офицеры за то, что дискредитировал начальство, я обругал начальство. Меня судили, переименовали в рядовые, а потом дали чин унтер-офицера»* [32. Л. 163].

«В 1918 меня демобилизовали с Румынского фронта, там я был во время Октябрьской революции. Сразу я был в Галиции с 1914 г. Вернулся я в Гадяч в школу и отсюда со школой переехал в Каменец» [32. Л. 1].

С 1919 г. В. К. Бернацкий был ассистентом физико-математического факультета Каменец-Подольского университета, работал на кафедре физики. В 1920 г. читал дополнительный курс физики. После реорганизации университета перешел читать физику в институт народного образования. После утверждения советской власти преподавал в Каменец-Подольском институте народного образования и несколько лет в сельскохозяйственном институте [36]. По его инициативе был создан кружок любителей радио. В результате проведенной кружковцами длительной подготовитель-

ной работы 8 сентября 1925 г. многочисленная аудитория слушала радиоконцерт.

Некоторое время Виктор Константинович возглавлял городскую социально-экономическую профшколу. С 1927 г. В. К. Бернацкий был профессором второй группы, с 1929 г. – проректором Каменец-Подольского института народного образования, после его реорганизации в Институт социального воспитания продолжал работать в нем профессором физики.

«В Киеве я работал с 1931 г. наездом. Переехал с 1935 г., в Каменец-Подольском был ликвидирован Педагогический институт, при нем был физический кабинет», вспоминал на допросе Виктор Константинович [32. Л. 161].

Следует отметить, что еще до появления В. К. Бернацкого в Институте физики АН УССР, ему была создана академиком А. Г. Гольдманом вполне положительная репутация: *«Еще задолго до прихода в институт о нем [Бернацком В. К.] как о высококвалифицированном научном работнике, после как о хорошем кандидате партии часто говорил директор института академик Гольдман. Вообще следует сказать, что до прихода Бернацкого В. К. ему была создана в институте во всех отношениях положительная репутация, и инициатором этого был не кто другой как академик Гольдман» [32. Л. 55].*

Как уже упоминалось выше, В. К. Бернацкий был арестован 11 июня 1938 г. 1 сентября того же года состоялась очная ставка между А. Г. Гольдманом и Виктором Константиновичем. Последний признал себя и Александра Генриховича вредителями по учебной и научной работе. А. Г. Гольдман своей вины не признал. Позже, 11 апреля 1939 г., В. К. Бернацкий отказался от этих показаний: *«Я на предварительном следствии признал себя виновным потому, что ко мне приспосабливали незаконные меры» [32. Л. 130].*

Постановлением от 3 марта 1939 г. Виктору Константиновичу было предъявлено дополнительное обвинение ст. 54-7 УК РСФСР [32. Л. 13А], и уже 29 мая того же года эта статья была отменена [32. Л. 13Б].

Тем временем следствием был проведен ряд допросов свидетелей по этому делу. По показаниям можно составить портрет В. К. Бернацкого как ученого и учителя.

Из допроса Лукашевича Михаила Павловича: *«Бернацкий помогал молодым специалистам. Он по всем вопросам давал нам поддержку, все, что мог, он «вырывал» у Гольдмана... В Каменец-Подольском Бернацкий В. К. так ставил работу, что его лаборатория была лучшей на Украине» [32. Л. 150].*

Из допроса Гейхман Евгении Соломоновны: *«Бернацкий пользовался большим авторитетом среди молодежи, все хотели попасть только в его группу. Бернацкий, как научный работник,*

любил науку, мог работать в лаборатории день и ночь, когда был какой-то провал – он это очень переживал. Бернацкого тянуло всегда к молодежи, среди научных работников он себя не так чувствовал. Бернацкий был скромным человеком, его много раз премировали» [32. Л. 147–148]. Дочь академика А. Г. Гольдмана Зинаида Александровна Шилина также вспоминает Виктора Константиновича как настойчивого ученого, для которого наука была его жизнью¹.

4 мая 1939 г. академик А. Г. Гольдман на допросе рассказал о своем знакомстве с В. К. Бернацким:

«Бернацкого я знаю примерно с 1903 г. как однокурсника по учебе в Киевском университете, где мы с ним занимались на физико-математическом факультете. С Бернацким более близко я познакомился в 1930 г. в момент прохождения съезда Украинской ассоциации физиков, на котором присутствовал Бернацкий... Примерно в 1928 г. мне стало известно о нем как о хорошем специалисте, т. к. Бернацкий мне прислал свою научную работу для помещения в журнал «Украинские физические записки», что мной и было сделано... С этого же времени, т. е. после того, как я узнал о его научной работе, у меня зародилась мысль «перетащить» его как хорошего специалиста в Киев для работы научным руководителем в Институт физики» [32. Л. 168].

Сам К. Бернацкий так отзывался об А. Г. Гольдмане: *«К этому времени у меня были хорошие взаимоотношения с академиком Гольдманом, который и перетащил меня в Институт физики АН» [32. Л. 27].*

5 октября 1939 г. В. К. Бернацкого за участие в антисоветской националистической организации заключили в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет, считая срок со 2 июня 1938 г. [32. Л. 184]. С этой даты о Викторе Константиновиче Бернацком ничего не известно.

«17 июля 1989 г.

Заключение...

Бернацкий В. К. подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х гг. и начала 50-х гг.» [32. Л. 186].

После проведения «чистки» в Институте физики на место руководителя теоретического отдела профессора Л. Я. Штрума был принят Натан Розен – известный американский и израильский физик-теоретик, ученик А. Эйнштейна. Из архива академика А. Г. Гольдмана стали известны материалы его трудоустройства: «Летом 1936 г. в институт поступило письмо, написанное по поручению президиума

¹ Из бесід О.З.Шиліної з одним із авторів О. Ю. Колтачихіною.

Академии наук СССР доктором физико-математических наук Б. М. Вудом с предложением принять на работу в институт доктора Н. Розена, молодого американского физика-теоретика, ближайшего сотрудника профессора А. Эйнштейна. Я [А. Г. Гольдман] немедленно выехал в Москву, выяснил ближайшие обстоятельства этого предложения и, познакомившись с доктором Розеном, принял меры к утверждению его на работе в институте, чего удалось достигнуть после преодоления значительных затруднений» [37, с. 11]. После отъезда Н. Розена в 1937 г. развитие теоретической физики в Киеве было остановлено на десятки лет. Директором Института физики АН УССР был назначен А. Г. Миселюк.

Примечания

1. Кульчицький С., Павленко Ю., Руда С., Храмов Ю. Історія національної академії наук України в суспільно-політичному контексті 1918–1998. К.: Фенікс, 2000. –527 с.

2. Павленко Ю. В., Ранюк Ю. Н., Храмов Ю. А. Дело «УФТИ» 1935–1938. К.: Фенікс, 1998. 324 с.

3. Колтачихіна О. Ю. Лев Якович Штрум – забуте ім'я української науки // Наука та наукознавство. 2008. № 4. С. 164–169.

4. Щербак О. А. Лев Якович Штрум та його внесок у теорію надсвітлових рухів // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Історія і філософія науки і техніки». 2011. Вип. XIX. С. 144–153.

5. Савчук В. С., Щербак О. А. Лев Якович Штрум: ідентифікація фотопортрету репресованого вченого-фізика // Вісник Національного технічного університету «Харківський політехнічний інститут». Збірник наукових праць. Тематичний випуск: Історія науки і техніки. – Харків: НТУ «ХПІ», 2011. № 64. С. 177–185.

6. Савчук В. С., Щербак Е. А. Лев Яковлевич Штрум – отечественный физик-теоретик новой волны: мировоззрение ученого и идеи современной физики // Исследования по истории физики и механики. М.: Физматлит, 2011. С. 141–166

7. Малыкин Г. Б., Савчук В. С., Романец Е. А. Лев Яковлевич Штрум и гипотеза существования тахионов // УФН. 2012. Вып. 9. С. 1217–1222.

8. Колтачихіна О. Ю. Лев Якович Штрум (1890–1936) – один із перших фізиків-теоретиків України [Електронний ресурс] // Історія науки і біографістика. 2012. № 3. – Режим доступа: http://archive.nbuv.gov.ua/e-journals/INB/2012-3/12_koltachykhina.pdf – 15 с.

9. Колтачихіна О. Ю. Выпускник Петербургского университета Лев Яковлевич Штрум – один из первых физиков-теоретиков Украины (по материалам архивов Украины и России) // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XXXIII Международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии

науки и техники РАН (26–30 ноября 2012 г.). Выпуск XXVIII. – СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2012. 303 с. С. 176–177.

10. Анкета арестованного Штрума Льва Яковлевича. – Отраслевой государственный архив СБУ. – Следственное дело № 123. Т. 2. Л. 202.

11. Curriculum Vitae аспиранта исследовательской кафедры физики при КПИ Л. Я. Штрума. – ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 3. Ед. хр. 424. Л. 8–9 об.

12. Заява до Київського Бюро Всеукраїнського наукового комітету. – ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 2. Ед. хр. 1213. Л. 200

13. Відзив до заяви А. Гольдмана. – ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 2. Ед. хр. 1213. Л. 201.

14. Дело по обвинению А. Г. Гольдмана. – ЦГАОО Украины. Т. 2. Ф. 263. Оп. 1. Дело № 33102. 227 стр. Л. 47.

15. Гольдман А. Г. Институт физики Академии наук УССР 1929–1938 (Опровержение выводов комиссии Физической группы Академии наук Союза ССР по обследованию работы Института физики Академии наук Украинской ССР от 2 июня 1938 г.). Личный архив дочери академика А. Г. Гольдмана З. О. Шилиной. 43 с.

16. Выступление А. Гольдмана 23/10 1967 на ученом совете Института физики о Киевской научно-исследовательском институте физики. Оригинал. Личный архив дочери А. Г. Гольдмана З. О. Шилиной. Л. 1–13.

17. Список аспирантів рекомендованих керівниками на одержання стипендії. – ЦГАВО України. Ф. 166. Оп. 3. Ед. хр. 424. С. 3, 7.

18. Козирський В., Лень А., Шендеровський В. Біля джерел вітчизняної фізичної науки / Інститут фізики НАН України. 80 років / За ред. Л. П. Яценка. Львів: Євро світ, 2009. С. 32–40.

19. Заявление Т. Проректору по учебной части К.П.И. – ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 3. Од. зб. 424. Л. 7

20. Голованов Я. Королев: Факты и мифы. М.: Наука, 1994. 800 с.

21. Історія національної академії наук України (1929–1933). Документи і матеріали. К., 1998. 542 с.

22. Корсаков С. Н. О первом проекте «Философской энциклопедии» // Философский журнал. 2010. № 2 (5).

23. Розвиток науки в Київському університеті. За сто років. – Вид. Київського держ. унів., 1935. 293 с.

24. Протокол допроса Л. Я. Штрума от 27 марта 1936 г. – Отраслевой государственный архив СБУ. Следственное дело № 123. Т. 9.

25. Протокол допроса Л. Я. Штрума от 25 марта 1936 г. Отраслевой государственный архив СБУ. Следственное дело № 123. Т. 9.

26. Штрум Л. Я. Рецензія на С. Ю. Семковський «Диалектический материализм и принцип относительности» // Прапор марксизму. 1927. № 1. С. 242–246.

27. Постановление. Отраслевой государственный архив СБУ. Следственное дело № 123. Т. 2. С. 207.
28. Совершенно секретно. Справка. ЦГАОО Украины. Следственное дело Гольдмана А. Г. Ф. 263. Оп. 1. Дело № 33102. Т. 3. 50 с.
29. Проскура О. О. Гольдман: «Я залишив як слід своєї праці великий дослідний інститут фізики...» // Вісник НАН України. 2001. № 12.
30. Проскура О. І. Трагічні сторінки життя академіка О. Г. Гольдмана // Наука та наукознавство. 1995. № 1–2. С. 154–159.
31. Глебова А., Храмов Ю. А. Г. Гольдман – основоположник фізики і техніки напівпровідників в Україні // Вестник Днепропетровского университета. 1994. Вып. 1. С. 102–116.
32. По обвинению Бернацкого Виктора Константиновича. Дело № 817. ЦГАОО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 66086.
33. Кияк Б., Проскура О. Доля академіка Олександра Гольдмана // З архівів ВНУК–НКВС–КДБ. 1997. № 1–2. С. 253–262.
34. Шиліна З. О. Академік О. Г. Гольдман. Роки заслання // Наука і наукознавство. 2009. № 4. С. 67–75.
35. Опись имущества. Бернацкий Виктор Константинович. – ЦГАОО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 66086.
36. Автобіографія Бернацького В. К. (1921 р.) // Завальнюк О. М. Історія Кам'янець-Подільського державного українського університету в іменах (1918–1921 рр.). – Кам'янець-Подільський: Абетка-НОВА, 2006. С. 385.
37. Гольдман А. Г. Інститут фізики Академії наук УРСР 1929–1938 (Спроверження виводів комісії Фізическої групи Академії наук Союзу ССР по обстеженню роботи Інститута фізики Академії наук Української ССР от 2 июня 1938 г.). Личный архив дочери академика А. Г. Гольдмана З. А. Шилиной. 43 с.

Левченко В. В.

Судьбы ученых-историков Одессы в интерьере эпохи (1920–1953 гг.)

С установлением в Одессе 7 февраля 1920 г. советской власти начался принципиально новый этап в отношениях одесских учёных и правительства. Большевики по-своему начали выстраивать официальные отношения с научной интеллигенцией. Началась история борьбы политического режима с представителями научной корпорации. Недоверие к учёным подчеркивалось в выступлениях государственных и партийных деятелей, документах различного характера на протяжении всего указанного периода. На практике это приводило

к массовым репрессиям многих учёных по причине социального происхождения, политической позиции, несогласия с доминирующей идеологией, высказывания оппозиционных идей и т. п.

Среди научной интеллигенции особенно неугодными были представители исторической науки, которая никогда не была «автономной» (самостоятельной, незаангажированной) наукой. Историкам крайне редко удавалось работать в тиши кабинета, не поддаваясь прессингу со стороны власти, политических течений, новых мировоззрений и т. п. В указанный период идеологическая обработка историков не прекращалась, на разных этапах она отличалась мотивами, методами, интенсивностью, последствиями и т.п. О массовых репрессиях в 1920–1950-е гг. написано немало. Интерес к этим трагическим страницам истории объясняется стремлением исследовать роль сталинского режима в прошлом и настоящем. Открыты архивы для многочисленных документальных публикаций, что позволяет в деталях узнать об отношениях советской власти и научной интеллигенции.

В современной историографии внимание к социальной истории, в том числе к отношениям учёных и власти вне сложившихся стереотипов советской историографии, стали больше уделять лишь начиная с конца 1980-х гг. В этих публикациях подвергалась критике политика советской власти, внимание акцентировалось на ранее замалчиваемых трагических обстоятельствах судеб учёных. На рубеже XX–XXI вв. появилось большое количество научных публикаций, посвящённых данной тематике [1]. Все эти наработки дают возможность реконструировать малоизвестную картину взаимоотношений учёных и власти, в том числе Одессы, как одного из ведущих культурных центров СССР.

Цель статьи заключается в комплексном изучении факторов репрессивных действий политических режимов Одессы в 1920–1953 гг., определении особенности отношений власти к учёным-историкам; анализе мотивов, направлений, форм и методов работы силовых органов по проведению политического террора против учёных-гуманитариев.

В процессе утверждения советской власти большевистские лидеры выбрали путь подавления инакомыслия в любом его проявлении, что привело к первому этапу репрессий (1920–1928). В процессе реализации этого плана одновременно с воспитанием новых, социалистических научных кадров различными способами происходила замена представителей дореволюционного поколения учёных. Одной из «мягких» форм их «перевоспитания» были увольнения, запрет заниматься научно-исследовательской деятельностью, организовывать научные общества, публиковать работы. В 1922 г. молодая советская власть решила на акцию отстранения от работы и высылки из Одессы и других городов советских республик за границу или в от-

даленные районы страны десятков инакомыслящих представителей интеллектуальной элиты, в том числе историка А. В. Флоровского.

Причины высылки 1922 г., по мнению специалистов, были обусловлены несколькими факторами. Первый – неуверенность руководителей советского государства в своей способности удержать власть после окончания Гражданской войны [2], а второй – попытка власти установить жесткий идеологический контроль путем удаления из страны научной элиты, которая могла мыслить свободно, самостоятельно анализировать обстановку и высказывать свои идеи, а часто и критиковать существующий режим [3]. В целом по сравнению с предыдущими имперскими и последующими сталинскими временами 1920-е гг. были благоприятными для деятельности учёных [4], но власть не забывала контролировать их политические взгляды.

В середине 1920-х гг. сотрудники силовых структур не только осуществляли контроль над учёными, но и проводили показательные процессы. Так, 27 ноября 1926 г. по обвинению «в идеологической обработке слушателей в сторону меньшевизма» сотрудниками окружного отдела ГПУ был арестован секретарь Одесской комиссии краеведения при Всеукраинской академии наук Л. Г. Гофман. 7 января 1927 г. постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ СССР выслан в Халтуринск (Вятская губерния) [5].

Постепенное превращение науки в 1920-е гг. в арену идеологической борьбы, направленной против учёных, привело к массовой замене профессиональных кадров менее квалифицированными, многие из которых не имели представлений о научной деятельности. Это привело в дальнейшем к серьёзным негативным последствиям для науки, значительно снизив её качество. Выход из этой ситуации наметился только спустя десятилетия.

Второй этап (1928–1934) характеризуется влиянием конъюнктурных политических реалий на проведение научной работы. Тематика и содержание научных исследований всё теснее связывались с большевистской идеологией, сопровождалась усилением административного давления и контроля. Социальное происхождение и политическая благонадежность становились определяющими факторами в оценке профессиональной квалификации. Об этом свидетельствуют характеристики на служащих Одесского института народного хозяйства, подготовленные политкомиссаром вуза за период с 15 января по 18 октября 1930 г. (подобные характеристики каждый вуз ежегодно отсылал в Окружной отдел народного образования): «Слабченко М. Е. – ...национальную линию считает неудовлетворительной для Украины. Беспартийный. ... Курс лекций немарксистский. ... Покровский А. И. – ...идеологически чужой. Держит курс на духовную карьеру. С должности освобождается» [6]. В конце 1920-х гг. учёным становилось всё труднее оставаться в стороне от конъюнктурных политических реалий.

В 1929–1931 гг. активизировались преследование и притеснение национально ориентированных историков в УССР, когда в рамках формирования нового общественно-политического строя и введения монопольного господства коммунистической идеологии десятки учёных были арестованы и осуждены. Весной 1930 г. состоялся открытый процесс по делу «Союза освобождения Украины» («СВУ») во главе с вице-президентом ВУАН С. А. Ефремовым. Кроме него на скамье подсудимых оказалось 45 человек, среди которых было двое одесских учёных-историков: М. Е. Слабченко и Т. М. Слабченко. Показательный процесс сфабрикованного дела «СВУ» нанёс тяжёлый удар по представителям научной интеллигенции.

В этот период тяжёлые страдания претерпели и другие учёные-историки Одессы: В. Я. Герасименко, Э. Г. Оксман, А. А. Рябинин-Скляревский, Б. М. Комаров, Е. А. Загоровский, Ф. Е. Петрунь и А. В. Музычка [7]. После многомесячных испытаний научно-педагогическая работа учёных была обозначена различными ограничениями. В январе 1934 г. был арестован археолог М. Ф. Болтенко, которому в некоторой степени повезло: после пяти лет отбывания наказания на Дальнем Востоке, с сентября 1939 г., преподавал в Одесском государственном университете (ОГУ) [8].

На рубеже 1920–1930-х гг. в условиях установления тоталитаризма усиливался нажим на наук, особенно на её представителей, которые испытывали на себе тяжесть официальной большевистской идеологии. Разгром немарксистских «националистических» школ и структур исторической науки сопровождался репрессиями. По подсчётам М. Н. Кузьменко, в 1930–1933 гг. из 184 репрессированных учёных УССР не менее 170 представляли различные отрасли исторической науки [9]. Происходила изъятия «националистической» исторической литературы, изменения в содержании преподавания исторических дисциплин и организации подготовки кадров историков.

Третий этап (1934–1941). Процесс огосударствления и централизации в управлении исторической наукой нарастал. Создавались унифицированные учебные пособия по истории, которые имели директивный характер для преподавателей истории. Вследствие этого на открытом в 1934 г. историческом факультете ОГУ большинство учёных-историков принадлежали к компартийным выдвиженцам. В условиях тоталитаризма они составили авангард учёных (А. Н. Литвиненко, И. И. Погорелый, И. Д. Сероглазов, И. М. Трачевский, И. П. Шмидт и др.), которые поддерживали идеологические кампании партии, выступали с критикой коллег, «заподозренных» в принадлежности к оппозиционным течениям или в использовании немарксистских методов исследования [10]. Одной из форм репрессий был запрет заниматься научной деятельностью, преподавать и даже печататься. Подготовленные к печати рукописи книг и статей, а также опубликованные ранее книги изымались из библиотек.

В первые годы существования ОГУ его партийное руководство еще не имело возможности обходиться без услуг преподавательского состава досоветской высшей школы, но стремилось быстрее заменить их новыми пролетарскими кадрами. Преподавателям закидывалась их буржуазное прошлое, участие в процессах украинизации, навешивались различные политические ярлыки, постоянно подчеркивалась необходимость следить за ними и их преподаванием в университете. Результатом этих действий стали репрессии 1937–1938 гг., которые охватили исторический факультет ОГУ [11].

Осенью 1937 г. было сфальсифицировано дело «Военно-националистической организации» («ВНО»). Нонсенсом этого дела стало то, что в «военной организации» не было ни одного военного и при тщательных обысках не найдено никакого оружия [12]. Первым по делу «ВНО» был арестован Н. Н. Петринский, вина которого заключалась в том, что в 1907–1919 гг. он был украинским эсером, так что чекистам не составляло труда обвинить его в украинском буржуазном национализме. Вместе с ним по обвинению в нахождении в партии эсеров был арестован преподаватель Одесского педагогического института (ОПИ) Л. Г. Стрижак. 19 апреля 1938 г. судебная тройка при одесском УНКВД постановила расстрелять Н. Н. Петринского и Л. Г. Стрижака, что было выполнено в тот же день. В скором времени дело «ВНО» полностью развалилось из-за отсутствия каких-либо фактов и доказательств. Многие арестованные были выпущены на свободу, их восстановили на работе, некоторым даже вернули партбилет (тем, кто не признал себя виновным). Например, А. А. Луленок был выпущен из тюрьмы в 1940 г. и работал в ОПИ до 1960 г.

В октябре 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила к расстрелу профессора ОГУ М. И. Гордиевского. В том же году были расстреляны декан исторического факультета ОГУ Д. Д. Кипарисов (28 июля) и заведующий кафедрой истории СССР доцент И. И. Погорельый (28 октября). В националистических ошибках обвиняли профессора кафедры истории СССР А. П. Ключко, который 14 сентября 1935 г. был приговорен к 10 годам исправительных трудовых лагерей. Н. И. Букатевича 15 июля 1938 г. арестовали за «антисоветскую подрывную работу на идеологическом фронте, пропаганду антисоветской буржуазно-националистической трактовки...». 22 февраля 1938 г. по обвинению в государственном преступлении был расстрелян профессор Е. А. Загоровский [8]. В 1937–1938 гг. были расстреляны М. О. Бачинский, Н. Н. Виркау, М. Б. Тункельройт, Л. Г. Гофман. Многих одесских историков коммунистическая верхушка считала реальными или потенциальными врагами советской власти, поэтому нещадно с ними расправлялась.

В период «Большого террора» 1936–1938 гг. репрессии по фальшивым обвинениям существенно ударили по учёным-историкам

Одессы. В это время большевистская фильтрация привела к физическому истреблению 11 историков, 22 историка были осуждены к различным срокам (от 3 до 10 лет), а десятки их коллег были арестованы и месяцами находились в тюрьмах под следствием и допросами.

Репрессивная политика сталинизма существенно подорвала морально-психологическую способность учёных к объективному творчеству. По определению исследователей М. В. Коваля и А. С. Рублева, «сталинские идеологические дела, сопровождаемые массовыми политическими репрессиями, привели к окончательной деформации исторической мысли в СССР, подчинению её конъюнктурным идеологическим требованиям тоталитарного режима» [13]. Таким образом, по мере формирования и созревания системы негативные стороны политики советского государства в отношении научной интеллигенции выдвигались на первый план, под предлогом обострения борьбы с классово чуждыми элементами уничтожался интеллектуальный и культурный потенциал страны.

Четвертый этап (1941–1944) отражает деятельность учёных-историков во время немецко-румынской оккупации, которые сотрудничали с новой властью или сознательно, или ошибочно, а в большинстве случаев – вынужденно, что в ситуации трудного социально-экономического положения было обусловлено попыткой приспособления ради выживания. Следствием подобного сотрудничества с возвращением советской власти стали четвертая волна репрессий и забвение на долгие годы многих имён [14]. За сотрудничество в период оккупации с немецко-румынскими властями были арестованы органами НКВД и осуждены на 10 лет исправительно-трудовых колоний В. И. Селинов, Г. П. Сербский, Н. А. Соколов, Б. В. Варнеке (умер, находясь под следствием). Большая часть из них закончила свою жизнь в лагерях. Это были учёные, которые мало интересовались политикой, не увлекались порядками румынской, немецкой и советской администраций, но во время оккупации не соответствовали строгим требованиям к внешности советского гражданина.

Пятый этап (1944–1953). Во второй половине 1940-х гг. власть прибегла к массовой идеологической обработке историков [15]. Пик преследований историков в Одессе пришелся на 1949–1953 гг. Многим учёным не давали работать, других выживали из университета, а некоторые и вовсе вынуждены были покинуть город или покончить жизнь самоубийством. Характерна в этом отношении судьба профессора Н. Н. Розенталя. Бывший профессор ЛГУ, заведующий кафедрой истории средних веков ОГУ в 1949 г. за написание театральных и литературных рецензий, в которых партийное руководство увидело проявления космополитизма, был отстранён от преподавания и заведования кафедрой [16]. Из Одесского кредитно-экономического института был уволен профессор С. Я. Боровой, который на то время после вынужденного отъезда профессора Н. Н.

Розенталя оставался единственным в Одессе доктором исторических наук. Увольнение С. Я. Бороваго было оформлено под видом «по собственному желанию» после серьезного разговора с ректором [17].

С 1946 г. по 1952 г. на историческом факультете Одесского педагогического института работала Е. Л. Клемм (1898-1953). Во время Второй мировой войны она служила фельдшером, военным переводчиком. Попав в плен, находилась в женском лагере в Равенсбрюке, где принимала участие в интернациональной подпольной организации и возглавляла русскую подпольную группу. После войны с возвращением в Одессу её часто вызывали в органы госбезопасности, где добивались признания в измене, вербовке контрразведками стран – участниц войны. В связи с этим администрация института постоянно урезала ей часы занятий, а в начале 1953/54 учебного года вообще оставила без работы. Не выдержав такого унижения от своих коллег, 31 августа она покончила жизнь самоубийством [18].

Масштаб репрессивных действий советской власти, которым подвергались представители научной интеллигенции Одессы в течение более тридцати лет (1920–1953), составил пять этапов массового террора, охватил судьбы более 50 учёных-историков – талантливых, разносторонне образованных, преданных науке людей, которые видели в ней смысл и предназначение своей жизни, но различными методами и формами репрессий советской власти были ограничены в праве заниматься научной деятельностью, общаться с коллегами, передавать свои знания следующему поколению учёных.

Анализируя направления исторической науки, которые развивали одесские историки, можно констатировать, что был нанесен ущерб многим отраслям знаний, потому что большинство репрессированных учёных-историков были специалистами в различных сферах гуманитарных знаний. Репрессированные одесские историки имели, как правило, специальное образование престижных классических университетов Европы со знанием нескольких европейских языков, смолоду посвятив себя науке, они ревностно и преданно служили ей, реализуя себя в различных её сферах. Их исследовательские интересы не ограничивались историей, а распространялись и на смежные научные дисциплины. Мультидисциплинарный подход способствовал высокому уровню их исследований, которые не только вошли в историю науки, но и во многом ещё не потеряли своего значения до наших дней.

Массовые репрессии 1920–1953 гг. завершили процесс формирования тоталитарного государства. Политический режим нуждался не в специалистах-историках, а в историках-исполнителях. Тот, кто не менял свои взгляды соответственно действующей политической системе и не приспособлялся к её идеологии, не имел шансов на право свободно работать. Подобное происходило и в последующие годы, когда проходила борьба с диссидентством, начались увольне-

ния и высылка историков, их научные труды становились предметом критики.

Примечания

1. См.: Політичні репресії в Україні (1917–1980 рр.). Бібліогр. покажч. / Авт. вступ. статей: С. Білокінь, Р. Подкур, О. Рубльов. – Житомир, 2007. 456 с.; Репресії в Україні (1917–1990 рр.): наук.-допом. бібліогр. покажч. // Нац. парлам. б-ка України; авт.-упор.: Є. К. Бабич, В. В. Патока. К., 2007. 519 с.

2. Артизов А.Н. «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Отечественные архивы. № 1. 2003. С. 65.

3. Главацкий М. Е. Философский пароход. Историкографические этюды. Год 1922-й. Екатеринбург, 2002. С. 24–25.

4. Водотика С. Г. Исторична наука УСРР 1920-х років: соціополітичні, науково-організаційні та концептуальні основи функціонування: Автореф. дис. ... док. іст. наук. К., 2001. С. 13.

5. Отраслевой государственный архив СБУ. Одесса. Ф. ПС. Д. 28591-п. Л. 54, 78, 146.

6. Государственный архив Одесской области. Ф. Р-129. Оп. 3. Д. 10. Л. 2–13; Д. 7. Л. 36–37.

7. См.: Левченко В. В. Організаційно-дослідницька діяльність вчених Одеси в наукових установах Всеукраїнської Академії наук // Записки історичного факультету. Вып. 18. 2007. С. 244–255.

8. Історія Одеси / Голов. ред. В. Н. Станко. Одеса, 2002. С. 327–328.

9. Кузьменко М. М. Науково-педагогічна інтелігенція УСРР 20–30-х років: соціально-професійний статус та освітньо-культурний рівень. Донецьк, 2004. С. 304.

10. См.: Петровський Е. П. Кадрова ситуація на історичному факультеті Одеського державного університету в 1930-х роках // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Вып. 13. 2005. С. 260–273.

11. Соболев П. І. Нищення інтелектуальної еліти Півдня України: 30-ті роки // Історія України. Маловідомі імена, події, факти. Вып. 7. 1999. С. 276–281.

12. Файтельберг-Бланк В., Савченко В. Террор против одесской научной элиты 1937–1938 гг. // Ресурс доступа: <http://odesskiy.com/chisto-fakti-iz-zhizni-i-istorii/terror-protiv-odesskoj-nauchnoj-elity-1937-1938.html>

13. Коваль М. В., Рубльов О. С. Інститут історії України НАН України: перше двадцятиріччя (1936–1956 рр.) // Український історичний журнал. № 6. 1996. С. 54–68.

14. См.: Левченко В. В. Діяльність вчених-істориків Одеси в період німецько-румунської окупації (1941–1944 рр.) та їх доля //

Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри. Одеса, 2011. С. 233–239.

15. См.: Ковбасюк С. М. Буржуазно-націоналістичні викривлення історії України Грушевським та його «школою» // Правда України. 1946. 28 сентября; Ковбасюк С. М. Чорноморська Комуна. 1946. 20 октября.

16. См.: Майборода П., Петровський Е. Академічні традиції і боротьба на історичному фронті: штрихи до біографії професора М. М. Розенталя // Південний захід. Одесика. Вып. 9. 2010. С. 163–176.

17. Боровой С. Воспоминания. М., 1993. С. 317–326.

18. Чаплин В. Записки «музейной крысы» // Мигдаль-Times. 2007. № 84–85.

Лебедев А. В.

«Таких, как Генрих, на железных дорогах СССР всего три»: один эпизод из истории массовых политических репрессий на Ярославской железной дороге

Внутри каждого человека
скрыта целая вселенная.

И. Кант

В 1937 г. беспощадный маховик репрессий прошёлся по судьбам многих работников железнодорожного транспорта СССР. Политические репрессии того времени не имели себе равных по масштабам, жестокости и влиянию на последующий ход развития отечественных железных дорог. Семь с половиной десятилетий кануло в лету, но события тех далеких лет и сегодня вызывают живой, а нередко болезненный интерес.

Данный аспект отечественной истории на многие годы был отнесен к разряду запретных тем, и даже сейчас многие вопросы, связанные с преследованием советских граждан, по политическим соображениям остаются закрытыми для основной части общества. Значительная часть архивных материалов продолжает оставаться под грифом «Совершенно секретно», унося в небытие все ужасы сталинского режима. Поэтому наши современники чаще всего имеют смутное представление о событиях тех страшных лет. Но и сегодня в исторической памяти нации слышатся отголоски того ужасного времени.

На современном этапе в общественном сознании происходят сложные и крайне противоречивые процессы, направленные на осмысление истории массового террора 1937–1938 годов. С одной

стороны, наметилась чёткая тенденция к поиску исторической истины, какой бы страшной она не была, с другой – как это ни парадоксально, на смену старым мифам, связанным с репрессиями, нередко приходят новые легенды. К сожалению, это не приближает нас к страшной исторической правде, которую нельзя оставлять под грифом забвения, поскольку в России нет ни одной семьи, которой в той или иной степени не коснулась эта страшная трагедия.

Объект исследования настоящей статьи выбран далеко не случайно. И, хотя имя Оскара Оскаровича Генриха не было связано с громкими политическими процессами 30-х гг.в XX столетия, его жизнь была и по многим аспектам продолжает оставаться примером того, как нужно прожить свой век, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Для своего времени он был уникальной личностью, незаслуженно вычеркнутой из анналов истории в ходе массовых политических репрессий 1937–1938 гг., охаянной современниками и забытой потомками. Главный герой нашего повествования являлся одним из первых 751 железнодорожников, арестованных ДТО ГУГБ НКВД Ярославской железной дороги [1].

Однако обо всём по порядку. Начнём знакомство с главным действующим персонажем нашей статьи с 19 февраля 1920 г., когда на набережной Северной Двины над охваченной ужасом толпой возвышалась величавая фигура, невозмутимо провожавшая взглядом уходящие в даль суда с эвакуированными из Архангельска жителями города. Ледокол «Козьма Минин», легко разрезая речной лёд, пробивался к морю, позади него по свободной воде суетливо шла яхта «Ярославна» [2]. В скором времени они превратились в две точки на горизонте, от которых поднимался ввысь едкий чёрный дым. Среди тех немногочисленных счастливиц, коим посчастливилось оказаться на их борту, были две сестры и мать главного героя нашего повествования.

Одна из сестёр была замужем за офицером, служившим в штабе генерала Е. К. Миллера. Именно благодаря этому она и смогла добиться возможности выехать из Северной области для себя и своих близких. Однако её старший брат не воспользовался этим шансом. Дома его ждала молодая жена и две дочери: Герта, которой исполнилось два года, и Юлия, родившаяся всего несколько недель назад. Они бы не выдержали изнурительного зимнего перехода.

Наш герой появился на свет 26 сентября 1891 г. в Вязьме в семье паровозного машиниста, приехавшего в Россию несколькими годами ранее из Германии. Сначала его отец устроился и исправно трудился на Александровской железной дороге. Однако после сооружения Архангельской линии Северных железных дорог он получил заманчивое предложение от руководства данной транспортной артерии и решил перебраться туда вместе со всем своим семейством. Его новым местом работы стала небольшая станция Исакогорка, являвшаяся

самым северным останочным пунктом железнодорожной линии Вологда – Архангельск.

«Целый городок, так скоро застроенный, не менее быстро заселенный и не только изобильно снабженный комфортом цивилизованной жизни, но позволяющий отстраиваться в случае необходимости совсем по-столичному, до московских ресторанов и французских поваров включительно» стремительно вырос в глухом лесу под Архангельском и стал пышными декорациями для детства маленького Оскара. Воображение ребёнка поражали станционные постройки, выполненные в «швейцарском стиле» по последней архитектурной моде. Выстеленные гонтом круглые крыши с вальмовыми срезами, наличники окон и декоративные кронштейны под свесами крыш погружали мальчика в сказочную атмосферу европейского средневековья, одновременно знакомя с культурой его исторической родины, о которой он знал только из рассказов отца [3].

Трудная работа паровозного машиниста в совокупности со сложными природно-климатическими условиями европейского севера России подорвали здоровье отца семейства. Он уже не мог зарабатывать привычным для себя трудом, поэтому решил вложить все отложенные на чёрный день средства в строительство буфета на станции Исакогорка. Через год, в 1901-м, глава семьи умирает. Смерть отца причинила маленькому Оскару, которому тогда едва исполнилось 10 лет, тяжёлую психологическую травму. Мальчик был сильно опечален. Для того чтобы хоть как-то морально поддержать своих детей, мать стала проводить с ними больше времени, хотя ей самой было очень нелегко. Все тяготы по содержанию семьи легли на её плечи. Именно в это тяжёлое время в мальчике начал проявляться железный характер. Понимая огромную ответственность перед близкими и родными, юный Оскар, оставшийся единственным мужчиной в семье, оказывает матери всяческую помощь по ведению семейного бизнеса. Со временем семейное дело растёт и расширяется, и уже в 1908 г. семья Генрих содержала в Архангельске «меблированные комнаты для иностранцев» (гостиница «Север») [4].

Однако для себя Оскар окончательно решил, что пойдёт по стопам отца: станет паровозным машинистом. Мать одобрила этот выбор, всячески помогая реализации планов своего сына. Накануне Первой мировой войны он отправляется в Москву, где поступает в Московское высшее техническое училище (МВТУ). В 1918 г. О. О. Генрих успешно окончил данное учебное заведение и получил диплом инженера-механика, после чего вернулся в депо Исакогорка, где устроился на работу помощником машиниста, а несколько месяцев спустя получил право самостоятельного управления паровозом.

Его возвращение домой совпало с началом бурных потрясений в жизни родного края: в Архангельске был совершён переворот, в результате которого большевики были изгнаны из города, а власть

в Северной области оказалась в руках местного правительства, подержанного державами Антанты. Эти события не миновали стороной главного героя нашего повествования, но он сумел найти своё место в новой жизни, которое его вполне устраивало.

В непродолжительный промежуток времени, включавший в себя жестокие годы братоубийственной Гражданской войны, вместились множество судьбоносных событий для жизни О. О. Генриха: он создал семью, и жена родила ему двух прекрасных дочерей; категорически отказался эвакуироваться в преддверии высадки иностранного десанта, т. к. не хотел бросить на произвол судьбы свою престарелую мать и двух молодых сестёр, которые после закрытия семейной гостиницы в 1916 г. потеряли последний источник средств к существованию; вступил в «национальное ополчение» белой гвардии; был назначен помощником начальника депо Исакогорка Северных железных дорог, был на хорошем счету в Министерстве путей сообщения Северной области.

Вспоминая об этом этапе своей жизни, Оскар Оскарович рассказывал следующее: «В то время <...> я считал, что революция окончится буржуазно-демократическим строем, а потому не считал для себя неправильным, что состоял в ополчении белых <...>. Полагал, что советская власть может существовать на занятой территории, а в Северном крае может самостоятельно существовать демократическая буржуазная республика» [5]. Однако судьбе было угодно распорядиться участием главного героя нашего повествования иначе. Он больше никогда не видел ни свою мать, которая умерла в 1932 г. в Риге, ни своих сестёр, осевших в Латвии, жизнь которых потерялась в густых дебрях истории.

Человеку с волевым, колким характером было сложно найти себя в бурном потоке жизни стремительно развивавшейся советской державы. Подчинённые не любят таких за излишнюю требовательность, а начальство ненавидит за наличие собственной позиции, которая при этом всегда стойко отстаивается. Несмотря на это, карьера Оскара Оскаровича складывалась как нельзя удачно: он не только смог сохранить свой пост, занимаемый на Северных железных дорогах при белом правительстве, но и стал активно продвигаться по службе. 1 июня 1923 г. его назначили начальником 8-го участка тяги Северных железных дорог с центром в Няндоме. Изнурительная работа в условиях Европейского Севера потребовала от молодого специалиста невероятных усилий по организации подвижного состава для перевозок, необходимых для восстанавливавшейся экономики. О напряжении, которое испытывал на себе начальник этого участка тяги, ярко говорит письмо одного из его преемников, адресованное начальнику Северных железных дорог:

«Работать я готов, но необходимо предварительно укрепить свои нервы. Хозяйственная работа для меня теперь, очевидно, будет

некоторое время непосильной, тем более оперативная. После поправления здоровья я готов куда угодно и на какую угодно работу, за исключением Няндомы и Архангельска. Так как пункты больше всего и подорвали моё здоровье, в результате чего ходить впору в лечебницу умалишённых. Так что этих пунктов я вообще видеть не могу» [6].

Однако О. О. Генрих успешно справился с обязанностями начальника внушительного по размерам участка тяги, затерянного на бескрайних заснеженных просторах Европейского Севера РСФСР. Он смог добиться правильной расстановки людей на рабочих местах и содержать подвижной состав вверенного ему участка в образцовом состоянии. Благодаря этому молодой инженер был замечен в управлении Северных железных дорог и передвинут поближе к Москве. 28 января 1926 г. он стал начальником 4-го участка тяги рассматриваемой транспортной артерии, расположенного в Ярославле, который являлся ключевым транспортным узлом Верхнего Поволжья.

5 апреля 1930 г. О. О. Генрих вступил в ряды Коммунистической партии, став кандидатом в члены ВКП(б). 18 декабря 1931 г. была открыта новая страница в жизни О. О. Генриха. Он занял пост начальника 3-го участка тяги Северных железных дорог, дислоцированного в Вологде, в которой сходились магистральные пути, связывавшие центр страны в её северными окраинами и Уральский хребет с западными регионами СССР. На этой ответственной должности он нашёл простор для того, чтобы раскрыть свой талант.

Характеризуя своего подчинённого, проницательный начальник Ярославской железной дороги В. В. Винокуров, который отличался умением подбирать толковых людей, признал, что «таких специалистов, как Генрих, на железных дорогах СССР всего три» [7]. Подтверждением этого служит тот факт, что на каждой из занимаемых должностей он трудился самозабвенно, полностью отдавая себя работе. Именно благодаря этому 27 июля 1932 г. был назначен заместителем начальника отдела тяги Северных железных дорог П. И. Багинского, после смещения которого 20 июня 1936 г. занял пост начальника паровозной службы Ярославской железной дороги. И это несмотря на то, что годом ранее в ходе проверки партийных документов главный герой нашего повествования был исключён из Коммунистической партии за то, что в годы Гражданской войны состоял в «национальном ополчении» белой гвардии. По сути дела, именно он воссоздал заново паровозную службу Ярославской железной дороги после реорганизации железнодорожного транспорта Верхнего Поволжья.

«В период стахановской декады тов. Генрих оперативным, технически грамотным руководством обеспечил резкое улучшение в работе паровозного парка дороги, – говорилось в характеристике на лучших людей Северных железных дорог. – Целый ряд отстающих

депо резко улучшили свою работу. Значительно улучшилось выполнение технических измерителей. Тов. Генрих целиком отдаётся интересам дела, не считаясь со временем» [8].

Признанием заслуг главного героя нашего повествования перед железнодорожным транспортом СССР стало его награждение знаком отличия «Почётный железнодорожник», которое состоялось 19 апреля 1936 года. В приказе о награждении говорилось, что О. О. Генрих получает эту высокую награду «за передовую стахановско-кривоносовскую работу» [9].

На фоне расширявшихся политических репрессий не боялся брать в паровозную службу Ярославской железной дороги людей с сомнительной политической репутацией, делая основной акцент на профессиональные качества работников. При этом, пользуясь заступничеством начальника Ярославской железной дороги В. В. Винокурова, находил силы и возможности заступаться за своих подчинённых. Однако после того, как его покровителя сняли со своего поста, оказался один на один со своими многочисленными недоброжелателями. На него началась настоящая травля, нормально работать в подобных условиях было невозможно.

Шквал необоснованной критики обрушился на начальника паровозной службы во время отчёта о проделанной работе на совещании актива работников Ярославской железной дороги, состоявшемся 24 марта 1937 года. Когда О. О. Генрих вышел к трибуне и стал зачитывать текст своего выступления, в зале начали раздаваться оскорбительные выкрики в его адрес и свист [10]. В этот момент он оторвал взгляд от бумаги, поднял лысую голову с остатками чёрных как смоль волос, щедро припорошенных проседью, и в гробовой тишине, воцарившейся в зале, обратился ко всем присутствующим:

«Когда [в Северной области] восстановилась советская власть, я оттуда не ушёл. Начальник депо [Исакогорка] и его заместитель были арестованы, т. к. они активно боролись на стороне интервентов, а я в течение трёх с половиной лет работал там помощником начальника депо и считал необходимым на этом месте быть. Если были какие-либо отрицательные стороны в моей работе, то можете мне предъявить обвинение, я за это время даже ни разу не допрашивался <...>. Вся моя работа доказывает, что я борюсь за линию партии и если есть недостатки, то я их исправляю» [11].

А недочётов в работе паровозного парка Ярославской железной дороги, после того как в начале 1937 г. все локомотивы рассматриваемой транспортной артерии были переведены на дровяное отопление, было много. Оборот паровозов превысил норму в два с половиной раза, а среднесуточный пробег сократился на 84 км. Усилился износ машин. Депо Ярославской железной дороги были не в состоянии справиться с ремонтом подвижного состава в полном объёме. Работники депо сутками не покидали своих рабочих мест.

Они перешли на упрощённый ремонт, который не исправлял всех недостатков.

15 июля 1937 г. появился приказ НКПС № 121/Ц, в котором отмечалось, что на Ярославской железной дороге сложилось катастрофическое положение с состоянием паровозного парка. Начальник дороги оперативно отреагировал на этот документ, выпустил приказ, в котором вся ответственность за срыв ремонта подвижного состава возлагалась на начальника паровозной службы. Согласно последнему О. О. Генрих был отстранён от работы и уволен с дороги за «игнорирование решений февральского пленума ЦК ВКП(б) по ликвидации последствий вредительства в паровозном хозяйстве Ярославской железной дороги» [12].

20 июля 1937 г. О. О. Генрих был арестован сотрудниками управления НКВД Ярославской области [13]. Уже на первом допросе с удивлением для себя он узнал, что, по версии следствия, на Ярославской железной дороге существовала контрреволюционная вредительская организация. В ответ на это бывший начальник паровозной службы решительно ответил, что «своё участие в контрреволюционной троцкистской вредительской организации на Ярославской и Северной дорогах он категорически отрицает и о существовании таковой ему совершенно не известно» [14].

Плохую работу паровозной службы Ярославской железной дороги О. О. Генрих объяснил «неумением работать работниками паровозной службы на местах и <...> нечётким руководством управления дороги» [15], в частности, и с его стороны, пояснив при этом, что неумение руководить работой не подразумевало под собой наличия саботажа приказов НКПС в их действиях.

Несмотря на все старания следователя, он не только не признал себя виновным, но и не дал ни на кого из своих знакомых лживых показаний, обличавших их во вредительстве. Тогда дознаватель пошёл на хитрость, 2 ноября 1937 г. измученному продолжительными допросами подследственному подсунили на подпись протокол, в котором дело представлялось в выгодном для следствия свете. Однако пронизательный Оскар Оскарович вовремя заметил подлог и не подписал данный документ, после чего, не стесняясь в выражениях, сказал всё, что думает, как о следователе в частности, так и о методах работы сотрудников НКВД. За своё «вызывающее поведение» он был направлен в карцер, где пробыл пять суток, но своей позиции не изменил до конца. В заключительном слове на суде попросил, чтобы ему «дали возможность честно работать», и в очередной раз категорически отверг все обвинения в свой адрес.

30 декабря 1937 г. выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР был признан виновным по статье 58 УК РСФСР (пункты 7, 8, 11) и приговорён к высшей мере наказания – расстрелу. 31 декабря 1937 г. приговор был приведён в исполнение [16].

Без малого двадцать лет спустя по ходатайству младшей дочери О. О. Генриха дело её отца было отправлено на дополнительную проверку, в ходе которой установлено, что на Ярославской железной дороге никакого вредительства в паровозном хозяйстве не было, а, напротив, в середине 1937 г., имело место улучшение выполнения показателей работы подвижного состава. Количество аварий и брака в ремонте паровозов уменьшилось, а показатели освоения графика движения поездов улучшились.

О сфабрикованном характере дела ярко говорит тот факт, что в качестве повода для ареста работников паровозной службы Ярославской железной дороги был использован эпизод, в рамках которого в депо Александров были выявлены 8 неисправных паровозов. Когда начальник депо В. В. Вернер доложил об этом заместителю начальника паровозной службы Э. П. Юргенсону, у того сразу же возникли сомнения в правильности полученной информации и он предположил, что данные обмеров бандажей были неправильными [17]. Однако ровно за день, когда он должен был выехать на место чтобы разобраться в ситуации, последовал его арест сотрудниками НКВД, которые фактически не позволили этого сделать.

Таким образом, следственными органами было положено начало версии о якобы существовавшей на Ярославской железной дороге антисоветской правотроцкистской диверсионно-вредительской организации, в которую предположительно входило более 120 человек. Согласно материалам, сфальсифицированным сотрудниками ДТО ГУБК НКВД Ярославской железной дороги, её члены вели «активную работу <...> в главнейших депо дороги. В основных депо Москва-Бутырская, Александров, Иваново и других трудовая дисциплина была разложена, ремонт паровозов проводился вредительски, и состояние этих депо было доведено до катастрофического <...>» [18].

Следует признать, что в работе паровозной службы Ярославской железной дороги действительно имелись определённые недостатки, которые встречаются в каждом деле, но они не являлись вредительством, а преподносились в качестве таковых следствием, которое не стеснялось в способах получения «чистосердечных» признаний. Вследствие вновь выявленных дополнительных проверкой обстоятельств 17 ноября 1956 г. дело начальника паровозной службы Ярославской железной дороги было прекращено «за отсутствием состава преступления». Аналогичным образом были реабилитированы и все остальные фигуранты этого дела.

Примечания

1. Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. Ярославль, 2001. С. 241.

2. Белый Север. 1918–1920 гг.: мемуары и документы / Сост. В. И. Голдин. Вып. 2. Архангельск, 1993. С. 402–403.

3. Барашков Ю. А. Ностальгия по деревянному городу: архитектура, традиции, быт Архангельска накануне и после 1917 года. М., 1992. С. 99, 103.

4. Центр документации новейшей истории Ярославской области (далее ЦДНИ ЯО). Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 2.

5. Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО). Ф. Р-3698. Оп. 2. Ед. хр. С. 5835. Л. 4.

6. ЦДНИ ЯО. Ф. 740. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 111.

7. ЦДНИ ЯО. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 143.

8. ЦДНИ ЯО. Ф. 2758. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 37.

9. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Ед. хр. С. 5835. Л. 221.

10. Стахановец транспорта. 1937. 26 марта.

11. ЦДНИ ЯО. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 121.

12. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Ед. хр. С. 5835. Л. 237.

13. Не предать забвению: книга памяти репрессированных, связанных судьбами с Ярославской областью. Ярославль, 1993. Вып. 1. С. 104.

14. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Ед. хр. С. 5835. Л. 30.

15. Там же. Л. 27.

16. Не предать забвению: книга памяти репрессированных, связанных судьбами с Ярославской областью. Вып. 1. Ярославль, 1993. Вып. 1. С. 104.

17. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Ед. хр. С. 10022. Л. 22.

18. Кудрявцев С. В. Массовые репрессии в Ярославской области 1937–1938 гг. (дело о «вредительстве на транспорте») // Страницы минувшего: VI Тихомировские краеведческие чтения. Ярославль, 1997. С. 163.

Трипутина Н. П.

Несломленный казачий дух: профессор Александр Прокофьевич Марков

В 2012 г. Харьковский национальный университет городского хозяйства им. А. Н. Бекетова отметил 90-летие со дня основания. В связи с этим возрос интерес коллектива к обстоятельствам создания вуза и личности тех людей, которые в далёкие 1920-е гг. заложили надёжный фундамент жизнедеятельности учебного заведения, позволивший ему выстоять в огне войны и успешно развиваться в мирное время. И, естественно, самое пристальное внимание вызывает личность основателя ХНУГХ, первого на пространстве советской страны профильного вуза – Всеукраинского техникума коммунального хозяйства в Харькове Александра Прокофьевича Маркова.

Решение об открытии Всеукраинского техникума коммунального хозяйства в Харькове было принято 12 июля 1922 г. [1] на основании доклада ученого секретаря Укргосплана профессора Харьковского института народного хозяйства Александра Прокофьевича Маркова. Тому же А. П. Маркову было доверено управление новым высшим учебным заведением по подготовке специалистов коммунальной отрасли. Указанное событие стало также первым шагом в формировании целой отрасли высшего специального образования в нашей стране.

Александр Прокофьевич Марков родился 23 февраля 1886 г. в станице Островский Усть-Медведицкого округа области Войска Донского в семье казака, учителя станичной школы Прокофия Степановича Маркова. После ранней потери матери и новой женитьбы отца Александр был отправлен учиться в духовное училище в Усть-Медведицу. По воспоминаниям профессора, там, постигая азы науки, он вёл полуголодное существование и вынужден был подрабатывать, помогая отстающим ученикам делать уроки, репетиторствовать в богатых купеческих семьях [2]. Дальнейшая учёба Александра проходила в Новочеркасской духовной семинарии [3]. В 1905 г. он принял активное участие во всероссийской стачке семинаристов за право на университетское образование. На склоне жизни профессор в своих воспоминаниях писал: «Моё время было исключительным. Нас, мечтавших из стен семинарии попасть в аудитории университета, вдохновляло и объединяло убеждение, что мы должны посвятить себя служению народу» [4]. В результате одержанной победы в 1906 г. он поступил на юридический факультет Императорского Харьковского университета, который закончил в 1910 г., получив диплом первой степени.

Трудовой путь молодой правовед начал с должности помощника присяжного поверенного М. С. Карпинского в Харькове. Приобретая определенный опыт в юриспруденции, в 1912 г. он начинает практическое изучение экономики городов и земств, работая в должности городского секретаря в Царицыне. Именно в этом городе увидел свет его первый печатный труд [5]. Продолжал изучать городское хозяйство Александр Прокофьевич, работая осенью 1913 г. в г. Кизляре [6]. В следующем году по конкурсу А. П. Марков был приглашён на должность городского секретаря Курской городской думы. Обобщив свои исследования в области управления коммунальным хозяйством этого города, исследователь в течение 1914–1915 гг. опубликовал серию аналитических работ: «Земельное хозяйство Курского городского управления», «Сдача земли в арендное содержание под кирпичные и другие заводы», «О постройках частных лиц на землях общего пользования» [7].

После рассмотрения первых печатных работ молодого учёного кафедрой финансового права Московского университета он был оставлен для подготовки к профессуре в этом учебном заведении

(заочно). В 1915 г. А. П. Марков занял должность ассистента при кафедре финансового права юридического факультета Харьковского университета. На Харьковские высшие коммерческие курсы, которые действовали с 1912 г., он был приглашён читать курс местных финансов. Магистерский экзамен по финансовому праву в 1915 г. Александр Прокофьевич выдержал также в Харькове.

В годы Первой мировой войны А. П. Марков наряду с должностью секретаря Курской городской думы избирается секретарем Курского комитета Союза российских городов помощи больным и раненым воинам. На страницах центрального печатного органа муниципальных деятелей России журнала «Городское дело» появляются его глубокие исследования по вопросам деятельности городских самоуправлений. В широком развитии местной выборной власти он видит главный залог экономического и политического прогресса в стране. Так, в статье «О борьбе с дороговизной в г. Курске» исследователь определяет причины дороговизны и в качестве меры по ее преодолению выдвигает необходимость широкого развертывания деятельности кооперативных организаций и введения в состав городских Дум представителей рядовых горожан [8]. В работе «Реализация городских облигационных займов» исследователь анализирует состояние местных финансов России на середину 1916 г., а также прогнозирует возможное развитие финансового рынка на послевоенный период [9].

В 1916 г. Высшие коммерческие курсы в Харькове были реорганизованы в Харьковский коммерческий институт, при котором продолжил свою педагогическую деятельность А. П. Марков.

Знакомство с научными трудами А. П. Маркова демонстрирует, что он по своим политическим убеждениям принадлежал к буржуазно-демократическому лагерю. Безоговорочная поддержка Февральской революции вовлекла его в активное участие в общественном движении. 5 мая 1917 г. на общем собрании служащих городского самоуправления г. Курска не принадлежавший официально ни к одной политической партии А. П. Марков был избран товарищем председателя Народного Совета [10]. Этот рождённый революцией орган народовластия избрал доцента А. П. Маркова Курским губернским комиссаром. Введённый Временным правительством институт губернских и уездных комиссаров был одним из самых ранних преобразований в аппарате управления государством. Губернские комиссары назначались сверху взамен губернаторов, как правило, из числа председателей губернских земских или городских управ, имели массу обязанностей, но при этом в условиях революционной нестабильности не были наделены практически никакой властью. Институт комиссаров Временного правительства просуществовал до сентября 1917 г.

С началом учебного года А. П. Марков продолжил преподавательскую работу в Харьковском коммерческом институте и науч-

ные исследования по вопросам местных финансов. Очень интересной представляется брошюра, которая вышла в Харькове в 1918 г. «Местные финансы: Очерки по вопросам финансового законодательства» [11]. В ней рассматривается перспектива развития местного самоуправления и тех изменений, которые принесла местным органам самоуправления революционная эпоха.

После окончательного прихода в Харьков советской власти в декабре 1919 г. и завершения военных действий начался процесс восстановления разрушенного (физически и организационно) войнами, революциями и политикой «военного коммунизма» коммунального хозяйства. Активное участие в работе приняли специалисты-коммунальщики старой формации и, среди них профессор созданного летом 1920-го г. на базе Харьковского коммерческого института Харьковского института народного хозяйства Александр Прокофьевич. Уже в 1919 г. при Всеукраинском коммунальном отделе Народного комиссариата внутренних дел он организует 6-месячные административно-коммунальные курсы для работников, призванных управлять коммунальным хозяйством Украины. В это время учёный занимал должности заведующего инспекторско-инструкторским подотделом Всеукраинского коммунального отдела этого органа, а также созданными им курсами.

С первого же номера журнала «Коммунальное хозяйство на Украине», вышедшего в октябре 1921 г., имя профессора фигурирует в составе редколлегии. Новое издание открывалось обширной статьёй А. П. Маркова «Собирание коммунального хозяйства», в которой Александр Прокофьевич наметил план восстановления коммунальной отрасли на Украине в условиях нэпа [12]. Осенью 1922 г. на заседании комиссии по местному хозяйству при Укргосплане профессор сделал доклад по вопросам финансового состояния коммунального хозяйства Украины. Его текст в порядке дискуссии был опубликован в № 3 указанного журнала [13].

Воплощая в жизнь свою идею о создании высшего учебного заведения коммунального профиля, А. П. Марков инициировал открытие Всеукраинского техникума коммунального хозяйства (ВТКХ) в Харькове и возглавил его на этапе организации. В ноябре того же года для методического обеспечения работы ВТКХ профессор А. П. Марков был командирован в Академию муниципального управления в Дюссельдорфе (Германия) и привез оттуда конспекты учебных планов и программ этого вуза, с учетом которых были сформированы планы и программы ВТКХ.

Тем временем на родине по мере укрепления тоталитарной системы усилились гонения против отечественных специалистов старой школы, распространялось так называемое «спецеество». В условиях катастрофического недоедания и изнуряющего холода обострился давний туберкулёз у жены Александра Прокофьевича.

Симпатизировавший профессору партийный «куратор» техникума предупредил его об опасности ареста и снабдил А. П. Маркова и его жену необходимыми документами для выезда за рубеж, добавив на прощание: «Чтоб я больше тебя не видел! Не то не сносить тебе головушки» [14]. Так молодой учёный выехал в Германию с официальной целью изучения тамошнего коммунального хозяйства. В третьем номере журнала «Коммунальное хозяйство на Украине» за 1923 г. читатели увидели статью А. П. Маркова «Трамвайные предприятия в Германии: корреспонденция из Берлина» [15].

В Германии профессор оставался до 1925 г., здесь теряются следы его первой жены (видимо, туберкулёз унёс её в могилу). Работая в должности доцента Русского научного института в Берлине, профессор опубликовал работу «Городское хозяйство в Германии». Здесь же вступил в профессиональный союз журналистов, а 3 июня 1924 г. подал заявление с просьбой принять его в члены Общеказачьего сельскохозяйственного союза в Праге [16].

С этого времени начинается сотрудничество профессора А. П. Маркова с казачьими организациями эмигрантов. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. его публикации будут регулярно появляться в журналах «Родимый край», «Путь казачества», газетах «День», «Последние новости», «Экономический вестник»... Многие из публикаций были посвящены непосредственно истории и современным проблемам казачества [17].

В 1925-м профессор уезжает в Париж, где в 1926 г. получает приглашение читать курс лекций по финансам СССР в Институте славяноведения при Парижском университете [18]. В дальнейшем профессор сотрудничал с Российским коммерческим институтом и Франко-Российским институтом социальных и политических наук в столице Франции. В 1928–1934 гг. он входил в состав Ученого совета профессоров Российского коммерческого института.

Во Франции А. П. Марков вошёл в состав правления Казачьего союза и в конце 1920-х был избран его генеральным секретарём. На своём заседании 22 октября 1930 г. совет старшин Казачьего клуба избрал профессора председателем культурно-просветительной комиссии [19]. Журнал «Родимый край» сообщает о выступлениях профессора с публичными лекциями по актуальным вопросам политической и экономической жизни: «Государственные задачи казачества» [20], «Современное экономическое и политическое положение в Советской России» [21], «Как большевики подготовили новый голод в России» [22]. В том же журнале печатаются статьи профессора «Сельское хозяйство в казачьих областях» [23] и «Сталинский коммунизм» [24]. На французской земле Александру Прокофьевичу удалось создать новую семью, там же родились и двое детей.

Заметным событием в жизни казачьей эмиграции стала защита А. П. Марковым в 1928 г. в Берлине диссертации (второй по счёту)

на звание магистра финансового права, о чём с удовлетворением сообщал журнал «Путь казачества» [25].

Его публикации на страницах журнала «Экономический вестник» 1920–1930-х гг. посвящены исследованию значения натурального налога в финансовой системе СССР [26], курса советского червонца [27]. Соотношение в развитии различных секторов народного хозяйства Советской России (аграрного и промышленного) рассматривается в работе «Разверстка и натуральный налог» [28].

В 1934 г. Александр Прокофьевич становится редактором «Русского экономического бюллетеня» (Париж), где публикует свои работы, посвященные финансовой политике советской власти, эволюции местного самоуправления.

Оценивая коллективизацию и индустриализацию, происходивших в Советском Союзе, профессор писал, что они осуществляются за счет здоровья и жизни, материального благополучия рядовых советских обывателей, что главная их цель – создание вооруженных сил СССР, способных осуществить планы большевистской партии относительно мировой революции [29].

С болью в душе анализировал А. П. Марков продовольственную политику Советской России. На основании своего анализа он смог доказать, что голод в России – это результат реализации на практике перестройки сельского хозяйства, рынка, финансов и взаимоотношений города и деревни на социалистический лад [30].

В предвоенные годы А. П. Марков был членом Республиканско-демократического объединения – общественно-политической организации кадетского направления под руководством П. Н. Милюкова. В «Вестнике РДО» и газете «Последние новости» публиковались его обзоры на темы «Хозяйственные итоги Октября», «Хозяйственные итоги 1928 года», «Земельный вопрос» и т. д.

Первые же кровавые шаги Гитлера по Европе заставили экономиста А. П. Маркова в корне изменить свое отношение к Советскому государству: накануне Второй мировой войны он обращается к консулу СССР с просьбой о разрешении вернуться на родину, но получает отказ.

Война застала его в Париже, вскоре Александр Прокофьевич с семьей эвакуировался в Монпелье, лето проработали подёнщиками на пригородной ферме. Осень принесла беду: в стычке с фашиствующими молодчиками погиб учившийся в местном лицее сын Марковых. Далее в горах возле Гренобля, где семья нанялась батраками на ферму Мариуса Гонтье [31], вместе с женой Надеждой Николаевной и дочерью Надей Александр Прокофьевич участвовал в движении Сопротивления. В августе 1944 г. в Гренобле супруги Марковы приняли участие в учредительном заседании общества «Франция – СССР» и стали организаторами регионального комитета этой организации [32].

После освобождения Франции профессор стал одним из организаторов, а впоследствии генеральным секретарем Союза советских патриотов – организации, члены которой добивались получения советского гражданства. 14 июня 1946 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции».

К послевоенным годам относятся публикации книги на французском языке «Современная Россия», окончание работы над книгами «Экономика сельского хозяйства во Франции» и «Попытка экономического планирования во Франции». Тогда же профессор начал собирать материал относительно плана Маршалла, планируя после возвращения на родину получить ученую степень. В ожидании возвращения на Родину А. П. Марков добился разрешения на выезд в Болгарию, где при содействии Болгарской академии наук закончил научный труд «План Маршалла как орудие империалистической политики США в Западной Европе».

Накануне Нового, 1951 г. семья Марковых наконец ступает на родную землю. А 29 марта 1951 г. 65-летний профессор был арестован и этапирован в Москву. По приговору военного трибунала войск МГБ Московского округа от 7 декабря 1951 г. на основании ст. 58 пп. 1 «а», 8, 10 ч. 1 УК РСФСР он был заключён в исправительно-трудовой лагерь сроком на 25 лет. Содержался в ИТЛ г. Тайшета Иркутской области [33]. Через год после смерти Сталина, 10 марта 1954 г., по протесту прокурора Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор, и 27 апреля 1954 г. профессор А. П. Марков вышел из Озёрного лагеря Иркутской области на свободу.

Вернувшись в Москву, Александр Прокофьевич узнал, что все его научные материалы, рукописи, книги уничтожены органами МГБ. Единственную спасенную рукопись – исследование относительно плана Маршалла – прислали коллеги ученого из Болгарии. Оно и стало базой диссертации (третьей по счёту) кандидата экономических наук, которую Александр Прокофьевич защитил 21 ноября 1961 г., работая в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО) и ведя преподавательскую деятельность на экономическом факультете Московского государственного университета.

После ухода на пенсию в возрасте 82 лет оставшиеся годы жизни Александр Прокофьевич посвятил работе над мемуарами. Умер А. П. Марков 21 мая 1973 г. в Москве и похоронен на Химкинском кладбище.

Примечания

1. Особистість на фоні історії: професор О. П. Марков // Харківський національний університет міського господарства імені О. М. Бекетова: Монографія. – Х.: Золоті сторінки, 2012. С. 32–36.

2. РГБ, Научно-исследовательский отдел рукописей (далее – НИОР). Ф. 836.1.58. Л. 86–88.

3. Марков А. П. Семинарский бунт // Наука и религия. 1970. № 12. С. 51–52.

4. РГБ, НИОР. Ф. 836.1.58. Л. 303.

5. Марков А. П. «К вопросу о контроле в городских управлениях» / А. П. Марков. Царицын : Царицын. гор. упр., 1913. 117 с.

6. РГБ, НИОР. Ф. 836.2.1. Л. 2–109.

7. Марков А. П. Земельное хозяйство Курского городского управления: 1. Курск: электр. тип.-лит. П. З. Либерман, 1914–1915. 25 с.

8. Сдача земли в арендное содержание под кирпичные и другие заводы. Курск, 1915. 25 с.

9. О постройках частных лиц на землях общего пользования. 1915. 28 с.

10. Марков А. П. О борьбе с дороговизной в г. Курске: Материалы для экономического совещания при Главном комитете Союза русских городов помощи больным и раненым воинам / Курск: Комитет Союза городов, 1915. 50 с.

11. Марков А. П. Реализация городских облигационных займов // А. П. Марков // Городское дело. 1916. № 24. С. 1175–1180.

12. РГБ, НИОР. Ф. 836.2.1. Л. 117–125.

13. Марков А. П. Местные финансы: Очерки по вопросам финансового законодательства. – Х.: Изд-во «Союз» Харьковского союза кредитных кооперативов, 1918. 163 с.

14. Марков А. П. Собрание коммунального хозяйства // Коммунальное хозяйство на Украине. 1921. № 1. С. 3–10.

15. Марков А. П. К вопросу о финансовом положении органов коммунального хозяйства // Коммунальное хозяйство на Украине. 1922. № 3. С. 55–69.

16. РГБ, НИОР. Ф. 836.3.9. Л. 1.

17. Марков А. П. Трамвайные предприятия в Германии: корреспонденция из Берлина // Коммунальное хозяйство на Украине. – 1923. – № 3. – С. 45 – 49.

18. ГА РФ. Ф. 6344. Оп. 1. Д. 35. Л. 169.

19. Марков А. П. Об экономических путях юго-востока (центрально-чернозёмный р-н) // Родимый край. 1929. № 2. С. 45; Марков А. П. Казачьи думы // Последние новости. 1931. 7 февраля; Марков А. П. Самостийничество и хозяйственное развитие России // Казачий сборник. Париж. 1939. 34 с.

20. РГБ, НИОР. Ф. 836.1.2. Л. 9.

21. Родимый край. 1930. № 11. С. 45.

22. Лекция А. П. Маркова в Труа // Родимый край. 1930. № 4. С. 45.

23. Лекция А. П. Маркова в Крезе // Родимый край. 1930. № 5. С. 39.

24. Лекция профессора А. П. Маркова в Имфи // Родимый край. – 1930. № 6. С. 45–46.
25. Марков А. П. Сельское хозяйство в казачьих областях // Родимый край. 1929. № 1. С. 65–70.
26. Марков А. П. Сталинский коммунизм // Родимый край. 1923. № 1. С. 17–20.
27. Защита диссертации // Путь казачества. 1928. № 23. С. 20.
28. Марков А. Значение натурального налога в финансовом хозяйстве советской власти на Украине // Экономический вестник. 1923. № 1. С. 108–135.
29. Марков А. П. Борьба за курс червонца и интересы народного хозяйства в Советской России // Экономический вестник. 1923. № 2. С. 108–133.
30. Марков А. П. Развёрстка и натуральный налог. – [Б. м.]: изд. «Обелиск», 1924. 381 с.
31. Марков А. П. Кризис сельского хозяйства в СССР. Париж, 1933. С. 88.
32. Марков А. П. *Famine in USSR* / A. Markoff ; Russ. Commercial inst. in Paris. Paris: Bull. econ. rus. [1934]. 13 с.; Марков А. П. Кризис сельского хозяйства в СССР. Париж: Республиканско-демократическое объединение, 1933. 88 с.
33. Маркова Н. Н. «Батраки» Мариуса Гонтье // Новый мир. 1979. № 9. С. 225–242.
34. Маркова Н. Н. «Франция – СССР»: первая ласточка // Дружба народов. 1980. № 11. С. 267–268.
35. Справка Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России от 13.07.2013 № 10/А-3357.

Михайлова Н. А.

История сквозь призму воспоминаний

Пытаясь осмыслить образ жизни советского народа после Октября 1917 г. невольно задаешься вопросом: как формировалось поколение «новых советских граждан»? Как менялся менталитет человека, прошедшего через все репрессивные годы? Как складывались межличностные отношения среди представителей разных поколений?

Тот факт, что менталитет человека и его мировоззрение не могут измениться в одночасье, общеизвестен. Тем не менее изменения в сознании социума поддаются исследованию и, следовательно – прогнозированию, что становится чрезвычайно важным в периоды изменения или ужесточения государственной политики.

Молодое поколение конца двадцатых и тридцатых годов, являясь в основном представителями народных масс, пыталось в первые послереволюционные годы занять свою нишу в социуме, не задумываясь глубоко о происходящих процессах. В их сознании все было просто: «свой и чужой», «враг новой власти и ее друг». Поэтому, развязывая массовый государственный террор, Сталин руководствовался защитой интересов рабочего класса, трудового народа, победы социализма и коммунизма. Каждый «новый гражданин» считал, что так нужно делать в интересах партии, трудящихся, защиты завоеваний революции. В этом истинная трагедия той эпохи.

Однако более глубокое осмысление показывает, что «великая чистка» целиком и полностью отвечала задаче сохранения неограниченного господства Сталина над партией, народом, страной. Цель была одна: всеми средствами устрашения отучить людей думать и принудить их видеть и судить несуществующее и доказывать очевидно неправедное.

К концу сталинской эпохи людей, способных эффективно бороться с созданной им тоталитарной системой, в Советском Союзе почти не осталось: подавляющее большинство их было уничтожено в беспощадных чистках. Понять сущность больших исторических событий и настроений помогают воспоминания и дневники. Проявляясь в малом, эти события в сознании людей становятся символами времени, отличительными чертами эпохи и позже сформируют то массовое сознание, которое станет характерным для социума 30-х годов.

И пусть каждое событие, каждый факт тех воспоминаний может быть рассмотрен с различных точек зрения и под разными углами, истолкован с различных позиций, он, тем не менее, является прежде всего историческим фактом, запечатленным в строчках текста.

В воспоминаниях выпускника ДПИ 1927 г. И. А. Харламова звучат знакомые пренебрежительные ноты относительно тех, кто являлся частью «прошлой жизни»: «Смытые революционной волной с насиженных мест... все слетелись в это гнездо, надеясь на обещанный приют. Все это было... сброшено Буденновской армией, сброшено все, что накапливалось годами, а иногда и поколениями, а затем и вовсе выброшено из советской страны. Вместе с пришлыми была смыта и казачья аристократия» [1. С. 44]. Ни на йоту не сомневаясь в том, что брошенные дома со стариками, обреченными на голодное вымирание, что разрушенные судьбы целых семей, разрушение не только образа жизни, но и всего государства, это величайшее преступление и величайшая трагедия нации, представитель «новой России» просто констатирует исторический факт.

Стремление безоглядно сломать то, являлось символом «старой России», приводило к тому, что теперь мы считаем варварскими поступками: «В сквере вблизи бывшего атаманского дворца был сброшен с пьедестала памятник атаману Платову, основателю

Новочеркаска, герою Отечественной войны 1812 года. Памятник работы барона Клодта, скульптора – творца знаменитых коней на Аничковом мосту в Ленинграде. Памятник обрел общую судьбу многих бронзовых памятников – пошел на подшипники» [1. С. 46]. Подобное отношение к культурному наследию в России потом отзовется страшной бездуховностью, проявившейся в массовых публичных «судах», корни которых лежат в так называемых «литературных судах», на которых сначала судили литературных героев, а потом – уже реальных.

Политический смысл великой чистки, начавшейся уже в конце 20-х годов, в 30-х обрел массовую значимость. В различных чистках можно усмотреть приём, при помощи которого искореняются все те, кто желал как-то изменить существующее положение дел. В истории комсомольской организации вуза отмечен факт прибытия на Дон в 1924 году соратника Ленина Ф. В. Ленгника, посетившего ряд учебных заведений, в том числе и ДПИ. Он много беседовал со студентами и посоветовал комсомольскому активу «освободиться от тех, кто продолжает мешать учиться, смелее бороться за пролетарское студенчество» [2. С. 16].

Воспоминания Харламова дают характерное описание молодежного менталитета того времени: «В составе студенчества, хоть и в небольшом количестве, встречались также чуждые элементы, нашедшие себе пристанище в стенах вуза, затерявшиеся в общей студенческой массе. В 1924 году была произведена чистка рядов пролетарского студенчества... Она была воспринята нами как чистка рядов партии... В результате чистки освободились места в общежитии и оказались свободными стипендии». И дальше: «В работе комиссии выплыло правило, которым руководствовалась комиссия: лучше переборщить, чем недоборщить!». Прекрасно осознавая, что в числе исключенных находятся те, кто сидел на одной скамье в аудитории, автор – член комиссии пишет: «Выдержав основную линию и не задерживаясь на результатах, комиссия закончила свою работу» [1. С. 193].

Казалось бы, произошло обычное для того времени событие в истории одного провинциального вуза. Что это означало для страны? На самом деле на смену когорте старых коммунистических лидеров и администраторов, уничтоженных к тому времени, пришло поколение новых кадров: «многое решала студенческая общественность под руководством партийной организации».

Молодой рабочий имел преимущественный доступ к высшему образованию, членству в партии и массу других привилегий, в то время как для сына дворянина или священника создавались всевозможные препятствия и ограничения. В этих условиях сложно было существовать той части преподавателей и студентов, которые относили себя к русской интеллигенции. Всей душой любя Родину,

ст радая за нее, они пытались своим трудом вдохнуть жизнь в новую Россию и сохранить в ней зерно культуры. Они представляли собой уже новую, советскую интеллигенцию, изо всех сил пытающуюся восстановить экономическую и административную систему, подорванную войной и разрухой. Люди, ставшие неожиданно выходцами из «плохого» социального происхождения, часто чувствовали настоящую необходимость скрывать свою классовую принадлежность, пытались миновать препоны под видом пролетариев или крестьян-бедняков. Учащейся молодежи это удавалось легче, профессура же даже не представляла для себя такую возможность: уровень их самооценки, самоуважения был достаточно высок. Так, Д. Д. Мордухай-Болтовской, выдающийся математик с мировым именем, профессор «чистой математики» несмотря на преследования аристократии при советской власти, никогда не скрывал своего происхождения и, более того, кажется, не мыслил себя вне своего отношения к роду. Происхождение было для него категорией не социальной, не культурной и не этической («аристократия духа»), но конкретно-исторической. Свое происхождение Мордухай-Болтовской мыслил как собственную историю, которая, с одной стороны, не вмещается в узкие рамки личной биографии, но которая, с другой стороны, чужда абстракциям всякой общей истории – общемировой или общенациональной [3. С. 13].

Будучи людьми высокой культуры, профессора всем своим поведением и манерой общения старались привить такие же качества «красным» студентам. А. Г. Белявский в общении со студентами с первого курса называл их «коллеги», стараясь как можно дольше обращаться к ним «господа», невзирая на навязываемое «товарищ» [1. С. 69]. В нежелании расставаться с прежними привычками он был не одинок.

Именно в 1930-е годы для многих преподавателей их происхождение и поведение станут судьбоносными и роковыми: десятки научных династий окажутся в числе репрессированной профессуры Новочеркасского политехнического института: М. Ф. Зимин, В. И. Остроумовский, П. П. Сушинский, В. Г. Белявский, П. Н. Чирвинский, Б. Н. Кеммер, И. И. Халецкий, П. Н. Лашенко... и еще десятки фамилий. Сейчас невозможно предположить, на каком уровне были бы российская наука и педагогика сегодня, сохранив этих людей и в их лице российскую научную школу.

Дневниковые записи и воспоминания о том времени, были ли они написаны студентами, преподавателями или политическими деятелями, при попытке объективно взглянуть на происходившее имеют общую черту, так сказать, «двойное дно». Они полны идеологических штампов, искренней веры в прогрессивное предназначение происходивших событий. И в то же время, при первой появившейся возможности без упоминания идеологической подоплеки трагедий стремятся донести до нас сведения о людях, чьи судьбы, на взгляд

автора, оказались несправедливо искалеченными в годы потрясенный.

Трагедия этой эпохи была еще и в том, что каждый член общества был поставлен перед выбором: быть в самой гуще политики или вне ее. Та часть общества, которая была аполитична, не имела никакого идейного приоритета, а лишь реагировала на сложившиеся социальные условия и старалась их изменить, чтобы наилучшим образом приспособить к своим естественным способностям, была, в сущности, обречена. Хотя политизация мышления и поведения отнюдь не спасала тоже и не становилась гарантом жизненной безопасности. Постепенно формировалась новая элита общества с уже трансформированным мировоззрением и новыми этическими установками. Занимая лидирующее положение и держа в руках рычаги управления социумом, эта элита подчинила социум своим интересам. Человеческое общество – это действующая целостная система, это коллективный организм, в котором подразумевается совместная организованная деятельность. Новое массовое сознание постепенно стало лидирующим.

Рабочая интеллигенция, выросшая на плодородной почве национальной, наполовину уничтоженной культуры, стала заложницей той самой новой этики, с большим трудом выстраивая новое социалистическое общество и выживая в нем. Две волны разоблачений сталинизма: на XX съезде и после него, на XXII съезде и после него – это явный сдвиг в массовом сознании, своеобразный реквием той части русской интеллигенции, чья деятельность и жизнь были растоптаны красным террором.

Приведенные в статье рассуждения не претендуют на новизну и оригинальность. Подобные факты и мысли можно найти в истории любого старого вуза страны. Однако эти отдельные мысли и факты складываются в целостную картину. И пусть они не рассматриваются как официальная версия объяснения сущности социальных явлений, их реалии однозначны и являются подлинными фактами истории, вычеркнуть которые не только невозможно, но и преступно.

Примечания

1. Харламов И. А. Студенческая пора полвека назад (воспоминания) [рукопись]. Ростов н/Д. 1986. 256 с.
2. Очерки истории комсомольской организации института (к 60-летию со дня образования) [рукопись]. Новочеркасск, 1980. 426 с.
3. Философы России XX века. Д. Д. Мордухай-Болтовской. Математика. М.: Серебряные нити. 1998. 560 с.

Москалев Б. Г., Москалева Н. П.

**Незабытые имена: И. Проскуров и М. Волосюк
(из фондов музея Харьковского национального
технического университета сельского хозяйства
им. П. Василенко)**

В музее Харьковского национального технического университета сельского хозяйства им. Петра Василенко есть фотография двух молодых людей в военной форме, вчерашних студентов, призванных в армию в 1931 г. после первого курса института и направленных в Сталинградскую школу военных летчиков.

Один из них – Иван Иосифович Проскуров, другой – Макар Митрофанович Волосюк. Оба одногодки – 1907 года рождения, оба украинцы, из простых рабочих семей. Они встретились в Харькове осенью 1927 г., куда приехали для учебы на рабфаке Харьковского сельскохозяйственного института. Здесь вступили в ряды ВКП(б), были активными членами партии.

В архивных документах сохранились протоколы партчистки 1929 г., в которых фамилии рабфаковцев И. Проскурова и М. Волосюка стояли рядом и оба они были отмечены как успешно прошедшие партчистку [1]. В 1930 г. в связи с началом коллективизации и массовым созданием МТС для обслуживания колхозного движения в Харькове был открыт институт механизации и электрификации сельского хозяйства. Студентами первого набора нового института стали И. Проскуров и М. Волосюк. Однако после первого курса под влиянием агитации райкома комсомола решили пойти в авиацию. Первый из них – Иван Иосифович Проскуров после окончания Сталинградской школы военных летчиков прославился в Испании, где командир первой интернациональной бомбардировочной эскадрильи «Испания», старший лейтенант Иван Проскуров участвовал в уничтожении эшелонов с боеприпасами и горючим, в разгроме колонн мятежников, двигавшихся на Мадрид, в нанесении ударов по линкору «Дойчланд». В июне 1937 г. И. И. Проскуров был отозван на Родину. В представлении наркома обороны К. Е. Ворошилова И. В. Сталину о присвоении И. И. Проскурову звания Героя Советского Союза подчеркивалось, что во всех многочисленных боевых операциях И. И. Проскуров обнаружил исключительное мужество, спокойствие и выдержку. И. В. Сталин, ознакомившись с представлением, вычеркнул слова «старший лейтенант» и вписал «майор». В музее университета имеется копия газеты «Правда» от 22 июня 1937 г. с сообщением ВЦИК СССР о присвоении майору Проскурову Ивану Иосифовичу звания Героя Советского Союза. Дальнейшая военная карьера И. И. Проскурова развивалась очень быстро. Этому способствовали и массовые чистки руководства Красной армии. Он

командовал авиационной бригадой, 2 авиационной армией особого назначения. В апреле 1939 года комдив И. И. Проскуров назначается начальником 5-го (разведывательного) управления наркомата обороны. Это назначение было совершенно неожиданным для 31-летнего комдива, никогда не работавшего в разведорганах. Если считать с 1937 г., он стал уже пятым начальником Разведупра, предыдущие были расстреляны в ходе чисток, в т. ч. и фактический создатель Разведупра армейский комиссар 2-го ранга Я. К. Берзин, с которым И. И. Проскуров познакомился в Испании. Работать И. И. Проскурову пришлось в нелегкой ситуации. Были репрессированы более половины сотрудников центрального аппарата, начальники отделов и подразделений, военные атташе и их помощники во многих странах. В 1996 г. в «Общей газете» были опубликованы воспоминания бывшей разведчицы Марины Иосифовны Поляковой, работавшей в центральном аппарате Разведупра в предвоенные годы: «...После Берзина Проскуров больше всех подходил к своей должности. Он изо всех сил старался вникнуть в дело. Никогда никого не обрывал, всех выслушивал и каждую минуту учился. И не боялся начальства. Это было самое главное» [2].

Его заслугой стало восстановление кадров управления, военных атташе и их помощников. На работу пришло много молодых офицеров, не имевших опыта разведработы. Проскурову в целом удалось сохранить и зарубежную нелегальную сеть. Он категорически противился отзывам ценных работников, в т. ч. и Рамзая (Р. Зорге) из Японии, на которых настаивал НКВД. Тяжелым испытанием для разведки стала финская война, показавшая неготовность Красной армии к серьезной войне. Не были исключением и разведорганы РККА. В апреле 1940 г. в ЦК ВКП(б) в присутствии И. В. Сталина состоялось совещание высшего командного состава армии, обсудившее итоги боевых действий против Финляндии. На нем разведорганы попытались обвинить во всех неудачах финской войны. И. И. Проскуров резко возражал против такой оценки деятельности разведки. Все это, судя по протоколам совещания, очень не понравилось И. В. Сталину (протоколы этого совещания впервые были опубликованы в книге «Зимняя война. 1939–1940») [3]. И. В. Сталин сказал И. И. Проскурову: «У вас душа не разведчика, а душа очень наивного человека в хорошем смысле слова. Разведчик должен быть весь пропитан ядом, желчью, никому не должен верить..., но душа у вас слишком честная». И, хотя в июне 1940 г. по итогам финской кампании И. И. Проскуров был награжден орденом Красной Звезды, 27 июля 1940 г. он был снят с должности начальника Разведуправления РККА.

Дэвид Мерфи – резидент ЦРУ в Западном Берлине в 1950–1960-е гг. в своей книге «Что знал Сталин? Загадки плана Барбаросса», напечатанной издательством «Рейтер» в 2009 г., вторую главу своей

книги назвал «Искренний генерал: Иван Иосифович Проскуров», заголовки подразделов в которой говорят сами за себя: «Проскуров поправляет Сталина», «Советские границы двигаются на Запад», «Финны сражаются: Проскурова делают козлом отпущения», «Увольнение Проскурова» [4].

В сентябре 1940 г. И. И. Проскуров назначается командующим ВВС Дальневосточного фронта. Однако через месяц становится заместителем начальника Главного управления ВВС РККА по Дальней бомбардировочной авиации.

Этой работе, которая была хорошо знакома И. И. Проскурову, он отдавал все свои знания и силы. Однако начавшееся перевооружение ВВС новыми, скоростными самолетами породило много проблем. Новая техника часто имела серьезные конструктивные недостатки, переучивание летного состава проходило в скоростном режиме и привело к большому количеству аварий и жертв. 27 мая 1941 г. генерал-лейтенант И. И. Проскуров был освобожден от занимаемой должности с формулировкой «за аварийность в частях дальней бомбардировочной авиации». Лишь 19 июня 1941 г., накануне войны, он получил новое назначение: командующим ВВС 7-й армии, дислоцированной в Карелии. Перед отлетом на новое место работы он зашел в Разведупр и, ознакомившись с обстановкой на наших границах, срочно передал приказ начальнику штаба ВВС в г. Петрозаводске о незамедлительной переброске самолетов на запасные аэродромы. Это помогло сохранить авиацию 7-й армии от уничтожения в первые дни войны. 27 июня 1941 г. И. И. Проскуров был арестован в Петрозаводске и доставлен на Лубянку. Его обвинили в том, что он являлся участником военной заговорщической организации и проводил работу, направленную на поражение Республиканской Испании, снижение боевой подготовки ВВС Красной армии и увеличение аварийности в ВВС. В октябре 1941 г. вместе с другими участниками военного заговора он был отконвоирован в г. Куйбышев. 28 октября 1941 г. в поселке Барбыш под городом Куйбышевом (спецдача НКВД) по личному предписанию наркома НКВД Л. П. Берии без суда И. И. Проскуров и другие участники заговора (всего 20 чел.) были расстреляны в песчаном карьере близ ж-д станции. Вместе с ним погибли еще 4 Героя Советского Союза, в т. ч. Я. В. Смушкевич – дважды, пять заместителей наркома обороны – генералы, в т. ч. генерал-полковник Г. М. Штерн, генерал-полковник А. Д. Лактионов, генерал-лейтенант Я. В. Смушкевич, генерал-лейтенант П. В. Рычагов, генерал-лейтенант Ф. К. Арженухин и др.; конструкторы и научные работники. Среди погибших и бывший главный арбитр СССР при СНК Ф. И. Голощекин – один из главных организаторов убийства царской семьи в Екатеринбурге. Место их захоронения не найдено [5]. Специалисты до сих пор не могут дать рационального объяснения убийству в тяжелые для страны дни

такого количества заслуженных военачальников и знаменитых на всю страну летчиков.

В 1954 г. И. И. Проскуров был реабилитирован, отменено постановление ЦИК СССР о лишении его звания Героя Советского Союза, ордена Ленина, ордена Красного Знамени, двух орденов Красной Звезды и медали «20 лет РККА».

Судьба однокурсника И. И. Проскурова по ХИМЭСХ Макара Митрофановича Волосюка сложилась иначе. После окончания Сталинградского училища военных летчиков он служил в ВВС до 1939 года.

В 1939 г. майор М. М. Волосюк – помощник командира 30-й скоростной бомбардировочной авиабригады был срочно вызван в Москву. И. И. Проскуров, став начальником Разведупра, вспомнил о своем друге. В справке-докладе, направленной наркомом обороны 13.08.1939 г. Разведупрома, говорилось: «Предназначен на должность помощника военного атташе по авиации в Англию или Германию. Лично заместитель народного комиссара обороны комдив Проскуров с ним беседовал, считает кандидатуру подходящей. Просит зачислить майора Волосюка в распоряжение 5-го Управления для предварительной подготовки на должность помощника военного атташе» [6]. После 3 месячной подготовки в школе разведки М. М. Волосюк был направлен во Францию. Фактически он был помощником легального резидента советской разведки во Франции военного атташе генерал-майора И. А. Суслопарова, также осенью 1939 г. направленного на работу в Париж. Основной целью работы М. М. Волосюка (Раго) было поддержание связи нелегальных групп с Москвой. М. М. Волосюк организовал подготовку радистов для нелегальной резидентуры на конспиративных квартирах. Для связи с нелегалами и получения от них информации и документов он привлек и свою жену Галину Петровну. В это время Леопольд Треппер (Отто) перебрался из Бельгии в Париж, оставив в Бельгии своего заместителя Анатолия Гуревича (Кента), и начал налаживать новую нелегальную резидентуру в Париже. Через группу Треппера – фактического руководителя «Красной капеллы», т. е. всей сети советской резидентуры в Германии и европейских странах, в Центр главным образом через посольство направлялась информация различных групп, в т. ч. Шульце-Бойзена (Германия), Шандора Радо, группы К. Ефремова и др. Роль М. М. Волосюка не сводилась только к передаче сведений «Красной капеллы». Он и сам участвовал в агентурной разведке и направлял ценные данные в Центр [7]. 21 июня 1941 г. он и военный атташе И. А. Суслопаров передали в Центр информацию группы Шульце-Бойзена о начале войны 22 июня 1941 г. На телеграмме И. Сталин написал, что необходимо разыскать и наказать авторов этой дезинформации. Начавшаяся на другой день война прекратила расследование. Вместе с посольством М. М. Волосюк воз-

вратился на родину. В сентябре 1941 г. он назначается начальником второго отделения (агентурная разведка) разведотдела Брянского фронта, а с октября 1941-го – начальником разведотдела 14-й армии Карельского фронта. В 1943 г. он вновь направляется за границу. Полковник М. М. Волосюк (Доксан) становится помощником военного атташе посольства СССР в Стамбуле. Ему удалось завербовать шифровальщика в посольстве одной из стран, входивших в блок фашистских государств. Этому агенту, согласившемуся продать шифр и секретную почту своего военного атташе, в Центре был присвоен псевдоним Карл. В 1943–1944 гг. от Карла было получено значительное количество секретных материалов, крайне важных для советской разведки [8]. Были у М. М. Волосюка и другие удачные вербовки. Еще один очень ценный агент, завербованный им в Стамбуле, передал в период битвы за Кавказ и, особенно, на завершающей стадии войны материалы, оказавшие большую помощь советскому командованию. За боевые заслуги М. М. Волосюк был награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, медалями.

После окончания войны генерал-майор М. М. Волосюк продолжал службу в Советской армии. Он работал заместителем заведующего кафедрой, начальником факультета академии им. проф. Н. Е. Жуковского. Умер М. М. Волосюк в 1982 г. и был похоронен на военном кладбище в поселке Монино под Москвой. Там же был установлен памятный знак «кенотаф» и его другу И. И. Проскурору.

Таковы судьбы двух товарищей, двух друзей, которые в условиях тоталитарного строя сложились по-разному. Сталинская система вознесла очень высоко И. И. Проскурова, видимо, более талантливого, сделала его одним из известнейших в стране людей и так же легко расправилась с ним, невзирая на заслуги, должности, звания. М. М. Волосюку повезло в жизни больше. Лишь в июне 1941 г. он мог повторить судьбу друга. И только начавшаяся война спасла ему жизнь.

Примечания

1. ГАХО (Государственный архив Харьковской области). Ф. 20. Опись 2А. Ед. хр. 41. Л. 69.

2. Горбачева Ю., Селютин С. Мне удалось недорого купить автоматическую пушку (интервью с Марией Иосифовной Поляковой) // Общая газета. 5–11.05.1996.

3. Зимняя война. 1939–1940. Книга вторая: «И. В. Сталин и финская кампания» (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М.: Наука, 1998.

4. Мерфи Д. Что знал Сталин? Загадки плана Барбаросса. Рейтер, 2009.

5. Дорофеев В. Расстрел в запасной столице // Волжская коммуна. 30.10.2009.

6. Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ: дела и люди. СПб.: изд. дом «Нева» и «ОЛМА ПРЕСС», 2002. 224 с.

7. Энциклопедия военной разведки России. М.: изд. АСТ, Астрель, ВЗОИ, 2004, С. 442–443.

8. Там же. С. 418–419.

Крапивянский С. Н.

Н. Г. Крапивянский — русский офицер и красный командир

Крапивянский Николай Григорьевич родился 16 (28) декабря 1889 г. в с. Володькова Девица Нежинского уезда Черниговской губернии (ныне с. Красное Партизаны, Носовского района) в крестьянской семье казацкого происхождения. Учился в местной двухклассной земской школе, позже в Нежинском городском училище. Сдал экстерном экзамены за полный курс гимназии.

В 1908 г. Николай Крапивянский добровольно поступил на военную службу и был зачислен в 43-й пехотный Охотский полк. Позже поступает в Чугуевское военное училище, которое окончил в 1913 г. В чине подпоручика Н. Г. Крапивянский распределился в 74-й Ставропольский пехотный полк на должность полуротного. Во время Первой мировой войны молодой офицер воевал на Юго-Западном фронте в составе 19-й пехотной дивизии 12-го армейского корпуса. Принял участие в 200 боях, 16 раз ходил в штыковые атаки, имел 4 ранения. За проявленные в боях отвагу и умелое руководство Н. Г. Крапивянский пять раз представлялся к награждению орденами различных степеней, а также Георгиевским оружием («За храбрость»), прошел путь от полуротного до командира батальона. Н. Г. Крапивянскому было присвоено звание подполковника. В годы войны он сумел приобрести репутацию офицера, наделенного смекалкой, помноженную на храбрость и волевой характер. После Февральской революции он вступил в РСДРП(б).

В 1917 г. его перевели на службу в 653-й Перемышлянский полк 164-й пехотной дивизии (при 12-м корпусе) на должность командира 3-го батальона. В марте того же года он был избран председателем полкового, дивизионного и членом корпусного комитетов офицерских и солдатских депутатов.

Н. Г. Крапивянский участвовал в июньском 1917 г. наступлении русской армии. «При взятии города Калуша командир 3-го батальона под ураганным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника успешно продвигал свой батальон вперед, вытеснил противника с занятых им окопов и приспособленных к обороне помещений, прогнал его за город, захватив четыре вражеских орудия.

В течение всего боя был впереди своего батальона и своей личной храбростью и мужеством был примером для солдат» [1].

Вскоре войска Юго-Западного фронта были отброшены к исходным позициям. В провале наступления Временное правительство обвинило большевиков. 5 июля Н. Г. Крапивянского арестовали и посадили в тюрьму за большевистскую пропаганду.

В это время командующий украинизированного 34-го армейского корпуса генерал-лейтенант П. П. Скоропадский предложил ему должность начальника штаба корпуса. Н. Г. Крапивянский согласился служить в украинских войсках. Впоследствии П. П. Скоропадский, узнав, что тот большевик, отказался от его услуг [2]. Спустя месяц по требованию солдатских комитетов Н. Г. Крапивянский был освобожден, но находился под следствием до октября 1917 г.

Н. Г. Крапивянский так и не получил заслуженного им звания полковника. На представлении к производству имеется резолюция полковника Богачева от 21 ноября 1917 г.: «Сообщаю, что подполковника Крапивянского не удостоиваю к производству в следующий чин, как большевика, по идеям которых чины упраздняются, и вообще за его вредную деятельность в армии» [3].

17 декабря 1917 г. на корпусном съезде делегатов военно-революционных комитетов его избрали командиром 12-го армейского корпуса, членом ревкома и чрезвычайным комиссаром Каменец-Подольского Совета. С декабря 1917 г. по февраль 1918 г. Н. Г. Крапивянский – начальник 19-й пехотной дивизии, которая сдерживала натиск румынских войск. 18 февраля 1918 г. дивизия Н. Г. Крапивянского отступила к Вознесенску на соединение с отрядом И. Э. Якира. От Гайсина Н. Г. Крапивянский отвел 19-ю дивизию на Екатеринослав. Здесь он начал формировать 2-ю революционную армию Южного фронта. 29 марта 1918 г. его назначили начальником штаба этой армии. Она вела оборонительные бои с немецко-австрийскими войсками. С. И. Аралов, советский военный и государственный деятель, в своей книге «Ленин вел нас к победе» о ней писал: «Войска 2-й армии вплоть до мая 1918 года вели неравные бои в районе Синельниково – Чаплино – Авдеевка – Никитовка – Дебальцево. В ходе боев они не раз отходили, но отходили в полном порядке, чтобы вновь наступать на врага... 25 апреля она отбросила немцев от Никитовки. В дальнейшем, не получив своевременно пополнения, части и соединения армии отошли в район Дебальцево, там перегруппировались и вновь пошли в наступление» [4]. Н. Г. Крапивянский вывел армию на территорию РСФСР, сначала под Ростов, потом Царицын. Вскоре красный командир уехал в Москву.

17 мая 1918 г. Н. Г. Крапивянского назначили уполномоченным Всеукраинского Центрального военно-революционного комитета (ВЦВРК) по организации Центрального военно-повстанческого

штаба Черниговской и части Полтавской губерний. Прибыв на Украину, он руководит партизанским движением против немецких оккупантов и гетманских войск. Возглавляет Нежинское вооруженное восстание в августе 1918 г. [5]. С.И. Аралов о партизанах писал: «Храбро сражавшиеся отряды при наступлении немцев на город Нежин, израсходовав боеприпасы, вынуждены были с боями отступить в труднодоступные для немцев лесные массивы. Крупные части оккупантов пытались окружить повстанцев... Три раза замыкалось кольцо немецкого окружения, но все три раза повстанцы с боями выходили из него» [4].

С 22 сентября 1918 г. согласно Приказу ВЦВРК № 6 в «нейтральной зоне» между УНР и РСФСР из партизанских отрядов Н. Г. Крапивянский формирует и возглавляет 1-ю Украинскую повстанческую дивизию. 21 ноября 1918 г. его дивизия начала наступление на территорию УНР. В те дни консультант оперативного отдела Моленов докладывал об этом войсковом соединении: «Подбор людей хороший и боевой, исключительно из украинцев Черниговской и Курской губерний. Дисциплина образцовая. Все приказы выполняются своевременно, все рвутся поскорее освободить Украину от немцев» [6].

В начале декабря 1918 г. Н. Г. Крапивянского назначили начальником штаба формирования частей 1-й Украинской советской армии. В январе 1919 г. он выехал на Полтавщину, чтобы объединить отряды восставших в борьбе против войск Директории УНР. 18 января 1919 г. повстанцы во главе с Ю. М. Коцюбинским и Н. Г. Крапивянским (совместно с 2-й Украинской дивизией) взяли Полтаву. В феврале Н. Г. Крапивянского отозвали из Красной армии и перевели на гражданскую работу. Он исполнял обязанности военного комиссара Нежина, секретаря уездного комитета. В мае 1919 г. возглавил чрезвычайный штаб по борьбе с бандитизмом, участвовал в боях с повстанческими отрядами атаманов Ангела и Зеленого, был тяжело ранен.

С 8 сентября 1919 г. по 18 января 1920 г. Н. Г. Крапивянский – начальник 60-й стрелковой дивизии 12-й армии РККА. 6 ноября 1919 г. дивизия сыграла решающую роль в освобождении Чернигова от денкинских войск. Н.Г. Крапивянский был награжден орденом Красного Знамени (приказ РВС № 149, 1920 г.). Соединение освободило Бахмач, Кременчуг, Черкассы, Смелу и другие города и села Украины [7]. В феврале 1920 г. Н.Г. Крапивянский был назначен начальником тыла 12-й армии РККА. Одновременно, в апреле-мае, командовал 47-й стрелковой дивизией, которая отличилась в боях против польских войск на мозырском, новоград-волыньском, олевском и овручском направлениях, в обороне Коростеньского железнодорожного узла, Киева.

Осенью 1920 г. ЦК КП(б)У отозвал Н. Г. Крапивянского из Красной армии и направил в распоряжение Черниговской губернской партийной организации. В январе 1921 г. он был избран

секретарем Нежинского уездного комитета. С 20 апреля – начальник войск Всеукраинской чрезвычайной комиссии Украины и Крыма и уполномоченным СНК УССР по борьбе с бандитизмом. В 1922 г. Н. Г. Крапивянский был назначен инспектором Управления боевой подготовки войск РККА.

С 1925 г. начинается новый этап в его жизни. Он был отозван с высокой должности в РККА и направлен, как представитель Высшего Совета народного хозяйства, в геологоразведочную экспедицию в Прикаспий. Летом 1926 г. его зачислили в штат геологоразведочной экспедиции в Якутии на должность ее начальника. В 1928 г. был принят в органы ОГПУ старшим инспектором по боевой подготовке войск ОГПУ. В 1929 г. уволен из органов. К 1932 г. Н. Г. Крапивянский – член правления союзного объединения свиноводческих трестов «Свиновод», впоследствии преобразованного в Наркомат совхозов СССР.

В связи с приходом Гитлера к власти в Германии Н. Г. Крапивянского в 1933 г. переводят в Особый отдел (ОО) ОГПУ. С 1934 г. он помощник начальника 13-го отделения ОО ГУГБ (Главного управления государственной безопасности. – Авт.) НКВД СССР [8]. Ему поручили разработку вопросов ведения так называемых «малых войн», т. е. партизанского движения, на случай временной оккупации противником советской территории. 5 декабря 1935 г. Н. Г. Крапивянскому было присвоено звание майора ГБ.

После заявления наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова о том, что воевать мы будем на чужой территории [9], работа Н. Г. Крапивянского была признана ненужной и 7 июня 1936 г. его перевели на должность инспектора аппарата Главного инспектора при НКВД СССР по пограничной и внутренней охране и РКМ (Рабоче-крестьянской милиции. – Авт.) НКВД. 14 декабря 1936 г. Крапивянского снимают с этой должности и назначают заместителем начальника Мостоотряда (Рыбинский район МО). Последнее место работы до ареста – начальник мостового участка Волгостроя ГУЛАГа НКВД СССР.

Н. Г. Крапивянский был арестован 31 мая 1938 г. Его обвинили в принадлежности к «Всеукраинскому антисоветскому военно-повстанческому партизанскому штабу». О его месте в этом «заговоре» мы узнаем из докладной записки наркома внутренних дел УССР А. И. Успенского на имя Н. И. Ежова от 27 мая 1938 г., хранящейся в архивных фондах Службы безопасности Украины [10]. В ней на многих страницах А. И. Успенский докладывал об успешном раскрытии и ликвидации в Украине антисоветского партизанского штаба, состоявшего из участников правотроцкистского и буржуазно-националистического подполья. В этот штаб, состоявший из 10 человек, входил и «Крапивянский... в прошлом организатор партизанских отрядов на Черниговщине». Двое «штабистов» на тот момент уже

были осуждены, шестеро арестованы, и лишь Крапивянский еще был «не арестован». «Показаниями арестованных членов антисоветского партизанского штаба и всеми данными следствия по этому делу установлено, что Всеукраинский военно-повстанческий партизанский штаб был создан верховным комендантом «Польской организации войсковой» на Украине С. Косиором, в соответствии с военными планами польского и немецкого главштабов. Основной задачей... штаба являлась организация партизанской войны и диверсионных действий в тылу войск Красной армии Юго-Западного фронта», — рапортует украинский нарком. Следствие «выявило», что этот штаб имел пять отделов. Н. Г. Крапивянский вместе с Н. И. Дубовым «руководил» диверсионным отделом. Нарком А. И. Успенский обращает внимание на то, что «...штаб организовал во всех областях Украины областные партизанские штабы, возглавлявшиеся... бывшими партизанскими командирами». Далее идет перечисление областей и руководителей повстанческих штабов. «В Черниговской области штаб возглавили Кулиш и Крапивянский...»

Приведём здесь еще несколько фрагментов из этой записки: «Областные штабы по разработанному плану «Польской организации войсковой» на Украине формировали военно-повстанческие и диверсионные отряды». «Отряды... должны, в момент выступления против советской власти сводиться в крупные повстанческие армии. Эти армии именовались названиями партизанских соединений, существовавших во время Гражданской войны... Эти армии должны были возглавить партизанские авторитеты по назначению антисоветского партизанского штаба. Так, Крапивянский должен был возглавить «Армию нежинских партизан». В самом конце записки нарком внутренних дел УССР А. И. Успенский просил «арестовать майора государственной безопасности Крапивянского». Как видим, именно эта докладная записка послужила причиной ареста Н. Г. Крапивянского.

Вот как об этом вспоминал его сын Георгий: «Когда я приехал (в Москву. — Авт.), мать уволили из школы, но я устроился работать на завод «Каучук». В свободное от работы время мы ходили по разным приемным, пытаюсь выяснить, где отец. Случайно удалось узнать, что Николай Григорьевич в Киеве» [11]. Как стало известно семье позже, сначала он содержался на Лубянке, а 5 мая 1939 г. был этапирован в киевскую Лукьяновскую тюрьму.

У нас имеется копия уникального подлинного документа — протокола допроса Крапивянского Николая Григорьевича от 7 сентября 1938 г. Приведем небольшой отрывок из него [12].

ВОПРОС: Следствием полностью вскрыта ваша долголетняя борьба против советской власти. Намерены ли вы говорить следствию правду?

ОТВЕТ: Никогда я не вел борьбы против советской власти, и мне не понятно, почему меня об этом спрашивают.

ВОПРОС: Вы напрасно пытаетесь обмануть следствие. Показаниями ваших сообщников вы полностью разоблачены. Приступайте к показаниям.

ОТВЕТ: Повторяю, что перед советской властью я ни в чем себя виновным не считаю.

Потом идет признание Н. Г. Крапивянского в том, что он «действительно являлся участником организации бывших старых партизан на Украине». По его словам, он «сын крупного кулака», «воспитывался в духе ненависти к рабочему классу и трудовому крестьянству», «Октябрьскую революцию... принял враждебно», «начал двурушничать и маскироваться», «проник в партию», «вел работу по разложению частей 12-го корпуса... и открытию фронта для наступления немецких и петлюровских войск на Украину с целью установления самостоятельного украинского государства», «повел подрывную работу внутри отрядов и засорил эти отряды разным бандитским, петлюровским и уголовным элементом», «провел большую работу по разложению тыла 12-й армии» и т. д.

Сын Н. Г. Крапивянского рассказывал автору статьи, что его отец уже после освобождения из лагеря сообщил ему о том, что он во время следствия отказался подтверждать и подписывать фальсифицированные обвинения.

23 июля 1940 г. Н. Г. Крапивянский был приговорён Особым совещанием при НКВД СССР к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. 20 августа 1940 г., перед отправкой в лагерь, осужденному Н. Г. Крапивянскому разрешили свидание с сыном. Георгий так описал эту встречу: «Когда... я увидел отца, белого как лунь, с белой бородой и в белой нижней рубаше, я обезумел, стал рвать сетку и орать. Ко мне подбежали два солдата и выволокли через двор на улицу, точнее на какой-то пустырь...» [13].

Н. Г. Крапивянский был направлен в Усть-Вымский лагерь Коми АССР. Отбывал срок заключения, работая землекопом. Летом 1943 г. Н. Г. Крапивянского освободили. Он уехал в г. Буинск (Татарская АССР). Из лагеря приехал тяжело больным. Тюрьмы, допросы, пытки, каторжная работа подорвали его здоровье. Кроме истощения, цинги и пиллагры у него были смещены внутренние органы, а точнее, отбиты. Во время следствия, как позже рассказал Н. Г. Крапивянский своему сыну, следователи, и в их числе Цигельман, били его об пол. При этом они поднимали его на высоту человеческого роста. При падении Н. Г. Крапивянский терял сознание. Много лет спустя сокамерники рассказали его родным, что после допросов его заносили в камеру на носилках и он был черным, как хромовый сапог.

Н. Г. Крапивянский несколько раз посылал прошение отправить его на фронт. Боевой опыт и знания, полученные им во время Первой мировой и Гражданской войн, могли послужить народу и в годы Великой Отечественной. 1 сентября 1943 г. у него произо-

шел микроинсульт. Николай Григорьевич справился с недугом. Он отверг предложение сына писать И. В. Сталину и просить его о реабилитации. Ранней весной 1944 г. Н. Г. Крапивянский вернулся на родину. Его сын спустя много лет писал: «Приезд на Украину Крапивянского взволновал и сильно обеспокоил людей, живших в лучах чужой славы, бесстыдно приписывавших себе то, что делали другие. Приписывали нагло, не стеснялись свидетелей. А их – свидетелей – несмотря на смерч репрессий и войну, много еще осталось в городах и селах».

Бывший командир работал на Черниговщине лесником, завхозом, сторожем, конюхом. 27 апреля 1948 г. у Николая Григорьевича случился повторный инсульт. 3 мая семье удалось положить его в московскую больницу. Но, так как столичной прописки у него не было, семье предложили вывезти больного из столицы. В защиту Н. Г. Крапивянского выступил депутат Верховного Совета РСФСР 2-го созыва В. А. Холодков.

За помощью семья также обратилась в НКВД СССР. 26 сентября 1948 г. оттуда пришел приказ «в течение 48 часов оставить Москву». Н. Г. Крапивянского перевезли в Нежин и положили в городскую больницу. Николай Григорьевич Крапивянский скончался 21 октября 1948 г.

Известие о смерти мгновенно распространилась по городу и окружающим селам. В день похорон Н. Г. Крапивянского у дома № 69 по улице К. Маркса собралось много людей. Пришел, как «уполномоченный» председателя горисполкома Н. Т. Есипенко, который потребовал выпроводить со двора «посторонних», убрать принесенный красный флаг и запретил фотографирование. Эти требования вызвали искреннее негодование собравшихся, и они его вытолкали на улицу. Похоронили Н. Г. Крапивянского в г. Нежине на Авдеевском кладбище [14].

Николай Григорьевич Крапивянский прожил яркую и трагическую жизнь и всю ее без остатка отдал служению народу. Мог бы еще многое сделать для Родины, если бы не оказался в сталинских застенках.

Через восемь лет Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 27 марта 1956 г. приговор по делу Н. Г. Крапивянского был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Н. Г. Крапивянский был реабилитирован посмертно. Но борьба за полную правду о жизни и деятельности бывшего партизанского командира растянулась на последующие десятилетия и закончилась только в конце 80-х годов XX в.

Примечания

1. Дудко І. Мужицький генерал // Деснянська правда. 1989. 27 грудня.

2. Власенко І. Микола Крапив'янський // Літературна Україна. 1989. 23 лютого.
3. Реабілітація істини. Беседа М. Нордштейна с Г. Н. Крапив'янским / М. Нордштейн // Знамя юности. 1989. № 1. С. 40–41.
4. Аралов С. И. Ленин вел нас к победе: Воспоминания. М.: Политгиздат, 1989. 2-е изд. 176 с. [Електронний ресурс]. URL: http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php/Аралов_Семён_Иванович/Ленин_вел_нас_к_победе/Глава_шестая._Помощь_братской_Украине (дата обращения 28.09.2013).
5. Костенко І. Серпневе повстання на Ніжинщині проти німецьких окупантів і гетьманців у 1918 році // Радянський Ніжин. 1957. 7 серпня.
6. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 333. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
7. Михайлов М. Микола Крапив'янський – слашний син українського народу // Деснянська правда. 1957. 2 жовтня.
8. Топфотоп: [Електронний ресурс] URL: <http://top4top.ru/users/0961133ab/comments> (дата обращения 28.09.2013).
9. Бить врага на его территории: [Електронний ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/2/51.htm> (дата обращения 28.09.2013).
10. ГА СБУ України. Ф. 16. Оп. 31. Д. 4 (1951 р.). Л. 242–265. Копія.
11. Крапив'янський Г. Воспоминания об отце (рукопись) – б/м, // Науковий архів Ніжинського краєзнавчого музею. 1989. С. 27.
12. Центральний державний архів громадських організацій України (ЦДАГО України). Ф. 263. Оп. 1. Д. 39447ФП. Л. 97–120.
13. Смелянов В. Нотатки про Ніжинське повстання червоних партизан: передісторія, історія, доля учасників // Ніжинська старовина. 2008. № 6. С. 15.
14. Крапив'янський Г. Як помер Микола Крапив'янський // Літературна Україна. 1989. 21 грудня.

VIII. ВЕРА И ВЛАСТЬ

Максимов К. Н.

Антирелигиозная политика советской власти в Калмыкии (1918–1928 гг.)

Большевики, учитывая особое положение и роль религии в российском обществе, выдвинули еще задолго до Октября 1917 г. программное требование об отделении церкви от государства и школы от церкви, объявив ее частным делом. Ленинская партия, взяв власть, сразу же начала борьбу с религией и церковными организациями всех религиозных конфессий, в первую очередь лишив собственности и передав их земли в распоряжение местных советов. Большевики, по выражению председателя Центрального совета Союза воинствующих безбожников Е. М. Ярославского, практически относили религию к «недобитому врагу рабочего класса и трудящихся масс». Поэтому, отождествляя религию и церковные организации с «религиозными политическими силами, враждебными социализму», они ставили задачу «выкорчевать из сознания людей религиозную идеологию, которая не менее живуча, чем идеология националистическая ...», уничтожить ее сразу, а если невозможно это сделать, то «расшатывать, разрушать многовековую организацию церковников и религиозных обществ, власть религии» [1].

Этими задачами объяснялось ускоренное принятие Совнаркомом РСФСР 23 января 1918 г. декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [2]. Декрет объявлял религию частным делом граждан России, основанным на принципах свободы совести и вероисповедания. Поэтому Конституция РСФСР 1918 г. (ст. 13) признавала и гарантировала «свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды» (в последующем в это положение будут внесены существенные коррективы). Советское государство, передав религиозным обществам в бесплатное пользование культовые здания, церковные школы и предметы церковного обихода, лишило церковь государственной финансовой поддержки, прав юридического лица, запретило религиозным обществам владеть собственностью [3].

Служители церкви и хурулов Калмыкии встретили Октябрьскую революцию настороженно, в большинстве своем в годы Гражданской войны придерживались нейтралитета. Однако некоторая часть калмыцкого духовенства, особенно его верхушка, по воле судьбы оказывалась в водовороте революционных событий. Шаджин-лама (верховный священнослужитель буддийской церкви) калмыцкого народа Чимид Балданов, увидев в Октябрьской революции «разрушительную силу буддийской веры», поддержал белое движение. Называя генералов М. В. Алексеева и А. И. Деникина «спасителями

калмыцкого народа», он требовал от «верных гелюнгов (высших духовных санов) действий не в проповедях, а в борьбе». Трагическая участь постигла багши-ламу Манычского улуса Бову Кармакова, назначенного А. И. Деникиным в 1919 г. Верховным ламой калмыцкого народа. Он был арестован органами ВЧК и 27 апреля 1920 г. расстрелян.

Хотя в соответствии со стратегической задачей упразднения религии сразу же наметились основные направления, по которым начались репрессии против духовенства всех конфессий, большевики до начала 1922 г. не имели четкой программы ликвидации религии и церковных учреждений. С 1922 г. при ЦК РКП(б) создается специальная Комиссия (с 1928 г. – Антирелигиозная комиссия) по проведению отделения церкви от государства во главе с Е. М. Ярославским.

Политбюро ЦК РКП(б) по предложению Л. Д. Троцкого инициировало продолжение церковного обновленческого движения, зародившегося еще в 1905 г. Политбюро, действуя по принципу «разделяй и властвуй», использовало это движение, чтобы вызвать раскол и поддержать движение сменовеховцев, дезорганизовать церковное управление. Предполагалось собрать Собор и столкнуть лбами все течения [4]. Этот метод борьбы с Русской православной церковью руководство партии переносило на все конфессии, существовавшие в России.

Так, по завершении работы учредительного съезда Советов, провозгласившего в июне 1920 г. автономию калмыцкого народа, произошло еще одно важное событие, отразившееся впоследствии на всей общественно-политической жизни в Калмыкии. Руководители только что образовавшейся автономной области провели «съезд» духовенства (из числа присутствовавших на съезде священнослужителей в качестве «зрителей») и верующих мирян (в основном сторонников новой власти). Участники этого собрания, невзирая на то что действующим шаджин-ламой калмыцкого народа все еще оставался Чимид Балданов, новым шаджин-ламой избрали Гавву Сеперова, сторонника религиозного обновленческого течения, являвшегося, по словам представителя Наркомнаца И. Р. Марбуш-Степанова, «представителем демократически настроенного духовенства, стремящегося уничтожить индивидуальную собственность среди духовенства и водворить в монастырях-хурулах коммунистическое общежитие» [5]. Это событие положило начало глубокому расколу среди буддийского духовенства и верующих.

Признаки обновления в буддийском духовенстве стали появляться еще до революции 1917 г., по всей вероятности, под влиянием появившегося в 1905 г. течения обновления в Русской православной церкви. Но после Октябрьской революции возникает течение обновленчества, спровоцировавшее раскол в религиозных обществах, в том числе и среди буддийского духовенства. В различных конфессиях обозначились сторонники примирения с советской властью,

готовые служить ей и с этой целью провести реформирование церкви, хурула. Консерваторы же, сохраняя прежние позиции, устои, выступили против гонения духовенства и реформирования в угоду новой власти.

Поэтому сторонники обновленчества, естественно, были поддержаны советской властью. Л. Д. Троцкий в письме членам Политбюро ЦК РКП(б) от 15 марта 1922 г. писал: «Сейчас мы, разумеется, полностью и целиком заинтересованы в том, чтобы поддержать сменовеховскую церковную группу против монархической, ни на йоту, разумеется, не отступая от нашего государственного принципа об отделении церкви от государства, а тем более, от нашего философско-материалистического отношения к религии, не выдвигать его, однако, в ближайшее время, то есть в оценке нынешней борьбы, на первый план, дабы не толкать обе стороны к сближению, а наоборот, дать возможность борьбе развернуться в самой яркой и решительной форме», которая «разрыхлит почву для семян атеизма и материализма». Таковы были тактические задачи партии по использованию обновленческого движения в достижении стратегической цели уничтожения религии, в свершении «глубочайшей духовной революции в русском народе» [6], надо полагать, и в душах всех народов России.

В соответствии с данной задачей советская власть всецело поддержала главу движения обновления Русской православной церкви («Живая церковь») епископа Антонина (А. А. Грановского). Его воззвание «Верующим сынам православной церкви России» было одобрено членами Политбюро ЦК РКП(б), и ему разрешили созвать поместный собор «для суда над виновниками церковной разрухи ...». В мае 1923 г. обновленцами был созван II Всероссийский поместный собор, осудивший «контрреволюционную борьбу» патриарха Тихона (В. И. Белавина) и лишивший его духовного сана. II Всероссийский поместный собор, выражая свое лояльное отношение к советской власти, в обращении к ВЦИКу писал: «Великий октябрьский переворот проводит в жизнь великие начала равенства и труда, имеющиеся в христианском учении. Во всем мире сильные давят слабых, и только в Советской России началась борьба против этой социальной неправды. Собор полагает, что каждый честный христианин должен всемерно проводить в жизнь великие начала Октябрьской революции» [7].

В Калмыкии новое обновленческое движение берет свое официальное начало с 1920 г., организационное оформление которого, как выше отметили, было инициировано руководителями Калмыцкой автономной области и ими же активно поддерживалось. А его зарождение относится к 1918 г., то есть со времени посещения Калмыкии уполномоченного представителя Далай-ламы XIII (с XVI в. титул тибетских первосвященников), хамбо-ламы (высший буддийский сан в Бурятии) Агвана Доржиева, одного из главных зачинателей обновленческого движения в буддийском духовенстве.

Следует отметить проявленную в 1920-х годах советской властью некоторую «лояльность» к буддийской вере, которая определялась восточной политикой внешнего ведомства государства. Но это не означало принципиального изменения стратегической цели по ликвидации всех религий в СССР. Эта была лишь временная тактика, когда надо было в восточной политике ориентироваться в равной мере и на «буддийский мир» [8].

С осени 1918 г. РСФСР стала проявлять интерес к Тибету, предполагая, что там под влиянием русской революции пробуждается национально-освободительное движение. В этом случае Тибет рассматривался как непосредственная связь со всей внутренней Азией и всем монгольским миром, прямой путь к распространению «мировой революции» в многомиллионную страну – Индию, а также к подрыву позиций Англии в этом регионе. Зародилась эта идея у руководства Наркомата иностранных дел (Г. В. Чичерина, его заместителя Л. М. Карахана) с появлением в России хамбо-ламы А. Доржиева, посланца Далай-ламы XIII, выступавшего еще до революции за сближение между Тибетом и Россией.

Но в условиях Гражданской войны распространение «идеи власти Советов» на Восток оказалось труднореализуемым. Только в сентябре 1921 г. Наркомат иностранных дел организовал и отправил в Тибет секретную экспедицию во главе с В. А. Хомутниковым (калмык, участник Гражданской войны), которая, по мнению руководства внешнеполитического ведомства и участников экспедиции, завершилась удачно. В апреле 1922 г. В. А. Хомутников на аудиенции у Далай-ламы XIII «доверительно» сообщил ему о «благосклонном отношении большевиков к его единоверцам – буддистам в России», подтвердив это посланием А. Доржиева «о положении и жизни духовенства в России», а также информацией советского правительства о желании найти пути сближения. Далай-лама, положительно восприняв информацию, все же решил послать в Россию вместе с советской экспедицией своего официального представителя Шараба Тепкина, одного из личных секретарей, донского калмыка по рождению, учившегося в Лхасе в течение одиннадцати лет (1911–1922 гг.).

По возвращении этой экспедиции в конце 1922 г. под эгидой НКВД РСФСР в России учреждается неофициальное Тибетское представительство при буддийском храме в Петрограде во главе с А. Доржиевым и его заместителем Ш. Тепкиным.

Коммунистическая партия, ставя задачу подрыва многовековой веры в Бога, отлучения населения от религии, церкви, «избавления» от религиозных предрассудков, формирования у трудящихся масс материалистического мировоззрения, с первых же дней советской власти развернула активную антирелигиозную пропаганду как важнейшую составляющую своей идеологической работы. Поэтому она проводилась системно, планомерно и на уровне партийно-госу-

дарственной политики, на солидной основе, с государственными затратами, с учетом всех факторов (социальной среды, национальной специфики, особенностей конфессий и т. п.). Эти цели и задачи определялись в циркулярном письме ЦК РКП(б) «О постановке анти-религиозной пропаганды» (1922 г.), подписанном В. М. Молотовым. В нем ставилась задача «разрушения религиозного мировоззрения» путем постоянной и целенаправленной работы. В соответствии с указанием ЦК Калмыцкий обком РКП(б) определял свою задачу в этой сфере так: «Сперва сокрушим попа, потом возьмемся за Бога. Для этого надо систематически, планомерно разоблачать все мошеннические проделки попов (гелюнгов) и доказать их ненужность, хотя бы немного сознательной части населения, и тогда авторитет попа будет подорван, это быстро способствует их изоляции, и здесь вполне своевременно будет поднять вопрос о закрытии хурулов и затем уже штурмовать самого Бога» [9].

Основная роль в борьбе с духовенством отводилась органам ОГПУ. Заведующий секретным отделом ВЧК Самсонов в 1920 г. писал Ф. Э. Дзержинскому: «Коммунизм и религия взаимно исключаются...религию разрушить не сможет никакой другой аппарат, кроме аппарата ВЧК... До сих пор ВЧК занималась только разложением православной церкви как наиболее могущественной и большой, чего недостаточно, так как на территории республики еще имеется ряд не менее сильных религий, каков ислам и прочие, где нам также придется шаг за шагом вести то же разложение, что и православной церкви...» Дзержинский подтверждал, что «церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой» [10].

Органы ОГПУ тщательно изучали, анализировали ситуацию в религиозной, духовной сферах страны, регионах, а также занимались сбором компрометирующей информации на религиозных служителей, внедряли в среду верующих провокаторов и тайных осведомителей, вербовали «своих людей» в епископском корпусе, руководстве иных конфессий. В обзоре политико-экономического состояния Советского Союза за июль – сентябрь 1923 г., составленном ГПУ СССР, отмечалось, что в результате раскола три направления в духовенстве: обновленцы – сторонники «преобразования духовного управления»; консерваторы (по определению В. И. Ленина, они во всех конфессиях были отнесены к «черносотенному духовенству») – приверженцы «старых узаконений»; нирванисты-независимцы, занимавшие выжидательную позицию, рассчитывал на усиление своей роли в результате поражения одной из группировок [11].

В Калмыкии агентурная сеть ОГПУ внимательно следила за религиозным состоянием в области и борьбой течений в духовенстве – консерваторов и обновленцев. Начальник облкалмотдела ОГПУ И. Тенис, докладывая обкому партии о собраниях православного и буддийского духовенств, предлагал найти повод и устранить их

руководителей, «после чего церковное течение должно быть переоформлено в лучшую для нас сторону». Одновременно он информировал Калмобком о принимаемых мерах по расширению агентурной сети в православных приходах: «Осведомительная сеть по церковникам доведена до четырех человек, вполне работоспособных, через которых будет проводиться вся работа по изъятию Игнатьева (священника). К вербовке меры принимаются» [12].

Несмотря на огромные усилия обновленцев путем «модернизации», уступок новой власти сохранить религию, советский партийно-государственный аппарат всеми методами и способами неуклонно проводил свою политику, направленную на ее упразднение. Одним из «эффективных» способов в деле подрыва экономической основы духовенства всех конфессий, их ликвидации послужила начатая кампания по изъятию церковных, хурульных ценностей в соответствии с декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 г. «О порядке принятия церковных ценностей, находящихся в пользовании группы верующих». Она проводилась в самый, как писал В. И. Ленин 19 марта 1922 г. В. М. Молотову, для членов Политбюро ЦК РКП(б) «благоприятный, но и вообще единственный момент...» [13].

Он разъяснял, что изъятие ценностей «должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Нам именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели думать». При этом предлагалось использовать и возможности введения в заблуждение духовенства и населения на основании ранее разосланной (16 марта 1922 г.) Политбюро ЦК РКП(б) секретной телеграммы о временном приостановлении изъятий. На самом деле предписывалось продолжить «изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом». В этом же послании Молотову указывалось: «Политбюро даст детальную директиву судебным властям, тоже уступно, чтобы процесс против шуйских мятежников (речь шла о событиях 25 марта 1922 г. в г. Шуе в связи с изъятием ценностей. — К. М.), сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев (имелось в виду духовенство. — К. М.)...» [14].

Действительно, уже в первые годы советской власти безвинно пострадали многие служители православной церкви. К 1922 г. в РСФСР по решению судов был расстрелян 2691 человек белого (приходского — священнослужители и церковнослужители) и черного (монашеского) духовенства, в том числе 1962 монашествующих мужчины, а также 3447 монахинь и послушниц; без суда расстреляли

не менее 16 тыс. из обеих групп духовенства. Признавая борьбу с религией и ее служителями классовою, Е. М. Ярославский писал, что «революция не знает сана – ни светского, ни духовного, перед которым остановилась бы ее карающая рука» [15].

В соответствии с директивой наряду с имеющимися комиссиями по изъятию ценностей, которым отводилась формальная роль, создавались секретные: Центральная (во главе с М. И. Калининым) и местные комиссии. Политбюро предлагало проводить изъятие под видом оказания помощи голодающим, а не как борьбу с религией и церковью, одновременно внося «раскол в духовенство, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия».

В случае необходимости предусматривалась и демонстрация силы путем проведения манифестаций с участием военных гарнизонов при оружии и с плакатами «Церковные ценности для спасения жизни голодающих» и пр. «В случае каких-либо эксцессов» вся вина должна была лечь на «видных попов», руководителей церковных и монастырских учреждений, которые заранее «негласно, но официально», под расписку, предупреждались губполитотделами об ответственности [16].

В начале марта 1922 г. все республики, края и области одновременно с декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 г. получили инструкцию ВЦИК и Наркомата юстиции по применению названного декрета ВЦИК. В ней устанавливался порядок изъятия церковных ценностей и формирования комиссий в этих целях. В Калмыкии областная комиссия была сформирована 26 апреля 1922 г. в составе заведующего отделом финансов области В. И. Сапичева (председатель), Х. Савина (секретарь), членов комиссии Э. Лиджиева и Тарасова. Помимо нее в соответствии с директивой ЦК РКП(б) от 20 марта образовали секретную комиссию, в которую вошли заведующий отделом обкома партии Козлов (председатель), командир части особого назначения А. Г. Маслов и начальник отделения Астраханского ГПУ Кантер. Секретная комиссия поручила улусным исполкомам в месячный срок завершить сбор церковных и хурульных ценностей. К середине 1922 г. по области были конфискованы серебряные изделия и монеты – более 65 фунтов. Ценности из хурулов и церкви Манычского улуса были отправлены в областной финотдел без веса и учета [17]. Калмыцкие хурулы не отличались богатством убранства, но и то, что было отобрано, нанесло им значительный ущерб.

Советская власть в первые же месяцы, ликвидировав экономические отношения между церковью и государством, в налоговом отношении установила «прочные связи» [18]. В 1918 г. на духовенство Калмыкии обрушились экономические репрессии. Основная тяжесть чрезвычайного единовременного революционного налога в сумме

8 млн. руб. наряду с бывшими нойонами и зайсангами (владельцами улусов и аймаков), богатыми легла на плечи духовенства.

Служители религиозного культа, имеющие скот и иное имущество, облагались всеми видами прямых и косвенных налогов, в том числе и подоходно-имущественным, который для них оказался чрезвычайно обременительным. Хурулы, церкви платили налоги дифференцированно, в зависимости от принадлежности к течениям: «обновленцы», имевшие налоговые льготы, платили только с кассы; «тихоновцы» (консерваторы) – и с кассы, и с индивидуальных служителей. Однако независимо от принадлежности к какому-либо движению налоговые притеснения оказались настолько жесткими для всех служителей культа, что многие вынуждены были бедствовать и оставлять службу.

Духовенство всех конфессий наряду с экономическими притеснениями подверглось и политической дискриминации. В соответствии с п. «г» статьи 65 Конституции РСФСР 1918 г. «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов» были лишены активного и пассивного избирательного права. В первые же организованно проведенные выборы в Советы 1924 г. были лишены избирательных прав по Калмыкии до 1700 человек, из них более 50% – представители духовенства. С введением в действие инструкции ВЦИК (11 августа 1924 г.) «О порядке лишения избирательных прав граждан» количество не допущенных к голосованию в 1925 г. по области составило 1864 человека, из них 1189 лиц духовного сана. В последующие годы в связи с существенным ограничением политических прав некоторых категорий граждан страны и наступлением на религию заметно увеличилось количество людей, лишенных избирательных прав, в том числе и служителей религиозного культа.

Антирелигиозное движение в стране заметно активизировалось с зарождением общества «безбожников». С декабря 1922 г. стала издаваться газета «Безбожник», а в августе 1924 г. появилось общество друзей этой газеты, которое в апреле следующего года реорганизовалось в Союз безбожников СССР во главе с председателем Центрального совета Е. М. Ярославским.

В такой сложной и напряженной общественно-религиозной обстановке в 1923 г. началась подготовка к первому съезду буддийского духовенства Калмыкии, организацию и проведение которого наркоматы иностранных дел и по делам национальностей РСФСР поручили А. Доржиеву. Вопросы о повестке съезда и кандидатуры на должность ламы калмыцкого народа 30 июня 1923 г. были обсуждены и согласованы на заседании президиума Калмыцкого ЦИК, затем на совещании высшего духовенства буддистов с участием ответственного секретаря Калмобкома партии И. Р. Марбуш-Степанова [19].

Первый съезд калмыцкого буддийского духовенства и верующих мирян открылся 19 июля 1923 г. Дух его работы и решения были про-

никнуты идеей обновленчества, т. е. сохранения буддизма в новых социальных и общественно-политических условиях, примирения его с советской властью. Выступая перед калмыцким духовенством, Ш. Тепкин, сторонник обновленчества, убеждал аудиторию: «Наша теперешняя тактика – спокойно жить с новой властью. Не трогать новую власть... Настало совершенно новое время, и мы должны действовать по-новому...»

Главным результатом съезда стало принятие «Устава о внутренней жизни монашествующих в буддийских хурулах Калмыцкой автономной области» и «Положения об управлении духовными делами верующих калмыков-буддистов Калмыцкой области», закрепившие полную победу обновленческого движения в калмыцком буддийском духовенстве. В соответствии с новым уставом отменялась частная и вводилась коллективная форма собственности в хурулах, принципиально изменившая экономическую основу и социальное положение духовенства [20].

Согласно принятому положению, определившему организационное строение обновленческого движения в буддийском духовенстве Калмыкии, в управление делами духовенства вовлекался более широкий круг мирян. Введение мирян в высший духовный орган позволило взять под контроль и оказывать влияние на его деятельность со стороны государственных учреждений, а также еще более углубить раскол среди буддистов.

Проблемы антирелигиозной пропаганды специально рассматривались и изучались партийными органами всех уровней, которые вырабатывали и на соответствующих этапах, увязывая с задачами социалистического строительства, применяли различные формы и методы антирелигиозной работы среди населения. Широко использовались лекции, беседы, тематические вечера, спектакли, кинофильмы, газеты, журналы, брошюры, а также вводились новые советские обряды, праздники, комсомольские свадьбы и т. д.

В это же время в Калмыкии стали появляться кружки «безбожников», распространяться отдельные экземпляры газеты и журнала «Безбожник», антирелигиозная пропаганда начинает переходить к обществу «безбожников». Ретивые члены и активисты этого общества с чрезмерной агрессивностью и торопливостью вступили в борьбу с религией, подталкивая местные органы власти к административным мерам.

ЦК ВКП(б), проанализировав состояние антирелигиозной пропаганды и признав ее недостаточной, в апреле 1926 г. провел всесоюзное совещание и в октябре 1927 г. отдельно обсудил с представителями национальных областей и республик проблему усиления атеистической деятельности партийных органов. Антирелигиозное движение, действовавшее под руководством партии, начинает набирать темпы особенно после замечания И. Сталина на XV съезде ВКП(б) об ослаблении антирелигиозной работы партии.

Комсомольская организация Калмыкии, определяя в соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) очередные задачи, отмечала, что «антирелигиозная работа в нашей области далеко слаба в данное время от той постановки, какая требуется в действительности». Основная причина, по мнению обкома ВЛКСМ, заключалась в отсутствии квалифицированных кадров-специалистов, подготовленных пропагандистов, способных вести разъяснительную и дискуссионную работу, ячеек «безбожников». Приводился пример из практики. На вопрос людей «Есть ли Бог?» и следовал ответ: «Нет Бога, потому что его не видно». Далее переходили к откровенным грубостям, цинизму, оскорблениям служителей культа, чувства верующих [24].

Большевики, продолжая политику сближения с Тибетом с целью разжигания мировой революции на Востоке, вынуждены были до поры до времени демонстрировать видимость лояльного отношения к буддийской религии и к ее служителям. Правительство СССР в начале 1926 г., после неудачной в 1925 г. второй экспедиции, приняло решение, поддержанное Политбюро ЦК ВКП(б), направить в Тибет новую миссию «под видом представительства МНР». Возглавить «неофициальное представительство СССР» поручалось Гомбодчийну (МИД МНР) и представителю Калмыкии А. Ч. Чапчаеву (по согласованию со Сталиным), только что закончившему высшие курсы марксизма при Комакадемии.

Миссия Гомбодчийна – Чапчаева (октябрь 1926 г. – декабрь 1927 г.) оказалась неутешительной. Одна из причин заключалась в религиозной политике СССР, суть которой была изложена А. Доржиевым в секретном письме Далай-ламе, где он признавал, что ранее направленные ему письма составлялись под диктовку большевиков. Поэтому Далай-лама XIII, беспокоясь о судьбе российских буддистов, в беседе с Чапчаевым неоднократно возвращался к вопросу о гонениях на буддийскую религию в Советском Союзе, давая понять, что подобное «обстоятельство» должно быть «устранено» в интересах дружбы между Россией и Тибетом [25]. Неудача постигла, как известно, и тибетскую экспедицию во главе с Н. К. Рерихом (1927 г.).

Советское правительство, направляя экспедицию в Тибет, с целью демонстрации лояльности разрешило провести Всесоюзный собор буддистов. За подготовкой всебуддийского съезда внимательно следили органы ОГПУ и докладывали ЦК ВКП(б) [26]. Первый Всесоюзный собор буддистов состоялся 20–29 января 1927 г. в Москве в Доме Советов. В работе собора приняли участие делегаты из Бурятии, Калмыкии, представители НКВД СССР, Калмыцкой автономной области, Бурятии, Тибета и Монголии. В начале заседания собора делегаты приняли решение послать благодарственные телеграммы правительству и НКВД СССР, Бурятскому и Калмыцкому ЦИКа́м за разрешение созыва собора, «небывалого в истории буддистов СССР». С докладами на соборе выступили представители

духовенства от калмыков и бурятов, которые дали положительную оценку всем нововведениям в хурулах, дацанах. Выступавшие особо подчеркивали роль новой власти в «начале проведения настоящих учений буддизма», значение Октябрьской революции в «предоставлении буддистам широкой свободы вероисповедания». В принятом обращении собора к буддистам говорилось, что «учение Будды, безусловно, является основанием развития духовной культуры и не мешает учению К. Маркса и социализма».

Шаджин-лама Ш. Тепкин, выступая 29 января на заседании собора, говорил: «Мы, буддисты, угнетенные царизмом, видим, как советская власть освободила нас от угнетения царизма, лишившего гражданских и религиозных прав малые народы, ныне открыла широкий путь развития культуры, просвещения малых народностей, а также процветания религии» [27]. Эту явно лояльную к советской власти речь Ш. Тепкина, хорошо к этому времени разобравшегося в истинной политике советского государства по отношению к религии, следует, видимо, рассматривать и оценивать как «ложь во спасение».

А. Доржиев и Ш. Тепкин, окончательно убедившись в истинной сути политики большевиков по отношению к религии, с 1927 г. начинают предпринимать попытки установить связь с Лхасой с целью привлечь внимание Далай-ламы к грозящей буддистам Советского Союза беде. Они обратились к руководству Наркомата иностранных дел с идеей о поездке в Тибет якобы для информирования Далай-ламы «о свободе и процветании буддийской религии при советской власти». Их предложение в феврале 1928 г. было поддержано Антиралигиозной комиссией при ЦК ВКП(б), возглавляемой Е. М. Ярославским. Комиссия предполагала возложить на буддистов-обновленцев во главе с А. Доржиевым задачу убедить Далай-ламу в том, что буддисты, буддийская религия в Советском Союзе не испытывают каких-либо притеснений со стороны властей, на что постоянно жаловались посещавшие Лхасу ламы-консерваторы – противники церковных реформ. Другая цель заключалась в том, чтобы обновленческое движение буддистов в СССР связать с именем Далай-ламы и тем самым поднять авторитет «обновленцев».

Предложение Антиралигиозной комиссии по отправке миссии в Тибет, поддержанное Наркоматом иностранных дел, в июле 1928 г. одобрило Политбюро ЦК ВКП(б). Но в последующем, по официальной версии, в связи с отсутствием средств, чумой в Монголии и волнениями в Китае было принято решение отложить поездку делегации до весны 1929 г. С этого времени советско-тибетские связи начали свертываться и к концу 1929 г. окончательно прервались.

Советско-тибетский диалог закончился в силу ряда причин. Во-первых, в 1929 г. началось форсированное наступление социализма по всему фронту (первый пятилетний план, ускорение индустриализации, насильственная массовая коллективизация и т. д.). Сталин,

расправившись с явными и мнимыми политическими оппонентами, получил неограниченные возможности навязывать партии, стране свои собственные оценки, взгляды, методы, политические решения. Во-вторых, к этому времени стало видно, что идея «мировой революции» была иллюзией, и советское правительство скорректировало курс своей внешнеполитической деятельности (не случайно «ленинский нарком» Г. В. Чичерин был заменен М. М. Литвиновым). В-третьих, тактическая задача партии по расколу религий с помощью «обновленческого движения» была выполнена, теперь предстояло на религии поставить «крест». В условиях строительства социализма по всему фронту борьба с религией в соответствии с секретным циркуляром ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» (1929 г.) приравнивалась к классово-политической. Секретариат ЦК ВКП(б) вопросы религиозной политики взял в свои руки. И с этого времени в стране начался новый этап наступления на религию.

Примечания

1. Ярославский Е. М. Против религии и церкви. Т. 1. Октябрьская революция: Религия и церковь. М., 1932. С. 254; Т. 3. Пролетарская революция в борьбе с религией. М., 1935. С. 385; Т. 4. Борьба за преодоление религии. М., 1935. С. 367.
2. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1918. № 62. Ст. 685.
3. Там же. № 18. Ст. 263.
4. Независимая газета. 2002. 30 окт.; 2003. 20 авг.
5. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 17–18.
6. Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 196–197.
7. Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 195. 197; Ярославский Е. М. Указ. соч. Т. 1. С. 267.
8. Андреев А. И. Время Шамбалы. СПб, 2002. С. 283.
9. Вестник агитации и пропаганды: Ежемесячный орган обкома РКП(б). Астрахань, 1922. Июнь. № 4. С. 33–34; Вестник Калмыцкого обкома РКП(б). № 1–2 (19–20). Астрахань, 1924. С. 24.
10. Стецковский Ю. И. История советских репрессий. 1917–1995 гг. Т. 1. М., 1997. С. 34.
11. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 1. Ч. 2: 1923. М., 2001. С. 926; Кочетов А. Н. Ламаизм. М., 1973. С. 173.
12. НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 106. Л. 21–24.
13. Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 191.
14. Там же. С. 191, 192, 193.
15. Стецковский Ю. И. Указ. соч. Т. 1. С. 36–37; Ярославский Е. М. Указ. соч. Т. 1. С. 56.
16. Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 194.

17. НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 280. Л. 2–4, 15; Вестник агитации и пропаганды... № 8. С. 18.
18. СУ РСФСР. 1928. № 17. Ст. 249.
19. НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 368. Л. 1–3; Д. 509. Л. 19.
20. НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 33–34.
21. Сборник документов и материалов по истории Калмыцкой организации ВЛКСМ. С. 73–75.
22. Кочетов А. Н. Указ. соч. С. 17.
23. НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 244. Л. 21–26, 37, 47.

Михайлуца Н. И.

**Прелюдия «решительного удара»: борьба
с православием на юге Украины в 20–30-е гг. XX в.
(Кампания, масштабы и последствия)**

На протяжении двух предвоенных десятилетий советское государство с его репрессивным аппаратом планомерно реализовывало цель, «обоснованную» вульгаризаторами от марксизма идеологическим постулатом: «Марксист должен быть материалистом, т. е. быть врагом религии, ставя дело борьбы с религией не отвлеченно, а конкретно, на почву классовой борьбы, идущей на деле...» [1]. Специально не рассматривая теоретические догматы в изложении авторов революционного учения (этой проблематике посвящено достаточно фундаментальных трудов известных ученых – обществоведов), заметим, что при социализме места для религии в планах «классиков» не предусматривалось. Напротив, планировалась лишь коварная, последовательная и жестокая борьба против нее.

Определяющим в отношении государства к церкви как к духовному институту стал декрет СНК РСФСР от 20 января (2 февраля) 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [2], действие его на территории УССР санкционировал декрет СНК республики от 3 августа 1920 г. [3]. Этот политический курс сопровождался атеистической пропагандой среди масс. Большевицкая программа, принятая на VIII съезде РКП(б) в 1919 г., имела целью полное разрушение связи между «эксплуататорскими классами» и организацией религиозной пропаганды, чтобы способствовать как можно скорейшему освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков [4]. 20-е годы стали решающими в государственно-церковных отношениях в УССР. Украинские большевики действовали по ленинскому сценарию, пытались «борьбу с религией поставить научнее», «начать кампанию после серьезной подготовки» [5].

Первый шаг тотального наступления на православие на Украине был осуществлен в присущей большевикам циничной форме. Прелюдией к антицерковной вакханалии стал голод 1921–1922 годов. 23 января 1922 г. Политбюро ЦК КП(б)У, рассмотрев вопрос о сборе золота и серебра из церквей в пользу голодающих, издает директиву не противодействовать крестьянам для удовлетворения местных семенных и продовольственных потребностей путем изъятия золота и серебра у церквей, а губкомы обязуются широко оповещать в прессе о ходе таких акций [6]. Через три месяца, в марте, Политбюро вернулось к вопросу об изъятии золота и серебра в пользу голодающих, на этот раз «используя конъюнктуру, сложившуюся в связи с борьбой между автокефалистами и ексархистами». С «целью интенсивного изъятия ценностей» к середине апреля 1922 г. произошло еще три заседания ЦК КП(б)У, которые рассматривали вопросы активизации процесса изъятия церковных ценностей [7], в результате чего соответствующий циркуляр ЦК РКП(б) под № 1961 был направлен на места. Развязало руки ГПУ решение Политбюро ЦК КП(б)У от 14 апреля 1922 г. о создании соответствующей комиссии, которая наделялась всеми полномочиями и правами, вплоть до административного ареста и передачи под суд за «бездействие» и невыполнение ее предписаний.

Государственно-партийное руководство, не видя в изъятии церковных ценностей способа спасения народа от голода и улучшения его судьбы, ставило перед собой другую задачу – ударить по политическим противникам: церкви, духовенству и верующих.

Если в экономическом плане декрет об изъятии церковных ценностей не дал желаемого результата, поскольку по известным причинам не удалось предотвратить голод и облегчить страдания людей, то в политическом инициаторы кампании сделали все возможное, чтобы начать безумное репрессивное наступление на само духовенство. Судебные процессы против священников имели выраженный политический подтекст. Как правило, арестованным священникам инкриминировали «контрреволюционную деятельность», «сопротивление властям при изъятии или сокрытии церковных ценностей», «агитацию против изъятия ценностей» и т. п. На Одесчине в начале 20-х гг. было репрессировано 37 человек, из них непосредственно священнослужителей – 28, остальные – монахи, церковные старосты и другие [8]. Среди привлеченных к уголовной ответственности оказались многие служители православного культа, о чем свидетельствуют архивные документы [9]: о. Филипп (Ф. Гирканов) – «за сопротивление изъятию ценностей в 1922 г.»; о. Стефан (С. Лобачевский), священник Успенской церкви в Одессе, который в том же году был осужден на 6 месяцев заключения; о. Игнатий (И. Бриль) осужден в 1923 г. за служение молебна и агитацию в селе Сычавка Одесской области; иподиакон Николай (М. Стефанов) находился три месяца

под следствием в одесской тюрьме; настоятель Ботанической церкви о. Александр (А. Введенский) был арестован ГПУ как «черносотенный пропагандист и контрреволюционер»; диакон Кайзер Евгений подвергался арестам как «противник обновленческой церкви» и политики изъятия церковных ценностей; священник Иван Бойко несколько раз попадал под удар Одесского губчека как «участник петлюровской организации и заговорщик», а у священника с. Бицилова М. Зеленцова во время раскулачивания отобрали дом, имущество и пустили по миру [10].

Параллельно с кампанией против местного духовенства высшее политическое руководство поставило на карту судьбу экзархата православной церкви как в центре, так и в епархиях. Исследователь В. Войналович обращает внимание на то, что спецслужбы унаследовали именно ленинскую установку: чем большее количество представителей реакционного духовенства удастся расстрелять, тем лучше [11]. Весной 1922 г. в Москве и Петрограде были арестованы почти все члены Священного Синода и Высшего церковного совета РПЦ, десятки священников и клириков, из них: 11 были приговорены к расстрелу, 27 – к различным срокам заключения, 14 – оправдано [12]. Среди арестованных был патриарх Тихон и другие митрополиты. В феврале 1923 г. арестовали экзарха Украины митрополита Михаила, а затем и архиепископов Винницкого Иннокентия, Черниговского Пахомия, позже – Винницкого и Житомирского Филарета. На юге республики за «контрреволюционную деятельность» были репрессированы епископ Тихон (Русинов) [13] и его преемник архиепископ Одесский и Херсонский Прокопий (Титов), которого Особое совещание при НКВД СССР от 21 мая 1926 г. приговорило к заключению в лагерь. В июле 1927 г. во время конфискации церковных ценностей комиссар по церковным делам Сокальский сорвал крест с архимандрита Геннадия (Ребезы) и отправил в тюрьму, где святого отца подвергали жестоким пыткам в течение трех месяцев.

Таким образом, в начале 1930-х годов почти все духовенство, от архиереев до сельских пастырей, в той или иной степени почувствовало на себе силовое давление советской власти и ее репрессивных органов. Каждый из них понимал всю серьезность своего положения в атеистическом государстве, осознавал, насколько целенаправленной является политика большевиков.

Сценаристы антицерковной драмы пользовались разнообразным инструментарием средневековья, следуя прежде всего принципу «разделяй и властвуй!». В арсенале спецслужб находились изощренные методы – от арестов и расстрелов духовенства до столкновения разных конфессий, натравливания течений и ответвлений в рамках самого православия. Не брезговали и подстрекательством к противостоянию между церквями и их религиозными общинами. «Реформаторские постановления» руководства ГПУ-НКВД привели

к расколу в православии на верных старым канонам «тихоновцев», рожденных революцией «живистов» («живоцерковцев»), «обновленцев» — своего рода приспособленцев к советскому режиму, а также сторонников украинской автокефалии. Все они без исключения, как и другие конфессии и «малые церкви», ощутили на себе сокрушительный удар. Поскольку проблемам большевистской антицерковной политики, внутренней конфессиональной борьбы 20–30-х гг. XX в. посвящен целый ряд фундаментальных трудов украинских и зарубежных историков православия, мы умышленно не будем останавливаться на этих вопросах. Вместе с тем, возвращаясь к последствиям борьбы, отметим, что в результате провокаций со стороны власти и ГПУ-НКВД, замешанных на противопоставлении организационно-оформленного и политически направленного духовенства Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ), с одной стороны, и духовенства, принадлежавшего к РПЦ патриаршей ориентации, с другой, в СССР резко уменьшилось количество клира и приходов «автокефалистов». По данным В. Войналовича, жертвами террора стали 30 епископов, более 2 тыс. священников и множество верующих [14]. Соответственно резко уменьшилось и число приходов УАПЦ. Если в 1926 г. на Украине насчитывалось 1040 приходов (В. Пащенко называл более вероятной цифру 1100 приходов [15]), в том числе на юге республики их было 8 (в Одесской и Николаевской областях — по 4 прихода) [16], то уже в декабре 1930 г. (в рамках УПЦ) осталось лишь 7 епархий, 200 приходов, а на юге Украины их вообще не стало.

С апреля 1925 г. началось наступление на РПЦ тихоновской ориентации. Импульс дало решение пленума ЦК КП(б)У, которое поручило руководству ГПУ республики «прощупать настроение тихоновского духовенства». Сфальсифицированные «документы и факты» массово поступали в областные и республиканские парткомы. И уже в январе 1926 г. ЦК КП(б)У знало, «что линия поведения тихоновцев характеризуется активной антисоветской агитацией в монархическом направлении».

Понять атмосферу, в которой проявлялась «антисоветская агитация» на юге Украины, помогают архивно-следственные дела процессов, инсценированных органами ГПУ-НКВД в начале 30-х годов. Особое значение (с определенной долей осторожности относительно правдивости их происхождения) имеют зафиксированные в протоколах допросов показания арестованных священнослужителей. Так, по протоколам допроса одесских священников В. Чемены (март-апрель 1931 г.), В. Ширяева (февраль-март 1931 г.), В. Шаворського (август 1931 г.), М. Мочульского (март 1931 г.) и др., прослеживается подброшенная Одесским ГПУ версия о существовании в Одессе и в пределах области «контрреволюционной тихоновской организации» во главе с архиепископом Анатолием (Грисюком), членом Московского

Синода, секретарем архиепископа священником А. Любимским и архимандритом Геннадием (Ребезой). Эта организация якобы порождала антисоветский дух прихожан и провоцировала их на активные массовые выступления против советской власти, как это особенно ярко проявилось в Одессе в 1925 г. в Успенской церкви и в 1926 г. в Алексеевской церкви. Члены антисоветской организации «составляли большинство в причте» и вместе с массой верующих организовали антисоветскую демонстрацию в исполком с целью выдвинуть ряд категорических требований. Внутри самой церкви верующие схватили представителя власти Сокальского и перебросили его через забор. Потом «организация устроила торжественное богослужение, которое носило открытый характер радения по поводу того, что, мол, удалось отстоять православие» [17]. Этот Сокальский, как видно из материалов следственного дела, был явным провокатором, к тому же прибыл в храм с нарядом милиции. О фабрикации дела свидетельствуют и темпы, с которыми следователи наскоро пытались слепить дело на тихоновское крыло духовенства. Авторы дела не определили ни точной даты основания этой «организации», ни ее организаторов. Одни подследственные указывали на образование организации в 1925–1926 годах, другие – в 1923 г., иные аж в 1919-м. Как бы то ни было, «карающий меч пролетариата» был уже занесен, и дело ждало своего довершения...

Этот же меч был занесен и над «живой церковью». К «контрреволюционной группе одесских обновленческих священников» Одесское ГПУ отнесло протоиерея М. Корыстина, который «после обнародования своего толерантного отношения к советской власти на Московском Собрании 1923 г.» был назначен председателем губернского комитета «Живой церкви», а также протоиерея Н. Покровского, священника И. Григорьева и др. Следователи, не разбираясь в межконфессиональных делах, не говоря уже о религиозно-канонических спорах и внутрицерковных дискуссиях, арестовывали всех подряд независимо от религиозной принадлежности. И лишь в процессе дознаний (скорее, выбивания признаний) уже выяснялось, к какой церковной ориентации относился тот или иной священнослужитель.

Итак, Одесское ГПУ столкнуло иереев «тихоновской ориентации» во главе с «ионовцами» (от имени проповедника Ионы Атаманского) и представителей обновленчества. Из автобиографических данных протоиерея Корыстина от 22 февраля 1931 г. фиксируем, что в 20-е годы шла непримиримая борьба между этими религиозными группами (опять-таки не без провокаций ГПУ). Так, «ионовцы» с верующими «пришли к Архиерейской церкви (ул. Короленко, 7) с намерениями убить еретика Корыстина», которого во вражеском лагере называли «коммунистом, сексотом, чекистом на содержании ГПУ». Последнее обвинение ярко дополняет приложение к протоколу Политбюро ЦК КП(б)У от 25 февраля 1926 г., в котором речь шла о

выделении средств для финансирования ГПУ, содержания информаторов, агентов с целью «тщательной работы среди духовенства» [18], т. е. разложения церкви изнутри. А «тихоновец», протоиерей А. Введенский заявил, что «когда советская власть падет, таких, как протоиереи Григорьев и Корыстин, будут вешать на электрических столбах». На допросе священник Корыстин клялся: «Будучи христианским пастырем, я всю свою энергию и деятельность направлял и направляю на основе Декрета об отделении церкви от государства, на сохранение религии и церкви в рамках законного их существования. Я всячески желаю победы СССР над всеми врагами и вредителями...» [19]. Даже протоиерей Покровский, бывший полковой священник, награжденный за преданность царю в империалистическую войну орденом Анны III и II ступеней, наперстным крестом на Георгиевской ленте, стал в 20-е годы «прогрессистом». «К врагам советской власти я себя не отношу, — заявлял клирик, — поскольку эта власть, когда я становился на гражданский трудовой путь, в тяжелые минуты жизни протягивала мне кусок хлеба».

Как только не проявляли «обновленцы» свою преданность власти, последняя, однако, не отнеслась к ним снисходительно и, чуть позже причислив их к общим антицерковным процессам 30-х гг., подвергла репрессиям. Если середина 20-х стала апогеем для обновленческого движения, то уже в конце 20-х — начале 30-х гг. интерес к политизированной и идеологически синкретической церкви угас. Верующий люд юга Украины смог сохранить преданность традиционной «тихоновской» православной церкви. Да и власть, потеряв всякое желание поддерживать различные конфессии, все чаще стала причислять и тех и других к надуманным «контрреволюционным организациям церковников».

1929–1930 гг. стали временем активного воплощения в жизнь очередной кампании против церкви в УССР. Конституционные требования (1929 г.), постановления, положения и инструкции превратились в нормативную базу для невиданного в истории варварского наступления на материальные и культовые основы религии: храмы, соборы, монастыри и церкви с их служебным и хозяйственным имуществом, молитвенные дома, колокольни и прочее.

Ослабленная кампанией по изъятию культового золота, серебра и драгоценностей, униженная грубым вмешательством государства и расшатанная спровоцированными спецслужбами межконфессиональными распрями православная церковь лишалась главного — места богослужения. У нее отбирали и разрушали храмы (в лучшем случае передавали на различные хозяйственные и культурные потребности). Под предлогом нехватки металла для социалистической индустриализации снимали колокола с храмов. По мнению А. Ярославского (Губельмана), которое он высказал на страницах «Правды» в январе 1930 г., переплавленные колокола могут дать

народному хозяйству более 300 тыс. т ценных цветных металлов. Не иначе, как издевательством над церковью воспринимаются обвинения в том, что колокола нарушают покой людей и их конституционное право на отдых.

Вся эта кампания по сценарию ГПУ-НКВД была организована так, чтобы инициаторами закрытия храмов и снятия колоколов были якобы прозревшие от религиозного «опиума» трудящиеся массы – рабочие и крестьяне.

Особого внимания заслуживает вопрос о настроении населения в связи с проведением большевиками антизвоновой кампании и политики, направленной на закрытие церквей. Долгое время в исторической литературе (особенно до перестроечного периода) преобладало мнение о единодушии атеизированного советского общества в процессе реализации закрытия церквей, монастырей, часовен и других культовых зданий. Однако, оперируя документами из бывших спецхранов, приходим к другим выводам. Свидетельством этого может стать «Спецсводка Одесского окружного отдела ГПУ, направленная в окружной комитет КП(б)У, о настроениях населения города Одессы в связи с проведением кампании снятия колоколов и закрытия церквей». Анализ этого тайного документа показывает, что не такими уж единодушными и молчаливыми были трудящиеся массы. Агенты ГПУ везде собирали информацию и накапливали ее для информирования партийных органов (чуть позже она станет поводом к арестам за антисоветскую агитацию и т. п.). Преимущественно на заводах им. Октябрьской революции, им. Марти, им. Ленина, им. Калинина, им. Старостина, им. Петровского, «Большевик» и на джутовой фабрике, происходили организованные администрацией собрания и митинги для сбора подписей под заявлениями о закрытии церквей и снятии колоколов.

Препарирование источников позволяет выделить несколько групп населения и их отношение к действиям чиновников. Так, набожные рабочие и работницы откровенно и категорически высказывались против организованной властями антицерковной кампании. Их заявления сводились к высказываниям наподобие: «Если люди хотят верить в Бога, им никто не должен мешать. <...> Разве закрытием церквей и снятием колоколов они убьют религию? Ничего подобного, только еще больше будут верить в Бога»; «Пусть попробуют закрыть Алексеевскую церковь, палки и камни пойдут в ход»; «Мы, старые работницы, – заявила ткачиха завода им. Старостина М. Краснова, – все должны взяться дружно и отстоять, чтобы не трогали наших церквей». А бывший регент Троицкой церкви И. Простинецкий указал на бесперспективность ошибочной политики властей: «Таковыми мерами они только укрепят верующих. <...> Насилием с религией они ничего не сделают. Кто захочет молиться, тот будет это делать и без колоколов» [20].

Значительную социальную группу составляли те трудящиеся, кто сочувствовал верующим и солидаризировался с ними. В разговоре трех рабочих завода им. Ленина агент ГПУ зафиксировал обобщающее мнение большинства сочувствующих. «Мы церковь не открывали, – сказал рабочий Дмитренко своим коллегам по цеху Диденко и Пилоносу, – мы их и не будем закрывать. <...> Берут подписи для закрытия церковей среди коммунистов и евреев – их большинство, и, конечно, этот вопрос пройдет, а какое они имеют к этому делу отношение, это должно касаться только беспартийных» [21]. Среди неорганизованного населения недовольство также носило массовый характер. Так, в трамвае сорокалетняя женщина заявила: «Все у нас делается насильственно, возьмите теперь никаких религиозных праздников. <...> В эти дни заставляют работать даром, в ближайшее время собираются снять колокола с церковей и вообще их закрыть, превратив в клубы все церкви. Я уверена, что снять колокола им не удастся, потому что трудящиеся выйдут протестовать против такого насилия, и если не пойдут навстречу – возможен бунт» [22]. Удивительным для агента, собиравшего информацию, было то, что никто из пассажиров не защищал идею закрытия церковей и снятия колоколов.

Интеллигенция также не оставалась без внимания органов ГПУ. Врачи, инженеры, профессура и аспиранты воспринимали действия власти как «акт насилия» над верующими. Смелым было высказывание профессора Института народного образования (ИНО) Сапельникова: «Коммунисты заявляют, что они религии не трогают. Советское правительство принимает юридическую позицию и вроде бы не против религии, однако это только иезуитская уловка с той лишь разницей, что иезуиты откровенно заявляли о своей неискренности, а Советское правительство с закрытием церковей ловко умывает руки, заявляя, что не мы насилуем религию, а народ этого требует. Ну а как народ этого требует, мы хорошо знаем...».

Понятно, что идеологические искажения относительно «общенародной инициативы» в решении вопроса о судьбе церковей и колоколов были нужны власти, чтобы скрыть настоящее неприятие населением богоборческого режима.

Не только в городах, но и в деревне, среди бедняков наблюдалось уважительное отношение к духовенству, а некоторые представители комитетов бедноты даже отказывались выселять священнослужителей. Так, в селе Петроверовка в Одесской области в списке кулаков и «лишенцев», которых предполагалось отправить в ссылку, значился «поп» П. Топузов. На собрании бедноты по этому поводу выступил член комитета К. Демченко, после чего была принята резолюция о выселении всех определенных лиц, за исключением священника [23].

В целом же отношение советских функционеров к духовенству было преимущественно негативным и враждебным. Принадлежность

к духовному сословию (графа о социальном происхождении была обязательной для любой анкеты, особенно в 30-е гг.) становилась отягчающим обстоятельством и наказывалась зачислением человека в лагерь контрреволюционеров, арестом, увольнением с работы, исключением из партии или комсомола, лишением социальных прав и т. п. Например, в 1930 г. партколлегией Николаевской окружной контрольной комиссии и окружным ГПУ рассматривалось дело члена ВКП(б), директора Николаевского театра им. Николая Скрипника П. Петрова-Непомнящего только за то, что он поддерживал отношения с отцом, священником церкви в Олешках и во время партийной чистки скрыл этот факт биографии [24]. Такая же судьба постигла и директора школы г. Николаева А. Гашинскую, члена КП(б)У с 1926 г., которую комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) в Одесской области исключила из партии и сняла с работы «за двурушничество», потому что она не разорвала отношения с отцом, который был дьяконом, а сама она закончила епархиальное училище [25].

Общее отношение государственно-политического руководства к православной церкви проявилось в ходе изъятия колоколов и закрытия церквей. В итоге, был нанесен удар по культовым сооружениям – святыням православия, что привело к невосполнимой потере их духовной и историко-архитектурной ценности. Уже в конце 1932 г. в Украине было закрыто и уничтожено более 1000 храмов [26]. В Одесской области к началу 30-х гг. прекратили свою духовную деятельность десятки соборов, сотни церковных и культовых сооружений. Среди них разрушены безбожниками церкви: Воскресенская, Свято-Троицкая Сретенская, Рождество-Богородицкая, Покровская и др. Среди первых была закрыта и разобрана до основания старинная портовая церковь св. Николая Чудотворца [27]. Здесь звучало слово популярного среди моряков, докеров и всех одесситов протоиерея Ионы Атаманского. Был разрушен единственный в Одессе (и на всем юге) старообрядческий храм с золотыми куполами, находившийся на ул. Преображенской. Столетняя церковь была ограблена: исчезли миниатюрный иконостас, старинные иконы, кресты, великолепной художественной работы запрестольный лик Божией Матери с младенцем.

В 1936 г. атеистический режим уничтожил Спасо-Преображенский кафедральный собор в Одессе. Храм был заложен еще в XVIII в., а завершен архитектором Фрапполи в 1824 г. за время губернаторства А.-Е. Ришелье. Красоту Спасо-Преображенского собора описал очевидец: «С середины собор поражал пространством, обилием света, оштукатуренными под белый мрамор колоннами с лепной работой и с позолотой сверху. Купол внутри был голубой с величественным золотым сиянием. Огромные люстры, хрустальные подвески горели под огнем зажженных свечей, пол из плит светлого мрамора – все это поражало своим величием. Колокол же был вылит в XIX в. из

пушек, захваченных под Варной, и в 1829 г. подарен городу Одессе» [28]. Во время разрушения собора большевики уничтожили и осквернили гробницы бывших архиепископов Херсонско-Одесской епархии преосвященных Иннокентия, Дмитрия и других.

Богоборческая вакханалия не обошла и других областей юга Украины. Своего рода соревнование с целью искоренения «очагов религиозного одурманивания народа» охватило Николаевщину и Херсонщину. Первенство в этом одержал Херсон, который стал первым городом без церквей [29]. В Очакове на месте кафедрального собора Святой Троицы оборудовали складское помещение [30].

В отобранных у верующих или закрытых для богослужений храмах и молитвенных домах устраивали музеи, школы, клубы, сельсоветы, склады и хозяйственные мастерские, сыпные пункты для зерна и т. п. Например, церковь Рождества Христова, находившаяся при 1-й городской больнице в Одессе, сначала была превращена в клуб, а позже – в больничную канцелярию, Свято-Покровская церковь в с. Стрюково Березовского района закрыли, превратив в зернохранилище. Под музей был передан Адмиральский собор в Николаеве, такая же участь постигла и Екатерининский собор в Херсоне. Вместе с тем для прихожан подобное «решение» проблемы все же было лучше, чем быть свидетелем его уничтожения и осознавать горечь безвозвратной потери.

Во время «решающего штурма», по мнению авторов исследования «Сталінізм в Україні. 20–30-ті роки», в республике было ликвидировано примерно 75–80% имевшихся церквей [31]. В некоторых областях Юга Украины, например, в Николаевской, в начале 40-х гг. не осталось ни одной действующей православной церкви [32], в Херсоне на 1 октября 1937 г. осталось только две церкви: Кладбищенская и Греческая, но впоследствии последняя была закрыта [33]. В Одесской области перед войной действовало только 9 церквей, а в Одессе – лишь одна [34].

Таким образом, усиленное наступление «по-большевистски» на православную церковь в общесоюзном и республиканском масштабах имело четко спланированные направления. Православие, как и другие конфессии, было лишено культовых сооружений, церковно-религиозных и обрядовых вещей и сакральных ценностей. Следующий удар был нанесен по духовенству, которое всячески унижалось, вытеснялось государством и его идеологическими институтами из общественной жизни. Физическое уничтожение бывших служителей культа стало необходимым завершающим актом кровавой драмы, сценарий которой был написан в Кремле. Подавляющее большинство пастырей уже не занимались проповедями Слова Божиего – кто-то работал в сельском хозяйстве или промышленности, кто-то был безработным или на иждивении родственников. Однако репрессивно-карательная система контролировала

любой шаг «классового врага» и выжидала удачной возможности расправиться с ним.

Современные исследователи придерживаются мнения, что в первой половине 30-х гг. (по крайней мере, до 1934 г.) чрезвычайные репрессивные меры по отношению к духовенству утихли. За аргумент берутся решения ноябрьского (1934 г.) Пленума ЦК ВКП(б), объясняющие сложившееся затишье как нечто похожее на перегруппировку сил, совершенствование репрессивного механизма, поиск политического и юридического обоснования дальнейших репрессий [35] и т. д. Собственно, и голод 1932–1933 гг. в определенной степени повлиял на спад волны судебных процессов против церковнослужителей.

Однако, соглашаясь с изложенными аргументами, заметим, что отправной точкой и, по сути, санкцией на карательные акции ГПУ-НКВД республики было постановление «О религиозных объединениях», принятое президиумом ВЦИК весной 1929 г., которое дополнило статьи 8 и 67 п. «д» Конституции УССР того же года и законодательно запрещало любую религиозную пропаганду, заставляя духовенство отправлять обряды только в той религиозной общине, где оно зарегистрировано. Вне храмов исполнять пастырскую службу они не могли, разрешалось удовлетворять религиозные потребности верующих только в приходе. Любая деятельность, кроме указанной, исключалась.

Таким образом, над духовно-религиозной и церковно-конфессиональной жизнью нависла угроза огосударствления и всеобъемлющего контроля, которая, по нашему мнению, и привела к началу массового гонения на верующих и духовенство в конце 30-х гг. XX в.

Примечания

1. Ленін В. І. Про ставлення робітничої партії до релігії // В. І. Ленін. Повн. збір. тв.: в 55 т. [пер. з 5-го рос. вид.]. К.: Політвидав України, 1971. Т. 17. С. 389–399.

2. Законодавство про релігійні культури : зб. докум. і матеріалів // Упор. К. З. Литвин, А. І. Пшеничний. – Київ: Політвидав України, 1973. С. 53.

3. Там же. С. 67–68, 71–72.

4. Ленін В. І. VIII з'їзд РКП(б) // В. І. Ленін. – Повн. збір. тв.: в 55 т. К.: Вид-во політ. літ-ри, 1971. Т. 38. С. 123–209.

5. Он же. Пропозиції до проекту постанови пленуму ЦК РКП(б) про пункт 13 програми партії // В. І. Ленін. Повн. збір. тв.: в 55 т. К.: Вид-во політ. літ-ри, 1971. Т. 54. С. 440.

6. Чорна книга України : зб. док., архів. матер., листів, допов., статей, досл., есе. К.: Просвіта, 1998. С. 47.

7. Там же. С. 67–68, 71–72.

8. Одеський мартиролог: дані про репресованих Одеси і Одеської області за роки радянської влади: іст.-мемор. вид. [у 4 т.], т. 1. / Уклад. Л. В. Ковальчук, Г. О. Разумов. Одеса: ОКФА, 1997. С. 677.
9. Архив УСБУ в Одесской области. Ф. П. Д. 16327-п. В 5 т. Л. 32, 331, 632, 654, 1120, 1174–1175, 1316; Д. 10978-п. Л. 424.
10. Буковский В. Горькая правда. Исторический очерк села Бицилово и района. – Раздельная [Б. и.], 1998. С. 130.
11. Войналович В. А. Репресивно-каральні заходи радянської влади як засіб утвердження політики державного атеїзму в Україні 20-30-х роках // Реабілітовані історією. Масові репресії на Миколаївщині в 1920–50-ті роки: збірник / [Авт.-упоряд.: В. М. Вашкевич (гол. ред. кол.), В. А. Войналович, Ю. З. Данилюк та ін.], Київ-Миколаїв : Редакційна колегія «Реабілітовані історією», 2000. С. 42.
12. Там же.
13. Архив УСБУ в Одесской области, Ф. П. Д. 16327-п. В 5 т. Л. 29.
14. Войналович В. А. Указ. соч. С. 48.
15. Пащенко В. О. Держава і православ'я в Україні: 20–30-ті роки ХХ ст. / К.: Центр пам'яткознавства АН України, 1993. С. 29, 85.
16. Мартирологія українських церков: у 4-х т. / Торонто-Балтимор: Укр. вид-во «Смолюскіп» ім. В. Симоненка, 1987. Т. 1. Українська православна церква : документи, матеріали, християнський самвидав України. С. 904.
17. Архив УСБУ в Одесской области, ф. П, д. 16327-п. в 5 т., л. 412.
18. Чорна книга України ... С. 49-50.
19. Архив УСБУ в Одесской области. Ф. П. Д. 16327-п. В 5 т. Л. 816.
20. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 2451. Л. 109.
21. Там же. Л. 110.
22. Там же. Л. 114–115.
23. Там же. Д. 2452, Л. 180.
24. Реабілітовані історією. Масові репресії на Миколаївщині в 1920-50-ті роки: збірник / [автори-упоряд. В. М. Вашкевич (гол. ред. кол.), В. А. Войналович, Ю. З. Данилюк та ін. Київ-Миколаїв: Редакційна колегія «Реабілітовані історією», 2000. С. 82–84.
25. ГАОО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2452. Л. 46.
26. Даниленко В. М. Сталінізм на Україні. 20–30-ті роки / В. М. Даниленко, Г. В. Касьянов, С. В. Кульчицький. К.: Либідь, 1991. С. 276.
27. Молва. 1942 3 декаб.
28. Одесса. 1942 16 мая.
29. Пащенко В. О. Указ. соч. С. 129.

30. Молва. 1942 2 декаб.
31. Даниленко В. М. Указ. соч. С. 278.
32. Правова ідеологія і право України на етапі становлення тоталітарного режиму (1929–1941) / Авт. тексту І. Б. Усенко, О. М. Мироненко та ін. К.: НАН України, Ін-т держ. і права ім. В. М. Корецького, 2001. С. 127.
33. Карпова А., Виноградова Л. Окупаційна преса Херсонщини // Архіви України: наук.-практ. журн. 2005. № 1–3 (256). С. 348.
34. ГАОО. Ф. 11. Оп. 11. Д. 144. Л. 36.
35. Войналович В. А. Указ. соч. С. 49.

Табунщикова Л. В.

**Антицерковная репрессивная политика
органов НКВД на Дону в 30-е гг. XX в.
(по материалам следственных дел)**

«Ни в одной другой стране нет такой правильной
политики в религиозном вопросе, как в СССР»

*Ленин и Сталин о религии //
Коммунар. 11 сентября. 1940 г.*

Русская православная церковь на Дону много претерпела от массовых политических репрессий в 20–30-е гг. XX в. В настоящий момент в г. Ростове-на-Дону работает комиссия по канонизации святых Донской митрополии. В ходе работы комиссии удалось ознакомиться с рядом архивно-уголовных дел, заведённых в 30-е гг. на донских священнослужителей. Материалы этих дел позволяют обобщить и выделить характерные черты репрессий, их объект и реакцию на них самих священнослужителей.

При изучении следственных дел был выявлен ряд закономерностей. Одной из них является массовость «контрреволюционных церковных организаций», выявленных органами НКВД. Некоторые из таких организаций были довольно масштабны и охватывали несколько регионов. Примером может служить ликвидированная осенью 1929 г. органами ОГПУ на Северном Кавказе «церковно-монархическая организация», возглавлявшаяся епископом Варлаамом (Лазаренко Григорием Яковлевичем). «Прикрывая свою монархическую сущность религиозной маской», возглавляемая епископом Варлаамом организация, по словам официального протокола, ставила целью свержение советской власти и восстановление монархии. Организация имела довольно обширную и хорошо налаженную связь. Ячейки организации были «выявлены» в казачьих станицах Майкопского, Армавирского, Кубанского и Черноморского округов, через которую она и проводила свою подгото-

вительную работу к предстоящему восстанию. Вне Северного Кавказа была выявлена связь с ленинградским реакционным духовенством, с архиепископом Воронежским Алексеем Бум, с монастырем Средней Азии, с реакционным духовенством Украины [1. Л. 33].

Примером многочисленности может служить и дело филиала «церковно-монархической» организации – т. н. «Белокалитвенского дела» 1932 г., насчитывавшая 57 человек (по числу арестованных) и охватывавшая своей деятельностью 19 населённых пунктов Миллеровского, Тарасовского, Морозовского и Шахтинского районов [2. Т. 3. Л. 67–68]. Данная организация, по версии следствия, своей конечной целью ставила восстановление монархического строя, проводя свою работу в направлении:

1. Перевода церквей на нелегальное положение в целях сохранения черносотенных, монархических и кулацко-белогвардейских кадров для активной борьбы с советской властью.

2. Создания в широких крестьянских массах реставрационно-монархических настроений за восстановление самодержавия во главе с помазанником Божиим – царём.

3. Дезорганизации, развала колхоза, дискредитации мероприятий на селе и искусственного провоцирования широких колхозных масс на почве продзатруднений [2. Т. 1. Л. 389].

Из 57 арестованных по данному делу 28 человек было приговорено к высшей мере наказания – расстрелу, остальные получили 10, 8, 5 и 3 года [2. Т. 3. Л. 99–102].

В 1930 г. в Донской области был ликвидирован Бекреневский монастырь, закрытие которого растянулось на два года. По постановлению районного суда в 1928 г. у монастыря было отобрано все имущество, в распоряжении монахинь осталась только церковь, где они ютились до 1930 г., а на базе отобранных у монастыря помещений, земельного участка и скота была создана трудовая артель «Правда», относившаяся к станции Мариинской. В конечном итоге именно этот факт привел к печальному концу: в 1930 г. во время престольного праздника верующие, вставшие на защиту монастырского имущества, попытались разгромить артель. В результате насельницы монастыря и священники Б. В. Диков, А. К. Наталюткин и В. А. Мионов были арестованы и сосланы. Общее число осуждённых по делу Бекреневского монастыря составило 62 человека [3].

Как правило, «контрреволюционные» организации состояли из людей, «в той или иной степени, ущемлённых революцией, как-то: бывшие домовладельцы, интеллигенция, бывшие дворяне и пр.» [4. Л. 33]. Из общего количества 57 арестованных по социологическому составу организация Белокалитвенского района 1932 г. насчитывала: кулаков – 22 человека, священников – 6, монахинь – 12. «Сред. един.» (надо полагать, средних единоличников – Авт.) – 10, церковных авторитетов – 7 [2. Т. 3. Л. 72].

Основанием для обвинения могло быть следующее:

1. Предоставление крова и убежища лицам, настроенным оппозиционно к советской власти и преследуемым ею. Так, В. Садовская обвинялась в том (наряду с участием в церковной контрреволюционной организации), что «в своей квартире, являющейся явочным и передаточным пунктом организации, давала возможность бывать членам той же организации; кроме того, предоставляла приют бродячему элементу и, в частности, монашеству, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 11, 17 УК» [1. Л. 34].

Псаломщик Колесников в деле 1932 г. обвинялся наряду с ведением контрреволюционной пропаганды в «предоставлении крова контрреволюционному элементу» [4. Л. 1].

В Бекреневский монастырь, ликвидированный в 1930 г., «стекался и находил убежище разный пришлый бездокументный антисоветский элемент, а в период кампании по ликвидации кулачества как класса монастырь укрывал бежавших от высылки кулаков, которых при содействии местного актива удавалось извлекать из стен монастыря партиями 15–20 человек» [3, л. 3].

2. Противодействие «живоцерковцам» или даже просто нелицеприятные высказывания в их адрес: «Он (обвиняемый. – Авт.) часто обижался на живоцерковцев, которые губят народ христианский и веру православную» (из свидетельских показаний) [4. Л. 8]. На вопрос следователя священнику В. Е. Голику, что побудило его стать на путь борьбы с советской властью, ответ, зафиксированный в протоколе, был следующий: «Я являюсь традиционно (в документе подчеркнуто) убеждённым как выходец из казаков, т. е. привилегированного общества при царской власти. К тому же мой отец был жандарм и священник, который в 1933 г. был расстрелян советской властью за контрреволюционную деятельность. Сам же я служитель религиозного культа – священник, убеждения старотихоновского течения» [5. Л. 21].

По делу настоятеля Новочеркасского собора Ивана Артемьева свидетель показывал (и это вошло в обвинительное заключение): «Артемьев Иван... пользовался большим авторитетом среди военной знати белого движения и был членом войскового круга, как представитель духовенства... по приезде из Москвы обновленческого епископа Мелхиседека моментально переехал в лагерь контрреволюционного духовенства... и начал вести работу к/р характера, за что был органами ОГПУ выслан на 3 года» [6., Л. 16].

3. Высказываемые «пораженческие» настроения ввиду ожидаемой войны с Японией и Германией. Критика внутренней и внешней политики руководства страны в рассматриваемое время приравнивалась к антисоветской агитации и пропаганде. Так, в 1932 г. на допросе свидетель по делу М. Колесникова, псаломщика Александроневской церкви г. Нахичевани (ныне черта г. Ростова-на-Дону), пока-

зал: «В последний раз в разговоре с ним о войне с Японией, он сказал, что жаль, что им одним не справиться, а помогать им, по-видимому, никто не собирается. Из этого я заключил, что человек настроения контрреволюционного и ведёт такую же политику» [4. Л. 8 об.].

Выдержка из допроса впоследствии расстрелянного священника г. Пролетарска Ильи Попова в 1937 г. гласит: «Вопрос: Следствие известно, что вы в 1936 г. на базарной площади группе граждан высказывали о поражении СССР и восстановлении старого строя. Ответ: Да, этот случай я помню. Но я говорил не о поражении СССР, а только сказал, что Япония и Германия воюют, значит, и мы скоро воевать будем, и кроме этого я помню, что сказал о том, что скоро вернут наши церкви, об этом говорит проект новой конституции» [7. Л. 13].

4. Агитация против колхозного строительства и распространение слухов о гибельности колхозов для крестьянства. М. И. Сапухин, проживавший в ст. Елизаветинской Азовского района, осуждённый в 1932 г., обвинялся (в числе прочего) в том, что, будучи псаломщиком хуторской церкви, «неустанно занимался а/с агитацией среди населения хутора, главным образом среди верующих женщин и рыбаков-колхозников, призывая население не вступать в колхоз» [8. Л. 18].

Артемьев Иоанн, настоятель Новочеркасского войскового собора, обвинялся в 1932 г. в том, что, «будучи священником Новочеркасского Успенского собора в должности ключаря и члена Донского епархиального совета, на протяжении ряда лет систематически занимался агитацией и распространением провокационных слухов, направленных к вооружению верующих слоёв населения против мероприятий соввласти, а также вёл агитацию против колхозного строительства, что предусмотрено 58 п. 10 ст. УК» [6. Л. 18], за что был выслан в Казахстан сроком на три года [6. Л. 19].

«Контрреволюционная церковно-монархическая группировка» ст. Нижнегниловской (ныне черта г. Ростова-на-Дону), состоявшая из 4 лиц – священника, дьякона и 2 женщин, была «вскрыта и ликвидирована» в 1933 г. по обвинению в «противоколхозной агитации и разложении колхозов изнутри» [9. Л. 125].

5. Поборничество священников, т. е. хождение по домам с целью наживы, несмотря, по версии следствия, на их хорошее материальное положение. На допросе священник В. Е. Голик «признавался»: «На протяжении 1935–1937 гг. ходил по дворам <...>, занимаясь нищенством, жаловался на свою тяжёлую жизнь.

Вопрос: А на самом деле?

Ответ: Совершенно иначе. Я помимо доходов от служения в церкви совершал религиозные обряды на квартирах, получая плату деньгами и продуктами питания, имея возможность прокормиться разводом свиней. Всё это я реализовал на частном рынке в г. Ростове по спекулятивным ценам...» [5. Л. 22].

6. Сбор средств для отправки арестованному духовенству. Так, В. А. Садовская, арестованная по делу епископа Варлаама, обвинялась среди прочего в том, что «производила сбор пожертвований среди верующих в пользу духовенства, отбывающего наказание в концлагерях, и на собранные средства посылала посылки различным архиереям» [1. Л. 34].

7. Участие (мнимое и настоящее) в Гражданской войне на стороне белых. «В период пребывания белых на Дону наш монастырь принимал живейшее участие в оказании им материальной поддержки: при монастыре изготавливалось бельё и обмундирование для армии, все наличные средства были вложены в займы на усиление обороны белых, часть монашек работала в лазаретах» – говорилось в протоколе допроса по делу Бекреневского монастыря 1930 г. И далее: «Монастырь являлся и штабом белогвардейского офицерства и карательных отрядов, где зверски производилась расправа над пленными красноармейцами и сочувствовавшими советской власти» [3. Л. 2].

8. Поводом для ареста было и противодействие закрытию церкви даже разрешёнными советским законодательством методами (письмо с жалобами во ВЦИК и т. д.). Преследовалась также агитация против запрещения колокольного звона. В обвинительном заключении священника Артемьева 1932 г. говорилось: «В декабре 1931 г. в беседах с верующими говорил: «Колокольный звон соввласть прекратила насильственно, преследование церкви всё с каждым годом углубляется, и скоро будет время, что все церкви закроют...» [6. Л. 16].

В ст. Нижнегниловской власти в 1933 г. инициировали закрытие местной Преполовенской церкви без законных на то оснований: «храм был в хорошем состоянии, хорошо посещался, налоги выполнялись регулярно, словом, договор на пользование храмом выполнялся» [9. Л. 145]. От лица общины было составлено письмо во ВЦИК о незаконности закрытия церкви со ссылкой на положения Инструкции Комиссии по культурам «О порядке проведения в жизнь законодательства о культурах» от 16 января 1931 г., в котором убедительно доказывался тот факт, что законных оснований для закрытия Преполовенской церкви нет. Письмо подписали 900 прихожан.

Жалоба была перехвачена местными властями, священник В. Р. Дяконов арестован (впоследствии расстрелян), и в результате было заведено дело о контрреволюционной церковно-монархической группировке из 4 лиц: священника, дьякона и 2 мирян их приходского совета. «Храм вскоре был закрыт, хотя КИК обещал этого не делать до решения ВЦИК, а в храме был организован клуб, но, так как бывшие прихожане посещали его редко, клуб был нерентабелен, оказался тоже вскоре под замком, а затем новое здание храма с художественной живописью было взорвано и превращено в груды развалин. Некоторое время оставалась колокольня, как парашютная вышка, а затем и её взорвали» [9. Л. 146].

В 1930 г. при закрытии Новочеркасского кафедрального собора его настоятель Иван Артемьев ходил по приходу и собирал деньги для посылки старосты в Москву и, по свидетельским показаниям, «во время хождения вёл агитацию, что нас, духовенство, преследуют, нам нужна в борьбе с соввластью помощь, в частности, в квартире Ёлкина говорил: трудно теперь жить, храмы закрывают, духовенство преследуют...» [6. Л. 16].

Признание вины обвиняемыми не вело к смягчению наказания. Из расстрельного списка на 28 человек контрреволюционной организации Белокалитвенского района признали вину 6 человек, не признали 4 человека, остальные признали вину частично [2. Т. 3. Л. 72].

Почти все обвиняемые подвергались в разное время дискриминационным мерам по религиозному признаку. Колесников Матвей, церковный счетовод и псаломщик, «когда построил дом... на предложение профсоюза оставить церковную службу категорически отказался. После чего был исключён из профсоюза» (из свидетельских показаний) [4. Л. 8]. Садовская, проходящая по делу церковно-монархическая организации Северного Кавказа, возглавляемой епископом Варлаамом, имела законченное высшее педагогическое образование и в течение значительного времени состояла учительницей начальных и городских школ. Она была уволена впоследствии с педагогической работы за «религиозные убеждения, которых она не захотела изменить и демонстративно подчёркивала при каждом удобном случае» [1. Л. 33].

Хозяином священника Ильи Попова (расстрелянного впоследствии по постановлению «тройки» УНКВД по Азово-Черноморскому краю в 1937 г.), по постановлению Пролетарского финансового отдела 18.05.1931 г. обложили непомерным налогом, а затем в погашение долга по налогу и самообложению в 1932 г. распродали его имущество на сумму 1015 рублей. В 1932 г. отца Илью лишили избирательных прав как служителя религиозного культа. Постановлением Пролетарского сельсовета от 26.07.1934 г. подтвердили лишение его избирательных прав и продублировали это решение 25.10.1934 г. [7. Л. 15–16].

Характерной чертой следственных дел 1930-х гг. являются повторные аресты. Как правило, священнослужители, арестованные в середине 1930-х гг., уже привлекались к ответственности органами власти. Примером подобной биографии может служить «послужной список» священника с Ново-Николаевка Азовского района В. Е. Голика: В 1924 г. был задержан Ейским ОГПУ для выяснения личности. Просидел 2 часа. В 1926 г. вызывался ОГПУ по подозрению, «для меня не известному». В 1929 г. арестовывается Староминским ОГПУ, «за что, не знаю, просидел три дня». В 1930 г. осуждён Новочеркасским ОГПУ «за сокрытие серебра», осуждён на 3 года. В 1935 г. Азовское ОГПУ арестовало его по подозрению

в «обновлении иконы», и был освобождён через несколько дней [5. Л. 8]. В 1936 г. арестован был вновь, но в связи с «недоказанностью материала» дело было закрыто. В 1937 г. был снова арестован и на этот раз приговорён к расстрелу.

Артемьев, настоятель Новочеркасского войскового собора, осуждённый в 1932 г. к высылке на три года в Казахстан за антисоветскую агитацию, уже был осуждён в 1925 г. на три года административной высылки на Соловки [6. Л. 18].

Характерной чертой дел 1930-х гг. являются «свидетельские» показания, точнее, доносы односельчан, председателей сельсоветов, соседей и т. д., из которых видно, что каждый шаг священнослужителей отслеживался: (орфография первоисточника сохранена) «Доношу о том, что гор. Ростове н/Д Очаковской ул. №65 домовладелка попки скрывает своего мужа попа якобы она с ним разведённая и как будто этот поп не живёт там приходит в гости, но этот поп проживает там с указанной домовладелкой, т. е. муж и жена. Это поп не прописан по домовоной книге, а живёт очень давно. Кроме того, эта полиха и поп пустили на квартиру другого попа где живут в данное время попы. Домовладелка попки находится на иждевении сына, получает хлебную карточку, сын служит неизвестно где член (неразборчиво) благодаря сына попких устраилась к нему в батайск не известно где поп обслуживал Койсугскую церковь и Батайск». Доносчик подписался: «Член ВКПБ и Внештатный партследователь Лен рай ККВКПБ <подпись> 18 сентября 1932 г.» [10. Л. 4].

Антицерковная политика советской власти отличалась гибкостью. Эффект раскола церкви был достигнут ещё в середине 20-х гг. Обновленческая церковь свою роль сыграла, и власть в ней больше не нуждалась. В середине 1930-х гг. был нанесён удар и по обновленческим структурам, прежде находившимся под негласным покровительством государственной власти. Органами была вскрыта «контрреволюционная церковно-монархическая организация» «Духовный Союз», руководимая митрополитом Петром (Сергеевым), объединившая, по версии следствия, все аналогичные контрреволюционные организации в масштабе Азово-Черноморского края. Членами данной организации числились более двух десятков человек. Активную роль в её организации и деятельности якобы играли, помимо митрополита Петра, бывший епископ Донской Киреев Сергей (в дальнейшем митрополит Калининский) и шахтинский епископ Болгаров Сергей [11. Л. 85–86].

Чекистами были прослежены связи «Союза» с митрополитом Александром и Виталием Введенскими, через них с зарубежными церковно-белоэмигрантскими кругами, как-то Антонием Храповицким (до 1935 г., т. е. по день его смерти), митрополитом Варшавским Дионисием, митрополитом Парижским Евлогием, митрополитом американским Платоном, а также вселенскими патриар-

хами через проживавшего в Москве их представителя Димопуло, а впоследствии через греческую миссию в Москве, от которых деятели «Союза» якобы получали директивы о развертывании контрреволюционной деятельности [12. Л. 10].

В вину им были поставлена организация восстания против советской власти з период предстоящей войны между СССР и фашистскими странами для реставрации капитализма и монархического строя в России; срыв подготовительных выборов в верховные органы СССР с целью использования таковых в своих контрреволюционных интересах, а также антисоветская агитация, выражавшаяся в распространении повстанческих и пораженческих настроений [13. Л. 57]. В 1937 г. обновленческий епископ С. И. Болгаров был расстрелян, обновленческий священник Н. А. Касьянов получил 10 лет ИТЛ. В 1938 г. был приговорён к расстрелу и обновленческий митрополит Пётр.

Возникает закономерный вопрос: а насколько реальны были данные многочисленные контрреволюционные организации? Ответ содержится в «исповеди» заключённого Касьянова, обновленческого священника, негласного осведомителя НКВД, обвинённого по т. н. «шахтинскому» делу. «В Шахтинском отделе НКВД я пробыл до 14 декабря 1937 г. Находясь там в камере, от одного з/к я узнал, что арестованным служителям религиозного культа приписывают участие в контрреволюционной церковно-монархической организации с целью свержения советской власти на случай войны СССР с Японией. Насколько мне известно, такой организации среди духовенства не было, но в то же время я представлял, что духовенство в огромном своём большинстве враждебно по отношению к советской власти и как таковое должно быть изъято, а в общей массе духовенства, конечно, должен быть изъят и я. Я увидел, что изоляция служителей религиозного культа есть верный шаг к ликвидации церквей, а потому решил поддерживать это дело, признав себя причастным к названной выше организации» [13. Л. 63].

И далее: «После этого следователь сказал мне: «У вас в Сулине на заводе было недавно вредительство, которое нами обнаружено. Вам надо как-нибудь увязать это дело с вашей организацией. Вот 2 декабря я вас вызову, и будем работать по этому вопросу, а пока до вызова подумайте». Я дал на это полное согласие, несмотря на то что я не имел решительно никакого отношения к Сулинскому делу» [13. Л. 64]. (На заводе г. Красного Сулина произошла диверсия, вину за которую возложили на вышеупомянутых обновленческих священнослужителей.)

Таким образом, проанализировав архивно-следственные дела, мы видим, что органы НКВД вели бескомпромиссную борьбу с церковью, не останавливаясь перед фальсификацией дел и массовыми репрессиями. Использовался целый спектр предложений для привлечения священников к уголовной ответственности. Временный

союз советской власти с обновленческими структурами закончился репрессиями священнослужителей-обновленцев.

Примечания

1. Архив Управления Федеральной службы РФ по Ростовской области (Архив УФСБ РФ по РО). Д. П.-17552 по обвинению Садовской В. А.
2. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-45866 по обвинению Попова, Исачкина, Краснова и др.
3. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-47816 по обвинению Федотовой А. Е. и др.
4. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-3198 по обвинению Колесникова М.
5. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-35346 по обвинению Голика В. Е.
6. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-17006 по обвинению Артемьева И. Я.
7. Архив ФСБ РФ по РО. Д. П-25959 по обвинению Попова И. В.
8. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-3831 по обвинению Сапухина М. И.
9. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-36076 по обвинению Дьяконова В. Р.
10. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-3162 по обвинению Чернявского И. В.
11. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-48003 по обвинению Болгарова С. И.
12. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-41368 по обвинению Сергеева П.
13. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-43019 по обвинению Касьянова Н. А.

Степанов А. Ф.

Политические репрессии 20–30-х годов в СССР: этноконфессиональные и социальные аспекты (на примере Татарской АССР)

Современный этап изучения политических репрессий в годы сталинизма отмечен многоаспектностью подходов к изучению этого явления, среди которых национальный и конфессиональный аспекты являются подчас приоритетными в национальных историографиях. Множество работ посвящено описанию дел о репрессиях против руководства национально-территориальных образований в составе Союза ССР, против советской и досоветской по происхождению («из бывших») национальной интеллигенции, в то время как другие

аспекты большевистской репрессированной политики в постсоветских национальных историографиях суверенных республик почти не изучаются либо им уделяется недостаточное внимание. Такой перекоп в изучении лишь одного, пусть и важного, болезненного и наперед предрасположенного к восприятию общественным мнением аспекта политических репрессий создает подчас неадекватное представление о явлении в целом, получившее название «этнизация политрепрессий» [1]. Между тем хорошо известна статистика в целом по СССР, согласно которой большинство из репрессированных составляли русские.

Так, статистика эпохи Большого террора 1937–1938 гг. (не охватывающая, правда, число арестованных в сентябре–ноябре 1938 г., когда террор шел на спад), однозначно свидетельствует о том, что русские, а тем более восточные славяне в целом, составляли большинство арестованных с 1.10.1936 по 1.07.1938 г.: русские – 657 799 человек из 1 420 711, или 46,7%, русские, украинцы, белорусы – 905 911 человек, или 63,76% от общего числа арестованных в тот период в СССР [2]. По итогам операции по приказу НКВД № 00447 цифры еще больше: из учтенных 699 929 арестованных на 1 июля 1938 г. русских было 404 721 человек, или 58,3%, восточных славян – 549 653 человека, или 78,6% [3].

ТАБЛИЦА 1

Доли в процентах (%) репрессированных представителей
разных национальностей СССР [4]

Национальность	Перепись населения 6.01.1937	Арестованы 1.10.1936– 1.07.1938	Арестованы по приказу 00447	З/к 19 ИТЛ 1.10.39	З/к ИТЛ 1.01.39
Русские	58,07	46,3	58,3	62,0	62,87
Вост. славяне	77,4	63,76	78,53	81,2	80,41
Поляки	0,39	7,4	1,2	0,66	1,28
Греки	0,17	0,4	0,01	0,094	0,16
Татары	2,345	1,3	1,4	1,93*	1,88

* В справке о национальном составе заключенных 19 самых больших лагерей НКВД СССР не указаны татары, но зафиксированы «тюрки».

Меньшая доля арестованных представителей восточного славянства в целом за годы Большого террора объясняется значительным числом арестованных в ходе т. н. «национальных операций» 1937–1938 гг. представителей национальных меньшинств, этнически и другим образом связанных с пограничными с СССР государствами: от Финляндии на севере до Китая на юге (кроме Турции, но включая Грецию и т. н. «харбинцев»). Жертвы «национальных

операций», в числе которых было немало восточных славян, особенно репрессированных по польской, латышской и румынской «линиям», составили 25,1% от всех арестованных за 21 месяц с 1.10.1936 г. по 1.07.1938 г. [5]. Как свидетельствуют данные таблицы, основные национальные группы репрессировались более или менее равномерно (за исключением вышеуказанных репрессивных акций Большого террора), так что чистки охватывали примерно в равной степени все уже «социалистические» социальные группы населения страны и основной своей тяжестью обрушивались на «несоветского типа граждан» и несоциалистический уклад народного хозяйства [6].

Данный подход прослеживается и на примере Татарской АССР.

Ниже публикуются таблицы № 2–3, показывающие социально-политический состав осужденных «тройкой» ТатОГПУ в период с 1.11.1929 г. по 1934 г. и «тройкой» НКВД ТАССР в августе-декабре 1937 г. [7].

Таблица 2

Количество осужденных «тройкой» ОГПУ-НКВД ТАССР

Годы	1930*	1931	1932	1933	1934	1937	1930-- 1937
Всего осуждено	5345	4550	1449	609**	164	4173	16290
Все крестьяне	4291	3839	1296	451	136	1617	11630
Кулаки	3356	2911	1088	237	80	635	8307
Середняки	795	774	157	153	33	77	1989
Бедняки	133	98	17	11	2	--	261
Колхозники	7	56	34	50	21	905	1073
Духовенство	876	520	54	85	--	211	1746
В т. ч. христиане	434	305	30	54	--	123	946
В т. ч. мусульмане	442	215	24	31	--	88	800
Рабочие	8	27	15	17	14	646	727
Служащие	75	104	47	37	9	922	1194
В т. ч. городские	38	26	33	19	5	800	921
БОЗ	93	60	37	19	4	777	990

Доля осужденных «тройкой» ОГПУ-НКВД ТАССР
представителей основных категорий
и социальных групп в (%)

Годы	1930*	1931	1932	1933	1934	1937	1930– 1937
От всех осужд.	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
Все крестьяне	80,28	84,37	89,44	74,06	82,9	38,7	71,4
Кулаки	62,79	63,98	75,09	38,92	48,78	15,22	51,0
Середняки	14,87	17,0	10,84	25,13	20,1	1,845	12,21
Бедняки	2,49	2,15	1,17	1,81	1,22	--	1,61
Колхозники	0,13	1,23	2,346	8,21	12,8	21,69	6,59
Духовенство	16,39	11,43	4,17	13,96	--	5,06	10,72
В т. ч. христиане	8,12	6,7	2,07	8,87	--	2,948	5,81
В т. ч. мусульмане	8,27	4,73	1,66	5,09	--	2,11	4,91
Рабочие	0,15	0,59	1,04	2,8	8,54	15,48	4,47
Служащие	1,4	2,29	3,24	6,08	5,5	22,09	7,33
В т. ч. городские	0,71	0,57	2,28	3,12	3,05	19,17	5,66
В т. ч. сельские	0,69	1,71	0,97	2,96	2,44	2,92	1,68
БОЗ	1,74	1,32	2,55	3,12	2,44	18,62	6,08

Татарская АССР в середине 30-х гг. была преимущественно аграрным регионом страны. Согласно данным Всесоюзной переписи населения, на 6 января 1937 г. в ТАССР проживало 2 721 981 (2 735 685) человек, в том числе 557,7 (566,6) тыс. человек проживали в городах и 2 164,3 (2 169,1) тыс. человек – в деревнях. За десять лет, прошедших со времени предыдущей переписи населения (17 декабря 1926 г.), зафиксировавшей в ТАССР 2 587,5 тыс. человек, население республики возросло, причем городское население выросло вдвое, увеличившись с 1/9 до 1/5 части (с 11% до 20,7%) ее населения, а сельское сократилось на 6,2%. В национальном разрезе татары составляли к началу 1937 г. 48,8%, русские – 43,2%, прочие – 8%. Из нацменьшинств (по оценке на 1/1–1935, они составляли 201,4 тыс., а на 6/1–1937 г. – 219,8 тыс. человек) большинство составляли чуваша – 128,8 тыс. (4,7%), мордва – 32,9 тыс. (1,2%), удмурты – 25,3 тыс. (0,9%), марийцы – 13,5 тыс. (0,5%) человек, в основном проживавшие в сельских районах республики [8]. Русские составляли заведомое большинство в городах, а татары – на селе.

Так, на 8.12.1931 г. (согласно докладу о работе оргинстра Наркомюста ТАССР оргинстру Наркомюста РСФСР за 1931 г.) население ТАССР составило 2 705 500 человек, из них 2 374 300 человек проживало в сельской местности, из них татары составляли 52%. На 1.01.1937 г. татары составляли 54% сельского населения, русские – 39,36%, прочие – 6,6% [9].

Поскольку основным органом политических репрессий были внесудебные органы – «тройки», целесообразно взглянуть на национальный состав осужденных ими за 1937 г. Соотношение данных НКВД с долями основных этнических групп населения, проживавших в республике на момент проведения Всесоюзных переписей 17.12.1926, 6.01.1937 и 17.01.1939 [10], можно увидеть в приводимой ниже таблице.

Таблица 4

Этнические группы населения по данным переписей	Доля (в %) среди населения в ТАССР			Доля (в %) среди осужденных Тат«тройки»
	12.1926	01.1937	01.1939	1937
Татары	48,9	48,8	48,8	38,89
В т. ч. кряшены	3,82	?	?	2,44
Русские	43,1	43,2	42,9	51,62
Другие	8,0	8,0	8,3	10,49
В т. ч. чувашаи	4,9	4,7	4,8	4,13
Мордва	1,4	1,2	1,2	0,84
Удмурты	0,9	0,9	0,9	0,38
Марийцы	0,5	0,49	0,5	0,67
Прочие	0,3	0,7	1,0	0,78

Приведем также данные о национальном составе осужденных «тройкой» ТатГПУ и «тройкой» НКВД ТАССР за 1929–1937 гг. [11].

Таблица 5

Количество осужденных «тройкой» ОГПУ-НКВД ТАССР представителей основных национальных групп

Годы	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1937	1930–1937
Всего	828	4519	4550	1449	947	164	4173	16 630

Годы	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1937	1930–1937
Русские	401	2329	2699	459	440	105	2154	8587
Татары	378	2030	1700	873	416	39	1623	7059
Прочие	49	160	151	117	91	20	396	984
Всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
Русские	48,43	51,54	59,32	31,68	46,46	64,02	51,62	51,64
Татары	45,65	44,92	37,36	60,24	43,93	23,78	38,89	42,45
Прочие	5,92	3,54	3,32	8,07	9,61	12,2	9,49	5,92

Таким образом, согласно годовому отчету НКВД ТАССР за 1937 г., «тройкой» НКВД ТАССР с августа по декабрь было репрессировано 4945 человек, в том числе 772 уголовника. Из 4173 человек, осужденных, очевидно, по ст. 58 УК РСФСР, русские составили 2154 человека (51,62%), татары – 1623 человека (38,89%), представители других национальностей – 396 человек (10,49%) [12]. Согласно нашему ручному подсчету, из 4732 человек, осужденных Тат«тройкой» с 23.08.1937 г. по 6.01.1938 г., чья национальность известна, русских было 2531 человек (53,49%), татар – 1766 человек (37,3%), людей других национальностей – 435 человек (9,2%). Игнорирование вышеприведенных и других опубликованных данных подводит некоторых современных историков к прямо-таки анекдотичным выводам: мол, Татарская АССР принадлежала «к тем немногим регионам СССР, в которых массовые преследования окончательно (!) были остановлены (?) в январе 1938 г. В случае с Татарией, возможно, у центра возникли сомнения в отношении использования внесудебной юстиции как эффективного средства подавления этнической идентичности и борьбы с этнически обусловленными социальными проблемами, возникшими в результате столкновения туземного и пришлого населения» (!) [13].

Оставим глубокомысленные соображения авторов относительно того, будто бы работа «троек» была направлена на «подавление этнической идентичности и борьбы с этнически обусловленными социальными проблемами» [14], причем авторы не выделяют их из общей массы социально-политических и экономических проблем, да и не могли бы это сделать при желании. Отметим лишь, что последовавшие после окончания «кулацкой» операции в январе 1937 г. местные массовые операции НКВД ТАССР в 1938-м дают примерно такое же соотношение среди репрессированных этнических групп, что и прежде. Так, в ходе операции «по антисоветским повстанческо-террористическим эсеровским формированиям» в январе-июле 1938 г. было «взято на учет» 1399 человек и арестовано 602 человека, подавляющее большинство из которых составили русские, а в ходе проводившейся в тот же период откровенно антитатарской опера-

ции «по антисоветским националистическим «Идель-Уральским» формированиям» было «выявлено» до 1000 человек и арестовано 357 человек [15].

Приведем еще один пример. По данным партийно-советских органов, до революции на территории будущей ТАССР действовало 1890 мечетей и 680 церквей, а на начало 1929 г. в Татарской АССР было 2134 мечети с 7337 членами официально зарегистрированных мусульманских общин и 4015 человек исламского духовенства, а также 630 православных церквей с 649 священниками [16]. Хотя и до, и после революции мусульманских священнослужителей в ТАССР было больше, чем христианских, поскольку мечети были в каждом татарском ауле, а в больших – и по 3–5, в русских же селениях церкви были только в больших селах, с которыми небольшие деревушки составляли один приход, количество репрессированных среди православных священно- и церковнослужителей и активистов и среди мусульманского духовенства и актива за все годы репрессий соотносится как 1,56 к 1 (1663 и 1065 человек соответственно) [17].

Согласно данным редакции Книги Памяти жертв политических репрессий РТ. из учтенных 54 727 репрессированных за все годы советской власти русские составили 49,27% (26 962 человека), татары – 31,4% (17 188 человек), прочие национальности, а также люди, об этнической принадлежности которых в документах нет сведений, – 19,33%, или 10 577 человек [18].

Сопоставляя вышеприведенные сведения с данными переписей населения, можно заметить приоритет русского и «нацменского» контингента среди репрессированных и значительно меньший процент представителей «титальной» нации по сравнению с ее долей в населении региона. Если большую долю людей русской национальности среди репрессированных можно объяснить в том числе и их преобладанием среди городского населения, особенно среди «бывших людей», затронутых «великой чисткой», а также заведомым большинством среди транспортных рабочих и служащих (железнодорожники, водники), то значительная доля представителей национальных меньшинств среди репрессированных «тройкой» НКВД ТАССР, превышающая их долю в населении республики, еще ждет своего исследования.

Приведенные выше данные лишний раз свидетельствуют о том, что «Большой террор» был заключительным этапом Гражданской войны и мыслился таковым большевистским руководством. Как известно, в Гражданской войне 1917–1922 гг. во внутренней России, Сибири и на Дальнем Востоке, в Белоруссии и даже на Украине национальный фактор не имел основополагающего значения. Разлом произошел по социально-политическому, а не по национальному признаку, что называется, «в стволе». Потому-то основного врага кремлевские властители видели в русском народе и именно против

него направляли свой основной удар, в том числе и в национальных республиках Советского Востока.

Своего объяснения требует высокая доля представителей национальных меньшинств среди людей, осужденных по политическим мотивам. Не касаясь собственно т. н. «национальных» операций 1937–1938 гг., на сегодня мы не можем дать однозначного объяснения этому факту, весьма возможно, что его и не может быть на нынешней стадии исследований, поскольку репрессиям подвергались разные слои населения, а дела фабриковались по разным поводам и мотивам властей, в связи с различными политкампаниями, поэтому среди репрессированных могли попадаться, например, жители г. Казани и республики из «бывших», имевшие нерусские и нетатарские корни; время от времени ОГПУ-НКВД репрессировал представителей т. н. «катакомбной церкви», а также сектантов разного толка, широко распространенных в чувашских и мордовских селах Закамского региона ТАССР.

Примечания

1. Подробнее см.: Савин А. И. Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия XXI. 2012. № 3. С. 40–61.

2. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. Т. 5. 1937–1939. Кн. 2. 1938–1939/ Под. ред. В. Данилова, Р. Маннинг. М.: РОССПЭН, 2006. С. 18.

3. Там же. С. 162.

4. Подсчитан нами по: Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Общие итоги. Сб. док. и мат-лов / Отв. ред. В. Б. Жирумская, Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2007. С. 87; Трагедия советской деревни... С. 18, 162; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Международный фонд «Демократия». 2002. С. 411–414; 416–417.

5. Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. М., 2006. С. 157. Подсчет наш.

6. См.: Степанов А. Ф. «Большой террор» 1937–1938 гг.: проблемы изучения // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Международной научной конференции. Краснодар: Экоинвест, 2010. С. 98–111; он же. Большой террор в Татарской АССР: массовая «кулацкая» операция по приказу НКВД СССР № 00447 (по материалам протоколов республиканской «тройки» НКВД) // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы межд. научной конференции. Смоленск, 9–11 октября 2009 г. / Под ред. Е. В. Кюдина. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. С. 183–190.

7. См.: Багавиева С. С. Политические репрессии в Советском Татарстане (1918 – начало 50-х годов XX века). Анализ и характеристика источников. Канд. дисс. Казань, 2003. Л. 155; она же. Протоколы заседаний «тройки» ГПУ-НКВД ТАССР как исторический источник (1929–1938 гг.) // Научный Татарстан. 2004. № 1–2. С. 162–167. Все процентные вычисления в таблицах сделаны нами. В данной таблице под 1930* годом нами приведены сводные данные о количестве осужденных Тат«тройкой» ГПУ с 1 ноября 1929 г. (начало ее работы) по конец 1930 г. Выделять отдельной строкой сведения за два месяца 1929 г. мы посчитали нецелесообразным, поскольку и до начала работы «тройки» Татотдела ГПУ повсеместно, в том числе и в ТАССР, проводились внесудебные репрессии по линии ОГПУ, но оформлялись они непосредственно через ОСО КОГПУ и Судебную коллегия ОГПУ СССР (которая и позднее сохраняла за собой контроль за работой «троек» ОГПУ на местах и право конфирмации приговоров). Общее количество репрессированных этим внесудебным органом в 1928–1929 гг. в ТАССР остается не известным. (**). Сведения о количестве жертв «тройки» за 1933 г. расходятся при подсчете репрессированных по социальному (609 чел.) и национальному (947) признакам (табл. № 2 и № 5).

8. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1992. С. 92. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2671. Л. 20.

9. НА РТ. Ф. Р-3622. Оп. 1. Д. 393. Л. 1.

10. Доля (в %) представителей различных национальностей рассчитана по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. III. Отдел I. М., 1928. С. 190–191; Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 92; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992, С. 67.

11. Багавиева С. С. Указ. соч.

12. Там же.

13. Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. С. 162.

14. Показательно, что авторы игнорируют данные отчета НКВД ТАССР по итогам «кулацкой операции», согласно которым «участники националист. контрреволюции» составили всего 0,6% от репрессированных «тройкой» // Степанов А. Ф. Расстрел по лимиту: Из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». Казань: «Новое Знание», 1999. С. 86.

15. Там же. С. 165–169; см. также с. 150–162.

16. См.: Степанов А. Ф. «Большой террор» и православное духовенство: репрессии в Советском Татарстане // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Международной научной конференции. Краснодар: Экоинвест, 2010. с. 223–224 и след.

17. Политические репрессии в Татарской АССР сквозь призму подлинных документов и воспоминаний. Казань: Изд. «Редакция «Книги Памяти»», 2011. с. 75.

18. Там же. С. 74–75.

Белоусов С. С.

**Борьба властей с адептами религиозных организаций
«Истинно православные христиане» и «Истинно
православная церковь» в Калмыцкой АССР. 1970–1980-е гг.**

В историографии Калмыкии тема религиозного диссидентства в советский период истории не получила своего достаточного освещения. В первую очередь это относится к приверженцам нелегальных организаций «Истинно православной церкви» (далее – ИПЦ) и «Истинно православные христиане» (далее – ИПХ), относящихся к Российской катакомбной православной церкви, порвавшей с руководством Московского патриархата Русской православной церкви (далее – МП РПЦ) за его примиренческую позицию в отношении к советской власти и выступившей против советской общественно-политической системы.

Впервые о существовании в 1970-е – 1980-е гг. в Калмыцкой АССР групп сторонников катакомбной церкви стало известно из краткой заметки историка И. В. Борисенко «Храм последователей патриарха Тихона», опубликованной 18 ноября 1992 г. в газете «Известия Калмыкии». В её основу были положены материалы, собранные историком во время встречи с участницей группы ИПЦ А. И. Батищевой и посещения дома, где ранее проводились богослужения. Данная заметка остаётся до настоящего времени единственной работой по истории «катакомбников» Калмыкии. Предлагаемая статья призвана приоткрыть эту мало известную в истории религиозной оппозиции в Калмыкии страницу. В ходе работы над ней автор опирался преимущественно на документы уполномоченных по делам религиозных культов по Республике Калмыкия, отложившиеся в фонде Р-309 Совета министров Калмыцкой АССР Национального архива Республики Калмыкия (далее – НА РК) и в фонде Р-6991 и архива Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ). Эти материалы исследователями не использовались и вводятся в научный оборот впервые.

Появление в СССР катакомбной церкви было вызвано политической советской власти, занявшей враждебную по отношению ко всем конфессиям позицию. Пришедшая к власти в октябре 1917 г. большевистская партия провозгласила создание человека нового типа, свободного от религиозных и иных традиционных устоев общества.

Религия была объявлена «царством тьмы» и с нею была развёрнута непримиримая борьба. Это противоречило декларируемому советской властью принципу отделения государства от церкви, закреплённому в первых государственных декретах и конституциях страны.

Понимая, что уничтожить религию в одночасье не получится, власти попытались подчинить своему влиянию руководство РПЦ, но встретили в лице патриарха Тихона (Белавина) и его сторонников решительный отпор. После смерти патриарха Тихона (Белавина) заместитель Патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей (Старгородский) в 1927 г. вынужден был пойти на серьёзные уступки государственной власти, главной из которых было признание советской власти. Переход с позиций аполитичности на позиции признания богоборческой коммунистической власти и сотрудничества с нею многие священнослужители и миряне восприняли крайне негативно. В результате РПЦ раскололась на сторонников и противников политического курса митрополита Сергея. Власти начали гонения в отношении религиозной оппозиции, и она вынуждена была порвать с официальной церковью и уйти в подполье, положив начало направлению катакомбной православной церкви.

Новое направление не сумело создать ни единого центра, ни общей организационной структуры, поэтому под российской катакомбной церковью обычно подразумевают совокупность различных нелегальных течений православных христиан, объединённых главным образом неприятием коммунистической власти. Общая численность последователей тайной православной церкви в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. составляла, по оценкам различных ее представителей, от 100 до 500 тыс. человек [1].

Организации ИПЦ и ИПХ являются частью Российской православной катакомбной церкви, при этом учёные расходятся во мнении относительно того, являются ли они единым течением или представляют самостоятельные направления. Распространена точка зрения, что название «Истинно православные христиане» употреблялось по отношению к общинам, которые не имели священников, в отличие от общин «Истинно православной церкви», возглавляемых епископами или священниками.

Приверженцы ИПЦ и ИПХ исповедовали антикоммунизм, имевший специфический религиозный характер. Основателя советского государства В. И. Ленина они считали антихристом, а пятиконечную звезду – его печатью. Отсюда проистекала невозможность для катакомбников участвовать в политической и общественной жизни советского государства. Им запрещалось состоять в любых советских общественных организациях, участвовать в выборах в органы государственной власти, иметь советские паспорта, вступать в колхозы, служить в советской армии, заниматься в спортивных секциях и художественных студиях, ходить в театр. Отрицание советской

действительности у них нередко выражалось в крайних формах и в неприятии технического прогресса: многие катакомбники отказывались от радио, телевизора и электричества.

ИПЦ и ИПХ резко критиковали действия руководства МП РПЦ, полагая, что оно, вступив на путь сотрудничества с советской властью, предавало интересы православия. В общинах ИПЦ богослужения совершали епископы и священники, у ИПХ из-за отсутствия священников они сводились к молитве и чтению Псалтыря.

В Калмыцкой АССР община ИПЦ была организована в 1974 г. переселившимися из г. Очамчира Абхазской АССР сторонниками схимитрополита Геннадия – человека, который вместе с архиепископом Серафимом (Поздеевым) положил начало «серафимо-геннадиевской» ветви ИПЦ Российской православной катакомбной церкви (далее – РПКЦ). Схимитрополит Геннадий (Г. Я. Секач) родился в 1904 г. в д. Акулинка Мозырского района Гомельской области Белорусской ССР. В 1930 г. его по обвинению в антисоветской агитации осудили на 5 лет административной высылки на Кольский полуостров, по отбыванию которой он вернулся в родную Гомельскую область, где в период немецкой оккупации был избран старостой православного храма в г. Речице, а после освобождения города советскими войсками рукоположен архиепископом Минским и Белорусским Василием (Ратмировым) в священники этого же города. В 1950 г. после отказа перевестись в сельский приход Г. Я. Секач был лишён регистрации уполномоченным Советом по делам Русской православной церкви по Гомельской области Е. Цукановым и стал проводить службы нелегально. В 1955 г. он сблизился с представителями катакомбного движения и принял монашество под именем Геннадия. После этого он развернул активную деятельность по созданию тайных общин и монастырей на территории Украины, Белоруссии, а затем на Кубани и в районе Нового Афона в Абхазии. После смерти архиепископа Серафима (Поздеева) Геннадий принял пострижение в великую схиму и «серафимо-геннадиевскими» иерархами был возведён в сан митрополита. Возглавив «серафимо-геннадиевскую» ветвь РПКЦ, он руководил ею до самой своей смерти в 1987 г. [2].

Аделты данного течения в ИПЦ отличаются от других катакомбников тем, что допускают наличие благодати и спасительности таинств в РПЦ МП. Это, впрочем, не мешает им критиковать официальную церковь, которой инкриминируется впадение в так называемые ереси «сергианства» и «экуменизма». По существу, последователи «серафимо-геннадиевской» ветви РПКЦ ведут двойную церковную и свхаристическую жизнь, периодически участвуя в богослужениях и принимая таинства в храмах РПЦ МП [3]. За это их часто называют «патриархийными катакомбниками». Сам схимитрополит Геннадий был знаком с патриархом Пименом и до конца своих дней получал пенсию от МП РПЦ.

Последователи «серафимо-геннадиевской» ветви РПКЦ, как уже отмечалось, появились в Калмыкии в 1974 г., переселившись из Абхазской АССР. В г. Элисте они купили три дома, два из которых переоборудовали под молитвенные, разместив в них привезённые с собой иконы и книги религиозного содержания. Новообразованный приход назвали в честь иконы Казанской Божией Матери. По свидетельству историка И. В. Борисенко, посетившего одно из молитвенных помещений в 1992 г., оно представляло собой небольшую по размерам комнату, где имелось всё необходимое для проведения религиозных служб: иконы, иконостас, престол с напрестольным Евангелием, жертвенник с разными предметами культа [4].

Всего из Абхазии в г. Элисту прибыло 18 членов (6 муж. и 10 жен.) ИПЦ, включая самого схимитрополита Геннадия. Большинство из них находилось в возрасте от 34 до 59 лет, самой старой среди них – Ф. А. Взулевой – было 87 лет, а самым молодым – Л. М. Байновой и В. В. Скочик – по 19 лет. Все члены группы, за исключением двух человек, были монахами и монахинями [5].

По версии, изложенной в упомянутой заметке И. В. Борисенко, Элиста ими была выбрана местом нового жительства в результате брошенного жребия, указавшего путь на восток. Сам схимитрополит Геннадий в беседе с уполномоченным по делам религиозных культов при Совете министров КАССР И. Ф. Азыдовым выбор Элисты объяснял более терпимым отношением местных властей к религиозным организациям. Главной же причиной, толкнувшей адептов ИПЦ на переселение в Калмыкию, стали усилившиеся преследования их со стороны властей Абхазии. В 1974 г. Геннадий в очередной раз был привлечён к суду и, видимо, чтобы избежать его, решил затеряться со своими сторонниками в Калмыкии, где их никто не знал.

Появление в г. Элисте общины ИПЦ, однако, не прошло незамеченным для властей, о деятельности которой им стало известно уже в августе 1974 г. Участники группы были поставлены на учёт, молитвенные дома и их имущество опечатаны, а схимитрополит Геннадий в январе 1975 г. арестован и препровождён в г. Ткварчели в Абхазской АССР, где его осудили «за посягательство на права граждан под видом религиозных обрядов» на 4 года с конфискацией имущества.

После ареста лидера группа ИПЦ не распалась, несмотря на давление на неё со стороны властей. По воспоминаниям монахини Олимпиады (А. И. Батищевой), их храм постоянно «потрошили», при этом нередко из него исчезали иконы и религиозные книги [6]. Учитывая антисоветский характер ИПЦ, власти пристально отслеживали каждый шаг её адептов, стараясь не допустить пропаганду их учения среди местного населения. Надо признать, что это им удалось вполне. За время пребывания в Калмыкии группа ИПЦ не пополнилась новыми членами из числа местного населения и не смогла выйти из замкнутого состояния.

В период заключения схимитрополита Геннадия элистинская группа ИПЦ продолжала существовать, но её деятельность, по-видимому, не выходила за рамки общины. Члены группы жили по монастырскому уставу катакомбников, вместе молились и питались, на зарплату работающих содержали престарелых и больных единоверцев [7]. Они не прерывали связей со своими единоверцами в Абхазии и посещали сидящего там в лагере своего схимитрополита Геннадия.

В ноябре 1977 г. Геннадий освобожден из мест заключения по амнистии и вернулся в г. Элисту. Он был приглашен на беседу с уполномоченным по делам религиозных культов при Совете министров КАССР И. Ф. Азыдовым, во время которой вновь выразил своё «несогласие с линией РПЦ и её духовенства» [8]. Спустя два года в разговоре с уполномоченным по религиозным культам Калмыцкой АССР С. С. Васькиным схимитрополит неожиданно заявил, что он серьёзно болен и прекращает богослужения и пропаганду своих идей. Несмотря на сказанное, С. С. Васькин в «Справке о религиозной обстановке в республике на 1 марта 1979 г.», предназначенной для Калмыцкого обкома КПСС и Совмина КАССР, написал относительно элистинских ИПЦ: «Эта группа требует пристального внимания со стороны органов власти» [9].

Добровольный отход от религиозных дел Геннадия связан не только с пошатнувшимся здоровьем, но также, возможно, и с осознанием им безысходности борьбы с властью. В Калмыкии ему не удалось укрепить свою общину и привлечь в её ряды новых сторонников. Более того, сама община в силу ряда причин начала постепенно распадаться: к 1979 г. она уменьшилась до 11 человек, в 1982 г. в ней осталось всего 3 монахини, проживавшие в одном доме [10]. Они по мере своих возможностей и сил заботились о молитвенном доме, хотя богослужения в нём регулярно уже не проводились. Что касается схимитрополита Геннадия, то он вернулся в Белоруссию, где в 1987 г. скончался.

Кроме г. Элисты малочисленная группа ИПЦ в течение нескольких лет существовала в с. Приютном. В декабре 1979 г. в него из с. Беслахуба Абхазской АССР переехали на жительство трое сторонников ИПЦ. Один из них – И. А. Жиров устроился работать врачом, а две женщины – У. М. Куприенко и А. И. Малько – находились на пенсии. У. М. Куприенко купила в с. Приютном дом и подарила его И. А. Жирову [11]. Уполномоченный по делам религиозных культов Республики Калмыкия Н. Н. Кекеев называл Жирова выдвигенцем схимитрополита Геннадия, отбывшего в то время в Гомельскую область. Он считал, что Жиров выбрал в качестве места жительства с. Приютное не случайно, поскольку оно располагалось на оживлённой автомобильной трассе, по которой без труда можно было добраться до мест проживания сторонников ИПЦ и ИПХ в с. Овате, г. Элисте и на х. Левый Остров [12].

Жи́ров и его сподви́жники организовали на дому богослужения, однако вскоре под угрозами местных властей вынуждены были их прекратить. У самого Жи́рова к тому же начались неприятности на работе. За два месяца работы в приютненском тубдиспансере на него было подано от медперсонала и больных 9 индивидуальных и 1 коллективная жалобы. Подозрения вызывало поведение врача, который внушал больным мысль о необходимости молиться ради исцеления, носить крестики, интересовался у медицинских работников их вероисповеданием. Прежде чем приступить к работе, Жи́ров осеял крестным знаменем шприцы, стерилизаторы, системы и процедурный стол. Специальная комиссия отстранила Жи́рова от занимаемой должности и перевела врачом на «скорую помощь», но он сумел оправдаться и восстановился на прежней работе. После этого Жи́ров прекратил заниматься религиозной деятельностью среди населения, а после отъезда в 1982 г. в Краснодарский край его соратницы У. М. Куприенко группа прекратила своё существование [13].

С 1974 г. в отчётах уполномоченного по делам религиозных культов Калмыцкой АССР появляются сведения о группах ИПХ. Одна из них была выявлена в п. Овате Целинного района, другая – на х. Левый Остров Приютненского района.

В п. Оват учение ИПХ было занесено жителем г. Светлогора Ставропольского края М. С. Черноволенко. До его приезда в п. Овате существовала незарегистрированная группа православных верующих из 10–12 человек, некоторые из них по большим религиозным праздникам выезжали на богослужения в элистинский молитвенный дом, а в обычные дни собирались по очереди на своих квартирах, где устраивали обеды и читали акафисты. В 1974 г. в посёлке трижды побывал М. С. Черноволенко, назвавшийся «апостолом Михаилом» и взявшийся «изгнать бесов» из больных людей. В беседе с местными верующими он говорил о том, что священники изменили православной вере и стали коммунистами и что истинные христиане не должны слушать радио, смотреть телевизор, пользоваться электричеством и принимать помощь от органов государственной власти. Под влиянием этих разговоров 4 верующих отрезали электричество от своих домов и перешли на освещение лампадками, а одна женщина отказалась от пенсии за погибшего в годы Великой Отечественной войны мужа и единовременного пособия от совхоза по случаю 30-летия Победы СССР над фашистской Германией [14].

Всего в п. Овате перешли из РПЦ МП к ИПХ 7 женщин. Все они находились на пенсии или являлись домохозяйками. По словам уполномоченного по делам религиозных культов И. Ф. Азыдова, «особой фанатичностью» среди них отличалась их лидер – А. М. Колесникова, которая осуществляла связь оватинских «истинно православных христиан» с Черноволенко. Помогать ему у Колесниковой

были личные мотивы, ибо, как она утверждала, Черноволенко вылечил её от болезни, против которой врачи оказались бессильны. Примкнувшие к ИПХ оватиццы отказывались от прививок и посещения больницы и вообще принимать любую медицинскую помощь от государства.

Своим необычным поведением члены ИПХ сразу же привлекли к себе внимание властей, однако крупные неприятности у них начались, когда они наотрез отказались участвовать в выборах в органы государственной власти и в обмене паспортов. В апреле 1976 г. они не пришли на выборы народных судей, мотивируя свой поступок тем, что в Библии написано, что «судьёй должен быть один Бог» [15]. Отказались члены ИПХ п. Овата и участвовать в выборах в местные Советы, состоявшиеся 19 июня 1977 г. Сельские власти попытались заставить их проголосовать принудительно: они собрали женщин в опорном пункте милиции и потребовали, чтобы они опустили бюллетени в избирательную урну, а когда это не помогло, прибегли к помощи милиции, пригрозившей им судебной ответственностью. Но и эти угрозы не поколебали приверженцев ИПХ, которые, как констатировалось в документе, «всё же не голосовали» [16]. Для Колесниковой отказ голосовать обернулся побоями со стороны мужа. Последний вызвал членов избиркома к себе домой и буквально силой заставил свою супругу опустить бюллетень в избирательную урну.

Много хлопот оватинские «истинно православные христиане» доставили властям во время обмена в декабре 1977 г. паспортов. Они сдали старые и отказались получать новые паспорта, заявив, «что грех им иметь такие документы» [17]. Власти попробовали воздействовать на замужних женщин через их супругов, предупредив четверых из них, что если их жёны не получают паспортов, то семьи выселят из домов.

ИПХ не удалось закрепиться в п. Овате. В связи с переездом на жительство в другие населённые пункты, группа фактически распалась: в 1984 г. в посёлке осталось лишь трое сторонников ИПХ, которые старались больше не привлекать к себе внимания акциями, носящими открыто протестный характер.

В Калмыцкой АССР приверженцы ИПХ также проживали на х. Левый Остров Приютненского района. Хутор основали в первой половине 1930-х гг. крестьяне, не желавшие вступить в колхозы. Вплоть до конца 1980-х гг. власти путём давления пытались заставить их отказаться от ведения единоличного хозяйства, но они выстояли и дожили до крушения советского строя. Во второй половине 1970-х гг. в органы государственной власти стала поступать информация о появлении среди жителей хутора сторонников ИПХ. Власти связывали этот факт с деятельностью братьев Прохора и Василия Дубовых, которые являлись сыновьями одного из лидеров движения И. И. Дубовых, проживавшего в с. Николина Балка

Ставропольского края. Занимаясь для себя рыболовством и выловом сусликов, они разъезжали по сёлам Приманычья и одновременно вели пропаганду учения РПХ. Братья неоднократно посещали и х. Левый Остров и, как полагали власти, вовлекли в ИПХ нескольких хуторян [18]. По оценкам уполномоченных по делам религиозных культов Калмыцкой АССР, численность сторонников ИПХ на хуторе Левый Остров в конце 1970-х – начале 1980-х гг. составляла 6–10 человек. В 1985 г. в нём проживали 9 семей, из них 4 разделяли взгляды ИПХ, отказываясь участвовать в выборах в государственные органы власти. В их квартирах не было телевизоров и радио, своих детей они воспитывали в религиозном духе. Дети учились в школах с. Приютного, но не являлись членами ни пионерской, ни комсомольской организаций, не принимали участия в общественной жизни своих классов и школ [19].

Сторонники ИПХ на х. Левый Остров не были организованы группу и не устраивали коллективных богослужений, каждая семья жила обособленно, что не было характерным для адептов данного течения катакомбников.

Приверженцам ИПЦ и ИПХ так и не удалось создать в Калмыцкой АССР дееспособных структур, о чём свидетельствуют факты отсутствия динамики роста их рядов и сколь-нибудь заметного влияния на местное население. Привнесённые извне миссионерами ИПЦ и ИПХ идеи не укоренились в Калмыкии, и общины быстро распались, не оставив следа в памяти местного населения. В то же время сам факт существования среди православного населения Калмыкии религиозных диссидентов заслуживает внимания и требует своего изучения исследователями.

Примечания

1. Шкаровский М. В. Православие при социализме. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. // http://krotov.info/history/20/1920/shkarov_011.htm

2. Слесарев А. В. Рубрика: «Серафимо-геннадиевская» ветвь Российской православной катакомбной церкви <http://www.anti-raskol.ru/pages/139>

3. Там же.

4. Борисенко И. В. Храм последователей патриарха Тихона // Известия Калмыкии. 1992. 18 ноября.

5. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 745. Л. 2.

6. Борисенко И. В. Указ. соч.

7. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 944. Л. 22.

8. Там же. Д. 1357. Л. 7.

9. Там же. Д. 1578. Л. 19.

10. НА РК. Ф Р-309. Оп. 1. Д. 2164. Л. 18, 90.

11. Там же. Л. 56.

12. Там же. Л. 82.
13. Там же. Л. 90.
14. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 745. Л. 4–5.
15. Там же. Д. 944. Л. 23.
16. Там же. Д. 1152. Л. 43
17. Там же. Л. 42.
18. Там же. Д. 1357. Л. 7.
19. НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2166. Л. 76.

Урядова А. В., Вьюшина Н. С.

**Евангельские христиане-баптисты в борьбе
за свои права в 1960–1970-е гг.**

Религиозное диссидентство сегодня изучается в значительно меньшей степени, нежели диссидентство политическое. Задачи конфессий были различны: от борьбы за право на эмиграцию до противления притеснениям на работе, но цель оставалась одна – добиться реализации своего права на свободу вероисповедания в СССР.

Диссидентство среди протестантов носило иной характер, нежели среди православных верующих. Их борьба была активнее и эффективнее. Причины кроются скорее в истории, чем в догматах веры. Протестанты подвергались гонениям еще в дореволюционное время, когда их отождествляли с сектантами, а активная борьба с ними в советском государстве началась только с 1929 года. Первое повлияло на формирование позиции противления официальной идеологии, второе дало необходимую передышку перед новым этапом борьбы за свои права.

Как известно, в послевоенное время был создан Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), в котором власти попытались объединить разные новопротестантские течения, поставить над ними стоворчивое руководство и, контролируя религиозную жизнь на местах, медленно выполнять установку на «угасание» религии. Как отметил исследователь Л. Н. Митрохин, «победила идея повторить опыт, недавно проделанный с РПЦ, себя, кажется, оправдывающий» [1]

В 1960 г. ВСЕХБ издал два важнейших документа, которые стали катализатором протестных настроений. По смыслу эти распоряжения были близки к решению Архиерейского собора РПЦ 1961 г.: были направлены на значительное изменение религиозного культа с целью свести до минимума влияние священнослужителей и искоренить, в долгосрочной перспективе, религиозное сознание. Понятно, что идея подобных реформ была навязана властями. Еще одной общей

чертой этих нововведений был их резонанс среди верующих. Однако если в РПЦ дальше открытых писем с просьбами об отмене постановлений дело не пошло, то для баптистов эти документы стали поводом для раскола и начала борьбы за свои права.

Несогласные официально заявили о себе 13 августа 1961 года. Группа активистов во главе с Г. Крючковым, пресвитером незарегистрированной церкви ЕХБ г. Узловая Тульской области, и А. Прокофьевым, пресвитером Украины, создали инициативную группу. От ее имени они обратились с письмом к председателю ВСЕХБ Я. И. Жидкову и генеральному секретарю А. В. Кареву. В нем говорилось о противоправной и антирелигиозной деятельности ВСЕХБ. В качестве обвинений выдвигались отмена принципа, когда наиболее важные вопросы решаются самой церковью на основании религиозных догматов, постановка на местах священнослужителей, которые были не угодны церкви, рассылка и насильственное внедрение не приемлемых для церкви положений, несмотря на протесты некоторых общин, отрицательное влияние деятельности ВСЕХБ и его документов на незарегистрированные церкви, введение в заблуждение мировой христианской общественности относительно ситуации в СССР. «Все вышеизложенное не стихийность, а тщательно разработанная и старательно проводимая в жизнь программа низвержения церкви через церковь» [2], говорилось в письме.

Ответа на письмо не последовало. Тогда инициативная группа развернула масштабную акцию борьбы за созыв Всесоюзного чрезвычайного съезда, который бы переизбрал ВСЕХБ. В рамках этой деятельности активисты разослали свои послания с критикой «Нового положения ВСЕХБ» и «Инструктивного письма старшим пресвитерам» в зарегистрированные и незарегистрированные общины. По призыву инициативников началась кампания по отправке писем и обращений в Совет по делам религий и культов, руководителям партии и правительства. Только за период с 21 августа по 30 декабря 1961 г. в партийные и советские инстанции поступило 272 письма (по другим данным, около 400) из России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Казахстана с просьбами разрешить съезд и числом подписей от одной до ста тринадцати [3].

Сами инициативники в феврале 1962 г. устроили расширенное совещание, на котором был образован оргкомитет церкви ЕХБ. В своем первом документе («Решении оргкомитета о противоцерковной деятельности ВСЕХБ») он выступил с критикой ВСЕХБ, в адрес которого были представлены обвинения в проведении антиевангельских документов, во враждебном отношении к инициативам по созыву съезда, в объединении в союз лишь одной трети общин, в то время как две трети общин остались непризнанными. «Наш лозунг «Все общины ЕХБ в нашей стране – единое братство во Христе». Поэтому мы не можем не осуждать двух главных документов ВСЕХБ,

которыми он в противоположность воли Божией принуждает церковь руководствоваться» [4], – гласил документ.

Обширная деятельность активистов по борьбе с ВСЕХБ повлекла за собой репрессивные действия властей. В апреле 1962 г. был арестован А. Прокофьев, однако движение за созыв съезда не утало, а, наоборот, активизировалось. Во главе оргкомитета вместе с Г. Крючковым встал новый, энергичный правозащитник Г. Винс.

23 июня 1962 г. на расширенном совещании оргкомитета церкви ЕХБ был принят «Протокол № 7», который стал новым этапом в деятельности баптистских диссидентов. Было объявлено об отлучении от церкви Я. И. Жидкова, А. В. Карева, казначея И. Г. Иванова и еще 27 сотрудников ВСЕХБ и старших пресвитеров. Оргкомитет не признавал за ВСЕХБ и его работниками «права быть служителями церкви ЕХБ, права представительства и поддержания связи в пределах СССР и за рубежом» [5].

В ответ ВСЕХБ подготовил указание исключать из состава общины «активно упорствующих» [6]. Окончательная точка во взаимоотношениях с ВСЕХБ была поставлена. Инициативники взяли на себя руководство общинами, вышедшими из подчинения руководства, и в сентябре 1965 года создали отдельную церковь. Постоянным руководящим органом стал Совет церквей ЕХБ (СЦ ЕХБ), куда вошли одиннадцать человек во главе с председателем Крючковым и секретарем Винсом. Стоит отметить, что к тому времени борьба за съезд уже не велась. Еще осенью 1963 г. Совет по делам религий и культов под давлением баптистской общественности разрешил проведение совещания ВСЕХБ, которое заменило «Новое положение» и «Инструктивное письмо» уставом, не меняющим, в сущности, реальной ситуации в СССР. Оргкомитет и его сторонники в общинах не признали устав ВСЕХБ, так как на совещании были представлены лишь общины, поддерживавшие церковное руководство.

Совет церквей ЕХБ имел большой авторитет среди общин. В 1962 г. сочувствующих инициативникам насчитывалось 4 тысячи человек, в 1965 г. – уже 25,2 тысячи человек. Количество религиозных общин, поддержавших СЦ ЕХБ, с 1962-го по 1974 г. увеличилось со 126 до 459 [7]. В дальнейшем, однако, рост численности движения прекратился. Как отмечает В. Заватски, 72% участников движения включились в него между 1961 и 1963 гг. [8]. А в 1966 г. движение инициативников достигло своего пика и насчитывало в своих рядах около 155 тысяч сторонников [9].

Успешность проповедничества баптистов и других протестантов Г. Якунин, бывший священник РПЦ, один из основателей Христианского комитета защиты прав верующих в СССР, объяснял именно тем, что наряду с зарегистрированными общинами, объединенными под главенством ВСЕХБ, имеется независимая баптистская церковь. При такой структуре официальная и неофициальная

церкви связаны как бы по принципу сообщающихся сосудов: при усилении давления на официальную церковь верующие из зарегистрированных общин отказываются от регистрации и переходят в неофициальную часть церкви. Из-за этого власти не решаются слишком давить на зарегистрированные общины. Такую структуру «сообщающихся сосудов» Г. Якунин считал «идеальной формой бытия церкви» в советских условиях, позволяющей ей выдержать самое тяжелое давление со стороны государства [10].

В феврале 1964 г. был создан Совет родственников узников ЕХБ, который возглавила мать Г. Винса – Лидия Винс. Целью его деятельности стали борьба за свободу вероисповедания в СССР, помощь в этой борьбе отдельным верующим и освещение реального положения баптистских общин в СССР. Конкретными задачами стали: сбор и распространение информации об арестах и осуждениях среди единоверцев, изъятии детей у родителей за воспитание их в религиозном духе, разгонах молитвенных собраний, штрафах, конфискации домов, в которых проводились богослужения, увольнениях с работы, притеснениях детей в школах за то, что они – верующие; обращения в правительство с ходатайствами об освобождении узников, возвращении детей и прекращении других репрессий против баптистов.

Уже в первый месяц существования Совета в его адрес поступили сведения от 5 семейств, у которых были отобраны 9 детей. Кроме того, состоявшееся 23 февраля 1964 г. Всесоюзное совещание родственников узников ЕХБ выявило более 150 узников, осужденных с 1961 года. «Причиной их арестов, – указывалось в отчете, – явились введение в 1960 году «Нового положения ВСЕХБ» и их несогласие с ним» [11]. Благодаря деятельности Совета, его контактам с правозащитниками сообщения о преследовании за веру регулярно поступали за границу.

Сотрудничество с московскими диссидентами давало возможность освещения положения баптистов в самиздате. Первое упоминание о баптистах в информационном бюллетене правозащитников «Хроника текущих событий» содержится в пятом выпуске (декабрь 1968 г.). Однако регулярная информация о баптистах стала появляться только с 1974 года. Кроме того, Совет церквей ЕХБ распространял собственный самиздат. Первым изданием стал «Братский листок», печатавший информацию и обращения инициативной группы, а позднее – оргкомитета и СЦ. В 1963 г. начал выходить духовно-назидательный журнал «Вестник спасения», в котором печатались обращения СЦ, а также статьи, стихи, рассказы, письма читателей. В следующем году был налажен выпуск «Чрезвычайных сообщений» с информацией об очередных арестах. С 1971 г. стал издаваться раз в два месяца «Бюллетень Совета родственников узников ЕХБ», а через 3 года налажена его публикация и в «Хронике текущих событий». В этих изданиях баптисты помещали сведения о противоправных

действиях властей: и штрафах за участие в религиозных собраниях вне молеельного дома, и разгоне собраний, свадеб, праздничных мероприятий, и изъятии детей, арестах, и т. д.

В 1971 г. Совет церквей ЕХБ основал подпольную типографию и собственное издательство «Христианин». Печатный станок был изготовлен по чертежам верующих и ими собран. Печатниками тоже стали верующие, специально этому обучившиеся. От каждого работника требовалась строгая конспирация, поскольку малейший промах мог привести к провалу всей группы, разоблачению и конфискации типографического оборудования. Так случилось в 1974 г., когда одна из типографий была раскрыта. Семеро ее работников были арестованы, печатный станок конфискован, как и 9 тонн бумаги и уже отпечатанные 15 тысяч Евангелий [12].

В борьбе за свои права баптисты не раз сталкивались с усиливающимися гонениями на них: от административных наказаний до лагерных сроков. Общины баптистов, отказывающихся от регистрации и, соответственно, подчинения ВСЕХБ, были лишены молеельных домов, а любые их молитвенные собрания разгонялись милицией и дружинниками. «Собрание было назначено на 9 часов утра. А в 8 часов вдруг появились усиленные наряды милиции... Они ломали и били не только людей, но и бездушные вещи – стулья, скамейки, музыкальные инструменты, радиоаппаратуру... О каких-либо квитанциях «об изъятии» не могло быть и речи... Срочно приезжавший в милицию прокурор вместо пресечения беззакония работников милиции лично принял самое активное участие в расправе над беззащитными верующими: хватал за ворот одежды, избивал и толкал, поносил их недензурной бранью. И все это совершалось не на большой дороге, не ночью, не баядой вооруженных разбойников, а среди белого дня, на виду у всех жителей, в стране, провозгласившей на весь мир принципы свободы, равенства, братства» [13] – этот случай в г. Горловке Харьковской области 28 августа 1977 г., к сожалению, был далеко не единственным. Много эпизодов разгона баптистских собраний публиковала «Хроника текущих событий».

Но более жестокими мерами, предпринятыми советскими властями по отношению к верующим, баптисты считали изъятие детей из семей за воспитание их в религиозном духе. Из письма председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгину от граждан деревни Дубравы БССР: «Дети были насильственно схвачены и отвезены в детдом. Находясь два года в детдоме, дети были острижены ввиду размножения вшей и дважды болели чесоткой. Лишены были родительских писем» [14]. В 1980 г. трое верующих были осуждены за организацию летнего лагеря для детей арестованных или скрывающихся от арестов баптистов [15]. Если детей не забирала из семей, то они подвергались травле в школе: «Имеется несколько случаев избиения детей с сотрясением мозга. Например, Бульчук Надя тре-

тий год нетрудоспособна и не может учиться из-за совершенного над ней гнусного поступка комсомольца, избившего ее за веру в Бога» [16].

Не менее масштабной «кампанией по борьбе с баптистами» стала практика тюремного заключения. По подсчетам Л. Алексеевой, динамика арестов евангельских христиан-баптистов такова: за десятилетие с 1961-го. по 1970 г. были арестованы 524 человека. Среди них были 44 женщины. 8 человек за эти десять лет умерли в заключении. За 1971–1975 гг. было арестовано 170 человек. На 1 января 1980 г. в заключении находилось 49 баптистов, к маю 1982 г. их стало 158, что составило половину всех находившихся тогда в заключении «за веру» [17].

В ноябре 1966 г. судили и лидеров движения инициативников – Г. Крючкова и Г. Винаса. Оба получили по три года лишения свободы.

В своей борьбе за религиозную правоспособность баптисты развернули широкомасштабную деятельность. Она была направлена не только на освещение действительного положения своих общин в СССР, но и на активную пропаганду вероотступничества ВСЕХБ, выраженного в союзе с атеистическим государством, который под давлением властей посягает на догматы. Кроме того, баптисты осмелились открыто выступить с требованием созыва съезда и замены руководства ВСЕХБ, причем советское правительство, правда не без хитростей, пошло им навстречу. Другое дело, что эти хитрости не были признаны инициативниками, которые, не утратив сил на противостояние советской власти, создали свою церковь, которая существует и в настоящее время. Трудно представить, каких жертв это стоило, но баптисты не желали идти против своих убеждений. Осознавая колоссальное количество этих жертв, баптисты активно распространяли информацию о гонениях, арестах, бесправных действиях в отношении единоверцев не только по всей стране, но и за ее пределами. В своем противостоянии притеснениям религии в СССР баптисты-инициативники создали собственную, не зависимую от ВСЕХБ церковь и пытались добиться применения на практике тех обязательств в области религии, которое взяло на себя государство.

Примечания

1. Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность. СПб, 1997.
2. Неволин М., Раскол евангельско-баптистского движения в СССР (1959–1963 гг.) // Шандал: альманах. СПб, 2005. Вып. 9. С. 53.
3. Никольская Т. История движения баптистов-инициативников // Альманах по истории русского баптизма СПб, 2004. Вып. 3. С. 73
4. Савинский С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии. Ч. 2. СПб, 2001. С. 341.

5. Савинский С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии. Ч. 2. СПб, 2001. С. 331.
6. Никольская Т. Указ. соч. С. 78.
7. Королева Л. А. Власть и диссидентство в СССР. 1950–1980-е гг.: итоги и уроки. Пенза, 2011. С. 160.
8. Заватски В., Евангелическое движение в СССР после Второй Мировой войны. М., 1995. С. 211.
9. Современная религиозная жизнь России: опыт систематического описания. Т. 2. М., 2003. С. 188.
10. Якунин Г. О. современном положении РПЦ и перспективах религиозного возрождения России // Вольное слово. Самиздат. Избранное. Франкфурт-на-Майне, 1979. Вып. 35–36. С. 68–69.
11. Савинский С. Н. Указ. соч. С. 334–335.
12. Хроника текущих событий. Нью-Йорк, 1974. Вып. 34. С. 51.
13. Открытое заявление председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу от верующих ЕХБ г. Харькова // Вестник Русского христианского движения. Париж Нью-Йорк, 1978. Вып. 124. С. 308.
14. Собрание документов Самиздата. Мюнхен, 1973. Т. 4. № 256.
15. См.: Хроника текущих событий. Нью-Йорк, 1980. Вып. 60. С. 72–73.
16. Собрание документов Самиздата. Мюнхен, 1973. Т. 4. № 256.
17. Алексеева Л. Указ. соч. С. 194.

IX. ВОЙНА И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ.

Мотревич В. П.

Инакомыслие в уральской провинции в условиях военного времени (антисоветские листовки в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны)

В первые месяцы Великой Отечественной войны обнаружилась несостоятельность созданной в СССР тоталитарной системы. Она была ориентирована на ведение в будущем наступательной войны и требовала от советских людей максимального ограничения во всех сферах их жизни. В мае 1945 г. на торжественном приеме в Кремле И. В. Сталин признал, что народ тогда был вправе потребовать отставки своего правительства [1]. Одним из проявлений недовольства советских людей ходом военных действий и тяжелейшего материально-бытового положения стало появление уже в первые месяцы войны листовок и различных анонимных документов антисоветского содержания. Так, в 1941 г. антисоветское воззвание было обнаружено в колхозе «Прогресс» Волковского сельсовета Камышловского района. Инициатором его составления стал учетчик МТС Э. А. Борноволоков. В это же время в сысертском районе была обнаружена группа распространителей листовок, в которую входили преподаватель русского языка Сысертской средней школы Г. А. Меньшиков, учительница Лектемина и ее 16-летний брат, учащийся этой же школы. В сентябре 1941 г. Г. А. Меньшиков стал распространять написанные им листовки с призывом к свержению советского строя путем вооруженного восстания и совершения террористических актов над руководителями государства. Участники этой группы были осуждены на разные сроки заключения, а Г. А. Меньшиков приговорен к высшей мере наказания.

В 1944 г. Управлением НКГБ по Свердловской области был арестован и осужден на 10 лет ИТЛ И. Т. Крысов, который с конца 1942 г. рассылал в партийные и советские органы, а также в редакции центральных газет анонимные письма. В этом же году на территории Краснополянского района Свердловской области также были обнаружены 3 анонимные листовки, которые были написаны двумя женщинами – трактористками Ляпуновской МТС [2].

В начале 1943 г. отпечатанные на машинке листовки стали систематически появляться в Свердловске на территории Втузгородка. В спецсообщении Управления НКГБ по Свердловской области № 10064 от 9 июля 1943 г. за подписью его начальника генерал-лейтенанта Борщова отмечалось, что данные листовки содержали клеветнические измышления в адрес одного из руководителей партии

и правительства и клевету на советскую действительность, в них людей призывали вооружиться и громить советские учреждения [3].

В результате проведенного следствия было установлено, что данные листовки были отпечатаны на пишущей машинке, принадлежащей кафедре тактики Военно-воздушной академии им. Жуковского. В годы войны она находилась в эвакуации в Свердловске и располагалась на территории Втузгородка. Для печатания употреблялась бумага из тетрадей, выдаваемых преподавателям академии для личной работы. Был установлен и автор листовок. По мнению следствия, им являлся преподаватель тактики Академии ВВС полковник К. И. Хорсеев [4].

В начале Великой Отечественной войны полковник К. И. Хорсеев был начальником штаба авиадивизии, во время отступления под Мелитополем им были утеряны секретные документы, а также личный дневник, в котором имелись записи о бездарности и слабости высшего военного руководства Красной армии. Кроме того, в разговорах с сослуживцами полковник неоднократно заявлял о том, что «... у нас в СССР ничего нет, колхозники ходят оборванные и голодные. У нас нет никакой личной свободы. В демократических странах люди свободнее: хотят – работают, хотят – не работают, человек там независим. Режимы в СССР и Германии немного чем отличаются между собой». Вскоре его дневник попал в руки компетентных органов. После этого К. И. Хорсеев был отозван с фронта и направлен работать преподавателем в академию. Свои листовки автор подписывал «Свердловск – КИХ». Окончание псевдонима автора листовок, по мнению следствия, соответствовало начальным буквам имени, отчества и фамилии обвиняемого [5].

На основании этого Особым совещанием при Народном комиссаре внутренних дел СССР от 12 января 1944 г. полковник К. И. Хорсеев был приговорен к 10 годам ИТЛ по статье 58–10 УК РСФСР. В 1947–1948 гг., находясь в заключении и работая в системе комбината «Воркутауголь», он дважды обращался в Главную военную прокуратуру СССР с просьбой о пересмотре своего дела, мотивируя свое заявление тем, что давал показания под давлением следователя [6]. В пересмотре дела ему было отказано, однако в 1955 г. К. И. Хорсеев снова обратился с просьбой о пересмотре дела, на этот раз к председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Свое заявление К. И. Хорсеев мотивировал тем, что даже не умеет печатать на пишущей машинке. В феврале 1956 г. в КГБ при Совете Министров СССР по данному заявлению была проведена специальная графическая экспертиза. В заключение экспертов (акт экспертизы № 166 от 01.03.1956 г.) указывалось, что они не исключают возможности того, что антисоветские листовки писал осужденный, однако сделать более определенное заключение не представляется возможным.

На этом основании Главная военная прокуратура в порядке надзора направила в Военный трибунал Московского военного округа протест по делу К. И. Хорсеева. В протесте указывалось, что обвинения строились только на его показаниях. А также на основании того, что листовки отпечатаны на пишущей машинке, принадлежавшей кафедре тактики, где работал осужденный. Всего было обнаружено 22 листовки, на них наряду с датой и местом изготовления указаны инициалы «КИХ». Их совпадение с инициалами Хорсеева и послужило основанием для его ареста и последующего осуждения. Кроме того, К. И. Хорсеев заявлял, что после ареста он, будучи морально подавлен и под влиянием физического воздействия следователя, согласился подписать любые показания. После этого К. И. Хорсееву был дан содержащий вымышленные факты протокол, который он и подписал. Данный протокол от 4 октября 1943 г. был изготовлен заранее, проверкой также установлено, что в нем изложены вымышленные факты. К тому же бывшие работники кафедры тактики показали, что пишущая машинка находилась в общей канцелярии. В результате свободный доступ к ней имел широкий круг лиц. В феврале 1960 г. за недоказанность обвинения дело было прекращено, и Военным трибуналом Московского военного округа К. И. Хорсееву была вручена справка о реабилитации [7].

Осенью 1945 г. за антисоветскую деятельность был арестован начальник технического снабжения комбината № 3 в г. Асбесте. При аресте у него были изъяты дневники, в которых говорилось о неизбежности гибели советской власти, а также воззвание «К советскому народу». В нем содержался призыв к вооруженной борьбе за свержение советской власти. В это же время был арестован и помощник машиниста транспортного цеха завода № 183 в Нижнем Тагиле П. К. Баранов. Расследованием было установлено, что в августе 1945 г. он написал и отправил в адрес директора Уральского вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле Ю. Е. Максарева анонимное письмо. В письме говорилось о тяжелом материальном положении работников предприятия, высказывались угрозы в адрес директора и других руководящих работников завода. Анонимные письма с выражением недовольства тяжелым материальным положением поступали от рабочих Старотрубного завода в Первоуральске, Тавдинского фанерного комбината и других предприятий [8]. При этом многие из них не имели антисоветской направленности, их авторы пытались, таким образом воздействовать на руководителей предприятий и добиться улучшения своего материально-бытового положения.

В архиве УФСБ по Свердловской области содержатся материалы о существовавшей в 1944–1945 гг. в городе Нижней Салде Свердловской области антисоветской молодежной организации «Союз свободных республик». В августе 1945 г. в Нижней Салде органами УНКГБ по Свердловской области был негласно задержан

и подвергнут допросу А. В. Бабков 1928 года рождения, студент первого курса Верхнесалдинского авиационно-металлургического техникума. Кроме того, в это же время были задержаны еще несколько человек. Среди них П. Н. Андреев – токарь Нижнесалдинского металлургического завода 1927 года рождения, З. В. Соколова – статистик этого же завода 1928 года рождения, и Ф. В. Крысина, нигде не работающая 1926 года рождения.

Основанием для задержания послужила поступившая в июле того же года в Управление НКГБ по Свердловской области информация о том, что в Нижней Салде существует нелегальная антисоветская молодежная организация под названием «Союз свободных республик». Данная организация якобы имеет свою программу и устав антисоветского содержания, изготавливает и распространяет антисоветские листовки и проводит вербовочную работу по вовлечению в антисоветскую организацию новых лиц. На основании полученной информации в Нижней Салде были проведены соответствующие агентурно-оперативные и следственные мероприятия, которые и дали основания для задержания вышеуказанных лиц [9].

На квартирах задержанных были проведены обыски, в ходе которых обнаружены и изъяты документы, подтверждающие существование данной организации. Так, при обыске на квартире П. Н. Андреева была обнаружена и изъята программа «Союза свободных республик», «партийные билеты», чистые бланки заявлений для вновь вступающих в «Союз» членов, а также список членов этой организации. На квартире А. В. Бабкова были обнаружены другие материалы о «Союзе». Среди них – краткий устав «Союза», 7 экземпляров машинописных листовок антисоветского содержания, 4 заполненные анкеты – заявления о вступлении в «Союз», образец партийного билета, вырезанная из резины печать организации, а также штамп для отметок об уплате членских взносов и герб «Союза» [10].

В ходе допросов арестованных было установлено, что молодежная организация «Союз свободных республик» была создана в июне 1944 г. по инициативе А. В. Бабкова. Первоначально в нее кроме А. В. Бабкова входили учащаяся 9-го класса нижнесалдинской средней школы Глазунова, студент Верхнесалдинского авиационно-металлургического техникума В. В. Голованов и Ф. В. Крысина. На своих собраниях они избрали председателем А. В. Бабкова, секретарем – Ф. В. Крысину, а себя именовали членами центрального комитета «Союза». Каждый из участников организации принес клятву, а впоследствии ими был составлен краткий устав «Союза». Лозунгом этой организации стали слова «За лучшую жизнь». А. В. Бабков и В. В. Голованов изготовили печать «Союза» и штамп для отметок об уплате членских взносов, а Ф. В. Крысина для членов «Союза» от руки выписала партийные билеты.

Осенью 1944 г. в состав «Союза» вошли рабочий НСМЗ П. Н. Андреев, студент первого курса Верхнесалдинского авиационно-металлургического техникума Л. В. Трифонов, учащийся ниже-салдинской средней школы № 2 А. Е. Просвиряков и машинистка заводууправления НСМЗ З. В. Соколова. Всего в данной организации состояло 13 человек – студенты, рабочие и учащиеся средней школы. Все они, за исключением одного, были 1926–1928 г. рождения, семь из них являлись членами ВЛКСМ. По данным следствия, в конце 1944 г. – начале 1945 г. участники «Союза» неоднократно обсуждали формы и методы работы среди населения города, в том числе распространение листовок, приобретение огнестрельного оружия, убийство партийных работников.

В спецсообщении Управления НКГБ по Свердловской области секретарю Свердловского обкома ВКП(б) В. М. Андрианову от 18 декабря 1945 г. «О результатах следствия по делу антисоветской молодежной организации под названием «Союз свободных республик», существовавшей в г. Нижняя Салда Свердловской области», за подписью начальника управления генерал-лейтенанта Борщева отмечалось, что «в процессе тщательного расследования не было добыто данных о том, что враждебная советской власти деятельность участников «Союза свободных республик» вдохновлялась или направлялась кем-либо из взрослых антисоветски настроенных лиц» [11]. По мнению следствия, причиной появления данной организации были материально-бытовые затруднения в семьях, а также недостаточная политико-воспитательная и культурно-воспитательная работа среди комсомольцев, отсутствие организованного досуга молодежи.

После завершения следствия дело было передано в судебные органы. Решением Особого совещания при НКВД СССР от 26 декабря 1945 г., протокол № 49 по делу № 1043 члены «Союза» были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-10, ч. 2 и ст. 58-1 УК РСФСР и приговорены к различным срокам наказания. А. В. Бабков был приговорен к 8 годам содержания в ИТЛ, П. Н. Андреев и В. В. Голованов – к 6 годам, И. В. Рыбаков и Л. В. Трифонов – к 5 годам и т. д.

После отбытия наказания Л. В. Трифонов в 1950 г. был направлен на поселение в Красноярский край. В августе 1953 г. мать осужденного обратилась в Верховный суд СССР с просьбой о пересмотре дела и возвращении ее сына из ссылки. Однако данное заявление было оставлено без удовлетворения. В 1957 г. данное дело по жалобе В. В. Голованова в порядке надзора проверялось Прокуратурой Свердловской области, однако и в этом случае постановление Особого совещания в отношении всех осужденных было оставлено без изменения [12]. И только в конце 1980-х гг. было установлено, что Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 26 декабря 1945 г. попадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного

Совета СССР от 16.01.1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начале 50-х годов». И оно было отменено за отсутствием в действиях осужденных состава преступления.

Всего за годы Великой Отечественной войны Управлением НКГБ по Свердловской области было зарегистрировано 76 случаев распространения антисоветских листовок и выявлено 137 их авторов. Из числа выявленных авторов 83 проживало в городах области и 54 – в сельской местности. Всего в области было обнаружено 424 экземпляра листовок «террористического, клеветнического и поразительного характера» [13]. Как известно, в отечественной историографии давно сформировалось и прочно утвердилось мнение о том, что в годы Великой Отечественной войны Урал являлся опорным краем державы. А его труженики, невзирая на все тяготы «проявляя удивительное терпение и неприхотливость, выполняли свой патриотический долг» [14]. Сегодня, однако, представляется, что реальная жизнь была гораздо многообразнее утвердившихся в научной и научно-популярной литературе штампов.

Примечания

1. Источник: <http://stalinism.ru/> «За русский народ!» Прием в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 г.
2. Архив УФСБ по Свердловской области (далее – АУФСБ РФ по СО). Ф. 1. Оп. 1. Л. 258–259.
3. Там же. Д. 163. Л. 177–179.
4. Центральный архив ФСБ РФ. Д. 20375. Л. 2.
5. Там же.
6. Там же. Л. 16, 174, 208, 224, 259.
7. АУФСБ РФ по СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 276. Л. 128–129.
8. Там же. Д. 259. Л. 65–67, 92, 130.
9. Там же. Д. 239. Л. 275.
10. АУФСБ РФ по СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 276; Государственный архив административных органов Свердловской области (далее – ГААОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 43860. Л. 257.
11. АУФСБ РФ по СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 313.
12. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43860. Л. 47.
13. АУФСБ РФ по СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 256–257.
14. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1998. С. 107.

Рабочий протест на ярославских промышленных предприятиях начала 1940-х гг.: методы и причины

Вследствие постоянной военной угрозы (как реальной, так и гипотетической) предвоенный период в Советском Союзе был ознаменован заметным ужесточением трудового законодательства. Данный процесс был длительным, но постоянным. Так, уже в 1930-е г. свою прежнюю роль утратили профсоюзы, ставшие государственными организациями, у советских рабочих появились трудовые книжки, были ужесточены наказания за прогулы и другие правонарушения. Ряд указов Президиума Верховного Совета СССР 1940 г. перевёл советскую промышленность на казарменное положение, увеличив продолжительность рабочего дня, воспретив самовольный уход рабочих с предприятий и из учреждений и заметно ограничив возможность смены рабочего места [7. С. 465]. Отныне опоздание на работу на 20 минут каралось для советских рабочих штрафом, а три таких опоздания – увольнением и выселением из казённой квартиры [6. С. 272]. Ещё более строгому наказанию подвергались прогульщики и люди, самовольно уходившие с работы: исправительные работы на срок до 6 месяцев с удержанием 25% заработка в пользу государства и тюремное заключение на срок от 2 до 4 месяцев соответственно.

С началом Великой Отечественной войны трудовое законодательство в Советском Союзе продолжало ужесточаться. 26 декабря 1941 г. по инициативе наркома юстиции Н. М. Рычкова вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, по которому все рабочие и служащие обоего пола предприятий военной и обслуживающей её отраслей на период войны были признаны мобилизованными и закреплялись на своих предприятиях для постоянной работы [3. С. 101]. В связи с этим сроки тюремного заключения за самовольные уходы с места работы были повышены до 5–8 лет, подобные нарушения законности отныне квалифицировались как «трудовое дезертирство» и были переведены под юрисдикцию Военного трибунала (ВТ) войск НКВД [3. С. 101–102].

Однако, несмотря на столь жёсткое, подчас жестокое трудовое законодательство, на промышленных предприятиях СССР в начале 1940-х годов периодически в той или иной форме происходили акции протеста трудящихся. Они не были массовыми, однако вызывали определённые опасения у органов государственной безопасности и властей. В последние два десятилетия широкой огласке были подвергнуты события в Иванове и Москве в октябре 1941 г., однако выступления рабочих подобного рода в 1940-е гг. происходили и в других регионах страны. Не стала исключением и Ярославская об-

ласть – типичный тыловой регион Советского Союза, обладавший достаточно развитой промышленностью.

Ярославские рабочие боролись за свои права различными способами. Среди них можно выделить достаточно распространённое в предвоенные годы написание коллективных писем-жалоб «наверх», в вышестоящие инстанции. В частности, уже в специальной записке командования Управления НКВД (УНКВД) по Ярославской области от 10 мая 1940 г. сообщалось о «нездоровой» реакции рабочих льняной промышленности на введение новых норм выработки. В частности, 18 марта на имя председателя фабрично-заводского комитета льнокомбината «Заря социализма» Румянцевой от работников развивального цеха поступило коллективное заявление с 8 подписями. В нём содержались требования пересмотра установленных норм выработки и увеличения расценок. 26 марта аналогичное заявление с 10 подписями поступило от рабочих бельно-отделочной фабрики. Со стороны рабочих «Зари социализма» Гаврилов-Ямского района и фабрики «Рольма» в Ростове, как сообщали чекисты, ходили опасные разговоры о том, что уровень их жизни стал хуже в сравнении с тем, что был до революционных событий 1917 г., так как заработок стал ниже, в то время как цены на продукты питания и основные промышленные товары возросли [1. Ф. 1. Оп. 35. Д. 4. Л. 59–60].

Жалобы подавали и рабочие в областном центре. Например, 15 и 16 марта 1941 г. на общих собраниях рабочих приготовительного цеха Ярославской махорочной фабрики имени В. И. Ленина обсуждалось заявление группы рабочих наркому пищевой промышленности РСФСР С. Романычеву. Из архивных документов очень трудно понять, на что именно жаловались работники фабрики, тем более что выступавшие на собрании ораторы единогласно признали их заявление неверным [2. Л. 23–24, 26]. Однако дела на упомянутом предприятии, очевидно, обстояли неблестяще. Как видно из документов совещаний той же фабрики от января 1941 года, «... начальники цехов очень мало уделяют внимания этому важному вопросу... нужно чувствовать, что он выполняет задания, данные партией и правительством». В тех же прениях начальники цехов и смен критиковались за то, что они «...не ведут воспитательной работы среди своего коллектива, плохо борются за сохранение и улучшение трудовой дисциплины» [2. Л. 11, 14]. Помимо слабости партийно-политической работы на махорочной фабрике имелись и другие недостатки. В частности, территория вышеупомянутого предприятия даже в 1944 г., после перелома в ходе войны и определённого улучшения жизни работников, ввиду неудовлетворительного состояния пожарной безопасности требовала «немедленной очистки от мусора и хлама» [5. С. 61].

Другим примером такого рода, уже из военной эпохи, стала подача 19 марта 1942 г. коллективного заявления 49 работников

Ярославского лесозавода имени Суворова на имя управляющего Ярдрентреста Низова с просьбой об отмене ежедневных 3 часовых сверхурочных работ и переводе всех рабочих на 8-часовой рабочий день. Инициаторами подачи коллективного заявления стали три молодые женщины, причём одна из них состояла в ВЛКСМ, а среди прочих подписантов оказалась жена председателя завкома и член ВКП(б). Примечательно, что среди остальных рабочих возражений также не возникло. Свои претензии подписанты мотивировали недостатком хлеба на предприятии, низким качеством питания в заводской столовой и тяжёлыми условиями работы на предприятии. УНКВД немедленно произвело расследование, в результате которого приведённые в заявлении факты полностью подтвердились. По итогам расследования заместитель начальника УНКВД по Ярославской области капитан госбезопасности Н. Ф. Крымян и заместитель начальника Экономического отдела (ЭКО) УНКВД старший лейтенант госбезопасности Шалегин составили совершенно секретное специальное сообщение на имя секретаря Ярославского обкома М. Я. Канунникова, в котором констатировали также отсутствие на заводе «массово-разъяснительной работы» со стороны партии и профсоюзов. В качестве мер, необходимых для наведения порядка на предприятии и недопущения в дальнейшем подобных событий, чекисты предложили директору лесозавода Грибову немедленно упорядочить работу хлебного магазина. Одновременно с этим началось «установление лиц, оказывающих антисоветское влияние на рабочих» [1. Ф. 1. Оп. 35. Д. 4. Л. 24–25].

В качестве второго способа борьбы рабочих за собственные права необходимо назвать попытки забастовок, имевшие место с их стороны. Подобные факты в предвоенные годы неоднократно звучали в совершенно секретных докладных записках командования УНКВД по Ярославской области на имя секретаря Ярославского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличева. В частности, записка, датированная 14 мая 1940 г., сообщает о «нездоровых настроениях» среди рабочих льнокомбината имени В. И. Ленина и фабрики «Искра Октября» в Костроме. Работницы предприятия, протестуя против решения администрации об отмене выходных дней для компенсации больших простоев из-за отсутствия электроэнергии в первом квартале 1940 г., прямо заявили начальнику цеха: «... затыкаешь рот, не даёшь говорить» [1. Ф. 1. Оп. 35. Д. 4. Л. 56]. Собственный отказ от работы женщины мотивировали усталостью от тяжёлой работы и недостаточностью заработной платы. При этом слова не разошлись с делом: 6 мая 1940 г. по пяти цехам не вышел на работу 281 работник, в результате чего дневная выработка не превысила 2,5 тонны вместо запланированных 8 [1. Ф. 1. Оп. 35. Д. 4. Л. 56]. На комбинате имени В. И. Ленина отмечались аналогичные явления: 24 апреля 1940 г. на работу не вышли 720 работников из 2738. Такой масштаб

невыхода на работу дирекция предприятия сочла массовым и потому не производила увольнений. В вечернюю смену 6 мая 1940 г. на комбинате работали лишь 84 человека [там же. Л. 57–58]. Некоторые из протестующих рабочих при этом громко выразили собственное несогласие с приказом директора предприятия.

Во второй раз Костромской льнокомбинат имени В. И. Ленина фигурировал в совершенно секретном сообщении начальника УНКВД по Ярославской области капитана госбезопасности Носова и заместителя начальника ЭКО УНКВД лейтенанта госбезопасности Куницына от 31 июля 1940 года. Чекисты вновь проинформировали секретаря Ярославского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличева о «нездоровых настроениях» на данном предприятии. Они выражались в том, что днём 25 июля 1940 г. приблизительно 50 работников прядильной фабрики пришли в кабинет заместителя директора комбината Киселёва и потребовали выплаты зарплаты. Имели место возгласы типа «Завтра придём все к директору или же бросим работу». В общей сложности руководством предприятия должно было выплатить примерно 2200 рабочим комбината до 400 000 рублей [1. Ф. 1. Оп. 35. Д. 3. Л. 52]. Задержки зарплаты рабочим в 1940 году имели место и на комбинате «Красный Перекоп» в Ярославле, однако в данном случае они ограничивались несколькими днями, и до попыток забастовок или других форм протеста ситуация здесь не дошла [там же. Л. 53–54].

Аналогичные факты сообщались в совершенно секретной специальной записке о «нездоровых разговорах» на льнокомбинате «Заря социализма» Гаврилов-Ямского района. В ночь на 9 мая 1940 г. работница данного предприятия, член ВКП(б) К-на предложила коллегам «...организованно действовать, идти и требовать хлеба, сесть на станки и не работать, требовать так чтобы хлеб дали» [там же. Л. 70]. Характерно, что остальные работники-коммунисты даже не попытались ей возразить. Более того, в разговорах между ними иногда не просто открыто выражалось недовольство социальной несправедливостью при распределении продуктов, но и доходило до угроз разгрома закрытых магазинов [там же. Л. 71]. Однако авторы специальной записки – заместитель начальника УНКВД по Ярославской области старший лейтенант госбезопасности Макаров и начальник 1-го ЭКО УНКВД по Ярославской области старший лейтенант госбезопасности Савинов – приводили конкретные причины подобных умонастроений в рабочей среде. В документе был признан факт низкой квалификации 70% ткачей в одном из цехов. Стаж их работы также оставался незначительным, как правило, он не превышал 1 года [там же. Л. 64–65]. Ситуацию усугубляла высокая текучесть рабочей силы на комбинате: за январь–май 1940 г. администрацией были приняты на работу 1088 новых работников, в то время как уволены 1108. В силу этого трудовая дисциплина

на предприятии также оставляла желать лучшего: за указанный выше временной промежуток по причине самовольных прогулов и других нарушений трудовой дисциплины с льнокомбината был уволен 791 человек [там же. Л. 66]. Всё это в конечном итоге приводило к невыполнению плана. Нельзя забывать и о нерешённости жилищного вопроса на вышеназванном предприятии, около 1000 работников которого проживали в сельской местности близ комбината, не имевшего возможности обеспечить их жильём. В результате такие работники сохраняли связь с сельским хозяйством, уходя работать в колхозы с наступлением весны. Имевшаяся при «Заре социализма» жилплощадь также не могла удовлетворить всех чаяний пролетариев, так как в ряде случаев в одной квартире приходилось жить одновременно нескольким семьям. Серьёзное недовольство рабочих вызывали также постоянные очереди за хлебом.

Даже после начала Великой Отечественной войны такие факты не исчезли полностью, что подтверждают рассекреченные документы региональных органов государственной безопасности. В частности, в декабре 1941 г. драматические события произошли на фабрике «Красное Эхо» в Переславском районе области. В связи с наступлением немецких войск на Москву власти приняли решение об эвакуации данного предприятия в восточные регионы страны. Однако 4 декабря 1941 г. толпа примерно из 150 рабочих подошла к фабричной конторе, резко протестуя против демонтажа и вывоза оборудования. Слышались крики «Не дадим увозить фабрику!». Протест удалось достаточно быстро и относительно безболезненно пресечь. Органы НКВД смогли быстро выявить предполагаемых организаторов «волынки» – «антисоветскую группу» из 3 человек [1. Ф. 1. Оп. 35. Д. 1. Л. 87]. Во главе её стоял экономист фабрики С. – 50-летний военнопленный Первой мировой войны, беспартийный. Другими участниками группы чекисты объявили начальника планового отдела фабрики П. и заведующего сортировочным цехом А. Помимо традиционного в таких случаях обвинения в якобы имевших место пораженческих настроениях и антисоветской фашистской пропаганде всем троим арестованным органы госбезопасности предъявили и конкретное обвинение в организации «волынки с требованием о прекращении демонтажа и эвакуации оборудования фабрики» [1. Ф. 1. Оп. 36. Д. 1. Л. 56]. С остальными рабочими, как говорилось в информационных сообщениях начальника УНКВД по Ярославской области майора госбезопасности В. В. Губина, была проведена «разъяснительная работа».

Помимо коллективных, имели место и индивидуальные протесты рабочих против эвакуации на восток. В частности, как отмечалось на заседаниях бюро Рыбинского горкома ВКП(б) в 1942 г., на заводе № 26 некая работница коммунистка П. Б. Хохлова заявила в присутствии группы рабочих «Пусть работают те, кто жён отпра-

вил пароходом, а мы работать не будем» [4. Ф. 263. Оп. 52. Д. 182. Л. 108]. При этом женщина ещё в предвоенные годы участвовала в распространении некой «записки антисоветского содержания».

Третьим способом протеста со стороны рабочих был срыв некоторых государственных и общественных мероприятий как проявление их активного или пассивного сопротивления непопулярным порядкам на промышленных предприятиях. Иногда подобные обвинения предъявлялись даже членам правящей партии. В частности, в августе 1941 г. коммунистами Облпищепрома был сорван традиционный субботник: вместо 10 человек 17 августа на работу вышли только 4 [4. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 7. Л. 4]. Неудовлетворительно шёл сбор тёплых вещей для нужд воюющей Красной армии: некоторые члены ВКП(б) в октябре 1941 г., когда наступавшие части вермахта находились на расстоянии танкового броска от границ Ярославской области, ограничили передачей пары портянок. В Главрыбсбыте из купленных 50 пар портянок пришлось обратно сдать на склад 29, а в конторе «Плодоовощи» семья, чей совокупный ежемесячный доход достигал 1500 рублей, ничем не помогла армии [4. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 7. Л. 7-об.].

В других случаях протест рабочих был более явным и более болезненным. Документы органов госбезопасности приводят случай избиения 13 апреля 1942 г. на фабрике «Знамя труда» в Костроме некой гражданки Л. Она считалась примерной работницей, в силу чего и ранее подвергалась частым издевательствам со стороны двух других работников упомянутого предприятия, С. и А. Во время работы они наносили ей побои или высмеивали, говоря, что «...она стахановка, и ей всегда больше всех надо соваться вперёд», «...зачем подписался на заём, что тебе дадут за это, что ты подписался на месячный заработок». Виновные были арестованы, в отношении них правоохранительные органы начали следствие. Выяснилось, что среди работников данного предприятия имели место эпизоды отказа от подписки на Государственный военный заём 1942 г., жалобы на высокие налоги, низкий уровень жизни («дети пухнут с голоду») и одновременно недовольство высокими зарплатами близких к Советской власти певцов и музыкантов [1. Ф. 1. Оп. 35. Д. 4. Л. 133–134]. Фактически речь шла о неприятии работниками достаточно высокого уровня социальной стратификации, отсутствии настоящего равенства между людьми. Их острую неприязнь вызывали пресловутые стахановцы – люди, объявленные властью образцами для подражания. Между тем подражание в данном случае (подписка на военный заём) вело к ухудшению и без того непростого материального состояния.

В то же время следует заметить, что откровенно антисоветские, прогерманские высказывания рабочих были единичными, особенно после начала Великой Отечественной войны. Их старались жёстко пресекать сами рабочие. Например, в сентябре 1941 г. органами госбезопасности был арестован шероховщик цеха вулканизации

Ярославского шинного завода Г., который в присутствии 30 других работников в курилке предприятия открыто ругал правительство СССР и правящую Коммунистическую партию, одновременно восхваляя личность германского фюрера А. Гитлера и уровень жизни в Третьем рейхе. Возмущённые его поведением коллеги избили Г., а затем доставили в партийный комитет завода. Лишь после он был арестован сотрудниками НКВД [1. Ф. 1. Оп. 35. Д. 2. Л. 87].

Несмотря на жёсткое трудовое законодательство в Советском Союзе в предвоенные и военные годы, рабочие промышленных предприятий периодически выражали протест против тяжести собственного положения. Они не отличались частотой и массовостью, однако даже коллективные письменные заявления 8–10 человек, письма в вышестоящие инстанции или попытки забастовок со стороны 50–150 работников, а тем более попытки срыва государственных мероприятий вызывали немедленную реакцию со стороны органов госбезопасности. О любой акции протеста (коллективной или индивидуальной) сообщалось местным властям, а также народному комиссару внутренних дел либо его заместителю. В некоторых случаях чекисты даже признавали правоту протестующих. Как правило, причинами акций протеста советских рабочих в начале 1940-х гг. были их тяжёлое социально-экономическое и бытовое положение, общая неудовлетворённость жизнью. Политические причины играли в целом незначительную роль, что подтверждается участием в акциях такого рода коммунистов, кандидатов в члены ВКП(б) или комсомольцев. Позднее, по мере затягивания войны с Германией, акции подобного рода прекратились, хотя вышеприведённые причины для рабочего недовольства не исчезали. Свидетельством тому служат нередкие факты «дезертирства» рабочих с промышленных предприятий. Однако необходимость противостояния сильному и жестокому внешнему врагу приводила советских рабочих к более лояльному отношению к существовавшим на предприятии порядкам и, как следствие этого, отказу от крупных акций протеста.

Примечания

1. Архив Управления ФСБ РФ по Ярославской области (АУФСБ РФ по ЯО). Ф. 1, Оп. 35. Д. 1, 2, 3, 4; оп. 36. Д. 1.

2. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-1370. Оп. 1. Д. 146.

3. Кодинцев А. Кампания по борьбе с «дезертирством» с предприятий военной промышленности СССР в 1941–1948 годах // Отечественная история. 2008. № 6. С. 101–107.

4. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО). Ф. 263. Оп. 52. Д. 182; Ф. 1178. Оп. 1. Д. 7.

5. 4 года из 1000. Ярославцы в Великой Отечественной войне. Ярославль: «Ярновости», 2011. Выпуск 2. 240 с.

6. Чураков Д. О. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М.: «Вече», 2007. 352 с.

7. Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. М.: «Вече», 2004. 576 с.

Кодинцев А. Я.

Политическая преступность в годы Великой Отечественной войны

Проблема контрреволюционной преступности в годы войны получила широкое освещение в публикациях разных авторов. Но, как правило, исследования носили и носят разрозненный характер. Освещались отдельные аспекты государственной политики в этой сфере. В статье раскрывается история борьбы органов юстиции с политическими противниками режима в 1941–1945 гг.

В 1940 г. началась новая повышательная фаза массовых репрессий. В том числе увеличилось количество рассматриваемых политических дел (см. статью «Правовая политика советского государства по делам о контрреволюционных преступлениях накануне Великой Отечественной войны» // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 4. С. 127–133). С началом войны количество дел о контрреволюционных преступлениях выросло. Органы НКВД оказались не готовы к такому росту. Действовали Особое совещание (ОСО) и несколько «троек». После быстрого расследования политические дела в основном передавались в военные трибуналы (ВТ) или областные суды. Компетенция судов общей юрисдикции и специальных судов в сфере контрреволюционных преступлений расширялась, а полномочия ОСО НКВД сужались. Так, Положение о военных трибуналах от 22 июня 1941 г. предоставило права трибуналам, находящимся в прифронтовой зоне, рассматривать все государственные преступления. Вводилась уголовная ответственность за распространение ложных слухов (ст. 58-1а УК РСФСР, лишение свободы от 2 до 5 лет), за самовольное оставление боевой позиции (ст. 58-1б), за пропаганду отступления (ст. 58-10) и т. д. 24 июня 1941 г. Приказ Наркома юстиции/Прокурора СССР № 102/58 уточнил порядок применения Положения. ВТ Красной армии и ВМФ вне зависимости от их расположения должны были рассматривать дела об измене Родине, шпионаже, террористических актах и диверсиях. Остальные контрреволюционные преступления по-прежнему должны были рассматривать ВТ НКВД и суды общей юрисдикции. В соответствии с Приказом НКЮ/Прокурора СССР от 27 июня 1941 г. на рассмотрение ВТ НКВД передавались все дела о террористических актах, направленных против сельского актива, о террористической агитации

(ст. 17-58 УК РСФСР), о поджогах дворов сельских активистов и общественных зданий. 2 июля 1941 г. НКВД/НКЮ/Прокурор СССР выпустили Приказ № 152/017/311937с. Приказ от 28 апреля 1941 г. о квалификации побегов из лагерей по статье 58-14 был распространен на осужденных до издания апрельского приказа, то есть закону была придана обратная сила. Приказ был распространен на неограниченный круг заключенных. Кроме того, приказ ограничил квалификацию побегов в отношении несовершеннолетних 82-й статьей УК (побег).

Трагические последствия имела секретная директива, изданная заместителем наркома юстиции СССР Басавиным 15.09.1941 г. за № 18/28с. Она обязала все суды применять часть 2 ст. 58-10 УК РСФСР независимо от объявления местности на военном положении. То есть за все виды агитации и пропаганды назначалось квалифицированное наказание – смертная казнь. Одновременно Верховный суд (ВС) СССР в сентябре-ноябре 1941 г. отменил многие контрреволюционные приговоры областных судов за мягкостью. Серией определений Судебная коллегия по уголовным делам (СКУД) ВС СССР расширила применение статей 58-10 и 58-14 УК. После этого рост дел, рассматриваемых судами, дополнился молниеносным увеличением числа смертных приговоров [1].

В октябре 1941 г. – марте 1942 г. областные суды и военные трибуналы выносили огромное количество смертных приговоров. Складывается впечатление, что лидеры советского режима, будучи страшно напуганными, сами стремились запугать свой народ, назначая смертную казнь за малейшие проявления нелояльности. Суды же выступали слепыми исполнителями партийной воли. 21 января 1942 г. постоянная сессия Свердловского облсуда при Ивдельлаг НКВД осудила Федорченко, Петрова и Девяткина к ВМН по статье 58-14 «за побег». На самом деле Девяткин дал Федорченко и Петрову записку к родственникам с просьбой о посылке хлеба. ВС СССР пытался сдерживать неограниченные репрессии судов при применении статьи 58-14 УК РСФСР. Применение статьи 58-14 УК, по словам И. Т. Голякова (председателя ВС СССР), привело к «ненормальным последствиям». Заключенные, осужденные до 3 лет и сбежавшие из ИТЛ, квалифицировались по статье 58-14 УК РСФСР. И их расстреливали! Голяков просил в 1942 году Вышинского (заместителя предсводнаркома СССР) изменить приказ. Но ответа не получил. Осенью 1941 г. ВС СССР ориентировал Ташкентский областной суд, что статья 70 УК УзССР (аналог ст. 58-14 УК) может применяться только за злостные побег. Народный комиссариат юстиции (НКЮ) СССР дезавуировал определение ВС СССР. В областные суды РСФСР в первом полугодии 1941 г. поступило 12 387 контрреволюционных дел, во втором полугодии – 29 264. Многие дела изымались из областных судов и передавались в ВТ. В Челябинской области к ВМН осуждались лица

за агитацию, выражающуюся в болтовне: «Меня советская власть раскулачила», «Кожу с нас дерут», «Не люблю красноармейцев» и т. д. Колхозник Баженов вырвал лист книги с портретом одного из вождей и был осужден к 10 годам лишения свободы.

В начале войны контрреволюционные дела составляли почти 100% всех дел в областных судах. В Свердловском облсуде количество контрреволюционных дел во втором полугодии 1941 г. выросло в 3 раза. В Челябинский областной суд (ЧОС) в 1-м полугодии 1941 г. поступило 249 дел, а во второй половине – уже 1145 (1115 по контрреволюционным делам), рассмотрено 869 дел. В июне ЧОС рассмотрел 38 дел, в июле – 58, в августе – 234, в сентябре – 281, в октябре – 254, в ноябре – 198, в декабре – 228. 88% дел составляли дела по статье 58-10 УК. Суд также рассматривал дела по ст. ст. 58-2, 7, 10, 12, 13, 14 УК РСФСР. Так, по статье 58-10, часть 2 УК РСФСР суд рассмотрел во втором полугодии 1941 г. дела на 563 человек и приговорил к ВМН 196. В первой половине 1942 г. в Челябинский областной суд поступило 362 контрреволюционных дела (расстреляно 98 человек), во второй половине – 601 (расстреляно 74). Например, в 1-м полугодии 1942 г. Молотовский облсуд рассмотрел 843 контрреволюционных дела, в Свердловской области – 980, в Башкирии – 368.

Примеры жестокости ЧОСа приводит в своей работе А. П. Абрамовский. Председатель колхоза, укрывший зерно от государства, расстреливался как саботажник, за подделку больничных листов и систематические прогулы расстрелян рабочий и т. д. Такие же примеры приводит В. А. Гусак. В августе 1941 г. были приговорены к расстрелу трое руководителей секты баптистов (г. Курган), «за проповеди контрреволюционного содержания» [2].

Вологодские военные трибуналы осуждали людей по статье 58-10 УК РСФСР за «выражение недоверия к сообщениям Информбюро», «за клевету о положении на фронте». ВТ г. Москвы в первом полугодии 1942 г. осудил 1211 человек по статье 58-10 УК, в том числе 214 было расстреляно, 431 осужден на срок 10 и более лет. Всего военные трибуналы в СССР в 4-м квартале 1941 г. приговорили к ВМН 26% осужденных, в 1-м квартале 1942 г. – 29%. Людей расстреливали «за восхваление фашизма» [3].

После первых побед Советской армии руководство юстиции стало подавать сигналы о снижении репрессий. В начале 1942 г. НКЮ СССР провел ревизию НКЮ РСФСР. В приказе Рычкова отмечалось: «Отмена Верховным судом приговоров по мягкости, необдуманные указания НКЮ РСФСР привели к тому, что отдельные областные суды стали огульно применять ВМН по делам о контрреволюционной агитации». И в дальнейшем судам стали давать указания о смягчении репрессивной политики. Верховные суды республик и наркоматы юстиции раз в квартал обсуждали и обобщали судебную практику. В том числе обобщали практику дел по отдельным видам

контрреволюционных преступлений. Например, в 1942 г. Верховный суд РСФСР, обобщая судебную практику по делам об антисоветской агитации, провел подробный анализ этой категории преступлений и дал обширное понятие «антисоветская агитация».

В 1942 г. число контрреволюционных дел в судах сокращалось. Но падение затронуло прежде всего западные районы России, на востоке рост числа контрреволюционных преступлений продолжался. Оказалось, непросто остановить местные суды, разошедшиеся в своей репрессивности не на шутку. Суды, оказавшиеся под давлением местных руководителей, продолжали жестоко применять ВМН. Верховные суды РСФСР и СССР заменили ВМН по приговорам ЧОСа в 1-м квартале 1942 г. на лишение свободы по статье 58-14 УК РСФСР для 55% осужденных, по статье 58-10 УК – для 19,6% заключенных (в Свердловской области было заменено 73% приговоров). Во втором полугодии 1942 г. верховные суды заменили ВМН уже в 68,6% случаев. В то же время категорически запрещалось выносить оправдательные приговоры по делам о государственных преступлениях. Например, постоянная сессия ЧОСа при Бакаллагe выносила большое количество приговоров с ВМН без серьезных оснований. НКЮ РСФСР, НКЮ СССР, ВС СССР, ВС РСФСР, председатель ЧОСа Калмыков неоднократно уговаривали председателя сессии Кистанова прекратить необоснованные репрессии, но безрезультатно. Кистанов (и эта история довольно типична) находился под абсолютным влиянием со стороны офицеров лагеря. В конечном счете начальник управления наркомата юстиции по Челябинской области Лавренков, председатель постоянной сессии ЧОСа Кистанов и председатель ЧОСа Калмыков были понижены в должностях. По данным В. А. Гусак, Челябинский облсуд по статье 58-10 УК за 1942 г. осудил 1656 человек [4].

Одновременно с коррекцией репрессивной политики и частичным восстановлением процессуальных правил по делам о контрреволюционных преступлениях уголовное законодательство продолжало ужесточаться. Согласно постановлению ГКО от 16 января 1942 г. злостная порча или злостное уклонение от сдачи трофейного имущества влекли уголовную ответственность по статье 58-14 УК РСФСР. Трибуналы рассматривали дела в 3-дневный срок. Принятие подобных актов привело уже советских юристов в смущение. Так, НКЮ СССР ограничил применение постановления именно по признаку злостности (приказ наркома юстиции № 6 от 26.01.1942 г.). Незлостные случаи подлежали квалификации по статье 182 УК РСФСР (хранение оружия без надлежащего разрешения) и по статье 79 УК (умышленное истребление или повреждение государственного имущества). Безоговорочное распространение все большего количества контрреволюционных преступлений на общеуголовные имело отношение к идеологии, но не к справедливости. В развитие сталин-

ского приказа № 227 от 28 июля 1942 г. («Ни шагу назад!») 31 июля нарком юстиции СССР и Прокурор СССР направляют директиву № 1096. За самовольное отступление с боевой позиции командир, политработники, комиссары подлежали расстрелу (статья 58-16). Пропаганда дальнейшего отступления влекла расстрел (часть 2, статья 58-10) [5].

Применяя принцип коллективной ответственности, советская власть репрессировала семьи тех людей, которые дезертировали или сдались в плен врагу (приказ Ставки Верховного Главнокомандующего № 270 от 16 августа 1941 г.). 24 июня 1942 г. вышло постановление ГКО «О членах семей изменников Родины». В отношении большого перечня лиц суды и ОСО применяли репрессии только на основании их принадлежности к данным семьям. Согласно разъяснению Главной военной прокуратуры (ГВП) и начальника ГУВТ семьи осужденных к лишению свободы, а не к расстрелу репрессиям не подлежали. Несмотря на то что для репрессирования семей родственников изменников Родины требовался приговор суда, 24 сентября 1942 г. Главная военная прокуратура выпустила указание, согласно которому в случае отсутствия приговора основанием для репрессирования могли послужить акт о расстреле изменника, свидетельские показания или справки командования воинских частей или советских органов власти о расстреле, заключение местного органа НКВД или особого отдела воинского соединения, заключение прокурора.

Директива Прокурора СССР № 13/1850с от 12 октября 1942 г. (в соответствии с постановлением ГКО от 11 октября 1942 г.) гласила: дезертиры Красной армии, занимающиеся преступлениями, заочно предавались суду по статье 58-16 УК РСФСР как изменники Родины. Члены их семей подлежали репрессированию в соответствии с приказом № 252 от 27 июня 1942 г. Принятая в развитие постановления ГКО от 11.10.1942 г. директива запретила применять постановление с обратной силой и ограничила его применение к дезертирам. Требовалось установить фактическое занятие бандитской, повстанческой или грабительской деятельностью. Кроме того, директива распространила применение постановления на укрывателей дезертиров (статья 58-1 п. б) и недоносителей (статья 58-1 п. г или 58-12) [6].

Во втором полугодии 1942 г. под влиянием неудач Советской армии жестокость репрессий вновь возросла.

В 1-м квартале 1942 г. военные трибуналы осудили 4319 человек за государственную измену, во 2-м квартале – 5556 (и 8293 человека за антисоветскую агитацию). За качеством приговоров почти никто не следил. 18 июня 1942 г. военный трибунал 379-й дивизии (Калининский фронт) заочно осудил за измену Родине красноармейца Н. П. Красникова. Дело единолично рассмотрел председатель трибунала А. С. Рожков. Члены трибунала, не читая текста, подписали приговор. Секретарь трибунала Золотухин оформил протокол со

сфабрикованными показаниями свидетелей. В других случаях приговоры подписывали не члены трибуналов. Рожков был арестован.

Во втором полугодии 1942 г. на южных фронтах резко выросло количество случаев измены Родине. Как правило, изменники составляли большие группы. Работники прокуратуры и особенно были вынуждены «изымать» (демобилизовать) подрывные элементы из частей. Впрочем, по признанию работников ГВП, «в числе осужденных за измену Родине имеем значительное количество лиц, осужденных по материалам, недостаточно тщательно расследованным и по которым самый факт измены нельзя считать бесспорно установленным» [7].

В конце 1942 г. военнотруженики перестали осуждать за случайные высказывания без контрреволюционного умысла, за хранение фашистских листовок. Это привело к быстрому снижению числа осужденных по статье 58-10 УК. Но, в свою очередь, увеличивалось число осужденных за измену Родине и по общеуголовным статьям, которые превращались в политические.

Разноречивые указания, поступавшие из Москвы, приводили к тому, что суды то ужесточали, то смягчали политику по контрреволюционным преступлениям. Так, военный трибунал Москвы во 2-м полугодии 1942 г. по статье 58-10 УК РСФСР осудил 875 человек, а в 1-м полугодии 1943 г. – 389. Многие областные суды и в 1943 г. продолжали выносить массу приговоров с ВМН. Из 699 приговоров, обжалованных в Верховном суде РСФСР, в силу были оставлены приговоры на 282 человек (41,2%). Особенно беспорядочной репрессивностью отличались Верховный суд Коми, Таймырский окружной суд, Саратовский и Новосибирский областные суды. НКЮ серией угрожающих приказов сбил волну массовых осуждений по контрреволюционным преступлениям. В итоге количество жестоких приговоров уменьшилось (после новых побед Советской армии). Доля областных судов в общем количестве рассматриваемых контрреволюционных преступлений к концу войны снижалась, доля ВТ возрастала [8].

Согласно постановлению ГКО СССР 11.10.1942 г. дезертиры, занимающиеся грабежами или бандитизмом, привлекались по статье 58-16 (см. выше). Некоторые группы дезертиров превращались в отряды. Например, милиционер Алиев (Таджикистан) организовал банду из 20 человек и готовил восстание против советской власти. Во втором полугодии 1943 г. трибуналы осудили за бандитизм 216 человек по статье 58-16 УК. Часть осужденных была приговорена к ВМН. Например, шофер Филатов (2-й Украинский фронт) и сержант Бородулин похитили автомобиль, корову, открыли стрельбу при сопротивлении. По приговору трибунала Филатов был расстрелян перед строем. В 253-м зенитном артполку (3-й Украинский фронт) банда совершила около 200 краж. Руководители банды были расстреляны [9].

ВТ активно осуждали мирных граждан. Всего в 1943 г. военные трибуналы осудили 19 938 военнослужащих за измену Родине, 13 759 – за антисоветскую агитацию. По данным А. И. Муранова, дела об измене Родине составляли половину всех дел, которые рассматривали ВТ в начале войны, и 2/3 – в конце. На втором месте стояли преступления по статье 58-10. В отдельных трибуналах они составляли до половины всех контрреволюционных преступлений. Ужесточение ответственности за измену Родине продолжалось до конца войны. Например, 23 марта 1944 г. вышло Постановление Пленума ВС СССР № 5/1/СС. Самовольный переход линии фронта на сторону противника лицом, не состоящим на военной службе, совершенный с целью оказания содействия врагу либо без цели, но из враждебных побуждений к советской власти, должен был рассматриваться как акт измены Родине и квалифицироваться по ст. 58-1а УК РСФСР. С 1943 г. эта статья стала широко применяться военно-полевыми судами [10].

Статистика показывает, что контрреволюционные дела составляли основную долю дел, рассматриваемых в ВС республик. Например, в 1-м полугодии 1945 г. ВС РСФСР рассмотрел 4031 кассационное дело, во 2-м полугодии – 4029 дел (в отношении 7375 обвиняемых). Из них в 1-м полугодии контрреволюционные дела составляли 26%, во 2-м полугодии – 40%. В том числе во 2-м полугодии было рассмотрено 1333 дела об антисоветской агитации (85% оставлено в силе), 179 – о саботаже (63,6%). В конце войны в областные суды вновь стали поступать дела по ст.ст. 58-1а и 58-3 УК РСФСР.

Например, в Челябинский областной суд с 1-го по 3-й квартал 1943 г. поступило 709 дел по 58-й статьей (486 – по статье 58-10), 21 осужденный был расстрелян. Даже в небольших судах рассматривалось немалое количество контрреволюционных дел. Например, в 1944 г. в Курганском областном суде было рассмотрено 88 контрреволюционных дел, 3 осужденных расстреляли [11].

Контрреволюционные преступники подвергались постоянной дискриминации. В годы войны были случаи, когда ВТ применяли отсрочку исполнения приговора и направляли в армию (прим. 2 ст. 28 УК РСФСР) лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, и лиц, имевших в прошлом судимость по таким делам. Приказ № 004/0073/006/23сс НКЮ/НКВД/ НКЮ/Прокурора СССР от 26.01.1944 г. прямо запрещал ВТ и судам применять примечание 2 к статье 28 УК РСФСР к осужденным за контрреволюционные преступления. Согласно секретному указу ПВС СССР от 24.11.1941 г. в местностях, объявленных на военном положении, многие заключенные освобождались, за исключением осужденных по политическим статьям. Согласно Приказу НКЮ/Прокурора СССР №0047/132сс от 30.05.1944 г. условно-досрочное освобождение заключенных,

заболевших душевной болезнью или тяжким недугом, осужденных по 58 статьям, было запрещено [12].

Спецпрокуроры должны были осуществлять контроль над деятельностью судов и ОСО, но в итоге участвовали в рассмотрении только небольшой части дел. В 1943 г. отдел по спецделам Прокуратуры СССР по штатам должен был состоять из 32 сотрудников, фактически было 24 работника. За НКГБ непосредственно надзирали начальник отдела и один спецпрокурор. В 1943 г. в спецотделы областных прокуратур поступило 27 892 контрреволюционных дела. Из них в суд было направлено 17 408, в особое совещание – 5326. Остальные были прекращены или возвращены на доследование. Больше половины таких дел рассматривалось судами без участия прокуроров. Тем не менее суды оправдали или прекратили дела в отношении 6,3% обвиняемых. За год спецотдел Прокуратуры СССР рассмотрел на особом совещании 14 997 дел. Но, по данным Вышинского, спецотдел Прокуратуры СССР рассмотрел в 1943 г. 7370 дел, что было существенно ниже, чем в 1941-м. Например, только в 3-м квартале 1941 г. было рассмотрено в ОСО с участием прокуроров 19 753 дела [13].

Особым образом действовали военные трибуналы в отношении иностранных военнопленных. Положение о военнопленных предусматривало передачу дел о преступлениях иностранных военнопленных в военные трибуналы. Директива начальника УВТ от 4 июля 1941 г. передала дела о военнопленных в ведение ВТ войск НКВД. На них механически распространили те же правила, что применяли для советских граждан. Например, осуждали по статье 58-14 УК за побег из лагеря, по статье 58-10 УК – за антисоветские высказывания. Директива НКЮ СССР № 18/87с от 31 декабря 1942 г. передала дела на военнопленных в подсудность ВТ в/НКВД. Приказ НКЮ СССР от 9 сентября 1943 г. передал рассмотрение всех преступлений, совершенных иностранцами на территории СССР, в исключительную компетенцию ВТ войск НКВД [14].

О масштабах государственного террора можно судить по данным статистики. Источники информации можно разделить на две группы: недостоверные (материалы НКЮ республик и НКВД) и относительно достоверные (материалы ГУВТ НКЮ СССР и Военной коллегии ВС СССР). В справке Р. А. Руденко, поданной в ЦК в 1953 г., указывалось, что особое совещание осудило в 1941–1945 гг. 166 408 человек. В то же время суды осудили 310 207. Из них в начале войны специальные суды осуждали только половину, а в конце войны – уже 85% «преступников», то есть органы юстиции выступали в качестве главного репрессивного органа в начале и в конце войны, причем в течение войны падала доля лиц, осужденных по статье 58-10 УК РСФСР, с 49% до 12%, снижалась суровость мер наказания. Так, доля лиц, осужденных к ВМН, сократилась с 18% в 1942 г. до 3% в 1945-м. В то же время возросло число лиц, осужденных на 25 лет

лишения свободы. В среднем за годы войны контрреволюционные преступления составили 5% от числа всех преступлений. Эти данные соответствуют справке спецотдела МВД СССР, откуда Руденко и взял данные.

Но они противоречат данным ГУВТ. Согласно материалам НКЮ СССР, только ВТ осудили в 1941 г. 28 732, в 1942-м 112 973 человека, в 1943 г. — 95 802, в 1944-м — 99 425, в 1945-м — 135 056. Такие же данные приводят А. И. Муранов и В. Е. Звягинцев. Резкое различие данных может быть вызвано несколькими причинами. Во-первых, в сводку МВД могли быть включены только советские граждане, а ГУВТ осуждали большое количество иностранцев. Во-вторых, допускались большие погрешности при учете. В-третьих, возможны фальсификации. В период массовой реабилитации МВД стремилось занизить число репрессированных. Военные трибуналы были в меньшей степени заинтересованы в этом. По-видимому, данные судебных органов ближе к действительности. По данным ВС СССР, за 1941–1945 гг. было осуждено 640 629 человек, в том числе ВТ осудили 471 988 человек, и это без учета ВТ транспорта и лагерей [15].

По данным НКЮ РСФСР областные суды и ВС РСФСР рассмотрели в 1941–1945 гг. 72 034 дел. В том числе в 1941 г. было привлечено к уголовной ответственности 20 928 человек (осуждено 20 283), в 1942-м 24 844 (осуждено 23 792), в 1943 г. 13 467 (12 634), в 1944-м 7649 (7361), в 1945-м 5146 (5010). От 1% до 4% дел прекращалось, от 1,5% до 3,5% обвиняемых было оправдано, и от 94% до 97% было осуждено. Всего с 1941 по 1945 г. были прекращены дела в отношении 1670 человек, оправдано 1284 и осуждено 69 080. Подавляющее большинство осужденных приговаривалось к лишению свободы. Свыше 10 лет осуждалось не более 0,5%. Большинство осуждалось на сроки от 5 до 10 лет. Так, число лиц, осужденных на срок от 8 до 10 лет, снизилось с 59,2% в 1942 году до 37% в 1945-м, а лиц, осужденных от 5 до 8 лет, выросло с 38,6% до 56,2%. Также постепенно увеличивалась доля лиц, осужденных до 4 лет. Каждый год несколько десятков человек подвергалось ссылке, ИТР и условному осуждению [16].

В годы войны 58-е статьи УК РСФСР подверглись расширительному толкованию. Они стали применяться к преступлениям, связанному с невыходом на работу, хищениям, преступлениям против порядка управления. Серией постановлений и определений ВС СССР дал установку судам, что нет необходимости в установлении контрреволюционного умысла. Следовательно, применялось объективное вменение. Правосудие использовалось для устрашения и подавления населения. С 1944 г. массовые репрессии против «контрреволюционеров» стали снижаться, наступил новый цикл сталинской «законности», который продолжался до 1947 г.

Примечания

1. Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М., 1942. С. 107–108; Кожевников М. В. История советского суда. М., 1957. С. 329; Официальный отдел // Социалистическая Законность. 1941. № 1–2. С. 28; Романовская В. Б. Репрессивные органы и общественное правосознание в России XX века: дис. д-ра юр. наук СПб, 1997. Л. 359–360; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 39; Советское право в период Великой Отечественной войны. Уголовное право. Уголовный процесс. М., 1948. Ч. 2. С. 63–65; ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1 а. Д. 126. Л. 275; Д. 134. Л. 12–15.

2. Абрамовский А. П. Челябинский областной суд. 70 лет // Люди, события, факты. Челябинск, 2004. С. 60–61; Гусак В. А. Некоторые аспекты карательной политики государственной власти в условиях Великой Отечественной войны // «Черные дыры» в российском законодательстве. М., 2007. №2. С. 496; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 16. Д. 43. Л. 46, 211, 213, 221–222; Ф. Р-5446. Оп. 43а. Д. 3903. Л. 26Ф. Р-9492. Оп. 1 а. Д. 134. Л. 23; ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 22. Д. 12. Л. 3, 19; Ф. Р-1041. Оп. 5. Д. 1. Л. 186; Д. 2. Л. 186.

3. Конасов В. Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953) / В. Б. Конасов. – Вологда, 2006. С. 165; ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1а. Д. 181. Л. 98–100.

4. Абрамовский А. П. Челябинский областной суд. 70 лет // Люди, события, факты. Челябинск, 2004. С. 59–62; Гусак В. А. Некоторые аспекты карательной политики государственной власти в условиях Великой Отечественной войны // «Черные дыры» в российском законодательстве. М., 2007. № 2. С. 497; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 16. Д. 40. Л. 43, 85–89; Д. 41. Л. 85–89; Д. 43. Л. 46, 211, 213, 221; Д. 45. Л. 34; Ф. А-428. Оп. 3. Д. 59; Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 77. Л. 11; ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 22. Д. 18. Л. 42–44.

5. Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М., 1942. С. 106; Звягинцев А. Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953 гг. / А. Г. Звягинцев, Ю. Г. Орлов. С. 217–218; Муранов, А. И. Досье на маршала: из истории закрытых судебных процессов / А. И. Муранов, В. Е. Звягинцев. М., 1996. С. 148–150; Романовская, В. Б. Репрессивные органы и общественное правосознание в России XX века: дис. д-ра юр. наук СПб, 1997. Л. 362; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 37–38; Советское право в период Великой Отечественной войны. Уголовное право. Уголовный процесс. М., 1948. Ч. 2. С. 65–66, 139; Чарыев М. Р. Деятельность военных трибуналов во время Великой Отечественной

войны 1941–1945 гг. // Военно-юридический журнал. 2006. № 8. С. 28.

6. Муранов, А. И. Досье на маршала: из истории закрытых судебных процессов / А. И. Муранов, В. Е. Звягинцев. М., 1996. С. 148–150; Романовская, В. Б. Репрессивные органы и общественное правосознание в России XX века: дис. д-ра юр. наук СПб., 1997. Л. 363–364, 378; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 42.

7. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 81 а. Д. 361. Л. 119; Д. 362. Л. 79; Ф. Р-9492. Оп. 1 а. Д. 247А. Л. 28.

8. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 16. Д. 45. Л. 53; Ф. Р-9492. Оп. 1 а. Д. 300. Л. 229.

9. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 81 а. Д. 362. Л. 77; Д. 369. Л. 49–99.

10. Муранов А. И. Досье на маршала: из истории закрытых судебных процессов / А. И. Муранов, В. Е. Звягинцев. М., 1996. С. 148–149, 152–153; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 39; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 81 а. Д. 362. Л. 136; Д. 369. Л. 29, 49–99.

11. ГАКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 200. Л. 109; ГАРФ. Ф. А-428. Оп. 3. Д. 107. Л. 16–17; ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 5. Д. 4. Л. 133, 151.

12. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 16. Д. 36. Л. 72; Ф. Р-9492. Оп. 1 а. Д. 309. Л. 11–12, 72.

13. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 44 а. Д. 5098. Л. 54–55; Оп. 81 а. Д. 369. Л. 60.

14. Обухов В. В. Правовые основы организации и деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (историко-правовое исследование): дис. ...канд. юр. наук. М., 2002. С. 109, 118; ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1 а. Д. 177. Л. 254.

15. История сталинского ГУЛАГА: конец 1920-х – первая половина 1950-х гг.: собр. документов в 7 т. М., 2004. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. С. 599, 613, 618, 621; Муранов А. И. Досье на маршала: из истории закрытых судебных процессов. / А. И. Муранов, В. Е. Звягинцев. М., 1996. С. 137, 148; Реабилитация : как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1. М., 2000. Март 1953 – февраль 1956. С. 76–77; Чарьев, М. Р. Деятельность военных трибуналов во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военно-юридический журнал. 2006. № 8. С. 28; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 16. Д. 20. Л. 9; Ф. Р-5446. Оп. 81 а. Д. 369. Л. 90.

16. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 16 с. Д. 20. Л. 9; Д. 77. Л. 30, 47.

Кузьминых А. Л.

Судебное преследование иностранных военнопленных в СССР (1939—1956 гг.)

Приступая к рассмотрению вопроса о судебном преследовании военнопленных, необходимо отметить, что в изучаемый период для советской юстиции было характерно следование не законности, а политической целесообразности. Судебные органы, являясь неотъемлемой частью карательного аппарата, имели четкую идеологическую установку на борьбу с противниками советской власти. До мелочей был отработан механизм репрессий, включавший аресты невинных граждан, фальсификацию следственных материалов, широкое применение пыток, осуждение во внесудебном порядке, показательные политические процессы и т. п. Все это самым непосредственным образом отразилось на судьбах военнопленных иностранцев.

Порядок привлечения военнопленных к судебной ответственности регламентировался в законодательных актах, регулировавших общий порядок их содержания. В частности, статья 27 «Положения о военнопленных» от 19 сентября 1939 г. разъясняла, что «за совершенные преступления военнопленные подвергаются уголовной ответственности по законам Союза ССР и союзных республик» [1]. Рассмотрение дел военнопленных, отнесенных к категории воинских преступлений, объявлялось привилегией военных трибуналов. В остальных случаях дела по обвинению военнопленных следовало рассматривать в общем порядке.

Сразу заметим, что практика передачи дел в областные и народные суды распространения не получила. Известно лишь несколько случаев, когда органы НКВД на местах направляли в народные суды следственные дела на военнопленных, привлекаемых к ответственности за побег из лагерей. При этом гражданские суды, рассматривая дела, приговаривали пленных к исправительно-трудовым работам или к условному заключению. Так, 23 ноября 1940 г. народный суд Радощковского района Вилейской области приговорил военнопленного Ф. Ф. Чаевского за побег из лагеря к одному году и шести месяцам лишения свободы. 3 декабря Вилейский областной суд отменил принятое решение и приговорил Чаевского к году исправтрудработ на общих основаниях. В результате осужденный фактически оставался на постоянном месте жительства.

В другом случае народный суд Сталинского района Пинской области приговорил военнопленного М. В. Горлуховича к одному году условно и своим определением обязал последнего явиться после освобождения из тюрьмы в лагерь НКВД, откуда он совершил побег. Начальник Управления по делам военнопленных П. К. Сопруненко, указывая на то, что подобная практика вынесения приговоров на-

родными судами способствует побегам военнопленных, просил у вышестоящего руководства дать распоряжение местным органам НКВД о направлении дел на военнопленных, бежавших из лагерей, на рассмотрение Особого совещания НКВД или в военные трибуналы [2]. Таким образом, сфера судопроизводства в отношении военнопленных приобретала закрытый характер.

3 октября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) предоставило военным советам Украинского и Белорусского фронтов право утверждать приговоры военных трибуналов о высшей мере наказания по контрреволюционным преступлениям, совершенными гражданскими лицами и военнослужащими бывшей польской армии [3]. 28 января 1940 г. председатель Военной коллегии Верховного суда СССР В. В. Ульрих и исполняющий обязанности Главного военного прокурора Н. П. Афанасьев отправили на места указание о поднадзорности дел на военнопленных военному прокурору войск НКВД и подсудности военному трибуналу войск НКВД [4].

Основанием для привлечения к уголовной ответственности, как правило, являлось социальное положение. Так, 23 октября 1939 г. начальник особого отдела НКВД 12-й армии капитан госбезопасности Куприянов утвердил, а военный прокурор 12-й армии бригадный военный юрист Грезов санкционировал постановление об аресте и привлечении к уголовной ответственности подпоручика польской армии Ю. Э. Бросса. Поводом для судебного преследования была его профессиональная деятельность, а именно служба в юридическом департаменте Министерства иностранных дел Республики Польша [5].

В дальнейшем на основании принципа объективного вменения эта практика была распространена на все «классово враждебные» категории польских военнопленных. 5 марта 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление о расстреле 25 700 «бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков», а также «членов различных контрреволюционных шпионских и диверсионных организаций», причем предлагалось провести эту акцию «без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения». Рассмотрение дел возлагалось на «тройку» в составе начальника Главного управления государственной безопасности НКВД СССР В. Н. Меркулова, начальника Главного экономического управления НКВД СССР Б. З. Кобулова и начальника 1-го спецотдела НКВД СССР Л. Ф. Баштакова [6].

Основанием для вынесения приговора военнопленным являлись справки, составляемые УПВ НКВД СССР. Они имели четыре графы: ФИО; установочные данные (год, место рождения, имущественное, семейное и общественное положение, где содержится и когда взят в плен); последние должность и чин в польской армии или полицей-

ских, разведывательных и карательных органах; заключение [7]. Последняя графа справки содержала краткую формулировку обвинения и соответствующий пункт 58-й статьи УК РСФСР. «Тройка» приговаривала военнопленных к расстрелу списками, после чего направлялись «наряды» на отправку узников в распоряжение территориальных НКВД-УНКВД, а начальникам последних – «наряды» о приведении приговоров в исполнение. Всего в апреле-мае 1940 г. по решению «тройки» были расстреляны 21 857 польских граждан, в том числе 14 587 военнопленных [8].

Тщательно спланированное массовое убийство польских военнопленных и гражданских лиц, осуществленное органами НКВД, явилось одним из самых вопиющих преступлений сталинского режима. Осуждение польских военнопленных во внесудебном порядке и по политическим мотивам, а также последующее засекречивание расстрельной операции и уничтожение улики (учетных дел, картотек, переписки) свидетельствуют о грубом нарушении высшим руководством СССР не только норм международного права, но и собственного законодательства.

В начальный период Великой Отечественной войны, когда главной задачей стала мобилизация всех сил на отпор врагу, вопрос о судебном преследовании военнопленных гитлеровской армии не имел актуальности для советского руководства. Провозглашенный Сталиным лозунг «Смерть немецким оккупантам!» на этом этапе исчерпывающим образом определял сущность наказания представителей вооруженных сил агрессора. Тем более что формы и методы ведения войны со стороны гитлеровской армии вполне обоснованно квалифицировались как варварские и бесчеловечные.

Известны факты, когда сотрудники особых отделов НКВД расстреливали военнопленных без суда и следствия как «непримиримых врагов» советского государства. Например, в конце 1942 г. по постановлениям Особого отдела НКВД Западного фронта были расстреляны попавшие в плен немецкие летчики Г. Шинагель и М. Юстель. Вместо приговора имело место лишь составленное от руки постановление, в котором говорилось: «Я, заместитель нач. 6-го отделения ОО НКВД Западного фронта капитан госбезоп. Гордон, рассмотрев материалы о военнопленном германской армии, летчике-истребителе лейтенанте Юстеле Мартине, 1922 года рождения, уроженце гор. Остераде (Восточная Пруссия), нашел: Юстель состоял в организации гитлеровской молодежи, в германскую армию поступил добровольно в 1939 году и активно участвовал в действиях немецких оккупантов во Франции и других странах, за что был награжден орденом «Железного креста» 2-го класса. Показаний о вооружении частей германской армии не дал, отговаривался незнанием. На основании изложенного постановил: Юстеля Мартина, как непримиримого вра-

га СССР, РАССТРЕЛЯТЬ» [9]. Аналогичное решение было вынесено и в отношении летчика-наблюдателя старшего вахмистра Шинагеля.

Ситуация в области уголовного преследования военнопленных кардинальным образом изменилась в переломный период войны, когда стал очевиден неминуемый крах фашистской Германии. Уголовная ответственность нацистских военных преступников была провозглашена в ряде международных договоров, в частности, в Московской декларации от 30 октября 1943 года. В ней говорилось, что германские офицеры и солдаты, ответственные за зверства, убийства и казни на территориях оккупированных стран, после окончания войны «будут отправлены обратно в места их преступлений и будут судимы на месте народами, над которыми они совершали насилие» [10].

Уже с конца 1942 г. в СССР начинается работа по подготовке документальной базы для судебного преследования организаторов и исполнителей военных преступлений. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. была образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК). В задачу ЧГК входили не только полный учет «злодейских преступлений немцев и их пособников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР», но и установление «личностей немецко-фашистских преступников, виновных в организации и совершении злодеяний на оккупированной советской территории, с целью предания этих преступников суду и их сурового наказания» [11].

Беспрецедентный масштаб преступлений, совершаемый гитлеровскими войсками, требовал адекватного подхода к вопросам их наказания и принятия соответствующего нормативно-правового акта. 19 апреля 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников», который стал правовой базой для привлечения к суду военных преступников. Уголовные санкции за преступления подобной квалификации предельно ужесточались. В качестве меры наказания Указ предусматривал смертную казнь через повешение и каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.

Рассмотрение дел «фашистских злодеев» возлагалось на военно-полевые суды, образуемые при дивизиях действующей армии в составе: председателя военного трибунала дивизии (председатель суда), начальника особого отдела дивизии и заместителя командира дивизии по политической части (члены суда), с участием прокурора дивизии. Приговоры военно-полевых судов приводились в исполнение немедленно. При этом повешение осужденных к смертной казни

следовало производить публично, при большом скоплении народа, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, «какое возмездие постигнет всякого, кто совершил насилие и расправу над гражданским населением» [12]. По данным А. Е. Епифанова, в 1943 г. военно-полевые суды вынесли приговоры в отношении 1060 человек, в том числе 1006 советских граждан (94,9 %) и 54 военнопленных (5,1%); в 1944 г. – 888 человек, в том числе 707 советских граждан (79,6%) и 181 военнопленного (20,4%) [13]. Таким образом, основная масса лиц, осужденных военно-полевыми судами, являлась пособниками нацистов из числа советских граждан.

15–18 декабря 1943 г. в г. Харькове состоялся первый открытый судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков. Военный трибунал 4-го Украинского фронта полностью признал виновность четырех подсудимых: капитана военной контрразведки В. Лангхельда, заместителя командира роты СС унтерштурмфюрера Г. Рица, старшего ефрейтора харьковского гестапо Р. Рецлава и водителя машины-«душегубки» М. П. Буланова – и приговорил их к смертной казни через повешение. «Приговор был выслушан многочисленными трудящимися г. Харькова, собравшимися в зале суда, с напряженным вниманием и встречен единодушным одобрением», – сообщалось в советской печати [14].

Публичная казнь военных преступников в Харькове вызвала негативную реакцию со стороны Международного комитета Красного Креста. В «Обращении к правительствам воюющих стран» МККК призвал их во избежание необъективности отложить судебные процессы над военнопленными до окончания войны. Однако СССР расценил это заявление не иначе как «бесчеловечный гуманизм» и «покровительство гитлеровским преступникам» [15]. Обосновывая жестокость наказания в отношении нацистских военных преступников, известный теоретик советского уголовного права профессор А. Трайнин писал: «Военнопленный не может и не должен отвечать за причинение смерти, увечий, за разрушения, совершенные на поле брани в условиях боевых действий. Но двуногий, бросающий в огонь детей, – не военнотрудовой; пойманный, он поэтому не становится военнопленным: он был и остается бандитом» [16].

Завершение работы по документированию ущерба, причиненного СССР в ходе войны, позволило советскому руководству провести серию публичных судебных процессов над военными преступниками из числа военнопленных. На основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 ноября 1945 г. их подготовка была возложена на правительственную комиссию, в состав которой вошли нарком юстиции СССР Н. М. Рычков, заместитель наркома внутренних дел С. Н. Круглов, заместитель наркома госбезопасности СССР Б. З. Кобулов, начальник Главного управления военной контрразведки «Смерш»

НКО СССР В. С. Абакумов, главный военный прокурор Вооруженных сил СССР Н. П. Афанасьев и председатель Верховного Суда СССР И. Т. Голяков [17].

Комиссия разработала сценарий и график прохождения процессов, которые должны были пройти в республиканских и областных центрах, по месту совершения преступлений. Были отобраны кандидатуры на должности председателей судов, прокуроров и адвокатов. Тексты обвинительных речей, заключений и приговоров утверждались комиссией ЦК и Главным военным прокурором. Для оказания практической помощи в подготовке и проведении процессов на места были командированы группы работников НКВД, НКГБ и «Смерш».

Всего на открытых судебных процессах, прошедших в Брянске, Великих Луках, Киеве, Ленинграде, Минске, Николаеве, Риге, Смоленске в декабре 1945 г.– январе 1946 г., были осуждены 85 военных преступников из числа военнослужащих вермахта, в том числе 18 генералов, 28 офицеров и 39 унтер-офицеров. Из них 66 человек были повешены, 19 – приговорены к каторге на срок от 12 до 20 лет [18]. Смертные приговоры приводились к исполнению на городских площадях, при огромном скоплении народа. К примеру, казнь военных преступников на Минском ипподроме 30 января 1946 г. наблюдали около 200 тыс. зрителей [19].

После окончания войны наблюдается тенденция к гуманизации наказания военных преступников. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. смертная казнь, применяемая в отношении опасных государственных преступников, заменяется заключением в исправительно-трудовые лагеря сроком на 25 лет [20]. Это нововведение не замедлило сказаться на приговорах, выносимых военными трибуналами.

Осенью 1947 г. проходит вторая волна судебных процессов над военными преступниками. На основании Постановления Совета Министров СССР № 3209–1046сс от 10 сентября 1947 г. состоялись 9 открытых судебных процессов, которые прошли в Бобруйске, Витебске, Гомеле, Кишиневе, Новгороде, Полтаве, Севастополе, Сталино, Чернигове. Перед судом предстали 138 военнопленных, в том числе 23 генерала, 78 офицеров и 37 унтер-офицеров и солдат. Среди них по национальности было 117 немцев, 13 венгров, 7 румын и австриец; по должностному положению: 7 начальников гарнизонов и военных комендатур городов, 12 комендантов местных комендатур, 5 командиров армий и корпусов, 15 командиров пехотных дивизий и дивизий СС, 30 командиров полков и батальонов, 7 командиров рот и взводов, 17 начальников карательных отрядов СС, полиции и полевой жандармерии, 6 работников СД и Абвера, 37 унтер-офицеров и солдат, областной комиссар и военно-административный советник [21]. Все обвиняемые на основании 1-й статьи Указа от 19 апреля 1943 г. были приговорены к различным срокам заключе-

ния в исправительно-трудовых лагерях: 128 человек – к 25 годам, 9 – к 20 годам и 1 – к 15 годам.

Следует отметить, что не все подсудимые в ходе процессов признавали свою вину и покорно принимали наказание. Так, генерал-полковник Э. Енекке, обвиняемый в совершении массовых преступлений на территории Крыма и Кубани, заявил: «У прокурора предвзятое мнение о том, что каждый германский главнокомандующий является кровопийцей, преступником и убийцей» [22]. По словам Енекке, «в числе 300 тысяч подчиненных ему войск могли быть отдельные преступники, однако командующего армией обвинять в этом так же смешно, как обвинять Севастопольский горсовет в преступлениях, совершенных проживавшими на его территории жителями» [23].

Учитывая шаткость доказательной базы, а также отсутствие свидетелей, часть законченных следственных дел на военных преступников было решено рассмотреть в закрытом порядке. В отличие от открытых процессов закрытые судебные заседания проводились по упрощенной форме. Дела рассматривались военным трибуналом в составе председателя, двух членов и секретаря. Процессуальный порядок судебных заседаний выглядел следующим образом: зачитывалось обвинительное заключение по делу, затем слово предоставлялось обвиняемому, после чего выносился приговор. Попытки обжалования приговоров, как правило, оставались без удовлетворения. Всего на закрытых судебных процессах в октябре-ноябре 1947 г. были осуждены 876 военнопленных, совершавших злодеяния на оккупированной советской территории. Для отбывания наказания «немецко-фашистские злодеи» направлялись в Воркуту, где для них было создано специальное лагерное отделение со строгим режимом [24].

Значительное количество военнопленных было осуждено за совершение иных преступлений, предусмотренных советским уголовным законодательством. Так, пленные судились за саботаж по статье 193-2 [25] УК РСФСР 1926 г., за нападение на конвоира – по статье 193-3 [26], за кражи – по статье 162 [27]. В случае умышленной порчи механизмов и оборудования виновные привлекались к ответственности по ст. 58-7 [28] или 58-9 [29]. Равным образом военнопленные привлекались к ответственности за нарушения лагерного режима, членовредительство, хищения и т. п. [30]. После отбытия срока наказания они подлежали водворению обратно в лагерь военнопленных.

В конце 1949 г., в период завершения массовой репатриации, в СССР проходят массовые закрытые судебные процессы над военнопленными. Как правило, последних привлекали к ответственности за принадлежность к военным частям, участвовавшим в военных преступлениях, а также за службу в карательных и разведывательных органах. По данным А. Е. Епифанова, из 15 200 военнопленных, осужденных в 1949 г. по Указу ПВС СССР от 19 апреля 1943 г.,

в первом полугодии были осуждены 2148, во втором – 13 052. При этом осужденные за военные преступления составляли основную массу военнопленных, привлеченных к ответственности в 1949 г.: 58,6% в первом и 83,2% – во втором полугодии 1949 года [31].

3 августа 1949 г. на места было направлено совместное распоряжение МВД СССР, Минюста СССР и Главного военного прокурора Вооруженных сил СССР об аресте и предании суду военнопленных и интернированных японцев, в отношении которых имелись материалы о враждебной деятельности против СССР. Речь шла о генералах и офицерах, участвовавших в подготовке военного нападения на СССР; организаторах военных конфликтов на озере Хасан и реке Халхин-Гол; сотрудниках разведывательных и карательных органов японской армии; преподавателях и курсантах шпионско-диверсионных школ; членах японской националистической организации в Маньчжурии «Киовакай»; работниках «противоэпидемических отрядов», занимавшихся разработкой бактериологического оружия; агентуре бывшей японской армии, использовавшейся против СССР, и т. п. Перечисленные категории лиц предлагалось привлекать к судебной ответственности на основании ст. 58-4, 58-6 и 58-11 УК РСФСР [32].

На основании собранных обвинительных материалов с 25 по 30 декабря 1949 г. в Хабаровске состоялся открытый судебный процесс над бывшим командующим Квантунской армией генералом О. Ямадой, бывшими начальниками санитарного и ветеринарного управлений этой армии генерал-лейтенантом медицинской службы Р. Кадзицукой и генерал-майором медицинской службы К. Кавасимой, а также группой руководящих работников так называемого «противоэпидемического отряда № 731». Обвиняемым вменялись в вину создание бактериологического оружия для массового истребления войск и мирного населения государств-противников (СССР, Китая и др.), а также проведение биологических экспериментов над живыми людьми, в том числе советскими военнопленными. Юридическим основанием для вынесения приговора стала 1-я статья Указа ПВС СССР от 19 апреля 1943 г., предусматривавшая смертную казнь через повешение. Однако ввиду того, что смертная казнь была отменена, все 12 обвиняемых были осуждены на разные сроки лишения свободы [33].

В начале 1950-х гг. в СССР проходят судебные процессы над генералами бывшей германской армии. Одним из первых на скамье подсудимых оказался бывший президент Союза немецких офицеров генерал В. фон Зайдлиц. По мнению исследователей, причина предания суду видного антифашиста заключалась в самостоятельности суждений и отказе принять коммунистическую идеологию. Этого оказалось достаточно, чтобы военный трибунал 8 июля 1950 г. на закрытом судебном заседании без свидетелей и доказательств вины

приговорил его к смертной казни. Через полтора часа это решение было заменено 25 годами тюремного заключения. Более пяти лет В. Зайдлиц провел в одиночной камере тюрьмы г. Новочеркаска. В ноябре 1954 г. с генералом случился нервный срыв, после чего он был переведен в Бутырскую тюрьму в Москве, а условия его содержания под стражей были смягчены. Только в октябре 1955 г. после визита канцлера К. Аденауэра в Москву он был освобожден и передан властям ФРГ [34].

Перед судом представляли не только генералы, но фельдмаршалы. 21 февраля 1952 г. Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дело генерал-фельдмаршала Э. фон Клейста. Последний обвинялся в том, что, занимая командную должность в бывшей германской армии, принимал активное участие в подготовке и ведении преступной войны против СССР. В качестве обвинительного материала использовались материалы ЧГК, показания самого подсудимого, 23 военнопленных и 28 советских граждан. И, хотя в своем последнем слове подсудимый заявил о том, что «воевал в России как порядочный солдат», на основании 1-й статьи Указа ПВС СССР от 19 апреля 1943 г. и 2-й статьи Закона № 10 Контрольного совета в Германии он был лишен свободы на 25 лет [35]. Э. Клейст отбывал срок во Владимирской тюрьме, где скончался от болезни сердца 13 ноября 1954 года.

По состоянию на 1 марта 1952 г. в лагерях МВД содержалось 19 068 осужденных военнопленных и интернированных, среди которых были граждане и подданные более 20 государств, в том числе: Германии – 15 120, Японии – 1425, Австрии – 828, Румынии – 600, Венгрии – 494, Польши – 128, Югославии – 107, Китая – 88, Чехословакии – 67, Испании – 46, Голландии – 39, Кореи – 33, Италии – 26, прочих – 67. Таким образом, почти 80% контингента осужденных иностранцев было представлено гражданами Германии, 7,5% – подданными Японии, остальные 12,5% – гражданами других государств [36]. Как уже отмечалось выше, ряд военных преступников ввиду «особой опасности, требовавшей строгой изоляции от общества», был переведен на тюремный режим по специальному определению Военной коллегии Верховного суда СССР. Так, тюремное заключение во Владимирской тюрьме МГБ отбывали Г. Фосс, Ф. Шернер, И. Раттенхубер, Б. Штрекенбах, А. Герстенберг, Г. Вейдлинг и др.

На 1 марта 1955 г. в местах лишения свободы находилось 9774 осужденных гражданина Германии: 6462 военнопленных (в том числе 182 генерала) и 3312 гражданских лиц. Из них 6136 человек отбывали срок по ст. 1 Указа ПВС СССР от 19 апреля 1943 г., 2703 – по ст. 58-6 УК РСФСР 1926 г., 85 – по ст. 58-8 УК РСФСР, 46 – по ст. 58-9 УК РСФСР, 526 – по другим пунктам ст. 58 УК РСФСР, 10 – по ст. 59-3 УК РСФСР, 268 – за другие преступления [37].

Всего, по нашим оценкам, в 1939–1956 гг. в СССР было осуждено в судебном и внесудебном порядке свыше 53 тыс. военнопленных и интернированных, в том числе в 1939–1941 гг. – 15,5 тыс. человек, в 1942–1948 гг. – 10,7 тыс., в 1949–1950-е гг. – 26,9 тыс. человек. Основная масса осужденных была представлена немцами (32,3 тыс. чел.) и поляками (15,5 тыс. чел.) [38].

Освобождение осужденных военнопленных и интернированных осуществлялось на основании указов Президиума Верховного Совета СССР. Так, 28 сентября 1955 г. на основании ходатайств правительств ГДР и ФРГ Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об освобождении германских граждан, осужденных судебными органами СССР за совершенные ими преступления против народов Советского Союза в период войны». В преамбуле разъяснялось, что «со времени окончания войны прошло более десяти лет, и военные преступники, осужденные за свои преступления, уже отбыли значительную часть срока наказания». На основании Указа досрочно-му освобождению и репатриации в ГДР или ФРГ (в зависимости от места жительства) подлежали 8877 германских граждан. Еще 749 немцев передавались в качестве военных преступников, поскольку «Президиум Верховного Совета СССР не считал возможным досрочно освободить указанных лиц от дальнейшего отбывания наказания ввиду особой тяжести совершенных ими преступлений против советского народа» [39].

В 1990-е гг. начался процесс пересмотра дел незаконно осужденных иностранных граждан. Правовой основой реабилитации стал Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», принятый 18 октября 1991 года. По данным А. Е. Епифанова, на 1 января 2001 г. органами военной прокуратуры было рассмотрено свыше 15 тыс. обращений иностранных граждан, главным образом немцев. По пересмотренным уголовным делам были реабилитированы 13 035 иностранцев, отказано в реабилитации 4534 [40]. Отказ в реабилитации коснулся в основном лиц, в делах которых имелись веские доказательства вины в совершении военных преступлений.

В целом практику судебного преследования иностранных военнопленных нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, перед судом предстали непосредственные организаторы и исполнители военных преступлений, совершенных на оккупированной советской территории, с другой – имело место осуждение иностранных граждан с грубейшими нарушениями норм не только международного (Женевская конвенция о военнопленных 1929 г.), но и советского законодательства (Положения о военнопленных 1939 и 1941 гг.).

Примечания

1. Катынь: пленники необъявленной войны. Документы и материалы / Под ред. Р. Г. Пихои, А. Гейштора. М., 1999. С. 81.

2. Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы. М., 2001. С. 302–303.

3. Катынь: пленники необъявленной войны... С. 129.

4. Лебедева Н. С. О трагедии в Катыни // Международная жизнь. 1990. № 5. С. 121–122; Катынь: пленники необъявленной войны... С. 310.

5. Катынь: пленники необъявленной войны... С. 159.

6. Там же. С. 390–392.

7. Там же. С. 525.

8. Там же. С. 520–521, 597.

9. Цит. по: Петров Н. В. Внесудебные репрессии против немецких военнопленных в 1941–1946 гг. // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 2. Вологда, 1997. С. 79.

10. Цит. по: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной Войны. Документы и материалы. Т. 1. М., 1944. С. 363–364.

11. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М., 1956. С. 96–98.

12. Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. М., 2002. Т. 24 (13–3). Кн. 2. С. 282–283.

13. Рассчитано по данным: Епифанов А. Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1956 гг. Волгоград, 2005. С. 263.

14. Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР: документы и материалы. Т. 24 (13–2). Кн. 1. С. 54.

15. Конасов В. Б. Международный комитет Красного Креста – Советский Союз: дорогой сотрудничества и конфронтации (1939–1952 гг.): исторический очерк и документы. М., 1999. С. 24–25, 68–70.

16. Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Т. 24 (13–2). Кн. 1. С. 60.

17. Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Т. 24 (13–3). Кн. 2. С. 274.

18. Епифанов А. Е. Ответственность за военные преступления... С. 136–137.

19. Шарков А. В. Архипелаг ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Белоруссии: 1944–1951 гг. Минск, 2003. С. 134.

20. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене смертной казни» от 26 мая 1947 года. См.: Консультант-Плюс [сайт]

[Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=6645>.

21. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 756–757.

22. Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Т. 24 (13–3). Кн. 2. С. 308.

23. Цит. по: Епифанов А. Е. Ответственность за военные преступления... С. 138.

24. Военнопленные в СССР... С. 756–757.

25. Неисполнение отданного в порядке службы приказа.

26. Оказание сопротивления лицу, исполняющему возложенные на него обязанности по военной службе.

27. Тайное похищение чужого имущества.

28. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций.

29. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества.

30. Архив УМВД России по Вологодской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 193. Л. 80, 96–96 об.; Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Т. 24 (13–3). Кн. 2. С. 326–327.

31. Епифанов А. Е. Ответственность за военные преступления... С. 141.

32. Военнопленные в СССР... С. 773–774.

33. Там же. С. 920; Хабаровский процесс // Большая советская энциклопедия. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Хабаровский процесс>.

34. Крупенников А. А. Тяжкая ноша плена: статьи 1993–2000. М., 2001. С. 107–108.

35. Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Т. 24 (13–3). Кн. 2. С. 359–371.

36. Военнопленные в СССР... С. 789–790.

37. Там же. С. 796–797.

38. Рассчитано по данным: Крупенников А. А. Тяжкая ноша плена... С. 117; Карнер С. Архипелаг ГУПВИ... С. 202; Шарков А. В. Архипелаг ГУПВИ... С. 148; Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни... С. 384–385, 494–497.

39. Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Т. 24 (13–3). Кн. 2. С. 388–389.

40. Епифанов А. Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): Автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 3.

Ленская В. В.

Нацистская парадигма школьного образования и ее практическое воплощение в рейхскомиссариате «Украина»

В школьной политике тоталитарных государств фокусируются и апробируются различные политические и идеологические концепции. Через неё на протяжении десятилетия в юном возрасте человека осуществляется процесс формирования его жизненного кредо в нужном государству формате.

Лидирующими тоталитарными государствами Европы в 30-х гг. XX столетия были Советский Союз и нацистская Германия. Советское руководство рассматривало школу как центр воспитания коммунистического мировоззрения подрастающего поколения, которое в перспективе должно было стать сознательным строителем коммунизма и преданным защитником советской власти. При каждом удобном случае И. В. Сталин заявлял, что без серьёзного образования «невозможно никакое культурное строительство нашей страны... Более того: без этого у нас не будет ни настоящего подъёма промышленности и сельского хозяйства, ни надёжной обороны страны» [1].

В унисон с ним вождь немецких национал-социалистов А. Гитлер считал «школьное образование альфой и омегой всего», способными «объединить весь народ в поклонении единому идеалу» [2].

При схожих методах партийного влияния на школу между большевиками и национал-социалистами существовало принципиальное различие. Первые исповедовали интернационализм, вторые – расизм.

В таком диаметрально противоположном направлении воспитывалась советская и немецкая молодёжь в предвоенные годы. Расовая теория была стержнем реваншистских планов нацистов, которые стремились к расширению жизненного пространства за счёт других народов. Наиболее последовательно и с предельной откровенностью эти идеи изложены на страницах книг «Моя борьба» А. Гитлера и «Мифы XX столетия» А. Розенберга. Их воплощение в жизнь полностью перечёркивало цивилизованное будущее других народов,

вплоть до их уничтожения. Авторы на полном серьёзе считали возможным соединение архаичного рабства с высокими технологиями.

В советской и постсоветской историографии практически нет научных работ, в которых бы системно исследовались взгляды и планы А. Гитлера, изложенные в его вышеназванной книге, а также в запотоколерированных беседах с соратниками. Априори считается, что слишком много чести для мирового злодея анализировать его кредо. Однако чем дальше, тем больше становится очевидным, что его ядовитые идеи в отличие от преступной практики не только не разбиты, а, напротив, одурманивают, отравляют и собирают под коричневые знамёна новые поколения последователей даже в тех странах, которые серьёзно пострадали от нацистской чумы.

Среди славянской молодёжи появляются неформальные организации типа скинхедов. В моду вошли наглядные нацистские символы в виде татуировок, свастики, приветствия и т. п. Все эти фрондирующие интерпретации прошлого таят в себе глубокую опасность, и бороться с этим злом нужно в зародыше путём активного распространения информации о том, к каким реальным, практическим последствиям приводят гипертрофированные идеи национальной исключительности. Рано или поздно все эти химеры превращаются в фантом, принося неисчислимые бедствия народам и странам.

В отличие от теоретического наследия А. Гитлера и его единомышленников нацистская практика злодеяний более или менее проанализирована в мировой историографии. К заслуживающим внимания публикациям последнего времени, в которых есть сведения по заявленной теме, относятся работы украинских авторов В. И. Кучера и А. В. Потыльчака [3], В. И. Семененко и Л. О. Радченко [4], Ф. П. Пигидо-Правобережного [5] и др. Несмотря на то что на этих книгах можно ставить гриф «Не достигшим совершеннолетия читать воспрещается!», они представляют большой интерес для специалистов как в фактологическом, так и в авторском интерпретационном плане.

К этому ряду полемической литературы примыкает исследование российского автора А. М. Буровского «Великая Гражданская война. 1939–1945» из серии «Вся правда о России» [6].

Навести глянец на «памяти о войне, которая затёрлась», старается министр культуры Российской Федерации с украинскими корнями В. Р. Мединский в своей талантливо – оригинальной книге «Война. Мифы СССР. 1939–1945» [7]. В ней автор выступает аполгоетом советско-партийной концепции Второй мировой войны, своеобразным анти-Суворовым. Написанная в присущей ему научно-публицистической манере, она содержит ряд размышлений, касающихся нашей темы.

Научный интерес к положению дел в школьном образовании на Украине в годы минувшей войны проявили зарубежные авторы С. А.

Беллецца [8], К. Беркгоф [9], Б. Ержабкова [10]. Их работы отличаются широкая источниковая база с привлечением документов немецких, российских и украинских архивов, архитектоника изложения материала и нетривиальность взглядов на исследуемые события.

Исходя из актуальности темы и интереса, проявляемого к ней, автор ставит целью на основании архивных и опубликованных документов, статистических данных, результатов научных изысканий исследователей в этой области проанализировать проблему школьного образования на оккупированной территории сквозь призму неоднородности взглядов и непоследовательности практических действий нацистского руководства и исполнителей.

Теоретическое обоснование своих взглядов на прошлое, настоящее и будущее мира, прежде всего Европы, А. Гитлер изложил в «Mein Kampf» («Моя борьба») в 20-х гг. XX ст., в так называемый «тюремный период» своей жизни. Эта достаточно эклектичная теория была создана человеком, который претендовал на роль Мессии, и её опубликование должно было способствовать формированию соответствующего имиджа вождя. Развёрнутая вокруг книги пиар-кампания была рассчитана на униженный и обиженный охлос с целью быстрого захвата власти и создания такого общественного климата, при котором обыкновенный человек не сразу сообразит, где его собственные мысли, а где — «впиаренные». На волне всеобщего негодования и «национального энтузиазма» ничего не стоит незаметно перейти к авторитарному режиму.

По большому счёту, А. Гитлер — первый человек, который завоевал чужую, хотя и близкую по культуре страну не оружием, а идеями. На большинство немецкого населения этот австриец смотрел как на «биомассу», необходимую для претворения в жизнь его расистских идей, желательно добровольно, а если не получится, то принудительно. «Психика широких масс совершенно не восприимчива к слабому и половинчатому... Масса больше любит властелина, чем того, кто у неё чего-либо просит. Масса чувствует себя более удовлетворённой таким учением, которое не терпит рядом с собой никакого другого, нежели допущением различных либеральных вольностей. Большею частью масса не знает, что ей делать с либеральными свободами, и даже чувствует себя при этом покинутой... Она видит только беспощадную силу, перед которой она в конце концов пасует» [11]. К таким выводам пришёл А. Гитлер в процессе изучения опыта социал-демократов в деле завоевания масс. Готовясь вытеснить соперников из политического пространства Германии, он создаёт соответствующую тактическую инсталляцию, которая сводилась к следующему: «Если социал-демократии будет противопоставлено учение более правдивое, но проводимое с такой же силой и скотской грубостью, это учение победит...». При этом, считал лидер нацизма, все средства хороши: от «бесстыдного идейного до

физического террора по отношению к отдельным лицам и к массе» [12]. Как известно, «тюремные размышления» будущего фюрера впоследствии регулярно дополнялись и совершенствовались им в зависимости от ситуации, а потом педантично претворялись в жизнь его клеветами.

Одно из центральных мест в новой политической платформе принадлежит школьному образованию, которое А. Гитлер рассматривал как многоплановую конструкцию, обрамлённую рамкой «идеи расы и идеи личности».

Воплотить расистские идеи в жизнь должна была немецкая молодёжь, поэтому «венец всех задач нашей постановки воспитания должен заключаться в том, чтобы со всей отчётливостью поставить перед всей молодёжью в первую очередь проблему расы... Ни один юноша и ни одна девушка не должны покидать стен школы, не поняв до конца, какое гигантское, решающее значение имеет вопрос о чистоте крови. Только на этих путях выкуем мы все предпосылки нашего дальнейшего культурного развития» [13].

Наиболее последовательным его адептом был А. Розенберг, который стремился создать «конкретную, земную философию, основанную на законах естественного феномена, а именно расы». В её основе лежит «превосходство германского народа, провозглашённое самой природой» [14].

На основе расистской доминанты Гитлер поделил всё человечество на три группы: 1. Основатели культуры. 2. Носители культуры. 3. Разрушители культуры. К первым двум он отнёс арийцев, как «Прометеев человечества», а всех других – «к исполнителям их планов» [15]. Нациофобские идеи фюрера на практике трансформировались в массовый культурный и физический этноцид и геноцид автохтонного населения оккупированных стран.

Фюрер и его единомышленники с их неоглобалистской идефикс пошли на Восток под фальшиво-пропагандистскими лозунгами защиты населения, которое они на самом деле ни в грош не ставили, считая его «смесью зверской жестокости и непостижимой лживости», от большевистского руководства СССР. Ему Гитлер даёт не менее хлесткую характеристику: «...Правители современной России – это запягивавшие себя кровью низкие преступники, накипь человеческая», которая «произвела дикую расправу над миллионами передовых, интеллигентных людей, фактически истребила интеллигенцию и осуществляет самую жестокую тиранию, какую когда-либо только знала история» [16].

Планируя военное «освобождение» славян – «заложников коммунизма», высшее руководство Третьего рейха было озабочено последующим обустройством присоединённого «жизненного пространства». Однако события развивались так стремительно и непредсказуемо, что ни Гитлер, ни другие нацистские стратеги не имели

времени для их серьёзного анализа и писательского творчества, как в довоенные годы. Теперь они действовали спонтанно, в зависимости от текущей ситуации. Их рассуждения дошли до нас в виде речей, выступлений, директив, приказов, дневников и так называемых застольных бесед фюрера.

Методологической основой образования продолжала оставаться расовая теория. «Наша обязанность – методически проводить расовую политику... Было бы ошибкой требовать образование для местного населения. Всё, что мы можем ему дать, будут половинчатые знания...», – инструктировал подчинённых А. Гитлер [17].

Протагонисту подпевал слаженный хор клеветников. Под руководством рейхсфюрера СС, имперского комиссара по германизации восточных земель Г. Гимmlера был подготовлен документ «Некоторые соображения об обращении с лицами не немецкой национальности на Востоке». В нём со всей откровенностью изложены план колонизации завоёванных земель и прогнозируемые результаты. «Через некоторое время исчезнет воспоминание о таких народах как украинцы, гурийцы, лемки. Это же относится и к полякам.

Основой для решения вопроса является школьное образование, в процессе которого будет происходить отбор и перевоспитание молодёжи. Для не немецкого населения Востока мы позволим только четырёхклассные народные школы. Её цель – научить детей считать до 500, писать своё имя и вбивать в их сознание, что по воле Бога они обязаны слушать немцев. Чтение я считаю необязательным. Никаких других школ на Востоке не должно быть в принципе. Для получения более высокого образования надо подать прошение начальнику СС или полиции на предмет проверки расовой чистоты и соответствия нашим требованиям». И далее в том же духе [18].

«Мефистофель фюрера» М. Борман, который был личным секретарём и преданным эхом А. Гитлера, озвучил мысли хозяина в своей интерпретации. В одном из меморандумов 1942 г. он писал: «Славяне должны работать на нас. Когда они не будут нам нужны, пусть издыхают. Образование – опасно. Достаточно, если они смогут считать до 100. (Пятикратное понижение образовательного уровня даже в сравнении с Г. Гимmlером. – В. Л.) Следует разрешить только такой масштаб образования, который создаст из них приличных подручных...». [19]

Белой вороной в чёрно-коричневой нацистской стае оказался, как ни странно, главный теоретик и философ нацизма А. Розенберг. Он был непоколебимо убеждён в том, что всю историю человечества можно объяснить с точки зрения расовой теории. По партийной линии с 1934 г. по 1945 г. он являлся уполномоченным фюрера по воспитанию мировоззрения членов НСДАП. До войны опубликовал ряд программных трудов, в т. ч. «След еврея в перемене эпох», «Чума в России: большевизм, его руководители, приспешники и жертвы», «Сущность, принципы и цели НСДАП», «Миф XX века» и другие.

Как же могло оказаться, что этот воинствующий расист оказался в политической изоляции в процессе планирования и осуществления восточной политики? Всё дело в том, что, прожив первую четверть века своей жизни в России, он не понаслышке знал загадочную русскую душу и мощь страны. Отсюда становится понятно, что для достижения поставленной Гитлером глобальной цели он предпочитал действовать иезуитскими методами, отвергая грубую, солдафонскую, невежественную тактику однопартийцев, которая усиливала конфронтацию с местным населением, увеличивала жертвы немцев и не давала желаемых результатов.

Опять же, как ни покажется странным, представители военной администрации, которые были первопроходцами-практиками на завоёванной земле и, скорее всего, ничего не знали о разногласиях в высших эшелонах власти, интуитивно, исходя из практической целесообразности, шли розенбергским путём. Правда, эта дорога оборвалась, когда они столкнулись с саботажем, диверсиями и прочими реалиями со стороны местного населения. Тогда в действие вступил закон о коллективной ответственности жителей за содеянное против немцев.

Что касается А. Розенберга, то суть его позиции сводилась к следующему: чтобы победить невероятно мощную во всех отношениях Россию с наименьшими потерями для Германии, следовало разрушить её союз с другими советскими республиками и направить их ресурсы против неё. Успех этого предприятия зависел от предоставления им хотя бы видимости политической самостоятельности. В первую очередь камнем преткновения стала Украина. А. Розенберг был сторонником взглядов У. Черчилля, вынашиваемых им со времён Гражданской войны в России. Тогда тот предлагал в письме к А. Деникину «идти, насколько это возможно, навстречу украинским сепаратистским стремлениям» [20]. Однако А. Гитлер и всё высшее руководство рейха были против таких популистских шагов. «Это мы в 1918 г. создали страны Балтии и Украины, – рассуждал фюрер. – Но сегодня у нас нет интереса в создании независимой Украины» [21]. Сверху донизу все стремились к силовым методам решения возникающих проблем.

Тем не менее А. Розенберг в пределах отведённых ему полномочий гнул свою линию. Указом фюрера от 17 июля 1941 г. он был назначен рейхсминистром по вопросам оккупированных восточных территорий с широко разветвлённым центральным и периферийным бюрократическим аппаратом. Из недр его канцелярии вышло множество любопытных документов по вопросам школьного образования, в т. ч. «Распоряжение об обязательном обучении украинской молодёжи» от 1942 г., «Создание системы школьного образования в Украине (разъяснения для гражданской администрации)», «Семилетнее обязательное школьное образование в Украине (разъяснение для

украинских граждан)», «Директивы для местного школьного образования в рейхскомиссариате „Украина”, «Об использовании языков в Украине» и другие. Лейтмотивом всех документов является идея рационального использования восточнославянской рабочей силы, которая должна получить знания и квалификацию, соответствующие европейскому уровню развития производительных сил. В документе, разъясняющем гражданской администрации цели школьного образования на Украине, А. Розенберг настаивает на том, что «...восстановление этого края и эффективную эксплуатацию его природных земель должно осуществлять в основном украинское население под немецким руководством... Система школьного образования должна также сделать существенный вклад в экономическое возрождение» [22].

Планы А. Розенберга в области школьного образования подвергались жёсткой обструкции в высших эшелонах власти. В числе его противников был сам А. Гитлер. Для того чтобы свести на нет выполнение планов министра восточных областей на украинских землях, рейхскомиссаром Украины назначили одиозного Э. Коха, полного антипода А. Розенбергу. Формально он подчинялся министру, а фактически – непосредственно фюреру. «Коричневый царь» Украины, «второй Сталин», как называли его однопартийцы и подчинённые, стал живым воплощением антигуманной и человеконенавистнической политики нацистов на украинских землях. Его полномочия простирались не только на вверенную ему территорию, но и в пределы военной администрации. Как человек, приближённый к Гитлеру, он бесцеремонно вмешивался во внутренние дела губернаторств Бессарабия и Транснистрия, которыми управляли румынские чиновники.

Коховские чиновники шли след в след за военной администрацией, которая делала первые шаги по организации школьной жизни на завоёванных землях. Военные сразу начали открывать четырёхклассные «народные школы». Наивно полагать, что ими двигала любовь к детям. В основе их действий лежал рациональный расчёт держать под контролем неорганизованных, неуправляемых, непредсказуемых, пробольшевистски настроенных подростков. Некоторые прогрессивно настроенные офицеры из военной администрации начали создавать семилетние и даже средние школы. После передачи этих территорий в гражданское управление Э. Кох отдал приказ об их закрытии. Такая политика рейхскомиссара вызвала протест вермахта. Они охарактеризовали её как недальновидную и не соответствующую немецким интересам.

Пока в верхах шли дебаты по обустройству оккупированных территорий, неоднородная солдатская масса и нижние офицерские чины вели себя здесь по своему разумению. Синдром победителей и вседозволенность разлагающе действовали на оккупантов. В ре-

результате поведение многих из них выходило за пределы здравого смысла. По свидетельству сельских жителей Харьковской области, когда немцы приходили в сёла за продуктами, то заходили в школу и в порядке развлечения крушили парты, столы, стулья [23]. Солдаты-дебоширы разнесли всю школьную мебель в Юрьевском районе Днепропетровской области, оставив там всего одну парту [24]. Нацистские вандалы уничтожили в Кировоградской области 48 тыс. парт [25], в Измаильской – больше 3 тыс. парт и 227 классных досок [26].

Документы убедительно доказывают, что разрушение школ и уничтожение их материальной базы носили системный характер и были санкционированы властью. По её распоряжению многие школьные здания были превращены в конюшни, казармы, гестапо, общежития для полицейских, дома терпимости, заводы по изготовлению самогона и т. д. На дверях появились таблички с надписью «Реквизировано для немецкой армии. Вход запрещён. За нарушение – расстрел!»

На первый взгляд, кажется, что захватчики уничтожали неодухотворённые предметы, а на самом деле они оскверняли храм в душах детей, так как школа в то время была едва ли не единственным очагом культуры, особенно в сельской местности, синонимом повседневности и привычного уклада жизни. Её разрушение наносило большой моральный ущерб и вызывало ненависть к захватчикам у детей и взрослых.

Школьные занятия если проводились, то несистемно в уцелевших или приспособленных помещениях. Постоянно что-то мешало учебному процессу: то нехватка дров для отопления, то недостаток нужных учителей, то плохая посещаемость занятий учениками из-за отсутствия у них одежды и обуви.

Учебно-воспитательный процесс находился под всеобъемлющим контролем коховской администрации. Для нацистского влияния на школьную жизнь оккупанты начали издавать «Педагогический информационный бюллетень», детский журнал и газету «Школьник», в местной прессе ввели рубрику «Страница для школьника», подготовили незначительное количество фальсифицированных учебников, прежде всего, по истории и географии. В ряде крупных городов они провели совещания учителей, на которых присутствовали «методисты» из Берлина [27].

Школы перестали выполнять свою образовательную функцию, а превратились в очаг идейной манипуляции детьми и их родителями под опекой гестапо. В стенах школ проводилась эксплицитная политика национальной дискриминации, германизации и румынизации подрастающего поколения. Государственными языками были объявлены немецкий и румынский. Русская речь преследовалась. Детей подвергали публичной порке, а их родителей, штрафам, если

в письменных работах по украинскому языку встречались русские буквы, например, «ы» или «э».

Идеологической кастрации были подвергнуты советские учебники, которыми продолжали пользоваться из-за нехватки учебной литературы. По распоряжению новой власти школьные работники вырвали из них фотографии советских руководителей, вычеркнули большевистские лозунги и термины. Однако это дело оказалось бесполезным и бесперспективным. «Замена отдельных слов в целом советизированном контексте не достигает цели и кое-где доходит до курьезов», – констатировали авторы статьи «Об учебниках в украинских народных школах» [28].

Общим целям реакционной школьной политики соответствовала комплектация педагогических кадров. В этой связи предельно ясно выразился помощник М. Бормана: «Учителей необходимо подчинить немецкой власти... сделать из них безвольный инструмент немецкого духа. Они должны оставаться в положении бросивших родину, чтобы мы могли играть ими как мячиками» [29]. Где добровольно, а где принудительно учителя начали сотрудничать с оккупантами. Однако надежд новой власти чаще всего не оправдывали, невзирая на угрозу голодной смерти или сурового наказания. Скрытое неповиновение или недостаточная добросовестность в работе педагогов вызывали ответные репрессивные меры со стороны коховской администрации. Физическое истребление учителей приобрело угрожающий размах. Фактически каждый третий из них заплатил жизнью за свою непокорность. Потери среди педагогического персонала Украины были в два раза выше средних по Советскому Союзу [30].

В целом анализ трудов и документов нацистского руководства Третьего рейха, военной и гражданской оккупационной власти в сопоставлении с их практической деятельностью даёт основание сделать вывод о том, что у нацистов теория и практика были лишены здоровой проסקопии, а лихорадочно решали сиюминутные проблемы и в конце концов все свои действия подчинили одной цели: создать атмосферу всеобщего страха, тупой покорности и безусловного подчинения новой власти. Жизнь показала, что эта тактика не приносит успеха.

Периодическая «инвентаризация» и «ревизия» нацистского теоретического наследия, воплощённого в злодейскую практику, должны способствовать ликвидации деформации коллективной и индивидуальной памяти, время от времени возникающей в обществе по причине недостаточной или недобросовестной информации. А для того, чтобы были «живы навсегда / В сокровищнице памяти народной / Войной испепелённые года» [31], её (память) следует «приспособить к приёмам мышления и репрезентации, свойственным нынешним людям» [32].

Примечания

1. Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм / Собр. соч. в 13 т. Т. 11. С. 354.
2. Гитлер А. Моя борьба (перевод с немецкого). М.: «Т-ОКО», 1992. С. 350, 354.
3. Кучер В. І., Потильчак О. В. Україна в 1941–1944: трагедія народу за фасадом Священної війни: Монографія. К.; Біла церква: ТОВ «Білоцерківдрук», 2011. 368 с.
4. Семененко В. И., Радченко Л. А. Великая Отечественная война: как это было... Харьков; Белгород: ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2008. 426 с.
5. Пігідо-Правобережний Ф. І. «Велика Вітчизняна війна». Спогади та роздуми очевидця / Федір Пігідо – Правобережний. К.: Смолоскип, 2002. 288 с.
6. Буровский А. М. Великая Гражданская война 1939–1945. М.: Эксмо: Яуза, 2010. 496 с.
7. Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. Второе издание / В. Р. Мединский. М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2012. 704 с.
8. Беллеца С. А. Освіта в Україні під час нацистської окупації (На матеріалах Дніпропетровської області) // Український історичний журнал. 2010. № 3. С. 78–91.
9. Беркгоф К. Жнива розпачу: Життя і смерть в Україні під нацистською владою (авторізі. переклад з англ.). К.: Критика, 2011. 456 с.
10. Єржабкова Б. Шкільна справа та шкільна політика в рейхскомісаріаті Україна (1941–1944) у світлі німецьких документів. Пер. з німецької. К.: Наукова думка, 2008. 272 с.
11. Гитлер А. Моя боротьба... С. 39.
12. Гитлер А. Моя боротьба... С. 39–40.
13. Гитлер А. Моя боротьба... С. 357.
14. Розенберг А. Мемуары. С комм. Сержа Ланга и Эрнеста фон Шенка. Х.: ООО ДИВ, 2005. С. 125–416.
15. Гитлер А. Моя боротьба... С. 562.
16. Тревор-Ропер Хью. Застольные беседы Гитлера. 1941–1944 гг. Пер. с англ. А. С. Цыпленкова. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2005. С. 51, 59.
17. Ребет А. Теорія нації. Львів, 1977. С. 98–100.
18. Безыменский Л. А. Человек за спиной Гитлера. Мартин Борман и его дневник. М.: Вече, 1999. С. 70.
19. Procyk A. Russian nationalism and Ukraine. The Nationality policy of the volunteer army during the civil war. Edmonton; Toronto, 1995. P. 339.
20. Там же
21. Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера... С. 22.

22. Єржабкова Б. Шкільна справа та шкільна політика... С. 228.
23. Государственный архив Харьковской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 597. Л. 46.
24. Государственный архив Днепропетровской области. Ф. 19. Оп. 4. Д. 24. Л. 7.
25. Государственный архив Кировоградской области. Ф. 2860. Оп. 1. Д. 385. Л. 6.
26. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 7. Оп. 3. Д. 101. Л. 1, 19. (Далее – РГАСПИ).
27. Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1188. Л. 45. Д. 1192. Л. 57. Д. 1198. Л. 86.
28. РГАСПИ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1198. Л. 86.
29. Андриянов В., Москаленко А. Полюнь чужбины. М.: Правда. 1987. С. 205–352.
30. Черник С. А. Обеспечение общеобразовательной школы педагогическими кадрами в годы Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1978. № 6. С. 103–112.
31. Ахматова А. Сочинения в двух томах / А. А. Ахматова. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 59. 432 с.
32. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступит. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 209–348.

Реброва И. В.

Поколенческий анализ (само)презентации «детей войны» в молодежной аудитории

Вопросы патриотизма и гражданского воспитания остро стоят в нашей стране. Выполнять патриотическую концепцию воспитания молодёжи – одна из составляющих учебно-воспитательного процесса в вузе. Эта задача существенно облегчается ввиду научных интересов ученых-преподавателей, которые могут применять и апробировать результаты своих исследований в учебной аудитории.

Так, в период с 2008 по 2011 г. в результате работы в нескольких исследовательских проектах по изучению трансформации коллективной памяти о войне в Северокавказском регионе нами было собрано около 50 нарративных интервью с людьми, пережившими военные события, в частности, период оккупации в подростковом возрасте. На момент проведения интервью все информанты были преклонного возраста, самому молодому из них исполнился 71 год. За их плечами – жизнь и социализация в советском, а затем в российском обществе. Для анализа были отобраны четыре интервью с «детьми войны», пережившими оккупацию Краснодара или края, так как именно эти

люди любезно согласились не только дать интервью, но и прийти на встречи с нынешними студентами и поведать им о военном опыте.

Большинство интервью проводились в свободной нарративной форме, которая позволяет рассказчику самостоятельно строить повествование и говорить о значимых, с его точки зрения, моментах своей жизни. Уточняющие вопросы второй части интервью имели целью конкретизировать детали повествования и прояснить непонятные моменты.

Данный сюжет основан на анализе транскриптов интервью с П. Л. Рекало (записано в 2009 г., 37 мин; место проведения: рабочий кабинет респондента), В. М. Коваленко (записано в 2008 г., 151 мин; место проведения: рабочий кабинет информанта в краевом музее им. Фелицына), Г. С. Оленской (записано в 2008 г., 108 мин; место проведения: дома у информантки) и Т. И. Красовской (записано в 2009 г., 101 мин; место проведения: краевой музей им. Фелицына).

В 2008 и 2012 гг. на социально-гуманитарном факультете Кубанского государственного технологического университета (далее – КубГТУ) в формате пресс-конференций были проведены две встречи «детей войны» с нынешними студентами, представителями поколения внуков и правнуков молодежи военной поры. Материал этих встреч является второй группой источников данного доклада.

В канун 65-летия освобождения Северного Кавказа на кафедре истории и социальных коммуникаций КубГТУ было решено провести научно-практическую конференцию. В свете проводившегося тогда исследования по гранту РГНФ (научно-исследовательский проект № 08-01-00511а «Трансформация коллективной памяти о Великой Отечественной войне в воспоминаниях детей военного времени (1940-е–2000-е гг.)») возникла идея преобразовать привычный формат конференции во встречу ветеранов и «детей войны» со студентами университета. Среди информантов были выбраны несколько человек, которые с радостью откликнулись на просьбу рассказать свои истории в студенческой аудитории.

На встречу были приглашены четыре гостя, переживших оккупацию Краснодара 1942–1943 гг. в детском возрасте. Интервью с ними были записаны в 2008 и 2009 годах. Пантелей Леонтьевич Рекало, 1936 года рождения, уроженец станции Васюринской, всю жизнь отдал авиации, а в настоящее время является председателем совета по военно-патриотическому воспитанию молодежи при администрации г. Краснодара, членом общественной организации «Общество «Знание»» России. Иван Степанович Харченко, 1926 года рождения, полковник в отставке, кандидат исторических наук, сейчас возглавляет совет ветеранов войны и труда Кубанского государственного технологического университета. Виктор Михайлович Коваленко, 1937 года рождения, долгое время работал в Кубанском государственном аграрном университете, в настоящее время

является сотрудником историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. Галина Станиславовна Оленская, 1934 года рождения, – преподаватель Кубанского государственного аграрного университета, член союза журналистов России, сейчас на заслуженном отдыхе. Все наши гости в детском или юношеском возрасте пережили ужас оккупации их родного города или станицы, помнят многое из военного времени. После войны наши герои закончили обучение в школе, получили высшее образование, состоялись как личности.

В 2008 г. аудиозапись встречи не велась, поэтому судить о том, что гости говорили в аудитории, а о чем рассказывали во время интервью, можно, только полагаясь на память исследователя. В 2012 г. мы решили провести подобное мероприятие со студентами нового набора. Идея была сравнить выступления гостей между собой (выявить повторяющиеся места в рассказах перед новой аудиторией, механизм выстраивания нарратива, влияние общественной ситуации на конструирование и ход повествования), а также сравнить статьи студентов как внутри (выявить общий образ восприятия мероприятия в частности и образа войны в целом), так и вовне (как студенты разных лет поступления, между которыми разница в возрасте не более 3-4 лет, могут писать – воспринимать – переживать события военных лет, что влияет на формирование образа войны у современной молодежи).

Во второй встрече из прошлых гостей приняли участие П. Л. Рекало и В. М. Коваленко. Г. С. Оленская была приглашена, собиралась прийти (так как данные мероприятия важны в том числе и для нее, бывшего активного общественного деятеля), но из-за плохого самочувствия присутствовать на мероприятии не смогла. Поэтому было решено позвать еще одну информантку, интервью с которой было также записано в 2009 году. Таисия Ивановна Красовская, 1930 года рождения, уроженка станицы Федоровской Краснодарского края. Более 30 лет проработала на Краснодарской швейной фабрике, где до сих пор выполняет общественную работу. И. С. Харченко не был приглашен сознательно, так как характер его повествования в ходе первой встречи носил в большей степени назидательный характер и в нем отсутствовали личные воспоминания. Это объясняется тем, что Иван Степанович долгие годы проработал преподавателем в университете, защитил кандидатскую диссертацию о роли советских партизан в борьбе с врагом. В настоящее время он является активным членом общества ветеранов войны и труда при университете. Это был единственный гость на первой встрече, с которым не было проведено интервью и присутствие которого в буквальном смысле было навязано руководством деканата при согласовании времени и места проведения мероприятия.

Третья группа источников – письменные эссе студентов по итогам встреч с «детьми войны». Поскольку данные мероприятия проводились со студентами обучающимися по специальности «Связь с общественностью», предполагалось, что они впоследствии напишут статью, освещающую данную встречу для последующего анализа на семинарском занятии их журналистских навыков в рамках курса «Теория и практика массовой информации». Написание статьи по итогам встречи было обязательным заданием, поэтому все студенты, присутствовавшие на мероприятиях, представили свои работы.

В учебно-методических целях первоначально была задумана лишь «журналистская» критика статей студентов с точки зрения стилистики, жанровой ориентации, композиции и монтажа текста. Однако при более пристальном ознакомлении с полученными работами студентов после первой встречи возникла идея содержательного анализа текстов. Нас особенно интересовали механизм передачи памяти о событиях людей разных поколений и реакция на них молодежи, оценка современными студентами дел и поведения «детей войны». Анализ устных рассказов сегодняшних пенсионеров на встрече со студентами, с одной стороны, и сочинений-статей студентов о детях войны, с другой, могут поставить перед исследователем новые задачи, в частности, изучение механизмов формирования индивидуальной и коллективной памяти о событиях [1].

В настоящее время мы располагаем статьями студентов, написанными по итогам встреч 2008 и 2012 годов. В 2008 г. тексты представили студенты второго года обучения, которые уже в течение года слушали курс «Теория и практика массовой информации», а значит, имели определенные представления о жанровых особенностях журналистского произведения. Работы 2012 г. – это тексты студентов-бакалавров первого года обучения. В связи с изменением учебных планов журналистика читается в начале образовательного процесса, что значительно увеличивает нагрузку преподавателя в условиях фактически тотальной безграмотности молодежи в области работы и продукции СМИ.

Тем не менее собранные в обязательном порядке статьи по итогам встреч несильно отличаются друг от друга по жанровой принадлежности. Я сознательно определяю работы студентов как «сочинения-статьи», так как в отсутствие навыков журналистского письма студенты в основном рефлексировали по поводу услышанного, нежели пытались самостоятельно изучить журналистскую литературу и написать качественную статью пусть даже и в виртуальную периодическую печать. Таким образом, задача, поставленная мной как преподавателем, была в целом не реализована. Более того, если в первом случае мне удалось собрать более-менее пространные сочинения-рассуждения по поводу увиденного-услышанного-пережитого, то во втором случае многие студенты предоставили формальные

отписки по принципу «что, где, когда произошло». Также описание одного сюжета могло кочевать из сочинения в сочинение, наглядно демонстрируя нежелание некоторых студентов думать самостоятельно. Неоднократно приходилось возвращать студентам их статьи на доработку с просьбой больше высказывать свое мнение о встрече и рассуждать на темы, заданные тоном мероприятия. То есть во второй раз при объяснении задания речь уже не стояла о написании статьи, а больше требовалось предоставить сочинение-рассуждение. Примечательно, что студенты после второй встречи (кто хотел) располагали аудиозаписью мероприятия (что должно было облегчить работу по написанию текста даже в том случае, если студенты не вели записи во время мероприятия) и копией видеofilmа о В. М. Коваленко, который был показан на мероприятии. Однако этими привилегиями, как следует из текстов представленных работ, воспользовались единицы.

Тем не менее перед нами еще один источник – тексты студентов по итогам двух встреч, анализ которых также лег в основу данного доклада. Всего учащимися было сдано 38 текстов после первой встречи и 32 текста – по итогам второй. Оба раза были случаи, когда несколько студентов сдали работы к следующему занятию (спустя неделю после мероприятия). Большинство же принесли материалы гораздо позже, после нескольких напоминаний преподавателя. В 2008 г. в качестве альтернативы студентам было предложено написать статью на свободную тему, некоторые решили выбрать второй путь. Это объясняется тем, что студенты стали выполнять задание позже обозначенного срока, многое из встречи они уже не помнили или были невнимательны во время мероприятия. Еще несколько студентов сдали абстрактные философские рассуждения о Великой Отечественной войне, не проанализировав прошедшую встречу с «детьми войны». Более жесткие требования в отношении сданных работ в 2012 г. позволили собрать материалы, освещающие событие, хотя заимствование сюжета статьи у одноклассников имело место быть.

По жанру сочинения-статьи студентов можно разделить на несколько групп. Большая их часть напоминает информационный отчет, в котором сухо изложен ход мероприятия: когда, где и с какой целью проходила встреча, кто и в какой последовательности выступал, о чем рассказывал. Другая группа работ схожа с информационной заметкой: новость подается более мягко, обыгрываются некоторые детали встречи, автором расставляются акценты в повествовании. Совсем небольшая группа работ может быть отнесена к художественному жанру: одни сочинения-статьи напоминают эссе, другие – очерк.

По итогам первой встречи многие работы были представлены в рукописном виде, треть – распечатана или прислана по электронной

почте, в 2012 г. 90% работ была предоставлена в электронном виде. В среднем размер каждой работы не превышает страницу формата А4. Большинство текстов не имеют названия – в этом главный недостаток таких работ как журналистских произведений. Многие студенты расценили этот вид работы как выполнение домашнего задания и, видимо, по аналогии со школьными требованиями представили сочинения на тему, не задумываясь ни над композицией, ни над заголовком текста журналистского произведения. Возможно, для них более важной оказалась содержательная часть, а не оформление и композиционное построение материала. Лишь некоторые статьи-сочинения имели удачные названия: «Маленькие дети и большие подвиги» (Ж. Гительсон), «Счастливые дети Победы» (Е. Спесивцева), «Маленькие солдаты войны» (Н. Аксенова), «Подлинная история» (А. Захарьян), «Самый большой заработок моей жизни» (В. Левина), «Я прохожу по дорогам войны» (М. Давыденко), «Война детей» (К. Лунев). В 2012 году при объяснении задания были указаны некоторые недочеты прошлых студенческих работ. В частности, специально проговорилось, что текст должен иметь название. Многие студенты подошли к данному требованию формально: названия работ были «Дети войны» или «Встреча с детьми войны». Несколько же статей так и остались без заголовка.

Изучение устных интервью с «детьми войны», работ студентов, наблюдения за взаимодействием между гостями и слушателями во время мероприятий наглядно демонстрируют проникновение коллективного и индивидуального уровней памяти друг в друга. Важно, что эти группы источников (интервью с «детьми войны», встречи информантов со студентами университета и наконец, статьи-сочинения студентов, освещающие прошедшее мероприятие) дают нам представление не столько о военном времени, сколько о дне сегодняшнем. Нам представляется возможным использовать методологию критического дискурс-анализа для выявления различных уровней памяти о войне у «детей войны» и памяти о не пережитом, но услышанном опыте «внуков и правнуков войны». Дискурсы реализуются с помощью различных текстов, хотя они существуют вне конкретных текстов, которые их составляют [2]. Задача дискурс-аналитиков – изучить связь между дискурсом и реальностью.

Дискурс-анализ направлен на изучение того, как создаются социально произведенные идеи и объекты, составляющие социальный мир, и как они поддерживаются и актуализируются во временном аспекте. По мнению европейских критических дискурс-аналитиков, этот метод направлен на изучение способов производства социальной реальности, в то время как другие качественные методологии работают на понимание и интерпретацию ее как данности. Таким образом, критический дискурс-анализ изучает, как язык конструирует феномены, а не как он отражает или раскрывает их. В дискурс-анализе

принято рассматривать дискурс как конститутив социального мира, а не путь к нему и исходить из того, что мир не может быть познан независимо от познания дискурса [3].

Норман Фэрклоу, Тойн А. Ван Дейка и другие исследователи в своих работах выделяют следующие аспекты в изучении дискурса: анализ текстов в рамках дискурсов, локализуя их в историческом и социальном контексте, изучение конкретных акторов, отношений и практик, характеризующих предмет исследования [4]. В подобных исследованиях происходит работа не с языком, а с условиями производства текста. Применительно к устным интервью о Второй мировой войне, публичному выступлению «детей войны» и статьям современной молодежи нам важно выявить механизмы создания нарратива/текста, чтобы понять, как и почему социальная действительность настоящего влияет на передачу/осмысление информации о прошлом, как в рассказ о лично пережитых событиях «детей войны» вплетается властный дискурс современных оценок Второй мировой войны, почему при освещении конкретной встречи студенты зачастую пишут о значении войны для российского социума, транслируя грант-нарратив официального публичного дискурса.

В социальных практиках дискурс имеет три плана выражения [5]. Во-первых, дискурс – это часть социальной деятельности в рамках социальной практики. Здесь в качестве примера могут служить существующая в России социальная память о Второй мировой войне, механизмы ее конструирования и поддержания на уровне государственной идеологии. Говоря о социальной деятельности как об одном из планов выражения дискурса, имеет смысл упомянуть общественную деятельность ветеранов войны. Важной составляющей работы ветеранских организаций на протяжении многих лет являются взаимодействие со школами, ссузами и вузами, проведение так называемых «уроков мужества» со школьниками и студентами, участие в военно-патриотических мероприятиях в образовательных заведениях. Формирование патриотизма у подрастающего поколения – важная задача государственной политики. Наши встречи с «детьми войны», особенно первая, проведенная в 2008 г., по формату и содержанию напоминают классический «урок мужества». Подобные встречи-беседы о Великой Победе советского солдата в борьбе с нацизмом призваны формировать у молодежи уважительное отношение к прошлому своей Родины, гордость за своих отцов и дедов, отстаивавших независимость страны. Такие сюжеты являются узнаваемыми современной молодежью и потому не вызывают должного интереса, не меняют эмоционального фона восприятия истории Великой Отечественной войны. «Честно говоря, я не ожидал особо интересных рассказов. «Уроки мужества» проводят с нами с младших классов, и почти всегда информация на них одна и та же» [6], – вполне справедливо отметил А. Калатай в своем сочинении.

Следующий план выражения дискурса – репрезентация. Социальные агенты в любой социальной практике производят репрезентации других практик, а также «рефлексивные» репрезентации их собственной практики (т. е. той, в поле которой они находятся в конкретный период). Они «реконтекстуализируют» другие практики [7], т. е., инкорпорируют их в собственную практику. А это значит, что различные агенты будут репрезентировать практики различным образом в зависимости от того, как они позиционируют себя в собственной практике [8]. В нашем случае хорошим примером репрезентации как одного из уровней выражения дискурса являются устные интервью с «детьми войны» и их выступление перед студентами. Рассказ о своем опыте в годы войны нередко подтверждается знаниями о войне как о явлении историческом и знаковом для российского социума. Заимствование официальных фактов в своем рассказе как бы придает значимость информанту как свидетелю и участнику тех событий. Не случайно в первую встречу официальные сюжеты о Великой Победе преобладали над представлением своего индивидуального военного опыта. Потребовалось время (повышенное в последнее время внимание общественности к последним свидетелям войны, дополнительные инструкции-объяснения характера второй встречи со студентами), чтобы наши героини-рассказчицы «подстроили» свой нарратив под задачи встречи. И, тем не менее, публичный дискурс невозможно было исключить из монологов гостей. Репрезентация есть процесс социального конструирования практик, включающий также рефлексивное самоконструирование: репрезентации вторгаются в социальные процессы и практики и придают им форму [9]. Устное интервью, равно как и публичное выступление, это один из вариантов репрезентации социальной жизни «детей войны». Рассказывая о событиях Второй мировой войны, они, так или иначе, используют язык современности, их нарратив несет информацию как о прошлом (в частности, о периоде войны), так и о настоящем (времени проведения интервью/встречи). Зачастую рассказчик вплетает в рассказ информацию из официальных источников, средств массовой информации. В статьях студенты также начинают рассуждение об общеизвестных фактах из истории войны, которые, прямо скажем, никакого отношения не имеют к конкретному мероприятию: встрече молодежи с «детьми войны». Такие слои текста устного интервью/публичного выступления преследуют несколько целей. Апелляция к общеизвестным фактам, рассказы о героях войны призваны придать большую значимость нарративу/печатному тексту, либо усилить роль информантов в войне, либо показать знания современной молодежи о прошлом страны. Также такие мини-рассказы говорят о работе государственной идеологии, о влиянии и присвоении коллективной памяти о событиях прошлого на индивидуальном уровне. При анализе подобных дискурсов стоит

задача выявления и разведения коллективного и индивидуального уровней памяти, изучения причин апелляции информантов и студентов к официальному, властному дискурсу.

Третий план выражения дискурса – образы жизни, утверждение идентичности [10]. Дискурс, как часть образа жизни, конституирует стили, например, стиль ветерана, ребенка войны, работника тыла. Ветераны войны, к примеру, ведут себя согласно приписываемым им обществом правилам поведения: надевают ордена и медали в дни празднования дат Победы, посещают торжественные собрания, принимают поздравления, рассказывают о войне последующим поколениям, являются постоянными участниками «уроков мужества» в образовательных заведениях.

Мы видим, что в результате разложения дискурса на планы или уровни его выражения круг замыкается. Об этом упоминал Н. Фэрклоу в работе «Диалектика дискурса». Социальная жизнь рефлексивна, а это означает, что люди не только действуют и взаимодействуют в сетях социальных практик, они также интерпретируют и репрезентируют себе и другим то, что они делают, и эти интерпретации и репрезентации оформляют и переоформляют то, что они делают. Способы (взаимо)действия и образы жизни (в том числе и дискурсные аспекты, жанры и стили) репрезентируются в дискурсах, которые могут способствовать производству новых представлений [11]. Изучение перечисленных планов выражения дискурса дает возможность выявления логики соотношения между текстом и социальной практикой.

Примечания

1. В 2010 г. была опубликована статья, посвященная анализу текстов студентов по итогам первой встречи с «детьми войны». См.: Реброва И. В. Связь поколений: Великая Отечественная война глазами «детей войны» и ее восприятие современной молодежью // Вторая мировая война в детских «рамках памяти» / Под ред. А. Ю. Рожкова. Краснодар: «Экоинвест», 2010. С. 248-263.

2. Phillips, Nelson and Hardy, Cynthia (2002) What Is discourse analysis // In Phillips N. and Hardy C. Discourse analysis: Investigating processes Of Social construction. Thousand Oaks, CA: Sage. PP. 1–18. (Русский перевод Н. Филлипс, С. Харди. Что такое дискурс-анализ) // Современный дискурс-анализ <http://discourseanalysis.org/ada1/st5.html>

3. Там же.

4. Fairclough N. Discourse and social change. Polity press, Cambridge. 1992.

5. Fairclough N. The dialectics of discourse // <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc> (Русский перевод: Фэрклоу)

Н. Диалектика дискурса) // Современный дискурс-анализ <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.html>

6. Работа А. Калатай, студента группы 07-Г-СО1, декабрь 2008 г. // Личный архив И. В. Ребровой.

7. Bernstein B. The structuring of pedagogic discourse. Routledge, London, 1990; Chouliaraki L. and N. Fairclough. Discourse in late modernity. Edinburgh University Press, Edinburgh, 1999.

8. Fairclough N. The dialectics of discourse // <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc> (русский перевод: Фэрклоу Н. Диалектика дискурса) // Современный дискурс-анализ <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.html>

9. Там же.

10. Fairclough N. The dialectics of discourse // <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc> (Русский перевод Фэрклоу Н. Диалектика дискурса) // Современный дискурс-анализ <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.html>

11. Там же.

Романько О. В.

Против нацистов и коммунистов. Националистические партизанские движения в годы Второй мировой войны

Партизанское движение считалось одной из самых ярких и героических страниц истории Второй мировой войны и одновременно практически самым изучаемым эпизодом историографии стран советского блока. Причин этому много. Где-то, как в Советском Союзе, партизанская эпопея являлась неотъемлемым элементом официальной истории войны и одной из причин, по которой эта война называлась отечественной и народной. Где-то, как в Югославии и Албании, партизанское движение было прологом к социальной революции и приходу коммунистов к власти. Более того, вся правящая элита в этих странах была «партизанской» по происхождению. Однако после распада СССР и поражения коммунизма в Восточной Европе выяснилось, что история партизанского движения обросла многочисленными мифами и таит в себе массу белых пятен. Назовем только самые основные из них.

Советская историческая наука утверждала, что население оккупированных немцами территорий, все, как один человек, было враждебно настроено к ним. И если не пошло в партизаны, то уж конечно вредило оккупантам чем могло. Такое утверждение является первым мифом. В реальности же это население было сильно поляризовано: самые активные частью стали коллаборационистами, частью ушли в Сопротивление. Основная же масса оставалась пассивной.

И фактически борьба за симпатии этой массы и есть основной аспект истории оккупации. Борьба эта проходила как в идеологической сфере, так и с оружием в руках. Иногда не столько против немцев, сколько против своих соотечественников. Все это, таким образом, позволяет нам рассматривать события оккупации в целом ряде регионов Европы как гражданское противостояние.

Долгое время даже не обсуждалось, что антинацистское движение Сопротивления и его наиболее активная часть – партизанское движение – по идеологической принадлежности были исключительно коммунистическими. Действительно, нельзя отрицать тот факт, что к 1945 г. оно стало (а где-то и постоянно было) самым мощным, многочисленным и эффективным. Тем не менее это и есть миф номер два.

В советской исторической литературе было принято утверждать, что любые «буржуазные националисты» (а под ними, за редким исключением, подразумевались все некоммунисты) не являлись самостоятельной силой в годы войны, а были только «немецкими марионетками». Все некоммунистические и националистические движения уже по определению не могли быть враждебными немцам и, тем более, воевать против них. Если же наличие иного, некоммунистического подполья и признавалось, то оно объявлялось полностью зависимым от оккупантов и «далеким от народа». Эти утверждения послужили основой еще одного, третьего мифа – о полном и безоговорочном коллаборационизме националистов.

Как известно, партизанское движение существовало во всех оккупированных немцами странах Европы. Естественно, оно не было одинаковым, а различалось по форме и степени развития. Где-то партизаны (как, например, во Франции и Италии) были весьма значительной силой, но до высадки западных союзников в Нормандии и на Апеннингах не играли серьезной роли. В Дании и Норвегии партизанское движение так и не вышло за рамки небольших отрядов, которые не приносили значительного вреда оккупантам. А в Восточной и Юго-Восточной Европе (Польша, Югославия, Греция, Албания) оно со временем приобрело такой размах, что здесь необходимо уже говорить не о движении Сопротивления, а о национально-освободительной войне, перешедшей в ряде случаев в социальную революцию и гражданскую войну. Гораздо сложнее обстоит вопрос с партизанским движением на территории СССР, так как в силу целого ряда факторов некоторые его события следует рассматривать как продолжение Гражданской войны 1918–1922 годов. С другой стороны, являясь в какой-то степени спонтанным, оно, тем не менее, находилось под значительным влиянием регулярных военных структур Советского Союза и Германии. Все эти отличия были обусловлены целым рядом причин политического, идеологического, исторического, национального, религиозного

и военного характера, которые каждая по отдельности или в комплексе и привели к тому или иному процессу развития партизанского движения. Тем не менее у всех этих движений был один объединяющий момент: в силу указанных причин, в них можно выделить два направления. Назовем их условно прокоммунистическое и некоммунистическое. Такие конкурирующие направления существовали во всех партизанских движениях. Однако не везде их конкуренция привела к гражданскому противостоянию и сотрудничеству некоторых их представителей с оккупантами, что впоследствии и дало основание коммунистическим историкам обвинять все эти движения в коллаборационизме и «предательстве народных интересов» [1].

Таким образом, чтобы выйти из порочного круга этих мифов, необходимо ответить на целый ряд вопросов. Остановимся на трех ключевых:

следует ли ставить знак равенства между ними и коллаборационистами?

какова степень эффективности некоммунистического партизанского движения вообще и в каждом отдельно взятом регионе в частности?

наконец, пользовались ли партизаны-националисты поддержкой местного населения или они полностью были ему враждебны?

В целом на территории Восточной и Юго-Восточной Европы можно выделить следующие государства, где партизанская война приобрела формы гражданского противостояния. Это, прежде всего, Польша, Югославия, Греция, Албания и Прибалтика, Белоруссия и Украина на территории СССР. Нет нужды говорить, что в этих странах существовало значительное и влиятельное прокоммунистическое партизанское движение. Тем не менее следует признать, что с 1939 по 1945 г. на их территории действовал целый ряд партизанских организаций, члены которых не считали себя адептами коммунистической идеологии. Назовем из них только наиболее крупные, сыгравшие значительную роль в развернувшемся противостоянии.

Польша: армия Крайова (АК) – партизанские формирования сторонников лондонского эмигрантского правительства;

Югославия: движение Четников (или просто Четники) – партизанские формирования сторонников лондонского эмигрантского правительства;

Греция: Национально-демократическая лига Греции (ЭДЭС), созданная как из правых республиканцев, так и из сторонников восстановления греческой монархии;

Албания: организация «Легалитет», созданная из албанских монархистов, и организация «Национальный фронт», объединившая в своих рядах правых республиканцев, настроенных антимонархически;

Прибалтика: различные организации сторонников возрождения независимости Эстонии, Латвии и Литвы, наиболее значительной из которых была Литовская освободительная армия (ЛЮА);

Белоруссия: различные антикоммунистические организации сторонников независимости Белоруссии, которые в период войны носили обобщающее название Белорусского народного партизанского движения (так называемая «партизанка»), а после окончания оккупации – Белорусской освободительной армии (БОА);

Украина: Украинская народно-революционная армия (УНР) атамана Тараса Бульбы – Боровца, в которую входили сторонники восстановления Украинской народной республики образца 1918–1921 гг., вооруженные формирования мельниковского крыла Организации украинских националистов (ОУН) и Украинская повстанческая армия (УПА), созданная под эгидой и идеологическим влиянием бандеровского крыла ОУН [2].

Как уже видно из простого перечисления партизанских организаций и стоявших за ними политических сил, все они имели определенное влияние в определенных кругах населения своих стран. Иначе и быть не могло: эти движения попросту не продержались бы такое значительное время (все они практически в том или ином виде благополучно дожили до 1945 г., а некоторые продолжали действовать и после капитуляции Германии). Это свидетельствует о том, что в основе их возникновения лежали более серьезные причины, чем только злая воля «монархической (или буржуазной) реакции, вступившей в сговор с оккупантами на почве антикоммунизма».

Для каждой из указанных стран действовали, разумеется, свои причины. Однако в целом их можно объединить в такие комплексы: исторический, политический, идеологический, национальный, религиозный и военный, которые повлияли прежде всего на условия возникновения и динамику развития данного партизанского движения. К перечню условий следует отнести идеологическую основу, наличие необходимого количества обученных кадров, контингента, вооружения и т. п. Все это внутренние факторы. К внешним же факторам следует отнести помощь того или иного государства (например, Германии, СССР или западных союзников).

По логике вещей, любая партизанская организация должна иметь идеологическую базу, определяющую те цели и задачи, за которые ее члены борются. Иначе это уже не партизаны, а обыкновенные бандиты. Не были исключением и все вышеперечисленные партизанские движения. Каждое из них в своей борьбе опиралось на тот набор идей, который представлялся ее участникам наиболее приемлемым. В советской историографии было принято выделять только две из них: национализм и антикоммунизм. Однако это несколько не так. Практически все некоммунистические партизанские движения в Восточной и Юго-Восточной Европе придерживались

той официальной идеологии, которая существовала в их государствах на момент оккупации. Национализм же (с существенной религиозной окраской) играл значительную роль только в польском и югославском движении Сопротивления (ниже мы увидим почему). Антикоммунизм же вышел здесь на первое место только тогда, когда гражданское противостояние в борьбе этих организаций уступило место борьбе против оккупантов (примерно с 1942 г.). По настоящему же националистическими и антикоммунистическими можно называть только партизанские формирования на территории СССР [3].

Что касается обученных кадров, то с этой точки зрения в более благоприятном положении находились АК и Четники, основной костяк которых составили офицеры и унтер-офицеры бывших польской и югославской армий. В значительно худшем – греческие и албанские партизаны. На территории СССР наилучшая ситуация сложилась у прибалтийских партизан, в составе которых было много офицеров и унтер-офицеров бывших эстонской, латвийской и литовской армий. Белорусские и украинские партизаны такого кадрового состава не имели вообще. В лучшем случае это были перебежчики из Красной армии и офицеры и унтер-офицеры прежней польской армии. В кадровый состав белорусского и украинского партизанских движений следует также включить офицеров армий Украинской и Белорусской народных республик, существовавших в период с 1918 по 1921 год. Естественно, что уровень их знаний и умений мало отвечал требованиям современной войны. Поэтому вскоре перед руководством этих движений стал вопрос о подготовке новых кадров. В ходе войны и после 1945 г. в этом деле наиболее преуспели литовские и украинские партизаны. Кроме того, все эти движения имели еще один источник своего кадрового пополнения: начиная с конца 1942 г., к ним стали перебегать члены созданных немцами коллаборационистских формирований. Например, такое часто имело место на Украине в ходе всего периода оккупации. В Прибалтике же этот процесс стал массовым только перед уходом немцев [4].

И прокоммунистическое, и некоммунистическое партизанские движения в той или иной степени поддерживались внешними силами. Разумеется, в наилучшем положении находились советские партизаны, которые при всем неоднозначном отношении к ним сталинского руководства все-таки более или менее регулярно снабжались и обученными кадрами, и вооружением, и снаряжением. Что касается их коллег в Югославии, Албании и Греции, то они получали поддержку в основном от западных союзников. И то не сразу, так как основная помощь последних была направлена на некоммунистические формирования. И только после того, как, например, Четники и албанский «Национальный фронт» были обвинены в сотрудничестве с оккупантами, Англия и США прекратили помогать им. Оккупанты также были одной из сторон, которая помогала некоммунистическим

партизанам. На Балканах этим занимались Германия и отчасти Италия. На территории СССР – только Германия [5].

Каждое из партизанских движений имело свою динамику развития. В силу уже перечисленных причин они значительно отличались друг от друга по целям, уровню организации и численности. Цели в основном сводились к следующим моментам:

восстановление дооккупационных порядков (польская АК, албанский «Легалитет») либо без изменений, либо с некоторыми поправками (сербские Четники, греческая ЭДЭС);

полное изменение дооккупационных порядков, но без изменения общественно-политических отношений (албанский «Национальный фронт»);

полное изменение дооккупационных порядков с полным изменением общественно-политических отношений (все прибалтийские, белорусские и украинские партизанские организации).

И уже на основе этих целей определялись стратегия и тактика того или иного движения, осуществлять которые должны были определенные организационные структуры, наполненные людскими ресурсами. Следует сказать, что некоммунистическим партизанам не удалось превзойти своих коллег из коммунистического лагеря ни качественно (организационно), ни количественно. Из всех перечисленных формирований только АК, Четники и УПА имели более или менее организованные руководящие органы, боевые и тыловые части, которые по каким-то параметрам могли сравниться с коммунистическим партизанским движением. В то же время их численность была меньше обычно на порядок. Так, число советских партизан равнялось примерно 1 млн., югославских – 800 тыс. (для сравнения: Четников в лучшие времена насчитывалось около 50 тыс. человек, а всех антикоммунистических партизан на территории СССР вместе взятых – чуть более 300 тыс.) [6].

Некоммунистические партизаны, как мы уже выяснили, действовали в определенных исторических условиях и находились под воздействием целого ряда факторов, которые и привели их в результате к гражданскому противостоянию, а некоторых – и к сотрудничеству с оккупантами. На наш взгляд, такими факторами, определившими во многом динамику развития этих движений, являются следующие:

- отношения с коммунистическим партизанским движением;
- отношения с местным населением;
- отношения с коллаборационистами;
- отношения с оккупантами.

Советские историки однозначно утверждали, что некоммунистические партизанские формирования были изначально настроены враждебно по отношению к коммунистам. Как и многие из подобных утверждений, это является ошибочным. На самом деле их

взаимоотношения претерпели значительную эволюцию от попыток сотрудничества до открытого противостояния. Иногда и вовсе складывалась такая ситуация, когда сотрудничество перемежалось с противостоянием. Так, было в Греции, где коммунистическая ЭЛАС и республиканская ЭДЭС дважды на протяжении 1942–1944 гг. мирлись и начинали друг против друга войну. Или в Албании также пытались сотрудничать друг с другом Четники и партизаны Иосипа Броз Тито. Однако начиная с конца 1941 г., такие контакты прекратились, и стороны перешли сначала к неустойчивому нейтралитету, а потом к открытой вражде. Наиболее позитивный пример такого сотрудничества показали польская АК и ее коллеги из коммунистической Армии Людовой (АЛ). История не сохранила фактов их открытой вражды, тогда как всем известен апогей их совместной борьбы: участие в Варшавском восстании 1944 года. Что касается совместной деятельности советских и националистических партизан на территории СССР, то о ней ничего не известно. В лучшем случае они придерживались нейтралитета, как в Белоруссии, в худшем – сражались больше друг с другом, чем с оккупантами (Украина) [7].

Начиная примерно с конца 1941 г. – начала 1942 г., между коммунистами и некоммунистами наметился разрыв, который перешел затем в открытое гражданское противостояние. Каковы причины этого разрыва? Для каждой страны они были разными. Однако среди наиболее общих и основных можно назвать следующие:

политико-идеологические причины – здесь, как говорится, без комментариев. Курс коммунистов на полную смену общественно-го строя и социальные преобразования, и иногда в ущерб борьбе с оккупантами, не мог привести в восторг даже идейно близких им социалистов, не говоря уже о правых республиканцах и монархистах. Такие причины были, например, решающими для Югославии, Греции и Албании. Что же касается СССР, то здесь иначе и быть не могло: выше уже говорилось, что побудительным мотивом для прибалтийских, белорусских и украинских партизан был именно антикоммунизм;

национальные причины – этот комплекс причин был характерен для таких многонациональных государств, как Югославия и СССР, отчасти Польши, так как АК действовала не только на собственно польской территории, но и на землях Южной Литвы, Западной Белоруссии и Западной Украины. Коммунисты, как правило, придерживались интернациональной идеологии, а Четники, члены АК, прибалты, белорусы и украинцы были, соответственно, националистами. Тем более что, например, в СССР многие партизанские отряды, действовавшие в Прибалтике, Белоруссии и Украине, состояли из этнических русских или выходцев из восточных земель этих республик. Националистами же были преимущественно «западцы»;

религиозные причины – отчасти являются продолжением предыдущих, так как фактор конфессиональной принадлежности играл значительную роль в самоидентификации многих национальных групп (особенно в Югославии, Албании, Польше и западных регионах СССР). И дело тут даже не в том, что коммунисты придерживались атеистических взглядов. Иногда религиозная вражда лежала больше в исторической, чем в идеологической плоскости. Например, сербские Четники были православными, а в армии Тито было много боснийских мусульман и католиков хорватов. В Албании же каждое из указанных партизанских формирований представляло собой определенную религиозную группу – католиков («Национальный фронт») или мусульман («Легалитет»);

военные причины – эти причины были определяющими обычно там, где коммунистические партизаны пытались проникнуть на территорию, которую националисты считали своей (так, например, произошло в Западной Белоруссии и Западной Украине) [8].

Часто у некоммунистических течений движения Сопротивления не было таких возможностей, как у их коммунистических коллег (например, в СССР). Поэтому и их масштабы были менее значительными. И все-таки подчеркнем: внешняя помощь, разумеется, имеет не последнее, но и не самое главное значение. В данном случае гораздо важнее поддержка местного населения, в среде которого находятся партизаны. Помощь извне не всегда может прийти вовремя. Так, к слову, и было в случае с советскими партизанами, когда в 1941–1942 гг. государству было явно не до них. Местное же население для партизан является и источником снабжения продовольствием, и резервом людских ресурсов, и в какой-то степени «окном» во внешний мир. Но все это происходит именно так, если население настроено дружелюбно (или хотя бы нейтрально) по отношению к партизанам. В противном случае их отряды обречены на бездействие, уничтожение или уход из этой местности.

Из советской научной и художественной литературы всем нам известно, что население на оккупированных территориях поддерживало только коммунистов. Тогда как можно объяснить тот факт, что многие некоммунистические формирования существовали до конца оккупации, а на некоторых территориях действовали и гораздо позже? Теперь не секрет, что не везде это население относилось, например, к советским партизанам лояльно или даже нейтрально. Были и случаи откровенной вражды. Например, такая ситуация сложилась на присоединенных перед войной территориях (Прибалтика, Западная Белоруссия и Западная Украина) или на территориях, где нерусское население преобладало либо было равным по численности русскому (Северный Кавказ). Именно здесь коллаборационизм принял свои наиболее крайние формы, а некоммунистическое партизанское движение было гораздо мощнее просоветского. Иначе, как

отказом населения поддерживать коммунистов, нельзя объяснить массовые депортации из Прибалтики и Западной Украины в 1945–1946 годах. Ясно, что проводились они для того, чтобы подорвать базу националистического подполья, а также лишить его материальных и людских ресурсов [9].

Коммунисты во время войны и коммунистические историки в послевоенное время часто обвиняли представителей других партизанских движений в том, что они практически не принимали участия в борьбе с оккупантами. Отчасти это правда, но связано это не столько с какими-то тайными договорами между ними, а с отношением к местному населению. Например, Четники, албанский «Национальный фронт» и АК начиная с 1942 г., не проводили каких-либо масштабных операций против оккупантов из-за боязни репрессий последних против мирного населения. Например, в Сербии немцы за каждого убитого солдата расстреливали 100 человек, а за каждого раненого – 50, что не могло не влиять на тактику пассивного выжидания Четников Дражи Михайловича. С другой стороны, такую тактику нельзя объяснять только заботой о населении. Многие партизанские руководители некоммунистических формирований берегли свои силы для другой причины – последующей борьбы за власть после ухода немцев [10].

К сожалению, коммунисты боролись с оккупантами, не считаясь с репрессиями против мирных жителей. Но и симпатии к ним также нельзя отрицать. Например, в Греции население с 1941 по 1944 г. устойчиво поддерживало коммунистов практически на всей территории страны, а республиканцы и монархисты так и не вышли за пределы Эпира (северо-западная Греция). В Югославии партизан Тито с большой охотой поддерживали в Боснии, так как местное мусульманское население очень боялось репрессий со стороны Четников. Аналогичная ситуация сложилась и в Западной Белоруссии, где польская АК повинна в уничтожении белорусского населения ничуть не меньше, чем немцы [11].

Очень неоднозначным для понимания является вопрос взаимоотношений некоммунистического движения Сопротивления и коллаборационистов. И здесь нельзя отчасти не согласиться с коммунистическими историками, которые считали их единым целым. Не будет преувеличением сказать, что они не боролись друг с другом, а вполне мирно сосуществовали. Но дело тут не в пресловутом «классовом подходе» – все гораздо сложнее.

Одной из причин такой политики было то, что коллаборационизм как явление также не был однородным. С немцами могли сотрудничать как явные безыдейные прислужники, так и те, кто видел в таком сотрудничестве пользу для своего народа (национальное освобождение, обретение государственности и т. п.). Многие из них всерьез надеялись, что немцы со временем предоставят им пол-

ную свободу действий и передадут бразды правления государством. Другие думали, что, «врастая» таким способом в оккупационный аппарат, они придают ему национальный характер со всеми вытекающими из этого последствиями. На такой поворот событий очень надеялись, например, украинские и белорусские националисты. И как это ни парадоксально прозвучит, фактически это был один из вариантов борьбы за что-либо. А некоммунистическое движение Сопротивления – это второй вариант. Другое дело, что к 1943 г. даже самые ярые националисты и антикоммунисты поняли, что немцы никакой независимости им предоставлять не собираются. В лучшем случае это может быть протекторат по образцу Богемии и Моравии, но не больше. И именно этот год стал рубежным во взглядах многих коллаборационистов: часть из них стала переходить к коммунистам, а часть – в националистическое движение Сопротивления. Не секрет, что, например, УПА и ЛЮА свои наиболее квалифицированные кадры получили из местной полиции, которая целыми подразделениями стала переходить на их сторону. В Греции же ситуация развивалась в обратном направлении. Когда оккупанты предоставили греческому правительству возможность вести более или менее самостоятельную политику (декабрь 1942 г.), часть членов ЭДЭС влилась в созданные этим правительством «охранные батальоны» [12].

Из сказанного видно, что коллаборационисты и партизаны одной национальности не только не боролись между собой, но даже поддерживали друг друга. По сути, это были «сообщающиеся сосуды», что и дало впоследствии возможность коммунистам обвинять их всех в сотрудничестве с оккупантами. Что же происходило, когда на одной территории действовали коллаборационисты и партизаны разной национальной или конфессиональной принадлежности? Здесь, за редким исключением, происходило непримиримое противостояние. Если же эта борьба имела под собой не только идеологические и социальные, но еще и религиозно-национальные и исторические противоречия, то она выливалась в чудовищную резню, как это было, например, в Югославии или на Украине. Теперь всем известны события, которые происходили на Волыни в 1943–1944 гг., когда по приказу своего руководства УПА развернула политику деполонизации этого края. Поляки отвечали тем же. Однако справедливости ради следует сказать, что АК вела себя не лучше. Так, на ее совести тысячи убитых белорусов, украинцев и литовцев, которые не хотели жить в Польше образца 1939 года. Естественно, что в такой борьбе страдало прежде всего мирное население [13].

Главным обвинением против некоммунистических течений движения Сопротивления было то, что они сотрудничали с оккупантами, или то, что оккупанты принимали участие в создании этих движений, их вооружении и снаряжении. Приводятся разные

доказательства, вплоть до довоенного сотрудничества, например, ОУН с германской разведкой. Следует сказать, что и такие факты имели место. Однако этот вопрос намного сложнее, чем кажется. Трудно сомневаться, что и сербские четники, и греческие партизаны-роялисты, и украинские и белорусские националисты в основной своей массе считали нацистов врагами. Но еще большими своими врагами они с определенного момента в силу различных причин, и не только по своей вине, стали считать коммунистов. Поэтому вся логика развития этих движений неминуемо толкала их к союзу (пусть даже временному и тактическому) с оккупантами, которые на тот момент, как это парадоксально ни прозвучит, были главной антикоммунистической силой [14].

Формы сотрудничества с оккупантами были разными, как разные были и причины, которые подтолкнули партизан к этому сотрудничеству. Выше уже говорилось об одной из них: полном или частичном нейтралитете. Так поначалу поступали Четники, АК и ЭДЭС. Однако в той войне редко кому удавалось сохранять нейтралитет и быть «третьей силой между нацизмом и коммунизмом». АК, например, выбрала путь сотрудничества с коммунистами. Совместно с советскими партизанами и Красной армией поляки участвовали в освобождении Львова и Вильнюса. Четники, ЭДЭС и албанский «Национальный фронт» полностью перешли на сторону оккупантов и с 1943 г. действовали, как обычные коллаборационистские формирования. А прибалтийских, белорусских и украинских националистов немцы начали активно снабжать оружием и снаряжением, а также готовить для них кадры. Все это, безусловно, продлило жизнь этим формированиям, но не настолько, чтобы они так долго держались без поддержки местного населения: и ЛЮА, и БОА, и УПА продолжали сражаться и после ухода немцев, вплоть до 1950-х годов [15].

При подготовке данной статьи автор не ставил перед собой цель написать историю националистических партизанских организаций, а только попытался проанализировать их как явление с политико-идеологической, национальной и военной точек зрения. Тема эта весьма обширна, однако даже из уже приведенных фактов видно, насколько мало о ней известно. А если и известно, то знания эти зачастую ошибочны. Выше было сказано о тех мифах, которые прочно срослись с проблемой некоммунистического партизанского движения. Что мы можем теперь сказать о них?

Во-первых, несомненно, что это движение и коллаборационизм тесно связаны между собой. Но связь эта сродни двум сторонам одной медали, и смешивать эти понятия нельзя. Практически везде националистические партизанские организации возникли как антинацистские. Однако не во всех странах естественная конкуренция между ними и коммунистами (которая, к сожалению, существовала

даже в условиях борьбы за национальное освобождение) переросла в гражданское противостояние, продолжавшееся иногда и после войны (Греция, Прибалтика, Украина) и пособничество оккупантам. И виноваты в этом не только и не столько оккупанты, коммунисты или националисты, а те особенности национального менталитета, которые веками складывались в Восточной и Юго-Восточной Европе.

Во-вторых, у националистических партизанских движений была, конечно, разная степень эффективности, которая, тем не менее, зависела от того, кому они противостояли. Если речь идет об оккупантах, то, вне всякого сомнения, действия партизан-коммунистов были намного эффективнее. С другой стороны, в гражданской войне между коммунистами и националистами последние в целом ряде случаев и до определенного момента одерживали верх (Югославия, Украина, Прибалтика).

В-третьих, такие победы националистов можно объяснить разными причинами. Однако, на наш взгляд, главной из них является поддержка определенной части населения, которой они пользовались. Советская историческая наука полностью отказывала партизанам-некоммунистам в такой поддержке. Тем не менее именно позиция населения в Югославии, Польше, на Украине и в Прибалтике позволила националистам существовать и действовать до конца Второй мировой войны, а где-то и позже.

Мы, граждане бывшего СССР, привыкли считать, что гражданская война может возникнуть только из социально-экономических причин. Вся же мировая история учит нас, что такие войны возникают тогда, и только тогда, когда происходит столкновение базовых ценностей, лежащих в основе самосознания той или иной группы населения. Таким столкновением ценностей, более того, взглядов на будущее своего народа, и была война на территории целого ряда стран Восточной Европы, основные события которой развернулись с 1941 по 1945 год. А то, что эта война совпала по времени с немецкой оккупацией, только усложнило и без того запутанный клубок противоречий.

Примечания

1. Thomas N. Partisan Warfare 1941-1945. London, 1996. P. 17, 20–21, 24–28.

2. Перечень этих партизанских формирований составлен по следующим источникам: Бульба-Боровець Т. Армія без держави. Львів, 1993; Гогун А. Между Сталиным и Гитлером. Украинские повстанцы. СПб, 2004; Ёри С. Беларускі нацыянальны рэзыстанс у гады Другой сусветнай вайны // Пагоня. Беласток, 1995. № 33, 34, 36, 37; Крысин М. Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М., 2004; Мірчук П. Українська повстанська армія. 1942–1952. Львів, 1991; Семиряга М. И. Коллаборационизм. М., 2000; Armia Krajowa

w dokumentach 1939-1945: U 6 t. Londyn, 1970-1989. T. 1-6; Mazower M. Inside Hitler's Greece. The experience of occupation, 1941-1944. New York, 1993; Romanko O. V., Munoz A. J. Hitler's White Russians. New York, 2003; Tomashevich J. War and revolution in Yugoslavia 1941-1945: The Chetniks. Stanford, 1975.

3. Гогун А. Указ. соч. С. 105-124.

4. Стругар В. Югославия в огне войны, 1941-1945. М., 1985. С. 33, 50-55.

5. Маккензи У. Секретная история УСО: Управление стратегических операций в 1940-1945. М., 2004. С. 587-592.

6. Семиряга М. И. Указ. соч. С. 497-524, 524-529; Dobrich M. Chetnik // Axis Europa magazine. New York, 1998. Vol. 16. P. 3-63.

7. Кирьякидис Г. Д. Греция во Второй мировой войне. М., 1967. С. 136-139, 209-211; Герэн А. Коммандос «холодной войны». М., 1972. С. 24-29; Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985. С. 60-61.

8. Анализ причин проведен по следующим источникам: Войны второй половины XX века. - Минск, 1998. С. 109-111; Гогун А. Указ. соч. С. 105-110; Thomas N. Op. cit. P. 24-28.

9. О значимости вопроса поддержки партизан населением смотри, например: Армстронг Д. Советские партизаны. Мифы и действительность. 1941-1944. М., 2007. С. 289-424.

10. Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg, Deutschland (далее - ВА-МА), RW 40. Territoriale Befehlshaber in Südosteuropa, Befehlshaber in Serbien, RW 40/37. KTB für Januar 1943 mit Anlagen, Aufstellung des Serbischen Freiwilligen Korps.

11. Сямашка Я. Армія Краёва на Беларусі. Менск, 1994. С. 5-15; Lepre G. Himmler's Bosnian division. Atglen, PA, 1997. P. 16-18; Munoz A. J. Herakles and the swastika. New York, 1996. P. 6, 8, 12, 13, 17.

12. Кирьякидис Г. Д. Указ. соч. С. 179; Munoz A. J. Hitler's Eastern Legions: In 2 vols. New York, 1996. Vol. 1. P. 52-57.

13. Рагуляец. Беларуска-польскія перамовы ў сакавіку 1944 году // Беларускі Рэзыстанс. 2005. №1. С. 98-105; Сергійчук В. Поляки на Волині у роки Другої світової війни. К., 2003. С. 43-474.

14. ВА-МА, RW 5. Oberkommando der Wehrmacht - Amt Ausland / Abwehr, RW 5/699. Vorbereitungen für den «Fall Weiß». - Richtlinien für Ausbildung und Einsatz einer ukrainischen Partisaneneinheit in Polen (Juli-August 1939).

15. Грыбоўскі Ю. Першы беларускі штурмовы зв'яз // Беларускі Рэзыстанс. 2005. № 1. С. 3-6; Зубренков С. В. Националистическое подполье в Литве и войска НКВД в 1944-1945 гг. // Великая Отечественная война в оценке молодых: Сб. статей. М., 1997. С. 155-163; Romanko O. V., Munoz A. J. Op. cit. P. 65-68.

Бадмаева Е. Н.
Районы КАССР, не подвергавшиеся
немецкой оккупации (лето и зима 1942 г.)

Для современной российской исторической науки изучение истории Великой Отечественной войны и в настоящее время сохраняет особую актуальность по ряду объективных причин. Среди них и настоячивые попытки, имеющие антироссийскую направленность, особенно среди западных историков, пересмотреть ход и итоги Великой Отечественной войны, и отход от идеологических установок в российских исторических исследованиях, дающий возможность глубокого и всестороннего изучения всего военного лихолетья, и расширение доступа к ранее закрытым архивным документам. Произошедшие после распада СССР коренные изменения в жизни российского общества, повлекшие снятие жестких идеологических рамок, открыли перед исследователями широкие возможности в изучении истории страны в период Великой Отечественной войны. Введенные за последние десятилетия в научный оборот многочисленные архивные материалы, находившиеся ранее на секретном хранении, изучение широкого круга отечественной литературы и источников ставят задачу выработки новых исследовательских подходов в соответствии с современными требованиями науки, пересмотра ряда прежних выводов и оценок. Сегодня становится очевидным и исторически востребованным понимание того, что объективное исследование войны в масштабах всей страны невозможно без тщательного анализа событий на местах. Такой «микроанализ», на наш взгляд, безусловно, не только поможет представить целостную и всеобъемлющую картину жизни советского общества в суровые и трагические военные годы, но и раскроет величие подвига всего многонационального народа СССР как на фронте, так и в тылу.

В советской историографии Калмыкии в период Великой Отечественной войны преобладал идеологизированный подход, при котором основной упор делался на освещение мужества и самоотверженности населения республики в борьбе с фашистскими захватчиками. Однако в силу ряда причин, в первую очередь идеологических, замалчивались противоречия и проблемы политической и социально-экономической жизни республики военного периода. В частности, в исторической науке еще не получили должного научного осмысления и освещения многие вопросы социально-политического и экономического развития Калмыкии в период оккупации ее территории немецко-фашистскими захватчиками в 1942–1943 гг., а также многотрудной жизни и самоотверженной трудовой деятельности населения неоккупированных районов республики.

В первые месяцы Великой Отечественной войны вся политическая и социально-экономическая жизнь Калмыцкой автономной

республики кардинально изменилась и перестроилась на военный лад. Партийные и советские органы организованно проводили мобилизации в Красную армию. Так, с июня 1941 г. по март 1942 г. республика направила на фронт 20 082 человека. В начале войны крестьянство Калмыкии поставило в фонд обороны страны 20 тыс. лошадей, более 1 тыс. повозок, 800 автомашин, сотни тракторов, направило бойцам Красной армии большое количество теплых вещей, произведенных из кожсырья.

В период военной экономики 1941–1945 гг. в СССР неизмеримо выросло городское и армейское потребление хлеба. Для решения этой задачи в соответствии с решением ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 г. реформировался весь пропагандистский аппарат партии в совхозах, колхозах и МТС. Решением бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) от 26 ноября 1941 г. в совхозах и МТС создавались политические отделы, отвечающие в том числе за работу партийных и комсомольских организаций колхозов. Начальник политотдела, одновременно являющийся заместителем директора МТС, совхоза по политработе и по выполнению хозяйственных планов, назначался непосредственно ЦК ВКП(б) [1].

Оперативное решение продовольственной проблемы в СССР в период Отечественной войны во многом стало возможно благодаря крестьянству, обеспечившему высокую товарность и валовой урожай хлеба. Фактически с первых дней войны было организовано бесперебойное снабжение хлебом Советской армии и населения. Только Калмыцкая АССР до конца марта 1942 г. поставила государству из урожая 1941 г. 60 626 т зерна (117%) при увеличенном плане 51 817 т [2].

Однако следует отметить, что в первые месяцы войны наркомат земледелия республики и райкомы партии не сумели перестроить работу в соответствии со сложившимися военными условиями. Не все плановые задания первого года войны были выполнены. Например, сдача годового плана хлеба к концу 1941 г. составила лишь 89,7%, поэтому его выполнение продолжалось и в 1-м квартале 1942 г. После зимнего обмолота было получено более 16 тыс. тонн зерна, которые были сданы в счет государственных поставок [3]. Помимо хлеба республике предстояло поставить государству в значительных объемах и другие виды сельхозпродуктов. Обязательные поставки мяса тружениками сельского хозяйства к началу октября 1941 г. составили 64 896 ц (в убойном весе), или 93,8% годового плана. Все же к концу года методом жесткого административно-командного давления на сельхозпроизводителей план мясopоставок по республике был выполнен на 100,1% [4].

В связи с угрозой оккупации территории республики 29 августа 1942 г. руководство Калмыцкой АССР запоздало и в спешном порядке приняло постановление «О мероприятиях по эвакуации скота,

тракторов, сырья и другого имущества из прифронтовых районов». Следующее – «О перегоне эвакуированного скота в Казахскую ССР», было принято 30 августа, в то время когда отдельные улусы республики были уже захвачены немцами. Всего 118 колхозов сумели приступить к эвакуации скота и пригнать его к переправам через Волгу. Однако значительных потерь перегоняемого скота избежать не удалось. Эти потери, по имеющимся оперативным данным работников НКВД, партийных и советских органов, определялись большим падежом, утерей и хищениями животноводческого поголовья в дороге, сдачей скота на мясопоставку Красной армии, массовыми эпидемиями среди животных (ящуром, чесоткой), скудными кормами, неблагоприятными погодными условиями, неподготовленностью приемных пунктов в колхозах и совхозах Западно-Казахстанской, Гурьевской, Актюбинской, Чкаловской областей Казахской ССР. В приемных пунктах было оставлено истощенного и подбитого скота 305 694 головы, сдано государству через Заготскот, воинским частям по чековым требованиям и распискам и другим государственным организациям – 175 852 гоовы. В конечном итоге в полном объеме эвакуацию сырьевых и материальных ресурсов выполнить не удалось, как в силу объективных причин (быстрое продвижение немецких войск в глубь территории страны, успехи фашистских войск в летних боях 1942 г.), так и из-за субъективных факторов (бездеятельность, халатность, а иногда нерешительность и паника представителей республиканских и местных органов власти).

Таким образом, республика в результате оккупации части территории временно лишилась 1 491 818 голов скота, из них эвакуированы: из оккупированных улусов – 519 354, прифронтовых – 258 478, оставлены в захваченных немцами районах – 713 986 [5].

Летом 1942 г. немецкие войска оккупировали 8 улусов (районов) территории республики из 13 имевшихся. Полностью были захвачены 5 основных зерновых улусов: Западный, Яшалтинский, Приютненский, Троицкий и Сарпинский, столица республика Элиста, частично 3 улуса – Черноземельский, Кетченеровский, Малодербетовский, в экономическом отношении более развитые по сравнению с районами, оставшимися вне зоны оккупации. Временно оккупированная территория составляла почти 43 тыс. кв. км (54%) территории Калмыцкой АССР. По неполным данным, из районов республики, которые попали в зону оккупации, эвакуировалось свыше 25 тыс. человек. Всего около 135 362 человек оказались в зоне оккупации. На занятой противником территории республики находилось 92% всех посевных площадей. На оккупированной территории осталось 63% сельских советов, 66% колхозов, 82,3% МТС, 92,3% совхозов, 569 промышленных цехов, 52% предприятий, в том числе 48% крупных предприятий, и основное богатство животноводческой республики – более 55% скота [6].

В связи с оккупацией большей части территории Калмыкии партийные, советские, профсоюзные, комсомольские органы республики были дислоцированы в рабочий поселок Кануково, расположенный вблизи г. Астрахани. Отсюда осуществлялась практически вся целенаправленная деятельность по мобилизации усилий трудящихся на дело Победы. Несмотря на значительное сокращение животноводческого поголовья по названным выше причинам, на неоккупированных территориях республики немаловажное значение придавалось развитию сельского хозяйства. В экстремальных условиях Великой Отечественной войны его развитие во многом зависело от умелой организации хозяйствования, строгого контроля над принятыми решениями. Калмыцкий обком ВКП(б) и Совнарком КАССР приняли ряд постановлений, направленных на развитие животноводческой отрасли. Все эти меры, но в первую очередь самоотверженный труд простых животноводов, позволили населению Калмыкии, несмотря на сложную прифронтовую обстановку, частичную оккупацию, начиная со второй половины 1942 г. организованно и слаженно, ценой невероятных усилий перевыполнить план государственного задания по многим видам сельхозпоставок.

Особое значение в экономике неоккупированных районов Калмыкии в годы войны приобрело развитие рыбной промышленности. Ее состояние во второй половине 1942 г., как известно, являлось сложным. Правительство СССР и ЦК ВКП(б) отмечали, что в районах Каспийского бассейна из-за ряда объективных причин (резкого сокращения численности рыбаков и рыбоперерабатывающих предприятий; непрерывной бомбежки рыболовецких судов и минирования Каспийского моря) план добычи рыбы в 3-м квартале 1942 г. был значительно невыполнен. Все же к концу 1942 г. в результате целенаправленной организаторской деятельности партийных и советских органов, самоотверженности тружеников моря, подавляющее большинство которых в этот период составляли женщины и молодежь, удалось переломить ситуацию и план IV квартала по добыче рыбы перевыполнить на 118% (выловлено 29,5 тыс. ц), заготовить и обработать 26,6 тыс. ц (106,4%) [7].

Население неоккупированных районов республики принимало энергичное участие в реализации важнейших политических и народнохозяйственных решений, принятых на высшем государственном уровне. К концу 1942 г. военкоматы не оккупированных улусов дополнительно мобилизовали на фронт 2965 человек, колхозы предоставили воинским частям 817 лошадей, 28 автомашин и другие транспортные средства [8].

Осенью 1942 г. важное стратегическое значение приобрело строительство оборонительных сооружений на территории Калмыкии на сталинградском, астраханском и ростовском направлениях, в котором активное участие принимали жители неоккупированных

территорий республики. Согласно постановлению Совнаркома КАССР № 522 от 13 октября 1942 г. на строительство астраханских рубежей Юстинский, Приволжский и Долбанский улусы направили 3000 рабочих и 1000 подвод с верблюжьей упряжью [9]. По заданию Генерального штаба Красной армии и Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР сотни женщин и подростков, в основном из неоккупированных районов Калмыкии, участвовали в строительстве дороги Астрахань – Кизляр.

Одной из главных форм участия населения республики в организации сопротивления оккупантам в 1942 г. являлось партизанское движение. В первые месяцы войны под грифом «Секретно» вышли директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. и постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск», известные лишь узкому кругу руководящих партийных работников в советском тылу. Руководство республики, опираясь на данные директивы, издает постановления бюро Калмыцкого обкома партии «О создании партизанских отрядов в городе Элисте и улусах Калмыцкой АССР» и «О создании подпольных организаций в улусах и городах Калмыцкой АССР» от 9 августа 1942 г. В них первым секретарям горкома и улусных комитетов ВКП(б) предлагалось сформировать и возглавить подпольные группы и партизанские отряды [10]. Партизанское движение в Калмыкии имело свои специфические особенности. Во-первых, большие трудности представлял для партизан суровый степной климат: длинная бесснежная зима с сильными ветрами и морозами, летом неимоверная жара с частыми суховеями. Кроме того, открытая степь, отсутствие лесного массива и источников воды. Во-вторых, отсутствие сплошной линии фронта, за исключением населенного пункта Хулхута, а также района Малые Дербеты – Сарпа; наличие мест, где не было ни немецких, ни советских войск (территория Черных земель, западная часть Юстинского улуса). Эти особенности определили формы и методы партизанской войны в Калмыкии. В сентябре 1942 г. руководством Калмыцкой АССР и Астраханского округа совместно с командованием Сталинградского фронта была организована специальная школа № 005 по подготовке разведчиков и подрывников в г. Астрахани. Начальником спецшколы был назначен бывший секретарь Элистинского городского комитета партии, старший политрук (капитан) А. М. Добросердов [11]. К 25 октября 1942 г. было подготовлено и отправлено в тыл врага на территорию Калмыкии около 6 групп, а в середине ноября 1942 г. для выполнения специальных заданий в тыл германской армии было послано еще шесть разведывательно-диверсионных формирований. К этому времени на территории республики действовало 12 партизанских отрядов, насчитывающих в своем составе 220 человек. Всего с сентября 1942 г. по 1 января 1943 г., согласно докладной записке секретаря Калмыцкого обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б), в Астраханской спецшколе

было подготовлено и отправлено в тыл врага, на территорию оккупированных районов Калмыкии, Сталинградской, Ростовской областей и Орджоникидзевского (Ставропольского) края 13 разведывательно-диверсионных групп (общим количеством 268 человек) [12]. Основное ядро этих подразделений составляли местные коммунисты и комсомольцы, в качестве командиров, комиссаров выступали руководящие партийные и советские работники в лице секретарей райкомов и горкомов ВКП(б). Партизанское движение имело централизованное руководство, что позволило выступления партизанских отрядов направить в единое организующее и целенаправленное содержание. Одним из основных недостатков формирования и засылки отрядов являлось то, что их участники мало были обучены военному делу, один из таких отрядов был, например, сформирован из людей пожилого возраста. Так, в партизанском отряде № 51 «Старики» под командованием первого секретаря Западного РК ВКП(б) И. Н. Чернышева в количестве 35-36 человек в основном воевали бойцы старшего возраста. Районом непосредственной дислокации и военного действия партизанского отряда являлась шоссейная дорога на участке Ленинск – Приятное – Дивное [13]. В основном небольшие группы партизан численностью до 20–30 бойцов периодически выходили в тыл противника сроком на 15–20 дней в оккупированные районы Калмыкии. Крупных операций партизаны не вели и вести не могли из-за малочисленности состава. Эти отряды в основном вели разведку, охватывали рейдом районы, занятые оккупантами, совершали диверсионные и террористические акты, организовывали саботаж. В сложных климатических и природных условиях калмыцкой степи партизаны, будучи вооруженными и экипированными хуже, чем немецкие солдаты, без поддержки артиллерии и авиации, при отсутствии на оккупированной территории баз боевого и продуктового снабжения, медикаментов, тем не менее, устраивали засады, минировали шоссейные и грунтовые дороги, подрывали небольшие мосты, разрушали линии связи, а также совершали нападения на отдельные отряды противника. За время боевых действий партизанским группам, по имеющимся неполным данным, удалось уничтожить более 300 солдат и офицеров немецкой армии, старост и полицейских, пять самолетов «мессершмит» нанести ощутимый материально-технический урон путем минирования дорог, разрушения средств связи и др. [14].

Безусловно, масштаб и результативность партизанского движения в КАССР в годы оккупации ее территории трудно сравнивать с партизанской войной в соседних регионах страны. На размах и эффективность партизанской деятельности в Калмыкии, как мы отметили выше, существенно влияли сложные природно-климатические условия территории, открытость местности, а также особенности немецкого оккупационного режима. Следовательно, нельзя однозначно оценить действия партизанских подразделений в трудных условиях

калмыцкой степи. Но с приобретением военного опыта росла боевая деятельность партизанских отрядов, которая становилась все заметнее и эффективнее, и, вне сомнения, партизаны Калмыкии внесли свой пусть маленький, но достойный вклад в общий победный успех Сталинградского фронта.

Одновременно на территории оккупированных улусов Калмыкии решением Калмыцкого обкома ВКП(б) было создано 6 подпольных партийных организаций и 20 подпольных улусных комитетов комсомола. В первое время их работа была деморализована. Это объяснялось в значительной степени стремительным отступлением наших войск по территории Калмыкии летом 1942 г., крайне негативно отразившемся на моральном духе населения, и в некоторых улусах возникла паника среди местных партийных и государственных работников. Впечатляющие военные успехи вермахта послужили причиной нарастания чувства растерянности и страха у значительной части местных жителей. В этой непростой ситуации Калмыцкий обком ВКП(б) только 16 октября 1942 г. принял решение об издании еженедельной газеты «Вести с Родины» для временно оккупированных улусов. Всего было издано и распространено 7 номеров. В то время как немецкие информационные службы организовали выпуск не только двух газет – на русском «Свободная земля» (50 номеров) и на калмыцком «Теегин херд», но и ежедневных радиопередач на немецком, русском и калмыцком языках [15]. В целом партийное подполье не проявило высокой организованности и эффективности в организации массового саботажа оккупационных политических и экономических мероприятий. Деятельность партийного подполья в тылу немецких войск на территории Калмыкии полна ошибок и серьезных упущений, сделанных, в частности, на этапе создания сети подпольных организаций еще в дооккупационный период; их недостаточная действенность проистекает от нечеткости поставленных перед ним задач, отсутствия специальной подготовки, плохой технической оснащенности, недостаточно налаженной двусторонней связи с партийным и военным руководством, находившимся на не захваченных фашистами территориях. Напротив, деятельность стихийно образовавшейся разведывательно-диверсионной группы НКВД в ряде случаев показала свою боевую состоятельность в борьбе с врагом. Так, на территории Троицкого и Кетченеровского улусов эффективно действовала группа старшего лейтенанта П. И. Барабанова (бывшего начальника Троицкого улусного отделения НКВД), состоявшая из сотрудников НКВД. Ценная информация этой группы передавалась в особые отделы 28-й армии, 51-й армии, 115-й Отдельной Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии и 34-й гвардейской стрелковой дивизии [16]. Все разведывательные акции осуществлялись в интересах Сталинградского фронта и непосредственно 28-й и 51 армий.

Разумеется, за пределами данной статьи осталось много аспектов повседневной жизнедеятельности населения временно оккупированных и неоккупированных районов Калмыкии в условиях трудного военного времени. Сложная и противоречивая военно-политическая и социально-экономическая история Калмыкии периода Великой Отечественной войны отражает как общие тенденции истории Советского Союза в эти переломные годы, так и специфические черты, связанные с временной оккупацией части территории республики. Политическая и социально-экономическая жизнь на неоккупированной территории Калмыкии в 1942 г. в значительной мере определялась близостью фронта. Люди, жившие в прифронтовой полосе, естественно, жили в более тревожной обстановке, опасаясь за свою жизнь, безопасность родных и близких, боялись того, что враг может в любое время захватить скот и имущество, разграбить их жилище. Но в целом население прифронтовых районов республики жило общими проблемами страны, с нетерпением ждало радостных фронтовых сводок Совинформбюро, долгожданной и доброй весточки от своих отцов и сыновей, воевавших с ненавистным врагом. Люди самоотверженно трудились на промышленных предприятиях, в совхозах и колхозах, участвовали в движении сопротивления оккупантам в составе партизанских отрядов, подпольных групп ЦК ВКП(б) и разведывательно-диверсионных групп НКВД на оккупированной территории. Партийным и государственным органам на местах в общем удалось настроить население неоккупированных территорий республики на четкую мобилизацию всех сил на нужды обороны, а само оно в основной своей массе проявило свои лучшие человеческие и нравственные качества.

Примечания:

1. Национальный архив Республики Калмыкия (далее -- НА РК). Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 599. Л. 2–3.
2. НА РК. Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 29.
3. НА РК. Ф. Р-131. Оп.1. Д. 1017. Л. 43; Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 29.
4. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3-х томах. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 2. С. 450.
5. НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1238. Л. 34–35.
6. Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. 2-е изд. доп. М.: Наука, 2010. 406 с.
7. Там же. Ф. П.-22. Оп. 1. Д. 90. Л. 32; Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 658. Л. 7.
8. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Док. и мат.-лы. Элиста: Калм.кн. изд-во, 1966. С. 207.
9. Там же. Ф. Р-131. Оп. 10с. Д. 94. Л. 257.
10. Там же. Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 733. Л. 6.

11. Горчаков О.А. «Максим» не выходит на связь. Ростов-на-Дону, 1969. С. 112.
12. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Док. и мат-лы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. С. 209.
13. НА РК Ф. П-830. Оп. 1. Д. 55. Л. 5.
14. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг... С. 230.
15. НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 784. Л. 29; Максимов К. Н. Великая Отечественная война... С. 152.
16. Там же. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 733. Л. 20.

Заблотский А. Н., Ларинцев Р. И.

**17 апреля 1943 г. — «черный» день
3-го истребительного авиационного корпуса**

Все дальше и дальше уходят от нас годы Великой Отечественной. История той войны, как и любой другой, состоит из множества событий, больших и малых, где любой штрих просто не может быть лишним. Один из таких маленьких эпизодов большой войны произошел 17 апреля 1943 г. в небе над Таганрогом.

В укромном уголке старого таганрогского кладбища есть неприметная могила, которую непросто найти, даже зная, где её надо искать. На скромном обелиске, под изображением краснорыцарских «ястребков» высечены слова: «Капитан Егоров Алексей Гаврилович. Ст. лейтенант Единархов Иван Яковлевич. Героически погибли в неравном бою после посадки на занятый немцами аэродром Таганрог-Вест», и дата — 17.04.1943 г.

Возникают вполне закономерные вопросы. Кто были погибшие летчики? В какой части они воевали? Когда, как и почему оказались они в таганрогском небе? А главное, что произошло, почему все случилось именно так, а не иначе, и кто во всем этом виноват? Попробуем разобраться во всех хитросплетениях этих трагических событий.

Итак, Великая Отечественная, начало 1943 г. Наша страна встречала третий военный год с большими надеждами. Успешный исход Сталинградской битвы придал веру советским людям в то, что окончательная победа будет достигнута, и она уже не за горами. Военно-воздушные силы Красной армии в наступившем году должны были вырвать стратегическую инициативу в воздушной войне у Люфтваффе, обеспечив господство в воздухе на всем протяжении советско-германского фронта. Предпосылками к этому были постоянный количественный рост ВВС и улучшение их качественного состава благодаря массированному поступлению во фронтовые части новых образцов авиационной техники.

Именно для борьбы за господство в воздухе в конце декабря 1942 г. был сформирован 3-й истребительный авиационный корпус резерва Верховного Главнокомандования под командованием генерал-майора Е. Я. Савицкого. В корпус входило две истребительные авиационные дивизии трехполкового состава – 265-я и 278-я. Всего 3-й ИАК насчитывал около двухсот новейших истребителей Як (Як-1 и Як-7).

Одна из дивизий корпуса – 265-я ИАД, успевшая к этому времени побывать в бою, при реформировании получила в свой состав 291-й, 402-й и 812-й истребительные авиационные полки. Полки дивизии зимой 1942/43 г. проходили обучение на новой технике в 8-м запасном авиационном полку на аэродроме Багай-Барановка под Саратовом. Новенькие Як-1 получали с находившегося под боком саратовского авиационного завода № 292.

Костяк летного состава полков дивизии составили до того ещё не воевавшие летчики-дальневосточники. В частности, 291-й ИАП получил летный состав из 306-го ИАП Дальневосточного фронта, базировавшегося в Успеновке Хабаровского края. В числе этих дальневосточных пилотов и были капитан А. Г. Егоров и лейтенант И. Я. Единархов. Хотя они не приобрели боевого опыта, оба были истребителями ещё довоенной выучки. Егоров окончил 2-ю школу летчиков имени В. П. Чкалова ещё в 1938 г., а Единархов – Батайское военное авиационное училище в 1940 г. Пройдя в Багай-Барановке переобучение на «Яках», капитан А. Г. Егоров был назначен командиром эскадрильи в 291-м полку. Лейтенант И. Я. Единархов стал его заместителем [1].

К началу апреля 1943 г. формирование корпуса было в основном завершено. В середине апреля полки корпуса начали перебазироваться на Воронежский фронт, в район Обояни. Однако обстановка на фронтах к этому моменту резко изменилась.

Корпус был перенаправлен с центрального участка фронта на Кубань, где разворачивалось грандиозное сражение за господство в воздухе между ВВС Красной армии и Люфтваффе.

О том, какое значение придавалось 3-му ИАК в разворачивавшемся в кубанском небе сражении, говорит тот факт, что напутствовал командира корпуса лично Верховный – И. В. Сталин. Сроки на перебазирование были поставлены самые жесткие, по прибытии на место полки 3-го ИАК должны были сразу пойти в бой.

По практическим вопросам организации перелета корпуса на юг Е. Я. Савицкий связался с командующим 17-й Воздушной армией генералом В. А. Судецом. Тот сообщил, что истребители 3-го ИАК будут лидировать бомбардировщики Пе-2 из 1-го бомбардировочного авиакорпуса полковника И. В. Полбина, но высказанное Савицким предложение составить план перелета решительно отклонил. Истребители, по словам Судеца ещё в марте командовавшего 1-м БАК, должны были просто не отрываться от лидера и выполнять его

команды по радио, а об остальном им можно было и не беспокоиться. Как вспоминал позже Савицкий: «Мне это очень не понравилось, но спорить не стал» [2]. Фактически успешное перебазирование истребителей 3-го ИАК прямо зависело от профессионализма штурманов «пешек» 1-го бомбардировочного авиакорпуса.

К сожалению, командование как бомбардировочного корпуса, так и входящих в него дивизий весьма благодушно отнеслось к приказу выделить шестнадцать, причем лучших, экипажей для лидирования истребителей 3-го ИАК. По сути дела, отрядили тех, кто, в этот момент был под рукой. Эскадрилью капитана Егорова должен был лидировать экипаж Пе-2 из 82-го гвардейского БАП 1-й гвардейской БАД в составе летчика лейтенанта Зотова и штурмана эскадрильи старшего лейтенанта Каримова.

Перебазирование корпуса на Кубань началось 16 апреля 1943 г., и на рассвете 17 апреля Яки 291-го ИАП вылетели с аэродрома Россошь в Ростов-на-Дону. Далее их маршрут лежал через Тихорецк на аэродром Старонижестеблиевская на Кубани.

В одном строю с истребителями эскадрильи Егорова летел Як-7Б из состава 15-го ИАП второй дивизии корпуса – 278-й ИАД. Самолет задержался из-за неисправности (видимо, достаточно серьезной) на аэродроме вылета и после ремонта догонял свой полк вместе с истребителями 291-го ИАП.

Казалось, ничто не предвещало трагедии, но на маршруте лидировавший эскадрилью Егорова штурман Пе-2 старший лейтенант Каримов, несмотря на вполне сносные, по воспоминаниям ветеранов корпуса, метеоусловия, потерял ориентировку и привел свою группу утром 17 апреля, вместо Ростова в ещё занятый немцами Таганрог. Наши самолеты вышли на немецкий аэродром Таганрог-Вест, нынешний Таганрог-Центральный, расположенный на западной окраине города. Таганрог-Вест находился рядом с широким Миусским лиманом, который, заходя на посадку с запада или северо-запада, вполне можно принять за Дон. Ничего не подозревающая эскадрилья встала в круг над вражеским аэродромом, и истребители начали заходить на посадку...

То, что произошло дальше, описано в сухих строчках наших и немецких документов. 18 апреля в разведывательной сводке 6-й немецкой армии отмечалось: «17.04.1943 между 08.30 и 08.45 (время берлинское) в р-не Таганрог появились 11 вражеских машин. Два Як-1 и один Як-7, легко поврежденные, сели на аэродром Таганрог-Вест. Три Як-1 сбиты или уничтожены на земле. Остальные смогли уйти. Взяты в плен на аэродроме два русских лейтенанта авиации из 291-го ИАП и один техник-лейтенант». Дополняет его донесение 29-го армейского корпуса в штаб 6-й армии: «Из числа находившихся в сбитых или посаженных самолетах взяты в плен трое (один легко ранен), два убиты при попытке к бегству, и один сторел в машине.

На допросе пленные показали, что совершали перелет из Россоши в Ростов и перегуляли аэродромы» [3].

А вот выдержка из приказа заместителя наркома обороны, маршала авиации А. А. Новикова от 27 апреля 1943 г. «О неудовлетворительном лидервании самолётами Пе-2 1-го БАК истребителей 3-го ИАК»: «Несмотря на открытый противником артиллерийский огонь из ЗА (зенитной артиллерии), 3 самолёта Як-1 во главе с командиром эскадрильи 291-го полка Егоровым произвели посадку в Таганроге и попали в руки врага. 3 самолёта Як-1 были сбиты ЗА противника на кругу аэродрома, и там же горящие упали. Остальные 4 самолёта с преступником-лидером вернулись на аэродром Ростов» [4].

Первой на аэродром с ходу села тройка в составе Егорова, Единархова и ещё одного летчика старшего сержанта Горбачева. Самолеты на стоянку не заруливали, а заглушили двигатели рядом со взлетной полосой, прямо у посадочного «Т». Видимо, все произошедшее было и для немцев не меньшим сюрпризом, поэтому зенитный огонь был открыт только по следующей заходившей на посадку тройке, а к севшим Якам кинулись немецкие солдаты. В сложившейся ситуации помочь оказавшимся на вражеском аэродроме комэска остальные пилоты его эскадрильи ничем не могли, полный боекомплект самолеты должны были получить только в Ростове.

Егоров, успевший уже выбраться из кабины, начал отстреливаться из пистолета и в завязавшейся перестрелке был убит. Единархов был убит, видимо, сразу, ещё в кабине своего самолета, а его «ястребок» был подожжен атакующими и полностью сгорел.

Судьба остальных пилотов эскадрильи была следующей. Самолет старшего сержанта Богатырева Вячеслава Константиновича был сбит зенитками (по немецкому донесению, «упал в Миус-лиман»), пилот погиб [3, 5]. Старшие сержанты Горбачев Олег Михайлович и Добытеев Михаил Семенович попали в плен [1, 3].

Пилот 15-го ИАП старший сержант Грабельников Василий Ферапонтович погиб в завязавшейся перестрелке, а летевший на борту его Як-7 в отсеке за бронеспинкой летчика механик звена техник-лейтенант Кондрахин Алексей Васильевич был пленен вместе с Горбачевым и Добытеевым [1, 3].

Мужество комэска и его заместителя произвело должное впечатление на противника. По приказу командира 111-й пехотной дивизии, занимавшей таганрогский участок «Миус-фронта», генерал-майора Рекнагеля Егоров и Единархов были похоронены на городском кладбище с отданием всех положенных в таких случаях воинских почестей. Подобные «признания врага» зачастую используются в художественных фильмах и книгах, чтобы подчеркнуть героизм наших солдат. Но в реальности такое происходило достаточно редко.

Отметим ещё один момент. В результате событий 17 апреля в руки противника попал как минимум один исправный истребитель Як-16 (причем новенький, только с завода). Что, опять же, по меркам весны 1943 г. тоже было событием, достаточно неординарным. Немцы попытались ценного трофея лишиться, для чего на штурмовку таганрогского аэродрома было отправлено два звена «Аэрокобр» из 16-го гвардейского ИАП. Однако противник успел перегнать свой трофей из Таганрога либо хорошо замаскировать машину на земле [6].

Непосредственных виновников трагических событий 17 апреля, пилота и штурмана злополучной «пешки», отдали под трибунал. Командование же 1-го бомбардировочного авиакорпуса отделалось довольно легко. Несколько человек на время снизили в звании, нескольким объявили выговоры. Сам же «черный» день 3-го ИАК быстро оказался заслоненным наступившими боевыми буднями. Имена погибших в Таганроге пилотов очень скоро канули в пучину забвения.

Кто знает, как все сложилось бы, не будь того трагического 17 апреля и уже через несколько дней они вместе со своим полком смогли бы начать свой фронтовой путь. Возможно, кто-то из них, подобно своему однополчанину А. Ф. Лавренову, стал бы асом и Героем Советского Союза. Кто знает... Но одно мы знаем наверняка: они хотели драться за нашу Родину, и они рвались в бой. Не их в том вина, что военная судьба распорядилась иначе...

Примечания

1. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 113
2. Савицкий Е. Я. Полвека с небом. М.: Воениздат, 1988.
3. National archives and records administration (Национальное управление архивов и документации США – NARA). T-312-1461 frame 0238, 0869, 0871, 0877.
4. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–3). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. М.: ТЕРРА, 1997.
5. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 112
6. Покрышкин А. И. Познать себя в бою. М.: ДОСААФ, 1986.

Бондарев В. А.

О противоборстве советского крестьянства и сталинского режима в 1945–1953 гг.

Окончание Великой Отечественной войны ознаменовалось широким распространением во всех слоях советского общества ожиданий грядущих перемен. В том числе вполне определенных перемен ожидало и колхозное крестьянство, надеявшееся на роспуск колхозов или ре-

формирование колхозной системы. «Когда разделят колхозы?», «Пусть государство даст столько земли, сколько можно обрабатывать» [1] – такие вопросы и пожелания постоянно звучали в крестьянских высказываниях и письмах. По справедливому замечанию Е. Ю. Зубковой, «надежды российской колхозной деревни в послевоенном 1945 г. по своему содержанию были очень близки настроениям крепостного крестьянства в 1812» [2]. Как крепостные крестьяне императорской России времен Александра I (а затем и Николая I, если мы вспомним Крымскую войну), так и колхозники в равной мере надеялись на то, что государство учтет их заслуги, облегчит условия жизни и предоставит возможность свободно жить и работать. Сложно сказать, насколько широко подобные настроения были распространены в послевоенной советской деревне (все-таки значительная часть ее населения уже свыклась с колхозами и не желала их ликвидации), но то, что редкостью они не были, можно утверждать со всей определенностью.

Однако надежды советских земледельцев на существенное реформирование колхозной системы или, тем более, роспуск колхозов оказались беспочвенны. Сталинский режим не намеревался идти навстречу пожеланиям общества, крестьянства в том числе, ибо это означало отказаться от достигнутых в 1930-х гг. результатов, какими являлись административно-командная система, установление плотного контроля над обществом и пр. Напротив, партийно-советское руководство решило преодолеть и устранить свободомыслие общества, которое по завершении войны являлось одной из ведущих тенденций в социально-политической сфере. Для этого Сталин и его сторонники обратились к испытанному средству – к репрессиям как универсальному инструменту по ликвидации действительных и потенциальных оппозиционеров и запугиванию инакомыслящих. Цель сталинской политики в послевоенной деревне заключалась не в достижении компромисса с крестьянством путем частичного удовлетворения его требований, а в том, чтобы «запугать народ, сломить нараставшее антиколхозное движение, заставить работать бесплатно голодных, оборванных людей и одновременно загнать в колхозы и совхозы как можно больше жителей села из так называемого ококолхозного населения» [3]. Спустя всего несколько лет после Победы в Великой Отечественной войне, достигнутой благодаря самопожертвованию и самоотверженности народа, сталинский режим обрушил на колхозную деревню новую волну террора.

Наступление на крестьянство, развернутое партийно-советскими структурами с 1945 г., разворачивалось по нескольким направлениям. Прежде всего представители власти постарались вновь установить плотный контроль над колхозниками, лишит их иных, неколхозных, источников дохода, дабы земледельцы с большей активностью работали в сфере общественного производства. С этой целью были предприняты меры по сокращению тех личных

подсобных хозяйств (ЛПХ) колхозников, которые были самовольно ими увеличены во времена войны.

Поскольку в условиях войны и без того невысокие доходы советских земледельцев от участия в колхозном производстве резко уменьшились, продовольственное обеспечение колхозников в основном осуществлялось за счет личных подсобных хозяйств. В военное время заинтересованность сельских жителей в собственных хозяйствах усилилась. Крестьяне, ранее не имевшие приусадебной земли, теперь старались ее заполучить, а те, кто в мирное время ничего не сеял на своих участках, стали использовать их максимально полно. Если в 1940 г. из общего количества личных хозяйств колхозников Краснодарского и Ставропольского краев посев имели 84,1% хозяйств, то в 1943 г. – уже 92,6%, хотя в целом в этом году численность ЛПХ уступала довоенной [4]. В Ростовской области в военное время колхозники еще более активно использовали приусадебные участки. В 1941 г. ЛПХ с посевом составляли здесь (по отношению к общему числу личных хозяйств колхозников) 87,6%, в 1943 г. – уже 95,7%, в 1944 г. – 99,1%, в 1945 г. – 98,8% [5].

Без преувеличения можно сказать, что в 1941–1945 гг. личные хозяйства являлись отнюдь не «подсобными», а, напротив, приносили их владельцам основные доходы. Поэтому многие члены колхозов уклонялись от общественного производства, предпочитая работать в ЛПХ. Не случайно в неурожайном 1943 г. процент колхозников, не выработавших минимума трудодней, был самым высоким за всю войну. Да и добросовестные колхозники одинаково активно трудились и в коллективных, и в личных хозяйствах.

Чтобы собрать сколь-нибудь значительный урожай зерновых и обеспечить себя хлебом, а скот – фуражом, колхозникам требовалось гораздо больше земли, чем у них было. Увеличить свои участки законным путем сельские жители не могли, и потому во время войны широко распространилась еще довоенная практика самовольного расширения крестьянами размеров своих ЛПХ, как правило, за счет колхозов. Самовольное «заимствование» крестьянами земли у колхозов представляло собой, если можно так выразиться, одну из наиболее активных форм в общем ряду пассивных форм крестьянско-го протеста против негативных характеристик колхозной системы; по сути, это был своеобразный вызов данной системе.

Что касается масштабов такого явления, как «самозахваты» колхозной земли членами коллективных хозяйств (а также и другими лицами, учреждениями, организациями), то можно привести и частные примеры, и сводные данные. Старший агроном Главного управления Северного Кавказа Наркомзема СССР В. Сташевский отмечал, что к 1945 г. в целом ряде районов Ростовской области «самозахваты» колхозной земли приобрели массовый характер. Особенно неблагоприятная ситуация складывалась в Азовском,

Ремонтненском, Зверевском, Кривянском и ряде других районов области. Приусадебные участки многих колхозников в результате неоднократных «самозахватов» достигали существенных размеров. Так, по данным Сташевского, в колхозе «Власть Советов» Азовского района у некоторых колхозников имелись приусадебные участки размером от 1,2 до 2,58 га [6], что многократно превышало допустимые нормы. А чем крупнее были ЛПХ, тем больше сил и времени уделяли им колхозники, уклоняясь от работ в сельхозартелях.

Как относились власти к расширениям размеров ЛПХ и «самозахватам» общественных земель? В годы войны их позиция по отношению к личным крестьянским хозяйствам претерпела определенные изменения, так как было ясно, что без ЛПХ крестьяне выжить не смогут. Так, в октябре 1943 г. Ставропольский крайком ВКП(б) и крайисполком приняли постановление, в котором отмечалась важность приусадебных участков для жителей села. В связи с этим районному руководству и председателям колхозов предлагалось наделить землей тех колхозников, которые ее не имели, и всячески содействовать им в максимально полном использовании участков [7]. В первой половине 1944 г. в ряде районов Ростовской области власти приступили к реализации сходного решения.

Сказанное, конечно, не означает, что борьба с захватами общественных сельхозугодий в период войны не велась вовсе. Так, власти Ставропольского края после изгнания нацистов в качестве одного из первоочередных мероприятий решили конфисковать у колхозников излишки приусадебной земли, появившиеся в период оккупации. С этой целью было решено восстановить земельно-учетные документы в колхозах и районных и городских земельных отделах, а также провести переучет земель общественного и личного пользования. У единоличников предполагалось изъять посевы озимых, произведенные ими на землях колхозов и совхозов осенью 1942 г. [8]. Впрочем, если в отношении единоличных хозяйств власть действовала традиционно жесткими методами, то реализация решений в отношении колхозников затягивалась: сказывались чрезвычайные обстоятельства военного времени, так как было ясно, без доходов со своих ЛПХ колхозники просто не выживут.

Однако, как уже отмечалось, в 1945 г. началось давление на тех крестьян, которые пользовались самовольно увеличенными земельными участками. В январе 1945 г. нарком земледелия СССР А. А. Андреев приказал земельным отделам произвести обмеры приусадебных участков колхозников, единоличников, других категорий населения и изъять излишки [9]. «Самозахватчики» подвергались наказаниям. В первой половине 1945 г. в ряде районов Ставропольского края за самовольное присвоение колхозных сельхозугодий к исправительно-трудовым работам или тюремному заключению на сроки от 0,5 года до 4 лет были осуждены 6 колхозников [10]. Эти данные

содержатся в прессе и потому далеко не полны: количество осужденных «самозахватчиков» было намного большим.

Но это было только начало процесса. Окончательно и бесповоротно власти перешли к ликвидации излишней экономической самостоятельности колхозников начиная с 1946 г. В Законе «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», принятом в марте 1946 г., формулировалась задача «в целях быстреего восстановления и дальнейшего развития сельского хозяйства обеспечить всемерное укрепление общественного хозяйства колхозов и организационно-хозяйственное укрепление машинно-тракторных станций и совхозов» [11], что на практике должно было привести к возвращению колхозам их земель, самовольно захваченных колхозниками на протяжении Великой Отечественной войны.

Наконец, принятые ранее решения были детализированы в Постановлении Совмина СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В этом документе отмечалось, что, несмотря на постановление от 27 мая 1939 г., «факты расхищения общественных земель в колхозах снова приобрели массовый характер» и что «...расхищение общественных земель идет по линии увеличения приусадебных участков колхозников путем самовольных захватов или незаконных прирезок со стороны правлений и председателей колхозов в целях раздувания личного хозяйства в ущерб общественному» [12].

В целях борьбы с незаконным расширением ЛПХ были повсеместно проведены обмеры земель личного пользования колхозников. Только в Ростовской области, как показали обмеры, 119 тыс. дворов колхозников (48,7%) имели в пользовании участки от 0,5 до 1 га, что превышало нормы, установленные постановлением от 27 мая 1939 г. [13]. В целях борьбы с такими нарушениями в постановлении 1946 г. предусматривалось «проверить в натуре в срок до 15 ноября 1946 г. по каждому колхозу и сличить с записями в земельных шнуровых книгах наличие общественных земель и размеры приусадебных участков, изъять незаконно захваченные земли как со стороны отдельных колхозников, так и организаций и учреждений для подсобных хозяйств и вернуть их колхозам» [14]. Одновременно отмечалась необходимость ведения решительной борьбы с неправильным начислением и расхищением трудодней, раздуванием штатов административно-управленческого и обслуживающего персонала в колхозах, что также вело к уменьшению доли трудодней, распределяемых среди рядовых колхозников.

Помимо ударов по ЛПХ партийно-советские органы предприняли решительные меры, направленные на повышение трудовой дисциплины в колхозах. Представители власти не принимали в рас-

чет, что зачастую нежелание колхозников добросовестно трудиться в своих коллективных хозяйствах порождалось мизерной оплатой труда. Уклонение от работы расценивалось как преступление, а виновные в этом подлежали суровым наказаниям. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» в период с июня 1948 г. до 20 марта 1953 г. из деревни было выселено около 33,3 тыс. колхозников [15]. Выселению подвергались не только крестьяне, уклонявшиеся от участия в общественном производстве. Местные власти, пользуясь Указом, устраняли из деревни всех сельских жителей, которые проявляли антисоветские настроения или хотя бы могли быть заподозрены в нелояльности к режиму. Последовали и неизбежное в таких ситуациях самодурство начальства, сведение личных счетов и т. д.

Наконец, экономическое давление на деревню в послевоенный период не только не было ослаблено, но еще более усилилось. Достаточно отметить, что чрезмерно высокие хлебопоставки стали одним из основных факторов голода 1946–1947 гг.: в определенной мере можно говорить о повторении в послевоенный период трагедии 1932–1933 гг.

Были увеличены не только поставки натуральных продуктов, но и денежные налоги и сборы, которыми облагались как колхозы, так и колхозники. Например, хотя после войны был отменен военный налог, размер сельхозналога был увеличен в начале 1950-х гг. по сравнению с 1939 г. более чем в 5 раз [16]. Возможно, в какой-то мере увеличение ставок сельхозналога можно оправдать военной и послевоенной инфляцией. Однако применительно к периоду после денежной реформы 1947 г. такое оправдание будет уже слишком слабым. Увеличение налогов и поставок свидетельствовало о том, что сталинский режим не отказался от понимания крестьянства как тяглого-податного сословия. Ценой крестьянских лишений предполагалось восстановить экономику СССР, подготовить советское государство к борьбе с новым противником в лице коалиции западных стран во главе с США.

Нагнетание репрессий в послевоенной советской деревне не могло не вызвать протест крестьянства. Однако после войны активность крестьянского сопротивления мероприятиям власти резко снизилась, что объяснялось не только гибелью на фронтах множества мужчин, но и общим ослаблением протестного потенциала деревни в ходе репрессий 1930-х гг., устранением активных оппозиционеров, проявивших себя в период оккупации, ухудшением экономического положения в годы войны и пр. Немало крестьян, демобилизованных из армии, радовались мирной жизни и не желали никакой конфронтации с властью. Нельзя забывать и о том, что во второй полови-

не 1940-х гг. множество сельских жителей, выросших в условиях колхозной системы, не только мирились с нею, но не мыслили себе жизни без нее.

Поэтому активные формы протеста в послевоенной деревне не получили распространения. Известны лишь единичные случаи убийств колхозниками председателей колхозов, которые вели «непримиримую борьбу с расхитителями соцсобственности и дезорганизаторами трудовой дисциплины», а также их родственников [17]. Однако каких-либо крупных выступлений, пусть даже стихийных и неорганизованных, как в начале 1930-х гг., в данное время не происходило. Деревня работала на благо страны и отчаянно, изо всех сил выживала, упрямо надеясь на лучшее будущее.

Устрашенное и ослабленное крестьянство вновь, как и в 1930-х гг., избрало пассивные формы противодействия давлению власти: хищения продукции в колхозах, бегство из деревни, жалобы и пр. Так, только в ноябре 1946 г., по неполным данным, было привлечено к ответственности за хищения колхозной продукции 5,4 тыс. колхозников [18]. В центральные органы власти и лично «вождям» приходило огромное количество жалоб. Только в Совет по делам колхозов в 1947–1950 гг. пришло около 92,7 тыс. жалоб, в том числе более 23,7 тыс. – на нарушения устава сельхозартели [19]. Огромное количество жалоб являлось неопровержимым свидетельством крайнего недовольства жителей села сложившейся ситуацией. Но заставить власть пойти навстречу пожеланиям крестьян жалобы не могли.

Широкие масштабы приобрело бегство из деревни, как санкционированное властью, так и проходившее в обход всех запретов. По оргнабору на работы в промышленность и добывающие отрасли (он представлял собой один из немногих официальных каналов оттока населения из деревни) сельскую местность покинули в 1951–1957 гг. 739 тыс. человек (данные по РСФСР), а потери в результате самовольного ухода за период с 1945 по 1958 г. составили 1,7 млн. человек [20]. Эти цифры, конечно, не идут ни в какое сравнение с масштабами миграции сельского населения из деревни в начале 1930-х гг. Но для послевоенной деревни, которая уже лишилась множества крестьян в результате урбанизации, индустриализации, репрессий, бегства жителей, военных потерь, даже такие цифры очень велики. Среди тех же, кто остался и не мог смириться с колхозами, распространялись подавленные, упаднические настроения. Одной из тупиковых форм протеста стал алкоголизм, столь характерный для российской послевоенной деревни.

В целом представляется возможным заключить, что в 1945–1953 гг. противостояние между сталинским государством и советским колхозным крестьянством представляло собой заведомо неравную борьбу, в которой одна из сторон – крестьяне – изначально была обречена на поражение. Запуганное, ослабленное предыду-

щими репрессиями и войной, во многом смирившееся с колхозной системой и, более того, в значительной мере приветствовавшее ее (особенно это касалось молодежи, выросшей при колхозах) советское крестьянство не могло активно добиваться реформирования коллективных хозяйств, преобразования их из огосударвленных сельхозпредприятий в общественные, как это и декларировалось в основополагающих нормативно-правовых актах. Послевоенные надежды хлеборобов на своеобразное «очеловечивание» колхозов взамен их огосударствления были разрушены репрессивной политикой сталинского режима. Поэтому продолжилось бегство сельских жителей из деревни, среди колхозников распространялись тупиковые формы протеста. Лишь преобразования сельхозпроизводства и позитивные сдвиги во взаимоотношениях государства и колхозов, последовавшие после смерти Сталина, привели к некоторой нормализации обстановки в колхозной деревне Советского Союза.

Примечания

1. Бордюгов Г. Большевики и национальная хоругвь // Родина. 1995. № 5. С. 2.

2. Зубкова Е. Ю. Мир мнений советского человека. 1945–1948 годы. По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 29.

3. Зима В. Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109–110.

4. Рассчитано по: Государственный архив Краснодарского края (ГА КК). Ф. 1246. Оп. 1. Д. 9. Л. 4; Д. 56. Л. 2; Государственный архив Ставропольского края (ГА СК). Ф. Р-1886. Оп. 2. Д. 86. Л. 2; Д. 212. Л. 1.

5. Рассчитано по: Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. Р-4034. Оп. 8. Д. 4. Л. 75; Д. 7. Л. 1; Д. 80. Л. 18, 42.

6. Сташевский В. Навести порядок в колхозном землепользовании // Молот. 1945. 1 апреля.

7. Постановление Ставропольского крайкома ВКП(б) и крайисполкома «Об использовании колхозниками приусадебных участков и посадке плодовых деревьев вокруг домов на приусадебных участках колхозников, рабочих и служащих» от 16 октября 1943 г. // Ставропольская правда. 1943. 17 октября.

8. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК). Ф. 1. ОП. 2. Д. 368, Л. 88–89; Д. 375. Л. 9.

9. Сташевский В. Указ. соч. // Молот. 1945. 1 апреля.

10. В краевой прокуратуре // Ставропольская правда. 1945. 7 июня.

11. Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М., 1948. С. 34.

12. Там же. С. 319.
13. Криводед В.В. КПСС и колхозное крестьянство в 1945–1959 гг. Ростов н/Д, 1984. С. 18.
14. Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938 – 1946 гг. М., 1948. С. 322.
15. Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 418.
16. Там же, С. 418.
17. Зима В. Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 120.
18. Зима В. Ф. Послевоенное общество: Голод и преступность (1946–1947 гг.) // Отечественная история. 1995. № 5. С. 49.
19. Безнин М. А., Димони Т. М. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х – 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996. С. 163.
20. Иванов Н.С. Указ. соч. С. 421, 423.

Мудров С. Н.

Роль слухов в советской зоне оккупации Германии в 1945 г.

Что такое слух, интуитивно кажется ясным, хотя в действительности это понятие вызывает много путаницы. Энциклопедические словари указывают, что слухи – это недостоверная, непроверенная, ложная информация [1].

Ученые социологи, политологи, психологи в качестве одной из основных черт этого понятия называют недостаточную достоверность [2]. Еще одной характерной чертой слуха является способ его распространения. Слух рождается и живет исключительно в устной форме.

При вербальной передаче от одного человека к другому информация искажается, трансформируется. И это еще одна характерная черта слуха.

Учитывая перечисленные выше особенности, можно сказать, что слух – это непроверенные, недостоверные сведения неизвестного происхождения, передающиеся исключительно устно, которые в ходе межличностного обмена трансформируются под воздействием человеческих эмоций и переживаний.

В советской оккупационной зоне Германии в 1945 г. снабжение населения актуальной информацией было организовано плохо.

Во-первых, отсутствие опыта и возможностей для проведения информационной работы в условиях, которые сложились в Восточной

Германии. Не хватало техники и транспорта для производства и распространения газет.

Из-за конфискации у населения радиоприемников и радиопередатчиков, из-за разрушения большинства радиовышек на территории Восточной Германии не было возможности организовать радиотрансляции. Охват населения был небольшим.

Во-вторых, само содержание информации было низкого качества. Доводились выдержки и цитаты из выступлений лидеров Советского Союза относительно будущего Германии и ее народа. Сухие штампы и официальные клише не могли удовлетворить потребность немецкого населения в познании окружающей действительности.

Немцы стремились получить конкретные ответы на конкретные вопросы: что с нами будет? что будут делать русские: отправят всех в Сибирь или будут расстреливать?

Не получая ответов на свои вопросы, немцы сами генерировали их, используя при этом всю доступную информацию, окружающую действительность и установки фашистской пропаганды.

Одни говорили, что Красная армия установит советскую власть в Германии, другие утверждали, что неизбежна война между Советским Союзом и Америкой.

В-третьих, неготовность кадров Красной армии к выполнению тех задач, которые стояли перед ними. Уровень общего образования, знание языка, коммуникативные качества, административные способности не соответствовали тем требованиям, которые были необходимы для проведения информационной работы на территории СОЗ.

Думается, эти и многие другие факторы способствовали тому, что на территории Восточной Германии был дефицит информации.

С одной стороны, немцы находились под влиянием фашистской пропаганды. Они были запуганы ею. Населению Германии внушалось, что «приход большевиков означает поголовное истребление женщин и детей и вывоз в отдаленные районы России здоровых мужчин на тяжелые работы» [3].

Достоверность данной информации невозможно было проверить. Зато она точно соответствовала образу врага.

С другой стороны, немцы были закрыты для восприятия любой другой информации. Особенно той, что исходила от советских военнослужащих (врагов, оккупантов).

Социологи и политологи называют это состояние эмоциональным кружением. Оно повышало их восприимчивость к импульсам внутри толпы и снижало ее к импульсам извне.

Одной из особенностей эмоционального кружения являются наличие и распространение слухов. В обществе, находящемся на стадии перелома массового сознания, слухи выполняют ряд функций.

Во-первых, слухи делали социальную среду субъективно ясной и понятной. Немцы стремились снизить неопределенность

относительно важных событий. Негативное отношение к советскому присутствию, его ассоциация с самыми негативными эмоциями рождали слух о том, что это не конец, что русские не останутся в Германии, а значит, есть надежда выжить.

Война между Советским Союзом и Америкой приведет к тому, что Красная армия уйдет из Германии, а это значит, исчезнет угроза гибели.

Слухи не только помогали ориентироваться в ситуации, но и регулировали поведение немцев [4].

Немцы пытались обезопасить себя, пока на их территории находится Красная армия. Кто-то организовывал коммунистические партии на территории Германии, кто-то предлагал свои услуги по восстановлению, кто-то заискивал перед военными комендантами. Но за всем этим таилась лишь одна цель: продержаться, выжить, до тех пор пока русские не уйдут из Германии.

В этом случае слухи служили для немцев некой опорой, были стабилизирующим фактором, который помогал им переждать беду. Они служили для них способом комплексного принятия решений, в результате которого возникали нормы поведения, цели, способы действия.

В документах сохранилось значительное количество сведений о слухах, которые имели распространение на территории Германии. Приведем в качестве примера один из самых распространенных слухов в Восточной Германии.

В середине апреля 1945 г. командиры вермахта на Восточном фронте получили листовки за подписью Гитлера. Они должны были ознакомить весь личный состав с их содержанием.

В листовках говорилось, что нужно собрать все силы в кулак, чтобы продержаться. Солдат и офицеров заверяли, что германское командование успешно ведет переговоры с англичанами и американцами. Цель переговоров – объединить свои силы в борьбе с коммунизмом [5].

Этот слух, запущенный вермахтом для поднятия боевого духа военнослужащих германской армии, вышел за рамки социальной общности и получил распространение среди гражданского немецкого населения.

Результатом стало распространение слухов о том, что столкновение между англо-американскими и советскими вооруженными силами неизбежно. Немцы были искренне убеждены, что снова будет длительная война. Германское правительство якобы уже достигло соглашения. В соответствии с ним после прихода американцев на территорию Германии немцы будут вместе с ними бороться против большевиков [6].

В отчетах 7-х Управлений фронтов содержались общие для разных частей Германии сведения о настроениях немецкого населения в апреле-мае 1945 года. Все они сводились примерно к следующему:

«среди горожан Дрездена распространились слухи о том, что американцы в скором времени выгонят Красную армию из города» [7].

«В связи с отсутствием газет и информации среди берлинцев распространяются различные слухи. Одни говорят, что Красная армия после взятия Берлина уйдет за Одер, в город придут англичане и американцы, другие – что Красная армия установит в Германии коммунизм» [8].

Немцы получали данные о событиях в мире, на фронте, в Германии, но все они носили двусмысленный, неточный, недостоверный характер.

По мнению исследователей, важность и двусмысленность не складываются, а перемножаются, если либо важность, либо двусмысленность равна нулю – слухи не возникают. В данном случае уровень и того и другого был очень высок. В Германии 1945 г. были все необходимые условия для появления самых разнообразных слухов.

Немецкое общество накануне капитуляции представляло собой социально однородную среду. В ней проявлялись общие интенсивные переживания относительно будущего, о том, что будет происходить вокруг, как изменится действительность. Большинство немцев имели примерно одинаковое отношение к происходящим событиям [9].

После прихода Красной армии на территорию Германии и начала оккупации интерес населения к вопросу о войне между бывшими союзниками не только не ослаб, наоборот, еще больше окреп.

Со временем слух о войне стал еще более значимым и масштабным. Сюжет стал обрастать новыми деталями, которые увеличивали его функциональные возможности.

Так, в провинции Саксония, как и во всей восточной части Германии, говорили о том, что русские уйдут с ее территории. Основой для слуха была достигнутая между союзниками договоренность о корректировке зон оккупации.

Однако население объяснило уход Советской армии тем, что США уже неоднократно угрожали СССР применением силы, в случае если Красная армия не покинет территорию Саксонии. И, если на этот раз советские военнослужащие не покинут Саксонию, начнется война.

Более того, пересмотр зональных границ был воспринят немецким населением не как корректировка зон влияния, а как передел мира.

По мнению немцев, вопрос был решен так: Германия будет полностью принадлежать Англии, Японии и Америке, а Балканы отойдут России [10].

Немцы были глубоко убеждены в том, что русские не поладят с союзниками и войны не избежать. В этом случае немцы готовились воевать на стороне англичан и американцев до последней капли крови.

Необходимо принять во внимание тот факт, что немцы получали информацию о событиях, происходящих в мире, Германии и советской оккупационной зоне, из газет, листовок, радиопередач и бесед. Все эти виды информационной работы проводились советскими служащими. Особое внимание в них уделялось политическим новостям, международным конференциям, вопросам о будущем Германии [11].

Немцы узнали из газет о том, что представители Англии во главе с Уинстоном Черчиллем покинули Берлинскую конференцию [12]. Там же они прочитали выступление министра иностранных дел США Джеймса Бернса, который заявил, что у США и СССР существуют серьезные разногласия во взглядах на «германскую проблему» [13].

Полученная информация давала немцам пищу для размышлений, они были убеждены, что это только начало. Противоречия между союзниками будут все больше нарастать.

«Противоречия, которые возникли между СССР и его союзниками на Московской конференции могут быть разрешены только войной, – были убеждены немцы. – Несогласие США, Англии и Франции с Советским Союзом – это начало наступления на Россию. Капиталистические страны никогда не допустят, чтобы коммунистическая Россия распространила свое влияние на другие страны и завоевала себе авторитет среди них».

«Лондонская конференция тоже не принесет ничего хорошего для Германии, она только усугубит противоречия между союзниками, которые могут быть разрешены только при помощи войны» [14].

Немцы были уверены, что западные державы ведут наблюдение за тем, что делают русские в СОЗ, и предпринимают все для объединения своих сил, чтобы нанести удар.

Позднее эта догадка превратилась в уверенность. Особенно после принятия соглашения о Бизонии, согласно которому американская и английская зоны становились единой экономической единицей.

Уровень тревожности немецкого населения был очень высок, что способствовало не только распространению, но и устойчивости слухов. Кроме того, немцы твердо верили в их истинность, т. к. они постоянно находили подтверждение своим опасениям и страхам.

Возможно, именно этим объясняется устойчивость слухов о войне, которые со временем не только не стихли (как об этом докладывали отделы пропаганды земель СОЗ), но продолжали увеличивать масштаб и социальную значимость.

Для немцев не было ничего удивительного в том, что между западными державами и Советским Союзом существовали серьезные разногласия.

Однако, если будет война, это означает окончательное разрушение мирового хозяйства, и в первую очередь от этого пострадает Германия [15].

Немцы подстраивали, приспособливали к реальности отдельные части сюжета слуха, что меняло психологическое содержание информации. Причиной трансформации были рассказы беженцев, приехавших из-за Эльбы. Они утверждали, что американцы и англичане плохо обращаются с немецким населением на оккупированной территории, насилюют женщин, грабят имущество, загоняют всех мужчин в концлагеря [16].

Более того, англо-американцы не ввели никаких норм снабжения, и население голодает. До Восточной Германии доходили слухи о том, что за Эльбой бесчинствуют «цветные» солдаты армии США [17].

Разрастание слухов породило новые опасения. Во-первых, немцы испугались, что после ухода русских режим будет строже, а снабжение ухудшится. Во-вторых, они были уверены, что при отходе с территории Восточной Германии советские войска, скорее всего, будут массово грабить и насиловать мирное немецкое население. «Перед уходом советским солдатам дадут 3 дня на разграбление городов и их окрестностей».

Изменения эмоциональной и содержательной составляющей слухов являются примером зарождения и распространения «слуха-пугала». Такой слух рождается и живет в ситуации страха и неуверенности. Он, в свою очередь, рождает пессимистические и панические настроения.

Невосприимчивость к рациональным доводам, мотивационное напряжение, отсутствие доверия к «чужим» и абсолютное доверие к «своим» привели к тому, что получаемая информация трактовалась по-особому. Она изменялась под воздействием ненависти, страха и желаний. В немалой степени этому способствовало эмоциональное кружение, которым было охвачено немецкое общество.

Подводя итог, следует отметить, что такое простое явление, как слух, на самом деле не только является катализатором сложной социально-политической обстановки, но и выполняет целый ряд важных функций.

Одним из примеров функционирования слухов является ситуация, сложившаяся в 1945 г. в Германии. Активная фашистская антисоветская пропаганда и неудовлетворительное качество информационной работы советских военнослужащих привели к информационному дефициту в немецком обществе. Что, в свою очередь, способствовало появлению огромного количества слухов.

Немцы долгое время жили в постоянном ожидании расправы со стороны Советской армии, кары, которую им предрекала фашистская пропаганда. Это состояние привело к нагнетанию страхов и усилению панических настроений.

В этих сложных эмоционально-психологических условиях слухи сыграли для немцев очень важную роль: они делали социальную

среду более понятной; тем самым помогали ориентироваться в ситуации; снимали неопределенность относительно важных событий.

Наиболее ярко реализацию этих функций иллюстрирует процесс распространения и трансформации слуха о развязывании войны между СССР и США.

Этот слух делал будущее понятным. Или, по крайней мере, вполне логичным. Немцы получили надежду на то, что это еще не конец, впереди у них есть шанс победить своего главного врага. В тех условиях это означало – спасти свою жизнь.

В то же время они понимали, что, как бы ни развивались события на территории Германии, их ждут тяжелые испытания.

Таким образом, роль слухов для немецкого населения Восточной Германии в 1945 г. сложно переоценить. В условиях тотального ужаса, страха и безысходности слухи стали опорой и надеждой немцев на будущее.

Примечания

1. Аверченко А. Т. Сплетня // Битва в киселе. М. 2000. С. 78.
2. Социальная психология. Краткий очерк / Под. ред. Г. П. Предвечного, Ю. А. Шерковина. М., 1975. С. 75–98.
3. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 82. Оп. 27. Д. 19. Л. 4.
4. Назаретян А. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. [Электронный ресурс] / http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Naz/index.php
5. АВП РФ. Ф. 82. Оп. 27. Д. 17. Л. 67.
6. Там же. Л. 161.
7. Там же. Л. 158.
8. Там же. Л. 30.
9. Караяни А. Г. Слухи как средство информационно-психологического противодействия [Электронный ресурс]. <http://psyfactor.org/lib/rumours4.htm>
10. АВП РФ. Ф. 82. Оп. 27. Д. 17. Л. 30.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 7. Л. 47; д. 5 Л. 155; ГА РФ Ф. Р-7317. Оп. 19. Д. 1. Л. 257.
12. ГА РФ. Ф. Р-7317 Оп. 7. Д. 36. Л. 17.
13. Советская военная администрация в Германии (1945–1949 гг.). Политика СВАГ в области культуры и образования: цели, методы, результаты. С. 936–937.
14. АВП РФ. Ф. 0457 «б». Оп. 4. Д. 4. Л. 61.
15. АВП РФ. Ф. 0457 «б». Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
16. АВП РФ. Ф. 82. Оп. 27. Д. 19. Л. 20.
17. Там же. Л. 83.

Савенко Е. Н.

Молодежное инакомыслие в послевоенной Сибири (1945–1953 гг.)

События Великой Отечественной войны оказали огромное влияние на умонастроения населения СССР. Общественная атмосфера военных лет способствовала духовному раскрепощению людей, формированию критической оценки окружающей реальности, пробуждению надежд на смягчение режима.

Озабоченные ростом инакомыслия властные структуры в послевоенный период ужесточили идеологический контроль над обществом. Карательные органы приступили к решительному искоренению вольнодумства. Показательно, что с 1946 г. судебные органы фиксируют значительный рост дел о контрреволюционных преступлениях, главным образом по статье 58-10 УК РСФСР: пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение, или изготовление, или хранение литературы того же содержания. По данным Новосибирского областного суда, на долю преступлений указанной категории приходилось от 40% до 54% всех уголовных дел, рассмотренных в 1946–1949 гг. [1]. Аналогичная тенденция отмечалась и в других судах сибирского региона. Из 296 дел, поступивших в Красноярский краевой суд за 1946 г., 174 (более 58%) касались так называемых «контрреволюционных» преступлений [2].

Репрессивные меры затронули все слои населения. Объектом пристального внимания органов госбезопасности, в частности, стала молодежь. В 1947 г. в Министерстве государственной безопасности даже был создан специальный отдел по борьбе с антисоветскими проявлениями среди молодежи.

Свободомыслие молодежи принимало в послевоенный период разнообразные формы. Разочарование в реалиях послевоенной жизни и политических ценностях коммунистической идеологии, поиск новых форм самореализации приводили некоторую часть молодежи к религии. Обеспокоенные руководящие органы сибирского региона неоднократно обращали внимание на эту тенденцию. Вопрос об усилении воспитательной работы с целью изоляции молодежи «от враждебного влияния всякого рода антисоветских групп, прикрывающихся различными религиозными личинами», обсуждался на совещании партийных и советских руководящих работников Новосибирской области в октябре 1949 г. [3]. Спустя год Новосибирский обком ВКП(б) вновь вынужден был констатировать, что в области «сильны религиозные влияния среди комсомольцев и молодежи» [4]. В ряде школ были обнаружены рукописные молитвы

и различные «Святые письма». Имелись случаи отказа от службы в армии. В 1950 г. прокуратура Новосибирской области даже вынуждена была поставить перед руководящими организациями вопрос об усилении антирелигиозной пропаганды. Представление было результатом обобщения следственной практики по делам о «контрреволюционной агитации с использованием религиозных предрассудков» [5].

Рост влияния церкви на молодежь фиксировал и уполномоченный Совета по делам церкви при Алтайском крайисполкоме, изучивший в 1949 г. религиозную ситуацию в крае. Согласно его отчету некоторые учащиеся средних и высших учебных заведений заказывали молебны и совершали другие религиозные обряды. Выросло число крещений молодежи. Только в Михайловской церкви г. Рубцовска в 1948 г. приняло крещение 47 человек в возрасте от 12 до 20 лет [6]. Примечательно, что такая тенденция отмечалась в период отказа государства от лояльного отношения к церкви и усиления ограничений на деятельность религиозных организаций.

Неприятие реалий тоталитарного государства было также причиной появления различного рода неформальных молодежных объединений. На совещаниях по поводу идейно-воспитательной работы представители партийного руководства отмечали, что «отдельные группы учащихся уходят из-под влияния комсомольской организации», «создаются различные организации молодежи» [7]. В 1949 г. в Новосибирске были выявлены нелегальные молодежные группы «Молодая гвардия», МОПС, «Свободная империя», «Общество барона Крфта» [8].

Изучение архивных документов позволяет утверждать, что достаточно часто объединение в неформальные группы было своеобразным протестом молодежи против идеологического прессинга, ответом на жестко регламентированный и политизированный образ жизни. Например, молодые специалисты новосибирского завода «Тяжстанкогидропресс» создали в 1948 г. шуточную организацию МОПС («Мужское общество покорителей сердец») [9]. В неформальном объединении состояло 14 молодых инженеров и техников, многие из которых были комсомольцами. Среди членов неформальной организации было даже 2 молодых члена ВКП(б). Общество являлось своеобразной альтернативой заводской комсомольской организации, в которой господствовали формализм и бюрократизм. Группа комсомольцев – членов МОПСа даже написала в июне 1949 г. открытое письмо в адрес заводского комитета комсомола. В нем острой критике были подвергнуты методы работы комсомольских лидеров предприятия [10]. Но появление документа было расценено как действие, противоречащее «традициям большевизма». Членов организации обвинили в пропаганде буржуазной морали, чуждых большевизму взглядов, преклонении перед Западом. Комсомольцев исключили из ВЛКСМ, а членов партии – из ВКП(б) [11].

Следует отметить, что нередко нелегальные молодежные объединения являлись плодом фантазий компетентных органов, а обвинения молодежи в антисоветской деятельности были голословны. Так, в Новосибирском институте военных инженеров транспорта (НИВИТ) в 1946–1948 гг. был «вскрыт и ликвидирован ряд антисоветских формирований», в результате чего были арестованы и осуждены 12 студентов [12]. В мае 1948 г. вопрос о «недостатках в идейно-политическом воспитании слушателей» НИВИТа рассматривался практически во всех местных органах партийного и комсомольского руководства. В том же месяце было принято постановление Новосибирского обкома ВКП(б) «О притуплении политической бдительности в парторганизации Новосибирского пединститута», вызванное арестом органами МГБ нескольких студентов этого учебного заведения [13]. Судя по материалам следственных дел, реальная вина всех арестованных заключалась лишь в обсуждении злободневных общественных проблем. Вместе с тем характер этих разговоров свидетельствует о достаточно высоком критическом потенциале молодежи послевоенного времени. Источники показывают, что в первые послевоенные годы в молодежной среде нередко возникали идеи о несовершенстве существующей государственной организации, о необходимости социальных реформ.

Основными объектами критики становились материальное положение населения страны, колхозная организация сельского хозяйства, избирательная система СССР. Так, в сентябре 1946 г. состоялось судебное заседание над 4 студентами НИВИТа, обвиняемыми в том, что «проводили антисоветскую агитацию» и «клеветали на советскую действительность». В ходе судебного процесса двадцатилетние Василий Синеокий, Олег Селезнев, Иван Рыжов и Владимир Трубицын признали, что спорили между собой о колхозном строе. В ходе этих дискуссий высказывалось мнение, что ««крестьянам в колхозах жизнь стала невыносимой, что они облагаются непосильными налогами, что с введением колхозного строя жизнь крестьянина не только не улучшили, а даже сделали невыносимой». Подобные разговоры сопровождались порой цитированием едких антиколхозных частушек. Однако, по словам молодых людей, вредности своих бесед они не осознавали и никому своих взглядов не навязывали [14]. Но компетентные органы усмотрели в подобных крамольных мыслях угрозу. Решением суда молодые «вольнодумцы» были приговорены к 8 годам ИТЛ каждый.

В октябре 1947 г. по статье 58-10 ч. 1 УК РСФСР были осуждены еще 3 студента НИВИТа, которые, по утверждению следственных органов, «распространяли злобные клеветнические измышления о советской действительности», «клеветали на избирательный закон, на мероприятия Советского правительства, проводимые внутри страны, на условия жизни трудящихся в СССР» [15]. Действительно,

высказывания молодых людей о ситуации в стране были резко критическими. Например, третьекурсник Николай Губский оценивал состояние прав человека в СССР следующим образом: «Советское правительство с каждым годом усиливает репрессии внутри страны. Если затыкают рот таким людям, как Зоценко, то вполне понятно, что простой рабочий не может рассказать о своих лишениях. В недалеком будущем в нашей стране будут такие порядки, что аракчеевщина царя Николая будет казаться раем» [16]. Его взгляды разделяли и некоторые сокурсники. В частности, Карл Витман считал, что «в стране нет никакой демократии» и что «избирательный закон не является демократическим, так как кандидатов выдвигает не народ, а правительство» [17]. Неосторожные разговоры привели молодых людей к длительным срокам заключения.

Следует отметить, что осужденные юноши реально не являлись лицами, «враждебно настроенными к советской власти», как характеризовали их сотрудники госбезопасности. Все они были воспитаны советской школой на идеалах самопожертвования во имя счастья своего народа и почти все были членами ВЛКСМ. Несоответствие декларируемых официальной пропагандой лозунгов реальной жизни не могло оставить молодежь равнодушной, стало предметом серьезных раздумий и оживленных бесед. Однако в тоталитарном государстве, где рядовому члену общества (особенно юному) было «не должно сметь свое суждение иметь», подобное вольнодумство считалось подрывом основ советской власти.

Критические оценки окружающей действительности не только звучали в разговорах, но и фиксировались в письменных документах: дневниковых записях, аналитических текстах. В 1947 г., например, был арестован и затем осужден по статье 58-10 ч. 1 УК РСФСР студент Новосибирского педагогического университета Дмитрий Патрин. Мысли о несовершенстве существующей системы власти появились у него еще в военные годы во время пребывания на фронте. После войны эти взгляды окрепли. В 1947 г. молодой человек написал реферат «В защиту критического реализма», в котором размышлял о негативных сторонах подчинения литературы и искусства партийной идеологии. О недостатках советского государственного строя Д. Патрин рассуждал и в своем дневнике. Причем молодой человек считал, что советское государство нуждается в реформировании, так как в существующем виде оно обречено на гибель [18]. Итогом этих крамольных мыслей стало лишение свободы на 25 лет без права переписки с последующим поражением в правах в течение пяти лет.

Недовольство господствовавшим в стране тоталитарным режимом нередко встречалось в личных дневниках и других молодых сибиряков, побывавших на фронтах Великой Отечественной войны. Вернувшийся с войны двадцатидвухлетний житель пос. Кулунда Григорий Бордун, возмущенный контрастом между представлени-

ми о мирной жизни и реальностью, писал в январе 1946 г. в дневнике: «Пожалуй, что нигде нет такой страны, где бы человек был более беспомощным, нежели в проклятом Союзе. < > Вот она Родина! Советский простой человек – это раб, собственность Отчизны, раб своих вышестоящих начальников. Чудесное средневековье!». Не менее крамольны были и его мысли по поводу советской избирательной системы, ужесточения цензуры. Резко возмущался молодой человек и преклонением партноменклатуры перед Сталиным. «Как смешно и до чего низко и лицемерно! В глазах этих лжецов, чинуш, продажных душ этот нравственный идиот – кумир. Нет, у меня скорее слепой щенок будет кумиром, нежели этот разбойник с большой дороги. Только, кажется, слишком велика честь для него – сравнивать его с разбойником. Разбойник имеет понятие о нравственности, этикете, а этот вообще потерял всяческий облик», – писал он [19].

Следует отметить, что мысли о порочности существующей государственной системы порой порождали у молодых людей желание действовать ради изменения ситуации. Упомянутый ранее Г. Бордун, например, решил объединить вокруг себя единомышленников из своей школы. Программную задачу будущего объединения очень точно отражали строчки одного из его стихотворений:

Наша цель – жизнь отдать за народ,
Чтобы все были счастливы, вольны,
Их зовем мы лишь только вперед [20].

Сторонников своих взглядов Г. Бордун нашел среди соучеников, увлеченных, как и он, литературным творчеством. Обсуждая стихи друг друга, молодые люди выяснили, что их мнения по поводу царящего в стране произвола совпадают. Например, Иван Стомба – один из школьных друзей Г. Бордуна, писал следующее:

Я чувством собственным познал народный стон,
Желанья счастья трепет вял родных сторон.
Я сердцем понял этот стон. И зарыдал.

Теперь я чувствовал, как он. И с ним страдал... [21].

Недовольство подавлением в стране гражданских прав высказывал в своих стихах и третий старшекласник – Валентин Беспечный. «...Открыть глаза народу на то, что его права ущемлены» юноши решили с помощью самодельного журнала. Название для своего издания молодые люди выбрали соответствующее: «Луч света в темном царстве». Но журнал так и не вышел в свет, так как компетентные органы оперативно пресекли деятельность его организаторов. Молодые вольнодумцы получили от 6 до 10 лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях.

Существование в регионе в первые послевоенные годы молодежных групп антисталинской направленности косвенно подтверждают и другие источники. В автобиографической повести «Черные камни» А. Жигулин упоминает осужденного за участие в подпольном

марксистском студенческом кружке Петра Ходова из Новосибирска, с которым автор отбывал срок в одной колонии [22]. А органы госбезопасности в ноябре 1947 г. зафиксировали факт распространения в НИВИТе документа под названием «Постановление Горсовета», являвшегося, по мнению оперативников, «пасквилом на советское законодательство» [23].

Подводя итоги, можно констатировать, что в послевоенные годы в социуме подспудно происходили процессы, оказавшие влияние на будущее обновление общественного сознания. В молодежной среде начались постепенная ломка советского мировоззрения, десталинизация сознания, формирование альтернативных ценностных ориентаций.

Примечания

1. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 9. Д. 25. Л. 16; Д. 33. Л. 4; Д. 38. Л. 12-13.
2. ГАКК. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 32. Л. 2, 8.
3. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 13. Д. 382. Л.102.
4. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 14. Д. 452. Л. 40.
5. ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 4. Д. 22. Л. 11.
6. ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 14. Л. 71.
7. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1161. Л. 36-41.
8. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1161. Л. 24, 26; Ф. П-22. Оп. 1. Д. 363. Л. 20.
9. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1151. Л. 24-26; Д. 1162. Л. 62-68.
10. ГАНО. Ф. П-141. Оп. 1. Д. 18. Л. 173.
11. ГАНО. Ф. П-198. Оп. 1. Д. 494. Л. 149; Д. 511. Л. 100.
12. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1084, л. 2; Ф. П-498. Оп. 1. Д. 85. Л. 52-53.
13. ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 2089. Л. 18.
14. Архив УФСБ НСО. Д. 13061. Л. 177-182.
15. Архив УФСБ НСО. Д. 14509. Л. 132.
16. Там же. Л. 20.
17. Архив УФСБ НСО. Д. 17681. Л. 30, 40.
18. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 9. Д. 38. Л. 36.
19. Чудесное средневековье // Свободный курс. 17 октября 1996.
20. ОСД УАДАК Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 20134. Л. 252, 255
21. Мякота А. Его лучшие стихи о ней // Акмолинская правда. № 72. 26 июня 2012.
22. Жигулин А.В. Черные камни. Автобиографическая повесть. М.: Книжная палата, 1989. С. 82.
23. ГАНО. Ф. П-498. Оп. 1. Д. 92. Л. 251-252.

Гончарук О.

Интеллектуальные элиты и аппарат репрессий в Польше в 1948–1956 гг.

После Второй мировой войны в истории Польши открылась новая черная страница – процесс сталинизации, который длился в течение многих лет.

Историки дискутируют о периодизации процесса. Одна группа считает, что период сталинизаторского процесса принято связывать с изменением политического направления Польской рабочей партии летом 1948 года. В свою очередь, октябрьскую революцию 1956 г. принято рассматривать как завершение введения сталинской политики в Польше. Хотя элементы сталинизации были в политической жизни Польши и накануне [7, 8].

Эдыта Видавская, в свою очередь, связывает начало процесса сталинизации с восстанием 22 июля 1944 г. в Москве Польского национально-освободительного комитета (ПКВН), главной задачей которого было учреждение нового коммунистического режима, а также управление всеми областями общественной жизни [8, 93].

Согласно декларации ПКВН «главным источником власти» в Польше должен быть Совет государственных людей, в компетенцию которого входило выполнение функций парламента [16].

Комитет в январе 1944 не получил поддержки среди Польского общества. Кроме того, политическая идеология принудительно осуществлялась на практике. Следует отметить, что в самом начале функционирование совета сопровождалось узурпацией и беззаконием. Автор чувствовал склонность к аргументам коллег и связывает окончание периода сталинизации с 1956 г. После смерти Сталина в 1953 г. началась борьба за власть, главными участниками которой были: В. Молотов, который продолжал большевистскую политику Сталина, Л. Берия, глава либерального крыла, и Н. Хрущев, сторонник консервативной политики. Заключительный сигнал к изменениям поступил из-за границы 14–25 февраля 1956 г. Прошел двадцатый конгресс КПЗР, который принес исторические изменения в доктрину.

Конечно, мнения историков в вопросах методологии и периодизации отличаются. Однако, несмотря на это, бесспорным остается факт, что процесс сталинизации болезненно воспринимался всеми социальными классами. Активная роль в противопоставлении введения тоталитарных принципов в практически демократическом государстве принадлежала интеллектуальной элите.

В сущности, сталинская система была формой коммунистической диктатуры, которая вела обратно в 1929 г. Весьма интересное второе имя процесса сталинизации – «культ личности», в котором

главный источник власти концентрировался в руках идеолога. Эта система преобладала в Польше в 1948–1956 гг. [6. С. 176].

Чтобы лучше понять настроение, которое преобладало в то время среди интеллектуальной элиты Польши, можно сослаться на материалы, которые систематизировал Яцек Тшнадель в своей книге «Найба domowa». Книга написана на основе бесед с польскими интеллектуалистами, которые поддерживали политику правящей элиты, а также с патриотической группой, которая пробовала противиться новшеству.

Общепринято различать три стереотипы отношений интеллектуальной элиты к сталинскому режиму в Польше. Первый тип – интеллектуалы, которые не только поддерживали режим, но и были им очарованы. К этому типу принадлежало несколько интеллектуалов-коммунистов, среди которых были опытные ученые. Источники очарования сталинским режимом были разные. Некоторые интеллектуалисты верили в миссию Коммунистической партии в победе над немцами [7. С. 34].

Второй тип может быть описан с использованием понятия «realpolitic». Это были люди, непосредственно имеющие связь с академией. Осведомленные люди, которые были знакомы с жестокостью сталинизма. Интеллектуалистов, которые поддерживали политику партии было, слишком мало, чтобы влиять на подсознание всего общества.

Ценным источником информации того периода есть «Дневники» Марии Домбровской. Автор видела все зло Сталина и знала механизмы власти. В записи 1951 г. можно прочесть следующее: «Я надеюсь, что в результате Польшу ожидает добрый конец. Это выражает мой оптимизм, который борется с кошмарами. Чувствую себя дитём эпохи».

В 1956 г. Мария Домбровская пишет: «Умер мужчина, из-за которого миллионы человек проливали свои слезы и множество крови. Но он, однако, создал что-то новое, что не уйдет» [1. С. 115].

Третий тип стереотипов можно называть позитивистским. Много ученых искало возможные компромиссы с властями, они шли навстречу власти, что в итоге приводило к меньшему давлению со стороны репрессивного аппарата.

Нередкими со стороны польских интеллектуалистов были проявления сопротивления действиям власти. Интересы сторон столкнулись в вопросе преобразовании Польской академии наук и в вопросе с ликвидацией Польского научного общества. Была угроза репрессий, потери права издавать статьи и преподавать в университетах. С этим видом наказания столкнулась группа профессоров, в том числе Владислав Татаркевич, Станислав Оссовский, Владислав Вольтер, Адам Крижановски. Станиславу Оссовскому даже после 1956 г. не позволялось быть членом Польского научного общества. Ко всем инакомыслящим использовалось уголовное право, корни

которого начинались еще в 20–30-е гг. В его основе был криминальный кодекс Советского Союза с внесенными поправками в 1934 г. Надо взять во внимание Декрет от 26 мая 1947 г., который касается смертной казни. По данным официальной статистики 1953 г., в течение 1950–1953 гг. Декрет использован к 4000 человек. Эти факты преувеличивают. По данным других источников, в период с 1944 по 1947 г. суды рассмотрели 45 000 жалоб гражданских лиц. Свыше 90% всех судебных дел связаны с политическими обвинениями (в том числе приблизительно 19 000 случаев касалось нелегального использования оружия) [7, С. 16]. На основе исследования Ежи Пашныкаб, можно констатировать факт, что военные суды в период 1946–1949 гг. вынесли 42,5 тыс. приговоров, связанных с оппозицией режиму [4]. Очевидно, количество судебных дел намного выше.

Более детально масштабы террора описывает следующая таблица.

Число заключенных военными судами
1945–1952 гг. [9. С. 367]

Тип нарушений	Число заключенных							
	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952
Общее количество	357 007	307 717	209 816	137 335	105 534	5250	7772	7469
Включая:								
контрреволюционные	135 056	107 981	59 017	52 017	58 966	6826	3559	7961
военные	69 059	67 230	42 298	19 302	21 515	9766	1936	5521
государственные	152 892	132 506	108 232	66 016	25 053	8658	2227	3987
Включая:								
увольнения с работы по собственному желанию	69 216	64 310	52 708	23 716	-	-	-	-

Количество заключенных	Год						
	1947	1949	1950	1951	1952	1953	1954
Общее число на 1 января	1 703 506	2 356 685	2 561 351	2 540 760	2 509 788	2 237 961	1 325 003

Количество заключенных	Год						
	1947	1949	1950	1951	1952	1953	1954
Увеличение числа заключенных (%)	+53,4	+8,6	+8,7	-0,8	-1,2	-10,8	-40,8
Умерли	68 164	29 706	24 686	23 666	20 851	10 129	-
Умерли (%)	4,0	1,3	1,0	0,9	0,8	0,4	0,0
Освобожденные	848 335	618 405	727 547	613 434	601 899	1 587 052	629 143

Так как мы не заинтересованы во всем периоде времени, в основном должны сосредоточиться на данных, содержащихся в последних столбцах.

Таблица показывает, что репрессии 1948–1952 гг. по сравнению с предыдущим периодом кажутся меньшими. Мы не можем оперировать достоверными данными, но согласно таблице признанных виновными в контрреволюционных беспокойствах, нелегальном использовании оружия и террора против государства около 286,000 человек. В предыдущих годах это число превышает миллион человек. Возможно, это может объяснить тот факт, что в 1945–1947 гг. наблюдалась ожесточенная внутренняя борьба в призме которой были партизаны, которые спровоцировали увеличение числа террористических актов.

Чтобы сравнить размеры репрессий в ближайшие годы, можно проанализировать данные таблицы «Число заключенных в ГУЛАГе между 1945–1954 гг. в соответствии с краткими отчетами о движении заключенных за 1945–1947, 1949–1951 и 1952–1954 гг.» [10. С. 136–139].

Согласно данным таблицы, можно утверждать, что по состоянию на 1 января 1950 г. было зарегистрировано 2 561 351 заключенных. В том же году начался процесс сокращения общего количества заключенных. на 1 января 1951 г. в колониях находилось 2 528 146 заключенных. Процесс сокращения общего количества заключенных начался в 1952 году. После 1956 г. число нарушений и число политических заключенных значительно уменьшилось. В 1957–1965 гг. это было от нескольких человек каждый год, в 1968–1970 гг. показатель был фактически нулевым. Начиная с 1956 г. ни один смертный приговор не был исполнен [7. С. 21].

Тюремные лагеря ГУЛАГа не единый способ сталинского режима в борьбе с инакомыслящими. Другим из самых главных инструментов репрессивной аппаратуры были массовые депортации. В 1919–1952 гг. общее число депортированных составило 6 000 000

человек. Наибольшая волна высылков имела место в 1930–1931 гг. (2,05 миллиона) и 1941–1942 гг. (1,2 миллиона человек) [12].

Большое количество депортированных было сослано в места принудительного поселения. Приведенные выше данные свидетельствуют о гигантских масштабах репрессий и позволяют рассматривать их в свете социальных, политических и экономических процессов, происходивших в обществе в тот период. После побега из Польши нескольких ПСЛ проводников и ареста коменданта WiN Винсента Квиченского не было никаких проявлений оппозиции. С 1948 г. основное задание аппарата безопасности состояло в том, чтобы напугать общество с целью лучшего контроля. В связи с этим был создан департамент информации на Политбюро. В 1949 г. была создана так называемая защита «Реферат» – основа ядерного аппарата безопасности [13]. На ее подобию был сформирован «Пион», с помощью которого удалось обеспечить формирование лучших агентов сетки. Каждый пожар или авария на производстве силовых структур интерпретировались как проявление саботажа. Были времена, когда арестовывали работников нескольких десятков других компаний. В рамках государственных учреждений «Пион» давал отрицательные характеристики 1500 тысячам молодых людей и тем самым лишал их возможность учиться в технических институтах. Акцент делался на молодое поколение. Считалось, что оно легче поддается влиянию Коммунистической партии. Молодые люди не имели опыта реально оценивать ситуацию вокруг [2. С. 104].

Все эти действия сталинского руководства были направлены на установление контроля над всеми сферами общественной жизни. Для легализации действий был сформулирован ряд юридических статей, по которым сталинская идеология воспринималась как защита правящих классов, соблюдение морального порядка и справедливости, а также укрепление коммунистической диктатуры. С 1944 г. в Польше приняты правовые статьи, нарушение которых провоцировало несколько лет в тюрьме или смертную казнь. Самое интересное, что статьи были связаны с каждым человеком. Например, в соответствии со статьей 4 Указа о защите государства человек может быть наказан за использование или сокрытие оружия в военное время, которое может поставить под угрозу безопасность государства. Статья 1 приводила к лишению свободы за желание защитить демократический строй, который, очевидно, противоречил интересам диктатора [8. С. 113]. Эта статья вводила в ежедневное использование термин потенциального противника и преступления за отказ от работы. Для того чтобы стать заключенным, хватало анонимного доноса. Без доказательств человека отправляли в тюрьму. Кроме того, статья 11 обязывала заниматься доносами.

В ситуации, где право обслуживало террор, было очень трудно выжить в собственной стране. Единственным учреждением, которое

не повиновалось правящей элите, оставалась церковь. Уже в 1950 г. в тюрьме оказались первые епископы, но главный удар пришелся на 1953 г. 14–22 сентября 1953 г. суд рассматривал дело епископа Чеслава Корчмарка [14].

Лишение свободы человека высшего титула церковной иерархии в Польше получило широкое освещение среди общественности. Некоторые не скрывали своего возмущения по поводу действий правительства. На Польское радио поступали письма с вопросами о заключении епископа. Среди населения стало доминировать мнение, что сталинское руководство пытается такими действиями уничтожить религию путем закрытия церквей, убийства священников [8. С. 149].

В 1954 г. был ликвидирован теологический факультет в Варшавском и Ягеллонском университетах.

Старания дискредитировать церковных иерархов не принесли ожидаемых результатов, на все провокации по церковным полномочиям реагировали спокойно. Епископ убедил молодежь отнестись с добротой и пониманием к властям, цитируя факт, что большинство представителей власти не понимают, что делают.

Боясь реакции общества, правительство колебалось развертывать репрессивную деятельность против церкви. Власти начали ограничивать защиту против церкви. Жертв сталинизации было около 2 тысяч человек. Некоторые из них были приговорены к двухнедельному заключению, пока другие получили более строгие наказания, в том числе смертный приговор. Арестовано было около 20% польского духовенства.

1955 г. принес либерализацию правительственных действий в антирелигиозном направлении. Политические процессы стали обязательной частью календаря властей.

Против всех социальных групп общества разворачивалась система депортаций. Получение правового статуса иммигрантов переходило по наследству, потому что дети, которые родились во время изгнания, автоматически становились членами контингента переселенцев и жили в соответствии с действующим режимом. Отклонение от стандартов немедленно подавлялось органами безопасности. В соответствии со специальным разрешением детям иммигрантов по достижении ими шестнадцатилетнего возраста можно было получить личные документы для подтверждения личности, что давало право в будущем получить высшее образование и работу. В случаях, когда не было возможности получить паспорт, дети переселенцев получали специальный сертификат. Благодаря этим действиям властей в списки депортированных в 1940 г. удалось внести 77 661 человека.

Вопрос о местах депортаций решался в судебном порядке. В принципе, депортированные направлялись в зону занятости.

Главным образом это были неразвитые районы Сибири, Казахстану и Узбекистану.

1 января 1953 г. 2 819 776 человек отправлены в 6 советских республик. Например, в Казахстане было 35,6% депортированных, в Узбекистане – 6,7%, в Киргизии, на Алтае – 4,9%.

Поскольку все депортированные из прибалтийских республик относились к категории спецпоселенцев, рабочим в 1941 г. было разрешено вернуться к месту предыдущего проживания через 20 лет, тогда как для депортированных в 1945–1948 годах период времени не определялся. Люди, депортированные в 1949–1952 гг., были изгнаны навсегда.

Подводя итоги, можем сделать вывод, что после Второй мировой войны для польских людей началась новая, непровозглашенная война с коммунистической идеологией, которая пыталась навязать лидера Иосифа Сталина. Поляки боролись за защиту своего суверенитета и власти, права и привилегии на лучшее будущее своей страны. Начиная с первых выборов в польский сейм в 1947 г. и заканчивая XX съездом Коммунистической партии Советского Союза, руководство пыталось навязать основные идеи партийных институтов. Результаты выборов были сфальсифицированы, в дополнение началась волна преследований инакомыслящих, ограничения прав интеллигенции и депортации за малейший признак неповиновения установленным стандартам.

Достоверно не известно число жертв репрессивного аппарата Сталина. Официальные данные сфальсифицированы властями. Число жертв колебалось от 27 тыс. до 55 тыс. человек. Радикально отличаются данные, содержащиеся в коллекции документов, опубликованных в журналах политической энциклопедии. Согласно им от сталинского аппарата пострадали около миллиона человек.

Примечания

1. Dąbrowska M. Dzienniki powojenne. Warszawa, 1996. Czytelnik IV. 367 s.

2. Hirszowicz M. Pułapki zaangażowania: intelektualiści w służbie komunizmu. Warszawa: Scholar, 2001. 290 s.

3. Kurczewski J. Stalinizm. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1989. 266 s.

4. Paśnik J. Kilka uwag do artykułu A. Werblana o represjach stalinowskich w Polsce // Dziś. Warszawa, 1991. № 7.

5. Szumiło M. Elita władzy w Polsce 1944–1989. Studium socjologiczne // Władza w PRL. Ludzie i mechanizmy [red. K. Rokicki]. Warszawa, 2011. S. 155–175.

6. Trznadel J. Hańba domowa: rozmowy z pisarzami. Paryż: Instytut literacki, 1986. 319 s.

7. Werblan A. *Stalinizm w Polsce*. Warszawa: Fakt, 1991. 91 s.
8. Widawska E. *Totalitaryzm. A władza legalna: przypadek Polski 1945–1989*. Toruń: Adam Marszałek, 2007. 325 s.
9. История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. Том 7. Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система. Аннотированный указатель дел ГА РФ / А. Добровская, Б. Додонов, О. Копылова и др. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2005. 712 с.
10. История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах /И.Безбородова, В. Хрусталеv. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. Т. 4. 624 с.
11. Н. Бугай. Депортации народов СССР (1930–1950 гг.). Москва, 1992. 525 с.
12. Electronic access mode <http://www.s-ciesielski.com/sovrep/char1.html>
13. Electronic access mode <http://historia-polski.klp.pl/a-6271.html>
14. Electronic access mode http://przygotowany.pl/sciaga/historia/stalinizm_w_polsce_w_latach_1947-1956.
15. Electronic access mode <http://www.sciesielski.republika.pl/sovrep/char1.html>
16. Electronic access mode [http://pl.wikisource.org/wiki/Manifest_Polskiego_Komitetu_Wyzwolenia_Narodowego_\(1944\)](http://pl.wikisource.org/wiki/Manifest_Polskiego_Komitetu_Wyzwolenia_Narodowego_(1944))

Х. БЕЗ СТАЛИНА

Земсков В. Н.

Ситуация с заключенными в первые послесталинские годы

По состоянию на 1 января 1953 г. система ГУЛАГа насчитывала 146 исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) с 2555 лагпунктами и лаготделениями и 687 исправительно-трудовых колоний (ИТК) [1]. Существовала также широкая сеть тюрем. Однако после мартовских событий 1953 г. (смерть И. В. Сталина 5 марта, Указ об амнистии 27 марта) начал набирать обороты процесс свёртывания гулаговской системы. Уже в 1953 г. и начале 1954 г. было ликвидировано почти 1,7 тыс. мест заключения (лагерей, лагпунктов, лаготделений, колоний), и к 1 апреля 1954 г. в ГУЛАГе оставалось 65 ИТЛ и 798 ИТК и лагерных подразделений [2].

В процессе свёртывания лагерной системы важное значение имело Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1443–719с от 25 октября 1956 г., которое признало «нецелесообразным дальнейшее существование ИТЛ МВД СССР как не обеспечивающих выполнение важнейшей государственной задачи – перевоспитания заключенных в труде» [3]. Это постановление касалось только ИТЛ, а на существование ИТК и тюрем никак не посягало. Более того, неликвидированные ИТЛ впоследствии должны были быть преобразованы в ИТК, а ГУЛАГ получил новое название – ГУИТК (Главное управление исправительно-трудовых колоний). Подчеркиваем: ГУЛАГ не был ликвидирован – он был преобразован в ГУИТК. Глаголы «ликвидировать» и «преобразовать» – далеко не синонимы.

Однако на практике упразднить быстро систему ИТЛ оказалось не так-то просто. Этот процесс затянулся до начала 1960-х гг. К 1959 г. еще сохранялись 29 ИТЛ, из них 28 – в России (371 157 заключенных) и один – в Казахстане (16 957 заключенных) [4]. Все другие союзные республики были тогда безлагерными, но в каждой из них имелись ИТК и тюрьмы.

Период 1953–1960 гг. в истории СССР – это время амнистий и реабилитаций. Первая масштабная амнистия была проведена по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии». Досрочное освобождение получили тогда 1 201 738 заключенных ГУЛАГа, в своем подавляющем большинстве осужденных за уголовные преступления. Причем на свободе оказалось значительное число опасных рецидивистов. Это сразу же тогда привело к ухудшению криминогенной ситуации в стране.

Первое сравнительно крупное освобождение политических заключенных было осуществлено на основании приказа Прокуратуры

СССР, Министерства юстиции СССР, МВД СССР и МГБ СССР от 19 мая 1954 г. (до этого было соответствующее решение Президиума ЦК КПСС) о пересмотре дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления. На основе пересмотра дел в течение 1954–1955 гг. из лагерей и колоний ГУЛАГа было досрочно освобождено 32 798 политических заключенных [5]. После XX съезда КПСС (1956 г.) работа в этом направлении значительно активизировалась.

В 1954–1959 гг. была осуществлена целая серия различных амнистий. Досрочное освобождение производилось по следующим Указам Президиума Верховного Совета СССР: «О порядке досрочного освобождения от наказания осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет» (24 апреля 1954 г.) – 28 996 чел.; «О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения» (14 июля 1954 г.) – 141 967 чел.; «О применении Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества» к лицам, совершившим эти преступления до 10 января 1955 года» (24 мая 1955 г.) – 3099 чел.; «О досрочном освобождении из мест лишения свободы инвалидов, престарелых, лиц, страдающих тяжелым неизлечимым недугом, беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей» (3 сентября 1955 г.) – 77 333 чел.; «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (17 сентября 1955 г.) – 59 610 чел.; «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления» (24 марта 1956 г.) – 85 116 чел.; «О льготах заключенным, отличившимся на строительстве первой очереди Куйбышевской гидроэлектростанции» (10 августа 1956 г.) – 5239 чел.; «Об амнистии в ознаменование 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» (1 ноября 1957 г.) – 194 817 чел.; «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы за менее опасные преступления» (14 августа 1959 г.) – 363 779 чел. [6]

Таким образом, на основании Указов, принятых Президиумом Верховного Совета СССР с 24 апреля 1954 г. по 14 августа 1959 г., по амнистиям было досрочно освобождено почти 960 тыс. заключенных. Причем эта цифра неполная, так как выше приведены данные по всем местам лишения свободы только по Указам от 1 ноября 1957 г. и 14 августа 1959 г., а по всем остальным Указам – по лагерям и колониям (без тюрем). С учетом амнистии 1953 г., а также установления посредством экстраполяции отсутствующих за 1953–1956 гг. соответствующих сведений по тюрьмам всего в период 1953–1959 гг. из всех мест лишения свободы (лагеря, колонии, тюрьмы) было досрочно освобождено порядка 2,3 млн. амнистированных заключенных.

Надо сказать, что довольно широко практиковались досрочные освобождения не по амнистиям, а на основании статьи 457 Уголовно-

процессуального кодекса РСФСР и соответствующих статей уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик об освобождении заключенных, заболевших тяжелым неизлечимым недугом. В 1954–1955 гг. по этой мотивации было досрочно освобождено 44 136 заключенных лагерей и колоний [7].

Всё это привело к тому, что с 1953 г. масштабы освобождений стали превосходить масштабы направлений новых контингентов в ГУЛАГ (в предшествовавшие 1946–1952 гг. ситуация была иной: в ГУЛАГ направлялось больше людей, чем освобождалось оттуда). В 1953 г. в лагеря и колонии поступило 463 372 вновь осужденных, а было освобождено оттуда 1 591 703 заключенных, в 1954 г. соответственно 421 995 и 629 143, в 1955 г. – 432 670 и 671 734, в 1956 г. – 541 110 и 473 054, в 1957 г. – 436 724 и 507 804, в 1958 г. – 478 213 и 331 425 [8]. Всего за 1953–1958 гг. поступление новых осужденных в ИТЛ и ИТК составило почти 2,8 млн., а число освобожденных оттуда – свыше 4,2 млн. Динамика снижения численности заключенных с 1952 г. по 1960 г. представлена в таблице 1.

Таблица 1

Численность заключенных в 1952–1960 гг.
(данные на 1 января каждого года)*

Годы	Всего (чел.)**	в том числе		
		Лагеря	Колонии	Тюрьмы
1952	2 662 402	1 713 614	796 174	152 614
1953	2 624 537	1 731 693	740 554	152 290
1954	1 474 085	884 040	440 963	149 082
1955	1 173 854	748 489	326 791	98 574
1956	925 139	557 877	223 753	143 509
1957	947 433	492 092	315 885	139 456
1958	840 603	409 567	312 332	118 704
1959	1 023 600	388 114	474 593	160 893
1960	653 801	276 279	306 438	71 084

* ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 55; д. 1155. Л. 1–3; д. 1190. Л. 1–34; д. 1390. Л. 1–21; д. 1398. Л. 1; д. 1426. Л. 39; д. 1427. Л. 132–133, 140–141, 177–178.

** В эту статистику не вошли заключенные спецтюрем МГБ–КГБ, а также дети и подростки, находившиеся в детских исправительно-трудовых учреждениях.

Из этой таблицы также видно, что в первые годы после принятия указанного Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 октября 1956 г., признавшего нецелесообразным дальнейшее су-

ществование гулаговских лагерей, не удавалось даже добиться такого положения, чтобы численность заключенных ИТЛ не превышала соответствующего показателя в ИТК. Получалось так, что в ИТЛ по-прежнему было больше заключенных, чем в ИТК. Если взять за 100% общее количество заключенных лагерей и колоний по состоянию на 1 января каждого года, то в 1957 г. в ИТЛ их было 60,9%, а в ИТК – 39,1%, в 1958 г. соответственно 56,7% и 43,3%. Только в начале 1959 г. впервые было зафиксировано численное преобладание заключенных в ИТК по сравнению с ИТЛ.

Тем не менее в 1953–1960 гг. снижение численности заключенных в ИТЛ шло значительно более опережающими темпами, нежели это имело место в ИТК. За период с 1 января 1952 г. по 1 января 1960 г. (расчеты сделаны на основе статистики, представленной в табл. 1) общее число заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа (ГУИТК) уменьшилось в 4,3 раза, причем в ИТЛ – в 6,2, а в ИТК – в 2,6 раза.

В 1952 г. лагеря ГУЛАГа находились на территории семи союзных республик (России, Казахстана, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Карело-Финской ССР). К 1959 г. ИТЛ сохранялись только в двух союзных республиках – России и Казахстане, хотя и там их количество заметно поубавилось. 388 114 заключенных ИТЛ по состоянию на 1 января 1959 г. содержались на территории следующих областей, краев и союзных республик: в Коми АССР – 61 785 человек, Свердловской области – 52 233, Молотовской (Пермской) – 51 447, Кемеровской – 41 782, Иркутской – 41 248, Красноярском крае – 30 516, Архангельской области – 26 202, Кировской – 23 614, Карагандинской – 16 957, Горьковской – 14 127, Мордовской АССР – 11 305, Челябинской области – 8954, Томской – 6917 и Московской области – 1027 человек [9].

Военизированная охрана (ВОХР) лагерей и колоний ГУЛАГа в совокупности представляла собой целую армию, численность которой в 1930-е – 1940-е гг. неуклонно возрастала параллельно разползанию гулаговской системы. 1 января 1950 г. охрана ИТЛ и ИТК насчитывала 197 239, а 1 января 1953 г. – 226 960 человек [10]. К 1 апреля 1954 г. в связи с проведенной в 1953 г. широкой амнистией и ликвидацией части лагерей, лагпунктов, лаготделений и колоний ее численность снизилась до 148 049 человек [11]. В начале 1956 г. этот показатель уже составлял 89 564 человека [12]. Сокращение численности ВОХР продолжалось и в последующие годы.

Одной из заметных тенденций в первые послесталинские годы являлось постепенное снижение удельного веса женщин в составе заключенных. В начале 1953 г. их удельный вес в лагерях и колониях ГУЛАГа составлял 17,8%, но уже к 1954 г. понизился до 12,3%, а к 1956 г. – до 10,0% [13]. В начале 1959 г. доля женщин в составе заключенных ИТЛ и ИТК снизилась до 8,9% (76 446 из 862 707) [14]. Интересно, что удельный вес женщин в составе заключенных

различных национальностей был неодинаков. По данным на 1 января 1959 г., у заключенных ИТЛ и ИТК – русских он составлял 9,0%, у украинцев – 10,4, белорусов – 7,7, литовцев – 11,7, латышей – 13,8, эстонцев – 12,4, молдаван – 11,0, грузин – 4,1, армян – 4,2, азербайджанцев – 2,1, казахов – 3,0, узбеков – 2,9, таджиков – 2,4, туркмен – 2,3, у киргизов – 2,7%. Среди заключенных, содержащихся 1 января 1959 г. в тюрьмах СССР, доля женщин составила 9,5% (15 359 из 160 893) [15].

Среди осужденных за уголовные преступления удельный вес женщин был заметно выше, чем у политических заключенных. В начале 1959 г. доля женщин в составе содержащихся в ИТЛ и ИТК заключенных, отнесенных к категории «политических преступников», составляла 4,5% (502 из 11 059). У осужденных же за уголовные преступления соответствующий показатель (удельный вес женщин) был тогда выше примерно в два раза, составляя в ИТЛ и ИТК почти 9% (75 944 из 851 648) [16].

Из данных таблицы 2 можно вынести заключение, что в начале 1950-х гг. в национальном составе заключенных ГУЛАГа наблюдался некий перекоп, вызванный непропорционально высоким уровнем наличия осужденных из западных регионов СССР. Однако к концу 1950-х гг. этот перекоп был в основном устранен, поскольку при общем значительном сокращении численности заключенных опережающими темпами шло уменьшение количества осужденных, являвшихся жителями Прибалтики, Украины, Белоруссии, Молдавии. За период с 1 января 1951 г. по 1 января 1959 г. численность заключенных лагерей и колоний уменьшилась почти в три раза, в том числе русских – в 2,5 раза, грузин – в 1,8, армян – в 2,3, азербайджанцев – в 2,4, казахов – в 3,9, узбеков – в 3,1, туркмен – в 2,3, таджиков – в 3,3, киргизов – в 3,2 раза. В то же время количество эстонцев – заключенных ИТЛ и ИТК за указанный период сократилось в 6,9 раза, литовцев – в 5,7, латышей – в 5,6, украинцев – в 4,7, молдаван – в 4,1, белорусов – в 3,9 раза.

Таблица 2

Национальный состав заключенных лагерей и колоний в 1951 и 1959 гг. (по состоянию на 1 января каждого года)*

Национальность	1951		1959	
	Чел.	в %	Чел.	в %
Русские	1 405 511	55,59	571 512	66,25
Украинцы	506 221	20,02	107 707	12,48
Белорусы	96 471	3,82	24 602	2,85
Литовцы	43 016	1,70	7 543	0,87
Латыши	28 520	1,13	5 128	0,59

Национальность	1951		1959	
	Чел.	в %	Чел.	в %
Эстонцы	24 618	0,97	3583	0,42
Молдаване	22 725	0,90	5514	0,64
Грузины	23 583	0,93	13 035	1,51
Армяне	26 764	1,06	11 798	1,37
Азербайджанцы	23 704	0,94	10 070	1,17
Казахи	25 906	1,03	6616	0,77
Узбеки	30 029	1,19	9555	1,11
Туркмены	5343	0,21	2350	0,27
Таджики	5726	0,23	1758	0,20
Киргизы	6424	0,25	1981	0,23
Другие**	253 585	10,03	79 955	9,27
Всего	2 528 146		862 707	

* ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 11, 12, 47, 50; д. 1356. Л. 1–4; д. 1429. Л. 21–23.

** 1 января 1951 г. в составе 253 585 заключенных ИТЛ и ИТК, обозначенных по национальному признаку как «другие», было 56 928 татар, 7847 башкир, 25 425 евреев, 32 269 немцев, 23 527 поляков, 2326 греков, 2512 корейцев, 2039 китайцев, 1102 японца и 99 610 прочих.

К 1959 г. в национальном составе заключенных ИТЛ и ИТК образовался новый переко́с, выражавшийся в непропорционально высоком удельном весе лиц русской национальности. В начале 1959 г. русские в населении СССР составляли 54,6% (114,1 млн. из 208,8 млн.), а в ИТЛ и ИТК их было 66,25% (табл. 2). С украинцами же дело обстояло совсем по-другому: среди заключенных ИТЛ и ИТК их в начале 1959 г. было почти 12,5%, а в составе населения СССР они занимали 17,9% (37,3 млн. из 208,8 млн.) [17]. Наличие в 1959 г. в лагерях и колониях ниже их удельного веса в составе населения СССР было также у заключенных – белорусов, литовцев, латышей, казахов, узбеков и многих других. У представителей некоторых национальностей (например, у эстонцев) эти показатели примерно совпадали (удельный вес и в составе населения СССР, и среди заключенных ИТЛ и ИТК). Таковы основные особенности национального состава заключенных лагерей и колоний в начале 1959 г.

После 1953 г. шло быстрое приближение СССР к западным странам по такому показателю, как число заключенных в среднем на 1 млн. населения. По данным на 1 января 1959 г., в ФРГ этот показатель составил 2629, Франции – 2003, США – 1095, Англии – 572 человека. В СССР по союзным республикам на ту же дату это выглядело

так: Россия – 6098, Казахстан – 4876, Эстония – 3086, Грузия – 2864, Латвия – 2630, Киргизия – 2463, Туркмения – 2182, Азербайджан – 2012, Узбекистан – 1983, Армения – 1715, Таджикистан – 1531, Украина – 1486, Молдавия – 1419, Литва – 1371, Белоруссия – 1075 человек. [18] В лагерях и других местах лишения свободы России и Казахстана содержалось значительное число заключенных, этапированных из других союзных республик. Это и привело к тому, что наличие заключенных на 1 млн. населения в России и Казахстане существенно превышало аналогичные показатели и по другим регионам СССР, и по западным странам.

В сравнении СССР с другими странами по такому показателю, как наличие заключенных на 1 млн. населения, имеются сложности, влияющие на степень адекватности и корректности подобных сопоставлений. Во многих западных странах широко практиковалось вынесение приговоров, влекущих за собой не лишения свободы, а уплату штрафов. В ФРГ в 1954 г. насчитывалось 461 084 осужденных, из них только 139 908 находились в заключении (137 150 – в исправительных тюрьмах и 2758 – в каторжных тюрьмах), а 320 501 человек (почти 70%) был приговорен к штрафу. В таких странах, как США и Англия, удельный вес приговоренных к уплате штрафов в общем числе осужденных был еще выше, чем в ФРГ [19]. Данное обстоятельство весьма затрудняет делать достаточно адекватные и корректные сопоставления СССР с западными странами относительно наличия заключенных (осужденных) на 1 млн. населения.

На протяжении 1950-х гг. уровень смертности заключенных неуклонно снижался. В 1952 г. умер 21 221 заключенный (13 806 – в ИТЛ, 7045 – в ИТК и 370 – в тюрьмах). В 1953 г. этот показатель уже составил 10 369 человек (соответственно 5825, 4304 и 240). В дальнейшем ситуация со смертностью продолжала улучшаться. За второе полугодие 1954 г. в лагерях и колониях умерло 3382, а в тюрьмах за весь 1954 г. – 190 заключенных [20]. Уровень смертности в ГУЛАГе был тогда ниже, чем у обычного гражданского населения. В течение 1954 г. среди свободного населения Советского Союза на каждые 1000 жителей умерло в среднем 8,9 чел., а в лагерях и колониях ГУЛАГа на каждые 1000 заключенных – только 6,5 человека. [21]

В 1955 г. во всех местах лишения свободы (лагеря, колонии и тюрьмы) умерло 4976 заключенных [22]. Во второй половине 1950-х гг. этот показатель еще более понизился и колебался в основном в диапазоне от 3,0 тыс. до 3,5 тыс. умерших в год. В 1957 г. в лагерях, колониях и тюрьмах умерло 3225, в 1958 г. – 3049, в 1959 г. – 3535 заключенных [22].

По нашим расчетам, строго опирающимся на соответствующую статистическую отчетность НКВД–МВД, всего за 30-летний период (1930–1959) в лагерях, колониях и тюрьмах умерло порядка 1,8 млн. заключенных (из них почти 1,2 млн. – в ИТЛ и свыше 0,6 млн. – в ИТК

и тюрьмах). Из этого числа доля умерших в период 1954–1959 гг. (не более 30 тыс. человек) составляла только около 1,7%.

Радикальным образом улучшилась ситуация с детской смертностью в местах заключения. За период 1947–1959 гг. в домах ребенка ИТЛ и ИТК умерло 25 858 детей, из них в 1947 г. – 6223, 1948 г. – 5137, 1949 г. – 4049, 1950 г. – 3897, 1951 г. – 2225, 1952 г. – 2830, 1953 г. – 628, 1954 г. – 302, 1955 г. – 177, 1956 г. – 85, 1957 г. – 144, 1958 г. – 47 и в 1959 г. – 115. Если в 1947 г. удельный вес умерших на каждую тысячу детей, содержащихся в домах ребенка лагерей и колоний, составил 40,1%, то в 1959 г. – 3,1% [23].

По уровню детской заболеваемости и смертности дома ребенка лагерей и колоний продолжали уступать соответствующим учреждениям вне мест заключения. В домах ребенка Минздрава РСФСР за 1956 г. умерло 2,3% детей, а в домах ребенка расположенных на территории РСФСР лагерей и колоний – 3,3%, заболело диспепсией в возрасте до 1 года на 1000 детей – соответственно 119 и 423, очаговой пневмонией – 116 и 202, заболело рахитом на 100 детей – 5,4 и 10,2 и т. д. В то же время по некоторым видам детской заболеваемости ИТЛ и ИТК имели лучшие показатели. Так, если в домах ребенка Минздрава РСФСР в 1956 г. на 1000 детей было отмечено 52,0 заболевших острой дизентерией, то в ИТЛ и ИТК РСФСР – 35,0, коклюшем соответственно 30,1 и 10,2, скарлатиной – 50,8 и 7,0.

В 1940-е – начале 1950-х гг. количество политических заключенных на определенные даты во всех местах лишения свободы было неодинаковым, но в основном колебалось в диапазоне от 0,5 млн. до 0,6 млн. человек. Указанная амнистия 1953 г. не привела к значительному снижению этой категории заключенных, так как затронула всего несколько десятков тысяч человек, осужденных по 58-й статье. Но в последующие годы численность политических заключенных стремительно пошла на убыль. Это было вызвано двумя основными причинами, Во-первых, резко сократилось поступление новых заключенных, осужденных по 58-й статье. Во-вторых, интенсифицировалась работа по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, и их амнистии и реабилитации. В период 1953–1961 гг. было реабилитировано 737 182 человека [24], осужденных в разное время, но преимущественно в 1937–1938 гг., по обвинениям в политических преступлениях. Для многих из них реабилитация была посмертной.

В результате в середине и во второй половине 1950-х гг. произошли довольно радикальные качественные изменения в составе заключенных, связанные прежде всего со стремительным уменьшением численности и удельного веса политических. Из таблицы 3 видно, что с 1 января 1952 г. по 1 января 1959 г. количество последних в лагерях и колониях снизилось в 52,4 раза (с 579 757 до 11 059 человек), а их удельный вес в общем составе заключенных

упал с 23,1% до 1,3%. Этот факт мы расцениваем как самый значимый в ряду всех позитивных изменений, произошедших в 1953–1959 гг. в ситуации с заключенными.

Реально же политических заключенных было несколько больше, чем это указано в таблице 3. Помимо ИТЛ и ИТК часть их содержалась и в тюрьмах. В частности, отдельные лица, отнесенные к категории особо опасных государственных (политических) преступников, находились в заключении в знаменитой Владимирской тюрьме. Какое-то их количество содержалось и в других тюрьмах. Поэтому фактически численность политических заключенных по состоянию на 1 января 1959 г. составляла не 11 059 человек, а несколько побольше. А вот насколько больше – мы даже приблизительно затрудняемся сказать.

Таблица 3

Снижение численности и удельного веса политических в составе заключенных лагерей и колоний ГУЛАГа в 1952–1959 гг. (без тюрем)
(данные на 1 января каждого года)*

Годы	Общее количество заключенных лагерей и колоний	В том числе			
		Уголовные		Политические	
		Чел.	в %	Чел.	в %
1952	2 509 788	1 930 031	76,9	579 757	23,1
1953	2 472 247	1 932 764	78,2	539 483	21,8
1954	1 325 003	914 446	69,0	460 557	31,0
1955	1 075 280	766 192	71,2	309 088	28,8
1956	781 630	667 895	85,5	113 735	14,5
1959	862 707	851 648	98,7	11 059	1,3

* ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1356. Л. 139–140; д. 1398. Л. 9; д. 1426. Л. 39; д. 1427. Л. 132–133, 140–141, 177–178; д. 1429. Л. 2–5.

Отметим, что указанный удельный вес политических в составе заключенных лагерей и колоний на 1 января 1959 г. (1,3%, а еще точнее – 1,28%) у мужчин и женщин различался: у женщин он был ниже, у мужчин – несколько выше. В составе всех женщин – заключенных ИТЛ и ИТК удельный вес политических составлял тогда менее 0,7% (502 из 76 446), а у мужчин – 1,34% (10 557 из 786 261).

В начале 1959 г. 99,4% политических заключенных (10 992 из 11 059) отбывали наказание в лагерях и колониях, расположенных на территории РСФСР. В местах лишения свободы в других союзных

республиках содержалось тогда в общей сложности только 67 человек (11 059 – 10 992 = 67), или 0,6% от общего числа заключенных, отнесенных к категории политических преступников. Еще раз напоминаем, что эта статистика не учитывает политических в составе тюремных заключенных

Масштабы осуждений по политическим мотивам в середине и конце 50-х гг. стали многократно ниже, чем в начале 50-х гг., не говоря уже о 30-х – 40-х гг. В 1958 г. по обвинениям в контрреволюционных преступлениях было осуждено 1553 человека, из них 69 приговорено к расстрелу [25]. Для сравнения: в 1952 г. эти показатели составляли соответственно 28 800 и 1612 человек [26]. Таким образом, в 1958 г. по сравнению с 1952 г. это было в 18,5 раза меньше по общему числу осужденных политических преступников и в 23,4 раза – по количеству смертных приговоров. Данный факт мы тоже относим к числу наиболее значимых в изменении ситуации с заключенными в постсталинское время.

Несмотря на то что проведенная в 1953–1961 гг. работа по реабилитации выглядит довольно масштабной, на самом же деле она была весьма ограниченной. Дело в том, что количество реабилитированных к началу 1962 г. политических преступников (737 182) составляло только 19,1% от общего количества зарегистрированных в бывшем КГБ СССР (ныне – ФСБ РФ) лиц, осужденных за весь советский период по политическим мотивам. Всего таковых зарегистрировано 3 853 900 человек [27]. Следовательно, в начале 1962 г. 80,9% из этого числа, или 3 116 718 человек (3 853 900 – 737 182 = 3 116 718), продолжали оставаться нереабилитированными. Отметим также, что после 1961 г. работа по реабилитации резко пошла на убыль (хотя полностью и не прекратилась) и вновь активизировалась только с 1987 г.

Примечания

1. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник / Сост. М. Б. Смирнов. М., 1998. С. 60.
2. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1429. Л. 2–5.
3. Там же. Д. 1392. Л. 98; ф. 9401. Оп. 2. Д. 450. Л. 463–464.
4. Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1398. Л. 43.
5. Там же. Д. 1426. Л. 6–9; д. 1427. Л. 101–102.
6. ГУЛАГ (Главное управление лагерей): Документы / Сост. А. И. Кокурин и Н. В. Петров. М., 2000. С. 436.
7. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1426. Л. 5.
8. Там же. Д. 1429. Л. 2–5.
9. Дугин А. Н. Неизвестный ГУЛАГ. С. 42, 50.
10. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 450. Л. 471.
11. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). С. 391–392.
12. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1398. Л. 20.

13. Там же. Д. 1429. Л. 17.
14. Там же. Л. 21–23.
15. Там же. Д. 1430. Л. 6.
16. Там же. Д. 1429. Л. 2–5.
17. Численность и расселение народов мира. М., 1962. С. 64.
18. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1427. Л. 103–104.
19. Там же. Л. 105.
20. Подробнее см.: Земсков В. Н. Физическое состояние и смертность заключенных // Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 195.
21. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2887. Л. 52; д. 2891. Л. 57.
22. Там же. Д. 2887. Л. 64.
23. Там же. Л. 27; д. 2891. Л. 72.
24. Там же. Д. 2890. Л. 38, 91, 113, 177; д. 2891. Л. 121, 168, 206, 258, 274, 296; д. 2892. Л. 54.

Шитюк Н. П.

Первые шаги десталинизации в законодательстве СССР

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О амнистии» от 27 марта 1953 г. гласил: «Освободить из мест лишения свободы лиц, осужденных независимо от срока наказания за должностные и хозяйственные преступления, а также за военные преступления по статьям 191 п. «а», 191, 191 п. «а», 193 УК УССР. Не применять амнистию к лицам, осужденным на срок более 5 лет „за контрреволюционные преступления“» [1]. Всего было освобождено 1 201 738 человек. В их числе значится часть тех, кто попал в заключение за мелкие кражи. Согласно Указу от 4 июня 1947 г. освобождались все высланные, и эта категория репрессированных исчезла [2].

По Указу от 8 сентября 1953 г. амнистированы тысячи осужденных подзаконными актами от 7 и 22 августа 1932 г. Указом от 28 октября 1953 г. отменялась уголовная ответственность за неисполнение колхозниками обязательного минимума трудовых. Только в 1954 г. повысился возраст уголовно наказуемых за какие-либо деяния до 16 лет. Как отмечал А. И. Солженицын: «Сталинские законы о несовершеннолетних просуществовали 20 лет – до Указа от 24 апреля 1954 г., который освободил тех, кто отбыл более трети срока» [3].

Только в июле 1954 г. возобновляется практика условно-досрочного освобождения, прерванная в 1939 г. За это время десятки тысяч людей стали закоренелыми преступниками, пройдя «воспитание» лагерями и тюрьмами. 17 сентября 1955 г. вышел указ «О амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», который вместе

с настоящими коллаборационистами освободил и тех, кто по вине Сталина попал в плен в начале войны. 20 сентября 1956 г. действие этого Указа распространялось на военнослужащих, что были в плену и осуждены по статьям 193, 54 Закона Верховного Совета СССР «О ликвидации лишения избирательных прав по суду», который вышел 25 декабря 1958 г. [4].

Законодательная реформа 1950 г. вызвана многими причинами. Основной из них было то, что Н. С. Хрущев и группа его единомышленников хотели приобрести популярность как внутри страны, так и за рубежом за счет отхода от политики сталинизма. Кроме того, страна была явно перегружена репрессированными по разным признакам: по состоянию на 1 января 1953 г. насчитывалось 2 753 356 специальных поселенцев: только в лагерях и колониях ГУЛАГа (без тюрем и детских трудовых колоний, где содержалось 2 468 524 осужденных) [5]. Эффективность подневольного труда после окончания Великой Отечественной войны неустанно снижалась, политика «позднего сталинизма» находила все меньше понимания как среди народа, так и среди соратников вождя.

В декабре 1956 г. приняты новые основы уголовного законодательства Союза ССР и республик. В статье 3 впервые в советской практике провозглашалось, что наказание может применяться только по решению суда. Кроме того, уголовная ответственность устанавливалась с 16 лет. В перечне видов наказания исключались такие меры, как объявление врагом трудящихся на неопределенный срок и поражение политических прав по суду, в том числе и избирательных прав.

Верховным Советом УССР в 1960 г. принят новый Уголовный кодекс УССР [6]. Но все это не означало, что советское право отошло от сталинской практики. В новом Законе СССР, от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» были: статья 1 – измена Родине; статья 6 – вредительство; статья 7 – антисоветская пропаганда и агитация (срок от 3 до 9 лет); статья 19 – организационная деятельность, направленная на осуществление опасных государственных преступлений, что приравнивалось к участию в антисоветской организации [7].

Сохранилась практика изгнания неугодных лиц из СССР, поражения политических прав и принудительного лечения в специальных больницах. И еще одна характерная деталь – на указах, отменявших жестокие преступления Сталина, часто встречается гриф «Без опубликования в прессе». Тайна свято оберегалась и во времена «потепления». Репрессивное законодательство зацепило судьбу миллионов наших соотечественников, сделав их жертвами идеологии политики коммунизма. Ситуация, сложившаяся в настоящее время с изучением политики репрессий, разрешает дать более точные данные, нежели раньше подсчитывали численность репрес-

сированных в 1920-х – начале 1950-х гг. Судя по данным специальных поселений НКВД–МВД СССР, присутствующие в работах В. Н. Земскова и М. Ф. Бугая, общее число специальных поселенцев разных категорий (бывшие кулаки, засланные, высланные поселенцы, административно высланные, депортированные в период с 1930 г. по 1948 г.) составляло 6 144 000 человек [8].

Основываясь на статистических таблицах В. Н. Земскова о численности и движении контингента ГУЛАГа с 1934 г. по 1947 г. [9], несложно высчитать цифру прибывших осужденных за этот промежуток времени – 10 396 000 человек.

Учитывая, что по состоянию на 1 января 1934 г. в ИТЛ и ИТК находилось 510 307 заключенных и сложив их с предыдущей цифрой, получаем численность в 10 906 307 человек. Следует отметить, что в эту цифру не входит тюремное население ГУЛАГа. В среднем 30% контингента лагерей состояло из осужденных за контрреволюционные преступления. В итоге через ИТЛ прошло 3 200 000 «контрреволюционеров». Эта цифра близка к данным о числе осужденных указанной категории в период с 1921 г. по 1954 г. из справки Н. С. Хрущеву от 1 января 1954 г. – 3 777 380 человек [10]. Поэтому для наших расчетов можно использовать эти официальные данные. Как уже говорилось выше, репрессии в СССР проводились не только по ст. 58 УК или соответствующей ей ст. 54 в Украине. Соответственно для полноты картины к предыдущим расчетам следует добавить число осужденных к исправительным работам по Указу от 26 июня 1940 г. – 1 млн. человек [11]. Также через детские трудовые колонии в период с 1935 г. по 1940 г. прошло более 155 тыс. подростков в возрасте от 12 до 18 лет [12].

Много сотен людей стали жертвами сталинизма через пребывание в плену или на фашистской каторге. Численность «второй эмиграции» – взятых в плен нацистами жителей оккупированных территорий, угнанных в рабство, и тех, кто не возвратился в СССР, боясь попасть в ГУЛАГ, составляла 452 тыс. После проверочно-фильтрационных лагерей НКВД в распоряжении этих ведомств осталось 338 тыс. человек [13].

Таким образом, общая численность специальных поселенцев и заключенных категории «контрреволюционеров» составляла 9 921 000 человек, а с учетом иных категорий жертв репрессий – 11 866 000 человек. При этом необходимо помнить, что в наши расчеты не вошли заключенные тюрем, лагерей НКВД, которые относились к разным промышленным и другим ведомствам, депортированные народы Прибалтики, прибывшие на специальные поселения после 1948 г., арестованные по политическим мотивам, а не по ст. 54 (которые поэтому не вошли в категорию «контрреволюционеры»). Очень точно подсчитана по годовым отчетам ГУЛАГа цифра умерших от репрессий. Численность расстрелянных, умерших среди специальных поселенцев и арестованных составляет в итоге 2,5 млн. человек [14].

В развитии советского карательного законодательства прослеживались определенные закономерности. Революция и Гражданская война наложили свой яркий отпечаток на законодательную политику партии и государства. Идеология революционной борьбы и логика революционной законности базировались на таких ключевых понятиях, как враги народа, враги революции, террор, концлагеря, наказание по велению революционной совести, презумпция виновности каждого обвиняемого до суда, наказание за недонесение, достаточность определения обвиняемого для его осуждения, обратная сила применяемых законов; их действие распространялось на период, что предшествовало понятию «уголовная ответственность за идеологические предубеждения». Использование этих понятий в практике законодательной и исполнительной власти полностью нарушило выверенные мировым опытом способы регулирования взаимоотношений членов общества и государства.

В истории развития социалистического государства наблюдаются параллельное оформление и существование двух структур власти: официальной в лице Советов на местах, Верховного Совета, народных комиссаров, и неофициальной: ОГПУ–НКВД, Политбюро ЦК ВКП(б) и т. п. Одновременно происходило развитие и двух видов законодательства: показательных в виде Конституции, уголовных и других кодексов, обнародованных законов, постановлений; фактически действующих подзаконных указов, положений, инструкций, секретных писем и директив. Теневая структура власти и подзаконные акты выявляли преимущественные влияния на жизнь общества. Произошла политизация правовой системы государства. Уголовные кодексы 1924, 1927 гг., как основные источники законов, были основаны на нарушении правовых норм.

«Враг народа» был преобразован из идеологического противника в уголовного и всегда рассматривался как особо опасный преступник. Политические деяния рассматривались как уголовные преступления. В истории советского репрессивного законодательства есть свои закономерности и статьи. Несмотря на относительно мирный период развития внутренней жизни 1922–1928 гг., именно в этот временной промежуток формируется законодательная база борьбы с «врагами народа». В УК 1922 г. 17 «контрреволюционных» статей, в УК 1926 г. и того больше. Во всех статьях и законах о контрреволюционных преступлениях определялись репрессии, которые превышали по жестокости наказания уголовные деяния.

Таким образом, в период нэпа были подготовлены репрессивные законы, которые использовались в 1930-е – 1940-е гг. Тогда же создавались и многочисленные органы внесудебного преследования. В годы «великого перелома» и репрессий 1930-х гг. карательные законы становятся более жестокими за счет многочисленных подзаконных актов и внедряются в массовых масштабах.

Конституция 1937 г. формально сделала шаг от «революционной законности» к «социалистической демократии». Жестокая судебная практика подменила собой Основной закон, а начавшаяся война отодвинула на задний план разговоры о демократии. В начале 30-х гг. в сельском хозяйстве, в 30–40-х гг. в промышленности утвердилось репрессивное трудовое законодательство. Создалась система казарменной экономики, основанная на принудительном труде. С одной стороны, заключенные и переселенцы стали серьезной хозяйственной силой, использование которой планируется в масштабах страны. С другой, гражданские производства становятся все более похожими на лагеря, а вольнонаемные рабочие – на заключенных. Срыв производственных планов в 1940-х гг. рассматривался как «контрреволюционные действия», его виновники наказывались НКВД. Дела о «контрреволюционных» высказываниях еще в 1938 г. рассматривались военными трибуналами. Война и Победа принесли только эпизодические ослабления в репрессиях, вызванные неопределенностью власти имущих. После того как испуг прошел, кнут снова свалился на плечи народа. В конце 40-х – начале 50-х гг. репрессии достигли нового апогея: лагеря и специальные поселения переполнились. Принцип «презумпции вины» был перенесен с отдельных врагов и классов на целые народы. Военный плен, угон на фашистскую каторгу были объявлены государственным преступлением. Появились каторга и вечная ссылка.

В развитии репрессивного законодательства имеются своя логика, прагматичный расчет. Сталин и его единомышленники пытались достичь состояния полного управления народом на пути «к великой цели». Секретность большинства законодательных актов говорит о продуманности идеологической политики, о сильном сопротивлении народа развитию репрессивного законодательства. Отсюда принципы исполнительной власти: человек должен как можно меньше знать о своих правах. Немало правовых актов сохранились в тайне даже в 1950-е гг., в эпоху «оттепели».

Постепенно Сталину удалось добиться внедрения своих соображений о социализме в поэзии и манипулировать действиями больших масс людей. Эта система довела свою эффективность в годы индустриализации и Великой Отечественной войны. Но в итоге социализм зашел в тупик. Страна превратилась в единый лагерь с низкой производительностью и слабой дисциплиной.

Вместе со становлением репрессивной системы развивался репрессивный аппарат, созданный в годы Гражданской войны. Он приобретал новые, широкие функции. В первой половине 1920-х гг. механизмы террора на Украине направлены непосредственно против оппонентов РКП(б), активных участников тех политических партий и сил, которые боролись за собственную национальную государственность. Объектом репрессий стали также поклонники

Белого движения, граждане, которые по разным причинам служили в вооруженных формированиях, организациях и учреждениях Центральной рады, гетманского движения, Директории и т. п.

На рубеже 20–30-х гг. запущенный большевиками механизм набрал новые обороты. Его силу почувствовало на себе украинское крестьянство. Чрезвычайные меры стали применяться начиная с января 1928 г. в процессе хлебозаготовки. Но особенную жестокость репрессии приобрели в период сплошной коллективизации сельского хозяйства.

С 1934 г. начались новый этап перегруппировки сил, усовершенствование репрессивного механизма, политического и юридического обоснования дальнейших, еще более масштабных для украинского народа политических репрессий.

Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. образован Народный комиссариат внутренних дел СССР, взявший на себя руководство милицией, уголовным розыском, пожарными частями, органами записи актов гражданского состояния, исправительно-трудовыми учреждениями.

Репрессии 1937–1938 гг. имели свои определенные этапы и закономерности. На первом этапе (конец 1936 г. – первая половина 1937 г.) маховик репрессивного механизма лишь набирал необходимые обороты. В конце января 1938 г. наркомом внутренних дел УССР назначен А. И. Успенский, деятельность которого ознаменовала новый этап проведения массовых политических репрессий на Украине.

После аннексии Западной Украины, Северной Буковины, Бессарабии и распространения на эти земли большевистской государственности массовые репрессии были перенесены на местное население, которое на протяжении десятилетий вело национально-освободительную борьбу.

Репрессии – это лишь один, к тому же не главный, аспект в процессе формирования общества бесправия. Опасным было то, что все без исключения граждане постепенно лишались основных жизненных прав, без которых невозможно цивилизованное существование. После революции это массовые экспроприации, грабежи, позже они приобрели формы раскулачивания, коллективизации, еще позже – изъятия скота с частных подворий, борьбы с «нетрудовыми доходами». То же произошло и с правом свободного передвижения, вольного выбора места проживания во всем мире. С декабря 1932 г. запретили свободно передвигаться и внутри страны, введя паспортную систему, прописку. Права, которых лишались граждане, полностью присвоило тоталитарное государство. Оно в лице функционеров решало, кому можно ими пользоваться, а кому нет. Именно тоталитарное государство, создав репрессивно-карательный аппарат, ввело систему нечеловеческих пыток, в результате которых получали признания так называемых «врагов народа».

Репрессивная система, без сомнения, применяла террор, насилие к своему народу с самых первых дней существования советской власти. По утверждению Г. В. Плеханова, «...террор – это система действий, которые имеют целью запугать политического врага – распространять страх в его рядах...» [15].

Такой страшной бедой, как в годы сталинщины, советский народ не знал никогда. Сталин и его единомышленники создали тонкую систему уничтожения людей, используя самые отвратительные черты человеческой природы: подлость, жестокость, садизм. Так, в первые месяцы советской власти в Симферополе ЧК применил новый вид пыток, – клизмы из битого стекла и ставя зажженные свечи под половые органы [16].

Одесский чекист Вихман расстреливал в самих камерах по собственному желанию, хотя в его распоряжении было 6 специальных палачей [17]. В Одессе офицеров мучили, привязывая их цепями к доскам, медленно вставляя в плиту и поджаривая. Других разрывали пополам колесами лебедки, опускали по очереди в котел с кипятком и в море, потом бросали в плиту [18].

В Севастополе в феврале 1919 г. произошла вторая резня офицеров, но на этот раз она была отлично спланирована, убивали по плану, и не только морских, а вообще всех офицеров и целый ряд уважаемых граждан города, всего около 800 человек [19].

В стихии террора 1930-х гг. большую роль, как известно, сыграли массовая привычка к насилию, воспитывавшаяся в людях на протяжении всего периода существования советской власти, полное бессилие личности перед государством, отчужденность людей между собой и другое. Система террора покалечила и оборвала жизнь десятков миллионов рабочих и крестьян, ученых, партийных и советских работников, религиозных деятелей, военных, даже несовершеннолетних детей. Она нанесла тяжелейший удар по духовности народа, нравственным принципам, которые воспитывались у людей веками.

В период наиболее массовых репрессий (1937–1938 гг.) существовали также внесудебные органы: «тройки», «двойки» (Ежов, Вышинский). Особые советы рассматривали дела бывших и вымышленных троцкистов и других контрреволюционеров, судили членов семей предателей Родины, социальноопасных элементов и т. п.

На одного осужденного отводилось 10–20 минут, и никого не интересовало, сознался в суде обвиняемый или нет, подтвердит свои предыдущие показания или от них откажется. Суд был заложником предварительного следствия. Признания, добываемые следственными органами, получали в результате жестокого физического и морального террора. Как пишет Р. Конквест: «... Карательные органы, несомненно, применяли пытки с первых дней существования советской власти. Есть немало уведомлений о жестокости тайной полиции в начале 30-х гг.: заключенных били по животу мешками, наполнен-

ными песком, что нередко приводило к смерти. В случае смерти врач записывал, что арестованный умер от злокачественной опухоли...». Другой метод ведения пыток назывался «стойкой». Заключенного принуждали подняться, полусогнув колени, повернуться к стене и стоять так несколько часов. Утверждают, что одного-двух дней было достаточно, чтобы сломить всякое сопротивление. Другим «импровизированным» методом пыток была «ласточка», когда заключенному связывали ноги и руки за спиной и в таком состоянии подвешивали.

Одна из заключенных женщин рассказывала, что ей прищемляли пальцы дверьми. Следователи передавали арестованных в руки крепких, накачанных ребят, которых заключенные называли «боксерами». В целом следователи пытались создать импровизацию, некоторым при пытках наступали на пальцы рук или ног, других били сломанной ножкой стула, и это не было пыткой в прямом смысле слова. В основном большинство заключенных сознавалось в совершенных преступлениях. Одни шли на это после физического воздействия, другие потому, что были запуганы рассказами о пытках и жестокостях. Для большинства угрозы возобновления пыток было достаточно, чтобы предупредить возможность отрицания вырванных под пытками «признаний». Над человеком, ослабевшим после пыток, иногда просто издевались. Некоторые методы срабатывали мгновенно. Например, один офицер стерпел все побои, но «раскололся» когда следователь его голову силой вставил в наполненную до краев плевательницу. Другой заключенный не выдержал, после того как следователь помочился ему на голову. Согласно многим сообщениям это стало практикой пыток [20].

Среди методов физических воздействий над заключенными следствием установлены:

избиение заключенных, вследствие чего имели случаи смерти;
отправление заключенных в самом нижнем белье на звонницу церкви, расположенной наверху. Это практиковалось в зимнее время, причем выворачивали назад руки и привязывали их до ног. В таком состоянии заключенные удерживались до 48 часов и за это время до 6 раз на несколько минут заносились в теплое помещение;

посадка заключенных на длительное время на так называемые «жердочки», то есть узкие жерди. Заключенного принуждали сидеть без движения по 18 часов в сутки;

выставляли заключенных на так называемые «камни», то есть в самом белье по стойке «смирно». Этот вид истязаний практиковался преимущественно зимой или в самую холодную ветреную погоду. В таком состоянии заключенный держался до полного изнеможения [21].

Во время пыток из человека выдавливалось все человеческое. Не в силах пережить жуть пыток, заключенный признавал себя виновным в тяжких преступлениях перед государством и народом,

которых никогда не совершал, называл сообщников в борьбе против советской власти. Военным коллегиям оставалось лишь огласить там приговор, который был определен ежовскими, а позже бериевскими «мальчиками-молодцами».

Основным методом НКВД, с помощью которого можно было сломать волю заключенных и получить необходимые свидетельства, был так называемый «конвейер»: непрерывные пытки, которые продолжались часами и днями, бригадами следователей, которые постоянно менялись. В отличие от многих других явлений сталинского периода этот метод имел то преимущество, что его нелегко было осудить, сославшись на какой-нибудь определенный принцип. Чтобы усилить страх за семью, иногда обращались к такому приему: во время пыток на столе следователя лежали личные вещи членов семьи. Угрозы семье были одним из сильнодействующих средств сталинского террора. Самые известные партийные и государственные деятели, от которых хотели добиться признаний, находились в руках НКВД, по-видимому, это было общей практикой [22]. Даже за мелкие преступления обвиняемых осуждали к 6 годам. Например, за припрятывание можно было получить 3 года по статье 58-12. Один одессит получил 3 года лишь за то, что сочувственно улыбался, когда за соседним столиком рассказывали антисоветский анекдот [23].

Постановление от 14 сентября 1937 г. дало возможность накладывать наказания за контрреволюционную деятельность без какого-либо придерживания судебных норм. Приговоры были суровые. Более того, дела осужденных в 1933 и 1935 гг. пересматривались, чтобы, как говорили следователи, мягкий приговор в 3–5 лет перевести на юриспруденцию 1937 г.

К моменту падения Ежова было арестовано не меньше 5% населения, или каждый двадцатый. Можно сказать, что из каждой второй семьи в стране один человек попал в лагерь или сидел в тюрьме. Среди образованных слоев населения их было значительно больше [24].

Но ужасы политической ситуации в то время в стране проявились в том, что в существование массового вредительского движения меньше всего верили сами функционеры НКВД. Кто-кто, а они хорошо знали цену каждому признанию.

«...Я понимаю, что вы не враг народа, но враг народа из вас я сделаю», – убеждал Николая Григорьевича следователь. «И сделал это, – свидетельствует при даче показаний в 1956 г. бывший репрессированный Н. Кравченко, – «не прикладывая к этому особых усилий» [25].

После смерти Сталина много осужденных к длительным срокам исправительно-трудовых лагерей писали письма Г. М. Маленкову, Н. С. Хрущеву, В. М. Молотову, в Верховный Совет СССР, Прокуратуру и Верховный суд СССР, где описывали те зверские пытки, которые перенесли в казематах НКВД.

Вот что писал в заявлении учитель рисования и черчения П. И. Ковалев из Николаева – участник так называемого процесса «Украинского национального центра»: «На допросах применялись дознания, чтобы выбить показания» [26]. Другой участник этого процесса, учитель школы №8 города Николаева Е. П. Остапуха утверждал: «Следователь заставил писать меня признание, держа вместе с моей рукой ручку, а другой, свободной, постоянно бил меня в живот, под бока, покуда не напишу. Измученный физически, морально подавленный, доведенный пытками к полному безумству, я написал небольшое заявление, что позже детально расскажу о своей работе в организации. Под нечеловеческими избиениями следователя я написал фразу: «...Вихтоденко Илья Иванович, учитель биологии средней школы № 5, завербовал меня в организацию. После чего меня отвели в камеру тюрьмы» [27]. Чтобы показать массовость террора против граждан, можно привести ряд свидетельств, написанных в заявлениях и письмах в различные инстанции.

Гражданин П. Ю. Аболин писал: «Следователь в ночь со 2 на 3 марта 1938 г. зверски бил меня по задней части доской, по голове – железными ключами, по плечам – доской, по лицу, подбородку, животу – кулаками. Раздел меня донага (снял брюки и кальсоны), рот закрыл носовым платком, избил до потери сознания, заставил подписать в таком состоянии провокационное заявление, после этого кинул в камеру. На второй день следователь снова начал бить меня палкой, руками и ногами на протяжении двух часов, издевался надо мной. Кроме того, дал команду открыть рот, после этого он плюнул мне в рот [28].» Другой гражданин, К. П. Борисов описывал: «Первая инквизиция началась 14 марта 1938 г., „полет с парашютом“, то есть выбивание из-под меня табуретки. После падения я получал удары в позвоночник и расстройство желудка, которое сопровождалось блевотой. Таких „полетов“ было организовано 10. Далее пьяный следователь заткнул мне рот фуражкой и положил на стул сверху. Другой следователь вывернул мне руки за спину, а голову положил между своих ног. Первый начал бить меня ножкой табуретки. Я потерял сознание и очутился уже в коридоре, облитый водой. Товарищи по камере испугались, увидев меня всего избитого. Они насчитали 33 черных следа от побоев ножкой табуретки. Через три дня меня снова вызвали в кабинет. Следователь вытянул из кармана стальной предмет, открыл мне рот и, наставляя на каждый зуб, начал ломать и скалывать мне зубы. Таким образом он сломал мне три зуба, один надломил, а два совсем выбил. Я потерял сознание...» [29].

Не менее жестокие пытки применяли следователи военной контрразведки «Смерш». Вот что оставил в дневнике, написанном в 70-е годы, автор книги «Партизанская искра» И. Герасименко.

«Не дождавшись чистосердечного признания, следователь капитан Поляруш сбил меня кулаком с ног и начал жестоко бить носками сапог

под ребра. Не удовлетворившись, схватил обеими руками за волосы, рывком поднял с пола и сильно начал бить головой об стенку. И только тогда, когда на белую стенку потекла кровь, покинул свою жертву. Муки, перенесенные в „Смерш“ не шли ни в какое сравнение даже с пытками в Кировоградской тюрьме гестапо, где мне пришлось сидеть. В „Смерш“ существовала хорошо продуманная нечеловеческая система доведения жертвы к крайнему пределу истощения и уничтожения. Раздавить в человеке все человеческое, прежде чем уничтожить его, — такой метод избрали эти безжалостные и бессердечные люди [30]».

Еще одним странным творением репрессивной машины были расстрелы людей по «альбомным справочникам», или так называемому «особенному порядку». Эта процедура регулировалась тайным приказом наркома внутренних дел М. И. Ежова от 11 августа 1937 г. Альбомные справки составлялись на листке и подписывались начальником управления НКВД, облпрокурором и его заместителями, начальниками управления НКВД, за которыми числился заключенный, и следователями. Потом эти справки отправлялись в Москву, где за общим постановлением наркома М. И. Ежова и прокурора СССР А. Я. Вышинского принимались решения о расстреле, редко о ссылках на 10–15 лет.

В наше время важно сделать все, чтобы никогда не вернулись те времена, когда под благородными целями прикрывалось насилие. Исследование террора необходимо проводить и широко изучать, чтобы на этой почве не выросло новое поколение садистов, готовых на любые кровавые, презренные дела.

Примечания

1. Земсков В. Н. ГУЛАГ. Историко-социалистический аспект // Социологические исследования. 1991. №7. С. 12–14.
2. Там же.
3. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1990. Т. 2. С. 97.
4. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 23, 27, 30.
5. Земсков В. Н. Спецпоселенцы // Социологические исследования. 1990. С. 16.
6. Історія держави і права України / Під ред. А. І. Рогожина. К., 1996. Ч. 2. С. 235.
7. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 52–58.
8. Земсков В. Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5. С. 152.
9. Земсков В. Н. Кулацкие ссылки в 70-е годы // Социологические исследования. 1990. № 10. С. 24; Бугай Н. В. Последствия депортации народов // История СССР. 1992. № 1. С. 142.

10. Земсков В. Н. Указанное сочинение // История СССР. 1991. № 6. С. 19.
11. Земсков В. Н. ГУЛАГ // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 19.
12. Там же.
13. Земсков В. Н. К вопросу депортации советских граждан 1944–1951 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 38; Шевянов А. А. Тайны послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 10.
14. Подсчитано по Земскову В. Н. ГУЛАГ // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 4–5.
15. Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М.: ОИЗ, 1949. С. 134.
16. Мельгунов С. П. Красный террор в России: 1918–1923. Берлин, 1924. С. 124.
17. Там же.
18. Там же.
19. Реабилитация. Политические процессы 20–50-х годов. М, 1991. С. 231.
20. Конквест Р. Большой террор / Р. Конквест // Нева. 1989. № 1. С. 139.
21. З жахом згадую ті часи // Радянське Прибужжя. Миколаїв. 1996. 20 січня.
22. Конквест Р. Большой террор // Нева. 1989. № 12. С. 134.
23. Там же.
24. Там же. С. 149.
25. Архив Службы безопасности Украины в Николаевской области. ФПС 2348. Л. 179.
26. Там же. Д. 2351. Л. 96.
27. Там же. Д. 7009. Л. 84.
28. Газета «Сільські вісті». 1994. 26 листопада.
29. Там же.
30. Иван Герасименко. Щоденник. С. 67.

«Шпионофобия» и развитие международных туристских связей СССР во второй половине 1950-х – 1980-х гг.

Общеизвестно, что для советского общества сталинского периода была характерна ярко выраженная и искусственно поддерживаемая «шпионофобия». Обвинительные приговоры по отношению к жертвам сталинских репрессий почти всегда содержали пункт о шпионской деятельности виновного, якобы осуществлявшейся им по заданию иностранных спецслужб. Тема шпионажа нашла широкое отражение в советской литературе, кинематографе, плакатном искусстве. Уже в младших классах школы советские дети разучивали песню «Коричневая пуговка» (слова Е. Долматовского, 1939 г.), в которой рассказывалось, как благодаря бдительности советских детей был задержан и обезврежен опасный иностранный шпион и диверсант.

Образ шпиона как антигероя продолжал культивироваться в советском массовом сознании и после начала процесса десталинизации. Однако, учитывая всю сложность и широту данной темы, хотелось бы в данной статье сфокусировать свое внимание исключительно на тех проявлениях «шпионофобии», которые сопровождали развитие международного въездного и выездного туризма в СССР во второй половине 1950-х – 1980-е гг.

С середины 1950-х гг. была возобновлена деятельность по приёму в Советском Союзе иностранных туристов, прерванная после начала Великой Отечественной войны. За период с 1956 г. до 1980 г. ежегодное количество иностранных туристов, посетивших Страну Советов, увеличилось с 500 тыс. до 5 млн. чел. [1]. Однако, несмотря на эту позитивную статистику, тексты советского публичного дискурса продолжали формировать осторожное, бдительное отношение к иностранным гражданам, в том числе прибывшим с туристскими целями. Подчеркивалось, что среди приезжающих в СССР иностранцев есть и такие, которые, «...приезжая к нам под видом туристов, стремятся использовать гостеприимство советских людей во вред нашей Родине» [2].

Реальная или мнимая угроза шпионажа значительно сокращала географию посещения территории СССР для всех граждан иностранных государств. Например, в Крымской области запрещалось посещение иностранцами не только Севастополя, который являлся главной базой Черноморского военно-морского флота (кроме непродолжительного периода с 1961 г. по 1965 г.), но и значительных территорий в Восточном и Северном Крыму, включая Керчь и Феодосию [3]. Кроме того, даже на открытой для посещения территории иностранцы могли осматривать только определенные объекты показа, список которых ежегодно утверждался областным партийным руководством [4].

Как и в сталинские годы, борьба со шпионами требовала показательных судебных процессов. Один из них состоялся осенью 1961 г., когда Киевским военным трибуналом была осуждена супружеская пара немецких туристов. Гражданин ФРГ Адольф Вернер, который, как оказалось, в годы Второй мировой войны являлся офицером СС и воевал на Восточном фронте, был приговорен к 15 годам заключения. Его жена Хермина Вернер получила 7-летний тюремный срок. Супружеская пара обвинялась в том, что во время посещения в качестве туристов Севастополя она, действуя по заданию американских спецслужб, фотографировала военные корабли и стратегические объекты. Этот судебный процесс активно обсуждался в советской прессе, в том числе на страницах газеты «Правда». Причем в газетных материалах подчеркивалось, что разоблачить иностранных шпионов удалось во многом благодаря бдительности советской гражданки Д., которая, гуляя с 6-летней дочкой по севастопольской набережной, обратила внимание на мужчину не-советской внешности, украдкой фотографирующего Северную и Южную бухты [5, 6].

Но подобные резонансные инциденты случались достаточно редко, поэтому для поддержания тезиса о потенциальной угрозе иностранным туристам для советского общества было расширено традиционное представление о «враждебной деятельности». Например, к такой деятельности стали относить «сбор тенденциозных фактов о советской действительности» [7]. Так, в одном из документов Крымского отделения ВАО «Интурист» за 1963 г. содержится следующая информация: «В истекшем сезоне отдельные туристы из капиталистических стран пытались собирать тенденциозные факты, якобы характеризующие нашу действительность: фотографировали мусорные ямы, неопрятно одетых людей, очереди». Здесь также сообщалось, что «во время стоянки (в Ялте) круизного судна «Колхида» туристка из ФРГ была задержана советскими гражданами при попытке сфотографировать очередь» [8].

Ещё одной формой «враждебной деятельности» стали называть «распространение антисоветской литературы». Общественно опасной считалась не только специально изданная на русском языке за границей (обычно в США и ФРГ) пропагандистская литература антисоветской направленности, но и художественные произведения писателей-диссидентов, а также иная печатная продукция, трактуемая как «националистическая», «сионистская», «клерикальная», «реакционная» и т. п. Например, во время захода в ялтинский порт одного из иностранных круизных судов в 1973 г. была пресечена попытка нескольких туристов из Великобритании и США распространять среди советских граждан «антисоветскую книжонку» «Николай и Александра», в которой рассказывалось о судьбе последних представителей правящей императорской династии Романовых [9].

«Шпионофобия» также стала неизменным атрибутом советского зарубежного (выездного) туризма, который начал осуществляться с середины 1950-х гг. благодаря некоторой либерализации общественной жизни в СССР периода «оттепели». Тема шпионажа впервые поднималась ещё на этапе подготовки к туристской поездке за границу. Соответствующие предостережения звучали на специальных инструктажах для будущих вояжеров и были зафиксированы в «Основных правилах поведения советских граждан, выезжающих в капиталистические и развивающиеся страны». В этом документе особо подчеркивалось, что «...разведывательные органы капиталистических стран и их агентура стремятся получить от советских граждан интересующие их сведения, скомпрометировать советского человека, когда это им выгодно, вплоть до склонения к измене Родине» [10]. Далее следовали инструкции относительно того, как именно необходимо вести себя за рубежом, чтобы не оказаться втянутым в действия, направленные против Советского Союза. Например, следовало сократить до минимума индивидуальное общение с иностранными гражданами, запрещалось посещать «места сомнительных увеселений», особенно ночные клубы, казино, стриптиз-бары [11]. Ироническое описание такого рода моральных наставлений нашло свое отражение в песне Владимира Высоцкого «Инструкция перед поездкой за рубеж или Полчаса в месткоме»:

Буржуазная зараза
Там всюду ходит по пятам,
Опасайся пуще глаза
Ты внебрачных связей там.

Там шпионки с крепким телом:
Ты их в дверь – они в окно!
Говори, что с этим делом
Мы покончили давно.

Могут действовать они
не прямым:
Шасть в купе – и притвориться
мужиком,
А сама наложит тола
под корсет...
Ты проверяй, какого пола
твой сосед! [12]

В разработанной «Интуристом» памятке руководителям туристских групп рекомендовалось следить за тем, чтобы во время зарубежного путешествия туристы совершали прогулки не в одиночку, а небольшими группами (т. н. «тройки» или «пятерки») [13]. Это было

необходимо для того, чтобы каждый из них постоянно находился в поле зрения других участников туристской группы. Даже кратковременное отсутствие кого-то из туристов воспринималось как чрезвычайное происшествие. В отчете о поездке советских туристов в Австрию (апрель 1978 г.) говорилось, что фактов «неправильного поведения» туристов за рубежом не наблюдалось, за исключением «случаев отставания от группы на 200–300 метров, которым оценка давалась в тот же день» [14].

Согласно действовавшим инструкциям особую осторожность следовало проявлять при контактах с эмигрантами, перемещенными лицами, а также некими «реакционными и сионистскими элементами» [15]. Так, во время пребывания во Франкфурте-на-Майне в 1968 г. к туристу Х. обратилось двое местных жителей, представителей туркменской диаспоры, с предложением посетить ресторан. О полученном приглашении турист Х. сразу сообщил руководителю группы и получил разрешение на кратковременную встречу с представителями диаспоры только в гостиничном номере и обязательно в присутствии нескольких других членов группы [16]. Коллективный контроль был необходим для того, чтобы минимизировать возможные несанкционированные контакты туристов с гражданами зарубежных стран. Только во второй половине 1980-х стало возможным публичное возмущение этим тотальным контролем, который был назван «оскорбительным недоверием» [17].

Желание избежать провокаций иностранных спецслужб иногда приводило к откровенно курьезным случаям. В 1978 г. во время посещения группой советских туристов Лейпцига в один из гостиничных номеров, где они размещались, ночью через открытое окно проник неизвестный гражданин. Он тут же был задержан бдительными туристами, о происшедшем сразу были проинформированы не только правоохранительные органы ГДР, но и работники представительства «Интуриста» в Берлине. В ходе дальнейшего разбирательства было установлено, что задержанный – это пьяный студент из Чили, который пытался проникнуть в расположенное неподалеку женское общежитие, но перепутал здания [18].

Изученные нами отчеты руководителей туристских групп свидетельствуют о том, что практически в каждой группе советских вояжеров одна часть туристов добросовестно выполняла все полученные во время инструктажа «антишпионские» указания, в то время как другая часть более или менее открыто пренебрегала ими. Причем особую бдительность обычно проявляли лица, за которыми был закреплен определенный официальный или общественный статус: руководители групп, старосты, члены КПСС. Некоторые фрагменты из отчетов руководителей туристских групп о поездках в капиталистические страны по своей стилистике напоминают детективные романы: «На последний день нашего пребывания в Вене

за нами буквально по пятам ходил один тип, а после подключился второй» [19]. Руководитель группы туристов из Киева, посетивших США в 1978 г., сообщал: «...в ряде (гостиничных) номеров по всему маршруту следования (нами) были обнаружены подслушивающие аппараты» [20].

Прслеживается и ещё одна тенденция: среди молодых участников туристских поездок число нарушителей советских норм и правил всегда было выше, чем среди их более старших сограждан. Характерная ремарка по этому поводу содержится в отчете о посещении группой советских туристов Польши в 1970 г. После информации о несдержанном поведении, излишней болтливости 23-летней туристки Е. руководитель группы приходит к выводу, что «ей вообще по возрасту ранс выезжать за границу» [21]. Даже просто получение позитивных впечатлений от посещения капиталистических стран фактически приравнивалось к «недозволенному поведению». Всякий советский турист, рискнувший публично выразить свой восторг заграничной жизнью, подвергался осуждению. Так, после поездки в Австрию руководитель одной из советских групп рекомендовал не посылать больше за границу туристку Р., потому что она «не следит за своими словами» и «много восхищается» увиденным в капиталистической стране [22].

Те советские туристы, которые восхищались зарубежной действительностью, были излишне активны в контактах с иностранными гражданами или совершали иные «недозволенные поступки» – рискуя после возвращения на Родину подвергнуться различным санкциям и навсегда попасть в разряд «невъездных». Именно об этом говорится в ещё одной песне Владимира Высоцкого «Перед выездом в загранку...», где антигероем выступает отнюдь не иностранный шпион, а пресловутая «личность в штатском» – сотрудник КГБ, сопровождающий группу советских граждан во время пребывания за рубежом:

Значит, личность может даже
Заподозрить в шпионаже!
Вы прикиньте – что тогда?
Это значит – не увижу
Я ни Риму, ни Парижу
Больше никогда! [23]

В целом можно констатировать, что создание атмосферы «шпионофобии» являлось одной из характерных особенностей международных туристских связей СССР. Использование советской системой таких морально-психологических приемов, как поиск явных и вымышленных врагов, расширение содержания понятий «враждебные действия» (в случае въездного туризма) и «недозволенное поведение» (в случае выездного туризма), имело своей целью прежде всего уста-

новление полного контроля над кросс-культурной коммуникацией между советскими гражданами и представителями других государств. Эти технологии стимулирования страха и недоверия опирались на традиции, заложенные ещё в сталинский период, однако очень удачно вписались в контекст «холодной войны».

Примечания

1. Востоков О. С. Организация и совершенствование управления иностранного туризма в СССР: Автореф. дис. к. э. н. М., 1984. С. 17.
2. Соколов Г. Визитеры из чужого мира. Симферополь: Таврия, 1974. С. 7.
3. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3979. Л. 12.
4. Там же. Оп. 4. Д. 1864. Л. 135–136, 166–171.
5. Денисюк Я. Конец шпионской карьеры // Правда. 1961. 30 ноября.
6. Распевин К. Двадцать лет спустя...: эсэсовец-шпион пойман с поличным // Там же. – 28 ноября.
7. Викторов Б.А. Шпионы под маской туристов. М.: Воениздат, 1963. С. 6.
8. ГААРК. Ф. П-84. Оп. 1. Д. 324. Л. 168, 174.
9. Соколов Г. Указ. соч. С. 14.
10. Основные правила поведения советских граждан, выезжающих в капиталистические и развивающиеся страны // Лубянка – старая площадь: Секретные документы ЦК КПСС и КГБ о репрессиях 1937–1990 гг. в СССР: Сб. документов. М., 2005 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sps.ru/?id=213821>.
11. Там же.
12. Высоцкий Владимир. Инструкция перед поездкой за рубеж, или Полчаса в месткоме (1974) [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vysotskiy.lit-info.ru/vysotskiy/stihi/589.htm>.
13. Памятка для ответственных руководителей групп советских туристов, выезжающих в капиталистические и развивающиеся страны, круизы по линии «Интуриста». М.: ЦРИБ «Турист», 1981. С. 13.
14. ГААРК. Ф. Р-3776. Оп. 1. Д. 2385. Л. 93.
15. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 2605. Оп. 8. Д. 8917. Л. 125.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9612. Оп. 3. Д. 298. Л. 123.
17. Антошин В. З. Письмо в редакцию журнала «Огонек» // Огонек. 1988. № 6. С. 4.
18. ГААРК. Ф. Р-3776. Оп. 1. Д. 2386. Л. 21–22.
19. Там же. Д. 1421. Л. 7.

20. ЦГАВО Украины. Ф. 2605. Оп. 9. Д. 210. Л. 138.

21. ГААРК. Ф. Р-3776. Оп. 1. Д. 1420. Л. 35.

22. Там же. Д. 1421. Л. 11.

23. Высоцкий Владимир. Перед выездом в загранку... (1965) [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vysockiy.ouc.ru/pered-viezdom-v-zagranku.html>.

Смыкалин А. С.

**Из истории диссидентского
движения в СССР в 1950–1970-е гг.**

Проблемы идеологического контроля существовали всегда в любом тоталитарном государстве. Для их решения использовался аппарат органов государственной безопасности. Не являлась исключением из этого правила и такая мощная держава, как СССР. Старшее поколение наверняка еще помнит такие выражения, как «тлетворное влияние Запада», «чуждый советскому человеку западный образ жизни», «разлагающее влияние западной пропаганды» и т. п.

Орудием такого идеологического контроля являлось 5-е Управление КГБ СССР, созданное по инициативе Ю. В. Андропова в 1967 г. (Приказ КГБ ССР № 0096 от 25 июля 1967 г.) и просуществовавшее до 1989 г.

Обстановка в рассматриваемый период (1950–1970-е гг.) с точки зрения устойчивости социалистической идеологии была достаточно напряженной. Большинство советских людей не верило в победу коммунизма и мировую революцию. Слова явно расходились с делом. То есть почву для антисоветских выступлений подготовила сама Коммунистическая партия и не сумевшее справиться со сложным экономическим положением в стране правительство. Как отмечал генерал Ф. Д. Бобков, глава 5-го Управления КГБ СССР, «в 1956–1960-х гг. за антисоветскую агитацию и пропаганду (по статье 58-10 УК РСФСР 1926 г.) было осуждено 4676 человек. В 1961–1965 гг. (в октябре 1960 г. был принят новый УК РСФСР) по статье 70 УК РСФСР 1960 г. – 1072, в 1966–1970 гг. – 295, а в 1981–1985 гг. – 150 [1]. Такой спад политической активности граждан СССР совершенно не свидетельствовал о стабилизации внутренних процессов в СССР.

Наоборот, в 1970-е годы развивается организованное правозащитное движение, и многие диссиденты были осуждены по ст. 70 «Антисоветская агитация и пропаганда». Но Коммунистическая партия нашла выход в другом. По инициативе КГБ СССР в 1973 г. был издан секретный Указ Президиума Верховного Совета СССР «О политической бдительности советских людей», в соответствии с которым не довольные советским социалистическим строем и вы-

ражавшие это открыто подлежали «профилактированию» органами КГБ, с них бралась подписка об официальном предупреждении. КГБ применяло и иные превентивные меры [2].

Но это не решало вопрос в целом, поскольку внутренние противоречия в обществе продолжали назревать.

Появляется и новое понятие «идеологическая диверсия», ранее не известное советскому законодательству. Вероятно, оно принадлежит Ю. В. Андропову, который в феврале 1979 г., выступая перед руководителями своего ведомства говорил: «Идеологическая диверсия осуществляется в области, охватывающей политические, философские, правовые, нравственные, эстетические, религиозные и другие взгляды и идеи, т. е. в сфере идеологии...» [3].

Профилактические беседы, по мнению КГБ СССР, были результативными. Это подтверждалось цифрами. Количество осужденных по ст. 70 с 1971 г. по 1975 г. снизилось в три раза. По данным КГБ, в 1967–1971 гг. было выявлено 3096 «группировок политического вредного характера», профилактировано (в стране) 13 602 человека, входящих в их состав. В том числе: 2196 участников 502 групп в 1967 г.; 2870 участников 625 групп в 1968 г.; 3130 участников 733 групп в 1969 г.; 3 101 участник 709 групп в 1970 г. и 2304 участника 527 групп в 1971 г. Показательна география их распространения: Москва, Ленинград, Свердловск, Тула, Владимир, Омск, Казань, Тюмень, Украина, Белоруссия, Литва, Эстония, Молдавия, Казахстан. Заметно было развитие подпольных групп и на Урале... [4]

Естественно, что политика в отношении диссидентов не сводилась только к «душеспасительным» беседам. Можно выделить шесть видов репрессивных мероприятий, которые применяли власти в отношении диссидентов в 1970-е годы: 1) лишение свободы путем заключения в тюрьму или исправительно-трудовую колонию; 2) условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду; 3) ссылка; 4) высылка из страны; 5) исправительные работы без лишения свободы на своем предприятии или с назначенными органами МВД с вычетом 20% из заработной платы; 6) отправка на принудительное «лечение» в психбольницу. По сравнению с 1937 г., когда признание «врагом народа», как правило, заканчивалось расстрелом, в 1970-е гг. наказания были существенно мягче [5].

1960–1970-е годы – это время духовного шатания и разброда. Особенно это касалось молодежи. Период хрущевской «оттепели» быстро закончился. В условиях экономической нестабильности, стагнации сельского хозяйства, понижения жизненного уровня населения уже мало кто верил, что в 1980 г. советский народ (как обещал Н. С. Хрущев) будет жить при коммунизме. Налицо был разрыв между реальностью и туманными обещаниями КПСС. Термины «развитой социализм», «зрелость», «стабильность» внедрялись

в общественные науки, отражаясь в произведениях литературы и искусства «успехами» и «достижениями». Правозащитники восставали против ресталинизации, хотя просталинские настроения были сильны в «низах» общества [6].

Нестабильность в обществе вызвала усиление идеологического контроля государства и новых форм воздействия на диссидентов. Как считает один из исследователей диссидентского движения в СССР А. И. Прищепа, «к 1984 году усилиями «компетентных органов» движение диссидентов было практически сведено на нет». Возникает вопрос – почему? Дело в том, что около тысячи человек, до 90% активистов оказались в тюрьмах, лагерях, спецбольницах [7].

Открылась новая страница в борьбе с диссидентами – специальные психиатрические лечебницы. История их такова. В конце 1960-х гг. кроме обычных психиатрических больниц Минздрава расширялась сеть специальных «лечебниц», подчиненных КГБ и МВД. 29 апреля 1969 г. Ю. В. Андропов направил в ЦК КПСС письмо с планом развертывания сети спецпсихиатрических лечебниц и соображениями по поводу их использования «для защиты советского государственного и общественного строя» [8].

Возникла новая эра в истории карательной медицины: внесудебное лишение свободы и насилие над здоровьем людей, уже не по приговору суда, а по призыву местных органов КГБ.

Таких спецбольниц становилось все больше. В 1965 г. открылась спецбольница в Черняховске, в 1966 г. – в Минске, в 1968 г. – в Днепропетровске, в 1970 г. – в Орле и т. д.

Наглядное представление о борьбе с диссидентским движением дает деятельность конкретных подразделений КГБ в рассматриваемый период. Так, на Урале, в Свердловской области, 5-й отдел Управления КГБ был сформирован к концу 1967 г. в составе трех отделений. Специфика Свердловской области заключалась в том, что она была закрытой для посещения иностранцев. Поэтому контакт проявлялся в другом: 1) прослушивание «враждебных» радиопередач (особенно молодежью; 2) установление личных контактов с иностранцами; 3) международная переписка (кстати, подлежащая обязательной перлюстрации). В докладе П. С. Музыкина, начальника областного Управления КГБ по Свердловской области, сделанном 10 июля 1968 г., «Об организации контрразведывательной работы против идеологических диверсий противника» отмечалось: «Только в 1967–1968 гг. за границу выезжало 5227 человек. Свыше 1400 человек в разное время имели контакт с иностранцами на территории СССР. Около 12 000 ведут постоянную переписку с иностранцами. Более 3000 имеют родственников (за рубежом. – А. С.), с которыми поддерживают письменную связь и периодически встречаются [9].

Прежде всего задачами идеологического контроля было уберечь советскую молодежь «от тлетворного влияния Запада», поскольку

именно она, слушая зарубежные радиостанции (которые пытались заглушить органы КГБ. – А. С.), начинала понимать, что там, «за кордоном», существует другая жизнь, и многие хотели бы установить хотя бы письменный контакт со сверстниками за рубежом.

Свято веря в гарантию «тайны переписки», данную брежневской Конституцией 1977 г. (ст. 56), многие и не подозревали, что все письма, направленные за рубеж, подлежат обязательной перлюстрации и именуется на языке контрразведки не «письма», а «документы». Масштабы этой работы органов госбезопасности были значительны. Письма читались на всех языках, даже таких редких, как ойратский или хакасский, а если все-таки их не удавалось прочитать, они просто уничтожались. Информация о перлюстрации корреспонденции в СССР в 1950–1960-е гг. весьма скудна, поскольку является засекреченной до сих пор. Хотя известно, что Постановлением Политбюро ЦК КПСС от 4 мая 1946 г. в составе центрального аппарата МГБ СССР был создан отдел «В», отвечающий за перлюстрацию корреспонденции и военную цензуру [10].

Еще более жесткие требования предъявлялись к международной переписке. Для международных писем не существовало принципа выборности. Все без исключения лица, ведущие переписку с заграницей, были взяты на учет. На каждого заводилось специальное наблюдательное дело. Отдельно велись наблюдательные дела в отношении тех, кто вел переписку с корреспондентами в странах народной демократии (социалистический лагерь), отдельно – в отношении лиц, поддерживавших переписку с гражданами капиталистических стран.

И это не просто досужие домыслы, а воспоминания офицера МГБ, который конкретно занимался данной работой и раскрыл государственную тайну [11].

Такая мелочная опека над личной жизнью граждан СССР отвлекала значительную часть сил и средств органов государственной безопасности от своей основной работы – разведки и контрразведки, в угоду требованиям лидеров КПСС, которые направляли их на идеологический фронт, на борьбу с инакомыслием.

Говоря о росте диссидентского движения в СССР в 1950–1970-е гг., необходимо не просто констатировать этот факт, а попытаться выявить причины данного явления. По мнению автора, они следующие: 1) разрыв между теми задачами, которые были провозглашены в программе КПСС, и реальной действительностью; 2) ухудшение из года в год уровня жизни населения страны; 3) как следствие этого, неверие в возможность построения коммунистического общества; 4) усиление влияния пропаганды западных спеццентров, в частности, радиостанций «Голос Америки», «Немецкая волна», «Свобода» и других.

В результате этого тоталитарное государство уже не могло удерживать общество в «идеологической узде». Близился его политический конец.

Примечания

1. Родина. 1989. № 11.
2. История государства и права России / Под ред. В. Е. Рубанюк. М., 2012. С. 754.
3. Андропов Ю. В. Избранные статьи и речи. М. 1979. С. 279–298.
4. Смыкалин А. С. Идеологический контроль и Пятое управление КГБ СССР в 1967–1989 гг. // Вопросы истории. 2011. № 8. С. 35.
5. Там же.
6. Русина Ю. А. «Всходы» инакомыслия в советских вузах (на примере Уральского госуниверситета им. А. М. Горького) // В кн. «Очерки истории Урала». Екатеринбург, 2009. Вып. 51. Кн. 2. С. 244.
7. Прищепа А. И. Инакомыслие на Урале (середина 1940-х – середина 1980-х гг.): Дис. д-ра юрид. наук. Сургут, 1999. С. 12.
8. Первомайский В. Б. Критерий невменяемости и пределы компетенции психиатра-эксперта // Государство и право. 1991. № 5; Протченко Б. К. К понятию невменяемости // Советская юстиция. 1987. № 17. С. 20–22.
9. Архив Управления ФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 550. Л. 60 об., 62, 64, 66, 68, 69.
10. Смыкалин А. С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. Санкт-Петербург, 2008. С. 198–199.
11. Авзегер Л. Я вскрывал ваши письма... (из воспоминаний бывшего тайного цензора МГБ) // Альманах «Время и мы». Москва, Нью-Йорк, 1980. С. 257.

Еремеева А. Н.

Советская научная интеллигенция и диссидентское движение

Одной из составляющих политической жизни СССР в послесталинскую эпоху было диссидентское движение, включавшее в себя целый спектр течений, направлений, уровней, форм проявления. Среди его активных участников – ученые, в большинстве своем представители точных и естественных наук.

Первые публикации о диссидентском движении и об ученых – носителях диссидентских настроений появились по понятным причинам на Западе. Их авторами были профессиональные советологи, что и определяло скорее публицистический, чем научный жанр трудов.

Одновременно в самиздате и тамиздате [1] публиковались работы А. Д. Сахарова и А. И. Солженицына, В. Ф. Кормера, Ж. А. Медведева, М. А. Поповского, Е. Г. Эткинды, А. М. Некрича, Г. А. Фреймана и др., где советское научное сообщество было представлено как мини-модель советского общества. Книги и статьи со-

ветских или бывших советских ученых переводили на иностранные языки их западные коллеги. Отдельные аспекты проблемы затрагивались в монографии члена «Хельсинкской группы» Людмилы Алексеевой, посвященной становлению и развитию инакомыслия в Советском Союзе [2].

Наиболее полно участие советских ученых в диссидентском движении отразилось в опубликованной на английском языке в США книге генетика и специалиста по проблемам геронтологии Ж. А. Медведева «Советская наука» (Zhores A. Medvedev Soviet Science. – NY, 1978).

После «перестройки» исследовательские приоритеты в отношении обозначенной темы несколько изменились. Оппозиционная деятельность ученых стала одной из «модных» тем в отечественной историографии (работы А. Безбородова, Е. Водичева, Н. Куперштох, Л. Петровского и др.). Причем изучались различные формы противостояния режиму: от легальной оппозиции до участия в диссидентском движении. Активно публиковались воспоминания ученых, в том числе и ранее изданные в тамиздате.

Полярно противоположные оценки диссидентской деятельности ученых были нередко детерминированы политической позицией авторов/спонсоров издания. Наиболее жаркие дебаты вызывали правозащитная деятельность А. Д. Сахарова, взаимоотношения советских ученых-диссидентов с Западом. Что двигало диссидентами – искреннее желание улучшить жизнь миллионов людей в СССР или, как писал видный диссидент и известный философ А. А. Зиновьев, исключительно собственные интересы, безусловный успех на Западе? («Для многих из них оппозиция выгодна. [...] Западу удобно иметь дело с такими «борцами» против советского режима. Среди таких интеллигентов бывают и настоящие борцы против язв коммунистического строя, но их очень мало» [3]).

Привлекала внимание авторов, хотя и меньшее, чем оппозиционная активность, практика конформистского поведения научной интеллигенции. В монографии советского социолога-эмигранта В. Шляпентоха рассмотрены черты мифологии интеллектуалов 1960-х–1980-х гг., важной составляющей которой являлось оправдание социального конформизма [4].

Характерной чертой исследований последних лет стали попытки философского осмысления диссидентского движения, изучения риторики диссидентских текстов (работы С. А. Ушакина, Э. Лассан), особенно в диссидентском движении центрально- и восточноевропейских стран (статьи О. В. Заславской). Расширяется источниковая база исследований за счет широкого включения данных самиздатских журналов, ранее практически не известных тамиздатских текстов. Доступность значительных баз данных обеспечивается размещением их на Интернет-сайтах, в т. ч. будапештского архива «Открытое общество».

Говоря об участии советских ученых в диссидентском движении, необходимо отметить, что большинство ученых, особенно провинциальных, дистанцировалось от него. Мощная антидиссидентская кампания в средствах массовой информации диктовала необходимость отмежеваться от носителей диссидентских идей. Некоторым ученым в принципе не нравилась диссидентская активность коллег. Вот выдержка из интервью автора статьи с краснодарским профессором-физиком, известным своими значительными научными достижениями, так и не вступившим, несмотря на многочисленные возможности, в КПСС, участником Великой Отечественной войны: «Я Сахарова слушал на семинаре у Гинзбурга [5], посвященном черным дырам в ФИАНе в 1970-е гг. [...] Сахаров рассказывал об эксперименте в космосе на спутнике «Ухуру» и подчеркнул, что в переводе с суахили это означает «свобода». Сахарова не люблю не только потому, что был отцом водородной бомбы, а потому что занимался политикой, будучи чрезвычайно наивным человеком. Жена его третировала. Поверил ей из-за наивности» [6].

Многие рассматривали диссидентство как фактор, объективно ослабляющий страну, а диссидентов (и эмигрантов) соответственно как антипатриотов, действующих по указанию Запада. Немало ученых искренне верило в непогрешимость идей и личностей классиков марксизма-ленинизма, в неоспоримые преимущества советского строя, в превосходство планомерно организованного хозяйства над капиталистическим. Распространенным среди ученых было мнение о приоритете профессионального самосовершенствования. Г. Копылов в самиздатской поэме «Евгений Стромынкин» проиллюстрировал последнюю позицию следующим образом:

*...Науку двигая свою,
Я больше обществу даю,
Чем тыча пальцами в прорехи.
Я приближаю новый век,
Не разрушая ветхих вех [7].*

Исследователь советской культуры Л. Брусиловская вслед за известным диссидентом А. Амальриком полагает, что в конце 1960-х гг. в кругах научной интеллигенции рождается концепция реформизма. Суть ее заключается в том, что «путем замены старой бюрократической элиты на новую, более интеллигентную и здравомыслящую, в результате постепенных изменений и частичных реформ произойдет своего рода «гуманизация социализма» и вместо неподвижной и несвободной системы появится динамичная и либеральная» [8].

Ученые – руководители крупных коллективов осознавали, что лояльность власти, публичная поддержка ее акций, пусть даже одиозных (таких как ввод советских войск в Чехословакию в 1968 г., «интернациональная помощь» Афганистану и пр.), является един-

ственно возможной позицией. Всякая иная была бы чревата негативными последствиями для вверенных им учреждений.

И все-таки именно научная интеллигенция, главным образом физики и математики, чей статус и материальный достаток были относительно высокими в Стране Советов и кому, по выражению А. И. Солженицына, было «ловчей сторониться каждодневной лжи» (чем гуманитариям. – А. Е.), стали носителями диссидентских настроений.

Большинство авторов, рассматривая феномен академического диссидентства, определяет его как движение нонконформистов в научном сообществе, сочетавших легальные и нелегальные формы деятельности.

Какие факторы повлияли на формирование оппозиционных настроений среди ученых? Это и зарубежные поездки, и общение с зарубежными учеными, и эмиграция коллег в США, Израиль и другие страны в рамках «третьей волны» (1970-е гг.). Переписка с ними, невзирая на возводившиеся барьеры, встречи в рамках зарубежных научных мероприятий давали возможность осознать разницу в положении ученых и в целом качестве жизни в СССР и на Западе.

Приподнятый «железный занавес» стимулировал интенсификацию научного обмена. Например, кубанские ученые, особенно специалисты в области сельского хозяйства, с середины 1950-х гг. посещали как страны т. н. народной демократии, развивающиеся страны (практиковались долговременные поездки для оказания научной и методической помощи), так и капиталистические государства. С 1956 г. начались регулярные стажировки американских ученых в СССР и советских – в США. В 1958 г. было подписано соглашение, регулирующее культурный обмен между двумя странами. По данным американского исследователя Й. Ричмонда (Yale Richmond), с 1958 г. по 1988 г. примерно пять тысяч американских ученых, аспирантов и преподавателей русского языка посетило СССР, столько же советских ученых, аспирантов и преподавателей английского посетило США [9]. Имелась практика подобного обмена и с другими странами. В процессе стажировок советские ученые не только знакомились с наукой и повседневностью «загнивающего» Запада, но и открывали для себя запрещенные на Родине произведения соотечественников. Известный кубанский селекционер сообщил автору данной статьи, что во время стажировки в Швеции в 1974 г. прочел «Архипелаг ГУЛАГ» (по-английски), а по возвращении рассказал о содержании книги коллегам.

Значительная часть ученых регулярно слушала голоса западных радиостанций и доверяла им больше, чем информации советских СМИ. Важно отметить, что и западные радиостанции, и зарубежная пресса чрезвычайно интересовались ситуацией в советском научном мире и подробно освещали ее. По понятным причинам особого

внимания удостоивались протестные действия: осуждение вторжения советских войск в Чехословакию, поддержка репрессированных А. С. Есенина-Вольпина, А. Д. Сахарова и т. п. Широко комментировались на Западе письма советских ученых «во власть», их самиздатские и тамиздатские статьи и книги.

Одним из центров неформальной коммуникации ученых и распространения диссидентских идей среди них были т. н. квартирные семинары. Некоторые из них носили религиозно-философскую направленность и сами по себе являлись альтернативой воинственно-атеистической политике государства.

На семинарах обсуждались общенаучные проблемы на широкой междисциплинарной основе. Например, в 1968 г. математиком Сергеем Юрьевичем Масловым был основан семинар по общей теории систем. Первоначально его участники собирались в здании ЛГУ, а с 1972 г. семинар «переехал» в квартиру Маслова. Как вспоминал один из его участников, круг рассматриваемых на семинаре тем был широк: от становления цивилизации Междуречья до почвенничества Достоевского, от теории эволюции Дарвина до расстановки сил в Политбюро ЦК КПСС 70-х... Запретных тем не было. Кроме математиков семинар посещали А. Любичев, Е. Эткинд и др. Наряду с учеными из академических институтов с докладами выступали и исследователи, не работавшие по специальности, занимавшие должности кочегаров, сторожей, лифтеров: уход интеллигенции на социальную периферию был характерен для того времени. Многие участники семинара занимались правозащитной деятельностью. В среде участников семинара постоянно распространялась нелегальная литература [10].

Интересна официальная точка зрения по поводу причин оппозиционных настроений ученых Новосибирского академгородка, изложенная в секретном информационном письме секретаря ЦК ВЛКСМ С. Павлова от 5.03.1966 г.:

«Огромная концентрация ученых, значительная изолированность их от других социальных слоев советского народа не могут не способствовать созданию в Академгородке весьма специфической атмосферы: любое положение в области политики не принимается на веру без убедительных доказательств, может быть подвергнуто анализу и дискутированию. Неудовлетворительная материальная база для организации свободного времени ученых усугубляет роль разного рода «домашних клубов». Находят своих слушателей в Академгородке и зарубежные радиостанции. Отрицательную роль в духовной жизни Академгородка играют выступления некоторых гостей научного центра – Твардовского, Лакшина...» [11].

Обратим внимание на последнее предложение. Взаимное общение нестандартно мыслящих представителей мира литературы и искусства и ученых, так тревожившее власти, было характерным для 1960-х – начала 1980-х годов явлением. Под протестными письмами

фамилии крупных ученых чередовались с фамилиями представителей художественной интеллигенции. В научно-исследовательских институтах проводились просмотры спорных, с точки зрения идеологии и/или авторских подходов, фильмов, творческие вечера поэтов и писателей, выступления бардов. Среди последних – значительный процент научных работников: Д. Сухарев (псевдоним Д. Сахарова), А. Городницкий, В. Берковский, С. Никитин и др.

Академическое диссидентство проявлялось в обращениях в высшие органы партии и государства с целью подчеркнуть свое несогласие с общим курсом или отдельными действиями власти, выступлениях на научных форумах, публицистическом творчестве, в т. ч. самиздатском и тамиздатском, речах в судах по делам инакомыслящих, голодовках. Проявлением диссидентских настроений можно считать осуждение в кругу коллег/друзей, семьи официальной политики, неподчинение официальным рекомендациям в периоды идеологических кампаний.

Последнее часто объяснялось элементарным стремлением к справедливости, нежеланием присоединяться к хору обвинителей достойных людей. Иллюстрируя данную позицию, приведем свидетельства известного литературоведа Г. А. Белой о тактике поведения ее коллег в двух громких процессах. Во время кампании 1958 г. против Нобелевской премии Пастернака на собрании Института мировой литературы (ИМЛИ) известный литературовед и публицист В. В. Кожин, следуя духу кампании, сделал акцент на том, что «Пастернак – трудный поэт, не для народа». А. Д. Синявский, незадолго до этого написавший предисловие к сборнику стихов Пастернака, «вышел на трибуну, у него была борода, он что-то пожевал, пожевал в эту бороду и сошел с трибуны». В ответ на замечание замдиректора В. Р. Щербины «Мы ничего не поняли» Андрей Донатович «сыграл роль убогого и пожал плечами: „Ну, не поняли, что я могу сделать?“» [12]. Через семь лет в центре шумного идеологического скандала оказался сам А. Д. Синявский (вместе с Ю. М. Даниэлем)...

Многие ученые в частных беседах или на собраниях научных коллективов позволяли себе критические высказывания по поводу отдельных акций власти. Например, доклада Хрущева на XX съезде, о роли СССР в венгерских 1956 г., чешских 1968 г. событиях, о таких особенностях советской политической жизни, как однопартийная система, базальтернативные выборы в Советы, и пр.

С середины 1960-х гг., в связи с начавшейся ресталинизацией, в обществе началось открытое противостояние между сталинистами и антисталинистами. Озабоченность ученых ресталинизацией продемонстрировало обсуждение упомянутой выше книги А. М. Некрича «1941. 22 июня» в Институте марксизма-ленинизма (февраль 1966 г.), вылившееся не в осуждение автора, как планировали «режиссеры»,

а в одобрение книги и напоминание о преступлениях сталинского руководства [13].

Подписи многих известных ученых, в т. ч. и академиков, стояли под письмами во власть с требованиями прекратить оправдание и возвеличивание Сталина. В то же время в научном сообществе имелись откровенные апологеты Сталина, популяризовавшие его труды и рекомендовавшие использовать их в борьбе против «враждебной пропаганды».

Ученые участвовали и в «подписных» кампаниях в защиту осужденных или помещенных в психиатрическую лечебницу за антисоветскую деятельность. Практика наказания тех, кто декларировал свою лояльность или поддержку диссидентам, стимулировала появление таких посланий, как телеграмма ученых – гуманитариев и писателей в адрес Президиума XXIII съезда КПСС. Подписанты (среди которых такие крупные ученые, как З. С. Паперный, А. П. Каждан, А. В. Гулыга, В. М. Турок-Попов и др.) уведомляли о своей «тревоге» и «возмущении» в связи с увольнением доцента МГУ В. Д. Дувакина, выступавшего свидетелем защиты на процессе Синявского: «Столь алогичное решение бросает тень не только на МГУ но и на советское правосудие, ибо советское судопроизводство предусматривает наличие свидетелей с той и с другой стороны....» [14] Телеграмма аналогичного содержания (100 подписей) была направлена в те же дни в Президиум Верховного Совета СССР.

24 апреля 1968 г., вскоре после появления письма 95 математиков против заключения Есенина-Вольпина в психиатрическую больницу, выступая на партийном активе АН СССР, ее президент академик М. В. Келдыш заявил следующее:

Я должен с сожалением констатировать, что неправильные поступки в общественной жизни имели место также со стороны некоторых членов Академии наук и сотрудников наших институтов. В последнее время отдельные ученые подписали письма в различные инстанции в защиту Гинзбурга и других лиц, осужденных за антисоветскую деятельность. Около ста человек, работающих в Академии наук, подписали эти письма. Среди них больше всего математиков и работников Института русского языка. Письма подписали, в частности, академики Новиков и Леонтович, члены-корреспонденты Марков, Шафаревич, Гельфанд, Люстерник, Новиков Сергей Петрович. Перед нашим активом прошли собрания партийных групп отделений академии, где была дана информация об этих фактах, и коммунисты им дали должную оценку. После разъяснений большинство подписавших поняло свои ошибки. Однако несколько человек, среди которых, к сожалению, есть и такие крупные ученые, как академик Леонтович и члены-корреспонденты Шафаревич и Гельфанд, не поняли неправильность своих действий. И это вызывает серьезное беспокойство. Весь коллектив академии, прежде всего, его партийная часть, должен упорно добиваться того,

чтобы всем его членам была свойственна высокая политическая сознательность [15].

Никакие призывы к политической сознательности не остановили «подписную» активность ученых. В 1970 г. группа научных сотрудников АН СССР, включавшая академиков А. Д. Сахарова, И. Е. Тамма, М. А. Леонтовича и др., обратилась к научным и творческим работникам всего мира в связи с насильственным помещением в психбольницу Ж. Медведева. Эта акция власти называлась авторами письма мезью за его публицистическую деятельность, за открытые выступления в защиту прав и свободы, гарантированных советскими законами.

В качестве противовеса протестным письмам власти организовывали кампании дискредитации ученых-диссидентов через обвинительные письма их послушных власти коллег. Такие письма публиковались в партийной и советской печати. Отказ подписаться под текстом был чреват неприятными последствиями.

Важной составляющей диссидентского движения являлась правозащитная деятельность. Безусловно, центральной фигурой в правозащитном движении являлся академик А. Д. Сахаров. Учитывая широкую осведомленность читателей, представляется возможным не останавливаться специально на его диссидентской активности.

Ученые выступали инициаторами создания организаций по защите прав человека. Первая инициативная группа появилась в мае 1960 года. В ноябре 1970 г. в Москве был создан Комитет прав человека в СССР. Инициатор его создания – В. Н. Чалидзе. Кроме него членами – основателями комитета стали А. Д. Сахаров и А. Н. Твердохлебов. Все трое – физики. Позже к ним присоединился математик член-корреспондент АН СССР И. Р. Шафаревич. Комитет прав человека называл в качестве своих программных целей следующие: консультативное содействие органам государственной власти в создании и применении гарантий прав человека; разработка теоретических аспектов этой проблемы и изучение ее специфических особенностей в социалистическом обществе; правовая просветительская деятельность, в том числе пропаганда международных и советских документов по правам человека [16]. Таким образом, учредители комитета декларировали законопослушание, лояльность к советской власти, аполитичность, приоритет прав человека в собственном мироощущении.

В числе создателей и участников Московской Хельсинкской группы и ряда других правозащитных организаций тоже преобладали ученые. Основатель Московской Хельсинкской группы (май 1976 г.), призванной контролировать соблюдение прав человека в СССР, – физик Юрий Орлов.

Способом распространения текстов в обход цензуры и рупором диссидентского движения являлись тамиздатовская и самиздатовская продукция: литературно-художественная, религиозно-философская, националистическая, политическая и т. д. Подробно

данный вопрос рассмотрен в ряде моих публикаций, доступных в т. ч. в сети Интернет [17].

Итак, 1950-е–1980-е гг. характеризуются дуализмом сознания и противоречивостью социального поведения научной интеллигенции. Часть ее так или иначе демонстрировала свою оппозиционность режиму. Протестная активность ученых облекалась в формы «подписных» кампаний, квартирных семинаров, правозащитной деятельности, публикаций в самиздате и тамиздате.

Примечания

1. Тамиздат – публикация работ советских авторов за рубежом, в обход советской цензуры.

2. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вермонт: Хроника-Пресс, 1984.

3. Зиновьев А.А. Записки отщепенца // Цит по.: Кислицын С. А., Нектаревская Ю. Б. Научная элита и политическая система. Ученые России и США в XX веке. Ростов-на-Дону, 2006. С. 165.

4. Shlapentokh V. Justification of conformity: The mythology of the Intellectuals // Soviet intellectuals and political power. The post-Stalin era. Princeton University Press, 1990. P. 91–103.

5. Гинзбург В. Л. (род. в 1916 г.) – академик, лауреат Нобелевской премии по физике 2003 г.

6. Фрагмент из интервью с В. Ф. Писаренко – доктором физико-математических наук. Краснодар, 3 февраля 2007 г. Текст печатается с разрешения вдовы В. Ф. Писаренко – И. И. Писаренко.

7. Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 2. С. 120.

8. Брусиловская Л. Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля: Учебное пособие. М., 2001. С. 129.

9. Richmond Y. Cultural exchange & the Cold War: raising the iron curtain University Park: Pennsylvania state university Press, 2003. P. 24.

10. Вершик А. «Сумма» – за свободную мысль. СПб: издательство журнала «Звезда», 2002. С. 26–27.

11. Советская интеллигенция, Лубянка и Старая площадь в 1960-х – 1980-х годах. Публ. А. В. Новикова. Предисл. Ю. В. Аксютин // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 10–11.

12. Белая Г. «Я родом из шестидесятых...» (мемуарное выступление на праздновании 70-летия Г. А. Белой на историко-филологическом факультете РГГУ 19 октября 2001 г.) // НЛО. 2004. № 70. С. 213.

13. См.: Петровский Л. П. Дело Некрича // Вестник РАН. 1995. Т. 65. № 6. С. 528–539

14. Собрание документов самиздата. Мюнхен, 1977. Т. 4 // <http://ihst.ru/projects/sohist/document/letters/duvakin.pdf>

15. Цит. по: Водичев Е. Г., Куперштох Н. А. Социальные настроения ученых Новосибирского академгородка в 1960-е годы (история

«Письма 46-ти») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, философия. 2002. Т. 1. Вып. 3. С. 56.

16. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. / Науч. ред. В. В. Шелохаев. М., 2002. С. 468.

17. Еремеева А. Н. История советской научной интеллигенции в текстах самиздата и тамиздата // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 3. С. 56–58; Еремеева А. Н. Проблемы взаимоотношений науки и власти в зеркале самиздата и тамиздата // Парадигма. СПб, 2010. Вып. 14. С. 46–55.

Суслов А. Ю.

Советская культура 1960-х и образ социалистов: проблема эволюции исторической памяти

Важной теоретической проблемой современной интеллектуальной истории является обращение к феномену исторической памяти. Историческая память чаще всего понимается как одно из измерений индивидуальной и коллективной/социальной памяти – как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация исторического прошлого. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях [1. С. 414].

Сразу же после захвата власти перед большевиками, как и перед любым революционным режимом, встал вопрос о легитимности, то есть задача доказать, что ими была совершена настоящая революция, а не военный переворот, как утверждали меньшевики и эсеры. Созданию «образа революции» и ее врагов и была подчинена многочисленная литература антиэсеровской и антименьшевистской направленности.

Важной частью пропаганды становится кино (именно с 1920-х гг. восприятие мира современным человеком становится все более опосредованным экраном), где образы меньшевиков и эсеров изображаются резко отрицательно. Начало расцвета кинематографа совпало с формированием тоталитарного режима. Знаковым стал документальный фильм С. Эйзенштейна и Г. Александрова «Октябрь» (1927 г.), где после выступающего на трибуне меньшевика показывались руки, перебирающие струны арфы, а речь эсера монтировалась с балалайкой. И то, что в последующие десятилетия советской власти фильм ассоциировался с представлением о «Великом Октябре», в немалой степени было сформировано именно Эйзенштейном, его весьма образную кинематографическую версию выдавали чуть ли не за документальную фиксацию свершившегося.

Существенную роль в формировании представлений о социалистах сыграл документальный фильм Д. Вертова «Процесс эсеров». Сюжеты про судебный процесс 1922 г. стали первыми частями киножурнала «Кино-Правда», в том же году материал был смонтирован в отдельный фильм; информация о первом дне суда завершалась крупным планом нагана, из которого, как свидетельствует надпись, стреляли в Ленина – Вертов умел поддерживать напряжение в зрителе, предвосхищая авторов современных телесериалов. Первоначально власти не видели смысла для съемок в зале суда. Д. Вертову с трудом удалось добиться разрешения: первые выпуски «Кино-Правды» ограничивались уличными сценами и показом массовой демонстрации в поддержку обвинения 20 июня 1922 г. Однако затем власти, озабоченные реакцией населения на эсеровский процесс, допустили Вертова для съемок собственно судебных заседаний. Вертов искусно манипулировал образом обвиняемых и образом возмущенного зала, его камера как бы ловила преступников врасплох, показывая затем широкое обсуждение хода суда и приговора.

Карикатурными были образы социалистов в популярных фильмах 1930-х гг., эсеры и меньшевики откровенно высмеивались (трилогия о Максиме Г. Козинцева и Л. Трауберга, «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» М. Ромма). Литература и кино фактически становились институтами «по производству истории» [2. С. 7]. Именно кино предоставляло наибольший простор для мифологизации истории.

Важным фактором фиксации в общественном сознании образов социалистов можно считать фильм «Ленин в 1918 году» (1939 г., режиссер М. Ромм; Сталинская премия 1941 г.), где Фанни Каплан в исполнении актрисы Н. Г. Эфрон запечатлелась в сознании миллионов советских граждан как эсерка, стрелявшая в вождя. «Эсерка Каплан стала настоящей инкарнацией врага», – отмечает в своей монографии о советском кино Е. Добренко [2. С. 354]. Критика писала об «акте гражданского, артистического мужества, который совершила Н. Эфрон, снимаясь в роли Каплан». Фильм «Ленин в 1918 году» был теснейшим образом связан с показательными процессами 1930-х гг., с атмосферой «Большого террора».

Успешность формирования нового исторического сознания зависела и от того, насколько большевикам удастся вовлечь население в процесс его создания – в конечном счете в процесс своеобразного «конструирования прошлого». Для того чтобы то или иное историческое явление закрепилось в коллективной памяти, оно должно наполниться смыслом для ее носителей. Такие конструктивные элементы получили в исторической науке названия «фигуры воспоминания» или «места памяти». Они являются главными ориентирами для членов сообщества и дают представления о прошлом и настоящем. С помощью самых разнообразных средств печатной и массовой про-

паганды власть в конечном счете сумела создать к 1930-м гг. такой образ истории социалистических партий, который переживался на уровне личной и групповой памяти и обеспечил людей тем языком, которым они выражали свои воспоминания.

Интерес к изучению истории российских политических партий возродился во второй половине 1950-х гг., демонстрируя благоприятные для исторической науки последствия либерализации советского общества. Смягчение режима выразилось в открытии для исследований ряда тем, критике «ошибок» и «недостатков» прошлых лет. Тем не менее советская наука продолжала оставаться государственным проектом с четко очерченными рамками и идеологическими установками. Сохранялись многие черты историографии 1920-х гг. — прежде всего убеждение в превосходстве марксистско-ленинской идеологии, представления о роли исторической науки в политической борьбе за социализм. Жесткий контроль исключал независимость исследователей, обязывал их следовать решениям партийных органов. Не претерпели принципиальных изменений организационные формы прошлых лет, приоритет партийных учебных и научных центров. В общественном сознании сохранялся образ меньшевиков и эсеров как «врагов революции», заговорщиков и пособников белогвардейцев.

Стоит подчеркнуть, что при обсуждении проблем реабилитации политических заключенных после смерти И. В. Сталина в Президиуме ЦК КПСС был консенсус в том, что нельзя подвергать сомнению итоги внутрипартийной борьбы и реабилитировать троцкистов, оппортунистов, а также эсеров, меньшевиков, представителей других социалистических партий [3. С. 10–11].

Постепенно эти представления начинают разрушаться, хотя и в ограниченных масштабах. Этому способствовала критика сталинизма в годы «оттепели», появление в 1960-е гг. неподцензурной диссидентской литературы (самиздата) — прежде всего произведений В. Шаламова и А. Солженицына, публикация художественных произведений (романов, пьес) и фильмов о Гражданской войне, чекистах, эмиграции, Б. В. Савинкове и левых эсерах. В них образы «врагов революции» были иногда далеки от карикатурных: можно выделить фильм «Шестое июля» (1968 г., режиссер Ю. Ю. Карасик, сценарист М. Г. Шатров) о выступлении левых эсеров в 1918 г., снятый к юбилею ВЧК сериал «20 декабря» (1981 г., режиссер Г. Никулин, сценарист Ю. Семенов) и другие. Принципиальным новаторством этих кинематографических работ была трактовка характера противников большевиков как цельных, искренних, идейно убежденных людей. Важным было также обращение к истории существования многопартийности, осуществлению которой в стране помешали обстоятельства. Показательно, что бывшая левая эсерка Б. А. Бабина (1894–1983) в своих мемуарах конца 1960-х гг. писала: «Случилось

так, что в эти дни, спустя полные полвека после рокового V съезда Советов, я смотрела идущий на экранах Москвы фильм под названием «Шестое июля». С тревогой ожидала увидеть и услышать шаблонный поток лжи и клеветы. Этого не произошло. Скажу больше: события тех дней были изложены исторически верно, не было и привычного для наших официальных историков стремления показать героев этих событий в качестве разновидностей контрреволюции» [4. С. 35]. Примечательно, что фильм «Шестое июля» посмотрело в 1968 г. 33,2 млн. зрителей (14-е место в прокате). Сама пьеса М. Ф. Шатрова «Шестое июля», написанная в 1962 г., была поставлена в Москве в 1964 г. во МХАТе и театре им. К. С. Станиславского, многих театрах страны (так, Русский драматический театр им. М. Ю. Лермонтова в Алма-Ате был удостоен за пьесу «Шестое июля» в 1967 г. Государственной премии Казахской ССР) и стран «социалистического содружества».

«Судьба фильма поколебалась какое-то время на весах партийной оценки, но потом перевесила чаша благосклонности. Пусть не покажется это странным, но помог «чехословацкий» фон. Руководство оценило фильм, воспевающий решительность большевиков-ленинцев, их отвагу и самопожертвование в подавлении инакомыслия», — вспоминал А. Н. Медведев, в ту пору главный редактор журнала «Советский фильм» [5].

Образ М. Спиридоновой в исполнении А. Демидовой («Шестое июля») запомнился зрителями своими человеческими чертами, о чем актриса говорила сама: «Чем искреннее, убежденнее Спиридонова, чем меньше она похожа на трафаретного врага, чем больше в ней каких-то даже симпатичных, человеческих черточек, тем трагичнее будет обреченность ее дела. Может быть, следовало поискать в этом характере еще большей глубины» [6]. Сам М. Ф. Шатров отмечал в одном из интервью 1969 г.: «В пьесе я пытался показать, что противопоставляются не плохие люди хорошим, люди, по-разному представлявшие себе пути и перспективы революции. И, конечно, Спиридонова субъективно была честным человеком, но объективно она привела бы революцию к поражению, если бы ее лозунги были приняты. А конфликт между такими людьми, которые стоят на субъективно честных позициях, всегда необычайно сложен, часто страшен и трагичен. К этим диалектическим конфликтам нельзя подходить с примитивной вульгаризаторской точки зрения, как это часто у нас практиковалось одно время, когда говорили, что борьба шла между просто хорошими и плохими людьми» [7. С. 103].

Далеко не всеми фильм «Шестое июля» был встречен благожелательно: историки с кафедры истории КПСС МГУ Н. В. Савинченко и А. И. Широков в своей рецензии обозначили «ложный замысел фильма» и «фальшивое новаторство». Рецензентов не устраивало, что главное внимание в нем сосредоточено не на деятельности В. И.

Ленина и ЦК большевиков, а на М. А. Спиридоновой и ее окружении. «Историческое событие – разгром мятежа «левых» эсеров – показано в кривом зеркале», – подытожили они [7, – С. 25]. Исполнитель роли В. И. Ленина в фильме «Шестое июля» артист Ю. И. Каюров вспоминал в эфире радиостанции «Свобода» 21 января 2004 г., что отрицательная рецензия в «Огоньке» помешала получить создателям фильма Ленинскую премию [8].

Деятельности Б. В. Савинкова были посвящены фильм «Крах» (реж. В. Чеботарев, 1969 г.) и мини-сериал «Синдикат-2» (реж. М. Орлов, 1981 г.). Савинков стал героем или эпизодической фигурой в фильме «Незабываемый 1919 год» (реж. М. Чиаурели, 1951 г.), в фильме «Чрезвычайное поручение» (реж. С. Кеворков, 1966 г.), в мини-сериале «20 декабря» (реж. Г. Г. Никулин, 1981 г.). В телевизионном мини-сериале «Операция «Трест» (реж. С. Н. Колосов, 1967 г.) неоднократно озвучивается различная информация о Савинкове (его деятельность после Октябрьской революции, арест, признание на суде советской власти и др.). В роли Савинкова снимались такие известные советские актеры, как В. Самойлов, А. Пороховщиков, Е. Лебедев.

Кинематограф «оттепели» был напрямую причастен к кризису советской идеологии, стал точкой отсчета для ее «заката». Попытка вдохнуть в нее новую жизнь с помощью фильмов историко-революционной тематики, отождествление эпохи «оттепели» с периодом первых лет революции (не случайно «Шестое июля» было черно-белым фильмом, ассоциирующимся с документальной хроникой 1920-х), когда еще не было сталинских репрессий, оказалась неудачной. Одной из главных причин стало то, что «оттепель» создавала свои мифы (прежде всего о В. И. Ленине и идеальном обществе – справедливом и гуманном) в противовес официальным мифам сталинской эпохи, не имея возможности выйти за рамки «социализма с человеческим лицом» и незыблемости революционных идеалов. Безусловно, пьеса М. Шатрова и фильм Ю. Карасика были правдивее и достовернее, чем «Ленин в 1918 году». Однако фильмы Ромма, будучи фальсификациями, были поставлены на основе глубокой убежденности, на сознании того, что создается образ исторического процесса. По своему масштабу они превосходили кинематограф «оттепели». Фильм «Шестое июля» создавал образ проверки истории, не нес в себе мощного идейного заряда, как ленты 1930-х годов. Поэтому не случайно – рецензенты в этом правы – образ Ленина выглядит слабо. В итоге культура 1960-х немало способствовала разрушению советской системы, так как произведения советской культуры и, особенно, советское кино сохраняли свою художественную ценность прежде всего своими избыточными смыслами, теми, которые не предполагала система. Для нее любой вид искусства оставался прежде всего средством пропаганды и агитации.

Примечания

1. Репина Л. И. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
2. Добренко Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М., 2008.
3. Артизов А. Н., Сигачев Ю. В. Введение // Реабилитация. Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. М., 2002.
4. Бабина Б. А. Февраль 1922 // Минувшее: исторический альманах. М., 1990. Вып. 2.
5. Медведев А. Н. Только о кино // <http://biblioteka.teatr-obraz.ru/node/7142>.
6. Демидова А. «Почему я хочу сыграть Гамлета» // Юность. 1968. № 8.
7. Шатров М. Ф. Творчество. Жизнь. Документы. В 5-ти т. М., 2006. Т. 1.
8. Савинченко Н. В., Широков А. И. О фильме «Шестое июля» // Огонек. 1970. № 13.
9. «В шкуре вождя» // <http://archive.svoboda.org/programs/sp/2004/sp.012104.asp>.

Аронова О. В.

К вопросу о причинах возникновения Берлинской стены

В 2006 г. впервые попав в Германию, мне посчастливилось ознакомиться с достопримечательностями Берлина, которые оставили неизгладимое впечатление в моей памяти. В один из дней я посетила Бранденбургские ворота, то место, которое когда-то являлось символом разделения Германии на Восток и Запад, немцев на оси и веси. Именно тогда я увидела памятную стену, на которой были представлены фотографии людей, погибших при попытке бежать на Запад через Берлинскую стену. Я увидела лица молодых людей, которым сегодня было бы всего чуть за пятьдесят, которые могли бы создать семьи, растить детей, сделать успешную карьеру. Однако жизнь или кто-то другой распорядились иначе. И в этот момент я вдруг поняла, насколько страшно, нелепо и непостижимо жить в одной стране, разделенной стеной. Как это возможно? С того самого дня я начала изучать материалы, касающиеся Берлинского кризиса, литературу на русском и немецком языках, чтобы суметь ответить на вопрос: действительно ли этот исторический этап был так трагичен для Германии или я все преувеличиваю? Для этого я и написала данную статью, в которой хочу рассказать о Берлинском кризисе,

Берлинской стене, жертвах и попытках людей из ГДР обрести свободу путем побега на Запад.

Начать я хотела бы с причин, приведших в конечном итоге к построению Берлинской стены. Первой причиной, по моему мнению, является изменение политической структуры Германии. Как все знают, после Второй мировой войны Германия была поделена на 4 оккупационные зоны, которые были закреплены за странами-союзницами, победившими в этой войне, а именно между СССР, США, Англией и Францией. СССР досталась восточная часть Германии, США – западная. Однако была разделена не только сама Германия, но и Берлин, поскольку он являлся столицей государства. Отныне все было во власти стран-победительниц. Немецкие политические организации были распущены или же получили разрешение на работу в условиях жесткого контроля. «Денацификация», задуманная как крупномасштабная политическая чистка, представляла угрозу для миллионов немцев. Многие города лежали в руинах. Пути сообщения были разрушены. Непрочное положение немецкой марки привело к пышному расцвету черного рынка, что отбросило Германию к уровню обществ с натуральным продуктообменом [2].

Руководство советской военной администрации в Германии немедленно предприняло меры для установления послушного им режима в советской зоне. Еще до окончания боев за Берлин, 30 апреля 1945 г., десять коммунистов («группа Ульбрихта») были доставлены в Германию из Москвы. Глава группы, Вальтер Ульбрихт, сын лейпцигского портного, бывший депутат рейхстага, выжил и при гитлеровском терроре, и в ходе сталинских чисток и считался негнibaемым сталинистом. К 1950 г. он достиг вершины своего могущества в Восточной Германии. «Группа Ульбрихта» должна была слепо выполнять приказы Москвы. Первой поставленной перед ней задачей была помощь советским войскам в восстановлении основных городских служб в Берлине и в советской оккупационной зоне [4].

После того как в западных оккупационных зонах был ослаблен запрет на политическую деятельность, в Германии снова стали возникать политические партии и традиционные организации, объединявшие людей со сходными интересами. В советской зоне оккупации в 1945 г. сначала тоже возник традиционный спектр из четырех партий (Коммунистическая партия Германии, Социал-демократическая партия Германии, Христианско-демократический союз и Либеральная немецкая партия). Однако уже через несколько лет после свержения коричневой диктатуры произошла трансформация многопартийной системы в однопартийную, во главе которой стояла Социалистическая единая партия Германии. Одной из важнейших причин того, что власть в стране снова, причем очень скоро, захватила одна, монополюбно господствующая партия, была «холодная война».

Первым кульминационным моментом «холодной войны» стала советская блокада Западного Берлина, поводом к которой послужила западная валютная реформа.

После того как «холодная война» стала фактом, который уже невозможно было отрицать, она стремительно набирала обороты и оказалась важнейшей политической детерминантой, усугубившей раскол Германии. Блокада Берлина, связанная с валютной реформой, ускорила сближение Германии с западными странами и приготовления к созданию конституции. 8 мая 1949 г. парламентский совет принял конституцию, а 15 сентября, после выборов в бундестаг в августе 1949 г., было избрано новое правительство во главе с новым канцлером Аденауэром. Таким образом, была создана новая Федеративная Республика Германия. Несколько недель спустя было официально провозглашено создание второго немецкого государства – ГДР [2].

С самого начала существования ГДР в ней было закреплено политическое господство коммунистов. Под руководством генерального секретаря ЦК СЕПГ В. Ульбрихта, который стал заместителем премьер-министра, компартия взяла в качестве образца государственного строительства сталинскую модель Советского Союза, что в конечном итоге привело к социальной напряженности в стране и явилось одной из следующих причин, приведших к возведению Берлинской стены. В качестве инструмента террора СЕПГ использовала министерство государственной безопасности (штази), образованное в феврале 1950 г., которое фактически подчинялось политбюро СЕПГ. Только в 1950 г. суды ГДР осудили свыше 78 тысяч человек, обвиняемых в политических правонарушениях, в том числе 15 человек приговорили к смертной казни [1]. Экономические проблемы, возникшие после окончания войны, можно выделить в качестве следующей причины, приведшей к Берлинскому кризису.

Экономическая политика стала одним из важнейших факторов острейшего общественно-политического кризиса в июне 1953 г., который поставил под вопрос жизнеспособность коммунистического режима. Антиправительственные заявления или экономические преступления (спекуляция) наказывались длительными сроками тюремного заключения. За первые три месяца 1953 г. было проведено почти 8 тысяч арестов. Ответом на репрессии стало резкое увеличение числа беженцев на Запад. В первой половине 1952 г. 70 тысяч человек покинули ГДР, во второй половине – 11 тысяч. За первые пять месяцев 1953 г. к ним присоединились еще 180 тысяч человек. Но руководство СЕПГ продолжало осуществлять политику «строительства социализма», неадекватно оценивая причины бегства.

28 мая 1953 г. правительство объявило о 10-процентном повышении норм выработки в промышленности. Объявление об этом привело к резкому увеличению бежавших в ФРГ и обострению призна-

ков кризиса. Под давлением СССР политбюро ЦК СЕПГ пришлось принять решение о «новом курсе». Обещая другим слоям населения облегчение материального положения, «новый курс» ухудшал положение рабочего класса, который в ГДР был провозглашен господствующим. Наиболее отличительной чертой реакции рабочих на «новый курс» была быстрая политизация их требований. Они требовали не только аннулировать увеличения норм выработки, но и отставки и наказания руководителей, ответственных за ошибки. Это привело к волнениям, которые переросли в широкомасштабные акции протеста [1]. Ответом на подавление народного выступления стал рост числа беженцев из ГДР в ФРГ: в 1953 г. бежали около 391 тысячи человек, в 1954 г. – 184 тысячи человек, а в 1955 г. – 252 тысячи человек [1].

Таким образом, главным экономическим и политическим препятствием на пути «строительства социализма в ГДР», по мнению ее руководства, было бегство восточных немцев в ФРГ. В 1949–1961 гг. из ГДР бежали 2,7 млн. человек. Поскольку бежали прежде всего люди работоспособного возраста, это оказывало на экономику ГДР негативное влияние. Только в 1954–1961 гг. страну покинули около 5 тысяч врачей, 960 аптекарей, 132 судьи и прокурора, 679 адвокатов и нотариусов, 752 преподавателя высшей школы и 17 082 инженера и техника. Руководство страны все более опасалось экономического кризиса: убытки, понесенные в связи с бегством, составили до августа 1961 г. 120 млрд. марок [3].

Бегство почти всегда осуществлялось через Берлин: на электричке или метро, на велосипеде или пешком можно было просто и почти безопасно проникнуть из восточной части города в западную. Пересечение же хорошо охраняемой межзональной границы между ГДР и ФРГ было сопряжено с высоким риском. Западный Берлин был «витриной Запада», которая снижала эффективность официальной пропаганды, поскольку программы радио и телевидения, которые транслировали западногерманские СМИ, принимались на большей части ГДР. Западный Берлин был также форпостом многочисленных западных спецслужб.

Берлинская проблема была головной болью и для советского руководства, В ноте от 27 ноября 1958 г. СССР потребовал в ультимативной форме от западных держав в течение 6 месяцев предоставить Западному Берлину статус «демилитаризованного вольного города». В противном случае Советский Союз готов был действовать в одностороннем порядке. Так начался второй Берлинский кризис [1].

В августе 1960 г. правительство ГДР ввело в действие ограничения на посещения гражданами ФРГ Восточного Берлина, ссылаясь на необходимость пресечь ведение ими «реваншистской пропаганды». В ответ Западная Германия отказалась от торгового соглашения между обеими частями страны, что ГДР расценила как «экономическую войну». После длительных и трудных переговоров соглашение

было все же введено в действие с 1 января 1961 г. Но кризис этим не разрешился. Лидеры ОВД продолжали требовать нейтрализации и демилитаризации Западного Берлина. В свою очередь, министры иностранных дел стран НАТО подтвердили в мае 1961 г. намерение гарантировать пребывание вооруженных сил западных держав в западной части города и ее «жизнеспособность». Лидеры Запада заявили о том, что будут всеми силами защищать «свободу Западного Берлина».

Советский ультиматум, форсирование коллективизации сельского хозяйства и кооперирования ремесленников привели к лавинообразному росту числа беженцев. В 1959 г. ГДР покинули 144 тыс., в 1960 – 203 тыс., в июле 1961 г. – 30 тыс., а лишь за 12 дней августа 1961 г. – 48 тыс. граждан.

Чтобы остановить этот процесс, в марте 1961 г. на заседании руководителей Организации Варшавского договора Ульбрихт предложил план установления барьера из колючей проволоки вокруг Западного Берлина. За подготовительные мероприятия отвечал секретарь ЦК по вопросам безопасности Эрик Хонеккер. На встрече первых секретарей ЦК коммунистических стран – участников ОВД в Москве 3–5 августа 1961 г. Хрущев призвал страны блока оказать срочную экономическую помощь ГДР. Но они воздержались от предоставления немедленной помощи и согласились с планом Ульбрихта блокировать Западный Берлин.

В ночь с 12 на 13 августа 1961 г. народная полиция и подразделения армии ГДР окружили Западный Берлин заграждениями из колючей проволоки. С этого момента Германия практически была разделена на ГДР, ФРГ и Берлин как отдельное государство.

Вальтер Ульбрихт достиг своей политической цели. Путь для побега через приграничный сектор Берлина, по которому в прошлые годы удалось покинуть ГДР более чем 1,6 млн. граждан, был перекрыт. При подготовке мероприятий по закрытию границы Ульбрихт и Хонеккер не считали необходимым поставить об этом в известность руководящие силы в партии и государстве. Председатели так называемых партий блока также ни о чем не знали, когда 12 августа они были приглашены Ульбрихтом на ужин в его летнюю резиденцию Грос-Дёльн, в 75 километрах севернее Берлина. Лишь около 22 часов ошеломленным гостям сообщили, что предстоит закрытие приграничных секторов Западного Берлина.

Среди населения Западного Берлина распространяется уверенность в том, что их оставили на произвол судьбы. Все чаще жители города выходят на митинги протеста с требованием оказать им защиту.

В то время как картины ярости и протеста жителей Западного Берлина обошли весь мир, информация о ситуации в Восточном секторе является скудной. Пресса ГДР распространяет ликование, выражение солидарности в связи с построением Берлинской

стены. Однако на самом деле все обстояло совершенно иначе. Информационные сообщения под грифом «Секретно» ясно показывают, как восприняли жители Восточного Берлина свою изоляцию сразу же после начала возведения Берлинской стены. Опираясь на информационные данные, которые предоставлялись информаторами, работающими в различных частях города, многие граждане призывали к проявлению протеста. В соответствии с составленным для Ульбрихта списком, к концу августа в связи с протестами против закрытия границы только в Восточном Берлине было арестовано 2192 человека, 691 человек на долгое время были посажены в тюрьму. Благодаря целенаправленным действиям полиции и тайной полиции Штази руководству СЕПГ до октября 1961 г. удалось подавить критику и протесты.

После закрытия границы многочисленные жители Восточного Берлина и ГДР впадают в панику. «Сейчас или никогда», – говорят себе многие и решаются на спонтанный побег. В первые дни и недели после 13 августа начинается противостояние между беженцами и пограничниками. Беженцы перепрыгивают колючую проволоку, пролезают под ограждениями из металлической сетки или переплывают Шпрее или канал Тельтов. К середине сентября таким способом удалось бежать в Западный Берлин более 600 людям, вместе с семьями и детьми.

В качестве контрмер народная полиция заявляет, что с 24 сентября 1961 г. 2000 жителей, проживающих на улице Бернауэр, обязаны в течение 4 дней освободить свои квартиры. Входы в дома и окна были заделаны кирпичом. Однако не только мирные жители пытаются бежать на Запад. Лишь за первые шесть недель после закрытия границы 85 приграничным полицейским из ГДР удается побег в Западный Берлин.

В связи с попытками побега пограничники имеют право стрелять по перебежчикам, но пока только в крайних случаях. В дальнейшем приказ об использовании оружия в случае побега в ФРГ уже не будет являться тайной и выполняется все чаще и чаще.

Целью и смыслом построения стены было желание предотвратить побег людей на Запад, хотя официально было объявлено, что стена является «антифашистским защитным валом» и с самого начала должна служить защитой от западного империализма. Чаще всего под стеной подразумевалась металлическая сетка, однако на самом деле граница состояла из множества элементов: заграждений, которые составляли грузовые автомобили, сигнального ограждения под электрическим напряжением, земляных рвов, противотанковых укреплений на отдельных участках, сторожевых вышек и других пограничных сооружений.

Возведение стены внутри и вокруг Берлина проходило в общей сложности в три этапа: первый длился с 1961 г. по 1968 г., второй

этап охватывал соответственно 1968/69 по 1980 г., и последний этап составляет период с 1981 г. по 1989 г.

Однако граница между Востоком и Западом проходила не только на поверхности земли, но также и под землей. В подземке Восточного Берлина существовало 15 таких «станций-призраков». Пограничники и транспортная полиция следили за полной изоляцией на этих станциях, при этом необходимо было решить некоторые отдельные «проблемы, связанные с безопасностью».

По некоторым оценкам, при попытке преодолеть Берлинскую стену с 13 августа 1961 г. по 9 ноября 1989 г. погибло 654 человека. Однако документально удалось подтвердить насильственную смерть в результате попытки преодоления стены только для 125 человек. 8 пограничников ГДР были убиты нарушителями границы и выстрелами с территории Западного Берлина. По оценкам историков в общей сложности за попытку побега из ГДР было приговорено 75 000 человек. Побег из ГДР карался согласно параграфу 213 уголовного законодательства ГДР лишением свободы сроком до 8 лет. Те, кто был вооружен, пытался разрушить пограничные сооружения или был на момент поимки солдатом или сотрудником спецслужб, приговаривались не менее чем к пяти годам лишения свободы.

12 июня 1987 г. президент США Рональд Рейган, произнося речь у Бранденбургских ворот в честь 750-летия Берлина, призвал Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева снести стену, символизируя тем самым стремление советского руководства к переменам. И это событие не заставило себя ждать. Уже в августе 1989 года дипломатические представительства ФРГ в Берлине, Будапеште и Праге вынуждены были прекратить прием посетителей из-за наплыва жителей ГДР, добивавшихся въезда в западногерманское государство. Сотни восточных немцев бежали на Запад через Венгрию. Когда 11 сентября 1989 г. венгерское правительство объявило об открытии границ, Берлинская стена потеряла свой смысл: в течение трех дней ГДР покинули через территорию Венгрии 15 тысяч граждан. В стране начались массовые демонстрации с требованием гражданских прав и свобод. 9 ноября 1989 г. в 19.34, выступая на пресс-конференции, которая транслировалась по телевидению, представитель правительства ГДР Гюнтер Шабовски огласил новые правила въезда и выезда из страны, в соответствии с которыми со следующего дня граждане ГДР могли получить визы для немедленного посещения Западного Берлина и ФРГ. В течение последующих трех дней Запад посетили более 3 миллионов человек. 22 декабря 1989 г. открылись для прохода Бранденбургские ворота, через которые была проведена граница между Восточным и Западным Берлином. Берлинская стена еще стояла, но лишь как символ недавнего прошлого. В октябре 1990 г. последовало вступление земель бывшей ГДР в ФРГ, и Берлинская стена была за несколько месяцев снесена. Так закончилась целая

эпоха, которая олицетворяла собой политический шовинизм одного государства против собственного народа.

В заключение хотелось бы сказать, что данная статья была написана мной не только для того, чтобы проследить причину возникновения Берлинского кризиса, показать, как строилась Берлинская стена и к каким последствиям она привела. Прежде всего я хотела показать на примере одного государства, как политические амбиции одной лидирующей партии могут быть поставлены во главу угла, как государство, не сумевшее справиться со своим собственным народом, решило изолировать его от остального мира. Мне кажется, есть здесь что-то схожее с историей нашей страны. И, чтобы этого больше не повторялось ни в России, ни в Германии, необходимо извлечь уроки из эпохи правления Сталина, из Берлинского кризиса.

Примечания

1. История Германии: учебное пособие: 3 т./ Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. М.: КДУ, 2008. Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века / А. М. Бетмакаев, Т. А. Бяликова, Ю. В. Галактионов и др.; отв. ред. Ю. В. Галактионов; сост. науч-справ. аппарата А. А. Мить. 672 с.

2. Краткая история Германии / Ульф Дирльмайер, Андреас Гастрих, Ульрих Херманн и др.; пер. с нем. К. В. Тимофеевой. СПб: Евразия, 2008. 542 с.

3. Die Berliner Mauer. Grenze durch eine Stadt: Thomas Flemming, Dokumentation Berliner Mauer-Archiv, Hagen Koch: – be.bra verlag, Berlin, 2004.

4. Советская оккупационная зона // Режим доступа: <http://history.rin.ru/cgi-bin/history.pl?num=2392>

Бажан О. Г.

Протестные акции населения Украинской ССР во времена хрущевской «оттепели»: формы, участники, масштабы

Вторая половина 1950-х – начало 1960-х гг. символизировали собой новый важный этап в истории советского общества. Отказ от принципов «казарменного» социализма, освобождение из тюрем и лагерей сотен тысяч политузников, реформаторские начинания партийного лидера Н. Хрущева вызывали некий оптимизм, порождали надежду у советских граждан на построение справедливого и гуманного общества. Как показала дальнейшая практика, попытки реформирования советской системы в 1953–1964 гг. носили частичный характер и почти не коснулись фундамента государственного и общественного строя Страны Советов.

Противоречивость и половинчатость процесса десталинизации советского общества прослеживается практически во всех осуществляемых в то время мероприятиях. Комплекс мер по восстановлению прав и репутации лиц – жертв необоснованных политических репрессий со стороны государства, набравший размах во второй половине 1950-х гг., к середине 1960-х гг. постепенно сворачивается из-за желания партийной верхушки вернуться к прежним, сталинским идеологическим установкам. Действия руководства страны по внедрению демократических принципов в политическую систему, культуру, стиль жизни советского общества были также весьма непоследовательными.

Не имело желаемого результата реформирование экономики. Отдельные шаги, сделанные в этом направлении Н. Хрущевым и его последователями, напоминали скорее обезболивающие инъекции тяжело больному и неизлечимому организму. Непродуманные эксперименты в системе производства, распределения, обмена и потребления привели к падению уровня жизни, возникновению продовольственных трудностей в отдельных регионах страны, полной зависимости ССР от внешних поставок зерновых культур.

Отсутствием гибкости характеризовалась внешняя политика Советского Союза. Нарращивание военного потенциала, силовые методы, продемонстрированные в 1956 г. в Венгрии и в 1968 г. в Чехословакии, локальных войнах в Юго-Восточной Азии, Африке, на Ближнем Востоке, поддержка сомнительных марионеточных режимов не находили одобрения мировой общественности, вызывали недовольство широких кругов населения внутри страны.

Грубостью и бесцеремонностью отличались стремления партийно-государственного руководства взять под свой жесткий контроль все без исключения сферы духовной жизни общества. Не поддавался сомнению у верховодов Кремля и тезис о решении в СССР национального вопроса. Власть не смущало, что комплекс политических и организационных мер, направленных на внедрение в жизнь «научно обоснованного утверждения» о новой исторической общности – «советский народ», в 1960-1980-е гг. осуществлялся с помощью насильственной русификации национальных республик, искусственного сужения сфер употребления национальных языков, игнорирования многовековых традиций народов, которые входили в состав Советского Союза.

Упомянутые выше факторы порождали нестабильность общества, способствовали возрастанию напряженности среди всех слоев населения. Неудовлетворенность результатами проводимых преобразований в стране прослеживалась и среди жителей Украинской ССР. Свообразным измерителем общественного мнения в республике в 1950–1980-х гг. выступал Комитет государственной безопасности УССР. Союзно-республиканский орган государственного управ-

ления в сфере обеспечения госбезопасности при Совете Министров Украинской ССР с первых дней образования (март 1954 г.) главные усилия многочисленного аппарата нацеливал на реализацию следующих заданий: «1. Сбор разведывательной информации по главным странам противника (государствам, которые входили в Организацию Североатлантического договора (НАТО). – Авт.) и основным заграничным антисоветским националистическим центрам. 2. Предотвращение подрывных действий иностранцев по каналам въезда в Советский Союз и во время пребывания советских граждан за границей. 3. Предотвращение подрывной деятельности антисоветских элементов на территории республики» [1]. В силу специфики Украины и полномочий республиканского КГБ борьба с инакомыслием во второй половине 1950-х–1980-е гг. превалировала над другими направлениями деятельности советских спецслужб на территории УССР.

Во времена хрущевской «оттепели» усилия органов госбезопасности прежде всего были направлены на выявление и нейтрализацию деятельности различных националистических групп, ликвидацию организованного вооруженного подполья ОУН-УПА в западных областях Украины. В целом показатели работы КГБ в 1955 г. в сфере «нейтрализации антисоветских элементов» в республике выглядели таким образом: арестовано 347 человек, из них за «террор и террористические намерения» – 10; участников антисоветских формирований – 45.

Кроме того, чрезмерные усилия сотрудники КГБ прилагали в «борьбе» с многочисленными проявлениями в республике скрытых форм протеста: различного рода непубличных критических высказываний, анонимных посланий, адресованных как широкой публике, так и представителям власти. В 1955 г. спецслужбам удалось разыскать и установить 550 авторов антисоветских листовок и распространителей анонимных документов (арестовано 72 чел., взято в агентурную разработку 242 чел., проведены профилактические мероприятия в отношении 248 чел.) [2].

Проводя мониторинг пробужденного хрущевскими реформами и событиями в Польше, Египте, Венгрии украинского социума, органы госбезопасности констатировали, что во второй половине 1956 г. количество антисоветских проявлений среди интеллигенции и молодежи, особенно в крупных промышленных и культурных центрах УССР, резко увеличилось. В ходе наблюдения оказалось, что проявления антисоветской деятельности более всего отмечались в коллективах ученых, среди профессорско-преподавательского состава, в среде творческой интеллигенции. Анализируя протестные настроения среди населения Украинской ССР, органы КГБ пришли к выводу, что в большинстве своем антисоветские проявления выражались:

– в призывах к изменению советского строя в СССР, клевете на марксистско-ленинскую теорию, внутреннюю и внешнюю политику

КПСС (проявлений такого характера было зафиксировано с августа 1955 г. по январь 1956 г. – 6; с января по октябрь 1956 г. – 24, а за последние 2 месяца 1956 г. их насчитывалось 16);

– в намерениях проведения внутривнутрипартийной дискуссии по вопросам внутренней и внешней политики, клеветнических высказываниях о советской действительности и условия жизни трудящихся в СССР (по данным КГБ, подобного рода суждений и мыслей в августе–декабре 1956 г. насчитывалось 12, в январе–сентябре 1956 г. – 70, а в октябре–ноябре 1956 г. их зарегистрировано 50) чаще всего замечены преподаватели социально-экономических дисциплин, научные работники общественных дисциплин, литераторы, журналисты;

– в использовании развернутой идеологической кампании против культа личности для критики правящей партии, оскорблениях в адрес руководителей партии и правительства (за период с марта по ноябрь 1956 г. зафиксировано 98 высказываний).

Однако наибольшее количество антисоветских проявлений со стороны разных слоев населения Украины, по мнению аналитиков, касалось событий в Венгрии. В течение октября–ноября 1956 г. органы КГБ зафиксировали 141 случай публичных выступлений, разговоров на бытовом уровне, посвященных Венгерской революции [3].

Диаметрально противоположные от официоза мысли и взгляды жителей Украины на события в соседней стране сотрудники IV Управления КГБ систематизировали таким образом: 1. Реагирования, которые оправдывают действия реакционных сил в Венгрии и осуждают вооруженную интервенцию СССР. 2. Реагирования, которые демонстрируют солидарность с «мятежниками» и «призывают к открытым контрреволюционным выступлениям против советской власти, а также высказывают надежду, что события в Польше и Венгрии найдут отклик среди народов СССР и вызовут изменения в политическом устройстве нашей страны». 3. Распространение панических настроений среди населения о неизбежности в ближайшее время начала военных действий между СССР и странами капиталистического лагеря [4].

Непосредственно с Венгерским восстанием 1956 г. советские спецслужбы связывали увеличение угроз в адрес коммунистов, колхозного актива, работников советского аппарата, возрастание числа забастовок, невыхода на работу [5].

Преследуя цель приостановить нарастающую волну протестов в Украине, правящий режим прибегнул к испытанным ранее методам – политическим репрессиям. Как свидетельствуют архивные документы, в период с 1 октября по 14 ноября 1956 г. в Украине было арестовано 52 человека. (Станиславская область – 12 чел.; Львовская – 2; Ворошиловградская – 1; Крымская – 1, Тернопольская – 4; Дрогобычская – 7; Закарпатская – 14; Волынская – 5; Запорожская – 3; Харьковская – 2; Николаевская – 1) [6].

Продолжая производить замеры общественных настроений, спецслужбы особенно тщательно контролировали молодежную среду. Начальник 4-го Управления КБ при СМ УССР подполковник Шульженко в ноябре 1957 г. обращал внимание партийных органов на то, что «отдельные представители националистически настроенной интеллигенции, троцкисты и другие антисоветские элементы в последнее время пытались подчинить своему влиянию политически не стойкую часть молодежи и втянуть ее в антисоветскую работу... В результате слабой постановки воспитательной работы в школах и некоторых высших начальных заведениях и по сей день возникают различные клубы, общества и группировки среди учеников и студентов, участники которых под предлогом критики по сути скатываются на антисоветские позиции и могут быть использованы вражескими элементами в их преступной деятельности». В течение 1957 г. – апреля 1958 г. 3-м отделом 4-го Управления КГБ при СМ УССР и 4 отделами УКГБ областей республики было вскрыто 23 антисоветские молодежные группы, из числа участников которых арестовано 27 человек и 75 профилактровано [7].

Изучая почву, способствующую различным проявлениям оппозиционных настроений в СССР, органы госбезопасности в донесениях ЦК КПУ в начале 1960-х гг. зачастую указывали также и на причинно-следственную связь между недовольством населения существующим общественным укладом и уровнем его материального положения.

В рассматриваемый нами период большинство социальных проектов Н. Хрущева наталкивалось на ограниченные возможности экономики. Жизненный уровень населения существенно отставал от западного. В результате денежной реформы 1961 г. возросла стоимость продуктов на колхозных рынках, а в 1962 г. цены на мясо, молоко, масло увеличила и государственная торговля. Летом 1962 г. стало ощутимым заострение социальной напряженности по всей стране. На фоне возрастающих сложностей в советской экономике причины для недовольства имели практически все группы населения, прежде всего рабочие, которым не нравились уменьшение и ухудшение продовольственного обеспечения, отсутствие потребительских товаров, результаты реформирования системы оплаты труда, пересмотр норм и расценок на производственные операции.

В июне 1962 г. в некоторых областях Украины распространялись листовки с призывом к организации митингов протеста против постановления ЦК КПСС о повышении цен на мясо, мясопродукты, масло. Призывы к митингам и стачкам имели место в Измаиле, Одессе, Херсоне и других населенных пунктах республики, при этом в ряде случаев они влияли на настроения трудовых коллективов. Грузчики Ильичевского порта приняли решение на знак протеста не разгружать иностранные корабли, а рабочие одного из оборонных

заводов Николаева были преисполнены решимости пикетировать областной комитет партии.

Каждый случай «нездоровых проявлений» среди населения Украинской ССР фиксировался органами госбезопасности. Данные о распространении антисоветских листовок и анонимных документов в республике в начале 1960-х гг. показывают, что в первые три года была заметна тенденция увеличения количества этих документов:

	1961 г.	1962 г.	1963 г.
Случаев распространения листовок	140	111	204
Анонимных документов	950	1114	1378

С 1963 г. по 1964 г. включительно происходит ежегодное уменьшение этого вида протестных проявлений:

	1963 г.	1964 г.
Случаев распространения листовок	186	99
Анонимных документов	785	973 [8].

Такая динамика скрытых протестных акций, на наш взгляд, объясняется улучшением обстановки в социально-экономической сфере в 1964 г. и отставкой Н. Хрущева, с которым у населения ассоциировались все «беды в стране». Из документов КГБ при СМ УССР узнаем, что в период с 1962 г. по 1964 г. всего распространено в 489 случаях 6929 листовок, в которых затрагивались следующие вопросы: выражение недовольства, связанного с проводившейся Н. Хрущевым политикой и его личным поведением, – 59/907 (в числителе – количество случаев, в знаменателе – количество экземпляров листовок); призывы к борьбе против Н. Хрущева – 159/848; направленные против ЦК КПСС – 26/1044, в том числе связанные с Н. Хрущевым – 10/13; недовольство деятельностью советского правительства – 17/26, в том числе связанное с Н. Хрущевым – 8/16; призывы к борьбе против советской власти – 6/26, в том числе связанные с Н. Хрущевым – 1/2.

Кроме персональных выпадов в адрес Н. Хрущева в распространяемых листовках прослеживаются высказывания, направленные против коммунизма, – 10/196; направленные против коммунистов – 25/86; выражается недовольство снижением зарплаты, требование ее повысить – 30/507; против повышения цен на продукты – 31/90; жалобы на тяжелое материальное положение – 34/84; жалобы на отсутствие в магазинах продуктов – 27/64; против оказания помощи другим странам, вывоза хлеба за границу – 35/76; призыв к забастовкам, митингам, отказам от работы – 41/1209; призывы к восстанию –

5/83; националистического содержания – 23/135, в том числе за создание самостийной Украины – 16/48; недовольство выборной системой, призывы не голосовать за выдвинутых кандидатов – 6/12; призывы голосовать не за кандидатов, выдвинутых КПСС, а за Народно-Трудовой Союз (политическая организация русской эмиграции) – 11/304; с позицией поддержки политики китайских ревизионистов – 5/11; призывы к созданию новой партии – 4/4; листовки от имени и за подписью НТС – 36/858 [9].

Из выявленных в 1964 г. 145 авторов и распространителей листовок 76 имели возраст до 18 лет и 41 – от 19 до 30 лет. Таким образом, 80% установленных лиц, занимающихся изготовлением и распространением листовок, составляла молодежь.

Наряду со скрытыми формами протеста (листовки, анонимные послания с угрозами местному партийно-советскому активу, создание подпольных организаций и групп) органы госбезопасности Украинской ССР в начале 1960-х гг. фиксировали случаи публичного возражения против существующих в стране порядков. В течение 1961–1964 гг. спецслужбами в Украине учтено 87 случаев групповых отказов от работы в различных сферах народного хозяйства. По годам количество отказов от работы по причинам, связанным с повышением норм выработки, неправильным и несвоевременным начислением зарплаты, плохой организацией труда на предприятиях, дефицитом в магазинах продуктов первой необходимости, выглядит следующим образом: 1961 г. – 8, 1962 г. – 8, 1963 г. – 54, 1964 г. – 17 [10].

Инструкции на случай массовых беспорядков, разработанные силовыми министерствами, позволили правящему режиму заблокировать свободную политическую деятельность граждан, придумать забастовочное движение в республике. Помимо этого активизация национально-культурной жизни на Украине, зарождение политического течения в лоне шестидесятников, которое главное внимание акцентировало на решении общественно-политических проблем, также вызывали негодование компартийных лидеров как в Москве, так и в Киеве. Преследование оппозиции на фоне борьбы с «пережитками украинского национализма» рассматривалось высшим политическим руководством республики и Комитетом госбезопасности при СМ УССР не только как наказание инакомыслящих, но и как эффективный способ влияния на общественное сознание. За десятилетие хрущевской «оттепели» (с 1954 г. по первую половину 1964 г.) в Украине органами КГБ было привлечено к уголовной ответственности за так называемую «националистическую деятельность» 793 человека [11].

Избирательные репрессивные меры лишь на некоторое время сумели стабилизировать общественно-политическую ситуацию в республике. Различные формы протестных акций среди различных

слоев украинского социума наблюдались вплоть до развала СССР, так как социально-экономические и политические причины проявления недовольства граждан были порождением функционирования советской командно-административной системы.

Примечания

1. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). Ф. 16. Оп. 5-А. Т. 1. Л. 112.
2. ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 3. Д. 3. Л. 132–133, 137.
3. ОГА СБУ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 42. Л. 96–102.
4. ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 21. Д. 9. Л. 46–56.
5. ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 21. Д. 9. Л. 77, 150–151.
6. ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 21. Д. 10. Л. 29.
7. ОГА СБУ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 42. Л. 356–358.
8. ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 3 (1974). Д. 5. Л. 21–24.
9. ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 3 (1968). Д. 1. Л. 357, 363–364.
10. ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1 (1971). Д. 10. Л. 161.
11. ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 3 (1968). Д. 1. Л. 276.

Маслова Т. Ф.

Миграция на юге России в социальной памяти вынужденных переселенцев постсоветского периода

Тема насильственной (форсированной) миграции последних десятилетий актуализируется последствиями одного из наиболее значимых событий конца XX – начала XXI века – развалом СССР и появлением в структуре российского общества постсоветского периода новых социально-статусных групп – вынужденных переселенцев. Это категория людей, массово принужденных к пересечению границ республик бывшего СССР в сторону российских территорий.

На фоне того, что, по оценкам специалистов, в общей сложности около 50 млн. человек в мире могут считаться жертвами вынужденного перемещения, после распада Советского Союза около 9 млн. людей из стран СНГ не по своей воле оставили дома в бывших союзных республиках и устремились на историческую родину. С начала регистрации вынужденных переселенцев (с 1 июля 1992 г.) и беженцев (с 20 марта 1993 г.) по 2002 г. в России их общее число составило 643,5 тыс. человек, или 264,9 тыс. семей [1]. По уровню коэффициента миграционного сальдо как показателя плотности распределения мигрантов и нагрузки на территорию в числе лидеров в 1994 г. были территории Южного федерального округа Российской Федерации. Это Ингушская республика, Республика Дагестан, Краснодарский край, Ставропольский край. Коэффициент миграционного сальдо

здесь составлял от + 2754 в Дагестане до + 157 в Ставрополье, тогда как в других территориях, таких как Алтайский край, Татарстан, Республика Карелия и др., – от + 99 до + 49 [2].

В целом большую часть миграционного потока, шедшего в Россию, включая вынужденных переселенцев, принял именно этот регион, где выделяются «русские» территории. Отмечается, что «с 1990 по 2001 год коэффициент миграционного прироста в целом по России составил 21,4%, по Северо-Кавказскому региону – 45,3%. Наиболее значимым он был в Краснодарском крае – 111,3%, в Ставропольском крае – 95,4%; в Ростовской области – 51,5%» [3].

На миграционные потоки, направляющиеся в Южный федеральный округ и Ставрополье, оказывали как общие для страны факторы, так и специфические, связанные с привлекательностью для мигрантов этого региона. Согласно результатам наших исследований 2000 и 2006 гг., главную, системную, причину, которая заставила людей оставить насиженные места, представляют социальные трансформации, обусловленные развалом СССР. Согласно ответам, полученным в ходе опроса вынужденных переселенцев, в числе причин были следующие. Во-первых, военные действия и угроза для жизни; на них указали 73% опрошенных. Во-вторых, неблагоприятные условия, неустойчивость социально-политической ситуации в прежнем месте жительства, обусловленные политикой самоопределения союзных республик, на что указали 47,8% респондентов.

Ответы о причинах и обстоятельствах своего выезда из мест проживания даны в следующих формулировках: «агрессивные действия со стороны титульных наций», «закрытие школ русского сектора», «незащищенность со стороны государства», «опасность для жизни», «угроза убийства из-за квартиры», «отношение как к второсортному» и т. п. В ответах выделялась значимость межнациональной конфликтности как причины миграции («агрессивные действия со стороны чеченцев», «закрытие школ русского сектора» и др.); а также угроза насилия, незащищенности («незащищенность со стороны государства»); опасности для жизни («убийства из-за квартиры» и др.); унижения человеческого достоинства («унижения как второсортного») и т. п.

Данные обстоятельства способствовали закреплению у мигрантов установок на интеграцию в новое сообщество. В ходе опроса вынужденных переселенцев, прибывших в Ставропольский край (опрошено в 2002 г. – 900 чел., в 2006 г. – 600 чел.) установлено, что многие из них изначально не собирались покидать свое новое место жительства. В 1992 г. – 68% ответили, что «не хотят уезжать из края», в 1994 это подтвердили 67% респондентов, в 1996 г. – 86%, в 1997 г. – 75%, в 1998 г. – 76%, в 2001 г. – 78%. По прошествии длительного промежутка времени тенденция закрепления в крае утвердилась среди значительной части мигрантов. Если в 2001 г.

более 40% мигрантов твердо решили остаться в крае, то в 2006 г. – около 60%. Лишь немногие планировали покинуть районы края, где они остановились. По данным наших опросов, проведенных в 2006 г., лишь 6,8% респондентов были намерены переехать в другой регион России (в 2001 г. – 4,6%). Лишь 2,4% хотели бы вернуться на прежнее место жительства (в 2001 – 3,2%). Это говорит о том, что миграция вынужденных переселенцев в Ставрополье представляла собой необратимый характер. Этому способствовали многие обстоятельства.

Ставропольский край, занимающий территорию 66,2 тысячи квадратных километров, на севере граничит с Ростовской областью и Республикой Калмыкия; на востоке – с Республикой Дагестан и Чеченской республикой; на юге – с Северной Осетией – Аланией, Кабардино-Балкарией, Карачаево-Черкесией; на западе – с Краснодарским краем. То есть, выделяется его географическая связь с территориями, граничащими со странами СНГ и Чечней, местом обострения социального и военного конфликта [4]. Край занимает центральное место в Предкавказье – своеобразном этническом перекрестке и имеет традиционные миграционные и этнические связи перемещающихся в него индивидов и групп.

Такие географические и социально-демографические особенности повлияли на выбор данного региона переселенцами-интегрантами из республик Закавказья и Чечни. Так, результаты опроса 2006 г. показали, что наиболее представительную группу опрошенных респондентов составляли переселенцы из Чеченской республики: 79,4%, в 2001 г. – 57,5%. Край стал наиболее притягательной территорией именно для выходцев из этой республики.

В Ставропольском крае самая большая миграционная волна пришлась на 1992 год: более 200 тыс. человек обратилось в миграционную службу для получения официального статуса вынужденных переселенцев. И, хотя лишь 77,8 тыс. человек это удалось, край остался для большей части прибывших новым местом постоянного жительства. С 1995 г. по 2006 г. почти 150 тысяч фактических вынужденных переселенцев и беженцев поселились на постоянное место жительства в крае с учетом его специфических особенностей, характерных условий, повлиявших на выбор переселенцев нового места проживания, и свойств сообщества, способствующих их интеграции.

Как показало исследование интеграции вынужденных мигрантов в новое сообщество, данный процесс определяется прежде всего преломлением ценностей и норм в сознании индивидов, поиском возможностей формирования относительно устойчивых интегративно-культурных связей между носителями различного опыта в социокультурном пространстве. Потенциал интеграции во многом связан с субъективными качествами личности, где как одно из существенных выделяется социальная память. В обобщенном смысле

это способность индивидов и групп к воспроизведению социальных норм и практик как результатов взаимодействия и коммуникации, осуществляемых в прежних сообществах. Социальная память мигрантов представляет собой ситуационно-конструирующий феномен социальной жизни, воссоздающий смену и сохранение значений, символов, фактов в процессе вхождения в новое сообщество.

Обусловленность памяти социальной ситуацией миграции выражается в воссоздании и накоплении в сознании включенных в нее индивидов ценностно и рационально значимых знаний и практик, необходимых для формирования социальной типологии групп мигрантов, их идентичности и достижения интеграции в новый социум. Рефлексирование на основе артефактов памяти способствует созданию форм и моделей поведения и действия, которые воспринимаются другими.

Приспособленность мигрантов к новым условиям жизни в значительной степени способствовали качества характера, жизненный и профессиональный опыт, поддержка родственников, друзей из мигрантов, тогда как внешняя помощь сообщества сыграла роль в создании условий для интеграции для меньшей части респондентов. Весьма показательны смысловые значения, лингвистические особенности формулирования ответов на такие вопросы, как: «Что положительно в новой жизненной ситуации, связанной с миграцией?», «Что отрицательно в новой ситуации, связанной с миграцией?». Их количественный анализ говорит о том, что доля положительных реакций составила 37,8%, отрицательных – 42,2%. Несмотря на достаточно длительный срок пребывания на другой территории, в меньшей степени выделены смысловые значения, отражающие развитие, продвинутость. Это подтверждает анализ ответов, а порой и обширных откровений респондентов, осуществленный путем подсчета слов, смысловых оборотов с акцентами, сделанными в ответах, затем их группировки и ранжирования в соответствии с категориями социальных, ценностно-смысловых, значений («ярлыков»).

Характерный блок отношений и оценок представлен в ответах на вопрос об отрицательных последствиях миграции. Фокус восприятия отрицательного характеризуется довольно широко по частоте встречаемости определений. В их числе: «трудно», «труднее», «хуже», «мало», «потери», «сложно», «не ждали», «не нужны», «не думал, что такое случится», «не могу привыкнуть», «не хватает средств и сил», «нарушен уклад», «нет: работы, угла, жилья, здоровья, нет жизни», «нельзя вернуться», «понижение социального статуса», «гибель», «тоска». То есть отрицательные последствия миграции, как видим, довольно глубоко затрагивают психологию личности вынужденных переселенцев, создавая психологические препятствия к интеграции.

Негативные аспекты интеграции связываются:

с инновационной ситуацией, изменением образа жизни: «Тяжело начинать все заново», «жизнь пришлось начинать сначала», «корен-

ные жители нас не любят», «мне труднее, чем местным», «профессиональная неудовлетворенность», «тяжела жизнь, начатая с нуля», «нет перспективы» и т. п.;

с ностальгией и отчужденностью – «тянет на прежнее место жительства», «хотим обратно в Грозный», «тяжело вспоминать о прошлом, когда потеряно почти все», «хотелось бы вернуться на Родину», «чужая земля, чужие люди», «тоскуем по прежним местам», «не чувствуем себя в родном доме».

ответы о положительных последствиях миграции дают основания судить о психологических предпосылках развития процесса социокультурной интеграции.

Сохранение жизни и уход от опасности – 180 ответов:

«в данной ситуации мы выжили», «выехали из мест боевых действий», «все выехали живые», «все остались живы», «выжили и живы», «живем без войны», «вырвались из беспредела», «выехали, оттуда, где за людей не считали», «нет опасности быть униженным по национальной принадлежности», «живем мирно в России», «нет угрозы для жизни», «не убили» и т. п.

Улучшение условий жизни, работа – 177 ответов:

«есть работа, есть жилье», «есть работа и дом», «муж и я нашли работу», «мы живем на территории, где есть социальные структуры», «Имеем равные права со всеми гражданами России», «Здесь могу заниматься предпринимательством», «спокойно живем среди русских людей», «нет войны», «есть возможность жить спокойно» и т. п.

Близость к родным и спокойствие за детей – 120 ответов:

«дети живут в тишине и покое», «Все родственники живут теперь в одном городе», «Живем близко к родственникам», «ребенок получил образование» и т. п.

Новизна ситуации, позитивные изменения в жизни – 82 ответа:

«женился», «вышла замуж», «приобрел новых друзей, родственников», «открыла новые перспективы» и т. п.

Личностные изменения, психологическое самочувствие – 64 ответа:

«мы выдержали это испытание», «я стал более активен», «я не сдалась обстоятельствам», «чувствую себя здесь в безопасности», «рад, что живу в безопасности».

Анализ высказываний мигрантов, отражающих их позиции, раскрывает те личностные качества, которые помогли в ситуации вынужденной миграции и сформировали новые, необходимые для интеграции в новую среду, став надежным ресурсом интеграции. Коммуникабельность, позитивное отношение к людям, предприимчивость, открытость для нового, реальность восприятия действительности, целеустремленность, оптимизм, непритязательность и другие, такие как жизненный и профессиональный опыт, на который указали около 40% переселенцев, можно отнести к основным

интегрирующим в условиях вынужденной миграции. Возможно, их наличие, несмотря на все проблемы, дает основание 57,8% опрошенных утверждать, что они «твердо решили, что останутся здесь».

Таким образом, социальная память вынужденных переселенцев представляет собой важный фактор их интеграции в новое сообщество.

Содержание памяти мигрантов как стабильных массовых совокупностей общества (социума) образуют социальные смыслы – знания, умения, стимулы, эмоции, пережитые в процессе переселения и полезные для жизни в новом сообществе.

Примечания

1. Юдина Т. Н. Социология миграции. М., 2006. С. 17.
2. Дмитриев А. В., Слепцов Н. С. Конфликты миграции. М., 2004. С.31–33.
3. Николаев М. Н. Миграция населения Ставропольского края на рубеже XXI века // Расселение, этнокультурная мозаика, геополитика и безопасность горных стран. М. Ставрополь, 2001. С. 211
4. См., напр.: Белозеров В. С., Магомедов К. А. Экономическая и социальная география Ставропольского края. Ставрополь, 1996; Экономика Ставропольского края / Авт. кол.: Акинин П. В., Рязанцев С. В. и др. Ставрополь, 2007; Ставропольский край в цифрах: Статистический сборник. Ставрополь, 2007.

Герасимова Е. А.

Чистопольская тюрьма и ее заключенные в системе пенитенциарных учреждений СССР в 1978–1991 гг.

(по документальным источникам Чистопольской тюрьмы и воспоминаниям)

На протяжении долгих лет советская историческая наука умалчивала о наличии политической оппозиции в СССР. Любое проявление несогласия с действующим режимом сурово наказывалось: инакомыслящих либо признавали психически неуравновешенными и подвергали принудительному лечению, либо объявляли особо опасными государственными преступниками и лишали свободы на длительные сроки.

После прочтения в 1956 г. Н. С. Хрущевым на XX съезде КПСС доклада «О культе личности и его последствиях», резко осуждающего репрессивную политику И. В. Сталина, начался процесс реабилитации жертв репрессий и реформирования всей пенитенциарной системы страны. В октябре этого же года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление «О мерах по улучшению

работы Министерства внутренних дел СССР». Оно предусматривало ликвидацию исправительно-трудовых лагерей и создание вместо них исправительно-трудовых колоний. А в декабре 1958 г. было утверждено «Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД СССР», в соответствии с которым в колониях устанавливалось 3 вида режима: общий, облегченный и строгий. Совершивших особо тяжкие преступления, преступников-рецидивистов подвергали тюремному заключению, также в тюрьму из колоний в качестве наказания переводили злостных нарушителей порядка. В тюрьмах заключенные отбывали наказание согласно двум режимам: общему и строгому. Основная идея Положения заключалась в изолированном, отдельном содержании: женщин от мужчин, преступников-рецидивистов от осужденных впервые. Также Положением регламентируется необходимость обособленного содержания осужденных за особо опасные государственные преступления [1]. К таким преступлениям согласно Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. и других союзных республик относились: шпионаж, измена Родине, террористический акт, диверсия и пресловутая ст. 70 – антисоветская агитация и пропаганда, по которой в большинстве случаев судили диссидентов.

В начале 1960-х гг. всех «особо опасных государственных преступников» разместили в «Учреждении ЖХ-385», бывшее Дубравное лагерное управление (Дубравлаг), в Мордовии, с центром в поселке Явас Зубово-Полянского района. «Политики» содержались в колониях в поселках Сосновке, Озерном и Лесном, для женщин отвели корпус тюремной больницы в поселке Барашево [2. С. 341].

В 1972 г. утечка информации из мордовских политзон достигла небывалого размаха, и часть заключенных из Дубравлага перевели в две специально созданные политические колонии Чусовского района Пермской области: 35-ю зону поселка Центрального и 36-ю зону поселка Кучино. В 1974 г. заключенные стали строить третью колонию (37-я зона) в пос. Половинка для содержания «стариков» – участников национально-освободительной борьбы 1940-х в Украине и Литве [2. С. 342].

За нарушение режима и по приговору суда заключенных из колоний переводили в крытые тюрьмы. До октября 1978 г. антисоветчиков заключали во Владимирскую тюрьму, но в преддверии Олимпиады 1980 г., опасаясь провокаций со стороны западных спецслужб и советских граждан, ведущих диссидентскую деятельность, было решено перевести их подальше от Москвы, в тюрьму г. Чистополя ТАССР. Вплоть до 1991 г., когда был издан Указ президента РФ о помиловании, Чистопольская тюрьма считалась особорежимной, политической, в которой уголовный контингент был сокращен до минимума.

Утром 10 октября 1978 г. в Чистопольскую тюрьму из Владимирского централа прибыл первый этап политических

заключенных. Среди них Гилель Бутман и Иосиф Менделевич – фигуранты знаменитого «самолетного дела», Натан Щаранский – сионист, один из инициаторов создания Московской Хельсинкской группы и будущий министр внутренних дел Израиля, Викторас Пяткус – литовский националист, Сергей Верхов, Федор Труфанов, Василь Федоренко, Геннадий Шелудько и др. В графе «Осужден» у всех ст. 70 ч. I. – антисоветская агитация и пропаганда с лишением свободы до 10 лет и последующей ссылкой до 5 лет.

С 1978 г. по 1991 г. в стенах Чистопольской тюрьмы коротали свой срок более 80 политических заключенных. Среди них было много представителей националистических движений Прибалтики, Украины, Армении, сионистского движения, религиозных деятелей. Особенно много заключенных Чистопольской тюрьмы были правозащитниками, членами Хельсинкских групп, обвиненными в издании, хранении и распространении литературы антисоветского содержания. Среди всех проблем советского строя, озвученных на страницах нелегальных диссидентских изданий, особое внимание уделялось системе карательных мер власти по отношению к инакомыслящим. В июне 1981 г. врач-психиатр Анатолий Корягин был осужден к 7 годам лагерей и 5 годам ссылки по обвинению в антисоветской агитации за публикации в британском медицинском журнале «Ланцет», содержащие критику использования психиатрии в политических целях [3. – С. 821]. Еще один врач, написавший об особенностях принудительного лечения диссидентов в СССР, – Виктор Некипелов. Первый раз его арестовали в 1974 г., за распространение хроники текущих событий, и поместили в институт им. Сербского. Там после двух месяцев психиатрических экспертиз его признали вменяемым, выпустили на свободу, а в 1979 г. повторно арестовали за написанную им книгу о принудительном лечении инакомыслия [4. – С. 164].

Среди известных заключенных Чистопольской тюрьмы был один из авторов действующей Конституции России, член Московской Хельсинкской группы Сергей Ковалев, украинский правозащитник, экс-депутат Украинской рады Генрих Алтунян, искусствовед, участник Бульдозерной выставки Сергей Григорьянц, писатель Вазиф Мейланов. Все они были осуждены за антисоветскую деятельность: хранение, распространение нелегальной литературы и отказ от сотрудничества с КГБ.

Безусловно, не все осужденные сами печатались в самиздате, многих судили «за сочувствие» диссидентам и участие в публичных акциях. Выражение несогласия с политикой партии, стремление выехать на постоянное место жительства за границу в последние десятилетия существования СССР были явлением вполне заурядным. Отнюдь не все политические заключенные до ареста разделяли идеи построения демократии и гражданского общества в родной стране. Многие попались при незаконном переходе границы, или,

как В. Балахонов и В. Смирнов, сначала объявили себя невозвращенцами, потом, соскучившись по родным березкам, вернулись в СССР. Здесь «подберезовиков» – так называли вернувшихся в СССР, арестовали и обвинили в измене Родине. Анатолий Марченко, впоследствии ставший известным писателем и правозащитником, первый раз был осужден за участие в массовой драке. Его приговорили к двум годам колонии. Отсидев год, он сбежал и попытался перейти границу с Ираном, но вновь был арестован и осужден уже по 64-й статье УК РСФСР «Измена Родине». Так простой парень без образования, уехавший сразу после школы на коммунистическую стройку в Сибирь, стал политическим преступником и попал в знаменитый лагерь Мордовии. Уже здесь, познакомившись с Ю. Даниэлем, перечитав всего Маркса и Ленина, он стал убежденным диссидентом. Освободившись, Марченко напишет «Мои показания» – книгу о политических репрессиях в СССР [5].

Образованные, интеллигентные «политики» пользовались уважением у бывалых уголовников, многие из которых под их влиянием начинали заниматься антисоветской деятельностью. По всей видимости, отчасти поэтому для политических заключенных создавались специальные изолированные исправительные учреждения. Лев Волохонский, бывший политзаключенный, в своих воспоминаниях упоминает о Василии Федоренко, сидевшим в Чистополе в 1978–1979 гг. Федоренко, 10 раз судимый по общеуголовным статьям, «в 1972-м объявил на сходняке, что становится «политиком» и примкнул к украинским националистам. За несколько лет, разглядевши их получше, разочаровался и честно им сказал, что больше он не с ними, и далее, до конца срока, сотрудничал с некоторыми русскими диссидентами и еврейскими угонщиками самолетов, но уже чисто индивидуально, не вступая ни в какое сообщество, то есть, по сути, стал обычным политзаключенным» [6. – С. 235]. Примерно так же в «политику» перешли ранее судимые Виталий Шмелев, Федор Труфанов, Владимир Осипов, террорист Нуреддин Алиев и др.

О криминальном прошлом некоторых чистопольских политузников вспоминает оперативный сотрудник тюрьмы А. В. Буренков: «...в среде диссидентов попадались порой еще те «субчики» – настоящие уголовники. Мне, например, запомнился матерый 60-летний Труфанов – у него был целый букет побегов из мест лишения свободы... А в диссиденты Труфанова записали за то, что в колонии расклеивал антисоветские листовки. Еще один диссидент-рецидивист – Шмелев, с 9 судимостями стал диссидентом, написав оскорбительное письмо первому секретарю Владимирского обкома партии... Шмелева признали антисоветчиком и посадили в Чистопольскую тюрьму» [7. С. 207]. Представление о диссидентском движении как об объединении немногочисленных групп по интересам (национальным, религиозным, мировоззренческим), сплотившихся в конце

1970-х гг. под идеей правозащитной деятельности, на мой взгляд, неполноценно. Это подтверждает крайне разнообразный социальный состав политических заключенных Чистопольской тюрьмы.

В Чистополе в 1978–1991 гг. отбывали наказание как осужденные по политическим мотивам, так и обычные уголовники. Политических разместили на втором этаже старого режимного корпуса, в правом его крыле, полностью изолировав от «бытовиков». Занимали они одиннадцать камер, с 16-й по 26-й. Камеры очень отличались друг от друга по размерам и числу мест. Был крошечный «пенал» на двоих, были трёхместные, четырёхместные и одна большая, шестиместная. Стены в камерах покрашены синей краской, полы деревянные. Кроме железных нар в камере был обеденный стол – деревянная доска на железных ножках, наглухо заделанных в пол, и унитаз. Воду включали четыре раза в день. В камерах были репродукторы, подключённые к местной радиосети. Репродуктор включали в 6 утра, с началом вещания, и выключали в 9, по отбою. Четыре часа в день радио вещало на татарском языке.

День в тюрьме начинался в 5 утра – подъем, вскоре вслед за ним первая проверка. Завтрак в 6–6.15 в зависимости от того, с какой камеры начинали раздавать еду. В начале восьмого выводили на часовую прогулку по тюремному дворику. Обед в начале двенадцатого. В три часа дня – вторая проверка, в пять – ужин, в девять – отбой.

В течение дня заключенные должны были работать. Политических в отличие от уголовного контингента на работу в цеха не выводили, они трудились у себя в камерах: плели сетки для овощей или собирали на маленьких прессах «ушки» с пружинками внутри для корпусов наручных часов Чистопольского часового завода.

Взаимоотношения сотрудников тюрьмы со своими подопечными выстраивались особым образом. Из двух традиционных методов воспитания – кнута и пряника тюремщики предпочитали первый. За любое неповиновение: отказ от работ, попытки передать сведения на волю или межкамерные разговоры, заключенных помещали в карцер или переводили на строгий режим. Строгий режим от общего отличался существенными ограничениями, как в еде – пониженное питание (вместо 500 г хлеба – 400, вместо каши на ужин – «солёная мелкая рыбёшка, наполовину тухлая и состоящая в основном из костей и головы»), так и ограничение времени утренней прогулки – 30 минут вместо часа и лишение свиданий и бандеролей (на общем полагалось 2 коротких свидания в год) [8. С. 170].

Объявление голодовки – традиционный способ протеста в условиях ограничения свободы. Политические заключенные в силу принципиальности своих убеждений прибегали к нему довольно часто. Зачастую «политики» объявляли коллективную голодовку из солидарности к ущемлению прав одного из собратьев. При этом средства связи в крытой тюрьме крайне ограничены. Свободное

общение возможно было только внутри одной камеры, но передать важную информацию в соседнюю было проблематично. Однако заключенные ухищрялись перекидывать записки из одного дворика в другой во время утренней прогулки или переговариваться по трубе с помощью кружки. Другой способ связи – унитаз. «Надо было улучшить момент, когда надзиратель находится в другом конце коридора или его внимание чем-то отвлечено, обменяться условным стуком и быстро осушить унитазы с помощью половой тряпки. Твой сокамерник встает у двери, загораживая тебя от глазка и прислушиваясь, не подходит ли вертухай, а ты, склонившись над унитазом, беседуешь с соседями. Говорить, естественно, следовало быстро: как правило, в твоём распоряжении не больше одной-двух минут, а если засечет надзиратель, то наказание – лишение свидания или карцер – практически неизбежно» [9. С. 302].

Карцеры в Чистопольской тюрьме находились на первом этаже. Справа по коридору восемь маленьких «пеналов» – карцеры для уголовного контингента, и слева по коридору, изолированно от уголовников, один большой по размеру карцер для политических. Холод в карцере стоял жуткий, теплые вещи с собой, как, впрочем, любые вещи – книги, газеты, бумагу, ручку – проносить строго запрещалось. Пятнадцать суток в карцере зимой – реальная пытка холодом. Нары днем поднимали и запирали на замок, опускали лишь перед сном.

8 декабря 1986 г. в районной больнице г. Чистополя после четырехмесячной голодовки умер Анатолий Марченко. По одной из версий, смерть Марченко, вызвавшая мировой общественный резонанс, побудила Михаила Горбачева начать процесс освобождения политических заключенных в СССР. В короткие сроки после гибели Анатолия Марченко из тюрьмы досрочно освободили большинство заключенных. В 1990 г. в инспекционную поездку в Чистопольскую тюрьму приехала группа депутатов во главе с председателем комиссии по правам человека (по совместительству бывшим чистопольским политузником) Сергеем Ковалевым. Расследовали обстоятельства гибели Анатолия Марченко. Не без протекции Ковалева в конце 1990 г. был освобожден последний политический заключенный Чистопольской тюрьмы Михаил Казачков, а в октябре 1991 г. (в связи с подписанием Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий») тюрьма потеряла свой особый статус.

Примечания

1. Приказ МВД СССР № 990 с объявлением «Положения об ИТК и тюрьмах МВД СССР» 15.12.1958 // ГУЛАГ: Главное управление лагерей: 1918–1960. Сб. док. М.: Материк, 2002. С. 194–204.

2. Лушин А. И. Власть и правозащитное движение в СССР: дисс. д-ра ист. наук. Саранск, 2004. 427 с.

3. Koryagin A. Unwilling patients // *Lancet*. 1981. № 4. P. 821.
4. Некипелов В. А. Институт дураков. Барнаул: изд-во организации «Помощь пострадавшим от психиатров», 2005. 164 с.
5. Марченко А. Т. Мои показания. М.: ОГИ, 2005. 304 с.
6. Волохонский Л. Я. Жизнь по понятиям / Л. Я. Волохонский. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 416 с.
7. Внимание! Зона! Из прошлого и настоящего Управления исполнения наказаний Министерства юстиции РФ по Республике Татарстан / Под ред. Л. Г. Абрамова. Казань: «По городам и весям», 2004. 272 с.
8. Мейланов В. С. Ложные стереотипы российской демократии. Анализ чеченского кризиса. Махачкала, Новое время, 1999. 480 с.
9. Щаранский А. Б. Не убоюсь зла. М.: Век, Олимп, 1991. 386 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артюхин Юрий Владимирович – кандидат географических наук, член Ейского отдела Российского общества историков и архивистов, г. Ейск

Аронова Ольга Валерьевна – преподаватель Волжского филиала Международного юридического института, г. Волжский

Бадмаева Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста

Бажан Олег Григорьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Украины, г. Киев, Украина

Белоусов Сергей Степанович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону

Бондарев Виталий Александрович – доктор исторических наук, профессор Южно-Российского государственного политехнического университета имени М. И. Платова, г. Новочеркасск

Бондаренко Владимир Григорьевич – кандидат исторических наук, докторант Запорожского национального университета, г. Запорожье, Украина

Бугай Николай Федорович – доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории РАН, г. Москва

Васильченко Татьяна Евгеньевна – кандидат исторических наук, заведующая отделом Центра детского творчества, г. Сочи

Вартумян Арушан Арушанович – доктор политических наук, профессор, главный редактор научного журнала «Региональные политические исследования», профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, г. Пятигорск

Ващенко Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета, г. Краснодар

Власов Александр Иванович – ведущий библиограф научно-технической библиотеки Южно-Российского государственного политехнического университета им. М. И. Платова, г. Новочеркасск

Войнаровская Юлия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Самарского государственного экономического университета, г. Сызрань

Войнаровский Олег Викторович – кандидат исторических наук, преподаватель Сызранского высшего военного училища летчиков, г. Сызрань

Волков Павел Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Вьюшина Наталья Сергеевна – магистрант Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, г. Ярославль

Герасимова Елена Андреевна – аспирантка Казанского федерального университета, г. Казань

Гончарук Оксана Игоревна – докторант Варшавского университета, г. Варшава, Польша

Горох Николай Владимирович – научный сотрудник Черниговского исторического музея им. В. В. Тарновского, г. Чернигов, Украина

Григоренко Татьяна Александровна – старший научный сотрудник Черкасского областного краеведческого музея, г. Черкасск, Украина

Дьячков Владимир Львович – кандидат исторических наук, доцент Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Еремеева Анна Натановна – доктор исторических наук, профессор Краснодарского государственного университета культуры и искусств, г. Краснодар

Жанбосинова Альбина Советовна – доктор исторических наук, профессор Восточно-Казахстанского госуниверситета им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Животова Алена Николаевна – директор -координатор музейного объединения Тюменского государственного университета, г. Тюмень

Жигульский Андрей Владимирович – аспирант Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Заблотский Александр Николаевич – ведущий инженер Таганрогского авиационного научно-технического комплекса им. Г. М. Бериева, г. Таганрог

Земсков Виктор Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва

Зинич Маргарита Стефановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва

Иванов Александр Сергеевич – доцент Сургутского института нефти и газа, г. Сургут

Иванцов Игорь Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент Краснодарского государственного университета культуры и искусств, г. Краснодар

Казбекова Айнур Татимбековна – старший преподаватель Восточно-Казахстанского государственного университета им. С.Аманжолова, г.Усть-Каменогорск, Казахстан

Кожемяко Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

Кодинцев Александр Яковлевич – кандидат юридических наук, профессор Сургутского государственного университета, г. Сургут

Колтачихина Оксана Юрьевна – кандидат исторических наук, докторант Центра исследований научного технического потенциала и истории науки им. Г. М. Доброва Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина

Колтачихина Любовь Леонидовна – краевед, г. Киев, Украина

Корниенко Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе филиала Кубанского государственного университета, г. Армавир

Крайник Роман Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Николаевского национального университета им. В. А. Сухомлиńskiego, г. Николаев, Украина

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону

Кропачев Сергей Александрович – доктор исторических наук, председатель Правления Краснодарского краевого отделения Российского общества «Мемориал», г. Краснодар

Крапивянский Станислав Николаевич – ассистент Нежинского государственного университета им. Н. Гоголя, г. Нежин, Украина

Куденко Наталья Валерьевна – аспирант Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кузьминых Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент Вологодского института права и экономики, г. Вологда

Ларинцев Роман Иванович – начальник отдела технического обучения ПО «Севмашпредприятие», г. Северодвинск

Лебедев Антон Вячеславович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, г. Ярославль

Левакин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель Южно-Российского государственного политехнического университета им. М. И. Платова, г. Новочеркасск

Левченко Валерий Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент Одесского национального морского университета, г. Одесса, Украина

Ленская Валентина Витальевна – доцент Криворожского национального университета, г. Кривой Рог, Украина

Лиджиева Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста

Максимов Константин Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста

Маслова Татьяна Федоровна – доктор социологических наук, профессор Ставропольского государственного педагогического института, г. Ставрополь

Матюшин Петр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Мешковая Светлана Ивановна – кандидат исторических наук, доцент Харьковского политехнического института, г. Харьков, Украина

Михайлова Наталья Анатольевна – ведущий библиотекарь научно-технической библиотеки Южно-Российского государственного политехнического университета им. М. И. Платова, г. Новочеркасск

Михайлуца Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Одесского национального морского университета, г. Одесса, Украина

Молдавская Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института украинской археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины, г. Киев, Украина

Москалев Борис Григорьевич – кандидат исторических наук, профессор Харьковского национального технического университета сельского хозяйства им. П. Василенко, г. Харьков, Украина

Москалева Надежда Петровна – кандидат исторических наук, профессор Харьковского национального технического университета сельского хозяйства им П. Василенко, г. Харьков, Украина

Мотревич Владимир Павлович – доктор исторических наук, профессор Уральской государственной юридической академии, г. Челябинск

Мудров Семён Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель филиала Военно-космической академии им. А. Ф. Можайского, г. Ярославль

Нефёдов Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Никопольского национального университета, г. Никополь, Украина

Николаев Кирилл Борисович – доктор филологических наук, член Правления Воронежского «Мемориала», г. Воронеж

Николаев Игорь Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент Николаевского национального университета, г. Николаев, Украина

Новосадова Наталия Григорьевна – аспирантка Житомирского государственного университета им. И. Я. Франка, г. Житомир, Украина

Оконова Людмила Вячеславовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста

Орехова Екатерина Александровна – кандидат исторических наук, заместитель заведующего отделом истории края Мурманского областного краеведческого музея, г. Мурманск

Орехова Галина Федоровна – краевед, член Ейского отдела российского общества историков и архивистов, г. Ейск

Осьмачко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор Ярославского высшего зенитного ракетного училища ПВО, г. Ярославль

Ордина Дарья Геннадьевна – студентка Южного Уральского государственного университета, г. Челябинск

Попов Алексей Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент Крымского экономического института Киевского национального экономического университета им. В. Гетьмана, г. Симферополь, Украина

Ракачев Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета, г. Краснодар

Реброва Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, магистр социологии, докторантка Центра изучения антисемитизма Технического университета, г. Берлин

Романько Олег Валентинович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Крымского государственного медицинского университета им. С. И. Георгиевского, г. Симферополь, Украина

Романец Наталья Радомир – кандидат исторических наук, доцент Криворожского педагогического института, г. Кривой Рог, Украина

Сабирова Екатерина Николаевна – преподаватель Уфимского государственного нефтяного технического университета, г. Уфа

Савенко Елена Нальевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск

Салмина Марина Сергеевна – учитель истории, руководитель школьного научного общества учащихся МАОУ СОШ № 59, г. Челябинск

Семенов Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Оренбургского государственного университета, г. Оренбург

Семенов Константин Константинович – старший научный сотрудник Дома российской зарубежья им. А. Солженицына, г. Москва

Семистяга Владимир Фёдорович – доцент Луганского национального университета им. Тараса Шевченко, г. Луганск, Украина

Сивков Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Южного института менеджмента, г. Краснодар

Синявский Иван Иванович – краевед, общество ветеранов Великой Отечественной войны, ст. Старощербиновская Краснодарского края

Слободянюк Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта им. акад. В. Лазаряна, г. Днепродзержинск, Украина

Смыкалин Александр Сергеевич – доктор юридических наук, заведующий кафедрой Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург

Сомов Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

Степанов Александр Федорович – председатель координационного совета Казанской городской общественной организации «Историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», г. Казань

Стецура Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир

Стрекалова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

Сулейманов Александр Альбертович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, г. Якутск

Суслов Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент Казанского национального исследовательского технологического университета, г. Казань

Табунщикова Людмила Викторовна – кандидат исторических наук, доцент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

Тараненко Александр Федорович – краевед, ст. Роговская Краснодарского края

Татаринов Игорь Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель Межрегиональной академии управления персоналом, г. Луганск, Украина

Трипутина Наталия Петровна – заведующая сектором библиотеки Харьковского национального коммунального университета городского хозяйства им. А. Н. Бекетова, г. Харьков, Украина

Тумаков Денис Васильевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель Ярославской государственной медицинской академии, г. Ярославль

Турицына Наталья Юрьевна – начальник архивного отдела администрации Щербиновский район Краснодарского края, ст. Щербиновка Краснодарского края

Урядова Анна Владимировна – доктор исторических наук, доцент Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, г. Ярославль

Федоров Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, учитель истории МОУ «Гимназия» № 1, г. Воскресенск

Филимончик Светлана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск

Халафян Александр Альбертович – доктор технических наук, профессор Кубанского государственного университета, г. Краснодар

Хлынина Татьяна Павловна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону

Царикаев Алан Тахирович – кандидат исторических наук, доцент Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ

Чуракова Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Северного Арктического федерального университета им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск

Шевырин Сергей Андреевич – кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь

Шитюк Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, академик, директор Учебно-исследовательского Института истории и права Николаевского национального университета им. В. А. Сухомлинского, г. Николаев, Украина

Шагин Сергей Алексеевич – старший преподаватель Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

Яценко Вячеслав Григорьевич – кандидат филологических наук, журналист информационного агентства «Кавказский узел», г. Волгоград

Язовник Мария – доктор гуманитаристики, доцент Института филологии польской, г. Зелена Гура, Польша

Язовник Лешек – хабилитованный доктор гуманитаристики, профессор Института филологии польской, г. Зелена Гура, Польша

**РЕЗОЛЮЦИЯ ВОСЬМОЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МАССОВЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР»**

2–3 ноября 2013 г.

г. Краснодар

Участники конференции, обсудив доклады и сообщения, приняли следующую резолюцию:

1. Проводить международные научные конференции «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР» один раз в два года, каждый раз посвящая их крупным и недостаточно изученным событиям в истории России XX века.

2. Опубликовать материалы Восьмой международной научной конференции в виде сборника научных статей в 2-х томах.

3. Предоставить материалы конференции для широкой общественности, разместив их на сайте Краснодарского краевого отделения общества «Мемориал»: www.kubanmemo.ru

4. Поддержать инициативу Кубанской и Екатеринодарской епархии и главы администрации (губернатора) Краснодарского края по возвращению городу Краснодару исторического названия - Екатеринодар, а также вернуть исторические названия улицам, сегодня носящим фамилии идеологов и практиков террора, а также профессиональных революционеров (террористов).

5. Активизировать сотрудничество с комиссией по канонизации Екатеринодарской и Кубанской епархии по реабилитации репрессированных православных священнослужителей и верующих мирян, а также оказать всемерную помощь традиционным конфессиям Краснодарского края и религиозными организациями по увековечению памяти жертв политических репрессий.

6. Поддержать инициативу национально-культурных общественных организаций и национальных общин Краснодарского края по увековечению памяти представителей национальных меньшинств – жертв политического террора.

7. Продолжить работу по подготовке к изданию очередных томов Книги Памяти жертв политических репрессий Краснодарского края.

8. Вести работу по розыску и увековечению мест расстрела и захоронения жертв политического террора.

РЕЗЮМЕ

VIII Международная научная конференция «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР» состоялась в г. Краснодаре с 2 по 3 ноября 2013 года. Она прошла по инициативе Краснодарского краевого отделения Российского общества «Мемориал» и Кубанского государственного университета при финансовой поддержке Фонда региональных социальных программ Вагита Алекперова «Наше будущее».

Конференция была посвящена анализу сложных, противоречивых проблем истории советского государства и их осмыслению за последние шестьдесят лет, которые наше общество развивалось без Сталина.

В конференции приняло участие около 100 исследователей из России, Германии, Польши, Украины, Казахстана, четверть из которых являются докторами наук.

Редакционная коллегия рекомендовала к публикации статьи, которые разбиты на десять разделов, по пять в каждом томе. В первом публикуются статьи, посвященные методологическим, историографическим, источниковедческим проблемам сталинизма, осмыслению сложных, неоднозначных проблем советской истории за три четверти XX века. Статьи, анализирующие события 1920–1930-х гг. составили второй раздел. В третьем разделе публикуются статьи о событиях начала 1930-х гг.: коллективизации, раскулачивании, голоде. Политическим репрессиям посвящены статьи, составившие четвертый раздел. В пятом разделе анализируются репрессии в отношении отдельных народов и депортационная политика советского государства. Относительно новому сюжету в исследовании советского периода посвящен шестой раздел двухтомника. Авторы изучают быт, проблемы коммунального жилья, семейно-брачных отношений, все то, что составляет ткань обыденной, повседневной жизни любого человека. Выделяются работы, исследующие проявления политического террора и насилия как повседневной действительности. В седьмой раздел вошли статьи о взаимоотношении государства и ярких личностей, человеческих судьбах в переломных событиях XX века. Антирелигиозной политике советского государства посвятили свои работы исследователи, составившие восьмой раздел материалов конференции. Жизнь страны в военные и послевоенные годы изучают работы, помещенные в девятый раздел. Последний, десятый раздел посвящен анализу истории советского государства в послесталинскую эпоху. Отметим исследования, повествующие о формах и масштабах сопротивления советскому режиму.

Постановка важных научных проблем, появление новых сюжетов в исследовании истории советского государства, на наш взгляд, обогащают отечественную историографию России XX века.

Изучение истории государственного террора, увековечение памяти его жертв являются важными компонентами создания демократического строя в нашей стране, эффективной вакциной против возрождения тоталитаризма.

Редакционная коллегия

SUMMARY

The VIII International scientific conference “Problems of History of Mass Political Repressions in the USSR” took place in Krasnodar, from November 2 to November 3, 2013. It passed at the initiative of the Krasnodar regional office of the Russian society “Memorial” and the Kuban state university with financial support of Fund of regional social programs of Vagit Alekperov “Our future”.

Conference was devoted to the analysis of complex, inconsistent problems of history of the Soviet state and judgment for the last sixty years which our society lived without Stalin.

About 100 researchers took part in conference from Russia, Germany, Poland, Ukraine, Kazakhstan a quarter from which are doctors of science.

The editorial board recommended for article publication which are broken into ten sections, on five in each volume. Articles devoted to methodological, historiographic, source study problems of Stalinism are published in the first, to judgment of complex, intricate problems of the Soviet history for three quarters of the XX century. Articles analyzing events of the 20-30th years made the second section. In the third section are published, articles about events of the beginning of the 30th years: collectivization, dispossession of kulaks, hunger.

Articles which have made the fourth section are devoted to political repressions. In the fifth section repressions concerning the separate people and deportatsionny policy of the Soviet state are analyzed. In research of the Soviet period the sixth section of the two-volume book is devoted to rather new plot. Authors study a life, problems of municipal housing, the family and marriage relations, all that makes fabric of ordinary, everyday life of any person. The works investigating manifestations of political terror and violence as daily reality are allocated. The seventh section included articles about relationship of the state and outstanding personalities, human destinies in critical events of the XX century. To antireligious policy of the Soviet state devoted the works the researchers who have made the eighth section of materials of conference. Country life in military and post-war years is studied by the works placed in the ninth section. The last, tenth section is devoted to the analysis of history of the Soviet state during a poststalin era. We will note the researches narrating about forms and scales of resistance to the Soviet mode.

Statement of important scientific problems, emergence of new plots in research of history of the Soviet state, in our opinion, enrich a domestic historiography of Russia of the XX century.

Studying of history of the state terror, perpetuating of memory of its victims are important components of creation of a democratic system in our country, an effective vaccine against totalitarianism revival.

Editorial board

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЙ В СССР**

1953–2013: 60 лет без Сталина.

Осмысление прошлого советского государства

**Материалы VIII Международной
научной конференции**

ЭКОИНВЕСТ

Отпечатано в типографии издательства «Экоинвест»
350072, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9.
Тел./факс (861) 277-92-42.

E-mail: ecoinvest@publishprint.ru
<http://publishprint.ru>

Подписано в печать 6.08.2013.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура SchoolBook.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 24,18 усл.-печ. л. Тираж 300 экз.
Заказ № 1682.